

ПАВЕЛ I

Алексей
Тесков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1152

(952)

Алексей Тесков

ПАВЕЛ I

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2005

УДК [947+957] “17” (092)

ББК 63.3(2)46

П 28

Издание четвертое

ISBN 5-235-02843-0

© Песков А. М., 1999

© Песков А. М., 2000, испр.

© Песков А. М., 2003

© Песков А. М., 2005

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление. 2005

История — это свойство нашей психики, функция мышления, игра ума: это коллективная память, высказанная анекдотами очевидцев и мифами поколений.

События жизни растворяются бесследно в той минуте, когда они случились. Но если о ничтожнейшем из них очевидец оповестит других, другие расскажут третьим, третьи — четвертым и т. д., — словом, если анекдот сохранится не в частной, а в общей памяти, он станет фактом истории, чтобы, соединившись с другими анекдотами о других событиях, образовать миф о своей эпохе.

Чем больше анекдотов — тем больше версий происшедшего. Каждый очевидец говорит про свое. Не все рассказчики правдивы: иные лгут для собственного удовольствия, тщеславия или оправдания; другим померещилось, третьим — пригрезилось, четвертые передают пятым то, о чем лгут первые, что померещилось вторым и пригрезилось третьим. Но даже если кто-то добросовестно хочет поведать всю правду-истину, он все равно не сможет рассказать, как что было на самом деле, ибо всякая правда и любая истина относительно условий их наблюдения и кругозора наблюдателя.

Конечно, от прошедшей жизни остаются не только анекдоты и мифы, но также вещи и документы. Однако сами по себе они не умеют сохранить свой смысл. Вещи и документы, какими бы настоящими ни были, только тогда преобразуются в факты истории, когда делаются значимыми деталями анекдотов и мифов.

Жизнь идет. Проходит время. Приходят новые поколения. — Этими метафорами ходьбы мы означаем смысл жизни: все живое движется. Откуда и куда? — метафоры не знают. Каждое новое поколение отвечает на сей вопрос заново. Между тем факты истории остаются неподвижно прикреплены к своим давно прошедшим минутам. Новые поколения начинают оживлять их согласно своим понятиям о смысле движения жизни.

Новые поколения выбирают из дошедших до них исторических фактов отнюдь не все — все не упомнить, да все и не нужны. Нужны только такие, которые определяют смысл дви-

жения. Старые анекдоты суммируются, сжимаются в сокращенный пересказ, смысл прошедшего называется новыми словами.

Жизнь между тем идет. Проходит еще время. Приходят иные поколения. Меняются политические режимы. Усваиваются неизвестные прежде понятия. Сочиняются свежие пересказы старых анекдотов. Смысл движения жизни переопределяется новейшими словами. Память пришедших поколений забывает то, чем питалась память поколений предыдущих.

Так бесконечно переприпоминается, пересказывается и переписывается жизнь. Это и называется историей.

История — это мифы разных поколений: повествовательные дубликаты прошедшей жизни.

Мифы истории по видимости основаны на хронологии. Но это только проформа — повествовательный прием, позволяющий упорядочить размещение сюжетных материалов. В существе же своем исторический миф знает только ощущение настоящей, сейчас идущей минуты — момента повествования, переживаемого как мгновение вековой правды. Миф сопрягает *в одно* — *всё* разновременное прошлое: мудрости разных веков, значимые для нынешнего поколения, наслаиваются на комбинацию анекдотов о каком-то одном столетии или о каком-то одном событии, и получается так, что, рассказывая о том, что случилось *тогда*, мы говорим о том, что было *всегда*, а это *всегда* является правдой только *сейчас*.

История начинается с завтрашней газеты — наша сегодняшняя жизнь будет переписана там по законам анекдота и мифа, представ вереницей одинаковых причин и следствий, симптомов и исходов:

Война. — Победа. — Всеобщее ликование. — Расширены границы. — Заселяются новые территории. — Деспотизм усиливается. — Анекдоты. — Аресты. — Казни. — Народ безмолвствует. — Меры по укреплению дисциплины и порядка. — Запрещена партия. — Заговор. — Слухи. — Крах тирании. — Эйфория. — Снесен памятник. — Разгул народа. — Всеобщее воровство. — Эмиссия. — Инфляция. — Разруха. — Манифест. — Разрешена партия. — Казни. — Аресты. — Анекдоты. — Война. — Поражение. — Пересмотр границ. — Эвакуация с занятых территорий. — Слухи. — Переворот. — Поставлен памятник. — Реформы. — Инфляция. — Эмиссия. — Эпидемия. — Ожидание светопреставления. — Меры по укреплению порядка и дисциплины. — Слухи. — Неурожай. — Воровство всеобщее. — Мятеж. — Голод. — Реформы. — Всеобщее ликование. — Победа. — Война. — И прочая, и прочая, и прочая. Читайте газеты, заменяйте имена и вещи на прошлые или будущие имена и вещи — получите модель истории: то, что было *тогда*, — будет *всегда*.

Однако невидимый поток жизни, вопреки газетам, льется (еще одна метафора движения) — льется тихо и незаметно, подтачивая краеугольные камни истории. Посему — что ни эпоха, что ни поколение, что ни народ — каждый раз получается не совсем так, как было. Каждый раз причины и следствия, симптомы и исходы располагаются в другой сюжетной последовательности, чем прежде. И необратимо переворачивается модель истории: то, что было *тогда*, выглядит *сейчас* иначе, чем *всегда*.

* * *

Исторический миф — это игра нашей памяти, переставляющей причины и следствия в соответствии с мифологическим правилом сопряжения *всего — в одном*. Вот классическое определение всеобщей истории: «Она должна собрать все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями, и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму» (*Гоголь. С. 42*; список сокращений см. в конце книги). Частная история — история одной эпохи и отдельной жизни — делает примерно то же самое: собирает, соединяет и составляет все разрозненное в одно целое — только в меньших форматах.

Вот пример одной из таких частных историй, непосредственно относящихся к предстоящему изложению жизни и царствования императора Павла Первого:

«Правительственная политика, проводимая в эти годы, вполне соответствовала личности императора — человека капризного, деспотичного, переменчивого в своих решениях и привязанностях, легко подчинявшегося необузданному гневу и столь же легко менявшего гнев на милость, сентиментальность у него соседствовала с жестокостью. — Эти черты характера Павла проявлялись еще в годы, когда он был наследником престола. Два увлечения целиком поглощали его энергию: страсть к вину и страсть к муштре. <...> Не менее отчетливо прослеживается и мания преследования. Подозрительность Павла распространялась не только на придворных и вельмож, но и на членов собственной семьи. <...> Его притязания относительно сосредоточения всей полноты власти в собственных руках были беспредельны, но они далеко превосходили его способности» (*История России. Учебник 1996 года. С. 368, 370*).

На этом примере хорошо видно, как важен в мифе слог, внушающий читателю и слушателю нужное впечатление от сказанного: *капризный, деспотичный, превратить страну в казарму, мания преследования, притязания...*

Попробуем сказать то же самое другим слогом — будет другой миф:

«Правительственная политика, проводимая в эти годы,

вполне соответствовала личности императора — человека непредсказуемого, властного, неожиданного в своих решениях и привязанностях, легко увлекавшегося порывами негодования и столь же легко уступавшего движениям доброго сердца; сентиментальность у него соседствовала с твердостью. — Эти черты характера проявлялись еще в юные годы, когда он был наследником престола. Два увлечения целиком поглощали его энергию: страсть к пирам и страсть к военному делу. <...> Не менее отчетливо прослеживается и чувство разочарования не только придворными, но и членами собственной семьи. <...> Его стремления относительно сосредоточения всей полноты власти в собственных руках были неколебимы, но они далеко превосходили возможности их осуществления».

Литературный прием, использованный во втором мифе, называется *тавтологией* — то есть повторением другими словами уже сообщенной ранее информации. Однако, хотя сказано и похоже, в целом выходит совсем иное значение: заменив осуждательные слова словами доброжелательными, мы видоизменили общий смысл сказанного и из негодующе-презрительного мифа образовался миф сочувственно-снисходительный.

Конечно, не все в мифе принадлежит слогу. Предопределяя впечатление от сказанного, слог безразличен к сути сообщаемой информации. Между тем оба мифа, хотя и разным слогом, сообщают, наряду с правдоподобными, сведения сомнительные и ложные.

Так, известие о том, что некоторые черты взрослого характера императора Павла Первого проявились еще в юные годы, не подлежит оспариванию, во-первых, потому, что так происходит обыкновенно со всеми людьми, а во-вторых, потому, что нрав Павла в начальном возрасте очень подробно описан одним из его учителей — Семеном Порошиным: в течение года с лишним он ежедневно записывал все происходившее во время общения с воспитанником, а так как Порошин был человек наблюдательный и умный, то сумел очень подробно и аналитически запечатлеть натуру Павла. Действительно, некоторые черты характера, запомнившиеся впоследствии всем современникам императора, определились задолго до восшествия на престол, и, чтобы убедиться в правдоподобности этого мнения, достаточно перелистать дневник Порошина.

Но вот в обоих мифах сообщаются сведения о том, что правительственная политика во время царствования Павла вполне соответствовала личности императора — была то непредсказуемо-капризной, то деспотично-властной, то переменчиво-неожиданной, то гневно-негодующей, то милостиво-добросердечной. Конечно, если судить о политике по количеству отставок, следует признать, что император Павел Первый очень часто делал кадровые перестановки, и правительственный аппарат за четыре с

небольшим года его царствования по меньшей мере трижды был полностью обновлен. Однако политика включает в себя не только проблему соответствия должностного лица занимаемому им посту. Политика — это еще и некоторые меры по регуляции общественной и экономической жизни внутри страны, а также некоторые действия на международной сцене. Так вот, даже если не углубляться в архивы павловской эпохи, а ограничиться только чтением императорских манифестов и указов, обнаружатся вполне логичные, достаточно стройные линии, которые Павел прочерчивал на протяжении всего времени своего правления. Обнаружатся и последовательные меры по укреплению единоначалия, и планомерное укоренение принципа личной ответственности государственных чиновников и, соответственно, тенденция к преобразованию коллегий в министерства, и многое прочее логично-последовательное. Конечно, тут есть материал для споров. Скажем, пововав с Францией в 1799-м году, в следующем, 1800-м, мы резко пошли с ней на сближение, а с Англией, напротив, отношения порвали. Непредсказуемость? Каприз? Воля деспота? Гнев на англичан? Милость к французам? — Но, поразмыслив над международной обстановкой тех лет, мы найдем тысячу и одну причину для того, чтобы интерпретировать такой поворот внешней политики как неизбежное следствие расстановки сил, определившейся в Европе накануне XIX столетия.

Однако вот еще сообщение наших мифов: «страсть к вину» и «страсть к пирам». — Здесь, собственно, спорить не с чем: информация безусловно неправдоподобна — какую только напраслину не возвешивали на императора Павла Первого, но этой страсти никто в нем не заметил. Просто мифы совместили в одной фигуре — две, перепутав Павла с его отцом Петром Третьим, который, судя по анекдотам очевидцев, действительно часто хватал за столом лишнего.

Таким образом, миф истории — это слог плюс информация разной степени спорности и достоверности.

* * *

Прием, благодаря которому оказались превращены в одно лицо Павел Первый и Петр Третий, наряду с тавтологией, является краеугольным мифологическим приемом. Он называется *анахронизм* и служит для исторических сопряжений: то есть для перестановки или совмещения событий, происходивших в разное время, и для отождествления или уподобления друг другу лиц, живших в разные эпохи.

Анахронизм есть вообще свойство человеческой памяти: всякое воспоминание подобно сновидению, смешивающему в единый многослойный сюжет впечатления прошедших суток с переживаниями далекой юности. Посему неизбежно, что сопряжения являются генеральным приемом памяти коллектив-

ной. Исторические лица или исторические события мыслятся нами по образу-подобию лиц и событий, бывших и происшедших в другие времена.

Когда первые летописцы Петра Великого стали воспевать его реформы, они не умели придумать ничего иного, кроме подыскивания своему реформатору подобающих прообразов: Петра называли Ноем, Моисеем, Самсоном, Давидом, Соломоном, Александром Македонским, Владимиром Киевским, апостолом Петром, русским Богом. Математически рассуждая, можно на основании таких аналогий решить, что на самом деле никакого Петра Великого вовсе не было, что слухи о его жизни и царствовании сильно преувеличены и что эти слухи — не что иное, как варианты легенд о жизни и царствовании, например, единого русского Бога, представавшего в летописях разных времен под именами Владимира Киевского, Александра Македонского, Соломона, Давида, Моисея... Или наоборот — можно было бы заключить, что Владимир Киевский, Александр Македонский, Давид, Соломон, Моисей, апостол Петр и русский Бог — это всё только разные именованья первого достоверного лица мировой истории — Петра Великого, до чьего появления на свет мы жили звериным обычаем и в беспамятстве.

Абсурдность таких резюме не отменяет их первобытной логичности: тут всё зависит от степени веры и количества знаний. Чем меньше мы знаем — тем больше верим логике мифа и тем легче попадаемся под обаяние анахронизмов и тавтологий. А поскольку во все времена люди остаются людьми и им легче верить, чем знать, то история от поколения к поколению остается благодатной почвой для игры коллективной памяти — хоть идеологической, хоть математической.

История, как мать сыра земля, с регулярным постоянством плодит в бесконечном количестве взаимоподобные формы — образы нашего мышления, и впечатления от этой взаимоподобности — то есть впечатления от собственной нашей способности мыслить — естественно, влияют на переживание текущей повседневной жизни, уподобляя ее тихий поток бурному струению истории. И чем чаще задумываться о роли своей жизни в истории, тем легче оказаться во власти тавтологий и анахронизмов и начать жить по аналогии с прообразами, заданными нашим собственным историческим воображением.

Император Павел Первый строил свою жизнь, имея в памяти великие примеры истории — Петра Первого и Фридриха Второго. Он сам об этом говорил, сам это демонстрировал. Он сам дал повод для того, чтобы в анекдотах и летописях его жизни и царствования поток уподоблений умножился, и ему стали подыскивать новые и новые прототипы: Петр Третий, Гамлет Датский, Дон-Кихот Ламанчский, Калигула, Нерон, Иван

Грозный, Михаил Архангел... В итоге образовались мифы, в которых собственной персоне императора почти не осталось места: его облик растворился в его прообразах.

* * *

Жизнь и царствование Павла Первого — это жизнь и царствование, переживаемые главным действующим лицом и его современниками как миф, составляемый наяву, — миф, в котором приходится жить, — тяжкое испытание для здорового человеческого организма.

В памяти очевидцев, оставивших свои воспоминания о павловской эпохе, вся эта эпоха обычно представлена как единый кошмарный сон, начавшийся немедленно по воцарении Павла — утром 7-го ноября 1796-го года. Вот что, например, сообщает один из самых добросовестных мемуаристов: «Рано утром 7 ноября наш командир <...> отдал приказ, чтобы <...> все офицеры явились на парад перед Зимним дворцом <...>. Едва мы дошли до Дворцовой площади, так уже нам сообщено было множество новых распоряжений. Начать с того, что отныне ни один офицер, ни под каким предлогом, не имел права являться куда бы то ни было иначе, как в мундире <...>. Кроме того, был издан ряд полицейских распоряжений, <...> запрещавших ношение круглых шляп, сапог с отворотами, панталон <...>. Волосы должны были зачесываться назад, а отнюдь не на лоб <...>. Утром 8 ноября 1796 года, значительно ранее 9-ти часов утра, усердная столичная полиция успела уже обнародовать все эти правила» (*Саблуков. С. 21—22*).

Мемуаристу следует летописец: «Прежде всего была объявлена война круглым шляпам, отложным воротникам, фракам, жилетам, сапогам с отворотами, панталонам; <...> волосы следовало зачесывать назад, а отнюдь не на лоб <...>. Утром 8-го ноября усердная полиция успела уже обнародовать все эти правила» (*Шильдер. Изд. 1996. С. 279*).

Между тем, если свериться с хронологией документов, можно заметить, что соответствующие правила были предписаны не сразу, вдруг, утром 7-го или 8-го ноября, а позднее и притом в разные годы. Так, круглые шляпы воспрещены к ношению 13-го января 1797 года, фраки и жилеты — через год, 20-го января 1798 года, а запрещение иметь тупей, на лоб опущенный, последовало еще через год с лишком — 2-го апреля 1799 года.

Вот еще пример — слова императора Павла Первого, служащие удобной иллюстрацией его самовластия: «Я иной выслуги ни от кого не требую, как только неперменного исполнения повелений моих» (*Клочков. С. 147*). Слова эти, годные для объяснения любого экстраординарного указа — хоть для запрета круглых шляп, хоть для объявления торговой блокады Англии, при-

обретают в глазах потомков значение афоризма, генерализующего общий смысл происходившего в павловскую эпоху. Но вот мы заглядываем в ученую книгу, автор которой как следует поработал в сенатском архиве и среди правительственных бумаг за май 1797-го года обнаружил контекст этого афоризма: он содержится в «указе императора белорусскому губернатору, в губернии которого, по случаю проезда государя, расчищались дороги, тогда как Павел наперед запретил всякие наряды и приготовления, ввиду рабочей поры» (*Клочков. С. 117*). В контексте такого указа самовластные слова императора утрачивают суммарный эффект афоризма и начинают означать нечто конкретно-определенное, отнюдь не рассчитанное на глобальное обобщение: просто император в свойственной ему иронически-негодующей манере напоминает одному из местных начальников о своем распоряжении не устраивать авралов к его прибытию. А то, что он употребляет здесь слово «повеления», означает лишь нормальную для XVIII века формулу названия царских приказов и отнюдь не означает какого-то особенного самодержавия.

Вероятно, если прокомментировать документами контексты прочих конкретных повелений императора Павла Первого, отыщутся внятные причины, их вызвавшие, и станет очевидно, что каждый его жест, представляющийся следствием самовластного безумия, несет на себе явственные отпечатки если не здравого смысла, то, по крайней мере, категорий русской культуры (те же указы о круглых шляпах, жилетах и фраках подражают установлениям Петра I о бритье бород и запрещении долгополых одежд).

Однако логичные и справедливые по отдельности указы Павла I дают в сумме очень сильное впечатление алогичности и несправедливости всего его царствования в целом, и комментарии могут только ослабить или увеличить силу этого впечатления, но переменить его не могут.

Такова поэтика мифа: как ни проверяй его критически, он остается неуязвим для экспертизы. — Именно это убеждение и определяет правила жанра, предлагаемого ниже просвещенной публике. Смысл этого жанра — не предъявить новые материалы, не уточнить хронологию дней жизни императора Павла Первого, не опровергнуть существующие воззрения на его личность и царствование, не составить биографию, не нарисовать портрет. Биографии уже написаны: читайте Кобеко да Шильдера — см. список в конце книги. Портреты тоже есть — см. иллюстрации. Смысл этого жанра — сам жанр: игра анахронизмами своего и чужого слога плюс старые документы и новые комментарии к анекдотам очевидцев и мифам летописцев разной степени тавтологии и достоверности.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

**Анекдоты
Документы
Комментарии**

Как востру́бит Михайло Архангел,
Грозных сил небесных воевода,
Он востру́бит во трубу златую
Да взойдет на крутую гору.
Да тут пробудятся все мертвые,
Из гробов-то своих восстанут,
И зачнется суд праведный
Да над душами многогрешными, многобóльными.
Возгласит Михайло-свет Архангел:
«Уж вы гой еси, что рыдаете?
Что вы слезы горячие проливаете?
Али много злодейств содеяли?»
Отвещают ему души многобóльные:
«Уж ты гой еси, Михайло-свет Архангел!
Виноваты мы, души многогрешные,
Что особым шли путем-дороженькой.
А какие мы были богоизбранные,
А какие мы были соборные, —
Ты спроси воевод наших храбрых
Да князей и царей милостивых,
Мало ль нас перевели, не считаючи,
Будто вороги по земле шастая.
Все мешали мы им, многобóльные, —

По три слоя лежим во земле сырой.
А мы смиренные были да кроткие,
Разве кой-когда-где топориком —
Так не со зла то, а с беспамяства,
От хмельного куражу да с удали.
Ты пошли-ко нас, Михайло, в муку огненну,
Ты посадь нас на сковороды каленые,
Да смолой утопи злокипящую,
Чтоб забыться нам да не вспомниться,
Приустали мы — нету мочушки».

Отвещает им Михайло Архангел:
«Ах вы души грешные, многобольные,
Не орла бы вам садить в гербы двуглавого —
Птицу-оборотня, а ворона черного.
Ворон черный — птица хитромудрая,
Ворон черный — птица вещая,
Ворон черный — птица семейная.
А орел ваш, знать, неужиточный:
Ни приплода не дает, ни гнезда не вьет —
Головы-то две, да не ворочаются.
До какой вон довел вас до скудости...» —
Тут вся сила небесная восколеблется.
Страшный суд идет, суд поднебесный,
Трубно трубы трубят, да земля горит.

ЦАРЬ

1796

«<...> — Погоди, мой друг, погоди. Я прожил сорок два года. Бог уберет меня и, авось, даст мне ума и сил обустроить государство, для которого Он меня предназначил. Положимся на Его Благодать»¹.

Вслед за сим он тотчас сел в карету и в 8 1/2 часа вечера въехал в С.-Петербург <...>.

Ночь с 5 на 6 ноября². Петербург. Зимний дворец.

<...> Дворец был наполнен людьми всякого звания <...>, все с трепетом ожидали окончания одного долговременного царствования для вступления в другое, совсем новое. <...> Повторялись вопросы то о часе кончины, то о действии лекарств, то о мнении докторов. Всякой рассказывал разное, однако же общее было желание иметь хоть слабую надежду к ее выздоровлению. — Вдруг пронесся слух (и все обрадовались), будто государыня при отнятии шпанских мух открыла глаза и спросила пить; но потом, чрез минуту, возвратились все к прежнему мнению, что не осталось ожидать ничего, кроме часа ее смерти» (*Ростопчин. С. 161—164*).

«Ее тело еще жило, но сознание умерло: в мозгу прервалась жила» (*Головина. С. 154*).

«Наследник, зашед на минуту в свою комнату в Зимнем дворце, пошел на половину императрицы. Проходя сквозь комнаты, наполненные людьми, ожидающими восшествия его на престол, он оказывал всем вид ласковый и учтивый <...>, расспрося о всех подробностях происшедшего, он пошел с супругою в угольный кабинет <...> и туда призывал тех, с коими хотел разговаривать или коим что-либо приказывать» (*Ростопчин. С. 164—165*).

«Великий князь Павел расположился в кабинете за спальней

своей матери, так что все, кому он давал распоряжения, проходили мимо государыни, еще не умершей, как будто ее уже не существовало» (Головина. С. 157).

«На рассвете, чрез 24 часа после удара, пошел наследник в ту комнату, где лежало тело императрицы. Сделав вопрос докторам, имеют ли они надежду, и получа ответ, что никакой, он приказал позвать преосвященного Гавриила с духовенством читать глухую исповедь и причастить императрицу Святых таин, что и было исполнено» (Ростопчин. С. 165).

«Под утро был получен приказ надеть русские платья. Это означало, что государыня кончалась» (Головина. С. 158).

6 ноября. Утро.

«<...> все ежеминутно ожидали конца жизни императрицы, и дворец более и более наполнялся людьми всякого звания» (Ростопчин. С. 166). «Я вошел в залу и столько же поражен был удивлением, сколько удручен печалью. <...> Знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управлявшие государственными делами, стояли как бы уже лишенные должностей своих и званий, с поникнутою головою <...>. Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, — бегали, повелевали, учреждали» (Шишков. С. 9); «великие князья Александр и Константин были уже в мундирах тех батальонов, коими они командовали в Гатчинском модельном войске <...>».

В час пополудни в коридоре, за спальною комнатою, накрыли стол, за которым наследник и его супруга кушали двое <...>.

В три часа пополудни приказано было вице-канцлеру, графу Остерману, ехать к графу Моркову, забрать все его бумаги по иностранным делам, запечатать и привезти; но не знаю, из чего граф Остерман вздумал, что препоручение привезти бумаги налагало на него обязанность, чтобы он сам внес их во дворец; а как оне были завязаны в две скатерти, то Остерман сквозь все комнаты дворца тащил эти две кипы бумаг точно так, как дети, играя, таскают маленькие салазки, нагруженные не по силам их. <...> — Наследник приказал обер-гофмаршалу князю Бярятинскому ехать домой, должность его поручил графу Шереметеву» (Ростопчин. С. 166—167). — «Княгиня Долгорукая просила помиловать ее отца, князя Бярятинского, но получила отказ <...>. Император ответил: — У меня тоже был отец, сударыня!» (Головина. С. 167). — «С трех часов пополудни слабость пульса у императрицы стала гораздо приметнее; раза три или четыре думали доктора, что последует конец; но крепость сложения и множество сил, борясь со смертию, удерживали и отдаляли последний удар. — Тело лежало в том же положении, на сафьянном матрасе, недвижно, с закрытыми

глазами. Сильное хрипение в горле слышно было в другой комнате <...>. — В течение дня наследник раз пять или шесть призывал к себе князя Зубова, разговаривал с ним милостиво и уверял в своем благорасположении. Отчаяние сего времени ни с чем сравниться не может. Не знаю, какие чувства сильнее действовали на сердце его; но уверенность в падении и ничтожестве изображались не только на лице, но и во всех его движениях. Проходя сквозь спальную комнату императрицы, он останавливался по несколько раз пред телом государыни и выходил рыдая. <...> Толпа придворных удалялась от него, как от зараженного <...>.

Часов в пять пополудни наследник велел мне спросить у графа Безбородко, нет ли каких-нибудь дел, времени не терпящих, и хотя обыкновенные донесения, по почте приходящие, и не требовали поспешного доклада, но граф Безбородко рассудил войти с ними в кабинет, где и мне приказал наследник остаться. Он был чрезвычайно удивлен памятью графа Безбородко, который не только по подписям узнавал, откуда пакеты, но и писавших называл по именам. <...> Когда же граф Безбородко, окончив, вышел из кабинета, то наследник, быв еще в удивлении, объяснился весьма лестно на его счет, примолвив:

— Этот человек для меня дар Божий; спасибо тебе, что ты меня с ним примирил <...>.

10-й час вечера. Зимний дворец.

<...> Рожерсон, войдя в кабинет, в коем сидели наследник и супруга его, объявил, что императрица кончается. Тотчас приказано было войти в спальную комнату великим князьям, княгиням и княжнам, Александре и Елене, с коими вошла и статс-дама Ливен, а за нею князь Зубов, граф Остерман, Безбородко и Самойлов. Сия минута до сих пор и до конца жизни моей пребудет в памяти моей незабвенною. По правую сторону тела императрицы стояли наследник, супруга его и их дети; у головы призванные в комнату Плещеев и я; по левую сторону доктора, лекаря и вся услуга Екатерины. Дыхание ее сделалось трудно и редко; кровь то бросалась в голову и переменила совсем черты лица, то, опускаясь вниз, возвращала ему естественный вид. Молчание всех присутствующих, взгляды всех, устремленные на единый важный предмет, отдаление на сию минуту от всего земного, слабый свет в комнате — все сие обнимало ужасом, возвещало скорое пришествие смерти. <...>

Ударил первая четверть одиннадцатого часа. Великая Екатерина вздохнула в последний раз и, наряду с прочими, предстала пред суд Всевышнего» (*Ростопчин. С. 167—170*).

«Екатерина Великая не существует! Слова ужасные!» (*Грибовский. С. 33*) — «Российское солнце погасло! Екатерина Вторая — телом во гробе, душою во небесах! Павел Первый воцарился» (*Шишков. С. 9*).

6 ноября. 11-й час вечера.

«Сын ее и наследник, наклоня голову пред телом, вышел, заливаясь слезами, в другую комнату; спальная комната в мгновение ока наполнилась воплем женщин, служивших Екатерине. <...> Слезы и рыдания не простирались далее той комнаты, в которой лежало тело государыни. Прочие наполнены были людьми знатными и чиновными, которые во всех происшествиях, и счастливых, и несчастных, заняты единственно сами собой, а сия минута для них всех была тем, что Страшный Суд для грешных. Граф Самойлов, вышедши в дежурную комнату, натурально с глупым и важным лицом, которое он тщетно принуждал изъяслять сожаление, сказал:

— Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский престол.

Тут некоторые (коих я не хочу назвать не потому, что забыты были мною имена их, но от живого омерзения, которое к ним чувствую) бросились обнимать Самойлова и всех предстоящих, поздравляя с императором» (*Ростопчин. С. 170, 171, 174*).

«Был составлен манифест, в котором оповещалось для всеобщего сведения о кончине императрицы Екатерины и о вступлении на престол императора Павла I. <...> Сенат и Синод были в сборе» (*Саблуков. С. 21*). «Обер-церемонимейстер Валуев пришел с докладом, что в придворной церкви все готово к присяге. Император со всею фамилиею, в сопровождении всех съехавшихся во дворец, изволил пойти в церковь <...>.

Половина 12-го ночи.

<...> пришедши, стал на императорское место, и все читали присягу вслед за духовенством. После присяги императрица Мария, подошедши к императору, хотела броситься на колена, но была им удержана, равно как и все дети. За сим каждый целовал крест и Евангелие и, подписав имя свое, приходил к государю и к императрице к руке» (*Ростопчин. С. 174*).

«После полуночи были собраны все гвардейские полки на своих полковых дворах для присяги вступившему на престол императору Павлу I» (*Волконский. С. 179*).

«Кончился последний день жизни императрицы Екатерины» (*Ростопчин. С. 17*).

7 ноября

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

**ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ:
МОСКОВСКИЙ, КИЕВСКИЙ, ВЛАДИМИРСКИЙ,
НОВГОРОДСКИЙ, ЦАРЬ КАЗАНСКИЙ, ЦАРЬ
АСТРАХАНСКИЙ, ЦАРЬ СИБИРСКИЙ, ЦАРЬ
ХЕРСОНЕСА-ТАВРИЧЕСКОГО,
ГОСУДАРЬ ПСКОВСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
СМОЛЕНСКИЙ, ЛИТОВСКИЙ, ВОЛЫНСКИЙ,
ПОДОЛЬСКИЙ, КНЯЗЬ ЭСТЛЯНДСКИЙ,
ЛИФЛЯНДСКИЙ, КУРЛЯНДСКИЙ И СЕМИГАЛЬСКИЙ,
САМОГИЦКИЙ, КОРЕЛЬСКИЙ, ТВЕРСКИЙ,
ЮГОРСКИЙ, ПЕРМСКИЙ, ВЯТСКИЙ И ИНЫХ,
ГОСУДАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НОВАГОРОДА
НИЗОВСКИЯ ЗЕМЛИ, ЧЕРНИГОВСКИЙ, РЯЗАНСКИЙ,
ПОЛОЦКИЙ, РОСТОВСКИЙ, ЯРОСЛАВСКИЙ,
БЕЛООЗЕРСКИЙ, УДОРСКИЙ, ОБДОРСКИЙ,
КОНДИЙСКИЙ, ВИШЕПСКИЙ, МСТИСЛАВСКИЙ И
ВСЕЯ СЕВЕРНЫЯ СТРАНЫ, ПОВЕЛИТЕЛЬ И ГОСУДАРЬ
ИВЕРСКИЯ ЗЕМЛИ, КАРТАЛИНСКИХ И ГРУЗИНСКИХ
ЦАРЕЙ И КАБАРДИНСКИЯ ЗЕМЛИ, ЧЕРКАССКИХ И
ГОРСКИХ КНЯЗЕЙ И ИНЫХ НАСЛЕДНЫЙ ГОСУДАРЬ
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ**

«По окончании присяги государь пошел прямо в спальную комнату покойной императрицы, коей тело в белом платье положено было уже на кровати, и диакон на налое читал Евангелие. Отдав ей поклон, государь по нескольких минутах возвратился в свои собственные покои и, подозвав к себе Николая Петровича Архарова, спросил что-то у него; пришедши в кабинет, пока раздевался, призвал он меня к себе и сказал:

— Ты устал, и мне совестно; но потрудись, пожалуйста, съезди с Архаровым к графу Орлову и приведи его к присяге. Его не было во дворце, а я не хочу, чтобы он забывал 28 июня. Завтра скажи мне, как у вас дело делается.

Тогда уже было за полночь, и я, севши в карету с Архаровым, поехал на Васильевский остров, где граф А. Г. Орлов жил в своем доме. Весьма бы я дорого дал, чтобы не иметь сего поручения. <...> Николай Петрович Архаров, почти совсем не зная меня, но видя нового временщика, не переставал говорить мерзости на счет графа Орлова <...>. Приехав к дому Орлова, мы нашли ворота запертыми. Вошедши в дом, я велел первому попавшемуся нам человеку вызвать камердинера графского, которому сказать, чтобы разбудил графа и объявил о приезде нашем. Архаров от нетерпения или по каким-либо неизвестным мне причинам пошел вслед за камердинером, и мы вошли в ту комнату, где спал граф Орлов. Он был уже с неделю нездоров и не имел сил оставаться во дворце; чрез несколько часов по

приезде наследника из Гатчины он поехал домой и лег в постель. Когда мы прибыли, он спал крепким сном. Камердинер, разбудив его, сказал:

— Ваше сиятельство! Николай Петрович Архаров приехал.

— Зачем?

— Не знаю: он желает говорить с вами.

Граф Орлов велел подать себе туфли и, надев тулуп, спросил довольно грозно у Архарова:

— Зачем вы, милостивый государь, ко мне в эту пору пожаловали?

Архаров, подойдя к нему, объявил, что он и я (называя меня по имени и отчеству) присланы для приведения его к присяге, по повелению государя императора.

— А императрицы разве уже нет? — спросил граф Орлов и, получа в ответ, что она в 11-м часу скончалась, поднял вверх глаза, наполненные слез, и сказал: — Господи! Помяни ее во царствии Твоем! Вечная ей память!

Потом, продолжая плакать, он говорил с огорчением на счет того, как мог государь усомниться в его верности; говорил, что, служа матери его и отечеству, он служил и наследнику престола и что ему, как императору, присягает с тем же чувством, как присягал и наследнику императрицы Екатерины. Все это он заключил предложением идти в церковь. Архаров тотчас показал на это свою готовность; но я, взяв уже тогда на себя первое действующее лицо, просил графа, чтобы он в церковь не ходил, а что я привез присягу, к которой рукоприкладства его достаточно будет.

— Нет, милостивый государь, — отвечал мне граф, — я буду и хочу присягать государю пред образом Божиим. — И, сняв сам образ со стены, держа зажженную свечу в руке, читал твердым голосом присягу и, по окончании, приложил к ней руку; а за сим, поклонясь ему, мы оба пошли вон, оставив его не в покое. Несмотря на трудное положение графа Орлова, я не приметил в нем ни малейшего движения трусости или подлости. — Архаров завез меня в дом, в котором я жил, говоря всю дорогу о притеснениях, которые он вытерпел в прошедшее царствование, давая чувствовать, что он страдал за преданность государю. Кто не знал его, тот на моем месте мог бы подумать, что он был гоним за твердость духа и честь» (*Ростопчин. С. 171—174*).

«В течение ночи выпал глубокий снег, а к утру настала оттепель и пошел мелкий дождь» (*Саблуков. С. 22*). — «Я пошел на Дворцовую площадь, <...> увидев ходящих близ средних ворот Зимнего дворца нескольких офицеров, <...> пошел к ним из любопытства; каково же было мое удивление видеть самого наследника <Александра Павловича>, в 2 часа ночи, в мундире лейб-гвардии Семеновского полка нового <гатчинского> по-

кроя, в андреевской ленте и шарфе по кафтану и с ним вновь назначенного Санкт-Петербургским комендантом генерал-майора Аракчеева, плац-майора Капцевича и плац-адъютанта Апрелева, расставляющих новые пестрые будки и часовых» (*Волконский. С. 178—179*). — «Едва мы дошли до Дворцовой площади, так уже нам сообщено было множество новых распоряжений» (*Саблуков. С. 22*).

* * *

Первые минуты и часы нового царя поразили отсутствием немедленных казней. Чем ближе подданные находились к трону в предыдущее царствование, тем меньше милостей они могли ожидать для себя от наследника Екатерины: наследник был известен своей угрюмостью и подозрительностью; все знали, что последние месяцы пред кончиной Екатерина собиралась отрешить Павла от престола, завещать державу внуку Александру Павловичу и, может быть, даже короновать внука на царство. Полагали, что лишь за одно это Павел станет мстить памяти своей матери. Все знали, что Павел не только унижен и оскорблен, но возмущен самим образом правления матери: он считает, что Екатерина развалила государство, что дела идут вкривь и вкось (см. *Сб. РИО. Т. 20. С. 412*), что первые ступени при дворе занимают ласкатели и воры; будто бы он даже говорил, что лишь получит власть, всех екатерининских вельмож и фаворитов выпорот и выгонит (см. *Арнец. Т. 1. С. 123*).

Страшно было думать, страшно было заглядывать вперед...

Однако в первые минуты и часы ничего ужасающего не произошло. Напротив, все первенствовавшие при Екатерине особы — фаворит императрицы князь Платон Зубов, его брат граф Николай, граф Безбородко, граф Остерман, генерал-прокурор Самойлов и проч., и проч., и проч. — удостоились подтверждения своих полномочий, а иные еще больших наград и повышения в чинах до предела возможного³.

Правда, уже в те минуты, когда Екатерина была еще жива и недвижно лежала в проходной зале, во дворце стали появляться и отдавать распоряжения люди, не самые заметные при дворе императрицы, — вроде камергера Ростопчина. Конечно, все старослужащие первостепенные особы не могли не задуматься о своем будущем, когда в первых приказах Павла замелькали имена его гатчинских любимцев, вовсе не ведомые при дворе Екатерины, — вроде полковника Аракчеева или камердинера Кутайсова. Однако в поведении государя не обнаружилось пока ничего устрашающего: он всем являл свою рассудительность, осмотрительность, решительность — не самовластвовал и не казнил. Слова *арест* и *ссылка* употребля-

лись в эти минуты и часы только в обратном смысле — в смысле амнистии⁴.

Еще не были запрещены круглые шляпы, низкие сапоги, высокие галстуки, стеганные шапки, широкие букли, цветные воротники, башмаки с бантами, панталоны, фраки, жилеты, бакенбарды, выезды за границу, частные типографии, иностранные книги и ноты. Еще далеко было то время, когда при встрече с императором на улице требовалось выходить из кареты, чтобы засвидетельствовать ему свое высокопочитание.

Еще казалось, все образуется.

Первые минуты и часы принесли освежающие меры: прекращались военные действия в Закавказье⁵, отменялся недавно объявленный рекрутский набор, разрешалось подавать прошения на имя самого государя, и государь обещал сам отвечать на жалобы подданных⁶. Сразу стало ясно: символами нового царствования будут *порядок* и *справедливость*. Было очевидно — император ищет дела и хочет собственными руками, подобно Петру Первому, обустроить государство, которое Господь ему предназначил. — Он своеручно составил бюджет на следующий год.

На третий день все поняли: в стране идут реформы.

Через неделю обнаружили первые признаки оппозиции.

Через две начались первые отставки, аресты и ссылки.

К концу месяца стало ясно: то самое, чего так боялись в ночь с 6-го на 7-е ноября, — началось.

Придворная реформа ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ ВОССТАНАВЛИВАЕТ СТАТУС ЦАРСКОГО САНА

«Никогда не было при дворе такого великолепия, такой пышности и строгости в обряде. В большие праздники все придворные и гражданские чины первых пяти классов были необходимо во французских кафтанах, глазетовых, бархатных, суконных, вышитых золотом или, по крайней мере, шелком, или с стразовыми пуговицами, а дамы в старинных робах с длинным хвостом и огромными боками (фишбейнами), которые бабками их были уже забыты. — Выход императора из внутренних покоев для слушания в дворцовой церкви литургии предваряем был громогласным командным словом и стуком ружей и палашей, раздававшимся в нескольких комнатах, вдоль коих, по обеим сторонам, построены были фронтом великорослые кавалергарды, под шлемами и в латах» (*Дмитриев. С. 338*). — «Известно, что Екатерина не любила своего сына <...>. При ней великий князь, наследник престола, вовсе не имел значения. Он видел себя поставленным ниже господствовавших фаворитов, которые часто давали ему чувствовать свое дерзкое высо-

комерие <...>. Отсюда образовалась черта характера, которая в его царствование причинила, может быть, наиболее несчастий: постоянное опасение, что не оказывают ему должного почтения <...>. Он не мог отрешиться от мысли, что и теперь <когда он царствует> достоинство его недостаточно уважаемо; всякое невольное или даже мнимое оскорбление достоинства снова напоминало ему его прежнее положение; с этим воспоминанием возвращались и прежние ненавистные ему ощущения, но уже с сознанием, что отныне в его власти не терпеть прежнего обращения, и таким образом являлись тысячи поспешных, необдуманных поступков, которые казались ему лишь восстановлением его нарушенных прав» (*Коцебу. С. 277—279*).

Военная реформа

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ УСТАНОВЛИВАЕТ ПОРЯДОК И ДИСЦИПЛИНУ В АРМИИ И ГВАРДИИ

«Нелепости и оскорбление в безделицах заглушили и действительное добро нового царствования. Приведу пример материальный. В арсеналах стоят еще, вероятно, громоздкие пушки екатерининских времен на уродливых красных лафетах. При самом начале царствования Павла и пушки и лафеты получили новую форму, сделались легче и поворотливее прежних. Старые артиллеристы, в том числе люди умные и сведущие в своем деле, возопили против нововведения. Как-де отменять пушки, которыми громили врагов на берегах Кагула и Рымника! Это-де святотатство <...>. Между тем это было первым шагом к преобразованию и усовершенствованию нашей артиллерии, пред которою пушки времен очаковских и покоренья Крыма ничтожны и бессильны» (*Греч. С. 138*).

В Кронштадте «число кораблей хотя значительно было <...>, но они большею частью были ветхие, дурной конструкции, с таким же вооружением <...>. Капитаны любили бражничать. Офицеры и матросы были мало практикованы <...>. Форма не строго соблюдалась. Часто случалось встречать офицеров в мундире, в пестром нижнем платье, с розовым галстуком и в круглой шляпе. Едучи куда-нибудь, особенно капитаны любили иметь за собою вестового, который обыкновенно нес шпагу и плащ <...>. В порте был во всем недостаток, и воровство было непомерное, как в адмиралтействе, так и на кораблях. Кронштадт утопал в непроходимой грязи; крепостные валы представляли развалину, станки пушечные оказывались рассыпавшимися, пушки — с раковинами, гарнизон — карикатура на войско <...>. Со вступлением Павла на престол все переменялось. В этом отношении строгость его принесла великую пользу» (*Штейнгейль. С. 97—98*).

На третий день по восшествии, 10-го ноября, «поутру вступили в С.-Петербург из Павловского и Гатчины все войска, там находившиеся. <...> По прибытии на площадь Зимнего дворца все сии войска прошли церемониальным маршем, тихим шагом мимо императора, потом зашли во фронт в одну линию, где император Павел I сам изволил объявить им изустно, что они поступают в гвардию <...>. Обер-офицеры поступали теми же чинами, а штаб-офицеры полковниками <...>. — Полки гвардии все были переформированы» (*Волконский. С. 180*).— «На сие-то собственное войско <...> и полагал он всю надежду и потому поместил их в старинную гвардию и порядочно перемешал с нею; а чрез самое сие и подсек он ей все крылья; ибо если б и восхотелось ей что-нибудь дурное затеять, так, будучи перемешана с новыми сими войсками, не могла на то отважиться. А самое сие развязало вкупе государю руки к давно замышляемой им с гвардиею великой реформы» (*Болотов. С. 221*).

«Новые пришлецы из гатчинского гарнизона были представлены нам. Но что это были за офицеры! Что за странные лица! Какие манеры! <...> Легко представить себе впечатление, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее из <...> офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства. Все новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критике и почти всеобщему осуждению. Вскоре, однако, мы убедились, что о каждом слове, произнесенном нами, доносилось куда следует» (*Саблуков. С. 23*).

«Нельзя изобразить, в каком странном и удивительном положении была до сего гвардия и коль многие злоупотребления господствовали в высочайшей степени в оной <...>. Полки, хотя счислялись в комплекте, но налицо бывала едва ли и одна половина оных, но как жалованье отпускалось на всех, то командиры <...> из жалованья распущенных скопляли превеликие экономические суммы <...>. Государю было сие неуютно» (*Болотов. С. 221, 249*).

«Несомненно, что император никогда не оказывал несправедливости солдату и привязал его к себе, приказывая при каждом случае щедро раздавать мясо и водку» (*Беннигсен. С. 119*).— «Солдаты гвардии любили Павла. <...> Вспышки ярости этого несчастного государя обыкновенно обрушивались только на офицеров и генералов, солдаты же, хорошо одетые, пользующиеся хорошей пищей, кроме того осыпались денежными подарками» (*Ланжерон. С. 133*). — «Многим сие не очень было приятно» (*Болотов. С. 249*).

«Всем известно, что гвардейские наши полки, во все те многие годы, покуда продолжалось у нас женское правительство, мало-помалу приходя час от часу в вящее уважение, а особливо чрез

действия <...> при бывших переворотах и переменах правительства, достигли наконец до такого уважения, что <...> потомки наши не только б стали удивляться, но едва ли б не в состоянии были поверить, что все то существовало в самом деле <...>. Монархиня у нас была милостивая и к дворянству благорасположенная, а господа гвардейские подполковники и майоры делали что хотели» (*Болотов. С. 220—221, 223*). — «При императрице мы помышляли только чтоб ездить в общества, в театры, ходить во фраках» (*Комаровский. С. 53*). — «Отныне ни один офицер, ни под каким предлогом, не имел права являться куда бы то ни было иначе, как в мундире. <...> Нам сообщили, что офицерам вообще воспрещено ездить в закрытых экипажах, а дозволяется только ездить верхом, или в санях, или в дрожках» (*Саблуков. С. 22*).

«Для содержания себя в Петербурге гвардейскому офицеру требовалось очень многое. Ему нельзя было обойтись без <...> хорошей и дорогой новомодной кареты <...>, без многих мундиров, из коих и один не менее стоил 120 рублей <...>, без множества дорогих жилетов, без хороших сюртуков, дорогих плащей и великой цены стоящих шуб, без множества исподнего платья, шелковых чулков, башмаков, сапогов, шляп и прочего. Сверх того надобно было иметь хорошую квартиру, не гнусный стол, многих слугителей, одетых порядочно <...>. В таком-то положении застал государь свою гвардию <...>. Уничтожил он вдруг и одним разом все сие <...>, переменяв сперва у всех гвардейских офицеров мундиры и вместо прежних дорогих приказав сделать их из недорогого темно-зеленого сукна, подбитые стамедом и столь недорогие, что мундир не стоил более 22 рублей» (*Болотов. С. 188—189*).

«Все пошло на прусскую статью: мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, пукли, ордонанс-гаузы, экзерцир-гаузы, шлагбаумы (имена до толе неизвестные) и даже крашение, как в Берлине, пестрою краскою мостов, буток и проч. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра Третьего» (*Шишков. С. 12—13*).

«Форма шляпы, цвет плюмажа, высота гренадерской шапки, сапоги, гетры, кокарды, косички и портупей сделались государственными делами, которые поглощали его удивительную деятельность» (*Массон. С. 99*). — «Когда он вступил на престол, я находился в Ревеле и очень хорошо помню, с каким любопытством распечатан был первый от него полученный указ: в нем определялась высота гусарских султанов, и приложен был рисунок» (*Коцебу. С. 296*).

«В войсках введены были новый устав, новые чины, новый образ учения, даже новые командные слова, составленные из

французских речений с русским склонением <...>. Вместо *к ружью!* — *вон!* вместо *ступай!* — *марш!* вместо *заряжай!* — *шаржируй!*» (Дмитриев. С. 338). — «В царствование императрицы Екатерины II один только караул Зимнего дворца приходил на Дворцовую площадь, где на особом для сего месте строился во фронт <...> и по отдании чести знамени вступал на двор дворца для смены старого караула. — По принятии же престола императором Павлом I тотчас введены были вахт-парады по примеру прусских и как были в Гатчине» (Волконский. С. 180). — «Седые, с георгиевскими звездами, военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспантоном» (Лубяновский. С. 94).

«Как государь отменную, с малолетства своего, имел склонность к военной экзерциции и дисциплине <...>, которая обратилась даже в привычку и страсть, <...> — то и по вступлении на престол <...> он начал, с самого первого уже дня, преобразовать и переделывать все и вся <...>. Время было тогда хотя наисуровейшее в году и самое зимнее, однако он не ставил себе в труд присутствовать самолично всякий день, и без шубы, а в одном сертуке, при разводе и при смене караула» (Болотов. С. 176—177). «Государь, поставя во фронт офицеров, обучал их метать ружьем и алебардами, с строгим наблюдением, что ежели кто хоть чуть ошибется или не проворно сделает, то сорвут с него шпагу и потащат под караул» (Шишков. С. 22). — «Мне случалось слышать отзывы сквозь зубы, что Суворов на все такое сквозь пальцы смотрел» (Лубяновский. С. 91—92).

«В царствование Екатерины арест, как мера наказания для офицера, применялся только в исключительных, серьезных случаях, так как он влек за собою военный суд, и офицер, который был арестован в наказание, обыкновенно должен был выходить из полка. Таков был *point d'honneur* <принцип чести> в екатерининское время. Не то было теперь, когда Павел всюду ввел гатчинскую дисциплину» (Саблуков. С. 28). — «Аресты, исключения из службы, прежде что-то страшное, обратились в вещь обыкновенную. Дух благородства, то, что французы называют *point d'honneur*, которым все так дорожили, ниспровергнут совершенно» (Санглен. С. 494).

«Стремительный характер Павла и его чрезмерная придирчивость и строгость к военным делали эту службу весьма неприятною. Нередко за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры прямо с парада отсылались в другие полки и на весьма большие расстояния. Это случалось настолько часто, что у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной ссылки. Мне лично пришлось три раза давать займы деньги своим товарищам, которые забыли принять эту предосто-

рожность. Подобное обращение, естественно, держало офицеров в постоянном страхе и беспокойстве» (*Саблуков. С. 39*).

За что наказывал?

За дурное поведение, за развратное поведение, за непристойное поведение, за непорядочное поведение, за пьянство, за лень, за нерадение, за лень и нерадение, за нерадение и лень, за неспособность к службе, за дерзновенное прошение, за ложный рапорт, за ложный донос, за упущение по службе, за упущение по службе подчиненных, за ослушание команды (*Формулы из приказов императора Павла*).

Как наказывал?

Грозным криком, устным выговором, кратковременным арестом, долговременным арестом, отставкой из службы с правом ношения прежнего мундира, отставкой из службы без права ношения мундира, выключкой из службы без права вступать в службу снова, взысканием денег, переводом в отдаленный гарнизон, лишением дворянства.

Кого наказывал?

Всех.

Ибо не ошибается только всеумеющий Господь да государь, Его образ на земли.

Реформа управления ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ УСТАНАВЛИВАЕТ ПОРЯДОК И ДИСЦИПЛИНУ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

«Как государь, с самых младых лет своих, любил во всем порядок, а особливо точность в исполнении всего им приказываемого, то и по вступлении своем на престол не преминул в особенности о том стараться <...> — что для наших россиян, привыкших уже издавна не слишком уважать, а иногда и вовсе пренебрегать государские повеления, и очень было нужно <...>. Установленный государем порядок <...> достоин особого примечания. Вставал государь обыкновенно очень рано» (*Болотов. С. 195—196, 198*). — «С ранней зари, с 6 часов утра <...> царь сам за работой <...>. — Генерал-прокурор каждый день отправлялся с докладами во дворец в 5 1/2 часов утра» (*Лубяновский. С. 93*). — «К началу седьмого часа должны были уже быть в назначенных к тому комнатах <...> все те из первых его вельможей, которым либо долг повелевал быть всякое утро у государя, либо кому в особенности быть, накануне того дня, было приказано <...>, и государь, вошедши к ним, занимается с ними наиважнейшими делами и разговорами, до правления государственного относящимися, и препровождает в том весь седьмой и восьмой час» (*Болотов. С. 198*). — «Ad exemplum

regis componitur orbis <Мир живет примером государя>. В канцеляриях, в департаментах, в коллегиях, везде на столах свечи горели с 5 часов утра <...>. Сенаторы с 8 часов утра сидели за красным столом» (Лубяновский. С. 93). — «В восемь часов стоят уже у крыльца в готовности санки и верховая лошадь; и государь <...> разъезжает по всему городу и по всем местам, где намерение имеет побывать в тот день» (Болотов. С. 199). «Посещения были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная» (Штейнгейль. С. 98—99). «В десять часов возвращается он во дворец свой и, обогревшись несколько, выходит пред оный к <...> гвардейскому разводу. Тут, со множеством своих вельмож и офицеров занимается он <...> в учении и муштровании своей гвардии» (Болотов. С. 199). «Несмотря ни на какую погоду, каждый день выходил к разводу, редко когда без ученья. После развода богатый завтрак был во дворце для офицеров» (Лубяновский. С. 104). — «После стола распускает он всех и берет себе отдохновение на короткое время; ибо в 3 часа готовы уже опять санки и верховая лошадь, и государь отправляется опять в путь <...>. В пять часов должны быть опять уже в собрании в комнатах его министры и государственные вельможи; и государь, по возвращении своем, занимается с ними важными, государственными и до правления относящимися делами весь шестой и седьмой час <...>. В 8 часов государь уже ужинает и ложится почивать; и в сие время нет уже и во всем городе ни единой горящей свечки» (Болотов. С. 199)⁷.

Судебная реформа

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ ЛИЧНО РАССМАТРИВАЕТ ЖАЛОБЫ ПОДДАННЫХ И КОНТРОЛИРУЕТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ РЕШЕНИЙ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ

«Спустя несколько дней после вступления Павла на престол во дворце было устроено обширное окно, в которое всякий имел право опустить свое прошение на имя императора. Оно помещалось в нижнем этаже дворца, под одним из коридоров, и Павел сам хранил у себя ключ от комнаты, в которой находилось это окно. Каждое утро, в седьмом часу, император отправлялся туда, собирал прошения» (Саблуков. С. 29).

О чем писали?

Обо всем: о скорейшем решении тяжбы, о нанесенных побоях, о дозволении выйти в отставку, о дозволении вступить в службу, об обиде от полкового командира, о покраже скота со двора, о разрешении выйти замуж, о разрешении жениться, о дозволении открыть торговую лавку, об унятии дерзновенных разговоров соседей, о пожарах, грабежах, притеснениях, убийствах...

Кто писал?

Кому не лень и не страшно: губернский секретарь Грабский, мичман Фенш, седельный мастер Шмиден, девица Подлятская, прапорщик Штемпель, вдова капитана Вельерскейль, птичий подмастерье Добринский, полковник Дрексель, аудитор Акуловский, подпоручик Сыробоярский, надворный советник Анерт, корнет Кобылянский, жид Шацкиль, мещанин Сидяков, рядовой Замахаев, маркиз Пак-де-Баден, коллежский регистратор Гыро, генерал-лейтенант Дотишамп, грек Кундум, поручик Параной — и не было им счета.

«Каждое утро в седьмом часу император <...> собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал их или заставлял одного из своих статс-секретарей прочитывать себе вслух. Резолюции или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично или скреплены его подписью и затем публиковались в газетах для объявления просителю. Все это делалось быстро и без замедления <...>. Этим путем обнаружались многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания» (*Саблуков. С. 29*).

«Народ был счастлив <...>. Вельможи знали, что всякому возможно было писать прямо государю и что государь читал каждое письмо <...>. Страх внушал им человеколюбие» (*Коцебу. С. 299*). — Да и «кого, собственно говоря, можно называть в России вельможей? В чем состоит их власть, пока они не составляют между собою заговора?» (*Головкин. С. 145*)

Ящик, впрочем, сняли, ибо в него стали бросать пасквили и карикатуры на лицо и сан государя.

«Всем известно, что Сенат завален был толиким множеством дел, и производство и решение оных происходило толь медленно, что не было никому почти способа дожидаться одного, буде не имел кто каких-нибудь особливых предстателей или довольного числа денег для задаривания и покупания тех, которым над производством оных наиболее трудиться надлежало» (*Болотов. С. 270*). «О том, как велика была волокита в процессах, <...> дает некоторое представление следующий редкий, но не исключительный случай <...>. Дворяне Рязанской губ. Антон Тарасов и Григорий Конев были схвачены и посажены под арест (в 1757 г.) по обвинению в грабеже. Дело о них шло по разным инстанциям и в 1782 г. было представлено в Сенате, а в следующем году императрице с приговором о лишении их дворянства и ссылке на поселение, а вопрос об облегчении участи преступников предоставлялся усмотрению императрицы. Екатерина так до своей кончины и не рассмотрела доклада, и он оставался среди бумаг в ее кабинете. Когда Павлу было доложено о том, он

спросил, живы ли преступники; оказалось, они 40 лет находились под стражей, ожидая решения своей участи. Резолюцией 13 августа 1797 г. Павел приказал их освободить, вменив долговременное содержание под стражей в наказание» (*Клочков. С. 103*).

За 1797-й год в Сенат поступило 21951 дело, решено — 20838;

за 1798-й поступило 27795, решено — 25517;

за 1799-й поступило 30910, решено — 33060 (с зачетом дел, поступивших и не решенных в прошлые годы);

за 1800-й поступило 42223, решено 44480 (*Клочков. С. 218—219*).

«Толико-то подействовала государева строгость и гнев его» (*Болотов. С. 273*).

Провинившихся дворян стали чуть что исключать из дворянского сословия, невзирая на чины, заслуги и родственные связи. Разжалованных положено было теперь пороть наравне с прочими виноватыми подданными⁸.

«Солдат, генерал и полковник теперь все сравнились <...>, и в настоящее время не стоит гордиться своим чином<...>» (*Дашкова. С. 237*). — «Павел хотел сильнее укрепить самодержавие, но поступками своими подкапывал под оное. Отправляя, в первом гневе, в одной и той же кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря, он научил нас и народ слишком рано, что различие сословий ничтожно <...>. Он нам дан был или слишком рано или слишком поздно. Если бы он наследовал престол после Ивана Васильевича Грозного, мы благословляли бы его царствование» (*Санглен. С. 501*). — «Редки были те семейства, где не оплакивали бы сосланного или заключенного члена семьи» (*Дашкова. С. 237, 235*).

«Некто из разумнейших сенаторов петербургских <...> рассказывал мне, с каким прискорбием принужден он был подписать кнут и ссылку сыну короткого знакомого своего — да и безвинному почти. — Для чего ж? — спросил я. — Боялись иначе, — отвечал он. — Что, — говорил я, — так именно приказано было, или государь особливо интересовался этим делом? — Нет, — продолжал он, — да мы по всем <делам> боялись не строго приговаривать и самыми крутыми приговорами старались угождать ему» (*И. В. Лопухин. С. 90—91*).

Финансовая реформа

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ СОСТАВЛЯЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ И ПРИКАЗЫВАЕТ ОСТАНОВИТЬ ИНФЛЯЦИЮ

«Известно, что за несколько уже лет до кончины покойной императрицы курс на наши деньги крайне унизился и упал, так что иностранные принимали рубль наш не более 60 копеек или

еще меньше; а серебро внутри государства сделалось так дорого, что лаж на серебряные рубли, возвышаясь с часу на час, достиг уже до 45 коп. <...> И все богатство всего государства превратилось только в бумажное и состояло в одних только ассигнациях <...>. Цена на все вещи поднялась, и все вздорожало. Все сие было государю до вступления еще на престол известно <...>. Носилась молва, что он в разговорах о сей материи торжественно сказал, что он согласится до тех пор сам есть на олове, покуда не восстановит нашим деньгам надлежащий курс и не доведет до того, чтоб рубли наши ходили рублями. Изречение божественное и достойное великого государя! <...> А о рублях тотчас разнеслась повсюду молва, что не велено брать ни малейшего лажа; и молва сия подействовала так много, что вдруг хождение рублей остановилось, и никто не хотел не только давать за них по-прежнему лаж, но и принимать оные: толико-то сильно подействовала государева воля!» (*Болотов. С. 215—216*)

«Кроме того, темной стороной екатерининского царствования были хронические дефициты. Для покрытия их впервые стали прибегать к систематическим займам как внутренним, так и внешним. В результате появился довольно солидный долг, больше, чем в 200 миллионов рублей, почти равный трем годичным бюджетам» (*Клочков. С. 100—101*).

Постановлено: пошлину с ввозимых из-за границы товаров собирать иностранной золотой и серебряной монетой (по установленному Советом Его Имп. Величества курсу рубля к иностранным деньгам). — Приказано сжечь на площади перед дворцом бумажных денег на 5 млн. 316 тыс. 665 руб. (*Клочков. С. 171*) — Бюджет на 1797 год составлен лично императором из расчета расходов на 31,5 млн. руб.; по согласовании с правительствующими учреждениями уточнен: 80 млн. руб. в том числе с расходом на оборону — 34 млн. и с дефицитом в 8 млн. руб. (*Шумигорский 1907. С. 115*)

Крестьянская реформа ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ ПОКАЗЫВАЕТ ПРИМЕР ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ В ОБРАЩЕНИИ С ПОДДАННЫМИ

«Носилась молва, что в то время, когда государь, вскоре после вступления на престол, устанавливал то неслыханное и необыкновенное у нас дело, — чтоб каждый имел свободу и мог подавать самому ему свои прошения <...>, на вопрос, сделанный ему при сем случае <...>, кто может сею милостью пользоваться? — отвечивал он: — Все и все; все суть мои подданные, все они мне равны, и всем равно я государь» (*Болотов. С. 196*).

В самом первом манифесте при вступлении Павла на престол объявлено было о присяге новому императору не только свободных сословий, но и всех крепостных крестьян. — «Это новая мера, никогда еще не применявшаяся в России <...>. Крестьяне вообразили, что они больше не принадлежат помещикам, и некоторые деревни в различных губерниях возмутились против своих господ» (Дашкова. С. 244).

«В Брасове <Орловская губ.>, главном селе имения Степана Степановича Апраксина скопилось до 12 т<ысяч> крестьян, своих и пришлых: бросили господские работы, опустошили запасы хлеба для винокурения, выкатили из подвалов бочки с вином и пьяные провозгласили себя государевыми; убили управителя, а присланного на следствие советника губернского правления держали в кандалах под караулом; проведав о войске, что шло к ним, устроили батарею на погосте против главной улицы селения, отыскали на господском дворе порох и полдюжины пушек и открыли огонь, как только войско показалось. На требование выслать стариков, лучших людей, выдать зачинщиков и повиниться, отвечали пальбою с погоста <...>. Один выстрел картечью, и вся толпа на колена, и бунту конец. Сами выдали зачинщиков с проклятиями и обычным воплем: люди мы темные, народ неученый, пьяное дело! Больно контужен при этом Линденер <...>: хотел поговорить с стариками и подъехал к батарее. Тут один из выборных (сам этот арестант рассказывал нам), зашедши сзади, огромною дубиною со всего маху в спину пугнул генерала: — Ах! ты нехристь! что ты толкуешь православным ломаным своим языком? <...> — В самом начале 1797 г. на стеклянном заводе одного из вологодских помещиков, Поздеева, крестьяне (всех их было не более 400 душ) перестали исправно выходить на работу; приказчик из дворовых не умел с ними сладить; закричал исправнику — бунт; исправник губернатору; губернатор, чтобы не пропустить почты, генерал-прокурору; сей последний императору — бунт! Слон вырос из мухи <...>. Послали князя <Репнина> в Вологду спасать отечество <...>. — Приехали в Вологду гусем по глубоким снегам. Губернатор Шамшев встретил князя обычным благовестием, что и в губернском городе обстояло благополучно и во всей губернии тишина царствовала. Не успели мы еще порядочно обогреться, как фельдъегерь прискакал с высочайшим собственноручным рескриптом, в котором император <...> требовал немедленного уведомления, — не нужно ли личное присутствие его величества в Вологде для совершенного усмирения бунта? <...> — Между тем сам помещик, приехав в свое имение, совершил на месте суд и расправу патриархальным порядком: посек пьяных буянов, и все пошло по-прежнему» (Лубяновский. С. 111—112; 107—108).

О крестьянских ферментациях был выдан манифест (29 января 1797): «Повелеваем, чтобы все помещикам принадлежащие крестьяне, спокойно пребывая в прежнем их звании, были послушны помещикам своим». — «Вообще надо полагать, что в глубине души Павел, воспитанный в гуманном духе европейского просветительства, так же, как, впрочем, Екатерина II и Александр I, никогда не сочувствовал крепостническим порядкам, понимая всю их пагубность для России <...>. — В этом отношении не может не привлечь нашего внимания целая серия правительственных актов, уже прямо удовлетворявших крестьянские интересы, причем они были изданы Павлом I в первые недели царствования с такой быстротой и последовательностью, что можно предположить, что их подготовка велась по заранее продуманному плану. Так, уже 10 ноября 1796 г. был отменен объявленный еще при Екатерине II и чрезвычайно обременительный рекрутский набор, 10 декабря отменена разорительная для них хлебная подать, 16 декабря с крестьян (и мещан) снята недоимка в подушном сборе, 27 декабря крестьянам предоставлено право апелляции на решения по их делам судов, а затем — и право подавать жалобы на помещиков, в том числе и на имя самого государя — то и другое было строго воспрещено екатерининским законодательством. 10 февраля 1797 г. издан указ о запрещении продавать дворовых и крепостных без земли, а 16 октября 1798 г. — о запрете продавать без земли малороссийских крестьян. Оба эти указа ясно давали понять, что, на взгляд Павла I, крестьяне могут быть прикреплены к земле, но не составляют личной собственности помещиков. <...> Позиция Павла I в крестьянском вопросе <...> окончательно проясняется, когда мы вспомним о едва ли не главном деянии Павла I в отношении крепостного крестьянства — о так называемом законе о трехдневной барщине. Собственно, это не закон о трехдневной барщине, а помеченный 5 апреля 1797 г. манифест, возвещающий милости Павла I народу, и на первое место поставлено в нем запрещение принуждать крестьян к работам в воскресные и праздничные (по церковному календарю) дни <...>. Далее же было указано на деление оставшихся шести дней недели поровну между работами крестьянина на себя и на владельца, то есть официально признавалось достаточным не более чем трехдневное использование помещиком крепостного труда⁹ <...>. — Манифест датирован 5 апреля 1797 г., днем коронации в Москве Павла I — и этим все сказано. Вне коронационных торжеств он не может быть правильно понят. Начались они <...> с того, что Павел I объявил себя главой Православной Церкви, затем состоялось само коронование <...>, после чего, исполняя свое давнее желание, Павел I самолично ог-

ласил Акт о престолонаследии <...>, потом были прочтены «Учреждение об императорской фамилии» и «Установление о российских орденах» и, наконец, объявлен Манифест о милостях народу, но ни о каких других милостях сословиям объявлено в нем не было¹⁰ <...>. — Поставив этот манифест в один ряд с основополагающими коронационными актами своего царствования, Павел I уже одним тем доказал, какое исключительное государственное значение он ему придавал» (*Тартаковский. С. 219—222*).

8 ноября

СОБОР СВЯТАГО АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА И ПРОЧИХ НЕБЕСНЫХ СИЛ БЕСПЛОТНЫХ

Большая власть — то есть власть над большим народом — власть всегда, хотя бы слегка, сверхъестественная. Большой властитель — всегда, хоть немножко, маг и волшебник: на его превысшее знание и превосходящую силу возлагают подданные надежды о своем благоустроении и спасении от бед. Желательно, чтоб он был статью велик, лицом взрачен, голосом зычен — такой не подведет: спасет и устроит; наши первобытные привычки ищут в образе властителя черты пещерного вожака — с зарницами в очах и с оскалом в речах.

Сильная власть — это всегда власть немножко божественная. Наследственная власть — всегда сильная и божественная, ибо к сыновьям, внукам и правнукам первого властителя переходит особенная тайная сила, благодаря которой новый царь сумеет всех спасти: он не обязан давать отчет подданным в причинах своих прозрений и решений — ему неосяземо дано знать то, чего не знают не посвященные в тайну царского рода.

Павел был правнук Петра Первого — основателя новой России. Накануне смерти Екатерины ему было во сне видение: незримая сила возносила его к небу — он просыпался в недоумении и, засыпая вновь, опять был тревожим странным сном (см. *Ростопчин. С. 159*). — Первый день царствования Павла — 7-е ноября — канун Михайлова дня: Собора святого архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных.

Архангел Михаил — предводитель небесного воинства. Это Он, накануне Страшного Суда, вступает в последний бой с сатаной и низвергает проклятого змея в бездну. — «И бысть брань на небеси: Михаил и аггелы его брань сотвориша со змием, и <...> вложен бысть змий великий, змий древний, нарицаемый диавол и сатана <...> на землю» (*Апокалипсис. Гл. XII; 7*). Имя Архангела значит: *тот, кто яко Бог*. — «Светлое и мрачное чередуются в нем. В нем надежда и угроза. С ним опасно шутить, его нельзя безнаказанно увидеть. С други-

ми святыми легче иметь дело. Его можно ждать в виде пожара с неба, урагана с гор, в виде водяного столба в море <...>. Он почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией» (*Добиаш-Рождественская. С. 392*).

Архангел Михаил — давний покровитель русских государей: первый каменный Архангельский собор в Московском Кремле был построен еще Иваном Калитой. Архангел Михаил — всем царям царь: «Моисею предстатель бысть Михаил архаггел <...> та же во благочестии в новой благодати первому христианскому царю, Константину, невидимо предстатель Михаил архаггел пред полком хожаше и вся враги его побежаше, и оттоле даже и доньне всем благочестивым царем пособствует» (*Иван Грозный. С. 84*).

О том, что восшествие Павла произошло в канун Михайлова дня, догадались, видимо, сразу — кто именно: проницательные подданные или сам Павел, — сейчас трудно определить. очевидцы вспоминали об этом так: «Рассказывали, что часовой в Летнем дворце видел Михаила Архангела и даже имел с ним разговор» (*Головина. С. 201*). — «В самую глухую полночь является будто пред ним в темноте некакой сединами покрытый старец, вида важного и почтенного и <...> повелительным образом ему сказал, чтоб он неотменно сказал своему новому государю, чтоб он велел на самом том месте немедленно воздвигнуть храм <...>. Некоторые присовокупляли к сему, что будто старец сей к вышеписанным словам прибавил и следующие, отходя прочь: — Скажи же и примолвь и то, что я государя чрез тридцать лет опять увижу» (*Болотов. С. 255*). — «Часовой солдат <...> пошел к своему начальнику под тем предлогом, что имеет сообщить ему тайну. Он открыл ему, что <...> увидел свет в заброшенных залах дворца, что постучали в дверь, где он находился на карауле и назвали его по имени. Он имел мужество посмотреть тогда чрез дверные щели и увидел святого Михаила. Этот святой приказал ему пойти от его имени к императору и сказать ему, чтобы в этом месте построили церковь» (*Массон. С. 114*). — «Сперва не хотел никто тому верить, но как он <часовой> и сержанту, а потом и караульному офицеру самое то же под клятвою рассказывал, то сочли они за нужное донести о странном приключении сем высшей команде и <...> довести историю сию и до самого государя. Но сей, услышав о сем, будто сказал: — Да, это я уже знаю» (*Болотов. С. 255—256*). — «Солдат был вызван <...>. Император сказал, что св. Михаилу нужно повиноваться, что он сам уже получил внушение построить Ему церковь и име-

ет уже план ее» (*Массон. С. 114*). — «Вот что говорили в народе и какая носилась молва о сем случае, но <...> надобно иметь великую веру, чтоб не почесть все сие выдуманною басенкою, или, по крайней мере, политическою стратагемою» (*Болотов. С. 256*). «Как бы то ни было, <...> Летний дворец решено было сломать» и «начали строить новую церковь и новый дворец» (*Головина. С. 201; Массон. С. 114*).

Дворец Михаила Архангела — Михайловский замок — алтарь империи — строили на протяжении всего царствования Павла с быстротой, невиданной от времен Петра I. Денег не жалели. Было потрачено шесть с лишком миллионов (*Шуйский. С. 810*) — сумма, приличная для проведения небольшой победоносной войны.

Царь переехал во дворец за месяц до смерти.

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ ПОВЕЛЕВАЕТ ПЕРЕЗАХОРОНИТЬ ОСТАНКИ НЕВИННО УБИЕННОГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ТРЕТЬЕГО

«Объявите княгине Дашковой, чтоб она, напаятовав происшествия, случившиеся в 1762 году, выехала из Москвы в дальние свои деревни <...>. Извольте смотреть, чтоб ехала немедленно <...>. Пребываем вам благосклонный — Павел» (*Приказ московскому военному губернатору М. М. Измайлову 1 декабря 1797 // Шильдер. С. 312*).

«Происшествия, случившиеся в 1762 году», Павел отчасти видел собственными глазами. Ему шел тогда восьмой год. Утром 28-го июня распорядитель его воспитанием Никита Иванович Панин поднял его с постели и полусонного, в шлафроке и ночном колпаке, привез в Зимний дворец под большой гвардейской охраной (см. *Шумахер. С. 281*). Он видел на лугу возле дворца громкошумные толпы гвардейцев: они ликовали о вступлении на престол его матери. Рядом с Екатериной безотлучно находилась княгиня Дашкова — ей было восемнадцать лет.

Вряд ли Павел сопрягал тогда восшествие матери с происшедшей через неделю после 28-го июня смертью отца — Петра Третьего. Сопрягать он научился потом. Отца он не знал — то есть он, разумеется, видел его в малолетстве, и Петр Третий его тоже видел, но видели они друг друга так редко (см. *Дашкова. С. 53*), что вряд ли память Павла содержала хоть единую живую черту родителя. Петр Третий сохранялся не в памяти, а в идее сына: отец был мифом его воображения, медиатором возмездия царствованию матери, символом восстановления попорченной справедливости. — Говорят, что уже в первый день, 7-го нояб-

ря, Павел отдал приказ об оказании императорских почестей праху родителя (*Шильдер. Изд. 1996. С. 288—289*).

Петр Третий во время своего кратковременного царствования не успел короноваться, от престола отрекся, акт отречения был напечатан в указных книгах вместе с манифестом о восшествии Екатерины и, следовательно, умер он уже не императором, зачем и был погребен не в Петропавловском соборе — императорской усыпальнице, — а в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря, разумеется, без большого церемониала.

8-го ноября, в Михайлов день, гроб с прахом Петра был вынут из-под земли и поставлен в Благовещенской церкви для оказания ему царских почестей: предстояло перенести его в Зимний дворец, поставить рядом с гробом Екатерины, чтобы затем одновременно упокоить их вместе в Петропавловской усыпальнице. — Гроб Петра Третьего был вскрыт — «ни образа, ни подобия: уцелели только шляпа, перчатки, ботфорты» (*Лубяновский. С. 98*); 25-го ноября Павел своеручно короновал их: «Император вошел в царские врата, взял с престола приготовленную корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам родителя своего, снял с главы своей корону и при возглашении вечной памяти положил ее на гроб в Бозе почившего императора» (*Шильдер. Изд. 1996. С. 290*).

«Предстояла печально-торжественная церемония перенесения тела императора Петра III из Невского монастыря в Зимний дворец. Заранее сам государь изволил делать рекогносцировку от Зимнего дворца до Лавры. <...> Дня за два до этой церемонии была другая процессия <...>: перевозили из дворца в Невский к гробу Петра III государственные регалии. Процессия началась в 7 часов вечера, в декабре <1-го числа>, при 20 градусах стужи, в темноте от густого тумана. Более тридцати карет, обитых черным сукном, цугами в шесть лошадей, тихо тянулись одна за другою; лошади с головы до земли были в черном же сукне; у каждой шел придворный лакей с факелом в руке, в черной епанче с длинными воротниками и в шляпе с широкими полями, обложенной крепом; в таком же наряде, с факелами же в руках, лакеи шли с обеих сторон у каждой кареты; кучера сидели в шляпах как под наметами. В каждой карете кавалеры в глубоком трауре держали регалии. Мрак ночи, могильная чернота на людях, на животных и на колесницах, глубокая тишь в многолюдной толпе, зловещий свет от гробовых факелов, бледные от того лица, все вместе составляло печальнейшее позорище. — Торжественное перенесение гроба <2-го декабря> со всеми императорскими почестями, несмотря на сильную стужу, совершилось благополучно. Войска стояли от монастыр-

ских ворот до Зимнего дворца; государь и великие князья пешком следовали за колесницею» (*Лубяновский. С. 95—98*). — «На целых полторы версты процессия была растянута. Словом, самый императорский вынос» (*Боратынский — отцу 4 декабря 1796. Л. 181-об.*).

«Для оказания почестей праху Петра III выбрали именно тех людей, которые подготовили его смерть» (*Головкин. С. 136*). — «Тот, кому назначено было нести корону императорскую (гр. А. Г. Орлов), зашел в темный угол и взрыд плакал» (*Лубяновский. С. 98*).

«Гроб Петра III стоял несколько дней в Зимнем дворце рядом с гробом Екатерины» (*Лубяновский. С. 98*). «5-го декабря оба гроба одновременно перевезены были в Петропавловский собор. <...> С 5-го по 18-е декабря народ всякого звания допускаем был на поклонение в крепость беспрепятственно. Наконец 18-го декабря останки Петра III и Екатерины II были преданы земле, после панихиды, в присутствии их величеств и всей императорской фамилии» (*Шильдер. Изд. 1996. С. 291—292*).

Из всех указных книг было повелено вырезать листы, на которых напечатан манифест о восшествии Екатерины (*Указ 29 января 1797 // ПСЗ. № 17759*). После того как вырезанные листы были доставлены из всех губернских присутственных мест (на доставку ушло два с половиной года), их сожгли в Тайной экспедиции (*Шильдер. Изд. 1996. С. 301*). Два экземпляра оставили для справок.

Реформа государственной безопасности ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ ЗАПРЕЩАЕТ ЧАСТНЫЕ ТИПОГРАФИИ, УЧРЕЖДАЕТ ЦЕНЗУРУ И ПРИКАЗЫВАЕТ ДОКЛАДЫВАТЬ О ПРОИСШЕСТВИЯХ

В подтверждение указа покойной императрицы Екатерины и «в прекращение разного рода неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг» — повелено закрыть все частные типографии и учредить в Петербурге и Москве духовную и светскую цензуры, а в Риге, Радзивиллове и Одессе — цензуру для иностранных книг, ввозимых из-за границы (*ПСЗ. № 17811*).

Главным военным губернатором Петербурга император назначил наследника Александра Павловича, комендантом — Аракчеева («каждое утро в семь часов и каждый вечер — в восемь великий князь подавал императору рапорт» — *Саблуков. С. 33*); «вторым военным губернатором в С.-Петербурге — генерала от инфантерии Николая Петровича Архарова, а обер-полицеймейстером был генерал-майор Чулков, которые, по при-

казанию его величества, доносили ежедневно не только о малейших происшествиях в городе, но даже о частных разговорах, которые доходили до них чрез полицейских шпионов, собиравших таковые сведения чрез домашних у господ служителей, в трактирах и кабаках от солдат и от всякого звания людей» (*Волконский. С. 182—183*). — «На дворе у нас нанимал квартиру квартальный комиссар (так назывались тогда помощники надзирателей) 14-го класса Сатаров, сын бывшего сторожа в Экспедиции о расходах. Он был тираном и страшилищем всего дома: его слушались со страхом и трепетом; от него убегали, как от самого Павла. Донос такого мерзавца, самый несправедливый и нелепый, мог иметь гибельные последствия» (*Греч. С. 163—164*).

Заговор в гвардии

«В самый день Рождества Спасителя поутру я лежал на кровати и читал книгу. Растворяется дверь и входит ко мне полицмейстер Чулков, спрашивает меня, я ли отставной полковник Дмитриев? Получаю подтверждение, приглашает меня к императору, и как можно скорее. Я тотчас обновляю новый мундир и выхожу с Чулковым из моих комнат. В сенях вижу приставленного к наружным дверям часового. Я сказал только моим служителям, следовавшим за мною: — «Скажите братьям» <...>. Выйдя из ворот, мы садимся в полицмейстерскую карету и скачем ко дворцу. Останавливаемся на углу Адмиралтейства, против первого дворцового подъезда. Полицмейстер, выскоча из кареты, сказал мне, что он скоро возвратится, и пошел во дворец. — Между тем как на Дворцовой площади продолжался вахт-парад, зрелище для меня новое, я в одном мундире, в тонком канифасном галстуке, дрожал в карете от жестокого мороза и ломал себе голову, чтоб отгадать причину столь внезапного и необыкновенного происшествия <...>. Наконец полицмейстер показался в подъезде, махнул платком, и карета подъехала. Вышед из оной, встречаюсь я с сослуживцем моим штабс-капитаном В. И. Лихачевым <...>. Полицмейстер ставит нас рядом и приглашает следовать за ним вверх по лестнице <...>. С первым шагом во внутренние покои я поражен был неожиданною картиною: вижу в них весь город, всех военных и статских чиновников, первоклассных вельмож, придворных обоего пола, во всем блеске великолепного их наряда, и вдоль анфилады — самого государя! Окруженный военным генералитетом и офицерами, он ожидал нас в той комнате, где отдавались пароль и императорские приказы. При входе нашем в нее, он указывает нам место против себя, потом, обратясь к генералитету, объявляет ему, что неиз-

вестный человек оставил у буточника письмо на императорское имя, извещающее, будто полковник Дмитриев и штабс-капитан Лихачев умышляют на жизнь его. — «Слушайте, — продолжал он и начал читать письмо, которое лежало у него в шляпе. По прочтении оногo гoсударь сказал: — Имя не подписано; но я поручил военному губернатору (Н. П. Архарову) отыскать доносителя. Между тем, — продолжал он, обратясь к нам, — я отдаю вас ему на руки. Хотя мне и приятно думать, что это клевета, но со всем тем я не могу оставить такого случая без уважения. Впрочем, — прибавил он, говоря уже на общее лицо, — я сам знаю, что гoсударь такой же человек, как и все, что и он может иметь слабости и пороки; но я так еще мало царствую, что едва ли мог успеть сделать кому-либо какое зло, хотя бы и хотел того. — Помолчав немного, заключил сими словами: — Если же хотеть, чтоб меня только не было, то надобно же кому-нибудь быть на моем месте, а дети мои еще так молоды!» При сем слове великие князья, наследник и цесаревич, бросились целовать его руки. Все восколебалось и зашумело: генералы и офицеры напирали и отступали, как прилив и отлив, и целовали императора, кто в руку, кто в плечо, кто ловил поцеловать полу. — Когда же все утихло и пришло в прежний порядок, император откланялся. Архаров кивнул нам головой, чтобы мы пошли за ним. В передней комнате сдал нас полицмейстеру, который и привез нас в дом военного губернатора. — По возвращении г. Архарова из дворца мы были позваны в его гостиную. Он обошелся с нами весьма вежливо, даже довольно искренно. На какие-то мои слова он отвечал мне: «За вас все ручаются». После обеденного стола, к которому и мы были приглашены, он отдохнул и поскакал опять к гoсударю, а мы с Лихачевым простояли в одной из проходных комнат, прижавшись к печи, до глубоких сумерек и не говорили друг с другом почти ни слова. Наконец домоправитель г. Архарова с учтивостию предложил нам перейти в особую комнату, для нас приготовленную. Мы охотно на то согласились, и он, доведя нас до нашего ночлега, приготовленного в верхнем жилье, пожелал нам доброй ночи. Это были две небольшие комнаты, из коих в первой нашли мы у дверей часового. При входе же в другую первая вещь, бросившаяся мне в глаза, был мой пуховик с подушками, свернутый и перевязанный одеялом. Признаюсь, что я не порадовался такой неожиданной услуге. Товарищ мой, найдя также и свою постель, разостлал ее на полу и вскоре заснул на ней, а я, сложив руки, сел на свою, не думав ее развертывать. Между тем свеча, стоявшая в углу на столике, уже догорала, а я еще не спал; неподвижно упер глаза в окно, и что же сквозь его ви-

дел? Полный месяц ярко сиял над Петропавловским шпицем. Не хочу описывать всего, что я чувствовал, что думал и куда занесло меня воображение. Довольно сказать, что после первых волнений стал я входить в себя, начал обдумывать все возможные случаи и твердо решился, где бы ни был, что бы ни было, поставить себя выше рока <...>. — На другой день поутру известились мы, что доносчик, или клеветник наш, отыскан и вот каким образом. Военный губернатор, от природы сметливого ума и опытный в полицейских делах, приказал немедленно забрать и пересмотреть все бумаги, какие найдутся у наших служителей, не забыв перешарить и все их платье. В ту же минуту найдено было в сюртучном кармане одного из слуг письмо, заготовленное им в деревню к отцу и матери. Он уведомляет в нем о разнесшемся слухе, будто всем крепостным дарована будет свобода, и заключает письмо свое тем, что если это не состоится, то он надеется получить вольность и другую дорогою. Этот слуга, не старше двадцати лет, принадлежал брату Лихачева, Семеновского полка подпоручику. — На третий или на четвертый день нашего задержания <...> едва я успел встать с постели, как вбегает к нам в горницу ординарец с известием, что военный губернатор прислал из дворца карету с тем, чтобы мы поспешили приехать во дворец до окончания вахтпарада. — Мы отправились, но уже одни, без полицмейстера <...>. Император принял нас в прежней комнате и также посреди генералитета и офицерства. Он глядел на нас весело и, дав нам занять место, сказал собранию: — «С удовольствием объявляю вам, что г. полковник Дмитриев и штабс-капитан Лихачев нашлись, как я ожидал, совершенно невинными; клевета обнаружена, и виновный предан суду. Подойдите, — продолжал, обратясь к нам, — и поцелуемся». — Мы подошли к руке, а он поцеловал нас в щеку. <...> — Потом император пригласил нас к обеденному столу и отправился со всею свитою в дворцовую церковь для слушания литургии. — Таким образом кончилось сие чрезвычайное для меня происшествие. Скажем несколько слов о последствиях оногo: сколько я ни поражен был в ту минуту, когда внезапно увидел себя выставленным на позорище всей столицы, но ни тогда, ни после не восставала во мне мысль к обвинению государя; напротив того, я находил еще в таковом поступке его что-то рыцарское, откровенное и даже некоторое внимание к гражданам. Без сомнения, он хотел показать, что не хочет ни в каком случае действовать, подобно азиатскому деспоту, скрытно и самовластно. Он хотел, чтобы все знали причину, за что взят под стражу сочлен их, и равно причину его освобождения» (*Дмитриев. С. 327—332*).

Явился Новый год нам в мире,
 Взвился отеческий орел,
 И Павел в блещущей порфире
 Восшел на царственный престол!
 Се корень отрасли Петрова
 Восколебет вселенну снова,
 Свершащи громкий подвиг свой!
 Покров мой, щит мой и отрада,
 Блаженство сел, градов ограда,
 О Павел! Ты наш бог земной!

(*Державин. С. 60—61; Майков. С. 223; Киж. Год 1999; Ломоносов. Т. 8. С. 196; Жуковский. Т. 1. С. 1; Карамзин. С. 189¹¹*)

Заговор в армии

Полковник Каховский говорил, что де «государь хочет все по-прусски в России учредить и даже переменить закон», а по-сему надобно — «восстав против государя, идти <...> на Петербург» (*Суворов. Письма. С. 690*). — Каховский посажен в Динамюндскую крепость¹².

«Однажды, говоря об императоре Павле, он <Каховский> сказал Суворову: — Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находятся столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу. — Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховскому. — Молчи, молчи, — сказал он, — не могу. Кровь сограждан!» (*Из воспоминаний А. П. Ермолова. — Суворов. Письма. С. 691*)

Суворов

В середине декабря Павел отправил ему в Тульчин ласковый рескрипт: «Граф Александр Васильевич <...> Commençons de pouveau <Начнем с начала>. Кто старое помянет, тому глаз вон, у иных, правда, и без того по одному глазу было <у Потемкина>. Поздравляю с Новым годом и зову приехать к Москве, к коронации, если тебе можно. — Прощай, не забывай старых друзей. — Павел. — Приводи своих в мой порядок, пожалуй» (*Суворов. Письма. С. 686*).

Но Суворову не понравился Павлов порядок: ни новая форма мундиров и обуви, ни пукли, ни воинский устав, ни то, что теперь по армиям разъезжают с проверками инспекторы и какой-нибудь полковник имеет право ловить боевых генералов на вахт-парадных оплошностях, ни то, что Павел произвел в фельдмаршалы — на ступень, которую Суворов добыл в гибельных баталиях, — сразу четырех человек только по монаршей милости к ним: фельдмаршальское достоинство девальвировалось. — Суворов насупился, приуغمился и в начале января подал в отставку, а между тем язвил новый воинский порядок своим ост-

рым языком. Стишки его: *пукли не пушки, коса не тесак, я не немец, а природный русак* (см. *Шишков. С. 12*), — не слышали только глухие. Государь к числу глухих не принадлежал, и 6-го февраля 1797-го вышел приказ: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь его императорскому величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы» (*Суворов. С. 264*). — Суворов уехал в свое имение — под Кобрин. Но едва Суворов устроился дома, как за ним приехали из Тайной экспедиции и перевезли в другое его поместье — глухое Кончанское под Боровичами: императору донесли, будто фельдмаршал волновал умы и готовил возмущение (*Головина. С. 113*). Из Кончанского Суворову воспретили выезжать даже к соседям в гости, а для смотрения за его благонамеренностью к нему был поселен нарочитый чиновник. «По свидании со мной, — писал чиновник императору из Кончанского, — он мне сказал: — Я слышал, что ты пожалован чином, правда, и служба твоя большая, все служил, выслужил... — Я в ответ ему сказал, что исполнять волю монаршую — первейший долг всякого верноподданного, он на сие мне отвечал: — Я бы сего не сделал, а сказался бы больным» (*ИВ. 1884. Т. 18. № 10. С. 155*).

КОРОНАЦИЯ

25 марта. Москва. Благовещение Пресвятой Богородицы: Первое торжественное, троекратное и во всеуслышание предстоящего 5-го апреля коронования возглашение: в Петровском дворце, в Кремле и в торговых рядах (*Головкин. С. 151*).

26 марта. Собор Гавриила Архангела: Второе торжественное, троекратное и во всеуслышание возглашение предстоящего коронования.

28 марта. «В Вербную субботу был торжественный въезд государя в Москву» (*Головина. С. 177*). — Шествие из Петровского замка в Кремль продолжалось с часа до пяти пополудни (*Головкин. С. 152*).

29 марта. Вербное Воскресенье. Вход Господень в Иерусалим: Третье торжественное, троекратное и во всеуслышание, возглашение предстоящего коронования.

3 апреля. Великая Пятница. Воспоминание Святых спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа. Репетиция церемоний коронования: «Император вел себя как ребенок в восторге от приготовляемых для него удовольствий». — Репетиция шла безостановочно: у придворных «не было времени для отправления простых и естественных нужд» (*Головкин. С. 152—153*).

5 апреля. Светлое Христово Воскресение. Коронация в Успенском соборе Московского Кремля: «Около 8 часов шествие

тронулось. Путь от дворца до собора в Кремле так короток, что для его удлинения шествие обогнуло колокольню Ивана Великого. Император был в мундире и высоких сапогах, императрица в платье, сотканном из серебристой парчи и расшитом серебром» (*Головкин. С. 153*). — «Посредине церкви, напротив алтаря, было устроено возвышение, где стоял трон императора <...>. Император короновался сам, потом он короновал императрицу, беря свою корону и дотрагиваясь ею до головы супруги» (*Головина. С. 179*). — «Павел Петрович объявил себя главою церкви и при короновании, прежде чем облечься в порфиру, приказал возложить на себя далматик — одну из царских одежд византийских императоров <...>, но Святыя Тайны в алтаре принял из рук священнослужителя, а не сам лично, вопреки распространившимся тогда слухам» (*Шумигорский 1907. С. 121—122*).

«Император, в порфире, в короне, со скипетром и державою в руках, под балдахин, шел <...> бодрым шагом и с веселым лицом. Поравнявшись с князем <Репниным>: — *Fais-je bien mon role, mon prince?* <Ну что, князь, какво я играю свою роль?> — сказал ему; а императрица, следуя за ним, тут же два раза вслух повторила: — *Mais plus doucement, mon ami, plus doucement* <Но помедленнее, друг мой, не так быстро>» (*Лубяновский. С. 114*). — «После обедни, причастия, коронования <...> император приказал прочесть громким голосом Акт о престолонаследии <«Избираем Наследником, по праву естественному, после смерти Моей, Павла, Сына нашего большего, Александра...»>. Этот Акт был положен на алтарь в Успенском соборе» (*Головина. С. 179—180*).

5-го же апреля. Светлое Воскресение. Царская милость: 200 с лишком указов — «о пожаловании разным лицам чиновного и придворного мира земель и угодий с крестьянами, чинов и титулов княжеского, графского и баронского достоинства» (*Клочков. С. 534*). — «Во время коронации в Москве он роздал многие тысячи государственных крестьян важнейшим сановникам государства и всем лицам, служившим ему в Гатчине, так что многие из них сделались богачами. Павел не считал этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительным для общего блага, ибо он полагал, что крестьяне гораздо счастливее под управлением частных владельцев, чем тех лиц, которые обыкновенно назначаются для заведывания государственными имуществами» (*Саблуков. С. 30*).

5-го же апреля. Светлое Воскресение. Царская милость: манифест о запрещении крестьянских работ на помещиков по воскресным и праздничным дням и о равномерном разделении прочих дней недели «как для крестьян собственно, так и для ра-

бот их в пользу помещиков» (ПСЗ. № 17909; см. также примечание 9).

На другой день после коронации «император и императрица на троне в Грановитой палате принимали поздравления» (Лубяновский. С. 115). — «Императору все казалось, что приходило слишком мало народу. Императрица постоянно повторяла, что она слышала от императрицы Екатерины, будто во время коронации толпа, целовавшая руку, была так велика, что рука у нее распухла, и жаловалась, что у нее рука не распухает. Обер-церемониймейстер Валуев, чтобы доставить удовольствие их величествам, заставлял появляться одних и тех же лиц под разными названиями» (Головина. С. 181).

Верил ли Павел всерьез и полностью — всем существом своим, душой и жизнью — в свою сверхъестественную соединенность с миром запредельным, горним и неизъяснимым: в то, что о его царствии присматривают небесные силы бесплотные? Или его вера была не самостоятельна? исходила не из откровений и предчувствий его собственного организма, а была предписана ему символическим языком эпохи — как диктант ученику?

Тут бы можно было присоединиться к великому лингвософскому спору о том, что чем определяется: язык — мышлением или мышление — языком. Мы не можем поддерживать ни первую, ни вторую версию, ибо полагаем, что между языком и мышлением существует система взаимных согласованностей, а по-сему думаем, что не будь у Павла природной, врожденной склонности к заглядыванию в бесплотную сферу потустороннего бытия — не доверился бы он так живо и энергично языку эпохи, то есть не дал бы ходу преданиям о Михаиле Архангеле, не стал бы тратить миллионы на строительство Михайловского замка, не назвал бы своего четвертого сына Михаилом, наконец, не назначил бы свою коронацию на Пасху.

«Павел I специально приурочил свой въезд в Москву на коронацию к Вербной субботе, а самую коронацию — к Светлому Воскресению <...>. Тем самым Павел приравнивает свое вступление в Москву вступлению Христа в Иерусалим в качестве Мессии, Царя и Искупителя, а свою коронацию — к окончательному прославлению Христа, воцарившегося и искупившего человечество» (Живов, Успенский. С. 272—273). — Впрочем, приравнивает он все это как-то так, что у нас остаются сомнения насчет полноты его веры в искупительную и спасительную силу своего сана: он, кажется, понимает, что его коронация — это спектакль, исполненный на языке, способном высказать понятия об авторитете верховной власти только через

приравнивание царя земного Царю Небесному. Недаром он спрашивает одного из близстоящих: «Ну что, каково я играю свою роль?» Однако понимает ли он, насколько этот язык, естественный в каком-нибудь пятнадцатом или даже в семнадцатом столетии, уместен накануне девятнадцатого века?

Придворная хроника

ФАВОРИТЫ

«На государя сильно влияет императрица, она вмешивается во все дела <...>. Чтобы усилить свою роль, она соединилась с мадемуазель Нелидовой, ставшей ее лучшей подругой после 6 ноября <...>. Она желали бы устранить князя Безбородко и посадить на его место князя Александра Куракина, дурака и пьяницу, хотели бы определить во главу военной части князя Репнина и управлять всем через своих ставленников» (*Росточин. С. 182—183*).

Мадемуазель Нелидова — это Катерина Ивановна Нелидова, в ту пору девушка сорока лет, из числа первых воспитанниц Института благородных девиц при Смольном монастыре. Она обратила на себя взгляд Павла еще в восьмидесятые годы и с той поры сделалась незаменима при его дворе. «Знайте, что, умирая, буду помнить о Вас», — говорил ей Павел (*Шумигорский 1907. С. 68*). Но, кажется, это признание было отблеском не любовной страсти, а только душевного притяжения. «Разве я искала в Вас для себя мужчину? — говорила Нелидова Павлу. — Клянусь Вам, с тех пор, как я к Вам привязана, мне все кажется, что Вы моя сестра» (*Оснадцатый век. Кн. 3. С. 435*). Императрица Мария Федоровна долгое время искренне ревновала супруга, но в конце концов поняла, что только Нелидова способна гасить молнии Павлова гнева, и сочла за благо сделать ее своей наперсницей.

Нелидова думала, что сам Господь предопределил ей хранить государя, и она, неосяземо для Павла, подбирала ему в близстоящее окружение таких людей, для которых ее слово было весомее их собственного мнения. За это ее, естественно, ненавидели все, кто не мог подступить к Павлу мимо нее.

«Мне случилось на бале, в день бывшего празднества, видеть, что государь чрезвычайно рассердился на гофмаршала и приказал позвать его к себе, без сомнения, с тем чтобы сделать ему великую неприятность. Катерина Ивановна стояла в это время подле него, а я — за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила свою руку за спину и дернула его за платье. Он тотчас почувствовал, что это значило, и отвечал ей отрывисто: — Нельзя воздержаться! — Она опять его дернула. Между тем гофмаршал приходит, и Павел изъясил ему

свое негодование, но гораздо кротчайшим образом, нежели как по первому гневному виду его ожидать надлежало» (*Шишков. С. 31—32*).

По наружности она представляла полную противоположность с императрицею — Мария Федоровна «была белокура, высокого роста, склонна к полноте <...>. Нелидова же была маленькая, смуглая, с темными волосами, блестящими черными глазами» (*Саблуков. С. 12*) и «до того умна и любезна, что всякий, говоря с нею, забывал, что она дурна. Павел несколько лет был в нее чрезвычайно влюблен, и она многое из него умела делать» (*Долгоруков. С. 143*).

«Впрочем, надо заметить, что великий князь отнюдь не был человеком безнравственным; напротив того, он был добродетелен, как по убеждению, так и по намерениям. Он ненавидел распутство, был искренно привязан к своей прелестной супруге и не мог себе представить, чтобы какая-нибудь интриганка могла когда-либо увлечь его и влюбить в себя без памяти. Поэтому он свободно предался тому, что он считал чисто платонической связью» (*Саблуков. С. 12*).

После Нелидовой самое доверенное лицо императора — Иван Павлович Кутайсов, «некогда турок, после христианин, теперь комнатный слуга» (*Ростопчин. С. 93*). — «В детстве, во время первой турецкой войны, он попал в плен при Кутаисе, отчего и получил свою фамилию. Павел принял его под свое покровительство: велел воспитать на свой счет и *обучить бритью*. Он впоследствии сделался императорским брадобреем и, в качестве такового, ежедневно имел в руках императорский подбородок и горло, что, разумеется, давало ему положение доверенного слуги. Это был чрезвычайно смысленный человек, обладавший особенною проницательностью в угадывании слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что он, по возможности, всегда старался улаживать все к лучшему, предупреждая тех, которые являлись к императору, о настроении духа своего господина. С течением времени он <...> был сделан графом» (*Саблуков. С. 31*). — «О tempoга! О mores! Впрочем, когда же этого и не бывало? Меншиков торговал блинами, Разумовский певал на клиросе, Сиверс был скороходом! Почему же и Кутайсову не быть графом?» (*Долгоруков. С. 185*)

«После обеда обыкновенно степенными и мерными шагами ходили мы прогуливаться по саду <...>. После прогулок, отдохнув несколько, ежедневно собирались мы на беседу <...>. Так, государь и государыня с великими князьями и великими княжнами садились рядом и проводили время в разговорах, а мы си-

дели вокруг комнаты, на стульях, как бы прикованные к ним истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать с них не смели. Достопримечательного тут было только то, что на простирившемся на полу шлейфе платья императрицына лежала всегда дворная паршивая собака, которая нигде иначе не ложилась и которую императрица никогда не стогнала. Чудная собака сия достойна того, чтоб о ней упомянуть. Она, увидя однажды государя, идущего по двору, неизвестно откуда взялась, подбежала к нему и маханием хвоста изъявляла ему свою радость. Он ее погладил. Она, как будто бы получа чрез то позволение, пошла за ним на лестницу, в комнаты и в самый кабинет его. Он дал ей волю и не отогнал от себя. С тех пор она от него не отставала и в короткое время из робкой и боязливой так сделалась смела и спесива, что никто, кроме его, дотронуться до нее не мог: на всякого она огрызалась и кусала. Один раз случилось, что она во время вахт-парада, бегая за ним, не в пору залаяла, так что он, рассердясь на нее, закричал нам: «Возьмите ее от меня прочь!» — Мы все кинулись на нее. Она, по видимому, устрашась гневного вида его, вместо чтоб по-прежнему ворчать и кусаться, повалилась на спину и смиренным маханием лапок словно как бы просила о пощаде. Она любила спектакли и ни одного из них не пропускала: сидела в партере на задних ногах и смотрела на игру актеров, как будто бы понимая их речи и действия. В день смерти императора, никуда прежде из дворца не отлучаясь, она вдруг пропала; и никто не знает, куда девалась» (*Шишков. С. 40—41*). — Sic itur ad astra et sic transit gloria mundi¹³.

ПРАВЫ

«Как-то раз¹⁴, в то время, когда я находился во внутреннем карауле, во дворце произошла забавная сцена. <...> Офицерская караульная комната находилась близ самого кабинета государя, откуда я часто слышал его молитвы. Около офицерской комнаты была обширная прихожая, в которой находился караул, а из нее шел длинный узкий коридор, ведущий во внутренние апартаменты дворца. Здесь стоял часовой, который немедленно вызывал караул, когда император показывался в коридоре. Услышав внезапно окрик часового «караул вон!», я поспешно выбежал из офицерской комнаты. Солдаты едва успели схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить свою шпагу, как дверь коридора открылась настежь и император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вошел в комнату, и в ту же минуту дамский башмачок, с очень высоким каблуком, полетел через голову его величества, чуть-чуть ее не задевши. Император через офицерскую комнату прошел в свой

кабинет, а из коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак и вернулась туда же, откуда пришла. На другой день, когда я сменялся с караула, его величество подошел ко мне и шепнул: — Друг мой, вчера у нас случилась размолвка. — Так точно, государь, — отвечал я» (*Саблуков. С. 51—52*).

«Я завидел вдали едущего мне навстречу императора и с ним ненавистного Кутайсова. Таковая встреча была тогда для всех предметом страха <...>. Я успел заблаговременно укрыться за деревянным обветшалым забором, который, как и теперь, окружал Исаакиевскую церковь. Когда, смотря в щель забора, я увидел проезжающего государя, то стоявший неподалеку от меня инвалид, один из сторожей за материалами, сказал: — Вот-ста наш Пугач¹⁵ едет! — Я, обратясь к нему, спросил: — Как ты смеешь так отзываться о своем государе? — Он, поглядев на меня, без всякого смущения, отвечал: — А что, барин, ты, видно, и сам так думаешь, ибо прячешься от него» (*Полетика. С. 319—320*).

«Государь привел меня к себе и дал мне следующее приказание: — Когда я в маскараде буду ходить, ты не отставай от меня <...>. Когда же я уйду спать, ты оставайся до конца маскарада; и ежели он долго продолжится, то ты постарайся как-нибудь его сократить <...>. — Маскарад начался. Народу пропасть. Теснота превеликая. Государь с императрицею и великими князьями вышел из внутренних своих покоев. Я, опасаясь, чтоб меня как-нибудь не оттерли, иду за ними, не уступая никому ни шагу. Они посреди комнаты остановились. Окрест их стеснился тотчас круг зрителей. Я стою в сем кругу, не спуская с императора глаз, чтоб мне в ту же минуту побегать за ним, как скоро он куда пойдет. Чрез несколько времени вдруг вижу, что он взглянул на меня и движением головы дал мне знать ту сторону, куда он идти хочет. Я бросился за ним, ничего перед собой не видя, с таким стремлением, что мог бы легко столкнуть с ног императрицу или кого из великих князей, и, не взирая на мою поспешность, насилу успел его догнать. Иду за ним. Он, оборотясь, говорит мне: — Скажите этому ротозею (указывая на одного высокого мужчину), что он дурак. — Я подбежал к нему и лишь только, к великому удивлению его, передал ему царское приказание, как пустился опять вслед за государем; и хотя не прошло более одной минуты, однако ж язык и руки мои должны были крепко работать, чтоб пробраться сквозь теснившуюся толпу. Насилу догнал его. Он, оборотясь, спросил у меня: — Кто такой этот мужчина? — Я принужден был сказать, что не догадался спросить об его имени. Он отвечал мне (однако ж, без гнева): — Худо вы сделали, что не спросили» (*Шишков. С. 37—38*).

ПРОИСШЕСТВИЯ

«Когда однажды¹⁶ вечером он прогуливался в Павловске вместе с двором и лицами, составлявшими его постоянное общество, послышались звуки барабана. Все насторожились. Для вечерней зари было слишком поздно. Император остановился, заметно взволнованный. Били тревогу.

— Это пожар! — вскричал он, повернулся и быстро пошел к дворцу вместе с великими князьями и военными. Императрица с остальным обществом следовала за ним издали. Подойдя к дворцу, увидели, что одна из ведущих к нему дорог занята частью гвардейских полков. Остальные кавалеристы и пехотинцы поспешно бежали со всех сторон. Спрашивали друг у друга, куда надо идти, сталкивались, и на узкой дороге, наполненной войсками, военные, пожарные и различные повозки пролагали себе дорогу только с помощью страшного крика.<...>

Императрица, опираясь на руку одного из придворных, пробиралась чрез толпу, разыскивая государя, потерянного из виду. Наконец, беспорядок настолько увеличился, что многим из дам, и именно великим княгиням, пришлось перелезть через барьер, чтобы избежать опасности быть раздавленными.

Немного спустя войскам был дан приказ разойтись. Император был взволнован и в плохом настроении. Много было движения, продолжавшегося до позднего вечера. После долгих розысков открыли, что причиною суматохи был трубач, упражнявшийся в казармах конной гвардии. Войска в примыкающих казармах подумали, что это сигнал <тревоги>, и повторили его, таким образом тревога передалась от одного полка к другому. В войсках думали, что это или пожар, или испытание на быстроту сбора».

Через день, «почти в те же часы, когда двор был на прогулке в другой части сада, отделенной от большой дороги только небольшим барьером, послышался звук трубы и показалось несколько кавалеристов, скакавших во весь опор по тропинке, примыкающей к большой дороге. Император в бешенстве бросился к ним с поднятой тростью и заставил их повернуть обратно. Великая княгиня Елизавета Алексеевна и адъютанты бросились за ним, и все были довольно удивлены этой второй сценой. В особенности растерялась государыня. Она кричала, обращаясь к придворным:

— Бегите, господа, спасайте вашего государя! <...>

История окончилась несколькими наказаниями и больше не повторялась» (*Головина. С. 187—189*).

Причиной второй тревоги был новый приказ императора, не дошедший до полков, — о том, чтобы почталионы возвещали свое прибытие сигналом рожка: один из почталионов, прибыв

с письмом из Петербурга в Павловск, стал трубить; этот звук гвардейцы и приняли за сигнал тревоги. — После первой тревоги император объявил всем чинам гвардии высочайшее удовольствие «за вчерашнее усердие и исправность» (*Санкт-Петербургские ведомости*. 1797. № 63); после второй отдал приказ жителям и служащим Павловского: «Чтобы во время высочайшего присутствия в городе не было там ни от кого произнесимо свистов, криков и не дельных разговоров» (*Шумигорский* 1898. С. 99).

Говорят, фальшивые тревоги дали повод придворным воспоминаниям о гвардейской революции 1762 года (*Головина*. С. 189) — впрочем, воспоминаний неосновательных, ибо никто не стал бы совершать революцию против Павла для возведения на престол Марии Федоровны, как это было в июне 1762-го при передаче престола от Петра Третьего к Екатерине Второй: Мария Федоровна была верна своему супругу во всех отношениях и никогда бы не посягнула на единоличное правление.

МАНЕВРЫ

«На другой день по восшествии на престол император Павел сказал <...>, что в 1797 году намерен начальствовать флотом и из Кронштадта идти в Ревель. В этих целях 27-го декабря 1796 года последовало высочайшее повеление построить сорокапушечную трехмачтовую яхту <...>. Яхту назвали «Эммануил», то есть «С нами Бог» <...>. Когда яхта была совсем готова и вооружена, государь повелел называть оную фрегатом. — К июню месяцу на Кронштадтском рейде находились готовыми к плаванию 68 кораблей и судов в ожидании прибытия венценосного генерал-адмирала. <...> — 6-го июля его величество с императрицею, великими князьями Александром и Константином и со свитою отправились из петергофской гавани к флоту в девятом часу утра» (*Шильдер*. Изд. 1996. С. 341—342). — «Император и лица, наиболее приближенные к нему, поместились на фрегате «Эммануил» <...> с такою роскошью, какую трудно было встретить на корабле <...>. Императрица, хотя и была три месяца беременна, пожелала принять участие в путешествии» (*Головина*. С. 195). Но ветер в сей день дул слишком западный, и маневр отложен до завтра. «Эммануил» и сопутствующий ему флот остались на кронштадтском рейде.

7 июля. По-прежнему дул западный ветер, и плыть было невозможно. — «Стоянка наша на одном месте в ожидании благополучного ветра наводила нам скуку. Д. П. Трошинский, судя по образу мыслей Екатерины, любившей, чтоб всем при ней было свободно и весело, вздумал было, для препровождения

времени, заняться карточной игрою; но едва сели мы играть в вист, как сверху было прислано нам сказать, чтобы мы от подобных забав воздержались. Между тем <...> император показывал вид деятельной заботливости; он не только по утру и вечеру часто, но даже и во время обеда, вставая неоднократно из-за стола, выходил на верх, как будто для каких-либо нужных распоряжений <...>. Его величество часто удостаивал меня разговорами <...>. В один день подошел он ко мне и сказал:

— Как ты думаешь, скоро ли этот ветер переменится?

Я отвечал:

— Думаю, государь, не скоро.

— Почему же ты это заключаешь?

— Балтийское море, — сказал я, — со времен Петра Великого не видало развевающегося на водах своих штандарта; и поэтому мне кажется, ветер не перестанет дуть с моря, покуда зрением на него не насытится. <...>

Павел усмехнулся и ничего мне на мою, может быть, слишком преслащенную речь не ответил. В другое время вышел он на верх и, увидя, что я держу в руках тетрадь, спросил у меня об ней. Я отвечал, что это чертежи для походных строев. Он стал их рассматривать и сказал мне:

— А если я захочу, чтоб корабли иначе построились, нежели здесь изображено?

Нечаянный вопрос сей привел меня в затруднение, ибо я принужден был отвечать, что этого сделать невозможно.

— Для чего невозможно? — подхватил он с некоторою досадою.

Не зная, подлинно ли не имеет он достаточно о сем сведения, или испытывает меня, я ему стал объяснять <...>. Он выслушал меня терпеливо; но, по-видимому, не вразумясь хорошенько, сердитым голосом сказал:

— Что мне нужды до ваших чертежей! Я хочу, чтоб делали то, что я велю.

Не смея больше прекословить ему и не ведая, как от сего отделаться, я приведен был в крайнее недоумение и очень обрадовался, увидя вышедшего в сие время наверх графа Кушелева. Я, тотчас указав на него, сказал:

— Вот граф Кушелев; не угодно ли вашему величеству у него о том спросить.

Граф, по извещении его, о чем идет дело, стал то ж самое, что и я, говорить. — Государь замолчал и пошел в свою каюту. Чрез несколько минут выходит оттуда один из приближенных к нему и говорит нам:

— Что такое вы сделали? Государь очень вами недоволен; он, сойдя на низ, сказал: — Там два умника спорят со мною; я

не пойду больше на верх и посмотрю, как они без меня управлять станут.

Случай сей несколько меня потревожил. Однако ж я недолго беспокоился: государь скоро вышел опять на верх и по-прежнему разговаривал со мною милостиво. Я после узнал, что гнев сей укротила в нем Катерина Ивановна Нелидова» (*Шишков. С. 28—31*).

«Когда он что-нибудь *хочет*, спорить с ним не решается никто, ибо возражения он считает бунтом. Случается, что потом императрица, чаще же мадемуазель Нелидова или обе вместе укрощают его, но бывает это редко» (*Лейб-медик Рожерсон — С. Р. Воронцову, 10 июня 1797 // АкВ. Т. 30. С. 86—87*).

8 июля. «Наконец настал благополучный ветер. Мы снялись с якоря и пошли в путь. Движение судов, пушечная пальба с крепостей, усыпанная народом пристань привели государя в такое восхищение, что он казался вне себя от удовольствия» (*Шишков. С. 32*).

9 июля. Ветер крепчает. — Продолжать движение становится небезопасно. — Не дошедши до Красной Горки, «Эммануил» и сопутствующий ему флот стали на якорь. — Ветер окреп и причинил великую качку. — Государь без шляпы в одном мундире провел день на шканцах с твердостью душевной, но не без страдания, морской болезнью приключаемого, равно как и государыня Мария Федоровна, и великий князь наследник Александр Павлович, и многие иные гг. приближенные, придворные и гвардейские.

10 июля. Ветер крепкий. — Качка сильная. — Решено вернуться в Кронштадт и маневр прекратить.

20 августа. «Двор переселился в Гатчину. Здесь с 1-го по 15-е сентября произведены были большие маневры» (*Шильдер. Изд. 1996. С. 350*). — «Настала мнимовоображаемая война» (*Шишков. С. 42*). — 3 дивизии; семь с половиной тысяч человек. — «Не проходило дня без дождя» (*Лубяновский. С. 127*). — «Государь по ночам не раздевался, чтоб, при нечаянном нападении, быть готову к сражению» (*Шишков. С. 42*).

Во время маневров «давались и празднества. Балы, концерты, театральные представления непрерывно следовали одни за другими, и можно было думать, что все увеселения Версаля и Трианона по волшебству перенесены были в Гатчину. К сожалению, эти празднества нередко омрачались разными строгостями, как, например, арестом офицеров или ссылкой их в отдаленные гарнизоны без всякого предупреждения» (*Саблуков. С. 51*). — «Гнев его к полковому начальнику часто на весь полк простирался. Однажды назначает он ученье полку одного из генералов, к которому он был довольно благосклонен, но, неиз-

вестно почему, на него прогневался. Все накануне того дня говорили: завтра будет ему беда! Сам генерал этот был в том уверен. Полк собрался. Государь выходит гневен: начинает учить, и при первых движениях бранными и грозными словами изъясляет уже свои неудовольствия. Между тем, при повелении заряжать ружья, генералу сему подлежало закричать: *без патронов*, а он, второпях, ошибкою закричал: *с патронами*. Государь, при сем слове, изменился в лице и, вместо ожидаемого гнева, сказал ему с ласковою улыбкой:

— Зачем, сударь, с патронами? здесь нет неприятелей.

После сего сделался он кроток; и ученье, к удивлению всех, кончилось благополучно. Трудно было угадать, какие слова раздражить и какие усмирить его могут!» (*Шишков. С. 42—43*)

15 сентября. «За последним маневром и за приказом у развода велено собраться всем генералам и полковым командирам. Адьютанты, в том числе и я, приютились за начальниками. Окруженный победоносными и побежденными вождями, император, изустно повторив то, что было отдано в приказе, особенное всем войскам благоволение и удовольствие, потом изволил сказать (так у меня записано):

— Я знал, господа, что образование войск по уставу было не всем приятно; ожидал осени, чтобы сами увидели, к чему все клонилось, вы теперь видели плоды общих трудов в честь и славу оружия Российского.

Маневры заключались парадом, на котором, проходя мимо императрицы, никто не салютовал эспантоном так легко, так искусно и ловко, как император» (*Лубяновский. С. 128*).

СОПРЯЖЕНИЯ

20 сентября. Императору Павлу — сорок три года. Жить ему осталось три года, пять месяцев и семьдесят дней.

20-го же числа. Гатчина. «Граф Пален приказом, объявленным при пароле, <...> снова принят в службу, и по этому случаю <...> просил удостоить принять подобострастное приношение живейшей благодарности и купно всеподданнейшие уверения, что он жизнь свою по гроб посвящает с радостью высочайшей службе и для того пред лицом государя повергает себя к священным стопам его величества» (*Из приказа Павла I от 20 сентября и из письма гр. Палена к Павлу от 1 октября 1797 г. // Лобанов-Ростовский. С. 366—367*). — Бывают такие завораживающие хронологические сближения, которые ни по каким системам закономерностей и предсказаний не могут быть отнесены ни к чему иному, кроме как к разряду случайных совпадений. Когда таких совпадений много — начинает казаться, что жизнь — это игра, правила которой становятся

известны только внукам проигравшего. — Почему именно в день своего рождения Павел подписал приказ о восстановлении в службе того самого своего подданного, который организует его убийство? — Понятно, почему подписал в день рождения: торжественные дни царской жизни принято ознаменовывать амнистиями. Но почему надо было амнистировать именно Палена?

Граф Пален был отставлен в феврале 1797-го по казусному случаю. Павел дозволил уволенному Платону Зубову ехать за границу на два года. Проезд Зубова через Ригу совпал с местным праздником. Императору донесли, что праздновали явление Зубова. Рижский губернатор Пален был отставлен от службы: «С удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Зубова чрез Ригу <...>. Павел» (*Рескрипт 26 февраля 1797 // Лобанов-Ростовский. С. 366*).

«Пален, непроницаемый, никогда никому не открывавшийся <...>, был создан успевать во всем, что бы он ни предпринял <...>. Это был настоящий глава заговора, предназначенный подать страшный пример всем заговорщикам, настоящим и будущим» (*Ланжерон. С. 132—133*). — «Пален был человек крупный, широкоплечий, с высоким лбом и открытою, приветливою, добродушною физиономиею. Очень умный и самобытный, он в своих речах проявлял большую тонкость, шутовство и добродушие <...>. Он был воплощением прямоты, жизнерадостности и беззаботности» (*Ливен. С. 180—181*). «Он охотно делал добро, охотно смягчал, когда мог, строгие повеления государя, но делал вид, будто исполнял их безжалостно» (*Коцебу. С. 292*). — «Когда Палену приходилось иногда слышать не совсем умеренную критику действий императора, он, обыкновенно, останавливал говоривших словами: «Messieurs! Jean-foutre qui parle, brave homme qui agit! <Господа! Разбездельник тот, кто только говорит; молодец — дело делает!>» (*Саблуков. С. 50*)

Однажды наш несостоявшийся Наполеон или, быть может, несбывшийся Павел Второй — полковник Павел Пестель, один из главных революционеров 1825 года, — рассказывал своему другу о том, как году в 1817-м «стояли они с корпусом в Митаве, где Пестель познакомился с 80-летним Паленом <...>. Полюбив Пестеля, старик бывал с ним откровенен и, заметя у него зародыш революционных идей, однажды ему сказал: — Послушайте, молодой человек! Ежели вы собираетесь что-то предпринять, собрав для дела тайное общество, — это глупость. Ибо когда вас двенадцать человек, без сомнений, двенадцатый окажется предателем. У меня опыт, и я изведаль людей и свет!» (*Лорер. С. 69*)

7 ноября

ВСЕПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО

«Двор уехал из Гатчины 4 ноября и провел в Царском Селе 5 ноября, годовщину апоплексического удара, предшествовавшего смерти Екатерины II <...>. Это был последний день траура» (*Головина. С. 199—200*). — «Император вернулся в Петербург 6-го. Он оставил Гатчину с сожалением: эта усадьба, своеручно им обустроенная, действительно прекрасна, но дурная осенняя погода заставила думать о Петербурге» (*Ростопчин. С. 184*). — «Возвратясь в город, двор принял совершенно иной образ жизни, чем в прошлом году. Апартаменты их величеств, как частные, так и предназначенные для приема, были переделаны. Театр Эрмитажа, куда при Екатерине II допускалось только избранное общество, был открыт для всех, кто по своему чину был принят при дворе, а также для офицеров гвардии. Пышная свита сопровождала туда императора и его семейство» (*Головина. С. 200*).

«Был я тогда очень молод, а нельзя было не заметить с первого шага в столице, как дрожь, и не от стужи только, словно эпидемия, всех равно пронимала <...>. Эта эпоха имела уже свои названия. Называли ее, где как требовалось: торжественно и громогласно — возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса — *царством власти, силы и страха*, в тайне между четырех глаз — *затмением свыше*» (*Лубяновский. С. 91—92*).

«Что я сделал?» — таковые были последние слова Павла, по воспоминанию одного из его убийц (*Беннигсен. С. 120*). — Кроме кулачного боя в висок на сей вопрос есть еще два способа ответа: психологический способ очевидцев и статистический летописцев: очевидцы вспоминают ощущение собственных обид, оскорблений и утеснений, летописцы — число оных. Если сила ощущений согласуется с количеством репрессий, можно считать, мы получили закономерное объяснение незаконному кулачному бою.

«<...> Тогда жили точно с таким чувством, как впоследствии во время холеры. Прожили день — и слава Богу» (*Греч. С. 163*). — Истерики царского гнева взметывались, как смерч, как ураган, загорались, как зарницы, грохотали, как гром, — никто не мог предугадать, за что государь сегодня помилует, за что казнит: «<...> вспыхнул император; глаза его, как молнии, засверкали, и он <...> во весь голос закричал <...>: — Поди назад в Сенат и сиди у меня там смиренно, а не то я тебя проучу» (*Державин. Записки. С. 184*); «<...> приготвя доклады мои, понес я их к нему и лишь только вошел в кабинет его, как он

вскочил со стула, подбежал ко мне, вырвал у меня из рук бумаги и с великим гневом закричал:

— Что ты так лениво идешь? Подай сюда!

Я ускорил мой шаг. Оба мы сели, и я начал читать. Первый доклад мой был о некотором офицере, просящем о увольнении его в отставку, прослужа в настоящем чине один год.

— А во втором году сколько времени прослужил он? — спросил у меня его величество.

Я не мог отвечать ему на это, потому что никогда сего не прописывалось, и должен был сказать:

— Не знаю.

— Ты ничего не знаешь! — подхватил он с гневом и долго на меня кричал. Наконец, по прочтении других моих докладов, подаю я ему полученное из Ревеля, написанное на его имя и запечатанное письмо. Он опять вскочил, выхватил его у меня с великим сердцем и, не прочитав еще, сказал: — Это бы надлежало вчера мне отдать. Ты во всем неисправен; никуда не годишься! Поди!

Последнее слово сие несколько меня обрадовало; ибо, судя по гневным его движениям и словам, думал я, что он меня не выпустит и тут же прикажет что-нибудь со мною сделать» (*Шишков. С. 75—76*).

Статистика уточняет переживания очевидцев: за 1586 дней Павлова царствования Генерал-аудиториатская экспедиция осудила 532 человека (44 генерала и 83 штаб-офицера, прочие — обер-офицеры); в Тайной экспедиции заведено 721 секретное дело, взято под стражу и для допросов около тысячи преступников. «К 11 марта 1801 г. находилось в заключении и в ссылке: генералов — 14, чиновников первых четырех классов — 6; военных V—VII классов — 44; чиновников V—VIII классов — 17; обер-офицеров (вместе с унтер-офицерами из дворян) — 78» (см. *Эйдельман 1982. С. 101—111*). — Количество просто отставленных от службы и сосланных из гвардии в глухие армейские гарнизоны, натурально, превосходит воображение.

С 1 мая по 24 августа 1797 г., то есть за четыре неполных месяца, исключено из службы 117 офицеров — за лень, нерадение, пьянство, развратное поведение, дурное поведение и проч. (см. *Шумигорский 1907. С. 129*). Наверное, самый его колоритный приказ этого времени — от 14 августа: «Лейб-гвардии Преображенского полку поручик Шепелев выключен в Елецкий мушкетерский полк за незнание своей должности, за лень и нерадение, к чему он привык в бытность его при князьях Потемкине и Зубове, где вместо службы обращались в передней и в пляске» (*РС. 1873. № 3. С. 108*).

«9 сентября уволены в один день 3 полных генерала, 3 генерал-лейтенанта и 9 генерал-майоров; 16 сентября <...> 68 обер-и унтер-офицеров гвардейских полков, 26-го числа 90 гвардейских унтер-офицеров, а 17 октября 120 унтер-офицеров Преображенского полка» (Эйдельман 1982. С. 105; выписки из приказов Павла, сделанные в 1820 г. А. И. Михайловским-Данилевским).

1797-й год — не исключение. Вот выборочная статистика 1800-го года: «4-го марта. 7 генерал-лейтенантов и 28 генерал-майоров уволены от службы. — 7-го марта. 1 полный генерал, 8 генерал-лейтенантов и 22 генерал-майора получают отставку. — 8-го марта. 2 полных генерала, 1 генерал-лейтенант и 7 генерал-майоров увольняются в отставку» (Шиман. С. 17; подсчеты А. И. Михайловского-Данилевского).

Павел наводил порядок и устанавливал справедливость, не смотря на лица. Некоторые из очевидцев догадывались, что их возвращают в прадедные времена Петра Первого: «Страна, в которой по меньшей мере две трети чиновников об одном только и думают, как ограбить казну, не иначе может быть управляема, как железным скипетром. Так управлял ею, без вреда для своей славы, Петр I, величайший знаток своего народа; сколько сохранилось анекдотов, из которых можно было бы заключить, что он был или изверг, или сумасшедший» (Коцебу. С. 300—301). Однако то, что возможно было во времена Петра Первого, и даже потом — во времена Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны — и даже во время Екатерины Великой, — оказалось невозможным в эпоху Павла Первого.

По двум причинам:

Общая причина. У Павла были другие, чем у Петра, подданные дворяне: привыкшие к вольготностям, беззаботностям и шалостям. Когда их стали погонять, как крепостных, когда на них стали орать, как на извозчиков, называть дураками и болванами, когда их стали сотнями лишать пропитания, отставляя от службы за безделицы, стали сажать под арест без объяснений, стали ссылать и пороть — они не выдержали испытания.

Частная причина. Но им никогда бы не удалось убить своего мучителя, если бы дело было только в их собственных обидах. Дело было еще и в том, что сам Павел Первый не был Петром Первым: он был слишком непоследователен в казнях и милостях. Он слишком легко и сердечно прощал тех, кого сам недавно обидел. Если бы он отправлял под арест и в отставку навечно — то у трона бы остались в конце концов только трепетные исполнители, не помышляющие ни о чем, кроме как о способах снискать милость императора истреблением конкурентов.

Все казненные лежали бы безучастно в сырой земле до Страшного Суда. Все арестанты сидели бы беззвучно на гауптвахтах и в крепостях. Все каторжники трудились бы безмолвно в нерчинских рудниках. Все оставные жили бы тихо по уединенным деревням, не помышляя о перемене своей участи или о перемене правления в стране. И царил бы над нами император Павел Первый, пока не скончался бы от естественной старости — то есть до двадцатых-тридцатых годов XIX века. И выросло бы при нем новое младое племя — поколение, не знающее ни вольностей, ни беззаботностей, ни шалостей, а знающее только тяжелый жезл своего царя и пламенно верящее, что их царь совершил реформы, превосходящие блистанием подвиги Петра Первого. И осталось бы имя Павла в веках, как имя его прадеда, сиять краеугольным камнем.

Но Павел унаследовал от прадеда только истерический нрав, а звероподобной беспощадности не унаследовал: никто из его приближенных не был казнен раз и навсегда, публично и насмерть. Были, конечно, случаи, когда полковников, лишенных дворянства, запарывали до лишения жизни¹⁷, однако, во-первых, то были редкие случаи, во-вторых, то были случаи, происходившие далеко не с первостепенными чинами государства, в-третьих, эти случаи случались не по личному распоряжению императора, а вследствие чрезмерной исполнительности местных палачей. Сам же император слишком часто ссылался на законы. Во время его царствования не отрубали голов на площадях — как это бывало при Екатерине Великой, не урезали дворянских языков — как при Елисавете Петровне, не колесовали — как при Анне Иоанновне. Слишком часто он амнистировал осужденных. Слишком скоро прощал своих подданных. Слишком был благороден и милостив.

Вот обычные эпизоды:

«В Гатчине, как везде, государь обыкновенно присутствовал при смене караула <...>. Государь стоял посреди двора и командовал смену <...>. Вступил караул от лейб-гусарского полка; при нем офицером был Тутолмин, Дмитрий Федорович. У Тутолмина лошадь была ретивая; он не мог ее сдержать и, подъезжая к императору, обрызгал его грязью с ног до головы. Мгновенно государь пришел в крайнее раздражение и начал кричать. Тутолмин тотчас повернул назад; подъехав к караулу, соскочил с лошади и стал на свое место. — Император бросился к нему с поднятою тростью; увидав это, Тутолмин побежал между шеренгами; император за ним; погоня длилась некоторое время; наконец Тутолмин скрылся совсем. Император не кончил развода и возвратился во дворец. Страшно было взглянуть на него. На следующий день, отпуская караул, государь, как

только увидел Тутолмина, подошел к нему, положил руку на его плечо и ласково сказал ему при всех: — Благодарю тебя; ты вчера спас от беды и себя и меня.

В другой раз император встретил на улице одного гольштейнца, служившего офицером в одном из гвардейских полков и лично известного ему по своей прежней службе в гатчинских войсках <...>. Император заметил у него какую-то неисправность в форме и стал его бранить. Офицер хотел было оправдаться. Император, еще более раздраженный, ударил его своей тростью. На другой день он позвал к себе этого офицера, извинился перед ним, дал ему щедрое вознаграждение и, сверх того, назначил пенсию <...>» (*П. П. Лопухин. С. 533*).

Прощенные награждались ласковым словом, пенсией, повышением в чине, возвращением в службу, после чего получали новые громы, молнии, аресты, окрики и уже не могли простить царю его михайло-архангельских выходов, ибо каждая новая вспышка царского гнева напоминала им о том, что они должны жить в страхе, а они слишком уже привыкли за время екатерининского правления ценить свое благородное достоинство, слишком отвыкли видеть в своем царе местнотчтимого Бога и слишком приучились считать его не более чем первым среди равных.

Говорят, что реформы легли позорной тяготой только на жизнь служащих дворян и что народ был сильно обнадежен правлением императора Павла. «Неудовольствие увеличивается со дня на день, — писал о состоянии петербургского дворянства один иностранный наблюдатель летом 1797-го года, когда ни о каком заговоре еще не было и проблеска. — Беспрестанные нововведения, неуверенность в том, что можно сохранить занимаемое место на завтрашний день, доводят всех до отчаяния <...>. Императора любят только низшие классы городского населения и крестьяне» (*Из донесения прусского посланника Брюля 16 июня 1797 // Шумигорский 1898. С. 92—93*). — «Народ, — говорят, — был счастлив. Его, — говорят, — никто не притеснял. Вельможи не смели обращаться с ним с обычною надменностью; они знали, что всякому возможно было писать прямо государю и что государь читал каждое письмо. Им было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости; поэтому страх внушал им человеколюбие. Из 36 миллионов людей по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора, хотя и не все осознавали это» (*Коцебу. С. 299*). «Слава государя в качестве справедливого судии доходила до простого крестьянина. <...> Строгости Павла, по мысли простолюдина, шли прежде всего против господ» (*Клочков. С. 582*).

Жаль, но пашенные мужики мемуаров не пишут, и мы толь-

ко априори можем предполагать, что, раз уж они, согласно своей патриархальной ментальности, любят всякого царя, ибо считают, что царское предназначение — навести в стране порядок и дать волю, то тем более они должны любить такого царя, который публично преследует их господ. Трудно отвечать за 33 миллиона. Конечно, они были обнадежены доверием императора, повелевшего им присягать наряду с прочими сословиями, — они решили, что всех их освобождают от помещиков и подчиняются они теперь только самому государю. Скоро, однако, выяснилось, что присяга — сама по себе, а принадлежность барину — сама по себе, и что государь, наоборот, раздаст государственных крестьян — господам. Они были обнадежены манифестом 5-го апреля и скоро стали толковать его на свой лад как манифест о трехдневной барщине, и более того: «будто с каждого двора на помещика должен трудиться один мужик два дня и одна баба — день» (*Эйдельман 1982. С. 120*). Им растолковали: это манифест о том, что каждый помещик волен разрешать своим крепостным не работать на себя по воскресеньям. Один из пашенных мужиков лаконично объяснил смысл происходящего: «Вот сперва государь наш потявкал, потявкал да и отстал: видно, что его господа преодолели» (*Ключков. С. 582*).

Ущемление дворянских вольностей совсем не означало ущемления их вольготностей в отношении к крепостным мужикам, а человеколюбивые манифесты Павла означали только то, что дворянам надлежит учиться у своего императора человеколюбию. Может быть, самым сильным выражением мнения народного явилось почти полное исчезновение самозванцев после смерти императора. Ни одному бродяге не пришлось в голову назвать себя его именем. Знать, тоже не хотели его возвращения¹⁸.

8 ноября

СОБОР МИХАИЛА АРХАНГЕЛА

Спустится на землю судья праведный
Михайло архангел-свет
С полками он с херувимскими,
С херувимскими, и с серафимскими,
Со всею он силою небесною
И со трубою он златокованною.
И первый он раз вострубит —
И души в тела пойдут;
Второй он раз вострубит —
От гробов мертвые восстанут;
В третий раз вострубит —
Все на Суд Божий пойдут.
И праведные идут по правую руку,
А грешные — по левую.
У праведных лица — хорошие,
На главах власы, как луна, светлы,

А у грешных волосы, словно стрелы, стоят.
Праведные идут — все стихи поют
Херувимские и серафимские,
Величают Христа, Царя Небесного,
Пресвятую они Матерь Богородицу.
Величают они Михайла архангела:
«Не возможно ли, батюшка
Михайло архангел, помиловать?»
Отвечает Михайло архангел со ангелами:
«Проходите, рабы крещеные, души верныя,
Уготовили вы царство небесное».
А грешные идут — сильно плачут,
Плачут они да рыдают,
Ко Михайлу архангелу причитаются:
«Не возможно ли нас, батюшка
Михайло архангел, помиловать?»
Отвечает Михайло архангел-свет им со ангелами:
«Отойдите, злые, окаянные!
Белый свет вам на волю дан был,
Сами вы себе место уготовили,
Место — муку вечную и тьму кромешную!»

(Стихи духовные. С. 240—241)

1798

28 января. «Императрица родила сына, названного по желанию императора Михаилом <...>. У государыни были трудные, но не опасные роды. Так как ее постоянный акушер умер, выписали другого из Берлина. Этот последний, без сомнения, подговоренный теми, кто желал разрушить влияние императрицы и Нелидовой (именно Кутайсовым), объявил государю, что он не ручается за жизнь государыни, если она еще забеременеет. Это послужило источником всех интриг, имевших место в течение года» (*Головина. С. 202—203*).

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ ОБЪЕЗЖАЕТ СВОЕ ГОСУДАРСТВО

5 мая. Государь император с наследником великим князем Александром Павловичем и великим князем Константином Павловичем и со свитой отправились в поездку по стране: чрез Москву — в Казань.

Фавориты

«Орудие, которым агитаторы всегда пользуются столь же ловко, как и успешно, всегда служили дураки. Для привлечения их на свою сторону агитаторы начинают с того, что сверх меры превозносят их честность; дураки, хотя внутренно и удивляются этим незаслуженным похвалам, но так как они льстят их тщеславию, то они беззаветно отдаются в руки коварных льстецов. Таким-то порядком произошло и то,

что Кутайсов вдруг оказался образцом преданности своему государю. Стали приводить примеры его бескорыстия, стали даже приписывать ему известную тонкость ума и выражать притворное удивление, как это государь не сделает чего-нибудь побольше для такого редкого любимца. Кутайсов, в конце концов, сам стал верить, что его приятели правы; но он дал им понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любят и мешают его возвышению. Этого только и ждали: стали еще больше превозносить его и уверять, что от него самого зависит господство над Павлом, если он подставит ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно поставит свои условия <...>. Кутайсов обещал все исполнить, а так как ему намекнули, что и князь Безбородко тоже желал бы видеть государя избавленным от опеки императрицы, г-жи Нелидовой и братьев Куракиных, то он всецело примкнул к этому заговору, хотя и не предвидел его результатов. — Встреча, оказанная государю в Москве, была восторженная, а так как сердце у него от природы было мягкое, то он был живо тронут этими выражениями преданности и любви <...>. Исполненный радости, он в тот же вечер сказал Кутайсову:

— Как было отрадно моему сердцу! Московский народ любит меня гораздо более, чем петербургский; мне кажется, что там теперь гораздо более боятся, чем любят.

— Это меня не удивляет, — отвечал Кутайсов.

— Почему же?

— Не смею объяснить.

— Тогда приказываю тебе это.

— Обещайте мне, государь, никому не передавать этого.

— Обещаю.

— Государь, дело в том, что здесь вас видят таким, какой вы есть действительно, — благим, великодушным, чувствительным; между тем как в Петербурге, если вы оказываете какую-либо милость, то говорят, что это или государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили ее у вас, так что когда вы делаете добро, то это — они, ежели же когда покарают, то это вы покараете.

— Значит, говорят, что <...> я даю управлять собою?

— Так точно, государь.

— Ну хорошо же, я покажу, как мною управляют!

Гневно приблизился Павел к столу и хотел писать, но Кутайсов бросился к его ногам и умолял на время сдержаться. — На следующий день государь посетил бал, где молодая Лопухина неотлучно следовала за ним и не спускала с него глаз. Он обратился к какому-то господину, который как бы случай-

но очутился поблизости от него, но принадлежал к той же партии. Господин этот с улыбкой заметил:

— Она, ваше величество, из-за вас голову потеряла.

Павел рассмеялся и возразил, что она еще дитя.

— Но ей уже скоро 16 лет, — ответили ему.

Затем он подошел к Лопухиной, поговорил с нею и нашел, что она забавна и наивна, а после беседы об этом с Кутайсовым все было устроено между сим последним и мачехою девицы. Решено было соблюдать величайший секрет; между тем, и родители, и вся семья должны были быть перевезены <в Петербург>» (*Из записок сенатора Гейкинга // Шумигорский 1898. С. 124—126*).

Анекдоты

«Во время государевой поездки в Казань Нелединский, бывший при нем статс-секретарем, сидел однажды в коляске его. Проезжая через какие-то обширные леса, Нелединский сказал государю:

— Вот первые представители лесов, которые простираются за Урал.

— Очень поэтически сказано, — возразил с гневом государь, — но совершенно неуместно: изволь-ка сейчас выйти вон из коляски.

Объясняется это тем, что было сказано во время французской революции, а слово *представитель*, как и круглые шляпы, было в загоне у императора.

В эту же поездку лекарь Вилие, находившийся при великом князе Александре Павловиче, был ошибкою завезен ямщиком на ночлег в избу, где уже находился император Павел, собиравшийся лечь в постель. В дорожном платье входит Вилие и видит пред собою государя. Можно себе представить удивление Павла Петровича и страх, овладевший Вилием. Но все это случилось в добрый час. Император спрашивает его, каким образом он к нему попал. Тот извиняется и ссылается на ямщика, который сказал ему, что тут отведена ему квартира. Посылают за ямщиком. На вопрос императора ямщик отвечал, что Вилие сказал про себя, что он анператор.

— Врешь, дурак, — смеясь, сказал ему Павел Петрович, — император я, а он оператор.

— Извините, батюшка, — сказал ямщик, кланяясь царю в ноги, — я не знал, что вас двое» (*Вяземский. С. 389*).

Маневры

«Государь прибыл в Казань с великими князьями Александром и Константином Павловичами 3-го июня <...>.

6-го числа было ученье <...>. Когда стали стрелять батальонами <...>, то мне должно было, изготоясь, не прежде выстрелить, как когда 2-й батальон Рыльского полка, выстрелив, возьмет ружье на плечо, а как сей батальон очень мешкал, то великий князь Александр Павлович, подъехав ко мне, сказал: — «Стреляй!» Но я доложил ему, что батальон, после которого мне должно стрелять, еще не зарядил ружья; хотя он мне повторил сие приказание раза четыре, но я не спешил, выждал и выстрелил в свое время, когда было должно; залп был удачный. Государь заметил, что я не торопился исполнить приказание его высочества наследника <...> и остался доволен моею исправностью. — По окончании ученья в комнате государя и при нем военный губернатор Лассий отдавал пароль и приказ; я тот день был дежурным и был в кругу с прочими, принимавшими приказание. Государь подошел ко мне сзади, положил руку на мое плечо и, пожимая, спросил: — «Скажи, где ты выпекся? Только ты мастер своего дела». Я руку его, лежавшую у меня на плече, целовал, как у любовницы, ибо в первые два дня я потерял бодрость и ожидал уже не того, чтоб обратить на себя его внимание, а быть исключенным из службы. — Тот день приказано было мне быть к столу. Как скоро государь вышел из внутренних комнат, то прямо подошел ко мне и спросил: — «Из каких ты Энгельгардтов, лифляндских или смоленских?» — «Смоленских, ваше величество». <...> — «Ты где начал служить?» — «В гвардии». — «То есть по обыкновению всех вас тунеядцев дворян; а там как?» Я, было, хотел пропустить, что был адъютантом у светлейшего князя, и сказал: — «А потом в армии». — «Да как?» — «Взят был в адъютанты к князю Потемкину». — «Тьфу, в какие ты попал знатные люди; да как ты не сделался негодяем, как все при нем бывшие? Видно, много в тебе доброго, что ты уцелел и сделался мне хорошим слугой» <...>.

7-е. Были маневры; государь разгневался на Рыльский полк за худую стрельбу, а Уфимским был доволен, особливо моим батальоном. <...>

8-е. Тоже был маневр, по окончании которого и после отдания приказа государь пожаловал орден Св. Анны 2-й степени гр. Ланжерону <...>. После того, подзвав меня к себе, приказал стать на колени, вынул из ножен шпагу, дал мне три удара по плечам и пожаловал шпагу с аннинским крестом. <...> После обеда, перед выходом государя в сад, перед спальней был военный губернатор Лассий, генерал-адъютант Нелидов и граф Ланжерон. Государь, вышед из спальни, подошел к графу Ланжерону и сказал: — «Ланжерон, ты должен принять инспекцию от сумасбродного старика Игельстрома». — «Государь, — сказал граф, — я не могу». — «Как! Ты отказываешь»

ся от моей милости?» — «Тысяча резонов заставляют меня отказаться от оной; первое, я еще не силен в русском языке». Государь с большим гневом отошел от него на другой конец комнаты и, подозвав Нелидова, сказал ему: — «Поди спроси Ланжерона, какие остальные резоны заставляют его отказаться от инспекции?» Граф Ланжерон отвечал: — «Первый и последний: Игельстром мне благодетельствовал, и я не хочу, чтобы моим лицом человеку, состарившемуся на службе его императорскому величеству, было сделано такое чувствительное огорчение». Не успел он вымолвить, как государь подбежал к нему с фурией, топнул ногой, пыхнул и скорыми большими шагами ушел в спальню.

Бывшие тут не смели тронуться с места; Лассий сказал: — «Ланжерон, что ты сделал? Ты пропал». — «Что делать! Слова воротить не можно; ожидаю всякого несчастья, но не раскаиваюсь: я Игельстрома чрезвычайно почитаю, он не раз мне делал добро». — Через полчаса времени государь, вышед из спальни, подошел к графу и, ударя его по плечу, сказал: — «Ты, Ланжерон, молодец и твой благородный поступок я запомню навсегда». Я всегда за удовольствие поставлял себе это рассказывать. Сколько приносит сие чести графу Ланжерону, столько, и еще более, императору Павлу I; оно показывает, что он умел иногда себя переработать и чувствовать благородство души. Если б он окружен был лучше, говорили бы ему правду и не льстили бы ему из подлой корысти, приводя его на гнев, он был бы добрый государь. Но когда истина была, есть и будет при дворе?» (*Энгельгардт. С. 304—307*)

Интриги

«Хитрый Безбородко <...> снизошел с своей высоты и присоединился к Кутайсову, чтобы с его помощью подняться еще выше <...>. Безбородко руководил Кутайсовым, а Кутайсов направлял императора по воле своего друга. Девицу Нелидову необходимо было удалить <...>. В императорской семье не было согласия, чего они и желали, так как оно могло быть опасно их влиянию» (*Из воспоминаний сенатора Гельбига // РС. 1887. № 4. С. 443*).

После казанских парадов и учений государь вернулся в Петербург. «Государыня и Нелидова выехали навстречу ему в Тихвин. Оне были крайне поражены переменою его отношения к ним» (*Головина. С. 205*).

«По возвращении его я решалась четыре раза говорить с ним о том, что мое здоровье восстановлено, что Рожерсон, Бек и Блок <медики> уверили меня: новая беременность не подвергнет меня никакой опасности <...>. Император возразил мне, что он не хочет быть причиною моей смерти и что вследствие

последних тяжелых моих родов это лежало бы на его совести, что il était tout a fait mal au physique qu'il ne connaissait plus de besoin, qu'il est tout a fait nul et que ce n'était plus une idée qui lui passait par la tête, qu'enfin il était paralysé de ce côté» (*Из письма Марии Федоровны — С. И. Плещееву // Шумигорский 1907. С. 156—157*)¹⁹. «Велико было удивление императрицы» (*Муханова. С. 308*).

29 июня. Петров день. Праздник в Павловском. «В части сада, называвшегося Соловей, многие из аллей кончались круглой отгороженной площадкой. На каждой из этих площадок были устроены различные сцены. На одной была сцена из комедии, на другой из балета, на третьей из оперы и т. д. Обойдя все аллеи, дошли до последней, в конце которой находилась хижина, существовавшая с основания Павловска <...>. У входа в последнюю аллею граф Виельгорский, переодетый пустынноком, подошел к императору и <...> попросил его взойти к нему в хижину. Император последовал за ним и увидел сзади хижины оркестр, аккомпанировавший хору из всех великих княгинь и княжен, исполнявших из «Люцилии» <опера Мармонтеля, музыка Гретри>: *Нигде так не хорошо, как среди своей семьи*. Все было очень хорошо, если не считать, что никогда государь не возвращался к своей семье с чувствами, так мало приличествующими отцу семейства» (*Головина. С. 205—206*).

Хроника переворота

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ УЧРЕЖДАЕТ

НОВЫЙ КУЛЬТ ПОКЛОНЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ МИЛОСТИ, или АННА ПЕТРОВНА ЛОПУХИНА ЕДЕТ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

«Государь высказывал живейшее нетерпение поскорее отправиться в Петергоф. Сообразно тому, насколько государь находил приятным пребывание в Павловске, придворные определяли степень влияния государыни на своего супруга. К несчастью, государыня схватила трехдневную лихорадку почти в тот момент, когда двор должен был отправиться в Петергоф. Это препятствие страшно раздражило государя, и он готов был думать, что государыня притворилась больной, чтобы помешать ему» (*Головина. С. 206*).

Между тем государыня написала письмо девице Лопухиной с угрозами. Письмо до адресата не дошло, ибо его принесли государю. — Гнев был велик. — Государыня пыталась остановить его: «Я ограничиваюсь лишь единственной просьбой относиться ко мне вежливо при публике» (*Мария Федоровна — Павлу, 13 июля 1798 // Шумигорский 1898. С. 133*).

«В ожидании императора были все признаки страсти влюбленного двадцатилетнего юноши. Он сделал великого князя

<Александра Павловича> поверенным своих чувств, только и говорил ему, что про Лопухину <...>. — Вообразите, до чего доходит моя страсть, — сказал он однажды своему сыну, — я не могу смотреть на маленького горбуна Лопухина, не испытывая сердцебиения, потому что он носит ту же фамилию, что и она. — Лопухин, о котором идет речь, был одним из придворных; он был горбат и приходился дальним родственником м-ль Лопухиной. <...> Как только императрица поправилась, двор поехал в Петергоф» (Головина. С. 206—207).

22 июля. Петергоф. Бал в честь тезоименитства Марии Федоровны: «Государь был в явно дурном настроении <...>. Фрейлина Нелидова казалась мне погруженной в глубочайшую печаль <...>. Бал этот скорее был похож на похороны, и все предсказывали скорую грозу» (Из воспоминаний барона Гейкинга // Шумигорский 1898. С. 135).

«25 июля гроза разразилась. Около десяти часов император послал за великим князем наследником и приказал ему отправиться к императрице и передать ей строжайший запрет когда-либо вмешиваться в дела. Великий князь сначала отклонил это поручение, старался выставить его неприличие и заступиться за свою мать, но государь, вне себя, крикнул: — Я думал, что я потерял только жену, но теперь я вижу, что у меня также нет сына! — Александр бросился отцу в ноги и заплакал, но и это не могло обезоружить Павла. Его Величество прошел к императрице, обошелся с ней грубо, и говорят, что если бы великий князь не подоспел и не защитил бы своим телом мать, то неизвестно, какие последствия могла иметь эта сцена. Несомненно то, что император запер жену на ключ и что она в течение трех часов не могла ни с кем сноситься. Г-жа Нелидова, которая считала себя достаточно сильной, чтобы выдержать эту грозу, и настолько влиятельной, чтобы управиться с нею, пошла к рассерженному государю, но, вместо того, чтобы его успокоить, она имела неосторожность — довольно странную со стороны особы, воображавшей, что она его так хорошо изучила, — осыпать его упреками. Она указала ему на несправедливость его поведения с столь добродетельной женой и столь достойной императрицей и стала даже утверждать, что знать и народ обожают императрицу <...>. Далее она стала предостерегать государя, что на него самого смотрят как на тирана, что он становится посмешищем в глазах тех, кто не умирает от страха, и, наконец, назвала его палачом. Удивление императора, который до сих пор слушал ее хладнокровно, превратилось в гнев: — Я знаю, что я создаю одних только неблагодарных, — воскликнул он, — но я вооружусь полезным скипетром, и вы первая будете им поражены, уходите вон! — Не успела г-жа

Нелидова выйти из кабинета, как она получила приказание оставить двор» (Головкин. С. 183—184).

«Вспомните мою жизнь: не была ли она исключительно посвящена тому, чтобы любить вас? <...> Я не искала ни почестей, ни блеска <...>. Я знаю участь, которая постигнет мое письмо: я жду всего, если Вы только станете выслушивать истолкования г. Кутайсова, вместо того, чтобы верить лишь своему сердцу» (Нелидова — Павлу, 19 августа 1798).

«При чем здесь Кутайсов? <...>. Я очень мало подчиняюсь влиянию того или другого человека. Вы это знаете. Никто не знает лучше моего сердца и не понимает моих слов, как Вы» (Павел — Нелидовой в ответ // Шумигорский 1898. С. 144—146).

Нелидова сказала, что уедет из Петербурга. — «Хорошо же, пускай едет, — ответил Павел, — только она мне за это поплачется» (Из записок барона Гейкинга // Шумигорский 1898. С. 144).

5 сентября. Нелидова уезжает в Эстляндию²⁰.

6 сентября. Анна Петровна Лопухина назначена камер-фрейлиною, Екатерина Николаевна Лопухина, ее мачеха — статс-дамой, Петр Васильевич Лопухин, ее отец — генерал-прокурором и произведен в действительные тайные советники.

3 октября. Петербург. Дворцовый бал. — Семейство Лопухиных впервые на придворном ужине. — «У нее были красивые глаза, черные брови и такие же волосы, прекрасные зубы и приятный рот, маленький вздернутый нос». Лицо — «с добрым и ласковым выражением. Она действительно была добра и неспособна пожелать или сделать кому-нибудь злое; но она была не очень умна и без всякого воспитания <...>, без всякой грации в манерах <...>. — Ее влияние выражалось только в испрашиваемых ею милостях <...>. Часто она получала от государя прощение невинных, с которыми он жестоко поступил в момент дурного настроения. Она плакала тогда или капризничала и получала таким образом, что она желала. Государыня, из угождения супругу, обходилась с ней очень хорошо; великие княжны <дочери Павла> ухаживали за ней так, что это неприятно было видеть <...>. Император придал своей страсти и всем ее проявлениям рыцарский характер, почти облагородивший ее <...>. Мадемуазель Лопухина получила Мальтийский орден, это была единственная женщина, которой была предоставлена эта милость <...>. Имя Анны, в котором открыли мистический смысл *Божественной милости*²¹, стало девизом государя <...>. Малиновый цвет, любимый Лопухиной, стал излюбленным цветом государя, а следовательно, и двора. <...> Государь подарил Лопухиной огромный дом на Дворцовой набережной. Он ездил к ней ежедневно два раза в карете, украшенной только Мальтийским крестом и запряженной парой лошадей, в сопро-

вождении лакея, одетого в малиновую ливрею. Он считался в этом экипаже инкогнито, но в действительности всем было известно, что это едет государь <...>. Балы давались часто, чтобы удовлетворить страсть к танцам мадемуазель Лопухиной. Она любила вальсировать, и этот невинный танец, запрещенный до сего времени как неприличный, был введен при дворе. Придворный костюм мешал танцевать Лопухиной <...>, и появился приказ, чтобы дамы в выборе костюма руководились только своим личным вкусом <...>, приказ, которому вся молодежь подчинялась с самым большим удовольствием» (*Головина. С. 214, 211—212*).

Через полтора года Павел выдал Лопухину за 22-летнего князя Гагарина: «Государь, находясь у мадемуазель Лопухиной, получил известие о победе Суворова, причем последний прибавлял, что пришлет в скором времени князя Гагарина со знаменами, взятыми у врага, и подробностями этого дела. Это известие вызвало у Лопухиной смущение, которое она напрасно старалась скрыть от государя <...>. Она бросилась к его ногам и призналась ему, что она была знакома с князем Гагариным в Москве, что он был влюблен в нее <...>. — Государь с волнением выслушал это признание и мгновенно решил устроить брак Лопухиной с князем Гагариным» (*Головина. С. 223—225*).

Свадьба Анны Петровны и князя Гагарина совершилась в феврале 1800 года. Но это совсем не означало, что государь перестал почитать в ее образе Божественную милость: после переезда в Михайловский замок ей были отведены собственные апартаменты в близости от комнат императора. — После ее ранней смерти (в 1805 году) князь Гагарин, говорят, велел надписать на ее гробнице: *Супруге моей и благодетельнице* (*Греч. С. 155*).

«Я находился во дворце, когда князь Гагарин прибыл ко двору, и вынес о нем впечатление как об очень красивом, хотя и невысокого роста человеке. Император тотчас же наградил его орденом, сам привел к его возлюбленной и в течение всего этого дня был искренно доволен и преисполнен гордости от сознания своего, действительно, геройского самопожертвования. И вечером на маленьком дворцовом балу он имел положительно счастливый и довольный вид, с восторгом говорил о своем красивом и счастливом сопернике и представил его многим из нас с видом искреннего добродушия» (*Саблуков. С. 61—62*).

«Но прежняя требовательность относительно всего, что касалось службы, была доведена до высшей степени» (*Головина. С. 212*).

7 ноября. «Самый образ жизни его долженствовал также много способствовать к соделанию нрава его суровым и мрач-

ным: он вставал рано и в шесть часов утра садился уже выслушивать доклады, в которых помещаемы были подробные донесения о болезнях, смертях, убийствах, злонамерениях и всяких несчастиях или преступлениях, в том или другом месте толь обширного государства случившихся. Ежедневные или, по крайней мере, частые, тотчас по пробуждении от сна выслушивания сих обстоятельств, без сомнения, возмущали в нем дух и располагали чувства его к угрюмости и гневу. После докладов, с сими мрачными мыслями, обыкновенно спешил он на вахт-парад обучать офицеров и солдат, где, как в это время, так и в остальные часы дня, все приказы и действия его отзывались сими утренними впечатлениями. Везде казались ему измены, непослушания, неуважения к царскому сану и тому подобные мечты, предававшие его в руки тех, которые были для него опаснее, но хитрее других» (*Шишков. С. 72—73*). — «Вообще характер Павла представлял странное смешение благородных влечений и ужасных склонностей <...>. С внезапностью принимая самые крайние решения, он был подозрителен, резок <...>. В минуты же гнева вид у Павла был положительно устрашающий» (*Ливен. С. 177—179*).

8 ноября. «Наш организм, коллоидальная система которого претерпевает постоянные изменения, обладает утонченной чуткостью ко всяким внешним воздействиям и колебаниям. <...> — Многие из этих колебаний не доходят до порога сознания, и обычно крепкие и здоровые организмы слабо реагируют на них. Но резкие колебания физической среды и в крепких организмах вызывают известные нарушения, изменяют знак тонуса высшей нервной деятельности и создают то, что в общежитии называется «сменой настроений», без какой-либо видимой причины. <...> — Для болезненных человеческих организмов играют роль порой ничтожные изменения физической среды <...>. — Целый ряд нервных и патологических заболеваний тесно связан с периодическими или непериодическими изменениями окружающего организм электрического или магнитного поля, находящегося в зависимости от положения небесных светил» (*Чижевский. С. 53—55*). А поскольку небесные светила меняют положение ежесекундно — ежесекундно меняется и физическая среда. Когда она благотворно действует на живые организмы, мы этого не замечаем — кажется вполне естественным то состояние жизни, когда никто никого не подозревает, не ссылает, не арестовывает. Зато мы очень хорошо чувствуем на себе следствия неблагоприятных влияний, ибо тогда те самые «болезненные человеческие организмы», о которых помянуто в предыдущей цитате, начинают испытывать

эти влияния и переносить их на своих близстоящих с энергией, настолько эквивалентной давлению небесных сфер, что мы невольно чувствуем всю силу горного гнева за грехи наши. Конечно, можно утешаться тем, что «болезненный организм» — это медиатор небес, но жить, поминутно испытывая на себе пульсацию Вселенной, — тяжелое испытание. Нельзя даже обнадеживать себя привычным *авось*: авось, пройдет. Сегодня — пройдет, завтра — не минует.

1799

Безверья гидра проявилась:
Родил ее, взлелеял Галл —
В груди его, в душе вселилась,
И весь чудовищен он стал!
Растет — и тысячью главами
С несчетных жал струит реками
Обманчивый по свету яд:
Народы, царствы заразились,
Развратом, буйством помрачились.
И Бога быть уже не мнят.

Нет добродетели священной,
Нет твердых ей броней, щитов;
Не стало рыцарств во вселенной;
Присяжных злобе нет врагов;
Законы царств, обряды веры,
Святыни — почтены в химеры;
Попран Христос и скиптр царей;
Европа вся полна разбоев;
Цареубийц святят в героев:
Ты, Павел, будь спаситель ей!

(Державин. С. 67)

«Всем известно, что революционное французское правительство, как некий беснующийся исполин, терзая собственную свою утробу и в то же время с остервенением кидаясь на других, наводило страх» всей Европе (*Шишков. С. 62*).

Французская революция началась в Париже в 1789-м году. Сначала там разрушили тюремный замок, потом приняли конституцию и сократили власть короля, затем вообще отменили монархию, назначили республику, казнили короля с королевой, стали истреблять всех подозрительных и, наконец, объявили войну тиранам Европы. Павел знал Людовика XVI-го и Марию Антуанетту не по газетам, а лично — в мае 1782-го года во время поездки по Европе он месяц жил в Париже; гибель тех, чьи живые черты сохраняются в памяти, действует на воображение всегда сильнее, чем смерть людей, знакомых только по именам. Образ цареубийц-якобинцев преследовал воображение нашего императора; видимо, он всерьез думал, что и у нас может произойти нечто подобное. У него был логический ум, воспитанный на классических литературных образцах древности и современности, и он знал, что все в мире совершается по закону подражания, открытому еще Аристотелем. Подражания в безделах — свидетельство готовности подражать в деле. Поэтому он так немилосердно гнал из России новейшие французские моды: якобинство в одеждах — знак намерения последовать французам в свободе, равенстве и братстве.

Хотя якобинцы как таковые недолго правили Французской республикой, якобинский дух энергизировал французскую нацию все девяностые годы. Уцелевшие аристократы бежали из Франции по окрестным странам. В наших западных губерниях нашел себе зимние квартиры и содержание военный корпус принца Конде (семь тысяч эмигрантов); принц Конде с своим сыном герцогом Бурбоном и внуком герцогом Энгиенским были награждены высшей российской наградой — орденом Андрея Первозванного — за вклад в дело борьбы с мировой революцией. Французскому королю в изгнании — Людовику Восемнадцатому — было предоставлено убежище в Митаве с пенсией в двести тысяч рублей.

По мере разлива революции в Париже — в остальной, еще монархической Европе тревожились все более, и наконец австрийская и испанская армии пошли восстанавливать во Франции старый порядок. Сначала, в 1792-м и 1793-м годах они наступали. Но якобинцы избрали в Париже Комитет общественного спасения, объявили, что их отечество в опасности и мобилизовали революционных граждан. Весной 1794-го года 850 тысяч французов были под ружьем, и революционные армии стали наступать. Пруссия, встрявшая было в войну, заключила с Францией сепаратный мир.

Екатерина II не однажды говорила, что спасение монархии во Франции — дело всех государей Европы, однако военной помощи не давала; у нее были свои заботы, ближние к границам России: когда в Париже началась революция, мы воевали на два фронта — с Швецией и с Турцией; когда там казнили короля — мы делили Польшу; когда революционные французские армии из обороны перешли в атаку, Суворов усмирал поляков, взволновавшихся от ликвидации их государства, а Валериан Зубов вел армию к берегам Каспийского моря для освобождения Закавказья от персидского ига²². В 1796-м, незадолго до своей кончины, Екатерина, по слухам, повелела наконец фельдмаршалу Суворову готовиться к походу на Париж. «Безбожные, окаянные французишки убили своего царя, — говорил фельдмаршал своим солдатушкам, приступая к подготовке похода. — Они дерутся колоннами, и нам, братцы-ребята, должно учиться драться колоннами» (*Столыпин. С. 7*).

Но едва Екатерина умерла, Павел немедленно отставил все наступательные планы, вернул корпус Валериана Зубова, прекратил закавказскую войну и сказал, что «теперь нет ни малейшей нужды России помышлять о распространении своих границ, поелику она и без того довольно уже и предовольно обширна <...>, вследствие того хочет он все содержать на военной ноге, но при всем том жить в мире и спокойствии» (*Болотов. С. 177*).

В сущности, он говорил то же, что в последние пятнадцать лет своего царствования, в промежутках между войнами, говорила покойная Екатерина, и, подобно матери, Павел недолго держался своего слова. То есть в течение двух лет наш император не преследовал якобинцев за пределами своего государства, а преследовал только внутри: репрессировал круглые шляпы, жилеты, частные типографии и вольные разговоры, запрещал ввоз в страну заграничных книг, журналов и нот²³; вводил новые правила въезда иностранцев в Россию²⁴: виза от русского посланника в той стране, откуда едет гость; документ о маршруте и цели приезда; проверка документов на границе и проч., проч., проч.

Отчасти состоянию нейтральности России способствовало состояние военных дел на прочем континенте. Накануне своей коронации, в 1797-м году, Павел едва не нарушил своего слова, и 4-го апреля уже отдал было приказ трем нашим дивизиям готовиться к походу на помощь Австрии. Но не успел приказ дойти до дивизий, как австрийцы начали с французами переговоры о мире. Говорят, когда австрийский посол в Петербурге намекнул Павлу на то, что, ежели русские дивизии пойдут в поход, перемирие можно прервать, — Павел, пожав плечами, спросил: «Вы еще недостаточно терпели поражений?» (*Валишевский. С. 296*)

Впрочем, он совсем не безразличным взором следил за происходящим на континенте. Когда он узнал о том, что прусская дипломатия сепаратно договаривается с французами о некоторых территориальных взаимозачетах (Франция закрепляется по левому берегу Рейна, Пруссия получает себе несколько мелких германских княжеств), он послал прусскому королю угрожающее письмо: «Обвиняют кабинет Вашего Величества, <...> будто бы он старается скрытно расстроить примирение Европы; говорят, что Ваше Величество, дозволяя французам завоевания, ожидаете себе доли от раздробления империи Германской <...>. Вас не должно удивить, если я скажу, что не останусь равнодушным свидетелем <...>, но употреблю в действие всю власть и все силы, врученные мне Провидением» (*Шумигорский 1907. С. 142*).

Император Павел, даром что перелицовывал политику своей матери, в общем-то мыслил в международных делах по той же логике, что и Екатерина: чем более ослабнет могущество сильнейших европейских дворов, тем более возрастет могущество России. Он не собирался заступаться за австрийцев и пруссаков из моральных соображений. Прежде чем восстанавливать порядок в Европе — надо было обустроить собственное государство.

Но вот в 1797-м году император Павел принял под свой протекторат остров Мальту — владения католического Ордена рыцарей святого Иоанна Иерусалимского — и обязался, соответственно, способствовать финансовому и прочему процветанию Ордена. «Близко наблюдавшие Павла люди, — сообщает летописец, — не раз отмечали черты рыцарственности в его характере (высоко развитые понятия о чести и достоинстве, великодушии, выражавшиеся, в частности, в готовности принести публичные извинения незаслуженно обиженным и т. д.). Именно эти черты он возвел в принцип своего бытового и общественного поведения. <...> — Из-за рыцарской доминанты естественно проистекала повышенная знаковость павловского общественного устройства <...>. Это и неукоснительное внимание к четкой регламентации публичных и частных отношений. Это и особая роль (строже всего соблюдаемая при дворе и в армии) этикета, иерархии почестей, эмблемы, цвета, жеста и т. д. <...> — Ярким примером приверженности Павла I к рыцарской идее явились его отношения с Орденом иоаннитов на Мальте. Чудом доживший до нового времени осколок объединения рыцарей-крестоносцев, католиков-иезуитов, Мальтийский Орден во второй половине 1790-х гг. оказался из-за грозных событий Французской революции в крайне тяжелом положении и вынужден был искать защиты у глав европейских монархий. Иезуиты еще в конце царствования Екатерины II обосновались в России, а с воцарением ее сына стали добиваться его участия в мальтийских делах. Павел I <...> в декабре 1797 г. принял Орден под свое покровительство <...>. В сентябре 1798 г. он принял Мальтийский Орден под свое верховное руководство, а в ноябре возложил на себя достоинство великого магистра Ордена <...>. Указание на достоинство «Великого Магистра Ордена св. Иоанна Иерусалимского» вошло в состав общей титулатуры Павла I, изображение мальтийского креста было внесено в государственный герб, а сам крест включен в систему высших российских орденов» (*Тартаковский. С. 214—215*).

Вставить католический крест в герб православной державы — сильная акция, означавшая не только публичное вступление России в состояние веротерпимости, но и готовность принять под свое покровительство весь католический мир в защиту от безбожных якобинцев²⁵.

Безбожные французы тем временем продолжали освобождать Европу от власти тиранов: в Голландии была установлена Батавская республика, в Ломбардии — Цизальпинская, в Генуе — Лигурийская; в Швейцарии — Гельветическая. В январе 1798-го года французские войска заняли Папскую область и провозгласили там Римскую республику. В июне 35-тысячный

французский корпус во главе с генералом Бонапартом направился на освобождение Африки от англичан. По пути французы высадились на острове Мальта. Русскому посланнику было предписано выехать с острова в течение трех часов. Объявлено, что любой русский корабль, появившийся у берегов Мальты, будет потоплен.

Это было личное оскорбление императору Павлу. 13-го июля 1798 года, в разгар семейного скандала из-за девицы Лопухиной, император отдал приказ 16-тысячному корпусу генерала Розенберга сосредоточиться у Брест-Литовска для похода на Запад.

Осенью 1798-го против безбожной Франции составила редкостная по вероисповеданию коалиция: Россия, Австрия, Англия, Турция. В Средиземное море была послана русско-турецкая эскадра адмирала Ушакова и английская эскадра адмирала Нельсона. Они собирались с моря атаковать занятые французами южные земли Европы. С суши на французские республики должны были надвинуться совокупно действующие русские и австрийские армии. Император Франц просил Павла прислать во главу войск Суворова.

Суворов был помилован еще год назад — в феврале 1798-го. Вдруг, как это обычно бывало и с другими, император снял с фельдмаршала надзор и всемилостивейше дозволил приехать в Петербург. «Если было что от него мне, я сего не помню», — сказал император (*Милютин. Т. 3. С. 124*). Суворов приехал. Павел позвал его на вахт-парад. Суворов морщился, зевал, гримасничал и паясничал как всегда, когда чем-то был недоволен. Павел позвал его на другой вахт-парад, потом на третий. Но Суворов продолжал дурить: то треугольная шляпа падала у него с головы, и он с клоунскими ужимками пытался ее поймать, то шпага, прицепленная по новым правилам, мешала пролезть в дверь кареты, и фельдмаршал никак не мог сообразить, как ему быть, то он начинал бегать не в ногу перед солдатским строем, мелко крестясь и бормоча себе что-то под нос (*Петрушевский. Т. 2. С. 390—391*). Служить под приглядом императора Суворов не хотел. Он хотел воевать, ибо на войне был себе хозяин. «Пусть меня сделают главнокомандующим, — говорил он, — дадут мне прежний мой штаб, развяжут мне руки, чтоб я мог производить в чины, не спрашиваясь. Тогда, пожалуй, пойду на службу. А нет — лучше назад в деревню. Пойду в монахи» (*Суворов. Письма. С. 697*). — Император терпел-терпел, но, наконец, отстал от него, дозволив ехать, куда тот хочет. Суворов уехал обратно в деревню.

Прошел год, и теперь все стало иначе. От войны Суворов отказаться не мог — на войне он жил, без войны угасал.

9-го февраля фельдмаршал прибыл по вызову Павла в Петербург, император возложил на него Мальтийский крест, и 17-го февраля Суворов выехал в Вену спасать Европу — принять командование над соединенными русско-австрийскими войсками для похода в Италию против французов.

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1799 ГОДА

«Первые русские войска прибыли в Верону 17 <6> апреля. Командование над армией принял Суворов. Он поручил своему предшественнику, фельдмаршалу Краю, осаждать Мантую и Пескиеру с 25000 человек <...>, а лично сам с 60000 человек двинулся на Брешиа. Этот город сопротивлялся ему всего 24 часа. Он взял в нем 1200 пленных французского гарнизона. Бергамо, имевший такой же гарнизон, сдался 23-го <12>. 25 <14> апреля главная австро-русская квартира прибыла в Тревильо, на левом берегу Адды <...>. — Шерер оставил командование французской армией и отправился в Париж. Его заместил генерал Моро. <...>

Макдональд с неаполитанской армией <...> с нетерпением ждал приказаний от Моро <...>. 18-го <7> июня, в 5 часов пополудни, Суворов атаковал четырьмя колоннами неаполитанскую армию. Французы были отражены и сосредоточились на правом берегу Треббии. 19-го <8-го> Макдональд переправился через реку тремя колоннами, имел сначала успех, который остался неразвитым, и — проиграл сражение. <...> Суворов следовал за ним в течение четырех дней» (*Наполеон. С. 311—315*).

ОЧЕРКИ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1799 ГОДА

«Русский Бог велик... охают французы <...>. Еще новую победу Всевышний нам даровал». — 15 <4> августа неприятель «атакован, совершенно разбит и обращен в бегство. Урон его простирается, по признанию самих французов, до 20000 человек» (*Из августовских писем Суворова Ф. В. Ростопчину и Ф. Ф. Ушакову // Суворов. Письма. С. 349—350*).

«Суворов покрыл себя бессмертной славой. Его имя вызвало восторг и удивление. Император <...> пожелал, чтобы его поминали за обедней вместе с членами императорского дома» (*Головина. С. 223*).

«Для сохранения в памяти в предыдущих веках великих дел генерал-фельдмаршала нашего графа Суворова-Рымникского, в четыре месяца избавившего всю Италию от безбожных ее завоевателей, <...> жалуем ему <...> знаменитое достоинство князя Российской Империи с титулом Италийского <...>.

Гвардии и всем российским войскам даже в присутствии государя отдавать ему все воинские почести, подобно отдаваемым особе его императорского величества» (*Из указа Павла I от 8 августа и приказа от 24 августа 1799 года // Суворов. С. 261, 263, 268, 270*).

«Я живу рядом с домом, где квартирует около 20 храбрых гренадеров из императорского батальона, и, проходя мимо, беседую с ними. Всякий день они поручают мне: «Попросите государя, чтобы приказал французов-то живых не оставлять. Уж этот род нечестивый весь перевесть должно» (*Ростопчин. С. 230*).

«Успехи Суворова вызвали еще большее озлобление императора Павла против республики. Он выставил несколько корпусов: 30000 человек под командованием генерала Корсакова отправились в Швейцарию; 18000 человек <...> погрузились в Ревеле на английскую эскадру; 11000 человек были отправлены в Италию на пополнение к Суворову; это доводило до 90000 человек силы русских, участвовавшие в этой кампании. Ломбардская жара была непереносима для русских. Смещение различных наций в одной и той же армии вызывало одни неудобства. Австрийские генералы были мало удовлетворены тактикой генерала Суворова, замашки которого их раздражали. Коалиционные кабинеты пришли к соглашению о том, чтобы одновременно действовали четыре армии: одна в Италии, составленная из австрийцев, <...> одна в Швейцарии, составленная из русских, французских эмигрантов и швейцарцев, под командованием Суворова; одна на Нижнем Рейне, <...> одна в Голландии <...>.

Французское правительство, со своей стороны, не падая духом от поражений, усердно начало пополнять свои армии. Гельветская армия была самой сильной. Генералу Массена посылались приказ за приказом, чтобы он предупредил прибытие русских и овладел Цюрихом <...>.

Со своей стороны, Суворов покинул командование итальянской армией. 14 <3> сентября он прибыл в Беллинцону с 20000 русских, уцелевшими у него из 51000 человек <...>.

Массена почувствовал, наконец, что наступил решительный момент, и ему больше нельзя терять ни одного дня, так как, если он даст время Суворову прибыть в Цюрих, его положение сделается опасным <...>. Главная квартира Корсакова располагалась в Цюрихе <...>. В ночь с 23 на 24 сентября Массена выставил батарею из 20 пушек <...>. Русские отважно выдерживали натиск со всех сторон. Они удерживали город Цюрих часть ночи с 25 на 26-е, но наконец французы выломали ворота. Корсаков на правом берегу Рейна собрал только половину своего

корпуса. В сражении им было потеряно 15000 человек, госпитали, склады и обозы. <...>

В тот же самый день, 25 сентября, Суворов прошел через Сен-Готардский перевал, громко заявляя о своем намерении <...> двинуться прямо на Люцерн и Берн и отбросить в течение нескольких дней французскую армию <...>. Прибыв в Гларис, Суворов узнал о поражении у Цюриха <...>. Это заставило его подчиниться необходимости и очистить Швейцарию, бросив своих отсталых, больных и раненых и оставив много пленных в руках победителя. 8 октября он прибыл в Койре с остатками своей армии, подавленный подобным концом кампании, начатой при таких счастливых предзнаменованиях» (*Наполеон. С. 325—327*).

Реляции, подобные цитированным выше, захватывают дух у редких читателей. Зритель эпох, алчущий мифов и анекдотов, несомненно, перестал вникать в подробности маршрутов Суворова уже со второго абзаца рассуждений Наполеона. И правильно сделал, ибо в историческом повествовании, в отличие от военной статистики, важен результат, а не процесс подсчета: сколько войск, какого числа и проч.

Результат же, если коротко говорить, был примерно тот же, как и всегда, когда мы вступали в коалиции.

Пока мы воевали, союзные Австрия и Англия нашими успехами гордились, но лишь дело стало близиться к заключению мирных трактатов и установлению государственных интересов в пределах, очищенных от французов, союзники стали выказывать живейшее нетерпение насчет скорейшего вывода русской пехоты из Италии, а русских судов из Средиземного моря.

Суворов, по очищении Италии от французов, отправился по приказу в Швейцарию: тут, в Альпах, на Сен-Готардском перевале, французы окружили его, и он пошел по горной тропе: он пролез сквозь горы, угробив пол-армии в сен-готардских ущельях, чтобы, спустившись в долину, узнать, как накануне его безумного перехода войско генерала Корсакова бежало из Цюриха, а союзные австрийцы не сделали ни шагу на помощь.

Суворов был в бешенстве: «Я покинул Италию раньше, чем было должно. Но я сообразовывался с общим планом <...>. Я согласовываю свой марш в Швейцарию <...>, перехожу Сен-Готард, преодолеваю все препятствия на своем пути; прибываю в назначенный день в назначенное место и вижу себя всеми оставленным <...>. Позиция при Цюрихе, кою должны защищать 60000 австрийцев, оставлена на 20000 русских, коих не обеспечили продовольствием <...>. Что мне обещали, ничего не исполнили» (*Суворов — австрийскому эрцгерцогу Карлу, 20-е числа октября 1799 // Суворов. Письма. С. 367*).

Тем временем адмирал Ушаков воевал в Средиземном море. Его эскадра отняла у французов Ионические острова и собралась идти на Мальту. Однако союзные англичане искали способов сбыть Ушакова к берегам Египта — сторожить воюющего там Бонапарта. Ушаков возмущался: «Требования английских начальников морскими силами <...> я почитаю за не иное, что они малую дружбу к нам показывают, желая нас от всех настоящих дел отстранить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются» (*Трухановский. С. 117*).

Павел приказал Суворову уходить из Швейцарии домой, в утешение наградил его званием генералиссимуса и велел воздвигнуть ему статую против главного фасада Михайловского замка. «Я решился отстать вовсе от связи с двором Венским, — писал император Суворову 29-го октября, — весьма рад, что от вашего из Швейцарии выступления узнает эрцгерцог Карл на практике, каково быть оставлену невовремя и на побиение; но немцы — люди годные, все могут снести, перенести и унести» (*Милютин. Т. 3. С. 558*). — Но Суворов был безутешен: «Я бил французов, но не добил. Париж — мой пункт. Беда Европе» (*Суворов. Письма. С. 750*). — Через полгода он умер²⁶. Вместо статуи Суворова перед главным фасадом Михайловского дворца поставили памятник Петру Первому.

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ ВНИМАТЕЛЬНО НАБЛЮДАЕТ ЗА РАЗВИТИЕМ СОБЫТИЙ ВО ФРАНЦИИ

Пока Суворов переходил из Италии в Швейцарию, а Ушаков спорил с Нельсоном о победах в Средиземном море, небезызвестный генерал Бонапарт, оставив свою армию в Египте, явился в Париж.

18-го брюмера VIII-го французского революционного года он взял власть республики в свои генеральские руки. По календарю, принятому тогда в прочей Европе, это было 9-е ноября. По нашему календарю — 29-е октября.

Генерал Бонапарт стал первым консулом. Франция продолжала называться республикой. До того времени, когда генерал стал называться императором, а Франция — империей, оставалось пять лет. Но уже в ноябре 1799 года решительность, с какою первый консул стал подавлять, учреждать и устанавливать, — внушала. Якобинство во Франции прекращало свое бытие. Восстанавливалось единоначалие.

Одним из первых в Европе, кто заметил внушительность новой власти, был император Павел. Он сказал так: «Во Франции перемена, которой оборота, терпеливо и не изнурая себя, ожи-

дать должно <...>. Я проникнут уважением к первому консулу и его военным талантам <...>. Он делает дела, и с ним можно иметь дело» (Суворов. Документы. Т. 4. С. 439; Сб. РИО. Т. XX. С. 1; Эйдельман 1982. С. 188).

Скоро император Павел разорвет отношения с Англией, выбрав вместо нее первого консула Франции новым партнером в политике. «Российская политика вот уже три года остается неизменной и связана с справедливостью там, где его величество полагает ее найти. Долгое время он был того мнения, что справедливость находится на стороне противников Франции, правительство которой угрожало всем державам. Теперь же в этой стране в скором времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мере, по существу, что изменяет положение дела. Он бросил сторонников этой партии, которая и есть австрийская, когда обнаружилось, что справедливость не на ее стороне. То же самое он испытал относительно англичан. Он склоняется единственно в сторону справедливости, а не к тому или другому правительству, к той или другой нации, а те, которые иначе судят о его политике, положительно ошибаются» (Из беседы императора Павла I с датским посланником в начале сентября 1800 г. // Клочков. С. 309—310).

Хорошо сказано. Точно определен смысл политики императора Павла Первого внутри и вне страны: *политика остается неизменной и связана со справедливостью там, где его величество полагает ее найти*, — формула, достойная Михаила Архангела.

Живите праведно — будете счастливы. Живите справедливо — никто вас не тронет. Живите честно — вечная всем память.

1800

Один помещик в Валдайской округе — прапорщик Мельницкий — говорил, что «сам он, Мельницкий, над богами бог, над царями царь. Прежде сидела дура, и ныне насел дурак. У нас в России Павлушечек много, взять и поднять его на штыки» (Клочков. С. 604)²⁷.

Поручик Егор Кемпен, выключенный из службы, говорил: «Нынче и генералов выключают да и рогатки надевают, но скоро эта выключка лопнет»; затем рассказал, как к императору Павлу приходила цыганка, гадала ему на кофейной гуще и объявила, что жить ему осталось три года; наконец, заключил: «Находятся таковые люди, что хотят государя императора извести» (Клочков. С. 579)²⁸.

«Не припомню теперь в точности, какое преступление со-

вершил некто князь Сибирский, человек высокопоставленный, сенатор, пользовавшийся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступок его, каков бы он ни был, обнаружился через прошение <...>, и князь Сибирский был предан уголовному суду, приговорен к разжалованию и к пожизненной ссылке в Сибирь. Император немедленно же утвердил этот приговор, который и был приведен в исполнение, причем князь Сибирский, как преступник, публично был вывезен из Петербурга, через Москву, к великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственников» (*Саблуков. С. 29—30*)²⁹.

«Титулярная советница Флиге взяла карету у извозчика Матвея Козырева и, направляясь в Екатерингоф, приказывала ему ехать поспешнее, но он отвечал, что скоро ездить запрещено. Когда приехали по назначению, то извозчик, оставивши карету и лошадей на дворе, вошел в избу, обогрелся, сходил два раза в соседний кабак, а вернувшись, будучи довольно пьян, разболтался и говорил: — В Екатерингоф поехали благополучно, как-то назад? Седоки приказывают ехать скоро, <...> а попадешься батюшке Курносому, так и своих не узнаешь. Даром он смотрит высоко, да далече видит. Мы с генералами и с графами езжали, да и те из кареты опрометью вылезают, а как не успеют, то глядишь — и за город. — <...> Продолжая разговор с дворником и артельщиком, извозчик Козырев жаловался, что государь император весьма немилостив, не дает шибко ездить и извозчикам быть пьяным, за что отдает тотчас в солдаты. После сего говорил: — Как бы моя воля была, то бы я его, плешивого и курносого, застрелил (причем разорвал на себе рубашку), а мне уже-де быть только одному в ссылке, за что знатные господа <...> согласились бы прислать ко мне по 500 рублей жалованья в ссылку, и я бы жил пан-паном» (*Клочков. С. 580*)³⁰.

«Время это было самое ужасное. Государь был на многих в подозрении <...>. Сердце болело, слушая шепоты, и рад бы не знать того, что рассказывают <...>. Словом, ежедневный ужас» (*Мертваго. С. 118*). «Тирания и безумие достигли предела» (*Вице-канцлер Панин*³¹ — *барону Крюденеру, 2 марта 1800 // АкВ. Т. XI. С. 107*).

«При всем том, однако ж, нельзя сказать, чтоб он был злонаправлен или чужд способностей разума. Причиною сей крутой пылкости, часто затмевавшей рассудок его, должно полагать, во-первых — ложное понятие о худом и слабом, по мнению его, правлении матери своей, которое будто бы, а особливо по военной части, надлежало исправить переменами и строгостями; и, во-вторых — боязливая и всегда опрометчивая подозри-

тельность, преклонявшая слух его ко всяким доносам, кои, волнуя в нем кровь и устрашая воображение, побуждали его для мнимого предупреждения угрожающих последствий предпринимать поспешно и необдуманно такие меры, которые скорее навлекать, нежели отвращать их могли. Несчастная подозрительность сия представляла ему везде опасности <...>. Однажды случилось, что взвели на князя <П. В.> Лопухина некоторую клевету, столь нелепую, что ему не стоило ни малейшего труда изобличить ее, как совершенную ложь и небылицу. Павел увидел это ясно, однако ж спустя несколько дней сказал ему: — Я очень уверен в неправде, на тебя взведенной, но со всем этим тут, — указывая на свою голову, — нечто остается» (*Шишков. С. 71—72*). — «Он был чрезвычайно раздражителен и от малейшего противоречия приходил в такой гнев, что казался совершенно иступленным. А между тем он сам вполне сознавал это и впоследствии глубоко этим огорчился, сожалея <...>. Это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках. <...> Остроумную шутку он понимал и ценил не хуже всякого другого, лишь бы только в ней не видно было недоброжелательства или злобы. В подтверждение этого мнения я приведу следующий анекдот. — В Гатчине, насупротив окон офицерской караульной комнаты, рос очень старый дуб <...>. Это дерево, как сейчас помню, было покрыто странными наростами, из которых выросло несколько веток. Один из этих наростов до того был похож на Павла, с его козичкою, что я не мог удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся в казармы, рисунок мой так всем понравился, что все захотели получить с него копию, и в день следующего парада я был осажден просьбами со стороны офицеров гвардейской пехоты. Воспроизвести его было нетрудно, и я роздал не менее тридцати или сорока копий. Несомненно, что, при том соглядатайстве со стороны гатчинских офицеров, которому подвергались все наши действия, история с моим рисунком дошла до сведения императора. Будучи вскоре после этого еще раз в карауле, я от нечего делать занялся срисовыванием двух очень хороших бюстов, стоявших перед зеркалом в караульной комнате, из которых один изображал Генриха IV, а другой Сюлли. Окончив рисунок с Генриха IV, я был очень занят срисовыванием Сюлли, когда в комнату незаметно вошел император, стал сзади меня и, ударив меня слегка по плечу, спросил:

— Что вы делаете?

— Рисую, государь, — отвечал я.

— Прекрасно! Генрих IV очень похож <...>. Я вижу, что вы

можете сделать хороший портрет... Делали вы когда-нибудь мой?..

— Много раз, ваше величество.

Государь громко рассмеялся, взглянул на себя в зеркало и сказал:

— Хорош для портрета!

Затем он дружески хлопнул меня по плечу и вернулся в свой кабинет, смеясь от души» (*Саблуков. С. 39, 54—55*).

«Однажды <...> после обеда, бывшего обыкновенно в час, он гулял по Эрмитажу и остановился на одном из балконов, выходящих на набережную. Он услышал звон колокола, во всяком случае, не церковного, и, справившись, узнал, что это был колокол графини Строгановой, созывавший к обеду. Император разгневался, что графиня обедает так поздно, в три часа, и сейчас же послал к ней полицейского офицера с приказом впредь обедать в час <...>. Анекдот быстро распространился в городе; толки вокруг этого случая дали повод злонамеренным людям находить у государя расстройство рассудка» (*Головина. С. 244—245*)³². — «Вообще язвительные насмешки над государем сделались как бы ежедневным занятием петербургского общества <...>. Подозревал ли сам император то, что замыслили против него?» (*Коцебу. С. 319, 320*)

НОВЫЕ УКАЗЫ

26 января. «Предписывается всему генералитету, штаб- и обер-офицерам, приняв намерение сочетаться законным браком, предварительно испрашивать на то Высочайшего соизволения <...> донося именно, на ком кто жениться желает» (*Ключков. С. 131; Анекдоты. С. 218*).

12 апреля. «Всех тех, кои при отставке их из военной службы, не назначаются именно Нами к определению в статскую службу, запрещаем без всякого изъятия сенату Нашему определять в оную» (*ПСЗ, № 19376*).

18 апреля. «Так как чрез ввозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне, впредь до указа, повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку» (*ПСЗ, № 19387*).

2 мая. Дать 1000 палочных ударов штабс-капитану Кирпичникову за словесное оскорбление государственной награды — ордена св. Анны (*Эйдельман 1982. С. 189*). — «Государь, желая показать, что его любовь к Лопухиной не переходила границ чистого чувства, продолжал ухаживать за нею» — (*Головина. С. 238*).

НОВЫЕ АНЕКДОТЫ

«Пушкин рассказывал, что, когда он служил в министерстве иностранных дел, ему случилось дежурить с одним весьма старым чиновником. Желая извлечь из него хоть что-нибудь, Пушкин расспрашивал его про службу и услышал от него следующее. — Однажды он дежурил в этой самой комнате, у этого самого стола... Было уже за полночь. Вдруг дверь с шумом растворилась. Вбежал сторож впопыхах, объявляя, что за ним идет государь. Павел вошел и в большом волнении начал ходить по комнате; потом приказал чиновнику взять лист бумаги и начал диктовать с большим жаром. Чиновник начал с заголовка: «Указ Его Императорского Величества» — и капнул чернилами. Поспешно схватил он другой лист и снова начал писать заголовок, а государь все ходил по комнате и продолжал диктовать. Чиновник до того растерялся, что не мог вспомнить начала приказания, и боялся начать с середины, сидел ни жив ни мертв перед бумагой. Павел вдруг остановился и потребовал указ для подписания. Дрожащий чиновник подал ему лист, на котором был написан заголовок и больше ничего. — Что же государь? — спросил Пушкин. — Да ничего-с. Изволил только ударить меня в рожу и вышел. — А что же диктовал вам государь? — спросил вновь Пушкин. — Хоть убейте, не могу сказать. Я до того был испуган — что ни одного слова припомнить не могу» (*Вацуро. С. 100*).

«В одном из ежедневных приказов по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время — писарь расчеркнулся так, что когда писал: «прапорщики-жъ такие-то в подпоручики», — то перенес на другую строку небывалое словцо Кижъ, начав его еще с прописной, размашистой буквы. Пробегая наскоро приказ этот, император принял словцо это, с прописною буквою, за коим следовали прозвания, также за прозвание одного из производимых и написал тут же: «подпоручик Кижъ в поручики». На другой день подпоручик Кижъ произведен был в штабс-капитаны, а на третий, подписывая приказ, государь написал против него: «В капитаны». И это сделано. Никто не успел оглянуться, ни опомниться, как Кижъ произведен был в полковники, с отметкой: «Вызвать сейчас ко мне». Тогда только бросились по приказам, где этот Кижъ? Он оказался в каком-то Азовском или Апшеронском полку, где-то на Дону, и фельдъегерь, очертя голову, поскакал за ним. Можно вообразить изумленье полкового командира, до которого еще не успел дойти обычным порядком первый приказ о производстве прапорщика Кижя, как привезен был уже с фельдъегерем последний о производстве его в полковники, и когда, сверх сего, полковой командир не мог понять, о чем и о ком идет речь, пото-

му что в полку его никогда никакого Кижя не было. «Есть же на свете Чиж, — подумал полковник. — Почему бы не быть и Кижю, но только не в этом полку». — Фельдъегерь подавно ничего не мог тут объяснить и поскакал, едва перекусив, обратно. — Донесение полковника, что в его полку Кижя нет и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и канцелярии их. Бросились следить по приказам, и наконец бедственный первый приказ о производстве Кижя в подпоручики разъяснил дело. Между тем государь уже спрашивал, не прибыл ли полковник Кижь — вероятно, желая с нетерпением поздравить его генералом. Решились доложить государю, что Кижь умер. — Жаль, — сказал император, — был хороший офицер» (*Даль. С. 295—296*).

«Какой-то гвардейский полковник в месячном рапорте показал умершим офицера, который отходил в больнице. Павел его исключил за смертью из списков. По несчастью, офицер не умер, а выздоровел. Полковник упросил его на год или на два уехать в свои деревни, надеясь сыскать случай поправить дело. Офицер согласился, но, на беду полковника, наследники, прочитавши в приказах о смерти родственника, ни за что не хотели его признавать живым <...>. Когда живой мертвец увидел, что ему приходится и в другой раз умирать, и не с приказы, а с голоду, тогда он поехал в Петербург и подал Павлу просьбу. Павел написал своей рукой на его просьбе: — Так как о господине офицере состоялся высочайший приказ, то в просьбе ему отказать» (*А. И. Герцен // Русский литературный анекдот. С. 83*)³³.

НОВЫЕ УКАЗЫ И АНЕКДОТЫ

10 июля. «Господин генерал от кавалерии граф фон-дер-Пален. Из вашего сегодняшнего рапорта я вижу, что дочь портного Клокенберга хотела утопиться от любви к регистратору Максиму, но так как я против их брака ничего не имею, то препоручаю вам исполнить их желание. К вам благосклонный Павел» (*Анекдоты. С. 267*).

4 сентября. Уволено от дел 27 сенаторов. Оставлено на службе — 50 (*Клочков. С. 186*). — «В Сенате было решено какое-то дело, в котором участвовала родственница Кутайсова или какого-то другого уроды. По жалобе ее отрешили от службы всех сенаторов того департамента и производителей дела» (*Греч. С. 175*).

25 сентября. «Его Императорское Величество с крайним негодованием усмотреть изволил во время последнего в Гатчине бывшего театрального представления, что некоторые из бывших зрителей начинали плескать руками, когда его величеству одобрения своего объявить было неуютно, и, напротив того,

воздерживались от плескания, когда его величество своим примером показывал желание одобрить игру актеров <...>, почему принужденным нашелся всему двору своему и гарнизону города Гатчины отказать вход в театр и в церковь, кроме малого числа имеющих вход на вечерние собрания, и <...> приказать соизволил: для предосторожности жителей столицы, дабы <...> здешняя публика во время представлений театральных воздерживалась от всяких неблагопристойностей, как то: стучать тростями, топтать ногами, шикать, аплодировать одному, когда публика не аплодирует, также аплодировать во всем пении или действии и тем отнимать удовольствие у публики безвременным шумом. А потому <...> всех, здесь в городе живущих, обвести с подписками о сем и с строгим при том подтверждением, что, если и за сим кто-либо осмелится вопреки вышеписанному учинить, тот предан будет, яко ослушник, суду» (*Анекдоты*. С. 238).

«Мало ли что предписывалось и исполнялось в то время! Так, например, предписано было не употреблять некоторых слов, например, говорить и писать *государство* вместо *отечество*; *мещанин* вместо *гражданин*; *исключить* вместо *выключить*» (*Греч*. С. 151); *осмотреть* вместо *обозреть*; *исполнить* вместо *выполнить*; *караул* вместо *стража*; *собрание* вместо *общество* (*РС*. 1872. Т. 6. № 7. С. 98).

«Можно вообразить, какова была цензура! <...> Особенно отличался рижский цензор Туманский <...>. Один сельский пастор в Лифляндии, Зейдер, содержащий лет за десять до того немецкую библиотеку для чтения, просил, чрез газеты, бывших своих подписчиков, чтобы они возвратили ему находящиеся у них книги и, между прочим, повести Лафонтена «*Die Gewalt der Liebe*» «Сила любви». Туманский донес императору, <...> что пастор Зейдер старается посредством библиотеки для чтения распространять тлетворные начала. Этот злостный, хитро придуманный донос возбудил подозрительность и негодование императора. <...> И Зейдер был приговорен к наказанию кнутом <...>. Когда привязали его к столбу, он <...> заметил, как по-видимому значительный человек в военном мундире подошел к палачу и прошептал ему на ухо несколько слов; этот последний почтительно отвечал: — Слушаюсь. — Вероятно, то был сам граф Пален или один из его адъютантов, давший палачу приказание пощадить несчастного. От бесчестия нельзя было его избавить; по крайней мере, хотели его предохранить от телесного наказания, которого он, может быть, и не вынес бы. Зейдер уверял, что он не получил ни одного удара, он только слышал, как в воздухе свистел каждый взмах кнута, который потом скользил по его исподнему платью. — По совершении

казни, он должен был быть отправлен в Сибирь: но и эту высылкою граф Пален, с опасностью для самого себя, промедлил несколько дней, все надеясь на более благоприятный оборот в участи несчастного, так как даже русское духовенство, к его чести будь помянуто, вошло с ходатайством за него. Когда, однако, исчезла последняя надежда, его отправили в Сибирь, как самого отъявленного злодея» (*Греч. С. 151—152; Коцебу. С. 289—291*)³⁴.

«Боялись иначе <...>, боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угодить ЕМУ» (*И. В. Лопухин. С. 91*).

НОВАЯ ПОЛИТИКА

Многим современникам императора Павла его иностранная политика казалась такой же непредсказуемо алогичной, как и его обращение с подданными. Отчасти они были правы, ибо смотрели на дело со своей точки зрения, несовместимой с точкой зрения императора. Логично, что, например, разрыв отношений с Англией был сильным опустошением для иных, получавших от английского правительства субсидии за помощь в организации некоторых торговых дел. Еще логичнее, например, возмущение Ольги Александровны Жеребцовой, в девичестве Зубовой — сестры знаменитых братьев, известной своею связью с английским посланником в Петербурге лордом Уитвордом (*Саблуков. С. 69*).

Но если посмотреть на дело с точки зрения императора Павла — все тоже становится очень логично, и ирония по поводу его слов насчет неизменности международной политики России делается совсем неуместной. — Неизменность имела место. Император Павел говорил, что ищет справедливости. Логично думать, что справедливость в делах иностранных он понимал, исходя из той внешнеполитической аксиомы, которую сформулировал своими победами Петр Первый и которую затем при каждом новом царствовании наши войска и дипломатия напоминали Европе: «Россия как положением своим, так равно и неистощимую силою есть и должна быть первая держава в мире» (*РА. 1878. Кн. 1. С. 103*). — Эта формулировка аксиомы сделана в последний год царствования Павла графом Ростопчиным и Павлом своеручно подписана, но аналоги ее мы без труда найдем и во времена предыдущих царствований, и во времена последующих.

Так вот, когда по окончании военной кампании 1799 года в Петербурге стали подсчитывать баланс результатов российского вмешательства в европейские войны, обнаружилось, что наша держава не приобрела ничего осязаемого, кроме вечной памяти о подвигах Суворова в Италии и Швейцарии. Выяснилось, что

наши союзники не только ищут от союзов с нами собственных выгод, а про наши думают только когда им строго напоминают, но и, почти не скрывая, просто используют нас в качестве наемной военной силы, цинически манкируя нашей аксиомой.

К такому манкированию можно относиться спокойно либо с философической точки зрения, либо по прошествии десятков и сотен лет (что, впрочем, равно философическому зрению): понятно, что правители каждой из больших европейских стран — и Австрии, и Пруссии, и Англии, и, естественно, Франции, и даже окраинных Швеции или Испании — придерживались в своей международной политике аксиом, по силе звучания ничуть не тише нашей. Логично, что чем богаче и военнее страна, тем крепче укореняется там мнение о ее великом предназначении и территориальном потенциале.

Посему неизбежны обиды друг на друга, вызванные взаимным манкированием потенциалов и предназначений, особенно тогда, когда обижающиеся стороны находятся в союзных отношениях.

Император Павел был оскорблен отношением англичан и австрийцев к русской помощи 1799 года и стал думать о заключении союза с Наполеоном Бонапартом. Прежние союзники были очень озадачены таким переворотом. В Англии стали думать о том, как этому союзу помешать, ибо, как писал своему лондонскому начальству петербургский посол лорд Уитворд, «император, каков он ни есть, самодержавный владетель могущественной, связанной с Англией империи, из которой исключительно мы <т. е. англичане> можем добывать средства для поддержания первенства нашей морской силы» (*Шумигорский 1907. С. 194*).

Однако именно лорд Уитворд, точнее его длинный язык, способствовал ускорению разрыва дипломатических отношений России и Англии. В одной из своих депеш лорд писал начальству: «<...> мы должны быть приготовлены ко всему, что бы ни случилось. Но факт <...>, что император буквально не в своем уме. Уже несколько лет это известно ближайшим к нему лицам <...>. С тех пор как он вступил на престол, его умопомешательство постепенно усиливалось <...>. Император не руководится в своих поступках никакими определенными правилами или принципами. Все его действия суть последствия каприза или расстроенной фантазии» (*Шумигорский 1907. С. 194*).

Депеша лорда была перлюстрирована, расшифрована, и в июне английскому посольству в Петербурге объявили о нежелательности его дальнейшего здесь присутствия.

В конце лета английская эскадра, продолжая войну с Францией, заняла остров Мальту и переокупировала владения кре-

стонощев Мальтийского Ордена, водрузив над протектируемой нашим императором территорией британский флаг.

Это было новое оскорбление его величеству, и в октябре Павел приказал наложить секвестр на все торговые английские суда в наших портах, а всех английских шкиперов и матросов с тех судов, числом более 1000 человек, сослать в глубинные губернии и уездные города России (по 10 человек в город). В декабре вышел указ: «Чтобы со всею строгостию наблюдаемо было, дабы никакие российские продукты не были вывозимы никаким путем и ни под каким предлогом к англичанам» (*Ключков. С. 361*). В феврале 1801 года возобновилась запрещенная еще Екатериной торговля с Францией.

Как известно, существует только два способа межгосударственных отношений: коммерция и война. Если сила не помогает — начинается коммерция, и наоборот. Посему английское правительство отрядило эскадру под командованием славного адмирала Нельсона для похода на Ревель и Петербург. Весной следующего 1801 года ожидалась война.

Тем временем Австрия, оставшись без Суворова, растеряла все италийские завоевания прошлого года, и, по всей видимости, в Вене согласились бы на любые наши условия, лишь бы получить в подмогу наше войско.

Из Парижа шли известия о желании первого консула Наполеона Бонапарта заключить союз с Россией против общей соперницы — Англии.

1-го октября первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел граф Ростопчин представил Павлу проект новой политики: «Россия, как положением своим, так равно и неистощимую силою есть и должна быть первая держава в мире <...>. Пруссия ласкает нас для склонения на предполагаемые ею себе удовольствия при общем мире. Австрия ползает перед нами <...>. Англии тоже необходим мир <...>. Бонапарт старается всячески снискать наше благорасположение» (замечание Павла на полях: «И может успеть»). — Между тем Англия «захочет, может быть, нахальным образом развесить в Балтийском море флаг свой», а Россия, в случае заключения общего мира, «останется ни при чем». Посему следует заключить союз с Францией, Пруссией и Австрией, установить торговую блокаду Англии, разделить Турцию, забрать у нее Константинополь, Болгарию, Молдавию и Румынию — для России, а Боснию, Сербию и Валахию отдать Австрии, образовать Греческую республику под протекторатом союзных держав, но при расчете перехода греков под российский скипетр (замечание Павла на полях: «А можно и подвести»); Пруссия пусть берет себе Ганновер, Мюнстер и Падерборн, Франция — Египет. Резюме Его

Величества: «Апробуя план Ваш, желаю, чтобы Вы приступили к исполнению оною. Дай Бог, чтобы по сему было» (РА. 1878. Кн. 1. С. 103).

Вот так.

Накануне девятой годовщины смерти Потемкина мы возвращались к условиям великого греческого проекта, над исполнением которого трудился временщик Екатерины Второй. Были, конечно, как видно из отчета Ростопчина, некоторые отличия: так, по планам Потемкина и Екатерины после занятия Константинополя предполагалось образовать на очищенных от турок землях не республику, а царство с царем Константином (сыном Павла) на престоле.

Но это еще не все.

Пока граф Ростопчин приступал к исполнению нового старого проекта, сам император публично сообщил Европе о своем намерении решить военные споры рыцарским поединком. Вот что об этом рассказывает очевидец: «16 декабря, в воскресенье, в восемь часов утра граф Пален прислал ко мне полицейского офицера с приказанием немедленно явиться к нему <...>. Сердце мое затрепетало; жена же моя должна была прибегнуть к помощи лекарств <автор недавно вернулся из сибирской ссылки>. Когда я приехал, граф Пален сказал мне с улыбкою, что император решился разослать вызов или приглашение на турнир ко всем государям Европы и их министрам и что он избрал именно меня для того, чтобы изложить этот вызов и поместить во всех газетах <...>. Мы поехали к императору. Граф вошел сперва один в его кабинет, потом, вернувшись <...>, повел меня с собою к императору <...>. Государь стоял посреди комнаты. По обычаю того времени, я в дверях преклонил одно колено, но Павел приказал мне приблизиться, дал мне поцеловать свою руку, сам поцеловал меня в лоб и сказал мне с очаровательною любезностью:

— Прежде всего, нам нужно совершенно помириться. — <...> После того зашла речь о вызове на поединок <...>. — Я желаю, чтобы это, — указывая на бумагу, которую он держал в руках, — было помещено в «Гамбургской газете» и в других газетах. — Затем он дружески взял меня под руку, подвел к окну и прочел эту бумагу, написанную им собственноручно на французском языке.

Вот ее содержание: «Из Петербурга сообщают, что российский император, видя, что европейские державы не в состоянии примириться между собою, и желая прекратить войну, разоряющую Европу уже 11 лет, собирается выбрать место, куда он пригласит всех других государей, чтобы им встретиться друг с другом в честном поединке, имея в качестве оруженосцев, ге-

рольдов и судей своих просвещеннейших министров и искуснейших генералов, таких, как Тугут, Питт, Бернсторф³⁵; сам же он предполагает взять с собою генералов Палена и Кутузова. Можно ли доверять этому известию — неясно; но, судя по всему, сообщение сие не лишено оснований, имея отпечаток тех качеств, в коих российского императора часто обвиняли» <...>. При последних словах он от души засмеялся. Я учтиво улыбнулся <...>.

— Вот, возьмите, — продолжал он, передавая мне бумагу, — переведите это на немецкий язык <...>.

На другой день он пожаловал мне прекрасную табакерку в две тысячи рублей» (*Коцебу. С. 293—294; Анекдоты. С. 179—182*).

Вряд ли император Павел всерьез предполагал, что кто-то из европейских государей всерьез откликнется на его картель (никто, натурально, не отозвался) — ему нужно было другое: показать Европе, что накануне новой большой войны русский царь остается честным рыцарем, ищущим только справедливости, и что его добрая воля направлена на восстановление мира и стабильности в Европе. — В общем, он действовал, хотя и несколько экстравагантно, но вполне соответственно тому, как действовал бы на его месте любой политик, заботящийся о предназначении и потенциале вверенной ему державы: то есть говорил одно, а делал другое.

Но и это еще не все.

В декабре император Павел и первый консул Наполеон Бонапарт обменялись приветственными посланиями. «Долг тех, кому Господь поручил власть для управления народами, — писал наш император их консулу, — мыслить и заботиться об их благополучии <...>. Я не говорю и не собираюсь обсуждать ни права, ни разные способы правительствования, кои существуют в наших странах. Попробуем вернуть миру покой и тишину, столь необходимые и так очевидно соответствующие непрменным законам Провидения. Я готов вас выслушать <...>. Да хранит вас Господь. Павел» (*Сб. РИО. Т. LXX. С. 27—28*).

Все сие означало, что следующий год — первый год нового столетия начнется с такой коалиции, какую Европа на своем восемнадцатом веку не видала: «Подготавливая союз с Францией, Павел <...> заключил союз с Швецией. К этому союзу примкнули Дания и Пруссия, так что против английского флота в Балтийском море создалась внушительная эскадра 4-х северовосточных держав, задача которой была по преимуществу оборонительная. Наступательную же войну Павел предполагал вести в союзе и при деятельной поддержке Франции. Наполеон должен был сделать диверсию нападением на берега Англии» (*Клочков. С. 311*).

Решено было перекрыть английскую торговлю с Китаем, для чего к китайским берегам собирались выйти из Камчатки наши военные фрегаты, и начать совместно с первым консулом Франции завоевание у англичан Индии. 12-го января нового года император Павел отдаст приказ атаману казачьего войска Донского: «Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих <...>. Нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствителен и где меньше ожидают. Заведения их в Индии — самое лучшее для сего. От нас ходу до Индии <...> месяца четыре <...>. Приготовьте все к походу <...>; все богатство Индии будет вам за сию экспедицию наградою <...>. Карты мои идут только до Хивы и до Амударьи реки, а далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов индейских, им подвластных» (*Шильдер 1996. С. 400*)³⁶.

Вот теперь все.

Как было английскому правительству не хлопотать о перемене правления в России? — И вряд ли некоторые проницательные современники без оснований думали, что «будто бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была делом рук Англии и английского золота» (*Саблуков. С. 95—96*). По преданию, граф Пален, подговаривая одного из генералов стать на сторону революции, сказал ему: «Группа наиболее уважаемых людей страны, поддерживаемая Англией, поставила себе целью свергнуть жестокое и позорное правительство и возвести на престол наследника великого князя Александра» (*Шиман. С. 20; со ссылкой на неизданные записки Н. С. Свечина*).

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем подробности. Впрочем, даже если узнаем, они сообщат нам лишь суммы: кто сколько получил, — но общее содержание не изменится.

И точно мы никогда не узнаем, какой была бы история девятнадцатого столетия, если бы графу Ростопчину удалось исполнить свой потемкинский проект, донским казакам омыть сапоги в водах Индийского океана, а Павлу Первому и Наполеону Бонапарту поровну поделить меж собой сферы влияния.

Год 1800-й утекал в вечность, урна времен изливала последние месяцы осмнадцатого столетия. Счет царствованию императора Павла пошел на дни и часы.

«Давно уже яд начал распространяться в обществе. Сперва испытывали друг друга намеками; потом обменивались желаниями; наконец открывались в преступных надеждах» (*Коцебу. С. 320*). — «Душою заговора и главным действователем был граф Пален» (*М. А. Фонвизин. С. 158*). — «С ним во главе революция была легка; без него почти невозможна» (*Коцебу. С. 321*).

ИСПОВЕДЬ ГЕНЕРАЛА ПАЛЕНА

«Состоя в высоких чинах и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежал к числу тех, кому более всего угрожала опасность, и мне настолько же желательно было избавиться от нее для себя, сколько избавить Россию, а быть может, и всю Европу от кровавой и неизбежной смуты.

Уже более шести месяцев были окончательно решены мои планы о необходимости свергнуть Павла с престола, но мне казалось невозможным (оно так и было в действительности) достигнуть этого, не имея на то согласия и даже содействия великого князя Александра или, по крайней мере, не предупредив его о том. Я зондировал его на этот счет сперва слегка, намеками, кинув лишь несколько слов об опасном характере его отца. Александр слушал, вздыхал и не отвечал ни слова.

Но мне не этого было нужно; я решился наконец пробить лед и высказать ему открыто, прямодушно то, что мне казалось необходимым сделать.

Сперва Александр был видимо возмущен моим замыслом; он сказал мне, что вполне сознает опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов все выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца.

Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую с каждым новым безумством, так льстил ему или пугал его насчет его собственной будущности, представляя ему на выбор — или престол, или же темницу и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить вместе с Паниным и со мною средства для достижения развязки <«граф Панин, человек умный, даровитый» — племянник покойного Никиты Ивановича Панина — «был в то время министром иностранных дел; он один из первых вступил в заговор и комбинировал вместе с Паленом все его градации и выполнение» — *Ланжерон. С. 133*>.

Когда великого князя убедили действовать сообща со мною, — это был уже большой выигрыш, но еще далеко не все: он ручался мне за свой Семеновский полк; я видался со многими офицерами этого полка, настроенными очень решительно; но это были все люди молодые, легкомысленные, неопытные, без испытанного мужества, необходимого для такого решения, и которые в момент действия могли бы вследствие слабости, ветрености или нескромности испортить все наши планы; мне хотелось заручиться помощью людей более солидных,

чем вся эта ватага вертопрахов, я желал опереться на друзей, известных мне своим мужеством и энергией: я хотел иметь при себе Зубовых и Беннигсена. <«Насчет Беннигсена и Валериана Зубова Пален был прав; Николай же был бык, который мог быть отважным в пьяном виде, но не иначе, а Платон Зубов был самым трусливым и низким из людей» — Ланжерон. С. 137.> Но как вернуть их в Петербург? Они были в опале, в ссылке; у меня не было никакого предлога, чтобы вызвать их оттуда, и вот что я придумал.

Я решил воспользоваться одной из светлых минут императора, когда ему можно было говорить что угодно, разжалобить его насчет участи разжалованных офицеров; я описал ему жестокое положение этих несчастных, выгнанных из их полков и высланных из столицы, и которые, видя карьеру свою погубленную и жизнь испорченную, умирают с горя и нужды за проступки легкие и простительные. Я знал порывистость Павла во всех делах, я надеялся заставить его сделать тотчас же то, что я представил ему под видом великодушия; я бросился к его ногам. Он был романического характера, он имел претензию на великодушие. Во всем он любил крайности: два часа спустя после нашего разговора двадцать курьеров уже скакали во все части империи, чтобы вернуть назад в Петербург всех сосланных и исключенных со службы. Приказ, дарующий им помилование, был продиктован мне самим императором <«Всем выбывшим из службы воинской в отставку или исключением, кроме тех, которые по сентенциям военного суда выбыли, паки вступить в оную, с тем, чтобы таковые явились в Санкт-Петербург для личного представления Нам». — Павел. 1 ноября 1800 (ПСЗ. № 19625). В конце ноября — начале декабря братья Зубовы получили назначения: князь Платон и граф Валериан были определены директорами 1-го и 2-го кадетских корпусов, а граф Николай — шефом Сумского гусарского полка>.

Тогда я обеспечил себе два важных пункта: 1) заполучил Беннигсена и Зубовых, необходимых мне, и 2) еще усилил общее ожесточение против императора: я изучил его нетерпеливый нрав, быстрые переходы его от одного чувства к другому, от одного намерения к другому, совершенно противоположному. Я был уверен, что первые из вернувшихся офицеров будут приняты хорошо, но что скоро они надоедят ему, а также и следующие за ними. Случилось то, что я предвидел: ежедневно сыпались в Петербург сотни этих несчастных, каждое утро подавали императору донесения с застав. Вскоре ему опротивела эта толпа прибывающих: он перестал принимать их, затем стал просто гнать» (Пален. С. 134—138).

«За последний год подозрительность в императоре развилась до чудовищности. Пустейшие случаи вырастали в его глазах в огромные заговоры, он гнал людей в отставку и ссылал по произволу. В крепости не переводились многочисленные жертвы, а порою вся их вина сводилась к слишком длинным волосам или слишком короткому кафтану. Носить жилеты совсем воспрещалось. Император утверждал, будто жилеты почему-то вызвали всю французскую революцию. Достаточно было императору где-нибудь на улице заприметить жилет, и тотчас же его злощастный обладатель попадал на гауптвахту. Случалось туда попадать и дамам, если они при встречах с Павлом не выскакивали достаточно стремительно из экипажа, или не делали достаточно глубокого реверанса <...>. Благодаря этому улицы Петербурга совершенно пустели в час обычной прогулки государя, с 12 до 1 часа пополудни <...>. Только одни солдаты его любили» (*Ливен. С. 179—180*).

«1 февраля император и императрица и лица, наиболее приближенные к ним, переехали в Михайловский дворец <...>. Княгиня Гагарина <Лопухина> оставила дом своего мужа и была помещена в новом дворце, под самым кабинетом императора, который сообщался посредством особой лестницы с ее комнатами» (*Головина. С. 249—251; Саблуков. С. 68*). — «Стены были еще пропитаны такой сыростью, что с них всюду лила вода; тем не менее они были уже покрыты великолепными обоями. Врачи попытались было убедить императора не поселиться в новом замке; но он обращался с ними, как с слабоумными, — и они пришли к заключению, что там можно жить. Здание это прежде всего должно было послужить монарху убежищем в случае попытки осуществить государственный переворот. Канавы, подъемные мосты и целый лабиринт коридоров, в котором было трудно ориентироваться по видимому делали всякое подобное предприятие невозможным. Впрочем, Павел верил, что он находится под непосредственным покровительством архангела Михаила, во имя которого были построены как церковь, так и самый замок» (*Гейкин. С. 245—246*).

«Его фавориткою была княгиня Анна Петровна Гагарина, урожденная княжна Лопухина <...>. Некоторые тогдашние лица говорили, что это была любовь чисто платоническая <...>. Этого было ему мало <...>. Решили промыслить ему любовниц <...>. Вскоре они забрюхатели. И вот князь Куракин препроводил к Оболяянинову³⁷ бумагу, в которой говорилось: «Нижеподписавшийся вице-канцлер кн. Александр Куракин, быв при-

зван 21 февраля 1801 года Его Императорским Величеством, имел честь стоять пред лицом Его в Михайловском замке и в почивальне Его и удостоился получить изустное объявление, что в скором времени ожидает рождения двух детей своих, которые, если родятся мужского пола, получат имена старший Никита, а младший Филарет и фамилии Мусиных-Юрьевых <одной из будущих родительниц была камер-фрейлина Марии Федоровны — Юрьева>, а если родятся женска пола, то <...> старшая Евдокия, младшая Марфа — с той же фамилией. А восприемником их у Святой купели будет государь и наследник цесаревич Александр Павлович и штатс-дама и ордена Св. Иоанна Иерусалимского кавалер княгиня Анна Петровна Гагарина» (*Греч. С. 88; Шумигорский 1907. С. 203—204; Эйдельман 1982. С. 240—241*). — «Эпизод формально не имел больших последствий <...>, вскоре родились две девочки, но прожили недолго. Однако высокая торжественность необычного акта, не покрывавшего, но, наоборот, открывавшего грех и явно унижавшего Марию Федоровну, привлечение к церемонии наследника — все это имело, по мнению Павла, воспитательный, назидательный характер. Здесь иллюстрация безграничной возможности обходить многие принятые правила, та степень самовластия, при которой, скажем, права Александра ничтожны и легко могут быть подобным актом сведены на нет» (*Эйдельман 1982. С. 241*). — «В одном из припадков подозрительности <...> император как-то после обеда спустился к своему сыну, великому князю Александру, к которому никогда не заходил. Он хотел поймать сына врасплох. На столе между другими книгами Павел заметил перевод «Смерти Цезаря». Этого оказалось достаточно, чтобы утвердить подозрения Павла. Поднявшись в свои апартаменты, он разыскал историю Петра Великого и раскрыл ее на странице, описывавшей смерть царевича Алексея. Развернутую книгу Павел приказал графу Кутайсову отнести к великому князю и предложить прочесть эту страницу» (*Ливен. С. 181*).

«Недоумение и страх преисполняли все умы <...>. Пален коварно подготовлял гибель несчастного императора. <Шепотом повторяли> опасения насчет того, что император, по-видимому, <раз объявляет о рождении новых детей>, собирается заключить императрицу, свою супругу, в монастырь, а обоих старших сыновей — в крепость. <...> Дело дошло до того, что императору приписали даже намерение жениться на актрисе французского театра, г-же Шевалье, в то время любовнице Кутайсова. — Распространяли ли заговорщики такие клеветы нарочно, с целью вербования единомышленников, или действительно такие нелепости пробегали в голове императора? Как бы

то ни было, рассказы эти распространялись, повторялись, и им верили» (*Головина. С. 252; Ливен. С. 182*).

«В Европе распространился слух (его пустил Пален), будто Павел хотел развестись с женою, жениться на княгине Гагариной, разведя ее с мужем, заточить в крепость своих трех старших сыновей и провозгласить своим наследником маленького великого князя Михаила, родившегося уже в бытность Павла на престоле. Этот слух оказывается страшнейшей клеветой <...>, а я слышал от генерала Кутузова, бывшего тогда в Петербурге, что никогда не было и речи о подобных сумасбродствах и что даже накануне смерти Павел казался очень расположенным к жене и детям, а известно, что его характер никогда не позволил бы ему скрывать свои намерения» (*Ланжерон. С. 150—151*).

«Конечно, это были клеветы, злонамеренно пущенные подготовителями заговора, и никакой назидательности в назначении Александра Павловича крестным отцом малюток я не вижу. Император Павел позвал в восприемники своих незаконных детей самых близких себе персон — законного наследника престола и даму сердца, воплотительницу Божьей благодати. То, что он обратился к старшему сыну — в высшей степени натурально: вспомним, что при начале неземной страсти государя к Анне Петровне именно старший сын наследник Александр Павлович был поверенным любовных тайн своего отца. Я уверен в том, что император Павел никогда не отрешил бы Александра Павловича от наследства. Говорю так отнюдь не потому, что хотел бы оправдать нравственность императора в глазах потомства, но совсем по иной причине. — Император, как известно, весьма произвольно переменил свои частные решения — он мог приказать запретить танцевание вальса, а затем приказать разрешить, или мог выключить провинившегося офицера из службы, а после некоторого раздумия включить обратно. — Но император Павел с юношеских лет — со времен своего воспитания под руководством графа Никиты Ивановича Панина — глубоко почитал непременные законы государства и умел весьма тонко отличать их от временных указов. Акт о престолонаследии структурировал порядок передачи власти от Павла к его сыновьям и внукам во веки веков. Это был закон, обязательный к исполнению для всякого монарха, в том числе и для самого императора Павла. И он не посмел бы самовольно идти против Акта — то есть никогда не сделал бы того, что сделал его прадед, объявивший о самовластном праве царствующей особы назначать себе персонального наследника по собственному усмотрению и тем самым создавший прецедент для всех революций 18-го века. Нет, император Павел не мог так поступить. — Предполагали, что он собирался истребить свое-

го наследника Александра Павловича. Но такое предположение совершенно лишено какого бы то ни было логического основания: император Павел в минуту гнева мог, конечно, вспоминать Петра Первого, учинившего расправу над изменником сыном царевичем Алексеем. Но он никогда бы не стал подражать на деле своему прадеду, ибо тогда ему пришлось бы обнародовать новый Акт о престолонаследии, а это было бы нарушением закона, принятого во веки веков, чего император никогда бы не допустил» (*Киж. С. 99*).

Первая русская революция XIX века МАРТОВСКИЕ ВИДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

«Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти общею» (*М. А. Фонвизин. С. 137*). — «Многие из его приближенных сознавали, что их положение при дворе чрезвычайно опасно и что в любую минуту, раскаиваясь в только что совершенном поступке, государь может перенести свое расположение на новое лицо и уничтожить их всех. Великие князья также находились в постоянном страхе: оба они были командирами полков и в качестве таковых ежедневно, во время парадов и учений, получали выговоры за малейшие ошибки» (*Саблуков. С. 67*). «Достигнуть успеха можно было только подкупив или подняв гвардию целиком или только частью, а это было дело не легкое: солдаты гвардии любили Павла, первый батальон Преображенского полка в особенности был очень к нему привязан. Вспышки ярости этого несчастного государя обыкновенно обрушивались только на офицеров и генералов, солдаты же, хорошо одетые, пользующиеся хорошей пищей, кроме того, осыпались денежными подарками» (*Ланжерон. С. 133*). «Солдаты его любили, потому что хотя и измучивались чрезмерно дисциплиною, но зато пользовались царскими милостями» (*Ливен. С. 180*).

«Мы назначили исполнение наших планов на конец марта, но непредвиденные обстоятельства ускорили срок: многие офицеры гвардии были предупреждены о наших замыслах, многие их угадали. Я мог всего опасаться от их нескромности и жил в тревоге <...>

7-го марта я вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты с две, и говорит наконец:

— Г. фон Пален! Вы были здесь в 1762 году.

— Да, ваше величество.

— Были вы здесь?

— Да, ваше величество, но что вам угодно этим сказать?

— Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?

— Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит, но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?

— Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год. Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал:

— Да, ваше величество, хотя! Я это знаю и участвую в заговоре.

— Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите?

— Сушью правду, ваше величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь — вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома; каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери <...>.

— Все это правда, — отвечал он, — но, конечно, не надо дремать.

На этом наш разговор и остановился, я тотчас же написал про него великому князю, убеждая его завтра же нанести задуманный удар: он заставил меня отсрочить его до 11-го дня, когда дежурным будет 3-й батальон Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других» (*Пален. С. 138—140*).

«Во время одной из прогулок, около четырех или пяти дней до смерти императора (в это время стояла оттепель), Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к шталмейстеру Муханову, ехавшему рядом с императрицей, сказал сильно взволнованным голосом:

— Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?

Муханов отвечал:

— Государь, это, вероятно, действие оттепели.

Император ничего не ответил, покачал головой, и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в замок» (*Саблуков. С. 72—73*).

«Всего более заговорщики опасались преданности графа Кутайсова <...>. Я встретился с графом Кутайсовым в Кенигсберге. Он уже не был прежним надменным, неприступным любимцем<...>. Здесь он принял меня чуть не с сердечною радостью <...>. Граф совершенно опровергнул вообще довольно распространенное предположение, будто император Павел подозревал существование заговора и вследствие сего вызвал барона Аракчеева³⁸. — Если бы мы имели хотя малейшее подозрение, — сказал он, — стоило бы нам только дунуть, чтобы разрушить всякие замыслы, — и при этих словах он дунул на раскрытую свою ладонь» (*Коцебу. С. 343—345*).

«В вечер перед этой ужасной ночью великий князь Александр ужинал у своего отца <...>. Мне передавали, что во время этого зловещего ужина великий князь чихнул. Император <...> сказал: — Я желаю, Monseigneur, чтобы желания ваши исполнились» (*Головина. С. 256*). — «Александр был поставлен между необходимостью свергнуть с престола своего отца и уверенностью, что отец его вскоре довел бы до гибели свою империю сумасбродством своих поступков» (*Ланжерон. С. 132*).

«Но я обязан, в интересах правды, сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово <...>, надо было успокоить щепетильность моего будущего государя <...>. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обогрит и столицу, и губернии» (*Пален. С. 135—136*).

11 марта.

«В последний день своей жизни император был весел и здоров.

Около полудня 11 марта я сам еще встретил его <...> на парадной лестнице Михайловского замка у статуи Клеопатры. Он несколько минут ласково разговаривал со мною» (*Коцебу. С. 328*).

«**В 8 часов вечера** <...> я отправился в Михайловский замок, чтобы сдать мой рапорт великому князю Константину как шефу полка. Выходя из саней у большого подъезда, я встретил камер-лакея собственных его величества апартаментов, который

спросил меня, куда я иду. Я отвечал, что иду к великому князю Константину.

— Пожалуйста, не ходите, — отвечал он, — ибо я тотчас должен донести об этом государю.

— Не могу не пойти, — сказал я, — потому что я дежурный полковник <...>. — Лакей побежал по лестнице на одну сторону замка, я поднялся на другую. Когда я вошел в переднюю Константина Павловича, Рутковский, его доверенный камердинер, спросил меня с удивленным видом:

— Зачем вы пришли сюда?

Я ответил, бросая шубу на диван:

— Вы, кажется, все здесь с ума сошли! Я дежурный полковник!

Тогда он отпер дверь и сказал:

— Хорошо, войдите!

Я застал Константина в трех-четыре шагах от двери <...>, он имел вид очень взволнованный. Я тотчас отрапортовал ему о состоянии полка. Между тем великий князь Александр вышел из двери <...>, прокрадываясь, как испуганный заяц. В эту минуту открылась задняя дверь <...> и вошел император собственной персоной, в сапогах и шпорах, с шляпой в одной руке и тростью в другой, и направился к нашей группе церемониальным шагом, словно на параде. Александр поспешно убежал в собственный апартамент; Константин стоял пораженный, с руками, бьющимися по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем. Я же, повернувшись по уставу на каблуках, отрапортовал императору о состоянии полка. Император сказал:

— А, ты дежурный! — очень учтиво кивнул мне головой, повернулся и пошел к двери <...>.

Когда он вышел, Александр немного приоткрыл свою дверь и заглянул в комнату. Константин стоял неподвижно. Когда вторая дверь в ближайшей комнате громко стукнула, как будто ее с силою захлопнули, доказывая, что император действительно ушел, Александр, крадучись, снова подошел к нам. Константин сказал <...>, указывая на меня:

— Я говорил вам, что он не испугается!

Александр спросил:

— Как? Вы не боитесь императора?

— Нет, ваше высочество, чего же мне бояться? Я дежурный, да еще вне очереди; я исполняю мою обязанность. <...>

— Так вы ничего не знаете? — возразил Александр.

— Ничего, ваше высочество. <...>

— Мы оба под арестом <...>. Нас обоих водил в церковь Обольянинов присягать в верности! <...>

В передней, пока камердинер Рутковский подавал мне шубу, Константин Павлович крикнул:

— Рутковский, стакан воды!

Рутковский налил, а я заметил ему, что на поверхности плавает перышко. Рутковский вынул его пальцем и, бросив на пол, сказал:

— Сегодня оно плавает, но завтра потонет» (*Саблуков. С. 75—78*; Саблуков не состоял в заговоре).

Ужин. «Я слышал от генерала Кутузова, бывшего тогда в Петербурге <...>: — Мы ужинали вместе с императором; нас было 20 человек за столом; он был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью, которая в качестве фрейлины присутствовала за ужином и сидела против императора. После ужина он говорил со мною, и пока я отвечал ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: — Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону. — Это было за полтора часа до его кончины (Кутузов не был посвящен в заговор)» (*Ланжерон. С. 151*).

«В шестнадцать минут одиннадцатого часовой крикнул: «Вон!» — и караул вышел и выстроился. Император показался из двери в башмаках и чулках, ибо он шел с ужина. Ему предшествовала любимая его собачка Шпиц, а следовал за ним Уваров, дежурный генерал-адъютант. <...>

Император подошел ко мне <...>:

— Вы все якобинцы.

Несколько озадаченный этими словами, я ответил:

— Так точно, государь.

Он возразил:

— Не вы лично, а ваш полк.

На это я возразил:

— Государь, вы можете обвинять в якобинстве меня, но не весь же полк.

Он ответил <...>:

— А я лучше знаю <...>, — и прибавил, что он велел выслать полк из города и расквартировать его по деревням» (*Саблуков. С. 78—79*).

«11 часов вечера <...>. Император <...> в покоях княгини Гагаиной, его метрессы, где он всегда заканчивал вечера после ужина с императрицею. Княгиня Гагарина жила в Михайловском замке, занимая помещение под личными апартаментами государя. Спустя час Павел ушел к себе, чтобы лечь спать» (*Ливен. С. 183*).

Полночь. Государь спит.

12 марта.

«Немного позже полуночи я сел в сани с князем Зубовым, чтобы ехать к графу Палену. У дверей стоял полицейский офи-

цер, который объявил нам, что граф у генерала Талызина и там ждет нас. Мы застали комнату полной офицеров; они ужинали у генерала, причем большинство находилось в подпитии, — все были посвящены в тайну. Говорили о мерах, которые следует принять» (*Беннигсен. С. 117*). — «Было выпито много вина, и многие выпили более, чем следует <...>. Говорят, что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского полка полковник Биби-ков <...> будто бы высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу» (*Саблуков. С. 86*). «Условились, что генерал Талызин соберет свой гвардейский батальон во дворе одного дома, неподалеку от Летнего сада; а генерал Депрерадович — свой, также гвардейский батальон, на Невском проспекте, вблизи Гостиного двора. Во главе этой колонны будут находиться военный губернатор <Пален> и генерал Уваров <два часа назад он был дежурным и сопровождал Павла с ужина>, а во главе первой — князь Зубов, его два брата, Николай и Валериан, и я <...>. Граф Пален с своей колонной должен был занять главную лестницу замка, тогда как мы с остальными должны были пройти по потайным лестницам, чтобы арестовать императора в его спальне.

Проводником нашей колонны был полковой адъютант императора, Аргамаков, знавший все потайные ходы и комнаты, по которым мы должны были пройти, так как ему ежедневно по несколько раз случалось ходить по ним, принося рапорты и принимая приказания своего повелителя. Этот офицер повел нас сперва в Летний сад, потом по мостику и в дверь, сообщавшуюся с этим садом, далее по лесенке, которая привела нас в маленькую кухоньку, смежную с прихожей перед спальней Павла. Там мы застали камер-гусара, который спал крепчайшим сном, сидя и прислонившись головой к печке. Из всей толпы офицеров, сначала окружавших нас, оставалось теперь всего человека четыре; да и те, вместо того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; один из офицеров ударил его тростью по голове, и тот поднял крик. Пораженные, все остановились, предвидя момент, когда общая тревога разнесется по всем комнатам» (*Беннигсен. С. 117—119*).

«Найдя первую дверь <...>, ведущую в спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что император скрылся по внутренней лестнице (и это легко бы удалось), как это сделал Кутайсов. Но когда они подошли ко второй двери <...>, то нашли ее запертою изнутри, что доказывало, что император, несомненно, находился в спальне. — Взломав дверь <...>, заговорщики бросились в комнату, но императора в ней не оказалось. Начались по-

иски, но безуспешно, несмотря на то, что дверь <...>, ведшая в опочивальню императрицы, также была заперта изнутри» (*Саблуков. С. 87*). — «У императора была привычка каждый вечер заставлять дверь, выходящую в апартаменты императрицы из боязни, что она к нему неожиданно войдет» (*Головина. С. 259*).

«Поиски продолжались несколько минут, когда вошел генерал Беннигсен» (*Саблуков. С. 87*). «Беннигсен <...> был длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора из «Дон-Жуана»» (*Ливен. С. 181*). «Он подошел к камину <...>, прислонился к нему и в это время увидел императора, спрятавшегося за экраном. Указав на него пальцем, Беннигсен сказал по-французски: — *Le voilà* <Вот он>, — после чего Павла тотчас вытащили из его прикрытия» (*Саблуков. С. 87*).

«Мы, действительно, застали императора уже разбуженным этим криком и стоящим возле кровати, перед ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему:

— Вы арестованы, ваше величество!

Он поглядел на меня, не произнеся ни слова, потом обернулся к князю Зубову и сказал ему:

— Что вы делаете, Платон Александрович?

В эту минуту в комнату вошел офицер нашей свиты и шепнул Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, где опасались гвардии <т. е. гвардейских солдат>. Тем более должны были бояться этой гвардии, что граф Пален еще не прибыл со своей свитой и батальоном для занятия главной лестницы замка, отрезавшей всякое сообщение между гвардией и покоями императора. <...> В эту минуту другие офицеры, сбившиеся с дороги, беспорядочно ворвались в прихожую: поднятый ими шум испугал тех, которые были со мною, они подумали, что это пришла гвардия на помощь к императору, и разбежались все, стараясь пробраться к лестнице. Я остался один с императором, но я удержал его, импонируя ему своим видом и своей шпагой. Мои беглецы, встретив своих товарищей, вернулись вместе с ними в спальню Павла, теснясь один на другого <...>. Я вышел <...>. Я узнал потом те немногие слова, какие произнес император <...>:

— Арестован, что это значит арестован?

Один из офицеров отвечал ему:

— Еще четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!

На это он возразил:

— Что я сделал?

Вот единственные произнесенные им слова» (*Беннигсен. С. 119—120, 144—145*).

«В это время те из заговорщиков, которые слишком много выпили шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как

император, в свою очередь, говорил все громче и начал сильно жестикулировать <...>. Граф Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал:

— Что ты так кричишь!

При этом оскорблении император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правой рукой удар в левый висок императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол» (*Саблуков. С. 88*). «Офицеры, число которых еще возросло, так что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которые были опрокинуты на пол <...> <...> <...> <...> <...><...> <...> <...> <...> <...>

**ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ:
МОСКОВСКИЙ, КИЕВСКИЙ, ВЛАДИМИРСКИЙ,
НОВГОРОДСКИЙ, ЦАРЬ КАЗАНСКИЙ,
ЦАРЬ АСТРАХАНСКИЙ
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ**

<...> <...> <...> Кто-то из офицеров сказал мне: — С ним покончили» (*Беннигсен. С. 120*).

«Как только император испустил дух, все убийцы разбежались, опять Беннигсен остался почти один. Он приказал уложить тело императора на кровать <...>, расставил везде часовых» (*Ланжерон. С. 147*). «Весть о кончине Павла была тотчас же доведена до сведения графа Палена <...>. Пален не пошел вместе с заговорщиками <...>. Пален очень хладнокровно все предусмотрел <...>. Если бы Павел спасся (как это и могло случиться), граф Пален, вероятно, арестовал бы Александра и изменил бы весь ход дела <...>. Войска были собраны по его приказу, чтобы, глядя по обстоятельствам, или явиться на подмогу к императору, или послужить для провозглашения его преемника» (*Ливен. С. 188; Саблуков. С. 92*). — «Как только Пален узнал о смерти императора, он отправился к г-же Ливен, гувернантке молодых великих княжен и близкому другу императрицы Марии; он разбудил ее и поручил ей сообщить эту страшную весть императрице <...>. Г-жа Ливен разбудила императрицу и сообщила ей, что с императором апоплексический удар и что ему очень дурно. — Нет, — воскликнула она, — он умер, его убили! — Г-жа Ливен не могла долее скрывать истины; тогда императрица бросилась в спальню своего мужа» (*Ланжерон. С. 148*). — «Она с криком требовала, чтобы ее допустили к усопшему. Ее убеждали, что это невозможно. Она на это восклицала: — Так пусть же и меня убьют, но видеть его я хочу!» (*Ливен. С. 192—193*) — «Из

этого можно судить о чувствительности и о супружеской любви императрицы Марии» (*Ланжерон. С. 148*).

«Что касается Александра и Константина, то большинство лиц, близко стоявших к ним в это время, утверждали, что оба великих князя, получив известие о смерти отца, были страшно потрясены, несмотря на то, что сначала им сказали, что император скончался от удара, причиненного ему волнением, вызванным предложениями, которые ему сделали заговорщики» (*Саблуков. С. 96*).

«Между тем войска гвардии выстроились во дворе и вокруг дворца <...>. Молодой генерал Талызин командовал Преображенским полком, в котором всегда служил; он <...> сказал солдатам: — «Братцы, вы знаете меня 20 лет, вы доверяете мне, следуйте за мною и делайте все, что я вам прикажу». Солдаты пошли за ним, не зная, в чем дело, и убежденные, что они призваны для защиты своего государя; но когда они узнали, что от них скрыли, между ними поднялся тревожный ропот <...>. Талызин кричит: — Да здравствует император Александр! — гробовое молчание среди солдат. Зубовы выступают, говорят с ними и повторяют восклицание Талызина — такое же безмолвие» (*Ланжерон. С. 148—149*).

«И в конной гвардии солдаты не хотели присягать новому императору, не убедившись сперва в смерти Павла. Посланы были в Михайловский замок за знаменами унтер-офицер Григорий Иванов и несколько солдат при корнете Филатьеве. Их допустили к телу покойного императора и, когда, по возвращении в казармы, Саблуков спросил Григория Иванова, убедился ли он в смерти государя: — Да, ваше благородие, — отвечал Григорий Иванов, — *он крепко умер*. — Будешь ли теперь присягать императору Александру? — Буду; хотя он и не лучше, но, так или иначе, кто ни поп, тот и батька» (*Лобанов-Ростовский. С. 369—370*).

«Между тем <...> император Александр предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но неуместному. Пален, встревоженный образом действия гвардии, приходит за ним, грубо хватает его за руку и говорит: — Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии» (*Ланжерон. С. 148—149*).

«В 7 часов утра императрица была наконец допущена к телу супруга. Сцена произошла раздирательная» (*Ливен. С. 193*). — «Наскоро созван был Сенат и все присутственные места; они также приведены были к присяге. Императрица Мария волей-неволей присоединилась к остальным подданным своего сына <...>.

В девять часов утра водворилось полное спокойствие» (*Ланжерон. С. 149*).

«В 10 часов мы все были на вахт-параде, во время которого прежняя рутина была соблюдена» (*Саблуков. С. 94*), — все, «что в подражание пруссакам введено <...>, осталось ненарушимым: те же по военной службе приказы, ежедневные производства, отставки, мелочные наблюдения, вахт-парады, экзерцир-гаузы, шлагбаумы» (*Шишков. С. 85*).

«В конце парада мы узнали, что заключен мир с Англией и что курьер с трактатом уже отправлен в Лондон <...>. Крайне любопытно то, что г-жа Жеребцова <сестра Зубовых> предсказала печальное событие 11-го марта в Берлине и, как только она узнала о совершившемся факте, то отправилась в Англию и навестила своего старого друга лорда Уитворда, бывшего в течение многих лет английским послом в Петербурге» (*Саблуков. С. 954*).

«Как только известие о кончине императора распространилось в городе, немедленно же появились прически à la Titus, исчезли косы, обрезались букли и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись в новые костюмы, и экипажи, имевшие вид старых немецких или французских attelages, исчезли, уступив место русской упряжке, с кучерами в национальной одежде и с форейторами (что было строго запрещено Павлом), которые с обычной быстротою и криками понеслись по улицам» (*Саблуков. С. 94—95*).

«Не были более обязаны снимать шляпу перед Зимним дворцом <...>. Не обязаны были выходить из экипажей при встрече с императором <...>. Александр ежедневно гулял пешком по набережной в сопровождении одного только лакея <...>. Провоз книг был дозволен <...>. Через заставы можно было выезжать без билета от плацмайора <...>. Ненавистная Тайная экспедиция была уничтожена» (*Коцебу. С. 359, 358*). — «Крепость опустела от заключенных в ней, и на воротах ее неизвестною рукою написано было (как пишется на обывательских домах, уволенных от постановления солдат): *свободен от постоя*» (*Шишков. С. 81*). — «В столицу съезжались <...>. Анархия заступила место самого строгого правления <...>. Я сама видела гусарского офицера, скакавшего верхом по набережной <...> с криком: — Теперь можно делать все, что угодно» (*Головина. С. 267—268*).

* * *

«После смерти Павла Пален был сперва утвержден во всех его должностях и получил громадное влияние на ум императора Александра <...>. Императрица Мария терпеть его не могла, как и всех участников убийства своего мужа <...>. Императрица до-

стигла того, что неосторожный министр впал в немилость. Сразу лишенный всех своих должностей и принужденный удалиться в Курляндию, в свои поместья, он стал проводить время попеременно то в прекрасном замке Екаве, возле Митавы, то в Риге. — Генерал Беннигсен был также предметом яростной ненависти со стороны императрицы-матери; она потребовала от сына, чтобы он никогда не жаловал ему маршальского жезла <...>. Князь Платон Зубов принужден был по прошествии некоторого времени переселиться в Курляндию, в свой великолепный замок Руэнталь. Затем он жил в Митаве и в Вильне. <...> Талызин умер 3 месяца спустя после императора. — Все офицеры гвардии, участвовавшие в заговоре, постепенно, один за другим, подверглись опале или были сосланы» (*Ланжерон. С. 151—153*).

«Вступление на престол Александра было самое благодатное: он прекратил царство ужаса <...>. Но образ вступления на престол оставил в душе Александра невыносимую тяжесть <...>. Он был кроток и нежен душою, чтит и уважал все права, все связи семейные и гражданские, а на него пало подозрение в ужаснейшем преступлении — отцеубийстве <...>. Он был добр, но притом злопамятен: не казнил людей, а преследовал их медленно, со всеми наружными признаками благоволения и милости» (*Греч. С. 191—193*).

НОВЕЙШИЕ АНЕКДОТЫ

«Дмитриев гулял по Кремлю в марте месяце 1801 г. Видит он необыкновенное движение по площади и спрашивает старого солдата, что это значит.

— Да съезжаются, — говорит он, — присягать государю.

— Как присягать и какому государю?

— Новому.

— Что ты, рехнулся что ли?

— Да, императору Александру.

— Какому Александру? — спрашивает Дмитриев, все более и более удивленный и испуганный словами солдата.

— Да Александру Македонскому, что ли! — отвечает солдат» (*Вяземский. С. 417—418*).

В 1803 году Франция готовилась к войне с Англией, и английское правительство искало способов совершить в Париже руками французских патриотов нечто подобное тому, что случилось в Петербурге с императором Павлом Первым. Заговор против Наполеона был составлен, но его участников арестовали еще до того, как они приступили к исполнению замысла. Во время следствия заподозрили, что заговор готовился в пользу герцога Энгийенского. — Когда-то, в конце 90-х, он вместе с отцом гер-

цогом Бурбонским и дедом принцем Конде нашел политическое убежище в России. Теперь он жил на границе с Францией во владениях курфюрста Баденского, куда в марте 1804 года по приказу Наполеона сделал вылазку жандармский отряд, привезший герцога Энгиенского в Париж. Здесь его тотчас расстреляли. — Александр Первый, знавший покойного, объявил в Петербурге недельный траур и направил Наполеону ноту протеста. Из Парижа ответили: «Если бы в ту пору, когда Англия готовила убийство императора Павла, в Петербурге знали, что организаторы покушения располагаются вблизи границы, разве не постарались бы их захватить?» (Сб. РИО. Т. 77. С. 608)

Начался девятнадцатый век.

* * *

История есть мифология жизни: события вставлены в рамы анекдотов, анекдоты записаны в учебники, пересказаны в романах и превращены в национально-государственные символы. Все, что происходит в жизни, — в истории совершается по другим законам.

Жизнь состоит из частных случаев частного быта. Никто не знает, зачем она дана. Ее сюжеты — тихие, неяркие, утопающие в мелких подробностях. Здесь, в жизни, всякое нарушение рутины — катастрофа. Главное здесь — свобода, покой и благополучие частного лица.

Не так в истории. Ее сюжеты выстроены и упорядочены. Завязки и развязки судьбоносны, кульминации — целесообразны. Истории ведомы только глобальные цели: Царствие Божие, золотой век, благо всех и каждого. Катастрофы жизни — ее питательный материал. Там, в истории, нет уюта, нет покоя, нет частного человека. Там все на юру: на площади или вокруг трона.

Человек в истории — не лицо, а историческая личность: частные случаи его домашнего быта приобретают иной, чем в жизни, смысл, он облекается в призрачные одеяния исторических свершений и, чем выше он возносится в своих замыслах, тем деятельнее начинает наводить порядок по правилам истории и вопреки жизни.

Таков был император Павел Первый.

Современникам казалась маниакальной его потребность в минутном высокопочитании. Вероятно, как объясняли некоторые очевидцы, эта потребность выросла из врожденной мнительности и чувства униженности перед фаворитами матери. Но главное не это. Главное — то, что он с детства привык считать себя исторической персоной — русским царем, и посему частные наклонности его частного нрава представлялись ему историческими символами его государственного сана.

Если смотреть с этой точки зрения, то вспыльчивость — уже не следствие холерического темперамента, а — **царский гнев**, упрямство — **царская воля**, сердечные порывы — **царская милость**, прямолинейность понятий о добре и зле — **царская правда**. А поскольку он считал своей обязанностью наводить порядок не только вокруг трона, но и в самых отдаленных уголках жизни подданных, то и жизнь подданных постепенно обволакивалась исторической пеленой.

В ежеутренних и ежевечерних докладах о текущем состоянии империи ему доносили о делах, какими полагается ведать лишь кварталным надзирателям и ротным командирам: о пожарах, о грабежах, об уличных и трактирных драках, о болезнях личного состава рядовых. И он отдавал тысячи указов и изустных повелений, коими полагал справедливо отрегулировать жизнь подданных: о том, какие шляпы носить, а какие не носить; о том, какие книги читать, а какие не читать; о том, кому на ком жениться, а кому на ком не жениться.

Не будь императора Павла Первого, так и остались бы жить своей незаметной жизнью тысячи обитателей необъятного государства Российского. Но благодаря его энергическим реформам каждый день новые и новые лица занимали свое призрачное место в истории:

«Исключенному из службы поручику Паранюю, просившему о признании его, объявляется <...>.

Девиге Подлятской, просившей о избавлении ее от явки к суду и о присылке к ней в дом солдат для расчета с ними, по Высочайшему повелению <...>.

Коллежскому регистратору Гыро, просившему о пожаловании незаконнорожденным детям умершего дяди его отцовского наследия <...>».

Жизнь на глазах превращалась в анекдот: «Некий бригадир Игнатъев убежал от своей жены в Киев. Там, сказавшись холостым, он женился на дочери генерал-лейтенанта Нилуса. Через год первая его жена, узнав о его вторичном браке, подала прошение на высочайшее имя. На него последовала такая резолюция: — Бригадира Игнатъева привести из Киева в Москву и велеть ему жить по-прежнему с первой женою, а второй его жене велеть быть по-прежнему девицей Нилус» (Анекдоты. С. 241, 254, 151, 250).

Монарх в России больше чем монарх. Он есть образ Божий на земли, ее культурный герой и апостол. Его исторический долг перед Провидением — регулярное обустройство вверенного ему государства. Примерно так можно выразить логику императора Павла Первого. Но то была не его личная, житейская логика — то была логика его державного сана.

Несправедливо возлагать на него одного вину за «притесне-

ния», «страх», «террор». У Павла были многие исторические ориентиры, первый в их ряду его прадед — Петр. Не ему ли, не Петру ли Великому мы обязаны тем, что любая реформа превращается у нас в национальную катастрофу, а перемена власти — в стихийное бедствие? что цветущее состояние государства предполагает ограбление его обитателей и войну за установление справедливых границ? что единственным нерушимым законом у нас считается слово и дело государево? — Правнук шел по проторенному пути.

Он не мог начинать свое царствие иначе, кроме как с актов пробуждения страны от застоя и разврата. Он обрушился строгими карами на леность, нерадение и казнокрадство. Он установил стройную дисциплину в военной и статской службе. Он потребовал от государственных чиновников безукоснительного решения всех поступающих дел. — К началу девятнадцатого столетия возрожденная Россия должна была принять строгий, стройный вид Петропавловской державы — империи Петра, достроенной Павлом.

И что же? — Так точно! — отвечали подданные своему императору, чтобы не вступать в бесполезные пререкания и не навлекать на себя пущей гнев. Красть стали осторожнее и остроумнее. Стоя во фрунте, чертили в уме карикатуры на императора. Дела стали решать с немислимой быстротой и еще менее мыслимым идиотизмом. — Люди остаются людьми. Екатерина знала это и, распределяя исторические цели между фаворитами и избранными вельможами, закрывала глаза на их шалости. Она понимала: иметь власть и не пользоваться ею для себя — невозможно. И она поставила за правило: если кто лично предан ей и если порученная ему часть государственной машины не крошится в мелкие брызги, — пусть разбойничает потихоньку: страна большая, всю не растащат. А между тем такому человеку можно и что-нибудь историческое поручить.

Император же Павел требовал от подданных жить только для истории.

Он искал справедливости, а зла не хотел. Он знал, что делать: однажды расписать доходы и расходы государства и установить единый бюджет; указать раз и навсегда правила поведения в публичных местах; дать служащим устав с пунктуальным распределением их действий. «Законы у нас есть, новых не надобно», — писал он еще в 1788 году. И, едва пришел к власти, повелел: «Собрать в Уложенной комиссии и во всех архивах изданные дотоле узаконения и составить из них три книги законов Российской империи: уголовных, гражданских и казенных дел» (ПСЗ. № 17652). Ему в голову не могло прийти, что в законах — этих высших актах исторической справедливости — путаница и противоречия, что законы при-

няты в разное время по разным частным поводам и превращены в общее правило случайно — по ходу жизни. Он не понимал этого и потому так метался в поисках ответа на вопрос **кто виноват?** — что считал ход жизни отклонением от графика истории.

Причины и следствия сложились в его эпоху иначе, чем во времена Петра Великого.

У него были не те современники. Они быстро угадали его мифологическую сущность, и его царствование скоро разменялось на цикл скверных анекдотов. В сюжетах этого длинного цикла, как в кривом зеркале, напечатлелись все черты его исторического сана. **Царский гнев** предстал истерикой душевнобольного, **царская воля** — манией идиота, **царская милость** — капризами деспота, **царский суд** — расправой тирана. Сам же император Павел Первый превратился в карикатуру на Петра Великого.

Люди не меняются. Лучше не будут. Пройдет время. Придут новые распорядители жизнью. Но в стране, где вельможи веками пользовались государственными должностями для того, чтобы добыть себе (пока не прогнали или не казнили) как можно больше житейского благополучия; где цари заботились лишь о проложении кратчайших путей к светлому будущему державы; где народное мнение о законной власти — это вера в чудесное пришествие богоподобного самозванца, — в такой стране можно хоть на каждом заборе, хоть на дверях всех домов расклеить конституцию, закон о престолонаследии или манифест о гражданских свободах.

Лучше не будет.

В такой стране самая что ни на есть народная власть — это власть от Бога, от Михаила Архангела, от всех сил бесплотных: то есть ничем не ограниченная, непредсказуемая, карающая мечом и милующая огнем.

Время, конечно, идет. Когда Иван IV пролагал нам дорогу в Царствие Небесное — его трепетали и всепреданнейше возгласили Грозным. Когда Петр I апостольским жезлом вбивал в нас сознание исторического долга перед отечеством — его ужасались и всеподданнейше нарекли Великим. Когда за то же самое принялся Павел I — его убили.

Но уж слишком медленно длится время. Ограничение свобод власти переносится со столетия на столетие, и отдельной человеческой жизни все время не хватает. Сквозь исторические сюжеты, разные по именам действующих лиц, мерцают стереотипные прообразы; то, что было **тогда**, — кажется существующим **всегда**, а герои своих времен мерещатся героями всякого времени. — Такова поэтика мифа: миф не знает выхода из собственного круга.

ЦАРСТВО

Случай царствования и гибели императора Павла Первого — может быть, конечно, очень яркий, но отнюдь не далеко из ряда вон выходящий. В ночь на 7-е ноября 1796 года и в ночь на 12-е марта 1801 года все происходило, конечно, иначе, чем в ночь на 29-е июня 1762 года, или днем 25-го декабря 1761 года, или в ночь на 25-е ноября 1741 года, или в ночь на 9-е ноября 1740 года, или днем 25-го февраля 1730 года, или 19-го февраля того же года, или 6-го мая 1727 года, или 28-го января 1725 года. Но случившееся тогда вместе с тем так похоже на происходившее всегда в XVIII столетии, что невольно приходит мысль о каком-то наследственном недуге нашей истории: кажется, что она возвращается в одну и ту же исходную точку, откуда вроде бы и пробует двинуться в новом направлении, но все равно, как зачарованная, приходит туда же, откуда вышла. Каждое новое царствование возвращает нас к исходному пункту. Каждый раз мы верим, что будет лучше. Каждый раз получается как всегда.

Однако, если взглянуть в прошлое других стран, можно заметить, что таким недугом поражена не только наша история, и это обнадеживает: мы не одиноки в мире. Наша история тоже подчиняется всеобщим законам времени, следовательно, и мы не забыты Провидением. Просто страна у нас слишком давно заселилась и слишком большая, отчего сила первобытных привычек у нас крепче, а скорость перемен медленнее, чем у других.

Конечно, тяжело ждать, и, действительно, все время не хватает отдельной человеческой жизни. Поэтому, очевидно, мы так нетерпеливы, и не зря, наверное, иностранцы так часто говорили в XVIII веке о нашей склонности к революциям.

Но почему-то, совершая новую революцию и возводя на престол чаянную всеми особу, мы скоро разочаровываемся в ней, ви-

дим, что вручили себя не той персоне, сыплем на нее проклятия за свою несбывшуюся жизнь и переносим надежды на новую особу, молчаливо препоручая близстоящим к трону свершить очередной переворот.

Наш бодрый народ бесконечно мудрее. Помните, как отвечал унтер Григорий Иванов на вопрос, верит ли он в смерть Павла и будет ли присягать Александру? «Да, — отвечал унтер, — буду, хоть он и не лучше, но, так или иначе, кто ни поп, тот и батька». А как отвечал другой солдат на вопрос Ивана Ивановича Дмитриева, кому он сегодня присягает? — «Да Александру Македонскому, что ли!»

Впрочем, участь у народа терпению, можно дотерпеться только до Пугачева. Это тоже не выход.

Выхода, в общем-то, нет.

Есть только надежда: всякое и каждое как всегда — всегда иначе, чем было. И по прошествии поколений мы все-таки обнаруживаем, что, хотя, в общем-то, всё осталось, как было, но нечто уже необратимо переменилось. Жаль, что догадываемся мы об этом, когда переменить в самом прошлом уже ничего нельзя.

* * *

Итак, в ночь на 7-е ноября 1796 года и в ночь на 12-е марта 1801 года все происходило так же как, но совсем иначе.

Вернемся и сравним:

1725

28-го января 1725 года умер Петр Первый. Умолк грозный голос, закрылся страшный взгляд.

Он умер, оставив верным подданным свое всепроникающее имя, но не завещав никаких распоряжений о наследнике престола, кроме указа еще 1722 года, учинявшего «дабы всегда сие было в воле Правительствующего Государя, коему оной хочет, тому и определить наследство» (ПСЗ. Т. 6. С. 497).

По семейному обычаю, которому он сам когда-то намеревался следовать, надо было завещивать царство старшему из сыновей.

Но единственный его сын, доросший до зрелого возраста, — Алексей — изменил ему, был предан следствию и истреблен. Прочие сыновья умерли младенцами. При такой диспозиции выбор не был обширен: из мужских ветвей древа династии жив оставался только малолетний внук Петр, сын убиенного царевича Алексея.

Прочая отрасль корени дома Романовых была сплошь женская да девичья: вдова усопшего императора Екатерина да две ее дочери от него — замужня Анна и девица Елисавета.

Люди дальновидные могли прибавлять в этот реестр еще трех Ивановн — племянниц императора: Анну, Екатерину и Прасковью — дочерей его брата Иоанна, когда-то, на заре его царствования, еще в ту пору, когда счет годам вели не от рождения Христова, а от сотворения мира, бывшего его совместником на престоле.

Но так, если поминать всю родню, можно дойти и до царицы Евдокии — первой жены императора, отправленной им тридцать лет назад в монастырь и там тихо доживающей свою ветхую жизнь.

Весь этот список перебирали мысленно близстоящие к одру императора в последние дни его болезни и в первые часы после кончины. Каждый понимал, что если в новое царствование он окажется на аршин дальше от трона, чем его сосед, то может остаться не только без приобретенных за время близстояния чинов и пожитков, но и без головы. Посему желалось провозгласить такую персону, близ коей сумелось бы не только принести пользу отечеству, но и не сделать урона себе.

Самым расторопным в первые часы стал светлейший князь Меншиков. Ко дворцу, где собрались высшие чины государства, примаршировали гвардейские полки, и правительствующей монархиней возгласили вдову Екатерину.

В помощь ее единодержавной жизни образовали Верховный Тайный совет, первым действующим лицом коего сделался понятно кто.

1727

Два года властвовал светлейший князь Меншиков, а в начале третьего государыня Екатерина занемогла. Светлейший отлично знал, что если в его руках не будет живого наследника или наследницы — дни его сочтены. Слишком он многих обидел, да и его несчетные сокровища давно побуждали у современников одно сильное желание: поделить их между собой.

Тогда светлейший стал усердно ласкать забвенного на время его владычества одиннадцатилетнего отрока — внука Петра: сейчас отрок был самой удобной персоной для водружения на престол — в его пользу свидетельствовали мужеский пол и нежный возраст, позволявшие надеяться на благой успех его воспитания для успокоения своей безбедной старости. Светлейший

поселил отрока у себя в доме и стал делать приготовления к его обручению со своей дочерью.

Его самоуправством были недовольны все, но особенно те, которые два года назад помогли Меншикову провозгласить Екатерину.

— Меншиков овладел всем Верховным советом; Меншиков что хочет, то и делает, — говорили они и решали в междусобойных разговорах, что лишь императрица испустит дух, то скажут светлейшему: — Полно, миленький, и так ты нами долго властвовал, поди прочь! (*Соловьев. Кн. X. С. 173*)

Но кроме разговоров ничего не делали, и за то были свезены в Тайную канцелярию, повешены на дыбу, лишены чинов и усланы — граф Толстой в Соловки, граф Девиер — в Сибирь, генерал-аншеф Бутурлин — в дальние деревни.

6-го мая государыня Екатерина наконец умерла.

На другой день огласили ее testament: своей последней волей она оставляла отрока Петра наследником престола и на его супружество с княжной Марьей Меншиковой изъявляла матернее благословение. Через три недели отрок император был обручен с дочкой светлейшего князя.

Но тут Меншиков заболел — не смертельно, да надолго, что в его положении было все равно, что смертельно, ибо врагов своих светлейший пересажал не всех. На время его недуга отрока поселили отдельно и окружили иными заботами. Воспитатель молодого Петра — многохитрый Андрей Иванович Остерман — писал Меншикову сладкие письма о том, как скучает государь по его светлости, а сам тем временем подставлял отрока таким влияниям, что когда светлейший встал с одра болезни, отрок почитал его злейшим врагом своего величества, и скоро Меншиков с дочерью и прочим семейством отбыл под караулом умирать в Сибирь.

В феврале 1728-го года по случаю коронации государя двор, гвардия и верховные чины последовали из Петербурга в родную столицу — в Москву.

Государю понравились здешние просторы, а у иных близстоящих под Москвой располагались собственные поместья. И как-то само собой вышло, что назад в Петербург никто возвращаться не хотел. Москва снова становилась настоящей столицей.

В разгар коронационных балов и фейерверков в Кремль привезли всерадостное известие о прибавлении мужской отрасли корени Петрова: 10-го числа февраля в Голштинии, у цесаревны Анны Петровны и герцога Голштинского Карла-Фридриха родился сын — государю Петру Второму двоюродный братец. Младенца назвали Карл-Петер — в память двух его вели-

ких дедов: Петра Первого и Карла Двенадцатого — шведского короля, которого, бывало, наш Петр побеждал под Полтавой. При удобном случае младенец мог стать или шведским, или русским государем.

Имя его еще прогремит по российским просторам. Пока никто об этом не знает.

* * *

Отрок император Петр Второй рос не по летам крупен и самодержавен. Во всех его повадках мерещилось, что с годами станет грозным царем. Еще при начале царствования он топал ногами на самого Меншикова: «Я тебя научу, что я император и что мне надобно повиноваться!» (*Соловьев. Кн. X. С. 109*)

Может быть, многоумный Остерман и хотел бы посеять в нем семена высшего просвещения и тонкого политеса, но почва была безблагодатна: дерзкий нрав и ранняя уверенность в своей царской безнаказанности делали отрока неуязвимым для наук, отчего после крушения Меншикова ему вовсе перестали докучать наставлениями. — Больше всего на свете отрок любил охоту, и его скоропостижное царствование промчалось под лай собак и зык егерей.

Все в государстве совершалось теперь как-то само собой. Новых строительств не затевали, старых не возобновляли, войн не вели, флот гнил, мостовые ветшали. Но желать или опасаться скорого возвращения империи на старую дорогу Московского царства было уже неразумно и бессмысленно. Верховные чины империи, независимо от числа номеров в их родословных — ни внуки бояр Алексея Михайловича, ни паче того выскочки гнезда Петрова — совсем не собирались что-то менять в управлении державой, заведенном первым императором. Только сила усердия и степень исполнительности стали ныне полегче прежних.

«Все в России в страшном расстройстве, — извещали своих государей иностранные посланники при московском дворе. — Царь не занимается делами и не думает заниматься; денег никому не платят, и Бог знает, до чего дойдут финансы; каждый ворует сколько может. Все члены Верховного совета нездоровы и не собираются; другие учреждения также остановили свои дела; жалоб бездна» (*Из донесений саксонского резидента Лефорта и испанского посланника де Лириа // Соловьев. Кн. X. С. 137*).

В утолении охотничьих страстей императора более других успели князья Долгорукие: князь Василий Лукич, да князь Василий Володимирович, да князь Алексей Григорьевич. Сын Алексея Григорьевича, девятнадцатилетний князь Иван, стал

путеводителем государя по всем дорогам, манящим отроческую душу, а дочь Алексея Григорьевича была с государем обручена.

Но...

1730

Но — самое важное слово при рассказе о событиях жизни, ибо повседневность слишком алогична для ума человеческого, и это *но* — главный повествовательный прием, с помощью которого мы перекидываем мост над пропастью, разъединяющей складный замысел и неподчиняющуюся ему жизнь. — Итак, отрок император Петр Второй умер через полтора месяца после обручения с княжной Катериной Долгорукой. Он простыл во время крещенского парада, затем по телу поползли пятна оспы, и в ночь с 18-го на 19-е января его не стало. Близстоящие к одру должны были срочно решать проклятый вопрос: кому прavitь?

Из мужеской отрасли дома Романовых жив-здоров был двухлетний младенец Карл-Петер, сын голштинского герцога, родной внук Петра Великого (тот самый, чье имя еще прогремит по нашим просторам). И хотя мать младенца — Анна Петровна — отказывалась в свое время за себя и за всю голштинскую фамилию от притязаний на наш престол, а голштинский младенец был лютеровой веры, — все это можно было забыть, младенца перекрестить и вспомнить о тестamente Екатерины, по которому значилось, что, буде отрок Петр умрет бездетным, то по его смерти престол наследуют дочери Екатерины — Анна и Елисавета — а буде у кого из них к тому времени родится сын, то наследует он³⁹.

Сын у Анны родился. Сама Анна умерла. Но про Карла-Петера вспомнить забыли.

Еще меньше хотели в Верховном совете думать о правах молодой красавицы Елисаветы, живущей под боком, в Москве. Провозглашать ее — значило бы посадить себе на шею персону не менее своенравную, чем ее усопший племянник или покойный отец. Хотелось кого-то потише, посмирнее, поблагоднее, а главное — продлить собственную волю как-нибудь понадежнее: письменным образом — написав от лица нового государя закон о своих привилегиях.

«И долго разглагольство было о наследнике государе с немалым разгласием, — вещает летописец. — Князь Алексей Григорьевич Долгорукий, невесты новопреставленного государя родитель, дочери своей скипетра домогался <...>, не устыдился показать и некое письмо, якобы Петра II завет, <...> которым

будто бы он державы своей наследие невесте Екатерине укрепил. — Дивное всем стало князя Алексея бесстудие <...>, и на требование его, весьма непристойное и смеха достойное, никто не посмотрел. <...> — По отвержении же того домогательства требовано других господ мнение» (*Феофан. С. 118*). И тут один из Верховного совета — князь Димитрий Михайлович Голицын — произнес имя одной из Ивановн — Анны — дщери давнопокойного царя Иоанна (того, который был совместником Петра Первого сорок лет назад), вдовой герцогини Курляндской: женщина она была одинокая, жалобная и, судя по тому, что знали про нее в Москве, тихая и к противодействиям не склонная.

А лишь вспомнили, что дщерь Иоаннова такова, то князь Димитрий Михайлович сказал:

— Воля ваша, только надобно нам себе полегчить.

Его сначала не поняли:

— Как себе полегчить?

— Так полегчить, — объяснил князь Димитрий Михайлович, — чтоб воли себе прибавить.

Князь Василий Лукич Долгорукий засомневался:

— Хотя и зачем, да не удержим этого.

— Правда, удержим, — утешил князь Димитрий Михайлович и, видя колебание, поторопил: — Будь воля ваша, только надобно, написав, послать к ея величеству пункты (*Соловьев. Кн. X. С. 196*).

Пункты, они же кондиции, имели смысл законно упорядочить в пользу Голицыных и Долгоруких образ правления, составившийся за последние пять лет — императрица Анна Иоанновна накрепчайше обещается Верховный Тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без согласия Верховного совета: 1. Ни с кем войны не всчинять. 2. Миру не заключать. 3. Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать. 4. В знатные чины никого не определять. 5. У шляхетства живота и имения и чести без суда не отымать. 6. Вотчины и деревни не жаловать. 7. В придворные чины не производить. 8. Государственные доходы в расход не употреблять. — К сему уточнялось, чтоб гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного совета (*Корсаков. С. 17—18*).

За своеручной подписью Анны в Курляндию поехал князь Василий Лукич Долгорукий.

Ей, наверное, в самых сладких сонных видениях не грезилося возносить свою вдовью жизнь на такой градус благополучия. Великий дядюшка ее, Петр Первый, выдал ее замуж за герцога Курляндского из своего расчета: сделать Курляндию близкой к России не только территорией, но и политическим инте-

ресом. Герцог Курляндский умер в 1711-м году, почти тотчас после свадьбы, и все двадцать лет, протекшие между его безвременной кончиной и тем днем, когда явился с пунктами князь Василий Лукич, Анна прожила вдали от родных мест, без мужа и без возможности его законно иметь.

Случаи выйти замуж были — к ней сватались принцы из Пруссии и из Саксонии. Но в Петербурге опасались недружественных иноземных умыслов о Курляндии и замужеству Анны Иоанновны не помогли.

Время от времени Анна писала в Петербург жалостные напоминания о своем безденежье: не хватало то кружев, то брильянтов, то платьев, приличных герцогиньскому сану.

Все это разумел князь Димитрий Михайлович Голицын: извлекши Анну Иоанновну из курляндского забвения, хотелось верить в ее неленостную благодарность, а обставив ей престол ограничительными пунктами, можно было и дышать полегче, и содеять нечто важное для отечества, не говоря уж о себе.

Но...

Как ни погоняй историю, направление ее движения всегда зависит от сцепления случайностей, современного состояния умов и наличия под рукой некоторой воинской силы. Угадал случайности, рассчитал состояние умов и имел под своей командой два-три гвардейских полка — можно диктовать истории правила движения.

Остановить историю может один только случай, или одно только состояние умов, или один военный отряд (лучше, конечно, особого назначения, вроде гвардейского). Но осмысленно направить ее течение по своей воле можно только совокупно угадав, рассчитав и имея.

Князь Димитрий Михайлович Голицын, и князь Василий Лукич Долгорукий, и остальные шесть верховных лиц государства скоро получили тому несомненный пример. С Анной Иоанновной они все определили точно: та приняла князя Василия Лукича трепетно и, наскоро подписав пункты, засобиравшись в Москву садиться на престол. Однако как ни желали верховные персоны сокрыть свой умысел о пунктах от прочего шляхетства, весть о новом образе правления разлетелась по Москве и скороходно дошла до самых окраин государства.

Шляхетство взволновалось. Столько вольных речей, сколько было сказано в первые три февральские недели 1730-го года, — никогда прежде на Руси не слышалось.

— Долго ли нам будет терпеть, что нам головы секут? Теперь время думать, чтоб самовластия не быть, — говорили одни (*Слова П. И. Ягужинского // Соловьев. Кн. X. С. 203*).

— Слышно здесь, что делается у вас или уже сделано, чтоб

быть у нас республике, — говорили другие. — Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно (*Слова А. П. Волынского // Соловьев. Кн. X. С. 199*).

Боялись и самовластия одной персоны, и многовластия — понимали: полегчит только восьми верховным лицам, а прочему шляхетству настанет новая тягота; а то, перегрызшись между собой, сделают смуту — и опять все пропали.

Стали собираться друг у друга, придумывать, как спастись. Отыскались знатоки иностранных образцов правления; стали писать прожекты об устройении парламента: чтоб учредить вышнее и нижнее правительство, чтоб и правительства и Сенат были выборными, чтоб в выборах участвовало все шляхетство...

«Все русские вообще желают свободы, — наблюдали иностранные послы за движением умов в Москве, — но они не могут согласиться относительно меры и качества ее и до какой степени следует ограничить самодержавие <...>. Одни хотят ограничить права короны властью парламента, как в Англии, другие — как в Швеции; иные полагают учредить избирательную форму правления по образцу Польши <...>. Но если императрица сумеет хорошо войти в свое новое положение и послушается известных умных людей, то она возвратит себе в короткое время полное самодержавие, ибо русская нация хотя много говорит о свободе, но не знает ее и не сумеет воспользоваться ею» (*Из февральских донесений 1730 г. прусского посланника Мардфельда и французского посланника Маньяна // Сб. РИО. Т. 15. С. 414; ПНРИ. Т. 1. С. 362*).

25-го февраля около Кремля собралось до восьмисот человек: тут были и генералитет, и гвардия, и прочее шляхетство. Депутация от шляхетства прошествовала к государыне и, положив к стопам ея свою челобитную, всепокорнейше просила повременить с исполнением подписанных пунктов, а прежде почитать другие прожекты.

Не успели присутствовавшие при сем верховные лица опамтоваться, а государыня уж подписала шляхетную челобитную. И быть бы у нас выборному парламенту, ограниченной монархии и прочим льготам, если бы не возгласы из гвардейских рядов:

— Не хотим, — кричали, — чтоб государыня жила по законам. Пусть учиняет, что хочет, как ее отцы и деды дельвали. Мы за нее головы сложим, а скажет она — головы ее утеснителям оторвем.

Тогда государыня молвила:

— Вижу, что я здесь небезопасна; повинуйтесь генералу Салтыкову, и только ему одному. (А Салтыков был ей близкий родственник.)

Что могло на то возразить благородное шляхетство?

Смекнув, составили они новое прошение, где просто, почестному, сказали: «<...> и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к Вашему Императорскому Величеству от Верховного совета и подписанные пункты уничтожить» (*Соловьев. Кн. X. С. 213*). — Правда, они не вовсе от своих прожектов отступались и прибавили в прошении, что ищут императрицыной милости, чтоб в Сенат, и в президенты коллегий, и в губернаторы персоны не назначались, а баллотировались от шляхетства, и прочее тому подобное.

Видя, что и гвардия, и шляхетство восстали против Верховного совета, государыня спросила князя Василия Лукича Долгорукого:

— Как? Разве пункты, которые мне поднесли, были составлены не по желанию целого народа?

— Нет! — закричало благородное шляхетство и гвардейство.

— Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул!

После сего принесена была в дворцовую залу подписанная бумага с пунктами, и государыня ее публично раздрать изволила.

Князь Димитрий Михайлович Голицын только и мог, что сказать:

— Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дела (*Соловьев. Кн. X. С. 214—215*).

* * *

О прожектах шляхетства более не вспоминали. Верховный совет упразднили. Учредили Кабинет министров из трех лиц. Ни Голицыны, ни Долгорукие в число трех не вошли. Участь их была решена.

Долгоруких уже в 1730-м году отодвинули сначала от должностей, затем от чинов и имений, и сослали: кого в Соловки, кого в Березов, кого в Шлиссельбург. А князь Димитрий Михайлович Голицын угодил под следствие в 1736-м: приговорили его к смертной казни (по какому поводу — неважно; повод нашелся), но всемилостивейше простили и только посадили в Шлиссельбургскую крепость, где он сразу умер, отчасти от старости, отчасти от потрясений. Долгоруким тоже не дали долго жить: в 1738-м году до Петербурга дошло, что они в Березове шалят: произносят поносные речи о государыне. Послали

шпиона; тот подтвердил; Долгоруких извлекли из ссылок на новое следствие; узнали много подробностей — особенно о том, что они думали восемь лет назад, в январе-феврале тридцатого: как собирались посадить дочку князя Алексея Григорьевича на престол и подобное. Покачав несколько месяцев на дыбе, некоторым Долгоруким поотсекли головы: и бывшему князю Василию Лукичу, и бывшему князю Алексею Григорьевичу, и бывшему вожатому отрока императора Петра — Ивану Долгорукому. Прочих Долгоруких разослали по новым ссылкам. Престол теперь обсели немцы — так поняли все уцелевшие, кого новые верховодцы державы — Бирон, Миних и Остерман — обскакали в чинах, должностях и наградах. И хотя что Миних, что Остерман вступили в русскую службу еще при Петре Великом, а Бирону никогда не достало бы русской смекалки награбить столько, сколько граблывали Меншиков или Долгорукие, — вот уже два с половиной века мы обличаем немцев при дворе Анны Иоанновны и не обличаем немцев при дворе Петра Первого. Может быть, так происходит потому, что мы все еще никак не избавимся от тягостного впечатления, произведенного казнью одного из обличителей, благодаря чьим злословным речам укоренилась обида на немецкое засилье.

О казни этой речь впереди — дело было громкое, все о нем знают, а кто желает припомнить его подробности — пусть сразу заглянет в 1740-й год. Мы же пока находимся при начале царствования государыни Анны Иоанновны, и, чтоб не распалась цепь времен, должны помянуть ее хотя бы страницей рассказа.

«Станом была она велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильный и пронзительный. — Сложением тела была она крепка и могла сносить многие удручения» (*Э. Миних. С. 165*). — Если б такой гренадероподобный вид имела женщина умная и пронзительная не одним голосом, — то, наверное, никто не запомнил бы ни продолговатого носа, ни ряби на щеках и не выставил бы за достоинство хороших зубов. Но государыня Анна, владея обширной статью, располагала разумом малопоместительным, и все ее женские и человеческие добродетели сосредоточились в одном пункте жизни: она являла собой образец преданной любовницы и, если б на то была господня воля, стала бы добродетельной женой и матерью. Но, волею династических соображений своего великого дядюшки, потеряв супруга через месяц после свадьбы, она так и осталась без законного повелителя и при-

нуждена была жить в браках неосвященных: сейчас ее повелителем был Эрнст-Иоганн Бирон.

Прошлое Бирона покрыто мраком тайн. Говорят, в молодости он сидел в тюрьме за драку с убийством и что еще при Петре Великом хотел пристроиться к русскому двору, но туда его не пустили. В конце концов он остался на родине и к 1728-му году стал полным курляндским хозяином. И видом и нравом он был суров: настоящий повелитель. Анна Иоанновна предалась ему безоглядно. Он улыбался — она сияла; он хмурился — она мрачнела; он был большой охотник до лошадей — она ради него научилась в сорок лет ездить на лошади; он не мог жить без карточной игры — и каждый вечер при дворе Анны Иоанновны играли в карты.

Конечно, люди остаются людьми, и не случается в мире полных совпадений: были и у Анны Иоанновны свои склонности, отличные от бироновых. Она любила ружейную пальбу и, бывало, тешилась тем, что стреляла из окна опочивальни по всему мимопролетающему — не только ворон и галок сшибала с лету, но даже скорых воробьев (*Э. Миних. С. 164*). А еще любила глядеть на медвежью травлю. И вообще любила смешные забавы. При ней всегда был штат шутов и дурак: велит им стать всем носом к стенке, а одному идти сзади и каждому пинать под коленки — он их пинает, а они падают; или велит друг с другом царапаться. Очень изволила смеяться на их дурацкие проделки.

Так они и жили. Бирон с утра отправлялся к своим лошадам, а государыня, откушав кофея, забавлялась с шутами и дурками, а то постреливала из ружья или просто смотрела в окно. После обеда почивали немного, затем совершали променады, вечером начиналась карточная игра. В государственные деяния Анна Иоанновна вмешиваться не старалась, предоставив надзор за ними Бирону, а исполнение — трем кабинет-министрам.

Переехав в Москву, а затем в 1731-м году из Москвы в Петербург, они не очень изменили обыкновений курляндской жизни, хотя, спору нет, жить стали поярче и пошире — теперь денег не надо было просить ни у кого, и заблестало на дворцовых приемах золото и серебро, засверкали жемчуга, алмазы, бриллианты, засветились иллюминации и фейерверки, зазеленели оранжерейные сады, заструились фонтаны, загремел оркестр, запела италийская опера, и вся Европа наполнилась слухом о роскошестве и пышности нового петербургского двора.

Много золота, много блеска, много торжества — значит, сильная государыня, значит, великие люди, значит, могущая

держава. Чем ослепительнее и громче придворный праздник — тем чаще соседи станут завидовать: Россия — цветущая, Россия — непобедимая, Россия — неколебимая.

Сбылось замысленное Петром Великим.

И вот уже Россия воюет в Европе, фельдмаршал Миних осаждает Гданск — на помощь полякам плывут французы, потому что они хотят, чтобы польским королем стал Станислав — тесть их короля Людовика; но французы побиты, рассеяны, взяты в плен, Станислав бежит, и мы сажаем на польский престол своего короля — Августа Третьего. — А затем мы идем дальше, входим во владения Порты и в земли, туркам солидарные. И вот фельдмаршал Миних победоносным походом ворвался в Крым, взял Очаков, Яссы, Хотин:

Россия, коль щастлива ты
Под сильным Анниным Покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит отгуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык ярься грызет;
То наша радость презирает⁴⁰.

(Ломоносов. Т. 8. С. 29)

1740

А казнили кабинет-министра Волынского с приятелями.

Кабинет министров, придуманный Андреем Ивановичем Остерманом в замену Верховного совета, включал, как помнится, три персоны. Одной из них стал, естественно, сам Остерман: это был писчебумажный механизм, работавший все время, свободное от сна, дворцовых праздников и переворотов. Взятков он, кажется, не брал. Власть ему нужна была лишь для одной цели: чтобы не мешали составлять указы, читать и писать депеши, вести переговоры и проч.

Поэтому при составлении кабинета (дело было в 1731-м году) Остерман подобрал себе в компанию старика канцлера Гаврилу Ивановича Головкина, доживавшего век в сознании удовольствия от мысли, что он пережил шестерых царей и при этом ни разу не был колесован, и князя Алексея Михайловича Черкасского, известного своей толщиной, ленью и сказочными богатствами (говорят, у него было 70 тысяч душ крепостных). Головкину нужен был покой, Черкасскому — почет. Остерман делал что хотел.

Но на третий год бытия Кабинета министров канцлер Головкин умер от старости, и Бирон, давно искавший способ сократить Остерманову силу, вставил на опустевшее от Головкина место графа Павла Ивановича Ягужинского — ветерана империи, когда-то, в последние годы жизни Петра Великого, бывшего вторым после царя лицом державы — генерал-прокурором, оком государевым. Ягужинский имел давние счеты с Остерманом: Андрей Иванович не раз подставлял его, и теперь появился случай отомстить. Хотя, конечно, если судить по здравом размышлении, скорее Андрей Иванович подвел бы голову Павла Ивановича под топор, чем наоборот. Но скоро Ягужинский, истощив свое величавое здоровье буйными неумеренностями, последовал на тот свет без посторонней помощи.

Тогда Бирон сделал третьим кабинет-министром персону, лично от него зависимую, — Артемия Петровича Волынского (сам Бирон говорил, что спас его от виселицы еще при начале царствования Анны — когда Волынский был казанским губернатором).

Кабинет министров стал теперь подобием компаса, в котором вокруг неподвижной оси — Алексея Михайловича Черкасского — двигались две стрелки, указывающие в противоположные страны света.

Волынский искал широкой сцены: он желал стать первым актером, ему нужны были рукоплескания и большие деньги. Взятки он вымогал, казну грабил и зубы вышибал с каким-то особенным, одному ему присущим шиком.

Нечего удивляться, что, обретя в Кабинете министров обширные полномочия, Артемий Петрович не мог ими благодарствоваться, ибо ему мечталась вся полнота власти. Полноты же не было: рядом мешался Остерман, а между Кабинетом и тронном маячил Бирон. Выйти на широкую сцену можно было только при ласке императрицы. Какой бы символической ни была ее власть, самые державные дела — вроде объявления войны, четвертования первых сановников и назначения на их место новых — совершались только при ее ободрении. И Волынский сочинил донос, в котором уличал Остермана как главного поумителя всех добрых дел, совершаемых честными людьми.

Однако Артемий Петрович позабыл, что ободрениями государыни руководствует Бирон. Бирон же понял дело правильно, сообразив, что сегодняшние претензии Волынского к Остерману — репетиция завтрашних посягновений на него самого, и государыня отвечала с его слов Артемию Петровичу:

— Ты подаешь мне письмо с советами как будто молодых лет государю.

Но Волынский от гордыни потерял всякий страх.

— Резолюции никакой от нее не добьешься, — негодовал он, — герцог что захочет, то и делает (*Соловьев. Кн. X. С. 661, 659*).

Тут Волынскому донесли, что его самого обличают — кто-то сочинил на него басню:

<...> Дел славою своих он похвалялся больно,
И так уж говорил, что не нашлось ему
Подобного во всем, ни равна по всему <...>⁴¹

В Петербурге тогда был один человек, умевший писать стихи так длинно и складно — секретарь Академии наук Третьяковский. Волынский велел доставить Третьяковского к себе, и едва тот взошел, изволил своеручно поправлять ему выражение лица. Кулаки у Артемия Петровича были крепкие, и секретарь Академии уехал от него с заплывшим глазом и неслышащим ухом. Наутро Третьяковский поехал жаловаться Бирону, но пока сидел в герцогских покоях — туда по своим делам явился Волынский. Побивши Третьяковского еще немного, Волынский велел взять его под караул и посвятил остаток дня продолжительным внушениям: когда секретарь Академии впал в беспмятство, его оставили паки под караулом.

На другой день происходил великий праздник, к которому Петербург готовился более месяца: женили придворных шутов — князя Голицына-квасника и дурку Буженинову. Для этого весь январь на льду Невы между Зимним дворцом и адмиралтейством строили ледяной дворец — чудо зодчества. Все в этом доме было как настоящее. Лед выкрашен под мрамор, окна — из ледяных пластин, из льда — столы, кровати, кресла, стулья, чашки, рюмки, свечки.

Со всей страны свезли по паре инородцев — башкирцев, калмыков, татар и прочих: гостей везли в санях, а сани запряжены свиньями, козлами, оленями да верблюдами. Молодые ехали на слоне в клетке (чтоб не упали или не сбежали). Шляхетство шествовало в машкеранных нарядах.

На Третьяковского надели маску и, выведши перед гостями, велели прочитать стихи, сочиненные им в честь долгожданной свадьбы, а после снова отправили под караул.

На следующее утро к нему опять вернулся Волынский — сказал, что теперь хочет отпустить; велел караульному капралу дать десять палок, отобрал и вытолкал вон.

Третьяковский подал рапорт о бесчестии по месту службы — академическому начальству. Академия наук доложила Бирону. Если бы Волынский не подавал записки про Остермана и не гневался приватно на императрицу и герцога, — уже в 1740-м году осталась бы Россия без первого своего поэта и

вспоминали бы мы по сей день о том, как в самом начале творческого пути оборвалась жизнь просвещеннейшего нашего писателя.

Но в этот раз оборвалась жизнь не Третьяковского, а его оскорбителя. Узнав из рапорта, что секретарь Академии изувечен в его покоях, Бирон велел государыне поднять следствие против Волынского по факту бесчестия, оказанного его герцогскому достоинству.

Стали искать свидетелей. Позвали дворецкого, служившего Артемию Петровичу, — тот сметливо и расторопно рассказал про все: как, у кого, когда и что вымогал Волынский, как бранно отзывался об императрице и Бироне, как составлял вместе с некоторыми своими конфидентами *Проект поправления государственных дел*, как хотел, сваливши Остермана, сам стать государем.

Волынский медленно признавался во всем, кроме последнего пункта: «Злого намерения и умысла, чтоб себя сделать государем, я подлинно не имел». По обычаю, за упорствование в показаниях Артемия Петровича покачали на дыбе. Немного побили палкой и обломили одну руку. Но и с пытки он не признался в желании стать государем, а только вспомнил, как хвалил житье польских панов: «Вот как польские сенаторы живут: ни на что не смотрят и все им даром; польскому шляхтичу не смеет и сам король ничего сделать, а у нас всего бойся» (*Соловьев. Кн. X. С. 668, 659*).

Про побои, нанесенные Третьяковскому, во время следствия забыли: слишком много набралось важнейших вин. За один только *Проект поправления* надлежало предать смерти. И хотя проект сам по себе был миролюбив — речь в нем шла о том, как лучше обустроить дела благородного шляхетства да о государственной экономии — но опасность таилась в самом акте составления: десять лет назад тоже, помнится, составляли проекты поправления шляхетной жизни, а чуть не лишили государыню короны. К середине июня следственная комиссия представила государыне доклад о преступлениях бывшего кабинет-министра, после чего составили Генеральное собрание для вынесения приговора. Стали придумывать казни. Придумали: Волынского урезать язык и посадить живьем на кол; четырех его конфиденотов четвертовать, одного — колесовать, а еще одному просто отсечь голову. Государыня милосердно ослабила суровость решения: 27-го июня Волынского отрубили обломленную руку и голову; двум его конфидентам тоже отсекали головы, а остальных били кнутом и сослали кого в Сибирь на каторгу, кого в Соловки на вечное покаяние. Дочерей Волынского велено было постричь в сибирские монастыри, а сына — сослать в Камчатку на вечную солдатскую службу.

Для политического баланса в Кабинете министров Бирон подобрал на место Волынского Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Смысл баланса был таков: Алексей Петрович имел давние счеты с Остерманом, а другой кабинет-министр Алексей Михайлович Черкасский имел давние счеты с Алексеем Петровичем.

Но...

Бывают годы, когда важные события следуют одно за другим так споро, что только успеваешь удивляться тому, как причудливо выстраиваются в последовательный сюжет обстоятельства, друг с другом не сопряженные. Таким выдался в Петербурге 1740-й год.

В январе Волинский командовал обустройством ледяного дома. — В начале февраля праздновали свадьбу Голицына-квасника с дуркой Бужениновой. — Через несколько дней шумно торжествовали о заключении мира с турками. — В апреле Волынского взяли под стражу. — В июне Волинскому с приятелями настал конец. — 12-го августа племянница государыни, Анна Леопольдовна, родила сына Ивана. — 5-го октября за обедом государыне стало дурно. — Наутро все поняли, что дни ее сочтены. — При дворе началась паника: кого сажать на царство, когда императрица умрет?

Устав Петра Великого о наследии престола еще в 1722-м году учинял: «дабы всегда сие было в воле Правительствующего Государя, коему оной хошет, тому и определить наследство». Устав сей при отроке Петре Втором изъяли из присутственных мест и от всех частных лиц, но Анна Иоанновна вернула его из небытия и в 1731-м году выдала указ о том, что, следуя воле своего великого дядюшки, назначает наследником престола — сына своей племянницы Анны Леопольдовны.

Чрезъестественность этого указа заключалась не в том, что сын Анны Леопольдовны, будучи правнучатым племянником Петра Великого, имел на наш престол меньше прав, чем родная дочь Петра — Елисавета или чем родной внук Петра — голштинский Карл-Петер. При той диспозиции, когда каждое новое восшествие полностью переопределяло права и перспективы членов царской фамилии, никакой особенности в указе тридцать первого года не видно: Анна Леопольдовна была дочкой одной из Ивановн — Екатерины, родной сестры Анны Иоанновны, а Анна Иоанновна была сейчас правительствующей государыней и по уставу Петра кому хотела, тому и определяла престол. Она хотела оставить его за наследниками своего отца, а не чужого: ничего странного — дело семейное.

Чрезъестественность состояла в другом — в том, что тогда, в пору явления указа Анны Иоанновны, ее племянница

была незамужней девицей тринадцати лет, и сын ее еще не родился.

Только в 1739-м году решили наконец выдать Анну Леопольдовну замуж. Бирон сватал за нее своего сына. Но того не хотела Анна Леопольдовна. Тогда ей предложили другого — Антона-Ульриха, принца Брауншвейгского, служившего уже несколько лет при нашем дворе. Анна Леопольдовна не хотела идти и за этого.

Если относиться к ней без предубеждений, можно сказать, что она была недурна собой, добра и томна, хотя, как говорили, нрава диковатого. Она любила читать книжки и мечтательно повторяла: нет для нее ничего приятнее, как те места, где описывается несчастная и пленная принцесса, говорящая с благородной гордостью (*Э. Миних. С. 178*). Она недаром сравнивала себя с пленными принцессами, ибо, невзирая на ее упорство, ее обвенчали с Антоном Брауншвейгским. В прочем тот был человек робкий в домашней жизни и смиренно терпел, когда его не допускали к Анне Леопольдовне в часы ее встреч с саксонским посланником Линаром. «Летом она приказывала ставить свое ложе на балкон Зимнего дворца, — сообщает наблюдатель, — и хотя при этом ставились ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов, соседних с дворцом, можно было все видеть» (*Э. Миних. С. 65—66*).

Словом, в ее манерах и обычаях можно было предполагать страсти, но не замечалось никаких признаков государственного честолюбия. Посему проклятый вопрос: кому править? — решали без помощи Анны Леопольдовны.

Сначала все растерялись — не оттого, что не знали, кого делать царем: царь родился два месяца назад, и указ 1731 года утратил свою чрезвычайность. Не знали другого — кого объявлять регентом при младенце Иване. — По кровному родству надо бы — Анну Леопольдовну: она младенцу мать, а государыне племянница. Но править хотел Бирон. Однако сам стеснялся сказать вслух: вдруг убьют? Прочие близстоящие — Черкасский, Бестужев-Рюмин, Миних — мялись в ожидании чуда. Остерман, как всегда в трудные минуты, затаился и из дому не выезжал.

Говорят, в конце концов именно Бестужев-Рюмин сказал Бирону: «Кроме вашей светлости, некому быть регентом» (*Соловьев. Кн. X. С. 670*). Остальные, вздохнув с облегчением, подхватили эти слова и понесли их к одру Анны Иоанновны. Говорят, она ответила: «Я сожалею о тебе, герцог, ты несчастлив будешь», — и велела ждать (*Э. Миних. С. 158—159*).

Несколько дней ждали ее своеручной подписи. Наконец, 16-го октября назначение Бирона регентом было подписано, и

на следующий день императрица Анна Иоанновна прекратила свое бытие.

Тотчас против Бирона пошли разговоры в гвардии:

— Для чего так министры сделали, что управление империею поручили герцогу Курляндскому? — Что он за человек? Лучше бы до возраста государева управлять отцу императора или матери. — До чего мы дожили и какая нам жизнь? Лучше бы сам заколол себя, что мы допускаем... (*Соловьев. Кн. XI. С. 13*).

Его высочество Антон Брауншвейгский, супруг Анны Леопольдовны и отец младенца Иоанна, тоже не был доволен назначением Бирона. Даже Анна Леопольдовна обижалась тем, что родителей обошли.

Бирону про всё доносили. Заговорщиков из гвардии переловили и отправили на дыбу, а с принцем Антоном Бирон крепко побеседовал. При дворе пошли разговоры о том, что родителей скоро вышлют за пределы государства или внутрь страны.

Хуже всех в эту пору жил Бирон. Получив власть, он должен был теперь тратить все силы на то, чтобы ее удержать. Любой из близстоящих к колыбели младенца, кто сегодня сладко улыбается его светлости, — завтра обманет и продаст его ради милостей Брауншвейгской фамилии.

Сегодня, например, фельдмаршал Миних хочет получить звание генералиссимуса от Бирона и копает яму Брауншвейгской фамилии: от лица младенчеству императора выпущен указ об отрешении любезнейшего родителя Антона от всех военных должностей. А завтра наступает роковой день — восьмое ноября, и фельдмаршал приезжает в Зимний дворец к Анне Леопольдовне с вопросом: не станет ли она возражать, если ее сделают правительницей вместо Бирона?

— Хорошо, — отвечает Анна Леопольдовна в страхе, — только делайте поскорее! (*Сб. РИО. Т. 85. С. 383*)

Тогда Миних едет на ужин к Бирону, и тот, читая в его глазах свою судьбу, спрашивает: не случилось ли фельдмаршалу во время военных баталий предпринимать ночных штурмов? Миних отвечает, что привык действовать по обстоятельствам, независимо от времени суток, и, отужинав, отправляется якобы домой (*Манштейн. С. 198*).

Обстоятельства в эту ночь таковы, что в Летнем дворце караул держат гвардейцы Преображенского полка, и когда Миних через три часа после ужина возвращается обратно с ротой солдат, караульные расступаются, Бирон из регента становится арестантом и его ссылают в Сибирь — в Пелым. Правительницей при младенце Иване объявлена Анна Леопольдовна, Миних получает от нее должность первого министра и сто тысяч руб-

лей на личные нужды, а его сын — чин генерал-поручика. И по всему видно: наступает царство Минихов.

Но послезавтра выносят из засады сидячебольного Андрея Ивановича Остермана, и он нашептывает Анне Леопольдовне на Миниха-отца. И вот уже у Миниха нет всеобъятных полномочий первого министра; вот уже не Миних, а принц Антон сделан генералиссимусом, а Миних должен перед ним отчитываться; вот уже вся Брауншвейгская фамилия косо смотрит на своего благодетеля, и наконец подписан указ о его отставке, и Миних навсегда лишается возможности совершить новый переворот.

1741

Новый переворот совершит Елисавета — дочь Петрова.

18-го декабря ей исполнялось тридцать два года. Она родилась в тот самый день, когда наше войско всерадостным маршем входило в Москву после одержания виктории в Полтавской битве, и ее явление на свет Петр торжествовал совокупно с победой над шведами — шумно и весело.

Когда Петр умер, ей шел шестнадцатый год, когда умерла Екатерина — осьмнадцатый. Отец хотел ее выдать замуж за Людовика XV-го, французского короля, но во Франции на сей счет были иные виды, и Елисавета осталась в Петербурге. Ее еще не раз сватали, но она-таки осталась блаженствовать своим незамужеством — свободная от бремени власти, не обязанная никому рожать наследников и пользуясь тем даром, который для женщины любого сословия и возраста всегда остается выше других благ земных, — красотой. Прибавим к сему веселый нрав, живость движений, очарование кокетства, отменное здоровье — и вот портрет первенствующей прелестницы России, располагающей полной волей блистать, быть в перекрестке взглядов придворной молодежи и могущей выбирать любого из них без оглядки на общее мнение.

Впрочем, при Анне Иоанновне ей приходилось делать другие оглядки: за ней внимательно присматривали, опасаясь, что вдруг среди развлечений молодости в ней проснется желание получить корону отца. Желание проснулось сразу после ареста Бирона.

Дело было так:

В Швеции давно хотели вернуть финляндские земли, отошедшие к России по Ништадтскому миру 1721-го года. А во Франции очень были недовольны русскими союзами с Австрией и Англией — вечными французскими врагинями. Строго го-

воря, и в Стокгольме, и в Париже были вообще недовольны присутствием России на восточном краю Европы. Лучшим решением всех вопросов было бы, конечно, возвращение москвитов куда-нибудь на их прародину — к Уральским горам, в Азию, в Сибирь. Но этот способ мало подходил к политическому моменту: ни в России никто не собирался возвращаться назад, ни у Европы не было такого количества военной силы, чтобы обратить ее вспять. За невозможностью решить вопрос кардинально пришлось обойтись полумерами: готовить переворот против Брауншвейгской фамилии в пользу цесаревны Елисаветы.

Для того шведский и французский посланники в Петербурге Нолькен и Шетарди не жалели ни ласковых рацей, ни денежных посулов.

Цесаревна часто виделась с обоими посланниками или, если не виделась, то сносилась с ними чрез своего лекаря Лестока: она жаловалась на утеснения, доставляемые ей Брауншвейгской фамилией, говорила, что гвардейцы готовы за нее умереть, лишь дай знак, но что их ревность следует подпитывать и не скупиться дарить им по праздникам хоть по рублю, а праздников в России много, и посему денег тоже надо много. Посланники утешали цесаревну, обещали добыть еще больше у своих правительств и торопили.

Гвардейцы действительно не прочь были сделать ее императрицей. У многих из них она крестила детей, и они величали ее кумой (*Сб. РИО. Т. 92. С. 232*). Иной раз они говорили ей: «Матушка! Мы все готовы и только ждем твоих приказаний, что наконец велишь нам» (*Соловьев. Кн. XI. С. 100*).

Но Елисавета медлила, отвечала, что еще не время и просила молчать.

Нолькен и Шетарди пугали ее, говоря, что сестрица Анна Леопольдовна велит запереть ее в монастырь. От слова «монастырь» красавица плакала, но как взяться за дело, решить не умела.

Тогда Нолькен и Шетарди договорились с Елисаветой так: Франция дает немножко денег Швеции, а Швеция начинает против России маленькую победоносную войну, по окончании которой Елисавета занимает отцовский престол. За то Елисавета обещала установить с Францией и Швецией нежный мир, отказаться от союзов с Австрией и Англией и проч., и проч., и проч.

До наших земель шведы в ту войну не дошли. Еще пока они двигались по Финляндии в нашу сторону, их остановили: 23-го августа после боя под Вильманстрандом шведы отступили, и ждать их в Петербурге на зимние квартиры не приходилось.

О том, что Елисавета при помощи иностранных советчиков может содейть недоброе для Брауншвейгской фамилии, знали все, кому по долгу службы надлежит знать подобные вещи. За ней прислеживали, но мер особенных не принимали: надеялись, все само собой как-нибудь разойдется. Елисавета тоже продолжала бездействовать. Летописец говорит про нее: «У нее было множество приверженцев, за нее была гвардия, и, однако, не было человека, который бы стал во главе движения, сделал бы для нее, во имя ее то, что сделал Миних для Анны Леопольдовны. Елисавета должна была сама начать дело, сама вести солдат: легко понять, как ей трудно было на это решиться, как она должна была медлить и ждать, не начнут ли другие» (*Соловьев. Кн. XI. С. 118*). Для погубления Брауншвейгской фамилии требовался исключительный повод — такой, чтоб цесаревна поняла: если она станет ждать еще час — завтра ее постригут в дальнем монастыре. Повод дала сама Анна Леопольдовна.

23-го ноября на куртаге она подозвала сестрицу и сказала:

— Что это, матушка, слышала я, будто ваше высочество имеете корреспонденцию с армиею неприятельскою и будто ваш доктор ездит к французскому посланнику. Советуют мне немедленно арестовать лекаря Лестока, я всем этим слухам о вас не верю, но надеюсь, что если Лесток окажется виноватым, то вы не рассердитесь, когда его задержат.

— Я с неприятелем отечества моего, — солгала Елисавета, — никаких алианцев и корреспонденций не имею, а когда мой доктор ездит до посланника французского, то я его спрошу, и как он мне донесет, то я вам объявлю (*Соловьев. Кн. XI. С. 119*).

Дело было ясное: и не такие люди, как Лесток, под страхом кнута и дыбы, наговаривали на себя небывальщину. А тут и наговаривать не нужно: довольно рассказать правду.

День 24-е ноября прошел при дворе Елисаветы, наверное, в нервическом возбуждении. После полудня стало известно, что отдан приказ: гвардейским полкам выступить завтра из Петербурга на театр войны против шведов — в Финляндию. Лесток и молодые придворные — Петр Шувалов, Михайло Воронцов, Алексей Разумовский — приступили к Елисавете с уговорами: надо звать гвардейцев. И про монастырь вспоминали, и про то, что сейчас придут за Лестоком, и про то, что в ней кровь Петрова, и некому, кроме нее, освободить отечество от немцев.

В двенадцатом часу ночи послали за гвардейцами. Скоро прибыли депутаты от гренадер и с порога сказали, что готовы на все. Елисавета, встав на колена пред образами, помолилась умильно, взяла крест, велела гренадерам присягнуть ей и сказала, чтоб они возвращались в казармы и там ждали ее.

Между тем наступило уже 25-е число. Ночь была темная, и

морозило сильно. Во втором часу Елисавета надела поверх платья кирасу и в компании Лестока, Воронцова и учителя музыки Шварца поехала к казармам Преображенского полка.

Преображенцы ее ждали.

Они еще раз напомнили друг другу, чья она дочь, поклялись в верности до гроба и пошли — человек триста и Елисавета с тремя своими сопровождающими в санях.

Дворцовый караул, услышав от преображенцев, зачем те пришли, спорить не стал, и через пять минут гренадеры будили Анну Леопольдовну и младенца-императора для оповещения о перемене власти. Немедленно было послано за первыми чинами государства, чтоб те ехали во дворец присягать. Солдаты разложили на площади костры и громко пировали победу.

Шведы и французы были посрамлены, ибо остались непричастны к происшедшему и, соответственно, не получили ничего из того, что им обещалось, если бы оказались причастны. Остермана, Миниха и еще кое-кого из близстоящих прошедшей эпохи отправили в Тайную канцелярию. Места вокруг престола заняли Шуваловы, Воронцовы, Разумовские и доктор Лесток.

Началось царствование императрицы Елисаветы Петровны.

Натура ее не очень изменилась от обретения нового сана: та же красота, та же сластолюбие, та же набожность, та же страсть к нарядам, танцам, музыке, английскому пиву и веселью. Впрочем, о том, что она была набожна, еще не говорилось. Так вот: она была набожна и суеверна. Говорят, у нее был какой-то любимый образ, с которым она перешептывалась в трудные минуты (*Из донесения французского посланника Лопиталья за январь 1759 // Бильбасов. Т. 1. С. 440*).

Еще говорят, она дала обет не казнить никого смертно. И в самом деле, хотя на дознаниях в Тайной канцелярии продолжали калечить конечности, Елисавета во все время своего царствования не подписала ни одного смертного приговора. Уж, казалось, таких верных слуг двух Анн, как Остерман и Миних, следовало бы крепко казнить. И собранный над ними суд по обычаю постановил: Миниха четвертовать, Остерману отсечь голову. Однако императрица переменяла решение, и в ту минуту, когда голову Остермана положили на плаху, палач уже помахивал топориком, а собравшийся народ ждал потехи, — было объявлено, что государыня дарует ему помилование ссылкой в Березов. Миниха и других преступников помельче на эшафот даже не взводили, а просто зачитали бумагу о помиловании Сибири. В свой черед из Березова, Пелыма и прочих отдаленных окрестностей державы возвращены были оставшиеся в живых страдальцы прошлых царствований: вернули и наградили уцелевших Долгоруких, простили семейство Волынского, отыс-

кали Антона Девиера, которого упрятал еще Меншиков; Бирона перевезли из Пельма в Ярославль.

В каждом указе, в каждой оде, на каждом перекрестке клялись теперь именем Петра Великого. Имя его было единственным доказательством прав его дочери на престол. Ни по одному из законов Российской империи Елисавета не могла стать правительствующей государыней. Впрочем, зачем законы там, где принято поступать по справедливости? Елисавета забрала власть у Брауншвейгской отрасли потому, что в справедливости ее власти была убеждена гвардия. А там, где общее мнение выражает воинская сила, всегда прав тот, с чьим именем гвардейцы соединяют свои понятия о порядке.

Теперь пора было приниматься за реформы: имя Петра, возглавившее переворот, обязывало к переменам.

Упразднили Кабинет министров — решили: пусть надзор над всеми делами вершит Сенат — как бывало при вечных памяти великом родителе. Господа Сенат числом четырнадцать близстоящих немедленно приступили к ревностному исполнению. После сего пошли один за другим указы, из коих явствовало, что генеральным намерением новой государыни будет воскресение всего учрежденного Петром Первым и очищение оно от развращений послепетровых царствований.

Как ни странно, но государыня Елисавета и в первые месяцы своего торжества, и позднее, в будущие годы, занималась не только распоряжениями насчет устройства балов, маскарадов, фейерверков и иллюминаций, или насчет закупок платьев, туфель, фестонов, манжетов, лент и булавок, или насчет строительства себе новых дворцов — хотя именно блистаньем балов, дороговизной платьев и громадностью дворцов более всего ошеломлялись современники царствования дочери Петровой. Она оставила по себе затмевающие Версаль памятники своему вкусу к пышной роскоши и сияющему веселью — Зимний дворец в Петербурге и большой дворец в Царском Селе. Двадцать пять других дворцов было поставлено между Петербургом и Москвой для ночлегов императрицы. Пятнадцать тысяч платьев имелось в ее гардеробе. Она не терпела соперничества и приказала, чтоб все доставляемые заграничными купцами галантерейные товары, прежде чем пускать в торговлю, показывали ей. Отобрав себе все самое модное, искусное, прелестное, она позволяла продавать остатки петербургским шеголихам. Чтобы доказать свое первенство, она любила объявлять маскарады с переодеваниями — когда дамы облачались в мужские наряды, а кавалеры — в дамские, и упаси Боже кому из переряженных дам оказаться стройнее императрицы! О прическах умолчим, ибо понятно, чья прическа затмевала прочие.

Много можно припомнить анекдотов про женские слабости государыни Елисаветы, но, повторяем, как ни странно, она занималась не только распоряжениями насчет своих увеселений. Иногда она приезжала самолично в Сенат, ни один указ не вышел без ее подписи, ни один прожект не был утвержден без ее ведома. За семнадцать лет, прошедших после смерти Петра Великого, Елисавета оказалась первой нашей государыней, которая если и не управляла самолично державными делами, то, по крайней мере, делала вид, что этими делами интересуется.

Она не имела разумения о том, как и что требуется совершить для пополнения казны, процветания наук и ремесел, победоносности армии, благоденствия дворянства и существования крестьянства — для того у нее имелся штат близстоящих. У самой у нее была одна-единственная собственная мысль насчет управления страной: во всем следовать указам, намерениям и начинаниям своего великого отца, и этой мыслью одушевлялись ее подписи под указами — неважно, о чем были указы: о начатии войны, о составлении свода законов или о починке моста через Язу.

Собрать растащенное регулярство, восстановив порядок, учрежденный Петром, — вот эмблема начальных лет царствования Елисаветы, выразившая ее дочерний долг перед отцом и отечеством.

* * *

Мы, конечно, погрешили против истины, сказав, что императрица Елисавета располагала способностью производить одну только мысль в области государственного управления. Нет, это, конечно, неправда: у нее были еще две мысли.

Одна — о том, что и ее могут когда-нибудь арестовать среди ночи — и поэтому никто никогда в точности не мог знать, где проведет государыня сегодняшнюю ночь: в Петербурге, в Петергофе или в Царском Селе? в каком дворце? в каких покоях? Редко она оставалась в одной и той же комнате две ночи подряд. Ничтожный намек на лишение короны приводил ее в трепет и ужас, а с теми, о ком становилось известно, что они такие намеки совершают, поступали по справедливости. Как-то раз (дело было в 1743-м году), когда ей донесли, что один подполковник, Иван Лопухин, будучи пьян в публичном доме, поносил ее непотребными словами и обещал вернуть на трон младенца Ивана, она прискакала из Петергофа инкогнито, велела нарядить по Петербургу добавочные караулы и распорядилась срочно раскрыть заговор. Собственные слова Ивана Лопухина, узванные от него в Тайной канцелярии, оказались таковы:

— Государыня ездит в Царское Село и напивается, любит английское пиво и для того берет с собою непотребных людей <...>. Она незаконнорожденная⁴². Рижский караул, который у императора Иоанна и у матери его, очень к императору склонен, а нынешней государыне с тремястами канальями ее лейб-компании что сделать? <...> Будет через несколько месяцев перемена (*Соловьев. Кн. XI. С. 225*).

Иван Лопухин признался, что повторял разговоры, слышанные у себя в доме, между своей матерью, графиней Бестужевой-Рюминой (невесткой Алексея Петровича — женой его брата) и австрийским посланником Боттой. Ботта будто бы говорил, что до тех пор не успокоится, пока не поможет Анне Леопольдовне вернуть ее младенцу русский престол. От таких показаний Елисавету Петровну должна была дрожь пробирать — очень все это напоминало ее собственные недавние разговоры с Нолькеном и Шетарди. Велено было разведывать далее. Привезли в Тайную канцелярию Наталью Федоровну Лопухину — мать Ивана, да Степана Васильевича Лопухина, генерал-лейтенанта — отца Ивана, да графиню Анну Гавриловну Бестужеву-Рюмину, да заодно и нескольких других, которых назвал Иван Лопухин. Порасспрашивали на дыбе, посекали кнутом, однако ничего нового узнать не удалось — никакими заговорами, кроме разговоров, преступники не злоумышляли. Но и сего было довольно: «Коли они государево здоровье пренебрегали, — своею рукою надписала государыня, — то плутов и наипаче жалеть не для чего, лучше чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодов ждать» (*Соловьев. Кн. XI. С. 228*). — По делу Лопухиных положили так: всех Лопухиных и графиню Бестужеву колесовать, а прочих нескольких — кого четвертовать, кому просто голову отсечь. Государыня, однако, осталась верна своему обету и отменила смерти: Лопухиным и графине Бестужевой только вырезали языки, а остальные отделались принародной поркой. Всех, разумеется, сослали навечно в Сибирь.

А Брауншвейгскую фамилию, во избежание плодов от плутовских разговоров, повезли от греха подальше в Соловки. До Соловков они не доехали — остановились на зиму в Холмогорах Архангельской губернии и там продолжили свои бранные жизни под усиленной стражей. Младенца отделили от родителей и стали содержать в особом помещении. Анна Леопольдовна скоро умрет, бывший генералиссимус Антон еще тридцать лет будет влачить свои дни, а Ивана в 1756-м году переведут в Шлиссельбургскую крепость и в 1764-м убьют⁴³. Говорят, Петр Третий во время своего краткого царствования успел посетить его в темнице, и между ними произошел следующий разговор: «Кто ты? — спросил Петр Ивана. — Я император. — Кто же по-

садил тебя в тюрьму? — Злые люди. — Ты желал бы вновь сделаться императором? — О да! почему же нет? у меня были бы прекрасные одежды и люди, которые бы мне прислуживали. — Но что бы ты сделал, если бы был императором? — Я отрубил бы головы всем тем, кто причинил мне зло. — Потом Петр III спросил его, откуда он все это знает, и он ответил, что Дева Мария с ангелами рассказали» (*Массон. Изд. 1996. С. 83*).

* * *

Мы говорили о мыслях императрицы Елисаветы. Так вот, второй после мысли об опасностях переворота она имела мысль о наследнике престола. Собственных детей у нее не было, зато был племянник — тот самый, чье имя еще наделает шуму в нашей истории, — голштинский принц Карл-Петер. Покойницу Анну Иоанновну он очень беспокоил: «Чертушка в Голштинии еще живет», — говаривала она (*Соловьев. Кн. XI. С. 96*), ибо Карл-Петер, будучи родным внуком Петра Великого, по справедливости имел права на наш престол большие, нежели все Аннины родственники по Иоанновой линии. Поэтому в 1742-м году отрок Карл-Петер был привезен из Голштинии в Москву, куда переехал двор для коронации Елисаветы.

Календарные совпадения иногда сильно впечатляют воображение, но обычно не дают уму никакой причинно-следственной нити для их объяснения. — Почему днем крещения будущего императора Петра Третьего был выбран тот самый день, который через пятьдесят четыре года станет первым днем царствования его сына — Павла Первого?

Понять, почему именно седьмое ноября стало в 1742-м году днем крещения — отчасти можно: во-первых, в том году седьмое ноября выпало воскресным днем; во-вторых, то был канун дня Михаила Архангела. В 1742-м году выбор седьмого ноября был удобным случаем соединить судьбу будущего царя с архистратигскими полномочиями предводителя всех сил бесплотных.

Но точно, что через пятьдесят четыре года никто не будет выбирать день для восшествия Павла — тогда все произойдет без нашей воли: 6-го ноября, в десятом часу пополудни, умрет государыня Екатерина Вторая, а 7-го ноября, в первом часу пополуночи, Петербург начнет присягать новому государю. Отчего такое совпадение? Что это? Верховный план или игра в кости?

Конечно, нельзя придавать датам слишком большое значение. Мало ли хронологических совпадений. Около того же числа седьмого ноября в некоторые другие годы тоже бывали важные события: в 1740-м Миних штурмовал Бирона, в 1775-м

Екатерина Вторая обнаружит манифест о губернской реформе, а в новом, девятнадцатом столетии — седьмого ноября 1824-го года Петербург будет едва не утоплен ужасающим наводнением. А во многие другие годы того же числа ноября, напротив, не происходило ничего достойного памяти, и Михаил Архангел никак не напоминал нам о завтрашнем дне.

Все так. Нет тут ни логики, ни мистики. Да. У природы нет ни замысла, ни плана. В природе нет ни добра, ни зла. Это мы наделяем благостью или враждебностью те природные флюиды, что пронизывают нас в минуты счастья или отчаяния. А вселенная, сама по себе, равнодушна и бесчувственна к нам. Да. Это мы сами выбираем ключевые знаки для озаглавливания наших представлений о течении истории. — Хронологические совпадения подобны приметам в народном календаре: сбудется — вспомним о примете, не сбудется — не вспомним. Нет тут ни замысла, ни плана — а только игра ума над порожденными им самим мнимостями истории. Не в датах дело — в силе вещей.

Сила вещей — удобный галлицизм для суммарного объяснения причинно-следственных связей. *Вещи* здесь именуется не в прямом, а в переносном разуме, как сказал бы Василий Кириллович Тредиаковский: сила вещей — это не только наша привычка к лицам и предметам повседневного быта, лишение которых приводит к ломке психики, это еще и все прочее, не зависящее от нашей воли и ума, — все, совершаемое по стечению обстоятельств, по совокупности воли масс, по произволению всех сил бесплотных.

Так вот: сила вещей в 1742-м году, первом году царствования государыни Елисаветы Петровны, требовала от нее скорейшего назначения наследника, и назначить она могла только одного человека — своего родного племянника, внука Петра Великого — четырнадцатилетнего голштинского принца Карла-Петера.

Матери своей — цесаревны Анны Петровны — он не помнил: она умерла через два месяца после родов, простудившись, когда смотрела из открытого окна на фейерверк, палимый в честь рождения сына. Отец — голштинский герцог Карл-Фридрих — успел приложить руку к воспитанию принца и с малолетства начал приучать его к военным упражнениям, наставляя сына в воспоминаниях о Шлезвиге — части голштинской территории, отнятой некогда, еще во времена Петра Первого, датчанами. Но и отец недолго жил — в 1739-м он отдал душу своему лютеранскому Богу.

Сын остался под опекой двоюродного дядюшки. Воспитанием отрока ведал гофмаршал голштинского двора Брюммер. Учили его так, что когда, по привозе в Москву, государыня Елисавета сделала ему экзамен, то и сама она и все при сем

присутствовавшие пришли в оторопь от вопиющей его невесты.

Воспитание его, говорят, было самое тиранское. Можно подумать, что Брюммер репетировал с будущим императором поведение в застенке нашей Тайной канцелярии, ибо язвил его непристойными словами, прилагал с размаху свою руку к разным частям тела и в наказание за неприлежность ставил на горю коленами (*Штелин. С. 69*).

Непоседливая натура отрока выдержала испытания, но, кажется, все, что осталось в его душе от брюммеровых поучений, — это страх перед побоями.

Ничего этого не знала государыня Елисавета Петровна, когда велела доставить племянника в Россию. Да даже если бы и знала, все равно Карла-Петера привезли бы из Голштинии в надежде перевоспитать: тогда верили в могущество разумного слова.

К нему приставили новых учителей и стали готовить к принятию православного закона. Седьмого ноября он был высокопозвоженно крещен и стал называться отныне его высочеством великим князем наследником Петром Федоровичем.

* * *

Стал ли он после переезда на новое место другим человеком? Скоро ли вызрели плоды просвещения?

Выпишем для справки некоторые пункты из инструкции, составленной от имени Елисаветы Петровны канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым для нового гофмаршала — Чоглокова, приставленного в Петербурге к великому князю наследнику в замену Брюммера: « <...> дабы его императорское высочество Бога и святые Его заповеди всегда в памяти своей имел и, гнушаясь всякого небрежения, холодности и индифферентности (чем все в церкви находящиеся явно озлоблены бывают), присутствовал, членам Св. Синода и всему духовенству надлежащие почтения отдавал, особливо же своего духовника самого к себе допуссал <...>. Нашим именем и представляя ему собственное его благополучие и честь, склонять, дабы наиглавнейшие утренние часы до полудня потребными и к персональной пользе клонящимися упражнениями препровождены были; вам же всемерно препятствовать надлежит чтению романов, игранию на инструментах, егерями и солдатами и какими игрушками и всякие шутки с пажами, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми <...>. При всем же сем его императорское высочество <...> публично всегда серьезным, почтительным и приятным казался б, при веселом же нраве непрестанно с пристойною благоразум-

ностию поступал, не являя ничего смешного, притворного и подлого в словах и минах; <...> более слушал, нежели говорил, более спрашивал, нежели рассказывал, <...> молчаливость за нужнейшее искусство великих государей поставлял; за столом разумными разговорами себя увеселял; от шалостей над служащими при столе, а именно от залития платей и лиц и подобных неистовых издевок над бедными служителями, вам его воздерживать надлежит. <...> Для соблюдения должного себе респекта всякой пагубной фамилиарности с комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имеет, и мы вам повелеваем <...> всякую фамилиарность, податливость в непристойных требованиях, притаскивание всяких непристойных вещей, а именно: палаток, ружей, барабанов и мундиров и прочее — накрепко и под опасением наказания запретить <...>. Мы не хотим препятствовать, чтоб его высочество пополудни до ужина всеми невреждительными веселиями и забавами не пользовался, токмо чтоб всякая чрезмерность в забавах и в употреблении людей избегаема была» (Соловьев. Кн. XII. С. 327—329).

Инструкция прописана в марте 1746 года — великий князь уже четыре года живет в России, ему недавно исполнилось осьмнадцать лет, он уже женат, и императрица вправе ожидать от племянника прибавления семейства. И что же следует из инструкции кроме того, что приставленный к Петру Федоровичу новый гофмаршал должен неусыпно следить за каждым его шагом?

Переведем некоторые темные места.

Следствует, что великий князь в церкви небрежен, холоден и индифферентен, к духовенству непочтителен, духовника своего не принимает, никакими делами, приличествующими его сану, без напоминаний не занимается, а вместо того либо читает что-нибудь развлекательное, либо пилит на скрипке, либо играет с своими комнатными служителями в войну и в парады; что он разговорлив и смешлив; что ведет себя в обществе не церемонно, а просто: что недавно для забавы изволил облить чем-то во время обеда кого-то из прислуживавших за столом. Словом, гони природу в дверь, она влетит в окно.

Его пытались просветить. Профессор Яков Яковлевич Штелин регулярно занимался с ним математикой, историей, географией, политикой и прочими науками. У великого князя была отличная память, и он без труда запоминал числа, факты и даты. Но он не умел надолго сосредоточить свой разум ни на чем, и мысли его скакали и разбегались, яко белки по деревьям. Штелин приносил ему европейские газеты и читал о современных интересах и правилах разных держав: о том, кто с кем воюет и

какую пользу должна извлечь Россия из этого. — Но Петр Федорович совсем не думал, наследником какой державы он теперь является. Слишком поздно ему стали внушать сознание его великого предназначения, чтобы ждть от этого внушения скорейших плодов. Он даже по-русски так и не выучился и говорил на этом языке редко и весьма дурно (*Слова Н. И. Панина // РА. 1879. Кн. 1. Вып. 3. С. 364*).

Бывают люди — космополиты, равнодушные к месту своего рождения и детства. Таким — все равно, где жить, за что голову сложить. Они вступают в службу к саксонскому курфюрсту, к прусскому королю, к русскому императору: лишь бы жалованье платили, награды давали, а уж они себе власть, славу и честь добудут на любой новой родине. Они, наверное, вступили бы в службу к турецкому султану и персидскому шаху, если бы турецкий султан и персидский шах не были столь взыскательны к соблюдению мусульманского закона. Но поелику они обычно не рискуют изменять своему лютеранскому или католическому Богу, то предпочитают службу у христианских государей Европы.

Таких граждан мира у нас, начиная с времен Петра Великого, было видимо-невидимо. Военные, статские, музыканты, архитекторы, пекари, комнатные служители приезжали к нам, жили, служили и умирали под нашими небесами. Итальянец Растрелли строил нам дворцы, вестфальский дворянин Остерман ведал всей иностранной политикой России, приезжий из Ольденбурга Миних командовал нашими армиями, и ни на секунду они не задумывались о том, какую пользу могут доставить на русской службе своим исконным отечествам.

Но бывают совсем другие люди — такие, для которых жизнь вдали от детской родины трудна и одинока. Такие люди тяжело привыкают к новым нравам и чужому климату — и все их тянет назад. Они быстро забывают то плохое, что приключилось с ними дома, и питают в душе чистый и свежий образ прошлого.

Вот и великий князь Петр Федорович носил в душе память о родной Голштинии — там остались голштинские солдатушки, с которыми он играл в парады и войну, там он мог бы стать властелином своей судьбы и предводителем похода на датчан для возвращения Шлезвига.

Впрочем, он, наверное, не прочь был бы стать шведским королем — шведские нравы, по его понятиям, сходились с голштинскими. Говорят, когда он узнал о том, что его бывший опекун, дядюшка Адольф-Фридрих стал королем Швеции, то горько посмеялся: «Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как ес-

ли бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа» (*Соловьев. Кн. XII. С. 332*).

Словом, презирал он наши нравы.

* * *

Среди прочего академик Штелин упражнял великого князя в познании жития, уставов и учреждений Петра Первого⁴⁴. Но не деяния великого деда восторгали великого князя. У него был свой кумир — прусский король Фридрих Второй.

То было новое светило на театре европейской истории. Отец Фридриха, тоже прусский король, оставил ему семьдесят шесть тысяч человек войска и почти девять миллионов талеров казны (*Соловьев. Кн. XI. С. 237*). Войско было таким обученным, что скучно было заниматься с ним только маневрами, деньги жалко было растрачивать только на балы и приемы, а Фридрих слишком засиделся в наследниках.

Быстро представился случай показать силу.

Дело было в роковом сороковом году: в одно время с нашей Анной Иоанновной в Австрии умер император Карл Габсбург Шестой; его наследница Мария Терезия не успела еще вступить в права, как Фридрих запустил свое войско в богатую Силезию и отнял ее у Австрии.

В разных концах Европы приняли сей неблагоприятный поступок за сигнал к действию — у других государей тоже были свои армии, другие государи тоже думали о приумножении величия своих владений, а австрийские земли были так широко раскиданы по Европе, что редкое государство не граничило с какой-нибудь областью, принадлежавшей Габсбургам. Посему Франция, Саксония, Бавария и даже далекая Испания начали воевать с наследницей Карла Шестого. — Фридрих в этих войнах блистал и торжествовал. Он совершал молниеносные походы, одерживал разгромные победы; чтобы дать своим воинам отдых, заключал мир, а лишь армия восстанавливала силы, нарушал мир и налетал на вчерашних союзников.

Мы в эти войны пока не вступали, но у нас был союз с Австрией, и Фридрих очень хотел сей союз расстроить. «Я не пощажу денег, чтобы теперь привлечь Россию на свою сторону, иметь ее в своем распоряжении», — писал он своему посланнику в Петербург (*Соловьев. Кн. XI. С. 237*). Но в Петербурге против Фридриха был канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

Мы оставили Алексея Петровича в октябре сорокового года на словах, обращенных к Бирону: «Кроме вашей светлости, некому быть регентом». За свои слова он поплатился через месяц, когда был низложен вместе с Бироном, посажен в крепость и

сослан. Через полгода, однако, по доброте Анны Леопольдовны, его воскресили, а после революции Елисаветы Петровны он занял в новом правительстве место, бессменно занимаемое прежде Остерманом: то есть стал ведать всей иностранной политикой державы.

Он брал немалые деньги и получал великие подарки от австрийского, английского и саксонского посланников: счет шел на десятки тысяч рублей и дукатов, — то было принятие естественной благодарности за здоровье, потраченное для поддержания союзных отношений с Австрией, Англией и Саксонией (*Анисимов 1986. С. 97*). Но у него имелись собственные, твердые и последовательные мнения о правилах нашей иностранной политики; сам он называл эти правила системой Петра Великого, его враги называли системой Бестужева.

Россия тогда располагалась на том же месте, что ныне, — на востоке Европы. Главными ее соседями были, если следовать от северных пределов к южным, — Швеция, Польша, Австрия и Оттоманская Порты (Турция). В другом конце Европы — на западе — тоже, как и сейчас, находились две другие сильные державы: Англия и Франция. Между ними и нашими главными соседями лежали территории государств помельче — Пруссии, Саксонии, Голштинии, Баварии и многих прочих, чья сила измерялась родственными отношениями их владетелей с королями могущественнейших держав.

Когда Петр Великий стал доказывать миру, что мы тоже люди, он начал воевать с Швецией и Портой за выход к Балтийскому и Черному морям. С Портой он не справился, а у шведов кое-какие земли забрал и даже поставил новую столицу на финских болотах, когда-то подконтрольных шведскому королю. В Швеции очень обижались на потерю болот, в Турции ожидали новых приступов к Черному морю и время от времени поощряли превентивные набеги крымских татар на Кубань и Запорожье.

Чтобы не остаться в одиночестве перед лицом Порты и Швеции, еще при Петре Первом стали искать дружбы с европейскими державами. Установили согласие с Англией, и Англия теперь торговала с нами самым быстроходным способом — по морям. Заключили союз с Австрией, и теперь можно было рассчитывать на австрийскую военную подмогу при спорах с Портой. Хотели породниться с Францией, выдав Елисавету Петровну за Людовика XV-го, но французы имели свои укорененные понятия о политических балансах в Европе и женили своего Людовика на дочери польского короля Станислава Лещинского.

Итого: за время, протекшее после смерти Петра Великого и до восшествия его дочери — то есть за то время, пока нашу ино-

странную политику вел Остерман, — запечатлелась такая система: Франция поддерживает Порту и Швецию и стоит против Австрии и Англии, Россия стоит против Порты и Швеции и поддерживает Австрию с Англией.

С конца 1740-го рокового года в этой системе возник еще один элемент, как выяснилось впоследствии, — разрушительный: Пруссия.

По естеству своего интереса к владениям Габсбургов Франция быстро нашла общий язык с Фридрихом, зачинателем нападений на Австрию. Но у Австрии был неприятный друг на востоке: и в Берлине и в Париже помнили, что в Петербурге давно хотят стать миротворцами Европы — еще в 1734-м году, когда во Франции собирались вернуть на осиротевший польский престол своего тестя — Станислава Лещинского, пришла русская армия под командой Миниха и рассеяла возле Гданска французов, посланных на помощь Станиславу.

Посему, приступая в начале сороковых к дележу габсбургского наследства, и в Берлине и в Париже думали о том, как обезопаситься от русской армии. За неимением возможности вернуть ее немедленно к Уральским горам следовало придумать иные приемы: для начала заключить союз с Россией, чтобы прекратить ее дружелюбие к Австрии, а заодно и к Англии.

Из Берлина и Парижа казалось, что в Петербурге готовы к перемене системы: новая русская императрица Елисавета Петровна ласкова с французским посланником Шетарди — своим старым другом — русская императрица помнит, как Шетарди поддерживал ее душевно и чуть-чуть материально в тяжелом для нее 1741-м году; при новой русской императрице новый двор: Шуваловы и Воронцовы — они французы в душе и делают все, чтобы Россия и Франция стали друзьями; при новой русской императрице безотлучен ее верный хирург Лесток, получающий французский пенсioen, — словом, есть все условия для перемены. А переменятся отношения с Францией — переменятся и с Пруссией, благо прусский король усердно хлопочет о мире и дружбе: своему посланнику выдал мешок денег для подготовки умов к перемене системы; публично советовал упрятать свергнутую Брауншвейгскую фамилию поглубже на русский север; едва услышал о том, что в Петербурге какие-то Лопухины клянутся именем австрийского посланника Ботты — потребовал у Марии Терезии суда над ним.

Но все французские и прусские интересы разбивались, как волны о скалу, — об Алексея Петровича Бестужева-Рюмина.

Когда Бирон возвел Алексея Петровича на место Волынского, тот застал там Остермана с уже отлаженной системой иностранной политики. Кое-что в этой системе, действительно, ос-

тавалось от времен Петра Великого, кое-что отрегулировал сам Остерман. — Остерман был великий лис не только по части стяжания внутренней власти, но и во внешних сношениях империи. Не имея какого-то своего маршрута странствований России по тропам истории, он отлично ориентировался в ближнем времени, действовал по ситуации, и нюх всегда подсказывал ему, куда вести империю завтра — в победоносный поход против турок, на счастливую осаду Гданска или на вечную дружбу с Австрией. О том, что будет послезавтра, он, кажется, не загадывал: придет день — будет пища.

После того, как Остерман уехал под конвоем умирать в Березов, Бестужев остался один на один с системой, сложившейся к последнему дню остерманова правления, и сделался ее верным цербером. Лихое начало царствования Фридриха Алексей Петрович понял как очевидное доказательство правоты системы и неуклонно докладывал государыне, что, ежели потворствовать прусскому королю, как это делают французы, недалек час, когда Пруссия, поглотив своих соседей, станет граничить с Россией, а там близка беда: пойдет ломить на Москву. «Коль более сила короля прусского умножается, толь более для нас опасности будет, — пророчил Алексей Петрович, — и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа толь обширной империи приключиться может» (*Из письма А. П. Бестужева-Рюмина к М. И. Воронцову от 11 августа 1744 // Соловьев. Кн. XI. С. 270*).

Что же до французов, то еще Остерман говорил, что «французское намерение ни к чему иному клонится, кроме чтоб наперед военный огонь везде запалить, а потом, получа чрез то свободные способы, свои дальние виды тем скорее и лучше в действо производить» (*Из инструкции А. И. Остермана послу в Париже А. Д. Кантемиру от марта 1741 // Соловьев. Кн. XI. С. 89*). — Бестужев был того же мнения.

Посему государыня слушала забавную болтовню Шетарди, благосклонно принимала комплименты от Фридриха и предоставляла своему канцлеру хранить систему без порушений: с Англией союзничали, с Австрией не порывали, с Францией и Пруссией не ссорились, но союзных сношений не заводили. Французская дипломатия пробовала свалить канцлера интригами, но канцлер поставил дело так, что повелением Елисаветы Петровны французский посол маркиз Шетарди был выслан домой, а французский пенсионер доктор Лесток — сослан в Сибирь. Фридрих предлагал Бестужеву сто пятьдесят тысяч — сумму, превосходящую все австрийские и английские дары (*Анисимов 1986. С. 96*). Но Алексей Петрович был тверд, от прусского пособия отказался и продолжал держать систему бульдожьей хваткой.

Один раз только прусский король обыграл нашего канцлера, да и то мнимо — когда стали искать невесту Петру Федоровичу: вопреки воле Алексея Петровича выбор пал на дочь принца Ангальт-Цербстского, фельдмаршала прусской службы. Фридрих похвалялся, что этот выбор — его рук дело, совершенное для приручения России. Впрочем, похвалялся напрасно: выигрыш был сугубо платонический — то есть обманный. Никакой выгоды из женитьбы русского великого князя Фридрих не выжал, ибо в персоне Петра Федоровича он и без дополнительных усилий имел верного подражателя, а юная принцесса Цербстская была совсем не той особой, которую кто-то мог сделать своим орудием. Ее несчастный супруг говорил впоследствии, что такие, как она, «выбрасывают лимон, выжав из него сок» (*Дашкова. С. 47*). Был ли он прав — рассудит время. А пока он не является еще ее супругом и даже не знает, как выглядит его невеста.

21 января 1744 года Елисавета Петровна отправилась из Петербурга в Москву. В прошлый приезд здесь, в священном центре империи, совершилась ее коронация и состоялось провозглашение ее наследника. Теперь предстояло провозглашать его невесту.

9-го февраля, накануне дня рождения великого князя, невесту привезли.

Ей шел пятнадцатый год, но возраст расцвета еще не наступил. Только опытный живописец (см. среди иллюстраций портрет работы Каравакка) мог обнаружить в ее облике тот образ самодержавной оболъстительности, который переменил бы мнение Елисаветы Петровны. Но поверхностный взгляд не отыскивал ничего примечательного: лицо узкое, щеки бледные, подбородок тяжелый — словом, не сравнить с румяной русской красотой императрицы.

Подбородок выдавал натуру, и если бы Елисавета Петровна училась физиогномике, она, может быть, угадала бы по этому подбородку и будущее честолюбие, и будущее сластолюбие, и будущую гордыню. Но физиогномика тогда младенствовала, и Елисавета Петровна доверялась больше собственным впечатлениям: девочка выглядела скромницей — тихой, вежливой, кроткой, послушной; такая не оспорит первенство государыни на маскарадах, и судьба ее была решена: сразу по приезде в Москву к ней приставили трех учителей — один должен был наставлять ее в православном законе, другой — в русском языке, третий — давать уроки танцев.

Принцесса с немецкой аккуратностью ревностно приступи-

ла к занятиям. Через три недели она чуть не умерла — от усердия, как сама объясняла впоследствии. Она учила русский язык днем и ночью — ночью, тайком вставая с постели, не одеваясь и не обуваясь. Стояла зима. В покоях невесты хорошо топили, но от хождения по русскому полу босиком через несколько дней у нее начался озноб, затем жар, и она впала в забытье. Государыня Елисавета Петровна всполошилась и самолично стала следить за историей болезни. Пустили кровь. Принцесса очнулась. Затем опять озноб, опять жар. Опять пустили кровь.

«Я оставалась между жизнью и смертью в течение двадцати семи дней, в продолжение которых мне пускали кровь шестнадцать раз и иногда по четыре раза в день», — с немецкой пунктуальностью считала она дни, безвозвратно теряемые для заучивания русского языка (*Екатерина. С. 257—259*).

Принцесса ожила к первым листьям. 21-го апреля, в день своего пятнадцатилетия она вышла наконец из своей комнаты. Лицо ее еще более вытянулось, похудело и побледнело. Государыня своеручно послала ей румяна, она посетила придворный обед и продолжила занятия языком.

К лету 1744 года она выучила православный символ веры, 28-го июня была торжественно крещена, наречена Екатериной и 29-го июня, в Петров день, обручена с русским великим князем. Имя выбрали осмысленно: «се паки Петр с Екатериной веселя общего причиною» (*Ломоносов. Т. 8. С. 128*).

Жизнь невозможна без уподоблений: хотя ни одно из ее мгновений не возвратимо, хотя сила вещей действует в каждое из них с неповторимым отличием и ни одна вещь не воспроизводит другую, — мы обречены бесконечно имитировать образы прошлого: таково устройство нашего мозга. Все новое — это новорожденное старое: Петр Федорович — новый Петр Первый; ему предстоит в светлом будущем достроить здание империи, начатое его великим дедом; он придаст державе стройный вид и наконец введет течение ее истории в строгие берега.

К новому Петру прилагается новая Екатерина — она принесет царю сына, который станет хранить достроенную отцом Россию. Наследника ни в коем случае не назовут именем отца и сына Петра Первого — Алексеем: Алексей — роковое имя нашей истории, символ конца времен, знак той России, что навсегда покинута во мраке веков вместе с ее последним царем — тишайшим Алексеем Михайловичем и несбывшимся наследником — предателем Алексеем Петровичем. Если снова назвать царевича Алексеем — и этой России придет конец, а потомки дома Романовых рассеются по свету.

Разумеется, наследник новых Петра и Екатерины будет но-

сильное имя, уподобленное имени Петра Великого: в выборе имени для своих будущих царей мы не выходим пока за границы своей империи и не ставим себе в подражание ни Александра, царя Македонского, ни Константина, кесаря Византийского — это дело будущее.

Впрочем, и рождение нового наследника — тоже дело будущее: придется ждать десять лет. Будем ждать. Все впереди.

А ныне Россия веселится о новых Петре и Екатерине.

* * *

Они виделись почти всякий день. Но как-то не высекалось между ними тех искр, из которых возгораются страсти. Великий князь был очень живой, подвижный и веселый мальчик и, конечно, ждал, что невеста полюбит его — кто ж в шестнадцать лет не желает быть любим, да еще имея предмет для любви на таком кратком расстоянии?

Но чем он мог разбудить ее воображение?

Своей внешностью? — Увы, он был долгоног, шупл телом, а перед Рождеством 1744 года заболел оспой, и к следующей весне на лице его навсегда запечатлеются следы болячек.

Своим обхождением? — Но в шестнадцать лет редко кто владеет наукой любви, и великий князь не был исключением.

Игрой в войну? — Но, во-первых, в войну девочки играть не любят, во-вторых, тетушка запрещала ему играть в войну, а невеста ни за что не стала бы делать что-то тайком от императрицы, ибо ясно видела, кто в России главнее всех и кто определяет ее будущую свадьбу и судьбу.

Может быть, он рассказывал ей про то, как в пору его голштинской жизни отец посылал его во главе военного отряда на истребление воровской шайки цыган, бесчинствовавших в окрестностях Киля, как он долго преследовал разбойников и как ловко наконец одержал решительную победу. Он любил рассказывать эту историю, когда подрос (см. *Екатерина. С. 142*). Мы не знаем, слышала ли ее принцесса Цербстская в первые месяцы ее здешней жизни. Если слышала — вряд ли эта история могла внушить ей чувство к жениху: даже если она не спрашивала из вежливости, сколько ему было лет, когда он свершал свой подвиг, то в уме, конечно, подсчитала, что лет шесть-семь и что все сие — ребяческая выдумка.

Чем еще?

«Он был для меня почти безразличен, — вспоминала она на склоне лет свое терпеливое ожидание свадьбы, — но не безразлична была для меня русская корона» (*Екатерина. С. 260*).

И, натурально, он чувствовал за ласковой приветливостью невесты ее душевный холод, и будь у него своя воля, то выбрал

бы другую. — Но своей воли ему не давали, императрице невеста угождала, и ему не приходилось задумываться о том, как сделать свою судьбу менее трагической. Он был человек легкий и не склонный к рефлексиям: не другая, так эта — зато перевоспитанием донимать перестанут и собственный двор будет.

21-го августа 1745 года их обвенчали.

* * *

Он так и не смог разбудить в ней никакой другой страсти, кроме честолюбия, и оба начали совместную жизнь с взаимной обиды. — Объясниться словами там, где все слова запретны, не могут даже люди, всецело преданные друг другу — что ж спрашивать с двух юных особ, одной из которых ее избранник безразличен, а другому его избранница не понятна?

Желая ее развлечь, он раскладывал по постели куклы⁴⁵ и хотел, чтобы она играла вместе с ним. Наверное, сам того не понимая, он искал язык, которым можно было бы заменить запретные слова. — Она не умела понять его языка.

Он устраивал в ее комнате маскарады⁴⁶ — вся их свита, включая ее горничных и его лакеев, наряжалась в маскарадные платья и танцевала до упаду. — Она тоже наряжалась, но вместо участия во всеобщем веселье ложилась на канапе под предлогом усталости.

Он играл на скрипке⁴⁷. — Звуки скрипки царапали ее слух, как железо — стекло.

Он придумал в своих покоях кукольный театр⁴⁸ и очень забавлялся представлениями, которых сам был главный режиссер. — Она зевала на его спектаклях и ждала занавеса.

Он просверлил дыры в заколоченной двери, отделявшей его комнату от покоев императрицы⁴⁹, и звал ее смотреть, как тушка обедает с Разумовским. — Она наотрез отказалась.

Он делал военные учения своей свите⁵⁰: все — от камергеров до садовников — стояли в караулах, маршировали в разводах и упражнялись в ружейных приемах. — Она пожимала плечами и уходила читать Вольтера и Монтескье.

Он завел свору собак и стал их дрессировать⁵¹. — Она морщилась от лая, вони и щелканья кнута.

Ей было невыносимо скучно и досадно с ним⁵².

Об их тогдашней жизни сохранилось красноречивое письмо — его к ней: «Madame, Je vous prie de ne point vous incommoder cette nuis de dormir avec moi car il n'est plus tems de me tromper, le let a été trop étroit, apres deux semaines de séparation de vous aujourd'hui apres mide. — Votre tres infortuné mari qui vous ne daignez jamais de ce nom Peter. Le... Xr 1746». — Мы сохранили орфографию и из скромности отправили перевод письма в

примечания⁵³, ибо по-русски эта петиция выглядит еще жалобнее, чем в оригинале.

Впоследствии она сама говорила, что он почему-то всегда питал невольное к ней доверие⁵⁴, тем более необъяснимое, что она его всегда от себя отодвигала.

Но, натурально, доверие доверием, а жизнь идет своим чередом, и великому князю тоже бывало досадно наедине с ней, а поелику он был человек легкий, то скоро возле него появились девицы и не девицы, которым с ним досадно не было.

Он не умел притворяться и без всякого злого умысла рассказывал ей о своих амурах⁵⁵ и в ее присутствии кокетничал с ее фрейлинами. — Она была оскорблена, ибо не могла завести в отместку свой роман. И по придворным рассказам, и по собственной недолгой жизни здесь она должна была заметить, как опасна в России неразрешенная любовь: в лучшем случае ее избранника разжалуют в солдаты, в худшем — ее саму сошлют в монастырь. Еще когда она была только невестой, трех братьев Чернышевых из свиты великого князя арестовали по подозрению в продерзостных соблазнах, не разбираясь, который из братьев более других ей приветлив⁵⁶. Она не могла положиться ни на одну из своих горничных — стоило кому-то из комнатных девушек стать ее любимицей — ее тотчас выдавали замуж и она бесследно исчезала из виду великой княгини. Наверное, государыня Елисавета Петровна по собственной разгульной молодости помнила, что любимица горничная — незаменимая персона при свиданиях. — Значит, Екатерина могла добыть себе избранника только при намеренном попустительстве государыни. Способ получить попустительство был, но для того чтобы его использовать, пришлось ждать семь лет.

Новых Петра и Екатерину берегли и сохраняли так, что ни он, ни она, ни они вместе не делали за пределами своих комнат ни шагу без личного дозволения государыни. Они обязаны были сопровождать ее во всех ближних и дальних путешествиях, танцевать на всех балах и присутствовать на всех увеселениях. Без ее ведома они никого не могли принимать в своих апартаментах. Революция сорок первого года была слишком свежа в памяти: Франция и Пруссия продолжали искать себе в Петербурге партизан, чтобы, свалив канцлера Бестужева, переменить политическую систему России, и для того могли заманить в свои сети их императорские высочества. Время от времени проносились слухи о покушениях на здоровье и жизнь императрицы или являлись сами покушители. Как-то раз во время охоты под Мытищами к великому князю подъехал один поручик и, поклявшись в верности, сказал, что готов на все. Великий князь испугался и ускакал от

опасного поручика, а на следствии выяснили, что тот злоумышлял поднять полк, в котором служил, против императрицы для возведения великого князя на престол⁵⁷. Другой раз под подушкой государыни нашли заговоренные коренья и поняли, что кто-то хочет извести ее жизнь тайными чарами⁵⁸. Призрак заговора парил над альковом Елисаветы Петровны — она велела переставлять кровать из одного угла опочивальни в другой, заколачивать те двери, которые сегодня служили парадными, и распечатывать забитые двери с черного хода; у нее не было определенного часа для отхода ко сну, для обеда или для одевания, так что никто из посторонних никогда не мог с точностью знать, где и что делает сейчас государыня. Посему свиту для новых Петра и Екатерины подобрали такую, чтоб императрица могла знать о каждом их движении, несущем угрозу государственной безопасности.

Им предоставляли апробировать будущую власть на ограниченных территориях: государыня подарила племяннику вотчины под Петербургом и Москвой — Ораниенбаум и Люберцы — им было чем заняться, кроме балов, маскарадов и куртагов. Государыня смотрела на их жизнь по-семейному: прежде чем допускать племянника и невестку до державных занятий — пусть со своим хозяйством управятся; пусть голштинский бюджет приведут в равновесие; пусть в Ораниенбауме строительство заводят; пусть мебель покупают, цветники разводят да долгов не делают. Сама государыня жила так в цесаревнах при покойной Анне Иоанновне: и на выходах обязана была присутствовать, и своим Царским Селом управляла неслышно, и в государственные дела не мешалась. Их дело сейчас — родить наследника, чтобы, упаси Боже, не пресеклась отрасль корени Петра Великого и Россия снова не вверглась в пучину революций.

Однако наследник не родился ни в первый год после свадьбы, ни во второй, ни в пятый, ни в седьмой.

* * *

Весной 1752 года на домашних концертах великого князя все чаще стал появляться камергер Сергей Салтыков. «Он был прекрасен, как день, — вспоминала Екатерина через много лет, — и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, которые дают большой свет и особенно двор. Ему было 26 лет; вообще и по рождению и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся».

— А ваша жена, — спросила она его, когда он впервые признался ей в своих мечтах, — жена, на которой вы женились по

страсти два года назад, в которую вы, говорят, влюблены и которая любит вас до безумия, — что она об этом скажет?

Салтыков отвечал, как обычно отвечают на такое кокетство — что дорого приходится расплачиваться за ошибки юности, что ослепление прошло, что не все золото, что блестит...

— Почему вы знаете, может быть, мое сердце занято? — спрашивала она (*Екатерина. С. 352—353*).

Но он видел, что соперников ему нет и что она с каждым днем слушает его внимательнее. Эти разговоры украдкой — во время танцев, концертов или охоты — продолжались несколько месяцев, пока о них наконец не доложили государыне. Тогда Елисавета Петровна призвала к себе Марью Чоглокову (Марья Чоглокова заведовала свитой великой княгини и следила за ее благонравием; ее муж делал то же в отношении великого князя).

Если государыня бывала чем-то недовольна, она никогда не начинала с того, что ее беспокоило, а по обыкновению всех истерических женщин хватывалась за какой-нибудь предлог и долго надо было слушать ее гнев, пока поймешь, чем же, собственно, она встревожена⁵⁹. Так и в тот день она начала выговаривать Чоглоковой за то, что великая княгиня вечно одета в костюм для верховой езды, что она слишком много времени проводит на коне, что она ездит на мужском седле, что костюм ее неприличен, что сама государыня, если и надевает мужскую одежду, то лишь только сходит с коня, тотчас меняет платье, что вообще такая манера ездить верхом опасна для женского здоровья, что из-за этого великая княгиня не может родить...

Тут Чоглокова осторожно заметила, что рождению детей предшествуют другие причины и что, быть может, великий князь такой причины совершить не может⁶⁰. — То была первая страшная месть новой Екатерины новому Петру за семь лет скуки и досады.

Видимо, государыня была слишком опешена таким объяснением, ибо учетверила свой гнев и стала кричать, что Чоглокова должна усостыжить их императорские высочества, что она взыщет с нее за небрежение своими обязанностями и что Чоглокова и ее муж позволяют водить себя за нос соплякам.

Вся эта сумесица, несмотря на видимую несвязность ее наката, была вполне логична и имела смысл: государыня желает иметь внука, но государыня не желает знать, что причиной его появления может стать кто-то другой, кроме великого князя. Соплякам оставалось только сделать из этих посылок вывод: если Екатерина будет встречаться с Салтыковым менее заметно для глаз окружающих, а после родит — то ни ему не грозит крепость, ни ей монастырь.

Но родить сразу после стольких лет нежелания родить — трудное дело. Под Рождество 1752-го случился выкидыш. В 1753-м, на другой день после Петрова дня, — новый выкидыш (см. *Екатерина. С. 358, 363*).

Посему, когда в феврале 1754-го в третий раз обнаружили признаки появления наследника, велено было не позволять Екатерине никаких резвых увеселений и окружить ее неусыпным надзором.

* * *

Впоследствии, составляя записки о своей молодости, она намекала, что великий князь Петр Федорович к рождению своего сына причастен не был. О том же она почти прямо рассказывала в середине семидесятых годов Потемкину⁶¹. Может быть, такой рассказ гулял по придворным углам и сам по себе, без ее подсказки — все знали про ее роман с Салтыковым.

Впрочем, гуляли и не такие рассказы — про нее саму украдкой говорили, что ее настоящим отцом был Иван Иванович Бецкий, во времена своей молодости служивший при русском посольстве в Париже и там познакомившийся с княгиней Цербстской, будущей матерью Екатерины. «Екатерина II была очень похожа лицом на Бецкого, — повторяли наблюдательные современники, — обращалась с ним как с отцом...» (*Греч. С. 125*).

Зачем фантазировали про Бецкого — известно и понятно: в русской императрице хотели найти родную кровь. Зачем она рассказывала про Салтыкова, тоже понятно и известно — чтобы уравнивать права сына со своими правами: в начале семидесятых ее сын, тот самый, которым она сейчас брюхата, входил в совершеннолетие; Петр Федорович к этому времени был уже более десяти лет умершим при невыясненных обстоятельствах, а она — более десяти лет императрицей, захватившей власть у покойного мужа и не делящейся ею со здравствующим сыном, хотя по справедливости сын на престол право имел, а она не имела: она была только вдовой русского царя — урожденной немецкой принцессой, а сын считался сыном русского царя, правнуком Петра Первого; значит, если сын Петра Федоровича — не его сын, он и прав на престол имеет не больше, чем она. — Все это известно и понятно.

И мы доверчиво пересказали на предыдущих страницах те фрагменты мемуаров Екатерины, которые повествуют о начале ее романа с Салтыковым. Но вот время доходит до февраля 1754-го, и доверие наше иссякает. Неизвестно и непонятно: состоял ли Салтыков в то время в тех с ней отношениях,

на которые она так усиленно намекает? — Конечно, может статься, она сама не знала, кто из двоих отец ее сына. Но даже если не знала тогда, то с течением жизни, наблюдая за сыном, должна же была убедиться, что Салтыков тут ни при чем: по мере взросления сына ей придется ведь замечать, как сквозь ретушь изысканного воспитания в нем все явственнее станут проступать следы голштинской породы ее законного супруга.

Салтыков здесь при том лишь, что тогда, в начале пятидесятых, она на самом деле была им увлечена до такого градуса, что ради своей свободы начала пускать в глаза государыне туман о причинах и следствиях, а когда государыня, поверив, стала попустительствовать, ей пришлось поддерживать свое право на попустительство новыми и новыми беременностями до тех пор, пока наконец не родился сын.

По ее собственным словам, его высочество Петр Федорович, по обыкновению насмешничая, сказал однажды:

— Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность.

Слышавшие эти опасные речи, немедленно прибежав к Екатерине, пересказали, на что она, естественно, возразила:

— Вы все ветреники; потребуйте от него клятвы, что он не спал со своею женою, и скажите, что если он даст эту клятву, то вы сообщите об этом Александру Шувалову.

Начальник Тайной канцелярии Александр Иванович Шувалов был на ту пору заведующим штатом и двором великого князя и по служебному долгу обязан был докладывать государыне о происходящем в великокняжеском семействе. Посему, когда великому князю передали ответ супруги, он спрятал свой длинный язык:

— Убирайтесь к черту и не говорите мне больше об этом (см. *Екатерина. С. 430*)⁶².

Однако сейчас сын еще не родился. Все ждут. На дворе сентябрь 1754-го. Завыл Борей. С залива несутся тучи. Наводнения еще не было. Их императорские высочества имеют честь пребывать в Летнем дворце — напротив Летнего сада, между Фонтанкой и Садовой. На среду, двадцатое сентября, намечен переезд в Зимний дворец — там для великой княгини приготовлены комнаты, смежные с покоями государыни, где ее ждет скука смертная. Государыня приготовилась чуть ли не своеручно принимать роды.

Но переехать в Зимний не успели. В ночь с девятнадцатого на двадцатое у великой княгини начались схватки. Разбудили великого князя, тот послал сказать государыне. Елисавета Петровна всполошилась, прилетела в Летний дворец и с двух ночи сидела возле невестки.

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

«Родившийся между 15 дня сентября до 13 октября бывает частию флегматик, мужественного нрава, имеет великой лоб и широкия брови, в плечах силен <...>. Скор к гневу, но скоро и отходит <...>. Охотно слышит о себе похвалы; смирен, но если кто его озлобит или крайне обидит, против того бывает злопамятен <...>. Смерть ему последует от злой женщины. И если благополучно переживет 42-й год, то будет жить до 99-ти лет» (*Астрологический календарь. С. 36—37*).

* * *

Двадцатого сентября, в среду, в десятом часу утра, сын родился. Тотчас Елисавета Петровна призвала своего духовника, и младенец был назван Павлом. Государыня велела спеленать наследника, акушерка взяла его на руки, и оне удалились из комнаты Екатерины, оставив ее выздоравливать.

Часа через три к ней заглянули и, увидев, что она продолжает лежать на той же кровати, велели позвать акушерку. Акушерка пришла, извиняясь тем, что государыня не отпускала ее ни на минуту, приказывая заниматься новорожденным. Екатерине помогли перейти на другую постель и снова оставили одну. Пока она, стелая на своем одиноком ложе, приходила в себя, государыня торжествовала рождение наследника.

ОПИСАНИЕ

ТОРЖЕСТВА, БЫВШЕГО ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНИЯ И КРЕЩЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

«1754 года, сентября 20-го дня, пред полуднем в 10-м часу, всемогущая Божия благодать обрадовала Ея Императорское Величество, нашу всемилостивейшую Государыню и всю здешнюю империю младым Великим Князем, которым Всевышний супружество Их Императорских Высочеств благословил и которому наречено имя Павел.

Сия всеобщая радость объявлена была того же дня двести одним пушечным выстрелом с обеих здешних крепостей <...>.

На другой день поутру отправляемо было всем духовенством торжественное благодарное молебствие. <...>

25-го числа сего месяца действительно совершилось крещение высокоупмянутого новорожденного Великого Князя. <...>

Потом следовало пение: *Тебе Бога хвалим* и в то же время производилась с здешних одних крепостей пушечная пальба тремя стами одним выстрелом и при всех церквах был колокольный звон. <...>

Того же дня всемилостивейше соизволила Ея Императорское Величество пожаловать Их Императорским Высочествам,

Великому Князю сто тысяч рублей, а Великой Княгине сто же тысяч рублей, да бриллиантовый богатый убор на шею и серьги; а при том еще повелеть изволила, чтобы всем лейб-гвардии полков солдатам, матросам и другим им подобным по рублю на человека роздано было <...>. — Вечеру все дома в городе иллюминированы были» (Порошин. Ст. 597—601).

ИЛЛЮМИНАЦИЯ

На площади, окруженной колоннами, возведена гора. На горе храм — се Храм Российския Империи. На храме — великообширное *E* — вензель имени Ея Императорского Величества. По-над *E* сияет соразмерной громадности глаз — Око Божия Провидения.

Пред входом в храм — герб Российския Империи.

По обе стороны герба — статуи, знаменующие великие дела, коими Ея Императорское Величество Храм Российския Империи обновила, укрепила и украсила. Одна статуя есть Премудрость Ея Императорского Величества, другая — Ея Храбрость, третья — Установление законов, четвертая и пятая — Распространение наук, художеств и купечества, шестая — ужасное Приращение государственной силы.

Меж колонн, окаймляющих площадь, стоят лавровые деревья и бюсты вечнодостопамятных российских самодержцев, к построению Храма Российския Империи такую великую площадь приуготовивших. Се — Петр Великий и его Екатерина, затем — Алексей Михайлович и Михайло Феодорович, далее Иоанн Васильевич Грозный и дед его, Иоанн Васильевич тож, а после — Димитрий Донской, Александр Невский, Владимир Мономах, Ярослав Мудрый, Владимир Святый, Святослав, Ольга и Рюрик.

Десять тысяч ламп освещают картину. И все сие горит, блещет, пламенеет⁶³.

* * *

Два человека только не веселились вместе со всеми — младенец и его мать. «Обо мне и не думали, — вспоминала она впоследствии обиду первых дней после рождения сына. — Я то и дело плакала и стонала в своей постели <...>. Я никого не видела и никто не справлялся о моем здоровье; великий князь, однако, зашел в мою комнату на минуту и удалился, сказав, что не имеет времени оставаться. <...> Его императорское высочество с своей стороны только и делал, что пил с теми, кого находил, а императрица занималась ребенком. <...> Наконец великий князь, скучая по вечерам без моих фрейлин, за которыми ухаживал, пришел предложить мне провести вечер у меня в

комнате. <...> Я заметила, что оне все либо наперсницы, либо любовницы великого князя <...>. Тогда он ухаживал как раз за самой некрасивой: это была Елисавета Воронцова. На шестой день были крестины моего сына; он уже чуть не умер от молочницы. Я могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно. Она и без того взяла его в свою комнату и, как только он кричал, она сама к нему подбегала, и заботами его буквально душили. Его держали в чрезвычайно жаркой комнате, запеленавши во фланель и уложив в колыбель, обитую мехом чернубурой лисицы; его покрывали стеганым на вате атласным одеялом и сверх этого клали еще другое, бархатное, розового цвета, подбитое мехом <...>. Пот лил у него с лица и со всего тела, и это привело к тому, что, когда он подрос, то от малейшего ветерка, который его касался, он простужался и хворал. Кроме того, вокруг него было множество старых мамушек, которые бестолковым уходом, вовсе лишенным здравого смысла, приносили ему несравненно больше телесных и нравственных страданий, нежели пользы» (*Екатерина. С. 378—379, 381, 404*).

Так началась жизнь последнего русского царя осмнадцатого века.

Мамушек его звали: Матрена Константиновна, Катерина Константиновна, Татьяна Афанасьевна, Анна Даниловна, Матрена Димитриевна, Мавра Ивановна, Дарья Володимировна; кроме них, также были бабушка Фандершар, мамушка Фусадье и еще несколько женщин разного возраста и происхождения (см. *Порошин. Ст. 602, 604*). Между ними он жил до шести лет, пока заведовать его воспитанием не был назначен Никита Иванович Панин, наш бывший посланник в Швеции.

Как ни странно, об этих первых шести годах его жизни сохранились хотя разрозненные, но зато яркие личные воспоминания. — Среди его учителей был молодой кавалер Семен Порошин, преисполненный великой идеей воспитать для России царя мудрого и благого и записавший воспоминания своего воспитанника о его младенчестве и первых годах после младенчества. Вот из этих воспоминаний некоторые пассажи:

«1755 году <...> увидел в окно, что один истопник в воде, оборвавшись с плоту, утонул было; на глазах Его Высочества из воды его вытащили, что ему весьма чудно показалось. <...>

На помочах водила тогда Матрена Константиновна. <...>

В том же году церемониальный был переезд из Летнего дворца в Зимний. Покойная государыня <Елисавета Петровна> держала Великого Князя на руках. <...>

1756 году, в день Богоявления, увидел Великой Князь нищего; испугался, лег в постель и приказал закрыть окна, и после того боялся нищих. <...>

Весьма любил всяких тварей: собачек, кошечек и тому подобных, особливо кошек. <...>

1757 год. <...> Как Петр Иванович Панин с известием о Эрнсдорфской баталии, с трубящими почталионами, в Сарское Село приехал, то Великий Князь испугался. Тот день был ужасный гром. <...>

Червей летом по садам было много. Жар был ужасной. <...>

1758 год. <...> В сем году приехал Федор Дмитриевич Бехтев. Великой Князь до его приезда очень боялся, думал, что наказывать будет. <...>

Федор Дмитриевич <...> подарил Его Высочеству карту российскую, на пергаменте. На оной карте означены только границы России; також главные города и реки; дабы явственнее в глаза металась — надпись на ней следующая: «Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю Павлу Петровичу. — Здесь видишь государь наследство, что славные твои деды победами распространили <...>; к тебе усердствуют народы, всечасно о тебе и мыслят и твердят: ты радость, ты любовь, надежда всех отрад!»

Потом сделали для Его Высочества костяных гренадеров и мушкетеров, у коих на бантах и на шапках французские литеры были. Также сделали деревянных драгун, у коих на бантах русские литеры были. Складам по тому Великой Князь учился. <...>

Была раздвижная крепость с нумерами до осьмнадцати: по ней цифры показывал Его Высочеству Федор Дмитриевич. <...>

Пришел Дюфур снимать на парик мерку <...>; и Фовантен портной пришел, для кафтана мерку снимать <...>. Плакал. Как парик и платье поспели, то няня кропила святою водою. <...>

В этом году трусость напала. Как Катерина Константиновна <...> вошла и дверьми хлопнула, то Великой Князь испугался и бросился под стол, и ухватился за ножку. <...>

В исходе сего году в октябре и ноябре месяцах много резвился мячами, валялся по полу. <...>

1759 год. Она же игра и резвости зимою продолжались. Весною ложился или очень рано, часов в 8-мь вечеру, или уже часу в первом пополуночи, по прихотям. <...>

1760 год. <...> Вступление Никиты Ивановича.

Плакивал прежде за месяц еще до определения его, по рассказам мам <...> для того, что уже рассказано было, что <...> старик угрюмой <...>, что как скоро он определится, то не бу-

дет допускать ни Матрену Константиновну, ни других женщин, и все веселости отнимут. <...>

Сел за стол, и с ним, по обыкновению, Матрена Константиновна, Анна Даниловна <...> и пр. Вдруг растворились двери. Вошел Иван Иванович Шувалов, за ним граф Михайло Ларионович Воронцов, а за Михайлом Ларионовичем — Никита Иванович. Иван Иванович и Михайло Ларионович объявили, что Никита Иванович пожалован к Его Высочеству обер-гофмейстером. То был громовой удар для Его Высочества. Покатились в три ручья слезы и ничего не кушал. <...>

На другой день <...> взошел Никита Иванович, и опять появились слезы <...>. Посадил было Никита Иванович Великого Князя писать: но тот опять новые слезы, стоя, вылил. <...> Ужинать сели <...>. Великой Князь, увидя в дверь Мавру Ивановну, приказал было для ее подать прибор, но Никита Иванович запретил. Слезы пошли; со слезами из-за стола встал, со слезами и в постелю лег. На третий день <...> повел Никита Иванович гулять по саду. Там встретил Его Высочество многих придворных дам и кавалеров и гулял долго; поразвеселился было несколько. Но как пришел домой, увидел, что большой стол накрыт, и многие из гулявших с ним по саду кавалеров у стола поставлены, то взвыл почти во весь голос; не привык в такой компании кушать. <...>

В один праздник был бал. Ея Величество, покойная Императрица <Елисавета Петровна>, изволили присутствовать. <...> Государыня изволила разговаривать с ним с четверть часа, что Его Высочество за особливую почел милость и очень рад тому был, для того, что сие редко случалось; к Великому Князю Ея Величество в год раз или два ходить изволила, не более. Великой Князь во внутренние Ея покои никогда почти не ходил. Нынешняя Государыня <Екатерина> езжать к нему изволила довольно часто. <...>

В протчие будничные дни учился, только не много и ленивеньек был. Как волосы уберут поутру, то должен был идти учиться, а потому, бывало, лишь буклю сделают, то рукою испортит, и Дюфур принужден, бывало, ему переделывать, наконец до того дошло, что во время убирания волос и по-французски учить приказал Никита Иванович. <...>

Увеселялся, между протчим, вот как: сыскал где-то палочку и обруч; связал их вместе, что представляло у него волторну. Оную привязавши на долгую веревку, сбрасывал с балкона вниз; внизу ход по лестнице в сени, и когда проходящим волторною и в голову попадало, Его Высочество забавлялся тем» (Порошин. Ст. 612—614).

Для поощрения в науках и прилежании придумали ведомо-

сти особенного сорта: известия оных касались только успехов и капризов Его Высочества. Ведомости были двух родов — устыдительные и ободрительные. До нас дошли немногие экземпляры, и посему мы не можем сказать твердо: какой из родов преимуществовал — но мы помним, что главные распорядители воспитанием Его Высочества — Федор Дмитриевич Бехтеев и сменивший его Никита Иванович Панин — были людьми просвещенными и благомыслящими и, наверное, понимали, что переизбыток устыжения сеет ипохондрию, вялость усвоения и отвращение к учителям, а посему полагаем, что ободрительных ведомостей было больше, чем устыдительных.

Из сих ведомостей выходило, что вся страна живет единым рвением — узнать о здоровье, усердии и просвещенности Его Высочества правнука Петра Первого. В них сообщалось, что «нельзя ничему утаиться, что б Его Высочество ни сделал; можно смело сказать, что за поступками Его Высочества столько шпионов, сколько людей в Петербурге: все стараются всякими образами ведать, что Великой Князь делает, чтоб по тому рассудить могли, какого он нрава». Гренадеры, стоящие в карауле, портные работники, призванные зашивать порванные сукна, обойщики, оклеивающие дворцовые стены, повара, истопники, дворники, садовники, столяры, плотники, маляры, заезжие и проезжие крестьяне — все, все, все — передают из уст в уста новости о Его Высочестве.

Вот некий путешественник, отставной капитан Правомыслов, разговорился по дороге с неким русским крестьянином, едущим из Петербурга домой в Красное Село.

— Не слышать ли каких новостей? — спрашивает отставной капитан.

— Как, батюшка, не слышать! — отвечает добрый русский крестьянин. — Павел Петрович уже по толкам читает и пишет. Еще бают, что будет разумен, как Петр Алексеевич.

Путешественник веселится от благих вестей, дает крестьянину рубль и думает тако: «Сии вести скоро до Риги, оттуда в Пруссию, а из Пруссии далее в чужие края дойдут, потому что Красное Село лежит на большой дороге к Риге».

Но вот приезжает отставной капитан в Петербург и в тревоге пишет своему московскому приятелю: «Правнук Петра Великого ведет себя не ... Ах! Токмо язык мой не может выговорить, но и мыслить ужасаюсь». Однако скоро он уже торопится возвеселить приятеля: «Теперь я вас, друга моего, обрадую: Его Высочество стал с некоторого времени отменять свой нрав: учиться хотя не долго, но охотно; не изволит отказывать, когда ему о том напоминают; когда же у него временем охоты нет учиться, то Его Высочество ныне очень учтиво изволит гово-

рить такими словами: *Пожалуйста погодите* или *пожалуйста до завтра*, не так, как прежде бывало, вспыхнет и головушкой закинув с досадою и с сердцем отвечать изволит: *вот уж нелегкая!»* (Порошин. Ст. 627—630).

Что же после прочитанного можно заметить?

Что государыня Елисавета Петровна, окутав младенца своеручными заботами при его рождении, скоро оставила его на попечение мамушек и нянюшек до такой степени, что видела внука раза два в год; что родитель, великий князь Петр Федорович, вовсе не запечатлелся в его памяти — значит, наверное, видел его еще реже, чем Елисавета Петровна; что, однако, родительница, великая княгиня Екатерина, напротив, в памяти Его Высочества оставила след, и он даже запомнил, как она к нему приходила (а по некоторым другим известиям мы еще можем добавить, что Елисавета Петровна разрешила ей посещать сына один раз в неделю); что с малых лет ему внушали мысль о его славном происхождении, о его обширном наследии, о его всенародном значении; что дитя, как и всякие нормальные дети в таком возрасте, учиться не любило, а любило резвиться; что в ответ на приглашение к учебе оно капризничало и припадочно закидывало головушку — следствие вольготного мамушкиного и нянюшкиного воспитания; что главным воспитательным средством мамушек и нянюшек был исконный прием народной педагогики — внушение дитяти страха ко всему и всем, находящимся за границами своего, ближнего, домашнего круга лиц; что поэтому Его Высочество так испугался однажды нищего, так забоялся в другой раз трубящих почтальонов, так трусил от стука входной двери, так страшился прибытия Бехтеева («думал, что наказывать будет»), а после — Панина («старик угрюмой»; «все веселости отнимут»); что и Бехтеев и Панин положили много усердия, дабы добиться отвычки от манер, усвоенных Его Высочеством у мамушек и нянюшек; что, поскольку дитя было, как и всякое нормальное дитя, восприимчиво и честолюбиво, — путем системы ободрений и устыжений его убедили в его способностях, трудолюбии, успехах и научили читать и писать...

По отточиям, заключенным в ломаные скобки, просвещенный читатель давно понял, что мы выбрали лишь немногие фрагменты из воспитательных ведомостей и из воспоминаний Его Высочества, записанных кавалером Порошиным. Но, честное слово, даже если бы мы воспроизвели все порошинские записи и процитировали полные тексты сохранившихся ведомостей, — вряд ли можно вывести правдоподобные психологические умозаключения о развитии тех или иных склонностей Его

Высочества за первые шесть лет его жизни, — слишком скудны сведения для таких умозаключений.

Конечно, зная наперед, как сложится его судьба, можно усмотреть в нежелании преодолевать трудности учебы — залог ума разбросанного, в припадочных закидываниях головушки — залог нрава истерического, в накатах страха — залог души подозрительной, а в сопряжении этих свойств — залог беспокойного будущего подданной такому человеку державы.

Но повременим с умозаключениями — слишком скудны пока сведения, да и кто из нормальных детей постоянен, трудолюбив, терпелив, бесстрашен? Вот доживем до 1764 года, когда Порошин, в одушевлении от своей идеи, примется вести поденные записи о жизни своего ученика — и тогда составим подробное расписание наклонностям Его Высочества.

А пока вернемся к жизни взрослых.

* * *

Мы покинули их в минуту высокаторжественную и всерадостную, а вернувшись, находим в состоянии тревожном и опасном.

В год рождения внука государыне Елисавете Петровне исполнилось сорок пять лет. Погрузнев от возраста, она стала величавее в движениях и неукоснительно соблюдала на своем лице вид прежней красоты, а в осанке и одеяниях — прелести былой грации. Но здоровье ее, изнуренное частыми переездами, неумеренностью в кушаньях, многошумными маскарадами и английским пивом, приходило в разрушение.

С осени 1755 года государыня стала кашлять кровью, задыхаться при ходьбе и беседе, зачастила колика, опухали ноги. И хотя о ее трудном состоянии знали только избранные близстоящие, скоро в Петербурге не оставалось человека, который бы не размышлял о том, что будет, если жизнь ее пресекнется: будет новый царь — Петр Федорович, и кто бы что ни говорил о неудовольствии государыни своим племянником и о ее якобы намерении объявить наследником младенца внука, — никаких публичных намеков на то сама она не производила, ибо думать о смерти не хотела. Она пыталась вести прежний образ жизни и в минуты облегчения выходила на балы, на спектакли, на обеды и ужины. Как-то раз, через полгода после начала недуга, она сказала невестке, что теперь чувствует себя значительно лучше.

«Ох, эта колода! Умерла бы она скорее»⁶⁴, — думала невестка, сладко улыбаясь ей в лицо и рассчитывая в уме план своих действий: лишь только она получит известие о последней агонии — то, не мешкая ни минуты, отправится в покои сына; ско-

ро прибудет по ее зову Разумовский, и она передаст Павла ему на руки; тем временем ко дворцу подходят преданные гвардейцы — человек двести пятьдесят — может быть, их помощь не потребуется, но коли вдруг Шуваловы захотят, минуя родителей, объявить младенца Павла императором, чтобы править от его лица, они будут арестованы; уверившись в том, что гвардейцы заняли подступы к дворцу, Екатерина идет в покои к умирающей государыне, куда уже прибыли верные ей близстоящие лица, и лишь только Елисавета Петровна испустит дух — все близстоящие немедленно присягают Его Величеству Петру Третьему и Ея Величеству Екатерине Второй — совместникам в предстоящем царствовании. Что сделается потом с Его Величеством — она тогда еще не рассчитала: может быть, если станет благоразумно себя вести, — то пусть считается императором: не мешал бы только.

За двенадцать лет жизни при русском дворе Екатерина, несмотря на тесно очерченный круг ее жизни, составила себе славу женщины, приятной во всех отношениях. Она похорошела, и то, что некогда, в минуту ее явления сюда, казалось несоразмерностями лица и фигуры, теперь, в пору расцвета, чудесно преобразовалось: не бледность покрывала теперь чело, а гладкая, чистая кожа, своей белизной безукоризненно гармонирующая ровному ряду зубов, живой игре румянца и пышным волнам каштановых волос, всегда уложенных в такую обширную прическу, что ее узкое лицо выглядело совершенно русским; далеко выдающийся нос, благодаря правильной линии переносицы, вырисовывал классический римский профиль; серые глаза — ясные, пронизательные, веселые и томные — отсвечивали лазурными искрами; неловкий рот превратился в живые, улыбчивые уста; когда-то длинная, а теперь стройная шея, гибкий стан и плавные движения казались величавыми, и даже подбородок, по-прежнему выдававший твердую волю, — все придавало теперь ту неизъяснимую женскую силу, которая в приличном обществе называется *du comme il faut*. Не любить эту женщину можно было только будучи отвергнутым ею.

Она старалась угодить всем, и хотя могла быть дерзка и злоязычна в обращении с теми, кто ей особенно досадил, даже Шуваловы, особенно Александр Иванович⁶⁵, обязанный по должности блюстителя великокняжеского двора чаще своих братьев испытывать ее злость, — так вот, даже Шуваловы в трудную для себя минуту могли бы согласиться с объявлением ее правительствующей императрицей (разумеется, если она гарантирует незыблемость их монополий).

Сама государыня говорила, что племянник ее дурак, а вот невестка — очень умна (см. *Екатерина. С. 457*). Сам племян-

ник, как ни избегал общества своей слишком умной жены, в трудные минуты приходил за ее помощью и даже, говорят, передоверял ей, потихоньку от государыни, ведение голштинских дел. «Madame la Ressource», — называл он ее иронически — то есть: *госпожа Подмога*. «Обо мне говорили вообще с довольно большой похвалой, — вспоминала она под старость свои молодые годы, — меня считали умной, и множество лиц, знавших меня поближе, удостоивали меня своим доверием, полагались на меня, спрашивали моих советов и оставались довольны теми, которые я давала» (*Екатерина*. С. 393, 392).

С течением времени границы попустительства расширились — не оттого, что Елисавета Петровна доверяла невестке больше свободы, а потому, что, благодаря умному угождению Екатерины, надзиратели и соглядатайки за ее нравственностью постепенно превращались в ее сообщников и наперсниц.

И вот уже кто-то говорит с восхищенной завистью ее новому избраннику — графу Понятовскому: «Вот женщина, из-за которой порядочный человек мог бы вынести без сожаления несколько ударов кнута» (*Екатерина*. С. 422). Сколько ныне таких порядочных людей в Петербурге — уже не сосчитать, ибо, если иметь в виду не только то, что имел в виду собеседник Понятовского, но вообще свойства симпатии — можно сказать: не было при дворе человека, который бы не получил от Екатерины знаков ее внимания.

Генеральный способ снискания любви — подарки. И Екатерина тратила больше половины своего тридцатитысячного содержания на задаривание придворного общества. У нее было подробное расписание именин всех сколько-нибудь близстоящих к государыне персон, и в день своего ангела каждая из персон получала от великой княгини небольшой подарочек — хотя бы оранжерейные цветы и фрукты⁶⁶. На ее праздниках в Ораниенбауме выставлялись не только царские блюда и вина, но заводились даровые лотереи, и каждый уносил с собой небольшой, хоть на сто рублей, но выигрыш.

— Это у меня от Ея Императорского Высочества, великой княгини, — говорили веселые гости, — она сама доброта, она всем сделала подарки; она прелестна; она смотрела на меня с веселым любезным видом (см. *Екатерина*. С. 427).

Она догадалась, как приноровиться к здешним нравам. Она видела, что, несмотря на итальянскую оперу и архитектуру, несмотря на прочие европейские моды и привычки, словом, несмотря на всю силу ревнования Западу, — в России есть нечто, что никогда не позволит ей стать западной страной в полном смысле слова, что всегда будет сохранять ее особенную стать —

неважно, как эта статья называется: Святой Русью или Российскими Европиями.

Язык, вера и немыслимость эмиграции — вот три силы, затягивающие узел здешнего патриотизма. Можно разговаривать на балах и в театре только на французском или немецком наречии, можно выстроить себе дворец с кружевной резьбой как на алансонских манжетах, можно обставить дом мебелью, доставленной прямо из Парижа от маркизы де Помпадур⁶⁷, можно свободно читать Вольтера, а жития святых не читать — и даже не делать вид, что вы их когда-нибудь читали. Но если вы хотите, чтобы вас числили верным подданным, надо уметь на чистом русском языке разговаривать с нижестоящими чинами, с прислугой и с гвардией, надо знать наизусть Символ Веры, соблюдать посты и не пропускать церковных служб, надо исключить вероятность вашей смерти под чужим небосводом.

Нельзя поступить в иностранную службу — вы не лютеранин какой-нибудь, чтобы шататься по чужестранным дворам и армиям. Нельзя переменить веру. Нельзя не знать родного языка. — Сие суть святотатственные преступления против русской стати.

Екатерине, в отличие от ее несчастного супруга, легко было понять эти заповеди, ибо, прежде чем стать русской великой княгиней, а затем русской национальной царицей, она родилась с душой, настроенной на всемирную, всечеловеческую отзывчивость — иначе говоря: гражданкой мира. С детства влекла ее тревога сделаться владетельной государыней — неважно, в какой стране, и, нет сомнений, в Испании она стала бы испанкой, а в Греции — гречанкой. Нигде и никогда она не вспоминала бы о своих ангальт-цербстских пенатах и тем паче бы не радела об их благополучии: всегда и всюду, куда бы она ни попала, она отсекала бы свое немецкое происхождение легко и навеки.

Сила вещей бесплотных метнула ей Россию. Чтобы иметь русскую статью, она не только сама вычеркнула свое иностранное прошлое, но постаралась, чтобы о нем забыли все остальные — то есть выучила новый язык и показывала неутомимое рвение в исполнении православных обрядов. Подарки, угождения и разумные советы докрепили веру подданных в ее незаменимость на здешнем престоле.

Ничего такого не умел показать его несчастное высочество великий князь Петр Федорович.

Он оставался тем же добрым малым, что и десять и пятнадцать лет назад. Как-то он застал Понятовского выходящим из покоев своей жены и несдержанно с ним повздорил: Понятовский был посланником иностранной державы⁶⁸ — тай-

ное его посещение выглядело знаком диверсии. Но лишь выяснилось дело, его высочество хлопнул Понятовского по плечу и сказал:

— Ну не дурак ли ты? Почему ты сразу мне не доверился? Не было бы никакой руготни.

Говорят, после этого случая великий князь не однажды ужинал в покоях Екатерины вместе с Понятовским, Екатериной и своей нынешней избранницей Елисаветой Воронцовой и, уходя с Воронцовой на свою половину, говаривал: — «Ну, дети, теперь мы, я думаю, вам больше не нужны» (*Чечулин. С. 29*).

Другой анекдот: как-то, накануне новых родов Екатерины, узнав о начавшихся схватках, он поспешил в ее покои. «Великий князь, — рассказывала она, — вошел в мою комнату, одетый в свой голштинский мундир, в сапогах и шпорах, с шарфом вокруг пояса и с громадной шпагой на боку; он был в полном параде; было около двух с половиной часов утра. Очень удивленная этим одеянием, я спросила его о причине столь изысканного наряда. На это он мне ответил, что только в нужде узнаются истинные друзья, что в этом одеянии он готов поступать согласно своему долгу, что долг голштинского офицера защищать по присяге герцогский дом против всех своих врагов, и так как мне нехорошо, то он поспешил ко мне на помощь. Можно было бы сказать, что он шутит, но вовсе нет: то, что он говорил, было очень серьезно» (*Екатерина. С. 431—432*).

Даже если она полностью придумала этот эпизод, ее рассказ очень правдоподобно рисует образ его несчастного высочества: его немецкую стойкость после нескольких выпитых бутылок, его страсть к голштинской униформе, его рыцарскую готовность помочь слабому в беде, его склонность к экстравагантным шуткам, наконец непонимание этих шуток их адресатами.

Он был легкий человек и удивлялся, зачем русские создают себе столько проблем и церемоний. Здешние придворные приемы и церковные службы выводили его из терпения своей занудностью. Он был скор, быстр, непоседлив и во время обедни не мог долго устоять на одном месте — начинал оглядываться, вертеться и показывать попам язык⁶⁹. Это оскорбляло русскую статью всех близстоящих, но никто, кроме императрицы Елисаветы Петровны, не смел сделать ему упрека, ибо за ним оставалось будущее, и на его проказы закрывали глаза и рты.

Он так и не доучил русский язык и предпочитал разговаривать по-немецки. Он боялся русской бани и даже вопреки приказанию императрицы не ходил париться⁷⁰. Он по-прежнему тосковал о своей милой родине, носил тайком от тетки голштинский мундир и играл в войну.

Ему разрешили выписать из Голштинии в Ораниенбаум небольшой военный отряд; к 1758-му году голштинцев набралось чуть не полторы тысячи: они располагались лагерем вокруг ораниенбаумского дворца (см. *Екатерина. С. 417*). После дневных учений его высочество пировал без чинов с своими майорами и поручиками; сюда же, к ужину, сзывались хорошенькие актрисы, и вечерами ораниенбаумский сад наполнялся веселым немецким гоготом⁷¹.

Конечно, кое-чем он напоминал своего великого деда: Петр Первый в пору своей юности тоже любил немцев, тоже чурался церемоний и тоже играл в войну. Но в облике сего нового, третьего Петра сквозь наследственную тягу к военным забавам, шумному веселью и неутомимому пьянству совсем не проступала та грубая, тяжелая, грозная сила, от которой подгибались колени у современников Петра Первого. В этом, новом Петре все чувствовали, напротив, легкость необыкновенную. Не похож он был на государя⁷².

Конечно, когда речь заходила о вещах серьезных, дрожь по спине пробегала, но все знали, что нрав у его высочества отходчивый и что если он с кем поссорится, то будет на того не гневаться, а дуться или дразниться.

Зашел как-то разговор о племяннице государыни — Гендриковой, у которой тогда была интрига с одним конногвардейцем. Его высочество заметил, что следовало бы конногвардейцу отсечь голову в назидание другим, чтоб не смел волочиться за родственницами государыни. Тут вдруг младшая сестра Елисаветы Воронцовой — Екатерина — ему возражает:

— Ваше императорское высочество, — говорит она, — я никогда не слышала, чтобы взаимная любовь влекла за собой такое деспотическое и ужасное наказание, как смерть возлюбленного.

— Вы ребенок, — отвечает его высочество, — и не понимаете, что если проявить слабость и не наказывать смертью тех, кто этого заслуживает, могут иметь место всякого рода беспорядки и неповиновение.

— Но, ваше высочество, вы говорите о предмете, внушающем неимоверный ужас всем присутствующим, ибо, за исключением ваших уважаемых генералов, большинство тех, кто имеет честь быть вашими гостями, родились в то время, когда смертная казнь уже не применялась.

— Это-то и скверно, отсутствие смертной казни вызывает много беспорядков и уничтожает субординацию и дисциплину. Говорю вам, что вы ребенок и не понимаете подобных вещей. — И он показал ей язык (*Дашкова. С. 48—49*⁷³).

Впрочем, то, что он мог сказать сгоряча, под градусом, вечером, — утром, на трезвую голову, исчезало как дым.

Но у него была одна идея, непоправимо влекаящая его к катастрофе. Канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин объяснял ее так: — «Великого князя убедили, что Фридрих II его любит и отзывается с большим уважением; поэтому он думает, что как скоро он взойдет на престол, то прусский король будет искать его дружбы и будет во всем помогать ему» (*Соловьев. Кн. XII. С. 332*). *Во всем помогать* — значит, в первую голову, помогать вернуть Голштинии занятую датчанами территорию. Его высочество по простодушию своему и не скрывал, что первое, чем он займется по смерти тетки, — наладит дружбу с Пруссией и будет воевать с Данией за Шлезвиг.

До поры до времени все это было детскими разговорами и опасений не вызывало: подрастет его высочество, поумнеет — идея развеется. Одно время даже, чтобы искоренить идею, чуть не обменяли Голштинию на Ольденбург: обменяли бы — не о чем было бы мечтать. Однако сделка с датчанами не удалась.

Время шло, его высочество подрос, идея осталась незыблема, и тут-то как раз разнемоглась государыня.

Беда не приходит одна... В самый разгар кашляний и задыханий Елисаветы Петровны развалилась и рухнула вся иностранная система канцлера Бестужева-Рюмина.

* * *

В первой половине 1756 года наши обычные союзницы заключили договоры с всегдашними врагинями канцлера: Англия — с Пруссией, Австрия — с Францией, и все в Европе стало наоборот. Началась война, в которой против Фридриха соединились недавно ненавистные друг другу австрийцы и французы; с ними пришлось выступать на европейский театр и нам.

Воевали мы так: каждую весну отправлялись всей действующей армией в поход, отыскивали прусскую армию и давали ей генеральное сражение вблизи какого-нибудь доселе неведомого миру хутора, чьим именем отныне будут величать нашу викторию: Гросс-Егерсдорф, Цорндорф, Кунерсдорф — кому из патриотов Отечества и инвалидов Семилетней войны не памятли эти имена? Как-то раз наш отряд даже занял на три дня столичный прусский город Берлин и пожег там склады.

Так продолжалось пять лет.

Скоропостижный Фридрих едва не умер от стыда и отчаяния. «Все пропало. Я не переживу этого ужаса», — казалось ему, когда он, оглядываясь, спасался от наших драгун с кунерсдорфского поля (см. *Фридрих. Т. 15. С. 306*).

Но Фридрих родился под счастливой звездой, он еще переживет и канцлера Бестужева-Рюмина, и государыню Елисавету

Петровну, и ее племянника — своего восторженника Петра: он умрет не скоро — от старости и в расцвете величия. А мы — мы от своих побед не получили ничего осязательного, кроме убыли личного состава, блеска петербургских фейерверков в честь очередной победы и дыма славы на просторах Европы.

Каждый год повторялось одно и то же: уложив треть своего войска и треть неприятельского под очередным прусским хутором и дождавшись, когда местная армия оставит поле боя, мы начинали переписку с Петербургом насчет дальнейших указаний; пока переписывались, наступала осень, и пора было становиться на зимние квартиры; пока стояли на зимних квартирах, скоропостижный Фридрих оживал, яко волшебная птица Феникс, и следующим летом мы паки находили его армию в цветущем боеготовом виде. Каждый год менялись наши главнокомандующие, но, видимо, такова была сила вещей в ту войну, чтобы, даже взяв Берлин, мы оказались в дураках.

После первого такого проворота, в 1757-м году, когда главнокомандующим был Апраксин и когда после гросс-егерсдорфской виктории мы вместо преследования неприятеля отступили домой, — в Петербурге заподозрили измену.

«Основанием дурного слуха, — повествует летописец, — послужил припадок, случившийся с императрицею. 8 сентября, в праздник Рождества Богородицы, Елисавета, жившая в Царском Селе, пошла к обеду в приходскую церковь, в начале службы почувствовала себя дурно и одна вышла из церкви, но, не дошедши до дворца, упала на землю и более двух часов лежала без чувств. Этот случай привели в связь с отступлением Апраксина, начали догадываться, толковать, что Бестужев дал знать о нем Апраксину и потребовал возвращения его в Россию с войском, которое было нужно канцлеру для приведения в исполнение его намерений относительно престолонаследия» (*Соловьев. Кн. XII. С. 423*)⁷⁴.

Такова государственная жизнь. За пятнадцать лет беспорочной службы канцлер утопил столько опасных себе людей по эту сторону границы и столько отравил существование по ту сторону, что сила их негодования когда-то должна была своим эхом оглушить его самого.

Тогда не принято было отправлять чиновников такого класса в отставку без предварительного их уничтожения. Канцлер это знал как никто другой и сопротивлялся сколько мог, но сила вещей была уже против него. Поэтому явившись однажды во дворец, он был публично арестован и отправлен под караулом домой.

Это случилось 14-го февраля 1758 года.

Теперь предстояло назвать преступление канцлера⁷⁵.

Разумеется, он являлся преступником с минуты ареста — по той причине, что государыня соблаговолила приставить к нему стражу: такая высочайшая аттестация деяний такого сановника в недавнее время не только изымала его из политического оборота на все оставшееся время жизни царствующей особы, но и предполагала скорое прекращение его собственного бытия. Однако по обету, данному после ноябрьской революции, Елисавета Петровна за все годы своего величества не подписала ни одного смертного указа. В Сибирь ссылали, языки урезали — да, но смертно не казнили. Поэтому старик Бестужев не должен был страшиться гибели: он должен был знать, что государыня побоится накануне собственной кончины прогнать Бога нарушением обета, когда следственная комиссия вынесет канцлеру смертный приговор. В том, что следственная комиссия вынесет смертный приговор, — незачем было сомневаться: вынести не смертный — означало побудить государыню сомневаться в усердии следствия и направить ее гнев на самих следователей.

Дело было за немногим: приискать правдоподобную вину. Наверное, если бы канцлера сразу свезли не под домашний арест, а в Тайную канцелярию и за неискренние показания повесили на дыбу, история наша пошла бы другим путем — канцлер знал секреты государыниной невестки, сам вызывался ей помочь, даже составлял планы о соправительстве Екатерины с ее супругом после смерти Елисаветы Петровны и, хотя успел все опасные бумаги сжечь⁷⁶, хотя был стойкий старик, мог не выдержать испытаний и проговориться.

Но время было уже другое. В такие времена невольно приходит в голову, что причастность к цивилизации способствует очищению нравов: лица, приближенные ко двору, становятся деликатнее в доносах и осторожнее в приемах истребления врагов; они начинают мыслить о государственных реформах; создаются комиссии; подаются проекты; в аппарате управления появляются, пока на секретарских должностях, новые люди.

Нечто подобное мы наблюдаем во второй половине пятидесятых годов ввиду приближающейся кончины Елисаветы Петровны. Все близстоящие знают, что чем ближе к трону они находятся сейчас, тем дальше могут вылететь при новой царствующей особе. Поэтому они оглядываются на великокняжескую чету.

Однако никто не знает, на кого из двоих следует оглядываться наиболее подобострастно, ибо все видят: между новым Петром и новой Екатериной нет и не может быть согласия. Все понимают: самое страшное впереди, ибо помнят, как после

смерти первого Петра всякое новое царствование начиналось переворотом, причем каждый раз все более шумным.

Как сделается переворот на сей раз? Кто станет его главным действующим лицом? Екатерина с младенцем Павлом на руках?? Екатерина без младенца? Сам младенец?

Но даже если кончина Елисаветы Петровны состоится благопристойно, восшествие ее племянника — будь оно тысячу раз законным — действие, едва ли не рискованнейшее, чем переворот: новый Петр долго думать не будет — такие указы и манифесты запустит, что потом тридцать лет станем расхлебывать. Впрочем, манифесты и указы — ладно, это дело государственное: страна большая — выдержит. А ну как высочайшим гневом по персонам шарахнет?

Все всё видят, все всё знают, но боятся про то мыслить, и по-сему никто ничего не говорит не токмо что друг другу, но и себе.

Так, в молчаливом отогнании тяжелых мыслей, проходит следствие над графом Бестужевым-Рюминым. Все его преступления смыкаются на одном пункте: «предпочтительно искал милости у великой княгини, а не так много у великого князя» (Соловьев. Кн. XII. С. 429).

По Петербургу ползет слух: новую Екатерину собираются отослать.

У слова *отослать*, конечно, много интерпретаций. Однако речь идет все же не о посланнике иностранного государства: помнится, младую регентшу (Царствие ей Небесное) Анну Леопольдовну тоже собирались отослать вместе с ее младенцем императором за границу, а привезли в Холмогоры.

Словом, когда слух дошел до самой Екатерины, она увидела себя в опаснейшем положении. Спасти ее мог только сильный семейный скандал — со всеми необходимыми для этого ритуала обрядами: с показыванием горькой незаслуженной обиды, с бурной истерикой, с крупными слезами и обмороком. — Это был единственный язык, на котором государыня Елисавета Петровна могла бы признать отсутствие за душой невестки политических капризов.

* * *

Тот вечер великий князь Петр Федорович хотел провести вместе с Елисаветой Воронцовой. Зная это, Екатерина сказала ему, что поедет в театр (а значит, ее должны сопровождать фрейлины, и в их числе Воронцова). Великий князь воспалился гневом и стал кричать, что запретит подавать карету. Великая княгиня хладнокровно отвечала, что, коли так, она пойдет в театр пешком. Великий князь в изнеможении от спора с упрямой супругой убежал на свою половину⁷⁸.

Незадолго до начатия спектакля Екатерина послала узнать у графа Александра Ивановича Шувалова, подана ли карета. Граф Шувалов пришел самолично и доложил, что великий князь не изволил приказать подавать карету. Тогда Екатерина, равномерно повышая голос до состояния дрожи, стала выговаривать Александру Ивановичу, что ей наскучило жить в ненависти, которой ее окружил ее супруг, и в немилости, которую насылает на нее государыня, что она чувствует, что она всем в тягость, что она желает всем добра, но никто не хочет этого заметить, что она больше не может выносить такого трудного положения и что она сейчас же, немедленно, будет писать государыне письмо с просьбой отпустить ее на родину, и пусть граф Шувалов попробует не доставить этого письма императрице. От волнения Александр Иванович только примаргивал глазом, как он обычно делал в минуты опасности.

«Мой Шувалов испугался взятого мною решительного тона, — с удовольствием вспоминала она эту сцену, — он вышел, а я села писать свое письмо императрице по-русски и сделала его, насколько могла, более трогательным. Я начала с того, что благодарила ее за все милости и благодеяния, какими она меня осыпала с моего приезда в Россию, говоря, что, к несчастью, события доказали, что я их не заслужила, потому что только навлекла на себя ненависть великого князя и явную немилость Ея Императорского Величества; что, видя свое несчастье и то, что я сохну со скуки в моей комнате, где меня лишают даже самого невинного времяпрепровождения, я ее убедительно прошу положить конец моим несчастьям, отослав меня к моим родным таким способом, какой она найдет подходящим, что так как я не вижу своих детей, хотя и живу с ними в одном доме, то для меня становится безразличным, быть ли в том же месте, где и они, или в нескольких ста верстах от них...» И проч., и проч., и проч.

Граф Александр Иванович Шувалов передал письмо государыне, и та велела ему сказать невестке, что сама с нею поговорит, когда найдет нужным.

Время шло, разговора не было.

Начался Великий пост, и Екатерина стала говеть — «чтобы видели мою приверженность к православной вере», как она сама говорила. Очень скоро она довела свое телесное и душевное здравие до такого градуса, когда самоничтожнейший повод стимулирует взрыв абсолютно искренней истерики. Взрыв принял на себя граф Шувалов, обязанный по долгу службы доносить государыне о состоянии великой княгини. Екатерина заливалась крупными слезами и умоляла графа передать императрице, что она не может жить в таком положении, что она просит от-

пустить ее на родину, — и далее повторялся текст письма. Граф Шувалов, растрогавшись, зарыдал сам.

Остаток дня Екатерина провела в слезах и почти ничего не ела. Вечером к ней осторожно вошла одна из ее камер-дам — Шаргородская. Они стали плакать вместе, и Шаргородская сказала, что ее дядя, духовник государыни, обещал всё уладить: пусть только Екатерина скажется сегодня больной и станет просить исповеди.

Так и сделали. Среди ночи Екатерина зазвонила в колокольчик, и когда одна из комнатных девушек прибежала, она сказала, что чувствует себя дурно и нуждается в немедленной исповеди. Вместо духовника прибежал испуганный граф Шувалов и, увидев свою подотчетную в умирающем виде, призвал докторов. Прибежали доктора, но Екатерина на все их приступы отвечала, что телу ее помощь больше не надобна, а хочет она теперь только спасти душу.

Пришел священник. Часа полтора она рассказывала ему всё, что рассказывала в письме государыне и о чем рыдала перед Шуваловым. Уже рассветало, когда они решили, что он сейчас же, не медля, отправится в покои императрицы и, дождавшись ее пробуждения, расскажет, что продолжительное пребывание в горести не только подорвет здоровье великой княгини, но и непременно уморит ее в самом скором времени. Говорят, легковерный великий князь в тот вечер пообещал Елисавете Воронцовой жениться на ней, лишь только Екатерина умрет.

Но она не собиралась умирать, а государыня, узнав о происшедшем, тотчас назначила свидание.

Следующей ночью, в половине второго, граф Александр Иванович пришел к великой княгине и повел ее в покои императрицы. Идти было недалеко: в другую часть дворца.

С порога Екатерина бросилась в ноги свекрови и, обливая ей платье слезами, стала умолять об отпуске из России. Государыня Елисавета Петровна была податлива на рыдания и тоже прослезилась. Но может ли одна женщина, подозревающая другую женщину в коварстве против себя, переменить мнение в минуту? Нет, тут нужен долгий, изнурительный разговор, прерываемый осушением слез, порывистым хождением по комнате, напряженным молчанием и новыми слезами.

— Как? Вы хотите, чтобы я вас отослала? — скорее соболезнующе, чем негодуя спросила государыня. — Не забудьте, что у вас есть дети.

— Мои дети в ваших руках, — отвечала невестка, — и лучше этого ничего для них не может быть; я надеюсь, вы их не покинете.

— Но как объяснить обществу причину этой отсылки? Чем вы будете жить у ваших родных?

Так, или примерно так, начался разговор. Ни та, ни другая, разумеется, не думали всерьез ни о какой отсылке: для одной это означало ненужный скандал, новые заботы об устройстве легкомысленного племянника, новые опасения о происках невестки, которая станет за границей недосыгаема для контроля и досмотра; для другой отсылка означала катастрофу жизни. Но именно поэтому разговор начался именно так; каждая хотела убедиться в том, насколько доверчиво можно вести себя дальше. Обе убедились: свекровь — в том, что невестка готова пожертвовать честолюбием, невестка — в том, что свекровь хотела бы ей поверить.

Сценарий подобных семейных событий стереотипен: дальше должно быть взаимное признание в любви, упреки себе за чрезмерную доверчивость, упреки собеседнице за нанесенные душевные раны, выражение подозрений, горячие оправдания и, разумеется, слезы, поджатые губы и проч., и проч., и проч. Обычно одного разговора бывает недостаточно. Женщины, вроде государыни Елисаветы Петровны, тяжелонравны и отходят нескоро; решающего примирения можно дожидаться месяцами.

В общем-то все примерно так и произошло.

Государыня сначала призналась в любви:

— Бог мне свидетель, как я плакала, когда при вашем приезде в Россию вы были при смерти больны.

Потом напомнила о душевных ранах:

— Вы чрезвычайно горды. Вспомните, что в Летнем дворце я подошла к вам однажды и спросила вас, не болит ли у вас шея, потому что я увидела, что вы мне едва кланяетесь и что вы из гордости поклонились мне только кивком головы.

— Боже мой, Ваше Императорское Величество, — отвечала невестка, — как вы можете думать, что я хотела выказать гордость перед вами? Клянусь вам, что мне никогда в голову не приходило, что этот вопрос, сделанный вами четыре года тому назад, мог относиться к чему-либо подобному.

— Вы воображаете, что никого нет умнее вас.

— Если бы я имела эту уверенность, ничто больше не могло бы меня в этом разуверить, как мое настоящее положение и даже этот самый разговор, потому что я вижу, что я по глупости до сих пор не поняла того, что вам угодно было мне сказать четыре года тому назад.

Так они беседовали еще некоторое время, пока наконец не подошли к самому главному для ее величества пункту. У государыни была улика: три письма Екатерины фельдмаршалу Апраксину на театр военных действий.

— Вы вмешиваетесь во многие вещи, которые вас не касаются; я не посмела бы делать того же во времена императрицы Анны. Как, например, вы посмели посылать приказания фельд-маршалу Апраксину?

— Я! Никогда мне и в голову не приходило посылать ему приказания!

— Как? Вы можете отрицать, что ему писали? Ваши письма тут, — и государыня указала на туалетный столик. Там лежали сложенные письма. — Вам запрещено писать!

— Правда, что я нарушила запрет и прошу в этом прощения, но эти три письма могут доказать Вашему Императорскому Величеству, что я никогда не посылала ему приказаний; я просила его следовать вашим приказаниям.

И это была сущая правда, то есть правда о том, что было написано в этих трех письмах: достаточно было их прочитать. Государыня их читала и понимала умом, что в письмах нет ничего преступного, кроме самого факта их отправления, но сердце ее чувало опасность.

— Бестужев говорит, что было много других писем, — солгала государыня (старый канцлер ничего не говорил про другие письма).

— Если Бестужев это говорит, то он лжет.

— Ну так, — вспыхнула государыня, — если он лжет на вас, я велю его пытаться.

«Она думала этим напугать меня, — вспоминала Екатерина, — я ей ответила, что в ее полной власти делать то, что она находит нужным, но что я все-таки написала Апраксину только эти три письма. Она замолчала и, казалось, соображала».

Видимо, именно в это мгновение государыня и сообразила, что дальнейшее развертывание следствия приведет ее же саму в тупик: даже если Бестужев под пыткой наговорит на великую княгиню что-нибудь новое, та все равно ничего не признает, но уж тогда неприлично будет ее не отослать — хоть за границу, хоть в монастырь.

* * *

Прямым следствием разговора стало решение по делу Бестужева. Канцлеру еще зимой вынесли смертный приговор за преогорчения, доставленные ея величеству сношением с великой княгиней, и теперь ждали высочайшей воли. Воля государыни после разговора с невесткой была такова: жизни и недвижимого имущества не отымать, казенные долги взыскать, отправить в собственную деревню в Можайский уезд (*Соловьев. Кн. XII. С. 435*).

Это было в апреле 1759-го, и скоро великая княгиня стала получать все более и более осязательные знаки монаршей милости. По ее собственным словам, именно после всей этой истории императрица сказала, что *великая княгиня очень умна*.

Через три года слова эти с должным придыханием начнут повторять все без исключения близстоящие. А пока они продолжают прикидывать, что делать, когда императрица умрет, и по обыкновению всех людей, привыкших к той покойной жизни, которой они жили много лет, никто ничего не предпринимает.

1761

Тем временем на Западе продолжается война. Раз в год мы громим Фридриха, и с каждым годом силы и казна его истощаются. Зимой мы располагаемся в квартирах уже на территории неприятеля, и каждый год кажется, что вот-вот будет одержана последняя победа, за которой придет вожаденная минута — минута дележа Прусского королевства.

Но союзницы наши устали. Нет былого жара, что пылал в 1756-м году, когда нас зазвали защищать международные интересы. Во Франции уже хотят заключить с Фридрихом сепаратный мир. Императрица Елисавета Петровна удручена: война разоряет не только неприятеля — наша казна тоже пустеет; здоровье тает — то колики, то припадки; наследник — дурак и урод⁷⁹, а кем его поменять?..

Тут-то наступает 25-е ноября 1761 года — двадцать лет со дня восшествия на престол.

И словно организм государыни ждал юбилейной даты, чтобы только после нее остановить свою работу: с середины ноября припадки участились, а за три дня до Рождества государыня стала умирать.

На улицах тихо-тихо. Сильно морозит⁸⁰. Петербург замер в ожидании. Но одно дело — знать, как действовать в экстремальной ситуации, другое дело — действовать, когда такая ситуация возникнет. Екатерина знала, чего хочет, — еще в 1755-м году она рассчитала ход событий по минутам: как она при известии о начале агонии окружит себя верными гвардейцами, как ей принесут сына, как она с сыном на руках...

И вот уже государыня Елисавета Петровна сквозь кашель и рвоту исповедалась. Вот приобщилась Святых Таин. Вот гаснущим шепотом она повторяет за своим духовником отходные молитвы. Вот верные гвардейцы говорят Екатерине:

— Повели, мы тебя возведем на престол.

Что же она отвечает?

— Бога ради, не начинайте вздор; что Бог захочет, то и будет, а ваше предприятие есть рановременная и несозрелая вещь (*Екатерина. С. 463*).

Почему она отказалась? Ведь в те минуты даже Шуваловы, одинаково боявшиеся и нового Петра и новой Екатерины, разведывали насчет перемены будущей царственной персоны и пробовали осторожно, через третьих лиц, узнать, что скажет Екатерина на предложение сделать ее сына императором, а ее — временной правительницей⁸¹.

Конечно, по прошествии времени всегда кажется, что то, как всё произошло, — произошло именно так, потому что не могло произойти иначе. По прошествии времени сила вещей мнится строгой соединительницей совокупности воль масс в стройную историческую последовательность событий, непреодолимую ничьей личной волей. — Отчасти так и есть. Сила вещей — грозная сила. В ней надежда и страх. С ней опасно шутить. Ею нельзя повелевать по собственному произволению.

Но случаются минуты, когда она зависает недвижно, искушая нас возможностью совершить нечто такое самостоятельное, после чего в истории установятся новые маршруты. И если в такие минуты кто-нибудь из тех, в чьих руках имеется хоть немного власти и оружия, сделает резкое движение, — история действительно может пойти иным путем, нежели тот, по которому бы шла, если бы мы не сделали этого движения.

Может, конечно, и не пойти. Поэтому если мы не предощущаем всем своим существом будущего триумфа — лучше в такие минуты затаиться и предоставить событиям идти по собственной инерции.

Так и поступила Екатерина в Рождество 1761 года, хотя, вероятно, если бы она ободрила верных гвардейцев, наша последняя революция осмнадцатого века произошла бы на полгода раньше, чем произошла.

Екатерина имела достаточные резоны, чтобы отдалять мгновение торжества. Она была женщина, причем на истечении пятого месяца беременности (сын от одного из верных гвардейских офицеров — Григория Орлова — родится в апреле). Женщинам же, даже в свободное от беременности время, вообще трудно брать на себя полную ответственность без достаточной мужской поддержки. Во время предыдущих переворотов рядом с нашими будущими царицами находились не несколько отважных капитанов и поручиков со шпагами на боку, а плотно сомкнутые ряды сотен сердитых гвардейских солдат. Так было, когда Меншиков объявлял первую Екатерину, когда Анна Иоанновна порывала кондиции, когда Елисавету Петровну вез-

ли на штурм младенца Иоанна. А Екатерина вовсе не была уверена в том, что вся гвардия с полуслова пятерых — десятерых ротных командиров поймет происходящее правильно. Минута была еще слишком не критическая: пусть будет как будет — пусть новый царь всем покажет, каков он дурак и урод; пусть объявит Россию голштинской провинцией; пусть провозгласит Фридриха своим повелителем; пусть опубликует такие манифесты, чтобы все и каждый убедились: так жить нельзя!

Поэтому, когда в три часа пополудни двадцать пятого декабря императрица Елисавета Петровна наконец испустила дух, царствовать над нами стал ее озорливый племянник — Петр Третий.

И царствию его было — от присяги до отречения — сто семьдесят шесть дней.

1762

Узкий, длинный, в прусском мундире, в штиблетах, затянутых так туго, что при ходьбе ноги его не сгибались (*Рюльер. С. 56*) и он вышагивал, как на ходулях, с вечной насмешкой на лице, с трубкой в зубах, за пиршественным столом, в кругу бравых голштинских вояк, под звон рюмок и бокалов, под пьяный гогот славных брудеров, с красными от англинского пива глазами и полусвязной заплетающейся речью, — в таком облаке воспоминаний, слухов и анекдотов проступает легкий как дым образ третьего Петра.

Ему советовали скорее короноваться — все-таки в этой стране некоторые древние обычаи имеют преимущественную силу перед соображениями просвещенного рассудка: достаточно, чтобы над головой подержали корону да обрызгали лоб церковным маслом, — и убить такого государя значительно труднее, ибо теперь он защищен незримой связью со всеми небесными силами бесплотными. Но несчастный император презрел дальновидные советы — ему были смешны русские церемонии.

Он был дурак и урод только в том смысле, что силой вещей оказался не на своем месте. Останься он голштинским герцогом — он, наверное, принес бы своей Голштинии если не громкую, то по крайней мере скандальную славу.

А для нас он был слишком легок. И с каждым днем его царствования мы смотрели на него с нарастающим недоумением или негодованием. «Однажды, как теперь вижу, — вспоминал один негодователь, — дошло до того, что, вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут, на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну все прыгать на одной

ножке, а другие согнутым носком толкать своих товарищей под задницы и кричать: «Ну! ну! братцы, кто удалее, кто шшибет с ног кого первый!» — и так далее. А посему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкущихся и друг друга наземь валяющих? Хохот, крики, шум, биение в ладоши раздавались только повсюду, а бокалы только что гремели» (*Болотов. Записки. Т. 1. С. 356—357*). Словом, стыд, россияне! Кого на престол пустили?

Легкое поведение его и сгубило, ибо правил он так же, как гулял, — без оглядки на мнения и привычки своих подданных.

У него были неглупые подсказчики и расторопные исполнители. Поэтому недолгое его царствие ознаменовалось деяниями сильными и беспрецедентными.

Он повелел упразднить Тайную розыскную канцелярию — и доносить на ближнего стало делом рискованным.

Он объявил вольность дворянству — и дворяне теперь могли служить или не служить по собственному желанию, выезжать за границу без препятствий и даже вступать в службу к заграничным государям — словом, всё, как в Европе.

Он даровал свободу коммерции.

Он вернул всех, кроме Бестужева-Рюмина, ссыльных: Миниха, Бирона, Лестока — и никого не сослал.

Но подсказчики и исполнители не поспевали за его проворным языком, и он всегда наделявал самолично что-нибудь такое, от чего и деяниям его и персоне выходил сплошной компрометаж⁸². Начали, к примеру, монастырскую реформу: чтобы перевести земли, принадлежащие монастырям, в государственную казну — дело для пополнения казны важное, задуманное еще при Елисавете Петровне. Через два года — уже при новом правлении — эту реформу проведут почти беззвучно. Но сейчас длинный язык быстрого государя не может не высунуться, чтобы не уязвить кощунными остротами святую соборную апостольскую оборону и крепь нашу. И вот уже ползет слух, что император приказал: «Чтоб из всех образов, находящихся в церквах, оставлены были в них одни изображающие Христа и Богородицу, а прочих бы не было; также, чтоб всем попам предписано было бороды свои обрить и вместо длинных своих ряс носить такое платье, какое носят иностранные пасторы» (*Болотов. Записки. Т. 1. С. 332—333*).

Слух сей, даже если он не правдив⁸³, — весьма правдоподобен. Государь Петр Третий действительно считал эту страну отставшей от мировой цивилизации, а поскольку центром мира привык считать Пруссию — то вполне натуральным кажется не

только его небрежение нашей православностью, но и сама мысль вместе с монастырской реформой совершить общецерковную — по лютеранскому образцу.

Впрочем, дела гражданские, церковные и остальные внутренние, касаемые до обитателей империи, для самого государя были, похоже, делами не первой срочности и не главной важности. Упразднение Тайной канцелярии, дарование вольности дворянству, освобождение торговли, забрание монастырских земель в казну и многое другое — все это подписывалось и возглашалось как бы между прочим.

А первое, что бросалось в глаза и казалось главным смыслом жизни нашего легкого государя, — это его военно-международная блажь: стать союзником великого Фридриха и с его благословения вернуть для Голштинии Шлезвигскую землю. С тех пор как двадцать лет назад Карла-Петера вывезли из Голштинии, чтобы сделать наследником нашего престола, он ни разу не был на родине. Но и в стесненные чужой волей годы своего высочества, и теперь, сделавшись величеством, он оставался в сане голштинского герцога. За двадцать лет петербургского заточения в его понятиях о себе и о жизни не изменилось ничего, и трижды прав тот, кто полагает, что страсти, врожденные в нас зачатием, и привычки, усвоенные в детские годы, не подлежат истреблению: их можно разогнать воспитанием по закоулкам души, но стоит взрослому человеку получить волю, как эти врожденные страсти и детские привычки овладеют всем его существом — тогда горе ему и близстоящим к нему, ибо нет ничего опаснее взрослого человека, впадшего в детство.

Первое, что свершил третий Петр после кончины Елисаветы Петровны, — послал своему кумиру грамоту о возобновлении доброго согласия с Пруссией. Мы прекращали войну с Фридрихом, возвращали ему все отнятые территории, заключали вечный мир и союз. Летом наш государь обещал самолично возглавить поход на Данию.

Приготовления к походу начались с переобмундирования и плац-учений. Были введены новые мундиры — прусского покроя: строгие, стройные, еще более узкие, чем прежде. Каждое утро государь лично командовал вахт-парадом. Это ему мы обязаны учреждением в России нового искусства — эстетики строевой подготовки, искусства, ставшего наследственным признаком жизни его сына Павла и историческим знаком Павлова царствования.

Он упразднил елисаветинскую лейб-кампанию и на ее место поставил свой ораниенбаумский отряд из голштинских немцев. Начальствовать гвардией был назначен голштинский дя-

дюшка государя — бывший генерал Фридриха, а теперь русский фельдмаршал принц Жорж⁸⁴.

Елисаветинские янычары, как называл гвардейцев несчастный государь, не оценили новизны, и по их казармам стало расплзаться великое ворчание. Пошел слух о том, что гвардию вообще хотят отменить и для того отправят всю в датский поход, чтобы после уж никогда не возвращать в Петербург.

Ворчание, шурша, просачивалось сквозь стены гвардейских казарм и затопляло своим шепотом петербургские мостовые⁸⁵.

А наш легкий император ничего не видел, ничего не слышал. Заключение мира с Фридрихом⁸⁶ праздновалось в Петербурге так, как не торжествовалась ни одна наша победа. Со штапелей были спущены два семидесятипушечных корабля — «Король Фридрих» и «Принц Жорж». На груди император носил прусский орден, присланный Фридрихом, на пальце — перстень с портретом Фридриха, в покоях своих велел поместить портрет Фридриха в натуральную величину. Говорили, празднуя мир с Пруссией, во время или после обеда, император стал на колени перед сим портретом и величал Фридриха своим государем. Рассказывали, что император подарил прусскому королю наш армейский корпус в двадцать тысяч солдат.

Над стогнами Петербурга густели недобрые слухи. «Уже видим мы, — вспоминал посторонний очевидец о смутных обстоятельствах той весны, — ходят люди, а особливо гвардейцы, толпами и въявь почти ругают и бранят государя. — Боже всемогущий! — говорим мы <...>. — Что это выйдет из сего? не даровым истинно все это пахнет! — и считаем почти часы, которые проходили еще с миром и благополучно» (*Болотов. Записки. Т. I. С. 376*).

Начать должны были те же верные Екатерине гвардейские офицеры, которые предлагали ей руку помощи полгода назад. Они думали разыграть сценарий двух предыдущих революций — Миниха против Бирона и Елисаветы Петровны против Анны Леопольдовны: гвардия налетает на дворец и схватывает спящего пьяным сном императора⁸⁷. Был риск, что случится более шума, чем в сороковом и сорок первом году, ибо тогда свергаемых особ караулили свои же гвардейцы, немедленно переходившие на сторону победителей, а теперь государя окружал его голштинский отряд и могла случиться битва за альков императора. Однако теперь Екатерина готова была и на риск большого кровопролития, ибо осызала за спинами верных гвардейских офицеров сомкнутые солдатские ряды, ошетенные штыками. Оставалось только *повелеть*⁸⁸.

Вообще-то логичнее было провозглашать ее только временной правительницей, а императором — семилетнего Пав-

ла: все-таки даже если он не был сыном Петра Федоровича на самом деле, он был его сыном по манифесту о своем рождении, а следовательно, по всеобщему мнению в его жилах текла кровь Петра Первого и прочих древних благочестивых самодержцев наших. Именем Павла очень политично было бы действовать в решающую минуту. На том стоял Никита Иванович Панин, распорядитель Павлова воспитания. Помимо собственных политических видов, Никита Иванович имел еще и дальние государственные расчеты: он долго жил послом в Стокгольме и, насмотревшись на шведскую систему ограничений монаршей власти, полагал, что со временем можно будет учредить нечто подобное у нас. С этим сюжетом Никита Иванович не расстанется уже до конца своей жизни, и Екатерина еще не раз будет спотыкаться о его шведские reminiscenции.

Никите Ивановичу Панину молча противоусердствовали братья Орловы. Старшему Орлову было тогда 28 лет, среднему — 25, младшему — 21 год. Они были могучие гвардейцы: отвага — в очах, косая сажень в плечах, им не терпелось блеснуть доблестью в деле. Они не строили дальновидных государственных программ, ибо старший — Григорий — оставался по-прежнему надежным избранником Екатерины, и это бесповоротно решало выбор Орловых.

А наш легкий государь нимало не скрывал своей обремененности злой женой. По декабрьскому манифесту о восшествии Екатерина везде и всюду именовалась императрицей и, хотя не была допущена к государственным деяниям, на всех общих торжествах присутствовала подле супруга. Тут же присутствовала и Елисавета Романовна Воронцова. По слухам, государь всерьез собирался жениться на ней (см. *Екатерина. С. 491; Дашкова. С. 439; Болотов. Записки. Т. I. С. 350*). — При составлении революций подготовительные слухи необходимы; через сорок лет подобным же способом будет готовиться революция против Павла Первого: тогда тоже будут всеобщее возмущаться слухам о предстоящей расправе Павла со своим семейством. Впрочем, образец дал еще Петр Первый, когда, сослав первую жену, венчал свою Екатерину. Так что ничего удивительного. Удивляло другое — сам выбор нового Петра: ибо Елисавета Романовна была девица рыхлая телом и рябая лицом. Чем она его приворотила — неведомо: может, просто тем, что одна на всем свете жалела несчастного государя?

Он возил ее с собой повсюду, аки предрагое сокровище. Новой Екатерине это было только выгодно — лишний повод для смущения подданных. Поэтому когда при начале царствования Елисавета Романовна, после очередной домашней

ссоры с Петром, стала проситься уволить ее от двора, Екатерина рассудительно примирила любовников (см. *Екатерина*. С. 466—467).

Но иногда, нечаянно торопя события, она вела себя вызывающе. Во время празднования прусского мира на дворцовом обеде Петр и Екатерина сидели по разные стороны стола. Государь воскликнул три тоста: за здоровье императорской фамилии, за здоровье его величества короля Пруссии и за вечный мир с Фридрихом. Все, кроме Екатерины, встали и под грохот пушек выпили первый тост. Государь, заметив беспорядок, послал вокруг стола своего генерал-адъютанта Гудовича спросить, зачем она пьет сидя. Екатерина отвечала, что сама принадлежит к императорской фамилии и имеет право пить за собственное здоровье как хочет. Государь вспыхнул и громко, на весь стол, обозвал ее *folle* — душой. Она залилась слезами. Рассказывали, что вечером он приказал ее арестовать, но фельдмаршал Жорж утихомирил его (см.: *Дашкова*. С. 57; *Екатерина*. С. 491).

Случаи, подобные сему, бывали и прежде, однако теперь, в мае 1762-го года этот случай запомнился особо. Нервы были напряжены, и повторное известие об опасности, грозящей Екатерине, независимо от степени его достоверности, могло стать решающим доводом. В июне государь переехал со свитой и голштинским отрядом в любимый Ораниенбаум. Гвардия осталась в Петербурге. Екатерина по долгу своего императорского сана следовала за супругом. Ночь с 27-го на 28-е июня она проводила в нескольких верстах от Ораниенбаума — в Петергофе: здесь 28-го должен был состояться торжественный обед в честь тезоименитства Петра⁸⁹.

27-го числа по Петербургу пополз слух: Екатерина арестована. Гвардейцы зарокотали. Солдаты стали спрашивать у офицеров. Офицеры отвечали по-разному, ибо среди них были такие, кто, вслушиваясь в гул недовольства, предпочел бы оказаться в день переворота больным или в отпуске, были и такие немногие, кто почитал своим служебным долгом пресечь смущение решительным движением. Один из последних — майор Воейков — и ускорил нечаянно ход истории: арестовал одного из самых верных заговору Екатерины — капитана Пассека — говорят, арестовал по подозрению в зачине смуты. У Орловых был уговор с Екатериной: если они сочтут минуту критической, то начнут действовать, не дожидаясь возвращения двора из Ораниенбаума и не предупреждая ее.

Ночью в Петергоф к Екатерине поскакал средний брат — Алексей Орлов; тем временем остальные разгласили по гвардейским казармам, что она скоро будет собственной персоной.

28-го июня, в шесть утра, Алексей Орлов вошел в петергофские покои Екатерины и сказал:

— Пора вам вставать; все готово для того, чтобы вас провозгласить.

Она прыгнула в карету, и они поскакали в Петербург. В пяти верстах от города их встретили Григорий Орлов и Федор Барятинский. Скоро они были в казармах Измайловского полка. Сбежались все измайловцы. Тут же, под общий шум, привели священника и стали присягать императрице и самодержице нашей. Затем толпой пошли в казармы Семеновского полка. Императрица и самодержица впереди, в карете. Семеновцы, уже зная, в чем дело, высыпали навстречу. — «День был самый ясный» (*Державин. Записки. С. 36*).

Барабанный бой, блистанье штыков, клич *ура!* С полковых складов привезли прежние, зеленые мундиры — гвардия немедленно совлекла с себя прусские одежды и переделалась.

Тем временем злополучный майор Воейков пытался повернуть ход истории вспять: он выехал на коне перед преображенцами, маршировавшими по Литейной на подмогу прочей гвардии, и стал размахивать шпагой. Те, зарывчав, кинулись на него со штыками наперевес, и Воейков едва спасся.

А семеновцы и измайловцы уже подходят к Казанской церкви на Невском. Бьют колокола. Начинается молебен. Возглашают императрицу и самодержицу нашу Екатерину и наследника ее цесаревича Павла.

Подходят преображенцы. Подтягиваются конногвардейцы. Крики. Вопли. Ура!

Молебен кончен. Гвардейский вал катит за каретой Екатерины на Зимние дворцы.

Тогда еще неподалеку друг от друга стояли два Зимних дворца — старый, деревянный, возле Полицейского моста на Мойке, и новостроенный на Неве — тот самый, блистательный каменный, в котором так хотела и не успела пожить Елисавета Петровна и который был отделан к нынешней Пасхе.

Сначала прошествовали в новый Зимний дворец. Здесь уже в полном составе прохаживались в волнении по залам господ Сенат и Синод. Им зачитали наскоро слепленный манифест. В манифесте оглашались три угрозы, исходившие прямым сынам отечества Российского от прежнего образа правления: потрясение церковных оснований наших переменой древлего православного закона на иноверный, порабощение нашей победоносной славы и испровержение целости всего нашего отечества. — Господа Сенат и Синод не спорили и присягнули.

Никита Иванович Панин доставил наследника — говорят,

Павел был еще спросонок: в шлафроке и с ночным колпаком на голове (*Шумахер. С. 281*).

Екатерина пешком обошла войска, раскинувшиеся на лугу между дворцом и адмиралтейством.

Из нового Зимнего отправились в старый Зимний и держали здесь генеральный совет: что делать дальше? По всем дорогам при въезде в Петербург были поставлены караулы. Особенно опасались кронштадтского форта — голштинцы могли занять остров, и туда спешно послали верного адмирала Талызина.

Тем временем в Ораниенбауме и Петергофе тоже было неспокойно, только иначе, чем в Петербурге.

Проведя поутру вахт-парад в Ораниенбауме, ни о чем не подозревающий государь со свитою отправился около часу пополудни в Петергоф к обещанному обеду. В Петергофе обнаружилось, что Екатерина еще ранним утром бесследно исчезла. Послали в Петербург Александра Ивановича Шувалова, канцлера Воронцова и фельдмаршала Трубецкого, а за ними адъютантов и ординарцев на разведку. При взгляде на Петербург через воды залива видны были дымы — то ли пожар, то ли из пушек палат. К трем-четырем часам дня стало ясно, что в Петербурге революция и все подъезды к городу крепко охраняются. Шувалов, Воронцов и Трубецкой не вернулись. Несчастный государь послал в Ораниенбаум приказание своему голштинскому отряду прийти в Петергоф и окопаться для обороны. Пока отряд шел, государя убедили, что сопротивляться разъяренной толпе пьяных гвардейцев безумно, и государь настрого приказал голштинцам не делать ни единого выстрела. Составили манифест о незаконном и противоестественном происшествии. Послали с этим манифестом в Петербург трех солдат — те явились к Екатерине и, отдав манифест, сказали, что счастливы сражаться за ее величество в рядах своих товарищей.

Старый Миних, герой революции против Бирона, находился в эти часы в свите несчастного государя. Он сказал: надо уходить в Кронштадт.

В десять часов вечера государь Петр Третий со свитою отплыл из Петергофа.

В тот же час в старом Зимнем дворце окончили совещаться насчет дальнейших движений. Решено было идти на Петергоф и Ораниенбаум. В Петербурге оставили отряд для охраны Павла. Екатерина надела гвардейский мундир и во главе войска на белом коне выехала на петергофскую дорогу. Рядом с ней, тоже в гвардейском мундире, следя за движениями обожаемой императрицы восторженными глазами и чувствуя себя предводительницей совершаемой революции, безотлучно находилась осьмнадцатилетняя княгиня Дашкова — родная сестра Елисаветы.

ты Воронцовой, крестница Петра Третьего. Все смешалось в жизни Романовых и Романовн: жена шла против мужа, сестра против сестры.

Белая ночь, раскинувши свой купол над плоскими болотами вдоль дороги, освещала их шумное шествие. Но все устали, и на десятой версте, в Красном Кабачке, сделали войску ростак.

Пока они шли до Красного Кабачка, настало 29-е июня, и яхта со свергаемым императором и его свитой прибыла в Кронштадт. К причалу их не пустили, обещав стрелять ядрами, — в Кронштадте командовал теперь адмирал Талызин, и государь со свитою повернули назад, не зная, что предпринять. Его величество оробел. Подсказчики и исполнители выгадывали, как спастись. Один старый Миних, даром что двадцать лет отсидел в Сибири, был тверд в решениях. Он сказал: надо уходить в Ревель; из Ревеля — в Померанию, там стоит армия, готовящаяся к войне с Данией. Армия любит своего государя, государь возглавит армию и поворотит ее на Петербург. Через полтора месяца законный порядок восстановится. Но прочие близстоящие в душе уже присягали Екатерине, и диспозицию Миниха отринули. Решено было воротиться в Ораниенбаум, дабы приготовить там своего бывшего повелителя к благопристойному отречению. Елисавета Романовна Воронцова сидела рядом с Петром и плакала.

Пока одни плавали по Финскому заливу, а другие отдыхали в Красном Кабачке, голштинское войско перешло назад из Петергофа в Ораниенбаум.

В пять часов утра отряд гусар под командой Алексея Орлова прискакал в опустевший Петергоф, в тот же час прочее гвардейское войско выступило из Красного Кабачка. В одиннадцать часов под клики гвардейцев и пальбу государыня и самодержица наша вступила в Петергоф.

Пока она шествовала, подсказчики и исполнители притишшего императора составили отречение, тот покорно переписал его собственною рукою: он чистосердечно признавал, что управление такой державой, какова есть необъятная империя Российская, — бремя тягостное и силам его несогласное, а посему, восчувствовав наклонение государства к падению, во избежание вечного себе бесславия, помыслив беспристрастно и непринужденно, отрицается он ныне на весь свой век от правительства и обещает впредь на оное не посягать, в чем клятву пред Богом и всецелым светом нелицемерно приносит.

29-го июня в Петров день, в первом часу дня, в самую ту пору, когда, кабы все было по-старому, гремела бы музыка и раздавались бы пиршественные возгласания, — Петра Третьего смирно привезли из Ораниенбаума в Петергоф и посадили в

один из дворцовых флигелей. Вечером Алексей Орлов, Федор Барятинский и капитан Пассек посадили его в закрытую карету и тихо отвезли за тридцать верст от Петергофа — в Ропшу: там был маленький уютный дворец. Говорят, Екатерина обещала ему за скромное поведение отослать в Голштинию, а тем временем велела готовить теплый каземат в Шлиссельбурге, по соседству с умалишенным Иванушкой — бывшим младенцем Иваном. Иванушка стал дурачком не по наследству, а от долговременного содержания под строгим караулом — что случилось бы с непоседливым Петром при крепком заточении в узком каземате, при невозможности размять длинные ноги, при отсутствии утешительной Елисаветы Воронцовой, при постоянном страхе перед грубостью часовых? Грустно о том думать, и посему пожелаем ему легкой смерти. Пожил, погулял — хоть мало, зато в полное удовольствие. Тридцать четыре года — возраст расцвета. Черт догадал его родиться внуком Петра Первого! Царствие ему небесное.

Еще 28-го июня днем, во время торжественного шествия Екатерины по столице, в Петербурге шатались праздные слухи: одни говорили, что император убежал, другие — что он свалился с коня и свернул шею (*Шумахер. С. 294*).

Как он умер — никто достоверно не знает. Алексей Орлов докладывал подробности Екатерине. Екатерина рассказывала так: «Страх вызвал у него понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый; он чрезмерно напился в этот день <...>. Его схватил приступ геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух<...>. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть; но вполне достоверно, что <...>, умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено» (*Екатерина. С. 495*).

Никто не поверил этому рассказу ни тогда, ни много позже. Все были уверены, что бывшего государя удушили, и передавали друг другу подробности происшествия. Мы не приводим этих подробностей, во-первых, по своей неприязни к антиэстетическим деталям, во-вторых, поскольку убеждены в их преимущественной вымышленности. Участники помалкивали, а мемуаристы строили свои сюжеты на основании слухов и внешнего вида покойника, выставленного для прощания⁹⁰.

В этих сюжетах первыми фигурировали имена тех, кто караулил Петра в Ропше, — Алексея Орлова и Федора Барятинского⁹¹. Именно им отомстит через тридцать четыре года император Павел, когда, еще не приступив к царствованию, выгонит

Барятинского из Зимнего дворца, а затем заставит Алексея Орлова первенствовать при торжественном переносе праха своего отца в Петропавловский собор. Может быть, он отомстил бы и другим, чьи имена упоминались молвой, да те уже умерли к 1796-му году.

Никита Иванович Панин рассказывал впоследствии: он «находился в кабинете ее величества, когда Орлов явился доложить ей, что все кончено. Она стояла в середине комнаты; слово «кончено» поразило ее. «Он уехал?» — спросила она сначала <Никита Иванович настаивал в своем рассказе на том, что Екатерина собиралась отослать Петра в Голштинию>, но услышав печальную новость, она упала в обморок. Охватившее ее затем волнение было так сильно, что одно время мы опасались за ее жизнь. Придя в себя, она залилась горькими слезами. — Моя слава погибла! — восклицала она. — Никогда потомство не простит мне этого невольного преступления!» (Головина. С. 29).

О внезапном явлении Алексея Орлова из Ропши в Петербург со страшным известием слышали, наверное, многие, ибо кроме рассказа Панина сохранились также рассказы неочевидцев, записанные, видимо, со слов других неочевидцев: «Вдруг является тот самый Орлов — растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости, его сверкающие и быстрые глаза искали императрицу <...>». Желающие узнать прочие подробности могут заглянуть в примечания⁹². А мы сильно сомневаемся в правдоподобности всех этих «сверкающих глаз» и «изорванных платьев», ибо такие детали сообщают обычно люди, слышавшие о деле в десятом пересказе. Впрочем, сообщение это любопытно не художественными красотами, а свидетельством о том, что Алексей Орлов лично прибыл в Петербург, чтобы доложить Екатерине о случившемся с глазу на глаз.

Между тем сохранилось три записки Орлова к императрице, непосредственно относящиеся к делу о безвременной кончине несчастного государя. Вот их содержание:

1. «Матушка Милостивая Государыня, здравствовать вам мы все желаем нещетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, только урод наш очень занемог и охватила его нечаенная колика, и я опасен, штоб он сегоднешнюю ночь не умер, а больше опасуюсь, штоб не ожил. Первая опасность для того, что он всю здоров говорит и нам его несколько весело, а другая опасность, што он действительно для нас всех опасен для того, што он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть.

2. Матушка наша милостивая государыня. Не знаю, што теперь начать, боюсь гнева от вашего величества, штоб вы чего на

нас неистоваго подумать не изволили и штоб мы не были причиною смерти злодея вашего и всей России также и закона нашего. А теперь и тот приставленной к нему для услуги лакей Маслов занемог, а он сам теперь так болен, што не думаю, штоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспмятстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит бога, штоб он скорей с наших рук убрался.

3. Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить описать, што случилось; не поверишь верному своему рабу, но как пред Богом скажу истину. Матушка, готов иттить на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете, но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя. Но, Государыня, свершилась беда: мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы рознять, а его уже не стало. Сами не помним, што делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости меня или прикажи скорее окончить, свет не мил, прогневили тебя и погубили души навек» (см. *РА. 1911. № 5. С. 25; АкВ. М., 1881. Т. 21. С. 430; Каменский 1997. С. 71—74*).

Первая записка отправлена 2-го июля, вторая и третья — без дат. Первая и вторая сохранились в подлиннике, третья в копии. У второй записки оторвана нижняя часть листа, где стояла то ли подпись, то ли дата. Первая и вторая подтверждают официальное сообщение о том, что отрекшийся государь скончался после тяжелой непродолжительной болезни, третья доказывает всеобщую уверенность в том, что Петр Третий был убиен.

Записки хранились среди самых секретных бумаг Екатерины. После ее смерти, при разборке этих бумаг, в конце 1796-го года, их должен был читать Павел. По словам Ростопчина, одного из самых в ту пору доверенных лиц, третья записка была Павлом уничтожена, но Ростопчин успел снять с нее копию.

После этого записки пролежали в императорском архиве еще сто лет и были опубликованы только при праправнуках Екатерины. Новое младое племя поверило им так же искренне, как старшие поколения верили изустным преданиям об удушении Петра Третьего.

Прошло еще сто лет, пришло новейшее поколение, скептическое и недоверчивое к букве документа. Провели историческую экспертизу. Пришли к выводу: третья записка — подлог, фальсификация Ростопчина (см. *Иванов 1995—96*). Следовательно, документальных данных об убиении Петра Третьего нет — есть только слухи. Зато есть данные о его сильном недо-

могании (см. первую и вторую записки). Значит, можно думать, что он умер собственной смертью.

Провели медицинскую экспертизу, поставили диагноз: «Петр III страдал <...> маниакально-депрессивным психозом в слабой стадии (циклотимия) с неярко выраженной депрессивной фазой»; «страдал от геморроя», отчего «не мог долго сидеть на одном месте, а постоянно ходил по комнате»; «маленькое сердце», обнаруженное при вскрытии, «как знают врачи, означает дисфункцию и других органов, делает более вероятным нарушения кровообращения, то есть создает опасность инфаркта или инсульта» (*Наумов 1993. С. 323; Иванов 1995. № 9. С. 15; Каменский 1997. С. 71, 76*).

Конечно, инфаркт или инсульт в тридцать четыре года — редкое событие, но при геморрое и циклотимии случается и такое, особенно от страха. — Может быть, коллеги правы: миф мифом выбивают, ибо узнать, как было на самом деле, все равно нельзя.

Наверное, правы коллеги и в том, что Екатерина не могла желать такой скорой смерти Петра Третьего — «слишком рано для ее славы» (*Дашкова. С. 78*). Сценарии наших предыдущих революций оставляли образцом для последующих переворотов не убийство, а ссылку свергнутых — так бывало вряд ли только вследствие гуманизма победителей, но и по причине их опасений за собственную жизнь в том крайнем случае, если их самих свергнут.

Наверное, и Екатерина не собиралась нарушать традицию. Именно поэтому она поручила командовать охраной своего несчастного супруга второму по надежности человеку — брату Григория Орлова. Поэтому логично предполагать, что смерть Петра Третьего от руки брата Григория была на руку тем, кто хотел бы скомпрометировать Орловых в общественном мнении и, соответственно, принудить Екатерину отказаться от надежной гвардейской опоры ее трона и принять некоторые условия по ограничению ее власти.

Мы несколько не удивимся, если после новых экспертиз логика предположений приведет к выводу о том, что насильственная смерть несчастного Петра более всех устраивала Никиту Ивановича Панина, и, как бы мы ни были убеждены в его порядочности, очевидно, что после царевубийства у него появлялась несомненная перспектива отлучить Екатерину от Орловых и поставить перед ней железное условие: отказаться от запятнанного кровию престола в пользу законного наследника Павла.

Не удивимся мы и обратным выводам — о том, что наибольшую выгоду из быстрой кончины злополучного императора извлекала сама Екатерина, ибо она отлично знала, что сила мо-

рального осуждения в политических предприятиях несоизмерима с силой гвардейских настроений, а гвардейские настроения тогда не могли пошатнуться от слухов об удушении Петра Третьего: гвардейцы — солдаты простые: они сами удавили бы императора, попадись он им под горячую руку 29-го июня. Известие о внезапной кончине несчастного супруга, конечно, потрясло ее: все-таки одно дело — желать ближнему зла, и совсем иное — стать причиной его смерти. И тут совсем неважно, умер Петр Третий сам по себе или был задушен — он бы не погиб так скоро, если бы остался царствовать. Но политически его смерть под караулом Алексея Орлова была Екатерине очень удобна, ибо отстраняла Орлова Григория от намерений жениться на ней. Не верится, чтобы она могла всерьез думать о публичном венчании со своим нынешним избранником. То есть как женщина, как страстная женщина, она, наверное, только и могла мечтать о таком мужественном спутнике жизни. Но как царица, мыслящая о всемирной славе, — нет. Она затевала революцию, чтобы властвовать, а не затем, чтобы стать основательницей династии Орловых на здешнем престоле.

И наконец, смерть Петра Третьего навсегда устраняла возможность обратного переворота в его пользу. Мертвый Петр не страшен: самое неприятное, что может совершить его имя, — это стать приманкой для самозванцев. А живой Петр, даже под крепким караулом в Шлиссельбурге, — это знамя новых революций в сердце державы.

Его похоронили в Александро-Невском монастыре, а не в Петропавловском соборе, ибо в Петропавловском хоронили только коронованных особ.

* * *

За два месяца до 28-го июня Екатерине исполнилось тридцать три года.

У нее были две генеральных цели и одна идея. Цели были практические: не потерять власть и не впасть в зависимость от своих спасителей. Идея была утопическая: сделать Россию первенствующей европейской державой.

Утопическая — не потому, что из России нельзя сделать европейскую державу: из России можно сделать хоть татарскую, хоть американскую державу — страна большая, любое название выдержит. Утопическая — потому, что эта идея противоречит коренным законам истории, по которым действует сила вещей: закону предельной допустимости раздвигания границ, закону внешнего равновесия и закону внутреннего сопротивления.

Согласно первому закону, всякая держава, чьи властители мыслят о первенстве, стремится к саморасширению. Под ста-

рость, войдя во вкус военных побед, Екатерина говорила, что если бы ей довелось «прожить лет двести, то бы, конечно, вся Европа подвержена б была российскому скипетру» (*Державин. С. 143*). Но расширение границ не может быть беспредельным, ибо, чем удаленнее от столицы и чем иноплеменнее окраины, тем скорее такая держава треснет.

Согласно второму закону, на всякую европейскую державу, чьи властители мыслят о первенстве, приходится еще несколько европейских держав, чьи властители тоже мыслят о первенстве, и когда они увидят, что в одиночку им вас не перегнать, они образуют коалиции, чтобы притормозить ваше движение, или втянут вас самих в такие коалиции, в чьих тисках вы будете мечтать только о том, как бы вам вернуться назад целыми и невредимыми.

Согласно третьему закону, чтобы преобразовать идею в дело, *недостаточно быть просвещенным, иметь наилучшие намерения и власть для исполнения их* (собственные ее слова: *Екатерина. С. 479*). Нужно иметь терпение и время, чтобы дожидаться, пока в неповоротливых нравах и умах подданных совершатся необратимые перемены и подданные воспримут в решительных мерах своего государя не признаки его безумия и не свидетельство нашествия антихриста, а благо, несомое всем и каждому. Обычно для таких перемен нужно несколько поколений. Просвещенный государь не успевает прожить такую длинную жизнь, и посему, ежели он воистину просвещен, то есть полагает лучшим средством цивилизации подданных не пыточную расправу, а слово убеждения, смягчающее грубые нравы и вразумляющее неразвитые мозги, — он будет спешить медленно и, смиряя пылкость своего цивилизаторского воображения, вместо того, чтобы, как хотелось бы, одним разящим ударом разрубить узлы, навороченные историей, — с изнурительной неспешностью сообразовывать разнонаправленные желания подданных, чтобы в конце концов объявить свою высочайшую волю в том виде, в каком она будет принята с благоговейным восторгом.

Петр Первый, разивший сплеча, правил нравы кнутом, а просвещал дыбой. Он связал подданных железной крепостной цепью. Все и каждый, от фельдмаршалов и сенаторов до пашенных мужиков, попали в многоэтажную клетку государственной системы. Сие было зело хорошо для расширения границ, разрастания самомнения и показывания Европе нашего предназначения: мы двадцать один год ломали гордость шведов⁹³ и за это время составили себе такую армию и построили такой флот, что в Европе стали считать нас опаснейшими соседями; мы завели собственные морские порты, и в Европе реши-

ли, что лучше с нами торговать, чем воевать; мы поставили чудо-город на бывшем шведском берегу, и в Европе поразились нашему сверкающему величию.

Но величие и цивилизованность — разные состояния. Мы вручали свои жизни царствующей особе и законом жизни почитали благоволение ее фаворита; слово *право* мы понимали только в том значении, согласно коему прав тот, у кого больше прав — то есть влияния и денег; мы оглядывались по сторонам — не крикнет ли кто-нибудь из закоулка *слово и дело*, чтобы засадить нас в Тайную канцелярию; дефицит бюджета у нас был такой, что жалованья служащим не платили годами, рекомендуя кормиться от просителей — то есть брать взятки; мы не читали книг; не выпускали журналов; нам не разрешали ездить за границу.

Мы не говорим сейчас о пашенных мужиках — чтобы довести блага цивилизации до них, нужны многие лета терпения: освободить мужиков нельзя, потому что для нашего мужика свобода — это воля, а воля — это значит: сарынь на кичку и на базар жак! Мужик, если его вдруг освободить, сначала спалит усадьбу барина, потом ближний губернский город, а как проспится — пойдет по миру каяться или наниматься в крепостные к другому мужику. Мужиков нужно освобождать — даже не из-за моральных угрызений, а из-за экономических: через сто лет мы со своим крепостным правом опять отстанем от Европы, потому что от принудительного народного хозяйства ржавеют государственные механизмы и развращаются лица, — но эту истину должны понять сначала те, кто по образу жизни и по объему просвещенности стоит на ближайших ступенях к царствующей персоне. Но что делать, если даже просвещеннейшие качают головой на самые умеренные проекты?

— *Ce sont des axiomes à renverser des murailles*, — говорит Никита Иванович Панин по поводу некоторых статей заветного сочинения Екатерины — ее «Наказа», что означает: от таких истин разрушаются стены (см. *Екатерина. С. 477*).

Впрочем, она была умная женщина и умела без ущерба для своей славы погашать пылкость воображения хладнокровными расчетами настоящей выгоды. Вот ее собственный рассказ о первом посещении Сената: «На пятый или шестой день по вступлении Екатерины II на престол она явилась в Сенат <...>. Так как в Сенате все делается согласно журналу за исключением дел, не терпящих отлагательства, то случилось по несчастию, что в этом заседании первым на очереди, пока записывали, оказался проект дозволения евреям въезжать в Россию. Екатерина, затрудненная по тогдашним обстоятельствам дать свое согласие на это предложение, единогласно признаваемое всеми полез-

ным, была выведена из этого затруднения князем Одоевским, который встал и сказал ей: «Не пожелает ли Ваше Величество прежде, чем решиться, взглянуть на то, что императрица Елисавета собственноручно начертала на поле подобного же предложения?» Екатерина велела принести реестры и нашла, что Елисавета по своему благочестию написала на полях: «Я не желаю выгоды от врагов Иисуса Христа». Не прошло недели со времени восшествия Екатерины на престол; она была на него возведена для защиты православной веры; ей приходилось иметь дело с народом набожным, с духовенством, которому еще не вернули его имений и у которого не было необходимых средств к жизни <...>; умы, как всегда бывает после столь великого события, были в сильнейшем волнении; начать такой мерой не было средством к успокоению умов, а признать ее вредной было невозможно. Екатерина просто обратилась к генерал-прокурору после того, как он собрал голоса и подошел к ней за ее решением, и сказала ему: «Я желаю, чтоб это дело было отложено до другого времени». Так-то нередко недостаточно быть просвещенным, иметь наилучшие намерения и власть для исполнения их» (*Екатерина. С. 478—479*).

До другого времени откладывалось всякое щекотливое предприятие, даже когда заводчицей его была она сама: «Для введения лучших законов потребно умы людские к тому приуготовить», — ея собственная отговорка (*Екатерина. С. 24*).

Посему ее реформы никогда не обрушивались вдруг и сразу на головы подданных, как во времена Петра Первого или в недавнюю эпоху Третьего Петра, а намётывались годами, иногда десятилетиями, и многого, очень многого из того, что она мыслила свершить в этой стране, страна так и не дождалась.

Впрочем, свершенное ею за тридцать четыре года царствования неизмеримо многозначительнее всего свершенного за тридцать семь лет, прошедших от смерти Петра Первого до смерти Петра Третьего. Даже когда ее проекты не давали никакого практического результата, она превращала их в монументальные памятники своей славы.

Именно такова была судьба ее самого невероятного проекта: о превращении подданных в граждан.

Слово *подданный* — древнее слово, засевшее в наш язык с тех пор, когда самым простым и удобным способом прокорма военной дружины считалось обложение данью соседнего племени. Было время, когда мы платили дань хазарам, потом стали платить варягам, потом татарам. Мы породнились с нашими мытарями. Слово прижилось. Мы стали подданными московских царей и петербургских императриц. Слово обросло усиленными чувствами: *верноподданный раб* и *всеподданнейший*

раб — нормальные формулы самоназвания тех, кто имел смелость обратиться с челобитной на имя Ея Величества⁹⁴.

Слово *гражданин* — тоже, конечно, старое слово, но только по морфологии; по смыслу оно есть слово совсем новое: «Человек чрез гражданское <...> состояние приобретает равенство нравственное и законное и, будучи натурально не равен силою или разумом другому, делается равным по договору и по праву». — Это речь не самой Екатерины, а одного из ее верноподданных Монтескиев и Вольтеров (*Козельский. С. 180*), но, конечно, тут отдается гулкое эхо ее собственных государственных проектов. Тут целая программа новой жизни, о которой Европа профилософствовала весь восемнадцатый век.

Но в Европе о применении этой программы к делу, кажется, не думают даже сами ее производители. Там, в Европе, все как-то уж слишком возделано, отстроено, отполировано предыдущими столетиями. Там все так тесно и узко, что для устроения новой жизни надо сначала разрушить стены старой, пролить реки крови и прожить лет двести. Там слово и дело разведены: словом заведуют философы, делом политики. Политики не пускают философов к управлению за их разрушительное воображение, философы своим словом строят эшафоты политикам за их полицейские воззрения о государственном строе.

И только у нас еще сохранилась священная природа: есть широкое место, где пока нечего ломать, а можно только строить. Только у нас слово и дело соединились в лице просвещенной царственной персоны, открывши революцией шестьдесят второго года широкое поле для небывалого исторического эксперимента.

Эксперимент назывался *Комиссия о сочинении проекта нового Уложения*.

Уложение — это собрание законов.

Комиссия о сочинении — это собрание из полутысячи с лишком депутатов от нации, съехавшихся в июле 1767-го года в Москву, в Кремль, для проектирования законов. Чтобы они знали, зачем они приехали, Екатерина два года пред сим своею ручкою сочиняла им инструкцию: «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» — дистиллированное средоточие высокопарящих идеалов европейского интеллекта.

Законы — это правила безопасной жизни в цивилизованной европейской державе.

* * *

Россия есть Европейская держава — собственное в «Наказе» ея величества определение (*Екатерина. С. 23*).

«Равенство всех граждан состоит в том, чтобы подвержены

были тем же <т. е. одинаковым> законам. <...> Государственная вольность в гражданине есть спокойствие духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностью: и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялися бы все одних законов» — тоже собственные ея слова, хотя и выписанные из знаменитого чужого сочинения (*Екатерина. С. 23—24*)⁹⁵.

Эти общие слова стали называться лицемерными много позже⁹⁶, когда все получилось как всегда, а не как хотелось. Но в ту пору, когда они были выписаны, они не были лицемерными и не считались общими. Тогда они казались строгой регламентацией к приуготовлению умов.

Екатерина была ведь не только увлекающаяся славолубием, но и практическая женщина: она не стала бы тратить два года жизни на составление «Наказа» только затем, чтобы получить комплименты от Вольтера и Дидро да продемонстрировать потомкам свою начитанность, ибо получить и продемонстрировать можно было более экономным способом.

Возглашая смыслом своей жизни *блаженство каждого и всех*, она думала в том числе о себе — об удобствах собственной царской работы: ей было бы легче жить и действовать, если бы в государстве образовался твердый систематический порядок, при котором все и каждый знают точное расписание своих привилегий и запретов и не бросаются ябедничать друг на друга по пустякам к высочайшей особе.

Когда она только приступала к царствованию, она дозволила всем и каждому подавать жалобы на собственное имя. Ее стали подкарауливать депутации купцов, мещан и мужиков, чтобы в собственные ея руки вложить челобитные. Пришлось отменить это благодеяние. Крепостным вовсе запретили подавать жалобы на господ. Но порядка не прибавилось. Юстиц-коллегия доложила: «в ней нерешенных дел, начиная с 1712 года, состоит 6027, да, сверх того, явились еще неразобранные дела» (*Соловьев. Кн. XIV. С. 8*).

Манифестов и указов от предыдущих царствований накопились кипы, но одни противоречат другим, третьи — устарели, а важнейших нет: привилегии сословий не оформлены, правила коммерции не определены, критерии наказаний не установлены.

Все сие и должны были оформить, определить, установить депутаты Комиссии о сочинении. Страна приуготовлялась к гражданскому самоуправлению, час от часу обгоняя Европу.

«Законы у нас запутаны; о том сомнения нет, — вторили мы бессмертному «Наказу». — Сию неудобность мы имеем во-

обще со всей Европой; но пред ней имеем мы выгоду ту, что Ея Величеством созвана вся нация для составления нового проекта узаконений; следовательно, питаемся надеждой о поправлении — тогда, когда Европа вся не видит конца конфузии» (*Всякая всячина. 1769. Лист 108*).

Разумеется, гражданское равенство понималось тогда в ином несколько виде, нежели тот, что через тридцать лет станет определять и устанавливать для будущей Европы якобинская Франция. *Равенство* Екатерины — это равенство всех и каждого на своей ступени, внутри своего сословия: для дворян — свои законы, для купцов, мещан и прочего среднего состояния — свои. Для крепостных мужиков, конечно, не будет законов — такова сила вещей: когда Екатерина, прежде чем публиковать «Наказ», стала показывать его некоторым особам, по ее мнению, способным добавить свое просвещенное мнение, все ее статьи об изменении крепостного состояния были опротестованы. «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя <...>. Будет ужасное несогласие между помещиков и крестьян, ради усмирения которых потребны будут многие полки; непрестанная будет в государстве междоусобная брань», — отвечали Екатерине просвещенные особы⁹⁷. Она отложила это дело до другого времени: пусть мужики пока остаются подданными — авось, после того, как главнейшие сословия проникнутся гражданским чувством, к сему вернемся. А пока определим равенство другим.

Разумеется, она не планировала равенство других — себе. Россия, несомненно, европейская держава, но провозглашать царствующую персону первой среди равных все-таки нельзя — ни по личным, ни по всенародным причинам. По личным — потому что некоторые просвещенные советчики, вроде Никиты Ивановича Панина, мыслят первой среди равных другую персону — сына Павла, и стоит лишь заикнуться о конституции и парламенте для государя, как Екатерину просто отрешат и станут править сами от имени Павла. А коли и впрямь сделают конституцию и парламент — отрешат всю Россию, ибо сокращение монаршей воли произведет упадок центральной власти до, может быть, полного ее урона: в парламенте не будет согласия, станут составляться партии, одни потребуют одного, другие — другого; провинциальные власти почувют ослабление узды, захотят ее совсем скинуть, начнут сочинять свои законы и наконец вовсе отделятся от России; западные соседи, увидав наше домашнее междоусобие, сообразят, что пришел час поделить Россию меж собой. Не о первенстве в Европе придется думать, а о том, как спастись в родные татарские степи. Пожалуйста: свежий пример — Польша, некогда владычествовав-

шая над Восточной Европой. Что сделал польский сейм для могущества своей страны? — низвел величество королей до такого градуса, что едва пресекутся заседания наших депутатов от нации в Кремле, мы первые примемся делить Польшу, а через тридцать лет само слово *Польша* из события международной жизни превратится в факт истории⁹⁸. — Вот что такое большинство голосов при отсутствии направляющей воли.

Большинством голосов можно определить правила равенства между гражданами разных сословий. Для сего созваны депутаты от нации. Но *большинство* никогда не увидит того, что видно с вершины; необходим высший судия, парящий над законами, — гарант соблюдения законности, гражданского равенства, быстроты и силы в решениях. «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медлене, отдаленностию мест причиняемое», — собственные ее слова в «Наказе» (*Екатерина. С. 23*).

Комиссия о сочинении началась 30-го июля 1767 года.

«Такого представительного собрания Москва еще не видала! — рассказывает летописец. — Никогда еще не собирались в первопрестольной представители самых отдаленных уголков империи, разных ее народностей, купцы и землевладельцы, чтобы вместе с увешанными крестами и звездами генералами и вельможами сообща решать будущее отечества. Казалось, наступил поворотный час в истории России, когда судьба страны оказалась в руках ее граждан... — На первых заседаниях депутаты ознакомились с «Наказом» государыни, регламентом и другими инструкциями, избрали маршала (председателя) комиссии <...>. Затем в работе Комиссии начались будни. <...> — Поскольку никаких законопроектов, которые можно было бы сразу же рассмотреть и принять, еще не имелось, депутаты создали восемнадцать «частных» комиссий для их разработки.<...> В ожидании их депутаты занялись изучением уже существующего законодательства и наказов избирателей. Начать решили с наказов государственных крестьян — самых многочисленных. И сразу же вспыхнули споры и разногласия. В центре их оказался вопрос о крестьянской торговле. Дворяне, заинтересованные в том, чтобы крестьяне богатели, склонны были поддержать их требования и разрешить свободно торговать по всей стране. Но представители городов, купечество высказались против. Они добивались монопольного положения в торговле, и крестьяне могли стать для них серьезным конкурентом. После долгих дебатов депутаты убедились в их бессмысленности: стало ясно, что сперва надо определить права дворянства и купечества, да-

бы выделить, что останется, крестьянам. — Начали с прав дворянства. И тут дебаты разгорелись пуще прежнего <...>» (*Каменский 1997. С. 157—158*).

Настала осень. Птицы полетели к югу. Полили дожди. Облетели листья. Начались заморозки. Повалил снег. Пришла зима. — В декабре собрания Комиссии в Кремле окончились, и депутаты от нации переехали в Петербург.

В феврале 1768-го собрания Комиссии возобновились в Петербурге. — Настала весна. Птицы вернулись. Просияло солнце.

* * *

Тем временем на юго-западных наших рубежах — там, где Польша соседствует с Портой, день ото дня возрастал призрак новой большой войны.

Когда в 1763-м году умер польский король Август Третий, посаженный на престол тридцать лет назад после нашего гданьского десанта, Екатерина очень помогла своему бывшему возлюбленному Станиславу Понятовскому стать первым среди польской шляхты: Понятовского избрали на сейме королем. Как производилась подготовка и как шло само избрание — дело дипломатической техники, и сейчас недосуг пересказывать. Заметим только, что наш посланник в Варшаве князь Николай Васильевич Репнин не пожалел казенных денег.

Понятовский показал себя послушным королем. Он обещал уравнивать в правах с польскими католиками православных обитателей королевства — белоруссов, украинцев, казаков и прочих, как их тогда называли, диссидентов: сейму предлагалось установить свободу православного вероисповедания, вернуть отнятые церкви и монастыри и дать диссидентам все вольности, коими пользуются католики, — вплоть до права голоса и занятия мест в сейме. Шляхта на то не поддавалась. Князь Репнин в ответ сообщил, что тогда наши войска (все еще стоявшие на польских квартирах со времен Семилетней войны) никогда не будут выведены из Польши. Тогда шляхта составила на юге страны — в местечке Бар — конфедерацию за согнание с престола Станислава. Наше войско развернулось и пошло маршем против конфедератов. Барская конфедерация имела меньше сил и регулярности, чем мы, и в то самое время, когда наши депутаты от нации продолжали свои дебаты в Петербурге, наши генералы разбили поляков при Бродах, взяли штурмом Бар, Бердичев и Краков.

Дело происходило вблизи турецких владений и естественным дыханием войны коснулось подданных султана. Летом 1768 года наши казаки, в погоне за конфедератами, заехали в

вотчины крымского хана — в Балту и Дубоссары — и перебили там до двух тысяч татар, турок и молдаван. Казаки были не регулярные, а бунтовские, назывались гайдаками и решали диссидентский вопрос согласно своей поговорке: «Лях, жид, собака — вера однака» (Соловьев. Кн. XIV. С. 236). Само собой, под действие поговорки попадали басурманы.

Когда вести из Балты и Дубоссар дошли до Стамбула, нашему посланнику в Порте Обрезкову сказали в великом гневе, чтобы мы перестали подстрекать диссидентов, убрали армию из польских пределов и вообще оставили Польшу при обычной ее вольности. Обрезков отвечал, что он только посол, никаких обязательств от лица своей императрицы выдать не вправе и что вообще Россия не несет ответственности за провокации разбойников. Тогда турки посадили Обрезкова со всем его посольством под арест и изготовились с нами воевать.

Кончался сентябрь 1768 года. Депутаты от нации продолжали свои собрания. Безразличные к нашим заботам птицы потянулись к югу — в зимние гнезда на турецких землях. В том же направлении заработала и наша государственная мысль, едва Петербурга достигло известие о злключении Обрезкова. Депутатов от нации не медля отпустили с миром — статских по домам и местам службы, военных — для баталий с турками. «Пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили» — было сказано в журнале «Всякая всячина» (Л. 108), открывшемся в следующем 1769-м году под присмотром Екатерины. — А ныне возможности длить законодательные прения нет: война.

И с такой же страстью, с какой она приуготовляла умы к гражданскому равенству, Екатерина приступила к военным диспозициям. Полгода назад ей исполнилось сорок лет. Шел седьмой год ее власти. Для начинающего политика — возраст расцвета.

За начинающего Бог!⁹⁹

Триста пятнадцать лет назад, в лето 1453-е от Рождества Христова, в ясное, погожее майское утро крики, трески и грохоты разносились над стогнами Константинополя: то наши предки по вере, православные греки, обороняли свой царственный град в последнем бою с турецкими янычарами. В тот черный день, пронзенный мусульманским оружием, пал с мечом в руке последний византийский император Константин Палеолог. — Пусть же падет ныне от православного оружия при вратах Царьграда последний султан и на руинах Стамбула воссияет Константинополь — древняя столица православного мира! — Сей исторический сюжет стал вторым после «Наказа» и депутатов от нации памятником ее царствованию.

Практические расчеты без утопической подпитки делают

жизнь скучной, бессмысленной и бездарной. Плох тот солдат, что не хочет стать генералом, и плох тот генерал, что не хочет завоевать столицу неприятеля. В 1760-м году наши казаки заняли на три дня Берлин, и хоть материального толку от этого наезда вышло немного, само событие, сам факт, пусть трехдневного, взятия прусской столицы обнаружил нечто такое, что не компенсируется никакими территориальными приобретениями.

Зачем носят в бой хоругви? Зачем развешивают флаги на башнях взятых городов? Зачем утрата знамени — куска цветной обшитой материи — считается позором худшим, нежели потеря пушек? — Все затем же, что в нашем отношении к знамени обнаруживается нечто практически бесполезное, но магически важное — сознание своей чести и славы.

В случае с турками это сознание, начиная с мая 1453-го года, неизбежно упиралось в утраченный Константинополь. Да, конечно, приобретение этого города, расположенного на берегу узкого пролива, по которому ни один корабль не пройдет без ведома здешних пушек, — очень выгодно: сама природа устроила здесь для обладателей Константинополя место таможенного досмотра. Так же удобно стояла когда-то на берегу другого пролива Троя. И так же, как взятие Трои в памяти греков осталось делом чести и славы, а не торговой выгоды, — так возвращение Константинополя в новую эру было одушевляющим подтекстом сухого практического действия.

«А по моему мнению, — говорил Алексей Орлов брату Григорию при начале нынешней войны, — если ехать, так уж ехать до Константинополя <...>. И скажу так, как в грамоте государь Петр Первый сказал: а их, неверных магометан, согнать в поле и степи пустые и песчаные на прежние их жилища. А тут опять заведется благочестие, и скажем: слава Богу нашему Всемогущему!» (*Соловьев. Кн. XIV. С. 290—291*).

Нет нужды приписывать Алексею Орлову или Петру Первому, на чьи речи ссылался Орлов, или кому-нибудь еще честь изобретения сюжета об освобождении Константинополя. Это бродячий сюжет. Завязка его совершилась в мае 1453 года, и с тех пор любое военное движение в сторону турецких владений, независимо от его конкретных целей, должно было сеять надежду на его скорейшую кульминацию. Святые места или священные вещи — источники магической силы и власти, мысль о них определяет смысл жизни.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы практические военные планы 1768 года были совсем без фантазии. Решили поставить целью то, что не удавалось сделать самому Петру Первому, — выйти на Черное море и открыть себе свободное там мореплавание. Стали строить крепости в Азове и Таганроге. Одну из ар-

мий отправили за Днестр, в Молдавию, чтобы перекрыть туркам движение к польским границам. Братья Орловы предложили послать из Кронштадта вокруг Европы экспедицию в Средиземное море и поднять против турок православных подданных Порты — греков и балканских славян, страждущих от магометан. Алексей Орлов в ту пору находился в Италии; узнав о начале войны, он писал старшему брату в Петербург: «Я здесь нашел много людей единоверных, которые желают быть под командою нашею и служить в теперешнем случае против турок. <...> Они храбры, любят меня и товарищей моих много за единоверие; все повеленное мною хотят делать. Выступайте с одного конца, а я бы с другого зачал» (*Соловьев. Кн. XIV. С. 290—291*).

При той разруге во флоте, которая досталась Екатерине от царствования ее свекрови¹⁰⁰, планировать морскую экспедицию из Балтийского моря в Средиземное могли только такие лихие гвардейцы, как Орловы; сделавшись после революции первостепенными государственными вельможами, они, конечно, остепенились, но своих размашистых привычек не утратили. Укрупнился масштаб: шесть лет назад они волновали петербургскую гвардию против голштинского ига, теперь готовы были поднять Грецию и Балканы против Порты.

Екатерина была страстная женщина, и диверсия в турецком тылу была решена. В июле 1769-го первая наша эскадра вышла из Кронштадта. За ней последовали две другие.

В августе наша армия за Днестром заняла Хотин — крепость, без штурма которой не начиналась ни одна война с турками. Осенью были взяты Яссы и Бухарест. Вся Молдавия присягнула Екатерине.

К февралю наши первые корабли доплыли до италийского берега, к месту встречи с Алексеем Орловым. Вид их был жалок и уныл. «Если б мы не с турками имели дело, — докладывал Орлов Екатерине, — всех бы легко передавили, не нужно б было много с ними драться, а только за ними гнаться» (*Сб. РИО. Т. 10. С. 413*). Но отступать было некуда и стыдно — Орлов принялся волновать греков. Наши корабли пошли к Морее, и начались бои за Элладу. Скоро оказалось — греки, даром что великие храбрецы на своих горных тропах, при виде превосходящего числа турецкого войска спасаются врассыпную. К лету 1770-го стало ясно, что зажечь Порту со стороны Архипелага нет возможности. Тогда Алексей Орлов решил спалить хотя бы турецкий флот.

Утром 24-го июня наша эскадра подошла к Хиосскому проливу и увидела турецкую флотилию. Конечно, Алексей Орлов предполагал, что у турок кораблей больше, чем у него, но

вряд ли думал, что настолько больше. — В подобных случаях, когда наше маленькое войско оказывается перед лицом большего чужого, только три фактора приносят удачу: *авось, не бойсь и ура*. Посему отважились атаковать. Потопили адмиральский корабль неприятеля, и турки отступили, закрывшись в Чесменской бухте. Летописец иронизировал впоследствии: «<...> в Архипелаге нашелся флот хуже русского» (*Ключевский. Т. 5. С. 44*). Какой был флот у турок, теперь уже не узнать, ибо в ночь с 25-го на 26-е июня он полностью выгорел от мужественных рук наших поджигателей.

Пока известие о чесменском пожаре шло в Петербург, командующий одной из наших армий Румянцев с двадцатью тысячами дважды побил превосходящих турок: 7-го июля прогнал восемьдесят тысяч неприятеля с речки Ларги при ее впадении в Прут, а 21-го июля — рассеял сто пятьдесят тысяч на реке Кагул.

Мы шли вперед. Турки отступали, теряя крепость за крепостью. Осенью 1770-го сдались Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил. Григорий Орлов предлагал двинуться на Варну, а оттуда идти морем к Константинополю.

Тем временем стали склонять крымских татар отложиться от Турции. Татары удивились. Крымский хан говорил Петру Ивановичу Панину (брату Никиты Ивановича, командующему одной из наших армий): «Объясняешь, что твоя королева желает прежние вольности татарские доставить, но подобные слова тебе писать не должно. Мы сами себя знаем. Мы Портою совершенно во всем довольны и благоденствием наслаждаемся. А в прежние времена, когда мы еще независимы от Порты Оттоманской были, какие междоусобные брани и внутри Крымской области беспокойства происходили, все это пред светом явно; и потому прежние наши обыкновения за лучшие нам представлять какая тебе нужда?» (*Соловьев. Кн. XIV. С. 355*). Нужда была важная — прекратить татарские набеги на наши южные области. Последний такой набег сделал покойный хан Крым-Гирей в январе 1769-го¹⁰¹. Из Елисаветградской провинции тогда увели в полон до тысячи человек. В Крыму соображали, что свобода от родной по вере магометанской Порты — это путь к подданству иноверной России: урон всей ордынской жизни.

Весной 1771-го года одна из наших армий двинулась на заветный полуостров. 14-го июня отогнали татарское войско от Перекопа, 22-го были на Салгире, к концу месяца взяли Кафу. Крым стал независим.

Но идти на Константинополь все равно было нельзя: — требовалось сначала приуготовить к сему европейское мнение. А европейское мнение, чем дальше мы теснили турок, тем силь-

нее волновалось против нас. Еще немного — и Россия станет самой опасной континентальной державой, готовой взять в обхват всю Европу, — вот что они думали.

* * *

Мы прервали свою речь о западной политике, кажется, на третьем году Семилетней войны, прощаясь с канцлером Бестужевым-Рюминым, отъезжающим в Можайскую ссылку. Хотя нет: последний раз речь о том шла по случаю празднования мира с Фридрихом накануне похода в Данию и при угрюмом ожидании минуты, когда Фридрих позовет нас бить вчерашних союзников австрийцев. — Поход не состоялся, и ожидание развеялось, лишь только Петр Третий погиб.

Вернувшийся из-за Можайска граф Бестужев-Рюмин настаивал на возвращении к союзу с Австрией. Однако при дворе властвовало уже новое поколение, и Екатерина не послушалась старого канцлера. Современную систему европейского равновесия стал строить Никита Иванович Панин — он уже в первый после-революционный год принял главную роль в ведении нашей международной жизни и скоро полностью вытеснил закоренелые бестужевские мнения из политического кругозора Екатерины.

Сила вещей в послевоенной Европе распределила взаимные отношения главных держав так, что в южной половине континента составилась оплот из Австрии, Франции и Испании. Географическая симметрия требовала контраналогии. Заключив мир с Фридрихом, Петр Третий нечаянно провел важную линию, вокруг которой вероятно было построить стройный чертеж: южному европейскому союзу мог бы соответствовать северо-атлантический альянс: Россия — Пруссия — Англия — Швеция с присовокуплением стран помельче и послабее: Саксонии, Польши и проч.

Конечно, по прошествии времени уже нет сомнений в том, что северная система изначально строилась в виде еще одного памятника царствованию Екатерины, ибо при самом беглом взгляде на политические балансы середины шестидесятых годов бросается в глаза невероятность такого сопряжения множества разнонаправленных интересов разноустроенных государств, чтобы эти интересы приносили выгоду преимущественно России. Однако при взгляде из Петербурга середины шестидесятых, в пору расцвета утопических начинаний, так отнюдь не казалось. Казалось, напротив, что еще немного дипломатических усилий, и север Европы будет охвачен нашим повсеместным влиянием.

Проектом северного альянса очень озаботились в Австрии и во Франции: «Франция не из фантазии какой-нибудь находит-

ся во враждебном отношении к России. Государыня, царствующая в Петербурге, с первых месяцев своего правления обнаружила свою честолюбивую систему: нельзя было не увидеть ее намерения вооружить Север против Юга. <...> Если бы состоялся северный союз, руководимый Россией и Пруссией и оплачиваемый Англией, то Австрия и Франция необходимо должны были бы вести значительную сухопутную войну» — собственные слова герцога Шуазеля, распорядителя французскими иностранными делами (*Соловьев. Кн. XIV. С. 331*).

В конце концов состояться северной системе не дал тот, в расчете на чье содействие составлялся проект, — многоковарный Фридрих. Узнав о нашем географическом чертеже, упорядочивающем Европу, он, хотя и был природный немец, не польстился на красоту симметричного противостояния Севера — Югу, сообразив дело так же, как поняли его в прочей Европе: русская императрица хочет, чтобы ни одна пушка на континенте не стреляла без ее повеления.

Фридрих, как известно всему свету, с удовольствием и всерьез интересовался только теми вещами, от которых был прок для его Пруссии. Среди таких вещей была одна, манившая взоры еще его родителя: к востоку от Берлина с запамятных времен простиралась лакомая земля с видом на Северное море, принадлежавшая Польше. Отнять эту землю у Польши просто так — введя туда войска — не было никакой возможности: ближние польские соседи — Австрия и Россия — служили неприятной помехой. Но вот началась наша война с Портой, вот мы стали теснить турок и заняли области, смежные с австрийскими, вот в Австрии пуше прежнего взволновались насчет нашего усиления и выставили свое войско в Венгрию и Трансильванию, чтобы показать свою готовность к войне с Россией в случае ее дальнейшего проникновения за Дунай. Тут Фридриху открылись великие выгоды.

Он восстановил согласие с Францией, вошел в доверие к Австрии и стал усиленно уговаривать нас не раздражать бывших союзниц своими приобретениями, а посему при заключении мира с турками отказаться от Молдавии и Валахии, а удовольствоваться свободным плаванием по Черному морю и независимым Крымом. За скромность в турецких завоеваниях нам предлагалось забрать у Польши Белоруссию и согласиться с тем, чтобы Пруссия присоединила северную сторону Польши, а Австрия — южную.

«Вышло так, — недоумевал летописец, — что одни польские земли отходили к России взамен турецких за военные издержки и победы, а другие — к Пруссии и Австрии так, ни за что, или к первой как бы за комиссию и за новую постановку дела,

за фасон, а ко второй в виде отступного за вражду к России, вызванную ее союзом с той же Пруссией <...>. Доля России, понесшей на себе всю тяжесть турецкой войны, была не самая крупная: по вычислениям, которые представил Панин, она по населенности занимала среднее место, а по доходности — последнее; самая населенная доля была австрийская, самая доходная — прусская <...>. Винили Панина в чрезмерном усилении Пруссии, и он сам сознавался, что зашел дальше, чем желал, а Гр. Орлов считал договор о разделе Польши, так усиливший Пруссию и Австрию, преступлением, заслуживающим смертной казни» (*Ключевский. Т. 5. С. 53*).

Но слово Гр. Орлова в ту минуту ничего уже не решало. Наступил 1772-й год.

* * *

Десять лет первенствовал Григорий Орлов и долго, наверное, не нашлось бы ему замены, если б не был он так размахист во всем, что совершал, — в том числе в амурных походах. Он сам дал повод для отставки слишком гласными любовными изменами. В апреле 1772-го по его отъезде на мирные переговоры с турками Екатерина решила на расставание, и в начале мая ей был представлен новый гвардейский избранник — красивый дурак Васильчиков. Когда Орлов узнал о перевороте и срочно вернулся в Петербург, у заставы его встретило письмо Екатерины с просьбой пожить, пока сердце не успокоится, где-нибудь в стороне от столицы. — Похоже, это Никита Иванович Панин, сладко про себя улыбаясь, расчищал путь для новых намеков на воцарение своего воспитанника под властью неперемненных законов. Мы знаем, что Никита Иванович был очень упрям¹⁰², как говорила о нем Екатерина, и посему за десять лет ее царствования никак не отложился от своих закоренелых воззрений. Трудно, разумеется, поверить в то, что он пошел бы по расчищенному пути первым — слишком он казался ленив и флегматичен¹⁰³ для решительного дела. Тем не менее последующий ход истории доказывает: в 1772-м году Никита Иванович приблизился к самому порогу, отделявшему его упрямую идею от ее практического исполнения, — дальше этого порога он уже не ступит.

20-го сентября его воспитаннику великому князю наследнику Павлу исполнялось восемнадцать лет — возраст, маячивший еще во время революции 62-го года рубежом правления Екатерины и началом вступления в императорскую должность ее сына.

ЦАРЕВИЧ

«Наружность его можно назвать безобразною, а в гневе черты его лица возбуждали даже отвращение. Но когда сердечная благосклонность освещала его лицо, тогда он делался невыразимо привлекательным: невольно охватывало доверие к нему, и нельзя было не любить его. — Он охотно отдавался мягким человеческим чувствам. Его часто изображали тираном своего семейства, потому что, как обыкновенно бывает с людьми вспыльчивыми, он в порыве гнева не останавливался ни перед какими выражениями и не обращал внимания на присутствие посторонних, что давало повод к ложным суждениям о его семейных отношениях. Долгая и глубокая скорбь благородной императрицы <Марии Федоровны> после его смерти доказала, что подобные припадки вспыльчивости несколько не уменьшили в ней заслуженной им любви. — <...> Павел имел искреннее и твердое желание делать добро. Все, что было несправедливо или казалось ему таковым, возмущало его душу, а сознание власти часто побуждало его пренебрегать всякими замедляющими расследованиями; но цель его была постоянно чистая; намеренно он творил одно только добро» (Коцебу. С. 275—276).

«Павел был мал ростом. Черты лица имел некрасивые за исключением глаз, которые были у него очень красивы; выражение этих глаз, когда Павел не поддавал под власть гнева, было бесконечно доброе и приятное.<...> Хотя фигура его была обделена грацией, он далеко не был лишен достоинства, обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами; все это запечатлеvalo его особу истинным изяществом и легко обличало в нем дворянина и великого князя. Он обладал литературною начитанностью и умом бойким и открытым, склонен был к шутке и веселию, любил искусство; французский язык и литературу знал в совершен-

стве, любил Францию, а нравы и вкусы этой страны воспринял в свои привычки. Разговоры он вел скачками, но всегда с непрерывным оживлением. Он знал толк в изощренных и деликатных оборотах речи. Его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себе представить что-либо более изящное, чем краткие, милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты «благодарушия» (Ливен. С. 178).

«Екатерина употребила все, что в человеческих силах, чтобы дать сыну воспитание, которое сделало бы его способным и достойным царствовать над обширную Российскую империю. Граф Н. И. Панин, один из знаменитейших государственных людей своего времени, пользовавшийся уважением как в России, так и за границей за свою честность, высокую нравственность, искреннее благочестие и отличное образование, был воспитателем Павла <...>. Особенное внимание было обращено на религиозное воспитание великого князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящего времени показывают места, на которых Павел имел обыкновение стоять на коленях, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами. Паркет положительно протерт в этих местах. — Офицерская караульная комната, в которой я сидел во время моих дежурств в Гатчине, находилась рядом с частным кабинетом Павла, и мне нередко приходилось слышать вздохи императора, когда он стоял на молитве. — <...> Павел Петрович был одним из лучших наездников своего времени и с раннего возраста отличался на каруселях. Он знал в совершенстве языки: славянский, русский, французский и немецкий, имел некоторые сведения в латинском, был хорошо знаком с историей, географией и математикой <...>. Императрица Екатерина <...> послала сына путешествовать вместе с супругою и отдала самые строгие приказания, дабы не щадить денег, чтобы сделать эту прогулку по Европе столь же блистательной, сколь интересной <...>. Путешествовали они incognito, под именем графа и графини Северных, и всем хорошо известно, что остроумие графа, красота графини и обходительность обоих оставили самое благоприятное впечатление в странах, которые они посетили. <...>

В Вене, Неаполе и Париже Павел проникся теми высокоаристократическими идеями и вкусами, которые <...> довели его впоследствии до больших крайностей в его стремлении поддерживать нравы и обычаи старого режима в такое время, когда французская революция сметала всё подобное с Европейского континента. Но как ни пагубны были эти влияния для чуткой и восприимчивой души Павла, вред, причиненный ими, ничто в сравнении с влиянием, которое произвела на него в Берлине прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т. п., — словом, всё, что имело какое-либо отношение к Фридриху Великому. Павел подражал Фри-

дриху в одежде, в походке, в посадке на лошади <...>» (Саблуков. С. 12—14).

«В государе сем, можно сказать, беспримерно соединялись все противные одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная деятельность и щедрость беспредельная являлись в нем при всех случаях неизменно <...>. К строгости побуждался он точно стремлением любви, правды и порядка, коего расстройство увеличивалось иногда в глазах его — предубеждением. Сильное впечатление в нраве его сделало, конечно, то, что от самого детства напоен он был, так сказать, причинами к страхам и подозрениям и что безмерная деятельность его стеснялась невольным бездействием в тех немолодых уже летах, в которых вступил он на престол» (И. В. Лопухин. С. 74).

* * *

Прошло десять лет с июньской революции, а память о ее несогласованности с правилами престолонаследия никак не выравнивалась из мнения народного. Призрак Петра Третьего бродил по окраинам империи.

Что такое Петр Третий — хорошо видели в Петербурге. В Москве его тоже видели, когда он, будучи наследником, несколько раз сопровождал Елисавету Петровну при ее визитах в первопрестольную. Но чем дальше от столиц, тем меньше было знавших его как царя и человека и тем гуще возрастала молва о незаслуженном отрешении его от престола.

У нашего народа уже полтора ста лет, со времен царевича Димитрия и Гришки Отрепьева¹⁰⁴, повелось считать всякого быстро умершего царя или царского сына не умершим, а живым — то есть чудесно спасшимся из длинных боярских рук, чтобы после явиться к своим подданным — навести порядок и дать волю.

Не было случая, чтобы народу явился самодержец, прославивший свое имя долгим правлением, — никому не приходило в голову, например, называть себя Петром Первым. Зато его самозванные сыновья — воскресшие царевичи Алексеи и Петры — бродили порой в поисках пропитания и удачи по большим дорогам, сея будоражащие слухи и временами заводя по уездам смуты¹⁰⁵.

Самозванцев ловили и отправляли в каторгу. Смуты гасли, но слухи оставались, и плодились новые цари и царевичи. Их тоже ловили и отправляли.

При Елисавете Петровне погасли и самозванцы — то ли потому, что новое поколение было скромнее предыдущего, то ли потому, что на окраинах позабыли о сыновьях Петра Первого.

Но лишь только погиб третий Петр, весть о его счастливом спасении запылала, аки сухая трава от искры, а самозванцы стали расти, яко грибы после дождя.

В 1763-м году в Петербург донесли, будто Петр Третий скрывается у казаков на Яике. Под Уфой изобличили попа и дьячка, служивших благодарственный молебен об избавлении государя от опасностей (*Сивков. С. 96*).

В 1764-м слухи продолжали сверкать то там, то тут. Рассказывали, что видели государя под Курском. Скоро государь сам пришел в курские окрестности: он зарабатывал себе пропитание лечением местных мужиков. Его посадили в острог, он сбежал и, укрывшись у своих пациентов, просил их: «Детки, берегите меня, я де земной ваш бог». Мужики его берегли, но начальство отыскало, и на следствии он признал себя разорившимся армянским купцом Антоном Асланбековым. Его отправили в Нерчинские рудники, но тотчас в Глухове, на Украине, объявился еще один — малоросс Николай Колченко; спьяну, по неведению или от сумасшествия он называл себя наследником Петром Федоровичем (*Сивков. С. 97—98*).

В 1765-м в Воронежской губернии государь собрал вокруг себя до трехсот мужиков и, обещав им сократить подати, собрался в поход на Москву. Одновременно Петр Третий пришел в Изюмскую провинцию. — Оба самозванца оказались беглыми солдатами; их отправили в Нерчинск. Изюмский государь и на каторге продолжал называть себя Петром Третьим, за что получал от самых доверчивых почет и подарки (*Соловьев. Кн. XIII. С. 412—413; Сивков. С. 103—107*).

В 1766-м в Оренбургской губернии беглый казак разглашал себя сенатским курьером, расследовал жалобы мужиков и показывал им печатный указ с титулом Петра Третьего (*Соловьев. Кн. XIV. С. 19—21*).

И это повторялось из года в год. Самозванничали обычно беглые солдаты и казаки. Случались, впрочем, и иного звания люди. В 1773-м году в Оренбурге объявил себя императором пропившийся капитан местного гарнизона. «Хочу, — решил капитан, — сказаться государем Петром Федоровичем <...>, может, иной дурак и поверит» (*Сивков. С. 117—120*).

Им верили, ибо заповедано людям ждать своего спасителя. Так было на окраинах.

По Петербургу гуляли другие сюжеты.

Рассказывали, что, когда в 1767-м году Екатерина приехала в Москву для открытия Комиссии о сочинении, ее саму встречали как-то прохладно, зато если она показывалась на людях вместе с сыном (ему было в то время тринадцать лет), народ ликовал особенно царелюбиво.

Говорили, что судьба императрицы не тверда и что лишь только наследник достигнет совершенного возраста, престол перейдет к нему. «Я не сомневаюсь, — писал один из иностранных послов в Петербурге своему начальству, — все дело подготовлено и условлено ко времени его совершеннолетия, хотя подробности мне неизвестны» (*Брикнер. Ч. 2. С. 195*).

Впрочем, время совершеннолетия называлось разное: кто говорил про шестнадцать лет, кто про восемнадцать.

При начатии турецкой войны по гвардии ползли глухие шепоты: ворчали, что война всех разоряет, а между тем за границу перевели денег восемь миллионов, были недовольны надменностью Орловых, хвалили прежних фаворитов покойницы Елисаветы Петровны — Разумовского и Шувалова, рассказывали, что Панин с Орловыми сильно не в ладах. Нечувствительно доходили до главного пункта. Менее знающие спрашивали у более опытных — что, дескать, ныне его высочество, надежда наша, наследник Павел Петрович? как он-то с Орловыми? Опытные толковали: «Ему Никита Иванович преподает обо всем великое познание; а чтоб Орловых принимать хорошо, то ненатурально: они ведь и батюшку его ухаживали». — Кивали на небесные знамения: «Вот, — говорили, — как Венера-то пройдет, так что-нибудь Бог и сделает; она ведь уж даром не проходит». — Им возражали: «Мщения и ныне ожидать должно, потому что Панина партия превеликая и все что ни есть, — лучшенькие». Думали, как Панину помочь: «Надобно ее с престола свергнуть», «возвести надобно на престол его высочество», — да не знали, как подступиться (*Брикнер. Ч. 2. С. 195—196*).

Всех приговорили к смерти. Екатерина помиловала их ссылкой в Камчатку. Через два года они перебьют охрану в Большерецке и уйдут в открытое море, оставив на берегу объявление в Сенат о незаконном отрешении Павла Третьего и присягнув его величеству Павлу Петровичу. Погоня за ними не поспеет, и они навсегда уплывут из России к берегам Японии, Китая и Индии¹⁰⁶.

Пока судили и отправляли в Камчатку этих, в том же 1768 году, пришел донос из нарвского баталиона: адъютант Опочинин, осьмнадцати лет, рассказывает, что он сын Елисаветы Петровны от английского короля и намерен перехватить Екатерину по дороге в Царское Село, а Орловых истребить.

Выяснилось: Опочинина одурил корнет Батюшков — между ними были многие разговоры, они жаловались друг другу: что-де государыня тайно венчана с Григорием Орловым, что Орловы с ее согласия хотят убить великого князя наследника, чтобы самим царствовать, что надо ехать в Петербург спасать Россию. Батюшков дал Опочинину лист с присягой: «Аз, нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом в том, чтобы быть

верну государю всероссийскому императору Павлу Петровичу, а нынешнему правлению быть противну, и за государя нашего не щадить последней капли крови. Если же я сию присягу пренебрегу, донеся, то желаю принять часть с Иудою». — Опочинин подписал присяжный лист пред Евангелием, после чего лист сожгли, пепел ссыпали в рюмку и, размешав его красным вином, выпили поровну с Батюшковым. Давали подписывать и другим. Между тем Опочинин говорил по секрету от Батюшкова: «Великий князь слаб здоровьем, так что, может статься, что и я буду императором, потому что по родству имею право на это» (*Соловьев. Кн. XIV. С. 126—127; Брикнер. Ч. 2. С. 200—201*).

Батюшкову и Опочинину суд назначил смертную казнь. Екатерина помиловала Батюшкова в пятилетнюю каторгу и после в ссылку, Опочинина, во уважение к заслугам настоящего отца (генерал-майора), — в Иртышский гарнизон¹⁰⁷.

Но слухи и ожидания не рассеивались. В 1772-м году, накануне восемнадцатилетия Павла, гвардия опять стала задумываться о будущем державы. Летописец сообщает: «Солдат Исаков рассказывал солдату Жихареву, что великого князя хотят извести. «Не будет ли, — говорили солдаты, — в Петров день переменны, и не будет ли его высочество в лагерь гвардии для принятия престола?» — Жихарев сказал об этом солдату Карпову, Карпов капралу Оловеникову, Оловеников подпоручику Селехову, которому прямо предложил возвести на престол великого князя Павла Петровича, к чему склонял солдат, во-первых, тем, что их смертно бьют без вины, потом, что великого князя извести хотят, наконец, что Орлов хочет быть императором. Два капрала и Селехов согласились содействовать. Стали подговаривать других, рассуждать, как вывезти великого князя из Царского Села, что сделать с Екатериной: постричь ее или оставить в покое. Оловеников и Селехов думали, что если Павел Петрович не согласится принять престол, то убить его вместе с матерью, а народу сказать, будто Павла умертвила Екатерина, не любя его, и погибла в отмщение; в цари после этого выбрать, кого солдаты захотят. Оловеников мечтал о короне и уже ссорился с товарищами за будущее царство. Оловеников говорил, чтобы быть ему царем, Подгорневу — фельдцейхмейстером, брату его — генерал-прокурором, Карпову — генерал-адъютантом. На это Подгорнев говорил: «Когда тебе можно царем быть, так и я буду» <...>. Старшему было 22 года» (*Брикнер. Ч. 2. С. 201—202*).

Судя по рискованным разговорам, можно подумать, что вот-вот следовало ожидать чего-то подобного случившемуся в 1762-м году. Однако мы знаем: слово общего недовольства тогда только ведет к делу, когда у недовольных, помимо священного знамени, которое они несут, есть разгульные вожаки, вос-

пламеняющие всё вокруг себя своим жаром. Знамя было — великий князь его высочество наследник Павел Петрович. Вожаков, подобных братьям Орловым, — не было. Не было и дела — одни слова. Недовольство гасло под следствием, оставляя по себе страх наказания, и Екатерина, что бы там ни говорили, чувствовала себя в общем-то безопасно.

Смешно думать, чтобы она сама, по доброй воле и находясь в здравом разуме, ввела в управление сына и отреклась от престола под впечатлением слухов и ожиданий. Екатерина жила и мыслила согласно той логике, исходную посылку которой составляет альтернатива: власть или смерть.

Это отнюдь не означает, что Екатерина была врагинею своему сыну. Просто она была императрица, а он был ее наследником — всему свое время. Об этом далеком времени ей тогда совсем не хотелось думать, ибо она слишком недавно вступила в возраст расцвета, а в таком возрасте мысль о смерти отгоняется естественным порывом жизнелюбия.

Натурально, она не могла любить сына так, как, бывает, матери любят своих первенцев, — страстно, слепо, безоглядно, жертвенно и с дрожью сердца за его ненаглядное тело. А почему, собственно, она должна была его так любить? Так любят матери, выкормившие, вырастившие и считающие, что воспитавшие своих детей. А Екатерина своего сына только выносила — и то под страхом очередного выкидыша. Через несколько минут после рождения его унесли в покои свекрови и стали кормить, растить, воспитывать сначала по распоряжениям Елисаветы Петровны, а после по усмотрению хлопотливых нянюшек и мамушек. Екатерине полагалось смотреть на сына раз в неделю. Потом его отдали в руки Никиты Ивановича Панина, учителей и гувернеров.

В сущности, Екатерина не знала сына. Мы полагаем, она радовалась тому, что он растет живым и умненьким мальчиком и пока ничем не напоминает своего легкомысленного отца. Сын был ее знаменем при подготовке переворота. Сын находился рядом во время всех и каждого важных событий — при революции, при коронации, при открытии Комиссии о сочинении. Торжественные выходы Екатерины, дни тезоименитств, годовщины коронаваний, придворные куртаги и спектакли, праздничные обеды и проч., и проч., и проч. — все сие предполагало присутствие подле императрицы его высочества великого князя наследника. Когда осенью 1768 года Екатерина в поучение подданным сделала себе прививку оспы, такая же прививка была сделана сыну. Словом, она всегда показывала, что великий князь неотделим от нее и является необходимым лицом при ее правлении.

Она отлично помнила, какие надежды возлагает на него Никита Иванович Панин; она предполагала, что Никита Иванович может известным образом повлиять на общие политические мнения сына; но она не отнимала у него руководство над воспитанием Павла, ибо твердо знала, что, хотя Никита Иванович всегда будет готов, молча и делая вид, будто ни о чем не подозревает, одобряя заговор против нее, чтобы в случае успеха мертвой хваткой к заговору присоединиться, он ни при каких обстоятельствах не посмеет стать заводчиком интриги и, с возмущением отвернувшись от тех, кто предложит интриге содействовать, постарается замести самые легкие следы таких предложений.

Посему Екатерина могла быть уверена в том, что Никита Иванович с необходимым тщанием проследит, чтобы подчиненные ему учителя и гувернеры Павла не вздумали вести вольных разговоров со своим учеником, ибо искры таких разговоров, долети они до Екатерины, сожгли бы самого Никиту Ивановича. Однако Никита Иванович, видимо, не бездействовал. И вот уже к Екатерине приставлен новый фаворит, замечательный только тем, что, благодаря ему, место Григория Орлова занято, а сам Орлов не допущен до въезда в столицу, чем, как говорят (см. *Кобеко. С. 71*), очень доволен Павел, не терпящий Орловых. — Для Павла уже приискана невеста — средняя из трех принцесс Гессен-Дармштадтских: Вильгельмина. Уже портрет ее прислан в Петербург. Скоро Павлу исполнится осьмнадцать лет. Скоро он женится. Скоро станет сам распорядителем своей судьбы. Посмотрим-ка тогда на судьбу престола.

Что-то будет...

Однако незачем торопить события — они все уже давно совершились и остановлены в документах, мемуарах и летописях, откуда можно извлечь их описание в свободном хронологическом порядке. И мы непременно сделаем необходимые извлечения. Но прежде небезлюбопытно было бы узнать, что такое представлял на осьмнадцатом году жизни будущий грозный царь России? — С какими чувствами, с какой душой приближался он к заветному совершеннолетию, к женитьбе, к грядущей своей судьбе?

Вот впечатления трех наблюдателей, посторонних его домашней жизни и судивших о нем по слухам да по внешнему виду: 1. «В Европе утвердилось предположение, будто бы с той минуты, как великому князю исполнится шестнадцать лет, судьба императрицы неверна <...>. Я почти убежден, что, если не произойдет какого-либо крупного переворота <...>, предположение такого рода совершенно неосновательно, ибо у великого князя не достаёт ни смелости, ни ума для того, чтобы идти против матери; слабость его характера равняется слабости его телосложения» (*Из*

донесения английского посланника в Петербурге Ширлея // Сб. РИО. Т. 12. С. 336); 2. «У великого князя не просто слабый характер — у него вообще нет характера» (Из донесения французского посланника Корберона // Шумигорский 1907. С. 36); 3. «Здоровье и нравственность великого князя испорчены вконец» (Из донесения французского посланника Дюрана // Шумигорский 1907. С. 26).

Впечатления № 1 и № 2, надо полагать, излились из-под пера наблюдателей потому, что Павел, должно быть, исполнял свою роль статиста на торжественных выходах с охотной послушностью добронравного сына — мы, например, не сомневаемся, что в детстве и юности ему очень нравилось появляться рядом с матерью во время праздников, видеть на себе умиленные взгляды и слышать о себе счастливые всенародные клики.

Впечатление № 3 вызвано, очевидно, другим обстоятельством, о коем в летописях сохранилось следующее объяснение: «Екатерина давно уже думала о женитьбе великого князя, <...> но как Павел Петрович, казалось, был слаб здоровьем, то опасались, что он мало расположен будет дать государству наследников. Доверенные ея лица занялись рассеянием этих опасений. Они уговорили вдову Софью Степановну Чарторижскую испытать силу ее прелестей над сердцем великого князя. <...> Она была женщина светская, большая щеголиха, то, что в прошедшем столетии называлось *une petite maitresse*. <...> Родился сын, которого назвали Семеном Великим» (Кобеко. С. 68—69).

Известно, что миром правят мнения, а слова, которыми они выражаются, врезаются в память поколений, оставляя там неизгладимые стереотипы энциклопедических определений. «Слабость характера», «ни смелости, ни ума», «здоровье испорчено», «нравственность испорчена» — и вот уже готов политический портрет государственного деятеля, который займет русский престол. Европе незачем опасаться наследника гордой Екатерины, но и нет смысла надеяться на новую революцию в Петербурге — таков подтекст впечатлений иностранных наблюдателей.

Впрочем, язык политических репортажей формирует понятия о человеке в границах простейшей бинарной оппозиции: сила против слабости (сила — слабость тела, сила — слабость ума etc.). Стоит сделать лишь легкое движение за пределы этого первобытного различия достоинств личности, как тотчас обнаружатся такие ее свойства, которые порождают стереотипы совсем иного ранга. Посему послушаем еще одного, хотя тоже иностранного наблюдателя, но судящего о нашем наследнике, очевидно, со слов человека, привыкшего видеть Павла иными глазами и знающего о нем много больше всякого постороннего свидетеля, — со слов Никиты Ивановича Панина. Вот что писал прусский посланник в Петербурге граф Сольмс бывшему

датскому посланнику у нас барону Ассенбургу в ту пору, когда Ассенбург по просьбе Панина и поручению Екатерины искал по лютеранским дворам Европы невесту для Павла¹⁰⁸: «<...> он кроток, чрезвычайно учтив, предупредителен и веселого нрава. Под этою прекрасною наружностью скрывается душа превосходнейшая, самая честная и возвышенная, и вместе с тем самая чистая и невинная, которая знает зло только с отталкивающей его стороны и вообще сведуща о дурном лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться решимостью самому избегать его и не одобрять его в других».

Очевидно, что эти слова служат целям сватовской кампании — так же, как, например, другая реплика Сольмса о Павле: «В него легко влюбиться любой девице. Хотя он невысокого роста, но очень красив лицом; весьма правильно сложен; разговоры и манеры его приятны» (*Кобеко. С. 86—87*).

Но очевидно и то, что подобная реклама добродетелей царственного жениха рисует портрет не только необходимый для будущей семейной жизни. В контурах сольмсовского портрета, проведенных мнением Никиты Ивановича Панина, проступает почти уже забытая в XVIII веке альтернатива рыцарских времен: честь против зла. Мнение Никиты Ивановича рисует героя добра с утонченной душой и высокими чувствами. Еще несколько штрихов — и мы увидим на подступах к нашему трону Дон Кихота нового времени.

И вот в начале июня 1773 года его везут в Гатчину, тогда еще имение Григория Орлова: здесь он должен встретиться со своей Дульцинеей — принцессой Вильгельминой.

6-го июня принцесса вместе с двумя сестрами и матерью — ландграфиней Гессен-Дармштадтской — была морем доставлена в Ревель и оттуда ее повезли на первое свидание с будущим мужем. Они знают друг друга еще только по портретам и чужим мнениям. Минута первого свидания приближается с каждой верстой, пройденной экипажем, медленно ползущим по нашим длинным дорогам из Ревеля в Гатчину.

Павел ждет и записывает в тайную тетрадь:

«*Вторник, 11 июня 1773 года. Утром. Все эти дни я живо беспокоился, хотя чувствовал и радость, но радость, смешанную с беспокойством и неловкостью при мысли о том, чего мы ожидали. Во мне боролись постоянно, с одной стороны, нерешительность по поводу выбора вообще, и с другой — мысль о всем хорошем, что мне говорили про всех трех принцесс — в особенности про мою супругу, — и наконец, волновала меня мысль о необходимости жениться из-за моего положения. У меня не было других мыслей ни днем, ни ночью, и всякая другая мысль мне казалась сухой и скучной. <...>*

Среда 12 июня. Мне кажется, что последние дни, по приезду ландграфини, я в серьезных делах, как и в пустяках, действовал под влиянием их прибытия, и я себе много прощал, говоря себе, что все изменится с приездом их и что мало времени осталось. Я постоянно считал, сколько часов еще придется ждать. <...>

Суббота 15-го: день на всю жизнь памятный — тот день, в который я имел счастье в первый раз лицезреть ту, которая мне заменяет все. <...> Я встал в обычный час, не вышел из своих покоев и сейчас начал одеваться. Меня причесывали, и я думал только об одном, что меня всецело занимало, когда вдруг постучали в дверь. Я велел отпереть. Это была моя мать. Она мне сказала: «Что Вы желаете, чтобы я от Вас передала принцессам?» Я ответил, что я полагаюсь даже в этом на нее. <...>

Я спустился к графу Панину, где постепенно начали собираться все наши и те, которые должны были меня провожать. Бесконечные волнения все усиливались по мере того, как время отъезда наступало. Кареты были поданы. <...>

Проехав Гатчинские ворота, мы заметили, что издали поднялась пыль, и думали, что вот уже императрица с ландграфиней и ее дочерьми; каково же было наше удивление, когда мы увидели телегу с сеном. Через некоторое время пыль снова поднялась, и мы более не сомневались, что это едет императрица с остальными. Когда кареты были уже близко, мы велели остановить свою и вышли. Я сделал несколько шагов по направлению к их остановившейся карете. Из нее начали выходить. Первая вышла императрица, вторая ландграфиня. Императрица представила меня ландграфине следующими словами: «Вот ландграфиня Гессен-Дармштадтская, и вот принцессы — ее дочери. При этом она называла каждую по имени. Я отрекомендовался милости ландграфини и не нашел слов для принцесс. <...>

Я удалился тотчас после ужина и первым делом отправился к графу Панину узнать, как я себя вел и доволен ли он мною. Он сказал, что доволен мною, и я был в восторге. Несмотря на свою усталость, я все ходил по моей комнате, насвистывая и вспоминая виденное и слышанное. В этот момент мой выбор почти уже остановился на принцессе Вильгельмине, которая мне больше всех нравилась, и всю ночь я ее видел во сне» (*Эйдельман 1991. С. 83—84; перевод А. Л. Вейнберг*).

Что же такое надо было сделать, чтобы этот трогательный юноша стал грозным угнетателем отечества — Калигулой осьмнадцатого столетия? Какой тяжкий опыт надо приобрести, чтобы душа замкнулась в настороженном подозрении к самым близким людям? Кто виноват?

Или не надо ничего приобретать, а все, что будет, — уже сей-

час есть в душе, и, зная, что и как будет, мы уже в настоящую минуту сможем различать симптомы будущих трагедий? Не есть ли нынешняя волнительность — залог неуверенности в себе, а значит, и подозрительности к другим и, следовательно, угнетения их своими невротами? То, что сейчас поверяется дневнику и Никите Ивановичу Панину, впоследствии не будет поверяться никому, и эта невозможность души излиться в своих сомнениях сделает то, что сделала, — человек, оставшийся наедине со своей душой, станет метаться от одной крайности к другой, а поскольку этот человек станет распорядителем чужих судеб, то и все его подданные окажутся подвержены этим метаниям, пребудут в отчаянии от незнания своего завтрашнего дня и уподобят царствование императора Павла действию непредсказуемых природных стихий.

Впрочем, человек есть тайна. По одному эпизоду, к тому же случайно известному, нельзя судить об истории чужой души, даже если мы располагаем самыми совершенными психологическими методиками.

Посему вернемся вспять и вспомним о записях, которые делал один из гувернеров его высочества — Семен Порошин. В свое время, когда речь шла о детстве великого князя, мы уже цитировали некоторые из этих записей — то были разрозненные собственные припоминания Павла об отдельных эпизодах его жизни с двух до шести лет. Однако по тем припоминаниям невозможно составить ни малейшего понятия о тайнах его нрава.

Но вот кавалеру Порошину пришла светлая мысль: вести поденные записи.

Он начал свой дневник в день десятилетия Павла — 20-го сентября 1764-го — и продолжал в течение года и трех месяцев, пока об этих записях не узнал Никита Иванович Панин. После его дневник был конфискован, а Порошин от Павла удален.

По счастью, дневник уцелел:

**Семена Порошина ЗАПИСКИ, служащие к истории
Его Императорского Высочества Благоверного Государя
Цесаревича и Великого Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА
<Извлечения>**

1764

Весьма сожалею я, что с самого моего вступления ко Двору Его Императорского Высочества не пришло мне на мысль записывать каждый день упражнения и разговоры вселюбезнейшего

Наследника Российского Престола <...>. Если в сих повседневных записках кому что маловажным покажется, тому я отвечаю, что иногда по-видимому и неважные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости. <...> — Всякой вечер записывал я, что днем произо<шло>, и не мог на то употребить более часа или полутора часа времени, за другими моими упражнениями и делами. Впрочем, вить это и не настоящая Его Высочества история, а только записки, служащие к составлению его истории. <...> Справедливость и беспристрастие, украшающие Историю, наблюдаены здесь с наисовершеннейшею точностию.

20 сентября. Понедельник¹⁰⁹. День рождения Его Императорского Высочества: минуло десять лет. Поутру Отец Платон говорил Его Высочеству в покоях его небольшое поздравление, весьма разумно сложенное. Потом пошли к Ея Величеству на половину; оттуда за Ея Величеством к обедне. <...> Из церкви пошли на половину к Ея Величеству, где, приняв поздравления от чужестранных министров и пробыв несколько времени во внутренних покоях у Ея Величества, изволил Его Высочество возвратиться к себе и там паки принимал поздравления. <...> Потом, позавтракавши несколько, изволил пойтить к обеденному столу Ея Величества <...>. После стола тотчас Его Высочество к себе пройтить изволил. Играли в бильярд <...>. Вечеру изволил Его Высочество пойтить в залу и открыть бал с штатс-дамой графиней Марьей Андреевной Румянцовой <...>. Часу в десятом изволил Его Высочество ретироваться в свои покои и тотчас лег опочивать.

22 сентября. Середа. День коронования Ея Императорского Величества <2-я годовщина>. Того дня в зале был большой фигурный стол. Его Высочество с Государынею изволил кушать на троне, где во все время стола стоял у него за стулом и раскладывал ему кушанье Его Превосходительство Никита Иванович Панин <...>. Его Высочество сидел у Государыни по правую руку <...>. Часу в седьмом пошли <...> на бал.

24 сентября. Пятница. <...> Его Высочество, будучи живого сложения и имея начеловеколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится; но <...> как никакие усиленные движения долго продолжаться не могут, если побуждающей какой силы при том не будет, то и в сем случае оная крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имел счастье полюбиться. Словом сказать, гораздо легче Его Высочеству вдруг понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него дружбу и милость. <...>

30 сентября. Четверг. Поутру изволил Его Высочество учиться по-обыкновенному. <...> У меня очень хорошо учился; начали вычитание долей <...>. Сего дни при учении у меня сам Его Высочество изволил сделать примечание, что когда неравное число или *нечетное* вычтешь из числа равного или *четного*, остаток всегда будет *нечет*. Его Высочеству и прежде неоднократно сему подобные острые примечания делать случалось. Если б Его Высочество человек был партикулярной и мог совсем предаться одному только математическому учению, то б по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем. <...>

1 октября. Пятница. <...> Перед обедом пришли Его Сиятельство вице-канцлер, граф Захар Григорьич Чернышов, тайный советник граф Миних и Иван Перфильич Елагин. С ними Его Высочество, порезвясь, изволил пойтить за стол <...>. — Граф Захар Григорьич рассуждал о военном деле так, как генерал искусной <...>; рассказывал наконец с насмешкою, с какою точностию покойной король прусской отправлял военную службу, також о немецких принцах, кои, когда в службе, всю <...> должность отправляют с таким повиновением и с таким подобострастием, как и партикулярные в равных с ними чинах по армии <...>. Сие подало мне причину в себе подумать, какво б было, если б Его Высочество вложит охоту к подражанию оным примерам? Немецкие принцы имеют по большей части весьма малые владения. <...> Своего войска, которое бы войском назвать было можно, у них нет; для того служат, стараются отличить себя в трудах и подвигах военных; таковые старания иногда до самых излишних малостей распространяют. — Его Императорское Высочество приуготовляется к наследию престола величайшей в свете Империи Российской <...>. Обширное государство неисчетные пути откроет, где может поработать учение, остроумие и глубокомыслие великое и по котрым истинная слава во всей вселенной промчится и в роды родов не умолкнет. Таковые ли огромные дела оставляя, пуститься в офицерские мелкости? Пренебрежено б тем было великое служение, к коему Его Императорское Высочество призывает Промысл Господний <...>. Я не говорю, чтоб Государю совсем не упоминать про дело военное <...>; но надобно влагать в мысли его такие сведения, кои составляют великого полководца, а не исправного капитана или прапорщика <...>.

6 октября. Середа. Его Высочество изволил проснуться в седьмом часу. Одевшись, упражнялся по-обыкновенному в положенных своих учениях <...>. За столом Его Превосходительство Никита Иванович рассказывал, что во время шведской войны фельдмаршал Лессий имел повеление очистить твердую

землю от неприятелей, а у адмирала Головина в инструкции написано было, чтоб то же учинить на море (при императрице Елисавете Петровне). Лессий прогнал неприятелей и получил за то похвалу и благоволение; граф Головин разумными своими распоряжениями разлучил и отдалил корабли шведские и после за то чуть в ссылку не сослан. Его Высочество тотчас на то спросить изволил: *«Как же за одно дело одново похвалить, а другова наказать?»* Его Превосходительство доносил Великому Князю, что при дворе всплошь такие *маленькие ошибочки* случаются <...>.

7 октября. Четверг. Его Высочество изволил проснуться в седьмом часу. Одевшись, сел за ученье <...>. В шесть часов изволил Его Высочество пойтить на комедию. <...> Изволил Его Высочество аплодировать многократно <...>. Два раза партер без него захопал, что ему весьма было неприятно. Пришедши к себе, долго роптал о том <...>: *«Вперед я выпрошу, чтоб тех можно было высылать вон, кои начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю. Это против благопристойности»* <...>.

8 октября. Пятница. <...> Обучаючись, изволил Его Высочество попросить у меня посмотреть указу из адмиралтейской коллегии <...>, который я в сие время печатал для пересылки в Москву <...>. Его Высочество, прочитав сей указ, изволил его ко мне бросить; я шутя сказал Великому Князю, что в старину за это *слово и дело* крикивали; он изволил спрашивать меня, *что это такое, слово и дело?* Не входя в подробное о сем изъяснение, доносил я Его Высочеству, сколько честных людей прежде сего от Тайной Канцелярии пострадало и какие в делах от того остановки были. Сие выслушав, изволил Великой Князь спрашивать: *«Где же теперь эта Тайная Канцелярия?»* И как я отвечивал, что отменена, то паки спросить изволил, *давно ли и кем отменена она?* Я доносил, что отменена Государем Петром Третьим. На сие изволил сказать мне: — *«Так поэтому покойный Государь очень хорошее дело сделал, что отменил ее»*. Я отвечивал, что, конечно, много то честным людям сделало удовольствия и что многие непорядки отвращены тем. <...>

9 октября. Суббота. <...> Часто случается, что Великой Князь <...>, кажется, совсем не слушает, что в другом углу говорят: со всем тем бывает, что недели через три или более, когда к речи придет, окажется, что он все то слышал, в чем тогда казалось, что никакого не принимал участия. Для того-то я всегда говорил и говорю, что в присутствии Его Высочества наперед подумать надобно самому с собою и тогда говорить. <...>

10 октября. Воскресенье. <...> Сего дня за столом много замысловатых шуток, и весьма весело было. И может ли быть беседа суха и скучна, когда вместе Никита и Петр Иванович Па-

нины, да Захар и Иван Григорьич Чернышовы! — После стола просил Его Высочество графа Ивана Григорьича и потом Его Превосходительство Никиту Ивановича весьма усиленно и прилежно, чтоб для сына кормилицы его, пяти лет от роду, сделать какое-нибудь счастье, определить его во флот или в иное какое место. Его Превосходительство Никита Иванович обещал доложить Ея Величеству, чтоб указано было оного мальчика определить в морской кадетский корпус, хотя он и не дворянин, однако во уважение того, что мать его была кормилица Его Высочества. Мы все весьма радовались, приметя таковые в Государе Великом Князе чувства благодарности. <...> — Разговаривали о употреблении времени. Всякой объявлял свое мнение. Его Высочества система была, что надобно ложиться ранее и вставать ранее. <...>

11 октября. Понедельник. Государь изволил проснуться в исходе шестого часу <...>. Одевшись, изволил сесть за ученье <...>. В шестом часу пошли на комедию <...>. Во время представления приходил к Его Высочеству в ложу Его Сиятельство граф Григорий Григорьич Орлов и рассказывал весьма странное приключение: дней десять тому назад выдал некакой рейтар Конной Гвардии дочь свою замуж. Обвенчавши жениха с невестою, сели за стол. Как понаелись и стало приходиться время, чтоб из-за стола вставать, вдруг зачали все чавкать и потом хототать, после попадали в обморок. Через четверть часа пришли в память, и очень были слабы. С того дня поныне каждой день в том же часу приходит на них сия одурь со всеми теми же действиями. <...> Знать, что особливого какого роду ядовитые травы попали в кушанье. Между тем велено дело накрепко исследовать <...>. В девятом часу сели ужинать. За столом говорили по большей части о здешних комедиантах. Его Высочество в неудовольствии был, что уже поздненько становится, и он принужден будет лечь опочивать несколько минут позже обыкновенного. После стола чуть было о сем до великих слез не дошло, за что и достойной выговор сделан. Наконец лег опочивать в десятом часу в исходе.

12 октября. Вторник. Государь изволил проснуться седьмого часу было три четверти. Показывал сожаление и раскаяние о вчерашнем своем нетерпении. Одевшись, изволил сесть за ученье. <...>

15 октября. Пятница. <...> Зашла речь о покойном Волынском, который казнен во владение государыни императрицы Анны Иоанновны. Его превосходительство Никита Иванович изволил сказывать, что он недавно читал оное дело и чуть его паралич не убил. Такие мучения претерпел несчастной Волынской и так очевидна его невинность! На сие зачали описывать,

какой негодной человек был Волынской и какого зверского нраву. <...> Великой Князь во все сие вслушивался. Я не мог удержаться, чтоб, прямо к нему адресуя речь, не сказать, что как всякой человек не без греха, так и Волынской, конечно, имел пороки, но такие, за кои нигде жизни не лишают, и что несправедное мучение, над ним учиненное и жестокая ему казнь должны более возбуждать соболезнование, нежели воспомина-ние о слабостях его нрава. По сем заведена речь, как жестоки и страшны были времена при государе Петре Великом. <...>

23 октября. Суббота. Его Высочество изволил проснуться в шестом часу. Изволил жаловаться, что очень голова болит. Послал я тотчас за господином Фузадь <доктором>. <...> Уговаривал я Государя, чтоб изволил закутаться, авось-либо уснет, что от того, конечно, будет легче. Послушался меня Его Высочество и через четверть часа започивал <...>. Великой Князь опочивал до десятого часу, и боль совсем почти миновалась <...>. Его Превосходительство Никита Иванович, рассуждая, что головной боли по большей части то причиною, что Его Высочество не довольно изволил высыпаться и все заботиться изволил, чтоб встать поранее и поскорее одеться, приказал, чтоб впредь прежде семи часов Государя ни под каким видом не поднимать с постели. Сие определение и ему объявлено. Хотя и изволил поморщиться; однако сказал, что *уже быть так*. <...>

27 октября. Серед. <...> После обеда зашла у нас речь о крестьянском житье, и я Его Высочеству рассказывал, как живут наши крестьяне, как они между собою в невинности увеселяются и какие между ими есть разные обряды. Его Высочество прилежно просить меня изволил, чтоб я оное рассказал ему подробно. <...>

29 октября. Пятница. Его Высочество изволил встать в осьмом часу <...>. Мне от Его Высочества, как я приехал, прием не столько был ласков, чтоб я имел причину быть им доволен <...>. Часто на Его Высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся до кого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдал я, что когда при нем говорят <...> о ком невыгодно и хулительно, а особливо не прямо к Его Высочеству с речью адресуясь, но будто в разговоре мимоходом, то такого Государь Великой Князь после увидя, холоден к нему кажется <...>.

31 октября. Воскресенье. <...> Его Высочество забегать изволил, чтобы со мною примириться; но я представлял неукротимого и только что весьма коротко отвечивал. Мне очень хотелось дать ему чувствовать мое справедливое негодование и произвести в нем раскаяние, которое он и изволил уже показывать. <...>

1 ноября. Понедельник. <...> Рассматривая генеральную карту Российской империи, сказать изволил: «*Эдакая землица, что сидючи на стуле всего на карте и видеть нельзя, надобно вставить, чтоб оба концы высмотреть*». <...>

2 ноября. Вторник. Государь изволил встать в семь часов. Прежде нежели успел еще я войтить к Его Высочеству, изволил он прибежать ко мне и, бросаясь на шею и целуя меня, говорил: «*Прости меня, голубчик, я перед тобой виноват; вперед никогда уже ссориться не будем, вот тебе рука моя*». Я расцеловал руку Его Высочества и, по некоторым изъяснениях постановивши твердой мир, пошел за ним чай пить. <...> Никита Иванович приказал сего дня конфисковать часы у Государя Великого Князя для того, что часто изволит смотреть на них и время очень аккуратно меряет. <...>

15 ноября. Понедельник. <...> У меня сего дня болел палец, и сверх того резать я за столом не весьма великой охотник. Государь Великой Князь, забавляясь, всякое блюдо нарочно изволил присылать ко мне, чтобы я разрезывал и раскладывал. Потом изволил сказать, припрыгиваючи на стуле (по своему обыкновению, когда очень весел): «*Бедной Порошин, как же трудится!*» — Вставши из-за стола, изволил Его Высочество выкушать чашку кофе. Не принимаясь еще за чашку, изволил спросить кофешенка: «*Што, была ли в апробации?*» — Прежде, нежели поднесут кофе Его Высочеству, изволил обыкновенно отведывать его Никита Иванович. <...>

1 декабря. Середа. Государь изволил проснуться в осьмом часу. Одевшись, изволил сесть за свои учения. По окончании оных, как я рассказывал Его Преподобию Отцу Платону о проявившемся сумасброде, который предсказывает, что накануне или на другой день Рождества Христова нынешнего году будет потоп, и другие враки рассеивает, то Его Высочество спросить меня изволил: «*Где же теперь этот пророк?*» Я отвечал, что санктпетербургской Архиерей велел взять его в консисторию и держать под караулом. Его Высочество сказать на то изволил: «*Это и хорошо он сделал; хотя эдакой сумасброд и враки рассеивает, однако все простой народ в беспокойство и смятение приведен тем быть может*». <...>

2 декабря. Четверг. Его Высочество встать изволил в осьмом часу. За чаем изволил рассказывать мне о снах, кои он сей ночи видел. По окончании сего повествования дал я знать Его Высочеству, что сны никогда ничево не значат и что одни только суеверы и люди слабоумные выводят из них разные толкования. «*Отчево ж они бывают?*» — спросил меня Государь. Отвечал я, что сны производят испорченной желудок и бродящее воображение, чем-нибудь встревоженное или весьма наполненное. <...>

7 декабря. Вторник. <...> У Его Высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом <...> за час еще времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся (т. е. в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурьера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть поранее. О ужине такие же заботы <...>. После ужины камердинерам повторительные наказания, чтоб как возможно они скорей ужинали с тем намерением, что как камердинеры отужинают скоряе, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась, заботится, чтоб поутру не проспять долго. И сие всякой день почти бывает, как ни стараемся Его Высочество от того отвадить. <...>

8 декабря. Среда. <...> Рассказывал я Его Высочеству и Отцу Платону об обеде Государя Петра Великого, как он обыкновенно с самого утра приказывал для себя студень приготовить и что завсегда рано за стол саживался. Государь Великой Князь изволил сказать к этому: *«В этом мог бы и я легко блаженныя памяти Государю последовать и весьма бы рад был, если б дозволили. Желая только, чтоб мог последовать и в протчем, почему он великим назван».* <...>

9 декабря. Четверг. <...> Его Превосходительство Никита Иванович и гр. Иван Григорьевич рассуждали, что если бы в других местах жить так оплошно, как мы здесь живем, и так открыто, то б давно все у нас перебрали и нас бы перерезали: запираем ворота деревянным запором; двор огорожен бездельным бревенчатым оплотом, вместо того, что в других землях строятся замком, и ворота всякую ночь запирают большими замками и железными запорами, а и тут посредине города воруют и разбойничают. Причиною такой у нас безопасности полагали Никита Иванович и граф Иван Григорьич добродушие и основательность нашего народа вообще. Граф Александр Сергеич Строганов сказал к тому: *«Croyez moi, que ce n'est que betise. Notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit».* <Перевод: А по-моему, это из-за глупости. От нашего народа можно добиться всего, чего пожелаешь>. Его Высочество на сие последнее изволил сказать ему: *«А что ж, разве это худо, что наш народ таков, каким хочешь, чтоб был он? В этом мне кажется худобы еще нет. Поэтому и стало, что все от тово только зависит, чтоб те хороши были, коим хотеть-та надобно, чтоб он был таков или инаков».* <Перевод: А по-моему, это очень хорошо, что от нашего народа можно добиться всего, чего пожелаешь. Главное, чтоб были хороши те, кто желает им управлять>. Разговаривая о полицмейстерах <...>, сказал граф Александр Сергеич: «Да где

ж у нас возьмешь такого человека, чтоб данной большой ему власти во зло не употребил». Государь с некоторым сердцем изволил на то молвить: — *«Что ж, сударь, так разве честных людей у нас совсем нет?»* <...>

11 декабря. Суббота. Государь изволил проснуться в седьмом часу. Жаловался, что голова болит и оставлен часов до десяти в постеле <...>. Разговорились мы потом о разделениях Его Высочества, какие он делает в головной своей болезни. По его системе четыре их рода: круглая, плоская, простая и ломовая болезнь. Круглою изволит называть ту головную болезнь, когда голова болит у него в затылке; плоскою ту, когда лоб болит; простою, когда голова слегка побаливает; ломовую, когда вся голова очень болит. <...>

15 декабря. Серeda. <...> После учения изволил в желтой комнате кругом попрыгивать. Бежали за ним собачки и ужасной лай и шум подняли. <...>

18 декабря. Суббота. <...> Пришло мне не знаю как-то в голову из Ломоносова похвального слова Государыне Елисавете Петровне то место, где написано: *«Ты едина истинная наследница, Ты Дщерь моего Просветителя»*. <...> И как я оное выговорил, то Его Высочество, смеючись, изволил сказать: — *«Это, конечно, уже из сочинениев дурака Ломоносова»*. Хотя он сие и шутил изволил сказать, однако же говорил я ему на то: *«Желательно, Милостивой Государь, чтобы много таких дураков у нас было. <...> Вы Великой Князь Российской. Надобно вам быть и покровителем Муз российских. Какое для молодых учащихся Россиян будет ободрение, когда они приметят или услышат, что уже человек таких великих дарований, как Ломоносов, пренебрегается?»* <...> Его Высочество, выслушавши, изволил говорить, что *это, конечно, справедливо и что он пошутил только.* <...>

24 декабря. Пятница. <...> Зашла речь о саранче. Его Высочество изволил говорить: *«Как летит она таким облаком, так можно бы картечами по ней выстрелить, авось-либо тем и отогнать бы ее можно»*.

(Порошин. Ст. 2—5, 9, 17, 20, 22—25, 37—38, 40, 43, 45—46, 50—51, 53—57, 69, 86—87, 91, 102—104, 130, 153—155, 166—167, 170—171, 177—178, 183, 192—193, 205)

1765

1 января. Суббота. Его Высочество проснуться изволил седьмого часу было три четверти <...>. Зашло у нас рассуждение о новом годе и вообще о времени. Говорили мы о его неизмери-

мости, и какое это обширное позорище, когда себе представишь все прошедшие веки, наполненные бесчисленными приключениями и делами, и все следующие, кои теперь еще пусты и будут також наполнены. Государь изволил сказывать мне, что он преж сего плакивал, воображая себе такое времени пространство и что наконец умереть должно. <...>

3 января. Понедельник. <...> Его Высочество имеет за собою недостаток, всем таким людям свойственный, кои более привыкли видеть хотения свои исполненными, нежели к отказам и к терпению. Все хочется, чтоб делалось по-нашему. А нельзя сказать, чтоб все до одного желания наши таковы были, на которые бы благоразумие и об общей пользе попечение всегда соглашаться позволяло. <...>

28 февраля. Понедельник. <...> Читал я Его Высочеству Вертонову Историю об Ордене Мальтийских кавалеров. Изволил он потом забавляться и, привязав к кавалерии своей флаг адмиральской, представлять себя кавалером Мальтийским. В девятом часу сели мы ужинать. Разговаривали о Москве и о драматических представлениях. Хотели было из-за стола уже вставать, как не помню кто-то из нас попросил масла и сыру. Великой Князь, осердясь тут на тафельдекера, сказал: — *«Для чего прежде не ставите?»* — И потом, оборотясь к нам: — *«Это они все для себя воруют».* Вооружились мы все на Его Высочество и говорили ему по-французски, как дурно оскорблять таким словом человека, о котором, он, конечно, заподлинно знать не может, виноват ли он или нет <...>, как дурен оной поступок был и как он тем у людей в ненависть привести себя может. Признавался он в том и раскаивался. <...>

4 марта. Пятница. <...> По окончании учения забавлялся, привеся к кавалерии своей флаг адмиральской. Представлял себя послом Мальтийским и говорил перед маленьким князем Куракиным речь; потом играл с ним в шахматы. <...>

5 апреля. Вторник. Встал в семь часов. Приехав, я сказал ему о смерти Ломоносова. Ответил: — *«Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал».* Платон приехал. О Ломоносове еще, и он сожалел, возбуждая к тому и Великого Князя. <...> Играл Великой Князь в воланы, а потом в войну.

9 июля. Суббота. <...> После обеда поехали мы водою на Каменной Остров. <...> На Малой Невке рыбаки рыбу ловили, тянули тоню. Пристали и мы и велели тянуть тоню; на счастье Его Высочества вытянули они большую лосось. Цесаревич пожаловал им империял. <...>

13 июля. Середа. <...> Я зачал сего дня с Его Высочеством геометрию. <...> В то время, как слушал Государь моих лекций, был жестокой гром и пресильной дождь. Его Высочество робел

несколько и спрашивал меня, думаю ли я, чтоб севодни Страшной Суд мог случиться? <...>

31 июля. Воскресенье. Его Высочество проснуться изволил в шесть часов. <...> Часу в одиннадцатом изволил Его Высочество от морских господ флагманов принимать рапорты, с коими они обыкновенно по воскресным дням приезжают. <...>

4 августа. Четверг. <...> Встали мы из-за стола. Зашла у нас речь о покойном Государе Петре III, которая, однако ж, скоро прекратилась <...>.

5 августа. Пятница. <...> Начал Его Высочество жаловаться, что голова у него болит и что ему тошно. Изволил пойтить в опочивальню и раздеться. <...>. Вырвало Великого Князя всем почти севоднишним обедом. Его Высочество <...> часто бывает подвержен так называемым индигестиям, по той притчине, что очень скоро кушает и куски весьма мало разжевывает и от того желудку своему дает несносную работу. <...>

6 августа. Суббота. Государь жаловался, что очень кушать ему хочется: но г. Фузадьё <медик> сказал, что непременно до обеда потерпеть надобно. <...> Изволил вычислять он, сколько от вчерашнего обеда в желудке у него осталось после того, как его вырвало; и как нашел, что один только кусок говядины там остался, а прочее все вырвало, то изволил пуще прежнего тужить. <...>

11 августа. Четверг. <...> Его Высочество очень жаловаться изволил, что за столом ныне мало дают ему кушать. И как медики упорно на своей диете стояли, то Его Высочество весьма изволил смотреть угрюмо <...>: *«Они, конечно, на тот свет хотят меня отправить; морят с голоду; в чаю да в лекарствах так, пожалуй, хоть купайся; или они боятца, чтобы я не был так толст, как Куракин; да этому быть никак нельзя; тот все сидит, да лежит, да нежится, а я весь день на ногах».* <...>

3 сентября. Суббота. <...> За столом у Его Высочества разговоры были о франк-масонстве, и Государь Цесаревич великое любопытство показывал, чтобы узнать, в чем состоит их тайна <...>.

5 сентября. Понедельник. Его Высочество встать изволил в исходе седьмого часу <...> Во время обуванья изволил мне сказывать Его Высочество, что как он вчерась кругом билиарду бегал, а я с г. Остервальдом в билиард играл, то представлялось ему, будто происходит баталия, и он с одним эскадрон прогнал целой полк: побитых никого не было. От сего взял я случай спросить Великого Князя и о прочих временах, когда он изволит кругом бегать и голосом своим то пальбу, то барабанной и литаврной бой производит и разные распоряжения делает, какими тогда играми живое его воображение увеселяется.

Удовольствовал Его Высочество мое желание и изволил мне о том рассказывать. Давно уже давно, т. е. в 1762 году, представлялося ему, что двести человек дворян набрано, кои все служили на конях. В сем корпусе был он в воображении своем сперва ефрейт-капралом, потом вахмистром <...>. Из оного корпуса сделался пехотной корпус в шестистах, потом в семистах человеках. В оном Его Высочество был будто прапорщик. Сей корпус превратился в целый полк дворян, из 1200 состоящий. Его Высочество был поручиком и на ординации у генерала кн. Александра Голицына. Отселе попал он в гвардию в Измайловский полк в сержанты и был при турецком посланнике. Потом очутился в сухопутном кадетском корпусе кадетом. Оттуда выпущен в Новгородский карабинерной полк поручиком; теперь в том же полку ротмистром. Таким образом Его Высочество, в воображении своем переходя из состояния в состояние, отправляет разные должности и тем в праздное время себя иногда забавляет. <...> — Сели мы за стол. <...> Разговаривали между прочим об отвращении, какое нам по предубереждениям нашим делают иногда разные гадины, так как мыши, лягушки, тараканы и проч. Его Высочество изволил тут сказать: — *«Они нам гадки, а мы, я думаю, им гадки кажемся»*. Разговор сей зашел от того, что как Его Высочество перед обедом забавлялся в биллиардной комнате и, наклонясь в углу, хотел поднять веревочку, то ему через руку пробежала мышь <...>

10 сентября. Суббота. <...> Сказывал мне Государь Цесаревич, что Ея Величество в карете вчерась говорить изволила, что как Его Высочество возмужает, то она изволит тогда по утрам призывать его к себе, для слушания дел, дабы к тому привыкнуть. <...>

17 сентября. Суббота. <...> Я не был сегодня дежурной, однако Государь Цесаревич просил меня, чтобы, поевши несколько за большим столом, пришел я к нему и поговорил с ним о чем-нибудь или бы что прочитал ему. Его Высочество откушал у себя в опочивальне один. — Пошли мы за Его Превосходительством Никитою Ивановичем за большой стол обедать. С Великим Князем остался дежурной кавалер, мой товарищ. Из-за стола хотел <я> было иттить к Государю Цесаревичу, дабы оной дежурной мог отойдти обедать, но вместо меня кавалер, которой был поддежурной, захотел сам иттить к Его Высочеству, так как ему и следовало. Не противоречил я в том нимало. <...> Как обед наш совсем кончился, пришли мы все за Его Превосходительством Никитою Ивановичем к Его Высочеству в опочивальню. Лишь вошел я, то заметил, что Его Высочество весьма раздражен и на выше упомянутого поддежурного кавалера смотрел очень косо. Подошед, спрашивал я у Государя

Цесаревича, что он так гневен? Изволил отвечать мне, указывая на одного кавалера: *«Вот дурак-ат на меня сердитца, что я тебя люблю»*. Я, смеючись, говорил Его Высочеству, чтобы он успокоился. <...> Кавалер поддежурной к немалому моему удивлению, совсем из себя выступя, говорил Его Превосходительству, что как скоро пришел он из-за стола к Великому Князю сменить другого, то Его Высочество, осердясь, сказал ему: — *«Зачем тебя черт принес, для чево не пришел ко мне Порошин?»* — Еще в жару своем продолжал оной кавалер, что Его Высочество, по большей части, изволит всегда разговаривать со мною, что гневается, когда другой пойдет тут; что изволит говорить (хотя я этого и никогда не слышал), что они все меня ненавидят за то; что изволит браниться и говорить, что как бы они меня ни ненавидели, он еще больше любить меня будет на зло им. <...> Его Превосходительство Никита Иванович кричал на Великого Князя, для чего он так неучтиво с кавалером своим обходится. <...> Государь Великой Князь долго изволил ходить задумавшись. <...>

24 сентября. Суббота. <...> Размолвился он с князем Куракиным и шпынством своим довел до того, что Куракин заплакал. Государю Великому Князю пуще сие смешно еще стало и хохотал он изо всей мочи. Говорил я Его Высочеству, чтоб изволил перестать и оставил бы Куракина в покое, чему он и последовал. <...>

29 сентября. Четверг. Сели мы за стол. Его Превосходительство Никита Иванович был тут же. Как между прочим разговорились о езде Его Превосходительства из Швеции сюда и дошла речь до города Торнео, то спросил Его Высочество, каков этот город? Его Превосходительство отвечивал, что дурен. Государь Великой Князь изволил на то еще спросить: — *«Хуже нашего Клину или лутче?»* — Никита Иванович изволил ему на то сказать: *«Уж Клину-то нашава, конечно, лутче. Нам, батюшка, нельзя еще, о чем бы то ни было, рассуждать в сравнении с собою. Можно рассуждать так, что это там дурно, это хорошо, отнюдь к тому не применяя, что у нас есть. В таком сравнении мы верно всегда потеряем»*. <...>

5 октября. Середа. <...> Его Высочество ночью бредит. Сие почти всякую ночь с ним случается; и так говорит явственно, как бы наяву, иногда по-русски, иногда и по-французски. Если в день был весел и доволен, то изволит говорить спокойно и весело; если ж в день какие противности случились, то и сквозь сна говорит угрюмо и гневается. <...> — Рассматривал Его Высочество в окно, какой сего дня ветер и куды тучи идут. Сие наблюдение почти всякое утро регулярно он делать изволит. Когда большие и темные тучи, тогда часто осведомяемся мы, ско-

ро ли пройдут и нет ли опасности. Всегда Страшной Суд на мысль приходит. <...>

20 октября. Четверг. <...> Читал я Государю Цесаревичу наизусть последние строфы в пятой оде покойного Ломоносова. Очень внимательно изволил Его Высочество слушать и сказать мне: — «*Ужасъ как хорошо! Это наш Волтер*».

31 октября. Понедельник. <...> Когда Государыня с Великим Князем по-французски говорить изволит, то называет его *Monsieur le Grand Duc, vous* <Государь Великий Князь, вы>, а говоря по-русски, изволит ему говорить *ты, тебе, батюшка* <...>.

17 ноября. Четверг. Его Высочество встать изволил в исходе седьмого часу. Одевшись, учился, как обыкновенно. В двенадцатом часу возвратился Его Превосходительство Никита Иванович от Государыни. <...> Сели в сани и поехали кататься. <...> Ехали мы Луговой; потом поворотили по Невской перспективе, мимо Казанской <...>. К слоновому двору подъезжая, увидел Государь Цесаревич на перекрестке, что мужики, стоя подле квасников, с великим аппетитом пьют теплое сусло. Захотелось ему сего питья отведать. Приказал тут Его Превосходительство Никита Иванович остановиться. Подали стакан сусла, откушал Его Высочество, и очень ему понравилось: мужику приказал дать пять рублей. Описать нельзя, с какою тут радостью и с каким удовольствием смотрел народ на Государя Цесаревича. <...>

27 ноября. Воскресенье. <...> Изволил Его Высочество прямо что называется шалить: из песошницы высыпал весь песок прежде в футляр с перочинного ножичка, оттуда рассыпал его по рисовальному столику и смачивал водою. Изволил представлять себе, будто это театр и будто он для того усыпает песком, чтобы танцовщики не падали. После сего захотелось Государю Цесаревичу испугать кн. Куракина. Он жестоко труслив. Послал за ним Его Высочество, а между тем приказал из фейерверочных своих машинок фонтанную свечку вставить в обыкновенную восковую свечу так, чтобы ее было не видно. Пришел Куракин: приказал Великой Князь подать эстампы, посадил его смотреть их и сам тут же сесть изволил, а оную свечу поставили подле. Его Высочество Куракину никакого знаку к подозрению не подавал. <...> Как догорело до свечки, <...> вверх ударил весьма высоко огненной фонтан. Куракин завизжал, бросился от стола и насилу опамятовался. Великой Князь запрывал, мы все хохотали <...>.

(Порошин. Ст. 216, 218, 267—268, 274, 301, 341, 344, 367, 375—376, 378—379, 387, 415—417, 422, 431—434, 446, 457, 464, 484, 501, 519, 533—534)

30 августа. Вторник. <...> Вечеру был бал. Часов в семь изволил Его Высочество пойтить в залу и открыть бал с графиней Анной Карловной Воронцовой. После изволил танцевать менуэт с фрейлиной графиней Анной Петровной Шереметевой <...>, с фрейлиной Верой Николаевной Чоглоковой <...>, с фрейлиной Анной Алексеевной Хитровой и Елисаветой Николаевной Чоглоковой <...>. Его Высочество очень был весел и танцевал весьма охотно, хотя впротчем и не безызвестно, что слишком не страстен он к танцованью. <...>

1 сентября. Четверг. <...> Государь Цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал имя той фрейлины, которая больше всех ему нравится. Как подошли кое-кто к окошку, то он тотчас стереть изволил. <...>

2 сентября. Пятница. Спрашивал Никита Иванович у Его Высочества, в кого он ныне влюблен? Признавался Его Высочество, что он влюблен, а в кого, того не сказывал. <...>

20 сентября. Вторник. День рождения Его Императорского Высочества: минуло одиннадцать лет. <...>

25 сентября. Воскресенье. <...> За чаем были у нас разные разговоры. Его Высочество не имеет еще явственного понятия о разности между мужеским и женским полом. Часто о том любопытствует. <...> Изволил и сего дня покушаться меня о том спрашивать, но я, конечно, не тот, который бы пред Государем Цесаревичем когда-нибудь выболтал то, чего не надобно; ответы мои состояли в шутках, кои отнюдь ничего не объясняли. Сказывал мне Его Высочество, что он, читая на сих днях древнюю Ролленеву Историю, увидел там описание женских свойств, которое ему крайне понравилось. Изволил говорить: *«Не дал-де я тогда тово знать, однако место очень приметил и прочитал еще после»*. <...> Об одной фрейлине признавался мне Его Высочество, что он день ото дня ее более любит. Не опровергал я совсем того, однако говорил Государю Цесаревичу, что не очень надобно в оные мысли устремляться, дабы оне не беспокоили и нужным Его Высочества упражнениям не препятствовали. <...>

9 октября. Воскресенье. Пришел к Государю Цесаревичу граф Григорий Григорьевич Орлов от Ея Величества звать Великого Князя на обсерваторию, которая построена вверху над покоем Ея Величества. Пошел туда Его Высочество, и Государыня быть там изволила. Весь город виден. Сходя оттуда вниз, говорил граф Григорий Григорьевич, не изволит ли Его Высочество посетить фрейлин. Оне живут тут в близости. Государю

Цесаревичу хотелось туда иттить, однако в присутствии Ея Величества не знал, что ответствовать. Государыня сомнение решила: изволила сказать, чтобы Его Высочество шел туда. Никогда повеление с такою охотою исполняемо не было, как сие. За Государем были Никита Иванович и граф Григорий Григорьевич. У всех фрейлин по комнатам ходили. Возвратясь к себе, изволил Его Высочество с особливым восхищением рассказывать о своем походе и, кто ни приходил, изволил спрашивать: «Отгадай, где я был севодни?» После рассказов вошел в нежные мысли и в томном услаждении на канаве повалился. Подзывая меня, изволил говорить, что он видел свою любезную и что она от часу более его пленяет. <...>

13 октября. Четверг. <...> По окончании учения изволил у меня спросить Его Высочество, так ли я свою любезную <люблю>, как он свою любит; и как я сказал, что, конечно, не меньше, то Государь Цесаревич изволил говорить, что наши любви в пропорции геометрической, и изволил написать сию пропорцию: $P:W = S:A$.

14 октября. Пятница. <...> В семь часов пошли мы к Ея Величеству, потом на маскарад. Его Высочество очень много танцовать изволил: менуэтов более двадцати <...>. Особливо Государь Цесаревич очень часто танцовать изволил со вторым членчиком вчерашней геометрической пропорции, разговаривал и махал весьма всем приметно. Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была, и приступы Его Высочества не отбивала суровостью. <...>

18 октября. Вторник. Его Высочество встать изволил в начале осьмого часу. Одевшись, учился как обыкновенно. Отучась, изволил играть в цинк, и там в окно махание происходило. Комната, где сия игра была, стоит окошками во двор, и против самых тех окошек, где живут фрейлины. Оттуда они выглядывают и с Государем Цесаревичем перемигиваются, особливо модная наша особа. <...> В начале второго часу сели мы за стол. <...> Как десерт подали, то Его Высочество изволил положить к себе в карман бергамот, чтоб сего дня в кукольной комедии отдать его своей любезной. — После обеда, позабавясь, изволил учиться как обыкновенно. <...> После учения попрыгивал Его Высочество и почти вне себя был, что увидит сего дня в кукольной комедии свою милую. <...> В комедии Его Высочество предприятие свое исполнил и бергамот отдал. С таким примечанием на любезную свою он взглядывал, что после мне с подробнейшею точностию пересказывать и переделывать изволил, как она говорит, как улыбается, как смотрит и какие имеет ухватки. <...>

19 октября. Середа. <...>. Сегодня Его Высочество очень был

наряден и разубран <...>, весь день был в золоте. Четвертой уже день как приказывает себе на каждой стороне класть по семи буколь, а преж сего обыкновенно только по одной букле <...> Любовь творит чудеса. Чулки раза два или три ныне в день приказывает перевязывать, чтобы были глаже. <...>

20 октября. Четверг. <...> Все утро разными аллегориями проговорил со мною о своей любезной и восхищался, вспоминая о ея прелестях. <...> Потом, как оделся, возобновил опять прежнюю материю и спрашивал меня, можно ли ему будет на любезной своей жениться? <...> Отвечал я Его Высочеству, что до этого еще далеко <...>.

21 октября. Пятница. <...> В исходе седьмого часу пошли мы на маскарад с Его Высочеством. <...> Танцевал Его Высочество много, особливо с своей любезной, и говорил с нею довольно. Сего дня в первой раз Великой Князь танцевал польской в четыре пары с шеном и под предводительством красотки своей так понял, что, казалось, будто бы давно его знал. Кроме оно-го польского, изволил Его Высочество танцевать еще два обыкновенных польских, и все с одною парюю, то есть с дражайшей своей В. Н. С начала маскараду пошло было не очень мирно: милая наша маска убежала прочь (показалось ей, будто старшая ее сестра Е. Н. в моду входит), и тем Его Высочеству причинила скучные мысли; но напоследок восстановлен мир <...>. По возвращении, между прочих разговоров, изволил сказывать Его Высочество мне одному за уверенность, что как в польском, танцуя шен, подавал он руку своей любезной, то сказал ей: — *«Теперь, если б пристойно было, то я поцеловал бы вашу руку»*. Она, потупя глаза, ответствовала, что «это было бы уже слишком». Потом сказала она Государю Цесаревичу: «Посмотрите, как на вас пристально Бомонтша смотрит» (первая актриса на здешнем французском театре, которая также была в маскараде). Его Высочество с страстным движением отвечал ей только: — *«А я на вас смотрю»*. Вот какова натура! Кажется, никто не учил этому.

22 октября. Суббота. Его Высочество встать изволил в семь часов. Одевшись, учился, как обыкновенно. После учения вспоминал с восхищением о вчерашнем маскараде и в желтой комнате попрыгивал. <...>

28 октября. Пятница. <...> Пошли мы в маскарад. <...> С начала маскараду Государь Цесаревич на любезную свою очень холодно поглядывал и разговаривать изволил с другими; но потом, как я ему шутя сказал, что постоянство в числе добродетелей, а непостоянство порок, то сцена переменилась. <...>

29 октября. Суббота. Государь Цесаревич встать изволил в семь часов. За чаем изволил разговаривать со мною о вчерашнем

маскараде и сказывал мне, между прочим, какие у него были разговоры с В. Н. Он называл ее вчерась червонной десяткой, подавая тем знать, что она многим отдает свое сердце. Она говорила, что одно только имеет, и следовательно, дать его не может более, как одному. Государь Цесаревич спрашивал у нее: — *«Отдано ли же ее сердце кому или нет?»* — И как она сказала, что отдано, то еще изволил спрашивать: *«Далеко ли оно теперь?»* Она сказала, что недалеко. Его Высочество изволил спрашивать, что если бы он кругом ее обошел, то нашел ли бы ее сердце? Говорила она, что оно так к нему близко, что и обойти нельзя и проч. Так-то, знай наших: в какие мы вошли нежные аллегии! Между тем Его Высочество изволил мне признаваться, что если бы вчерашнего напоминания ему от меня не было, то б, может быть, вчерась между любезною разрыв последовал <...>

11 декабря. Воскресенье. <...> Рассказывал мне Государь Цесаревич, как ему было весело, когда изволил быть на даче у обер-маршала Сиверса: там была любезная его Вера Николаевна. Изволил сказывать, что много танцевал с нею и разговаривал. *«Говорил-де я ей <...>, чтоб я всегда хотел быть вместе с нею»*. Как она сказала Его Высочеству, что ей очень хочется поцеловать у него руку, то он ответствовал, что ему еще больше хочется поцеловать у нее руку. Как назад ехали, то она ехала в салазках перед Его Высочеством. Тут, оборачиваясь, друг другу поцелуи бросали. Великой Князь говорил ей: *«Кажется, мы не проводили вместе столь прекрасного дня»*. — Она отвечала: «Да, государь». <...> (Порошин. Ст. 409, 437, 448, 471—473, 476, 478, 481—484, 486—487, 494—495, 547)

P.S. Развязка романа P : W неизвестна; но, видимо, после отставки Порошина от великого князя, как некому стало напоминать, что постоянство в числе добродетелей, так развязка тотчас и наступила. В 1769 году Вера Николаевна Чоглокова вышла замуж за графа Антона Миниха, внука фельдмаршала.

Окончание Семена Порошина ЗАПИСОК

3 декабря. Суббота. Его Высочество встать изволил в начале осьмого часу. Когда я дежурной, то прежде, нежели чай сберут, изволит он обыкновенно сам входить ко мне и разговаривать со мною <...>. Сего утра того не было, и как я вошел к Государю Цесаревичу, то он, принявши меня очень холодно <...> и долго бывши в молчании, изволил наконец сам прервать оное и спросить меня: *«А что это значит, что я перед чаем не вошел к тебе?»* Ответствовал я, что лучше о том надобно знать Его Высочеству; что я вижу, что Его Высочество на меня сердится, а за что, подлинно не знаю <...>. На сие изволил мне говорить Государь Цесаре-

вич с некоторым жаром: «Ты это заслуживаешь <...>, и я уже обо всем рассказал Никите Ивановичу». Долго мне теперь описывать, какие я чудеса сведал от Его Высочества; как подло и злобно слова мои ему перетолкованы <...>. Случилось, например, некогда, что Его Высочество <...> изволил дать мне слово, чтоб всегда меня слушаться. <...> Сие безвинное и почти шуточное <...> условие было перетолковано так, что будто я хочу, чтоб только Великой Князь меня одного слушался и мне б только следовал и, одним словом, чтоб делал то только, чего я ни захочу <...>. Всего больше меня тронуло, что довели сие до Никиты Ивановича <...>.

5 декабря. Понедельник. <...> Не могу похвалиться ровным поведением со стороны Его Высочества; термометр все еще стоял ниже предела замерзания. <...>

7 декабря. Середа. <...> За чаем почти ничего не говорил со мною. <...>

11 декабря. Воскресенье. Его Высочество проснуться изволил в семь часов. Чай кушал в постеле. Как я подошел к нему, то, поцеловавшись со мною очень ласково, изволил сказать: «Здравствуй, голубчик! Все ли ты в добром здоровье? Каково спал?» — Потом изволил говорить: «Таких слов давно уже ты от меня не слышал. Я признаю свою неправоту, мой друг; помиримся ж», — и поцеловавшись, еще изволил сказать: «Только, пожалуйста, ни на кого не сердись. Пусть все будет по-прежнему. <...>» Просил меня только Его Высочество, чтобы я все оное забыл; что он сам во всем раскаивается. <...>

28 декабря. Середа. <...> Хотя и была у меня с Его Высочеством экспликация, как я выше упомянул, однако после оных интрижек и наушничеств все еще не примечаю я к себе со стороны Его Высочества той доверенности, той горячности и тех отличностей, кои прежде были. <...>

<...> И о сих Записках уверяли Его Высочество, что оне со временем будут только служить к его стыду и посрамлению, для того-де, «что лета ваши детские, так каким там быть еще записанным делам великим, да прошлого же году вы часто плакивали, так уж верно и это внесено туда». <...> — Невежество и зависть, против всех добрых дел искони воюющие, вооружились на меня посредине моего течения. <...>

1766

13 января. Пятница. Его Высочеству на мысль пришло собрание сделать и экзаменоваться с Куракиным. Сие вот как происходило...

(Порошин. Ст. 539—540, 542, 544, 547, 563, 565, 570)

На сем прекращаются Семена Порошина записки. Слишком много в них оказалось подробностей из частной жизни его превосходительства Никиты Ивановича Панина, чтобы, прочитав их, Никита Иванович позволил Порошину оставаться в штате кавалеров великого князя. Порошина срочно причислили к армии и откомандировали в Малороссию — в Ахтырку. 15 апреля 1766 года он выехал из Петербурга навсегда.

Он просил заступничества у Григория Орлова, получил чин полковника и Старооскольской полк под свою команду. В 1769-м полк был отправлен на турецкую войну, но Порошин не успел отличиться: в крепости Св. Елисаветы он внезапно занемог и умер на двадцать девятом году жизни.

* * *

Записки Порошина — редкостный документ. Спасибо его превосходительству Никите Ивановичу Панину, что, отняв их у автора, он не использовал для редакции печку, и мы теперь можем судить о натуре грозного русского царя не только по его собственным манифестам и указам или по анекдотам и слухам его испуганных подданных.

Натура Павла изучена с близкого расстояния умным и внимательным человеком. Павлу одиннадцать лет — желания его нрава и склонности ума запечатлены резкими, отчетливыми штрихами. Жизнь его детально расписана по привычкам. В детских играх узнаются страсти взрослого императора.

Конечно, не всякой игре следует придавать значение — бывают и случайные совпадения. Например, имажинирует его высочество себя то ефрейт-капралом, то поручиком и изволит в играх своих военными баталиями воображение увеселять. Сие совсем еще не предвещает будущих вахт-парадных страстей императора, ибо припрыжки по комнатам, имитирующие кавалерийскую атаку, или урчание голосом, подражающее артиллерийской канонаде (см. 5 сент. 1765), не имеют ничего общего со строевой выправкой, введенной с 7-го ноября 1796 года в ранг высшей государственной необходимости, и не означает ничего иного, кроме нормального отроческого удовольствия играть в войну — все десятилетние мальчишки играют в войну, и скорее недобрые предчувствия могло бы вызвать отсутствие в детстве Павла этой игры. — Или другое совпадение: читает Порошин своему ученику историю Мальтийского Ордена, и ученик тотчас начинает представлять себя мальтийским рыцарем (см. 28 февр. и 4 марта 1765), — конечно, это немедленно напоминает нам будущий протекторат императора Павла над Мальтой и принятие им титула великого мальтийского магистра. Но, кажется, напоминает совсем напрасно, ибо нельзя считать двухдневную игру

в героев только что прочитанной книги признаком укорененного душой влечения — поиграл да перестал играть, и больше, судя по записям Порошина, о том не вспоминал.

Однако, кажется, есть и неслучайные совпадения. Посему, зная, чем все кончится, мы все-таки не можем воздержаться от некоторых наблюдений по поводу журнала Порошина и, сличая порошинские записи с позднейшими сведениями мемуаристов, анекдотистов и летописцев, получаем следующий реестр отличительных признаков натуры царевича:

§ 1. Государево самосознание: Павел — наследник, будущий владетель «эдакой землищи», чьи концы едва умещаются на географической карте (см. 1 нояб. 1764). Его именуют *государь*. Он мыслит о подражании прадеду — Петру Первому (см. 8 дек. 1764). Повелением матери он является генерал-адмиралом и ему как бы подчиняется весь наш флот — по воскресеньям он выслушивает рапорты морских начальников (см. 31 июля 1765). Мать обещает, что лишь только он подрастет, «она изволит тогда по утрам призывать его к себе, для слушания дел» (см. 10 сент. 1765). Разговоры взрослых за обедом или ужином неизбежно касаются придворной и общей жизни, и Павел привыкает соотносить эту жизнь с понятиями о правилах добродетели, которым его ежедневно учат. Вот, например, Никита Иванович Панин вспоминает, как за одинаковые подвиги по-разному обошлись с фельдмаршалом Лессием и адмиралом Головиным. «Как же, — восклицает его высочество, — за одно дело одново похвалить, а другога наказать?» (см. 6 окт. 1764). А вот заходит речь о злоупотреблении служебным положением, и великий князь спрашивает с искренним интересом: «Что ж, так разве честных людей у нас совсем нет?» (см. 9 дек. 1764). Или, например, говорят взрослые про некоторого пророка, извещавшего народ о близком потопе и за то посаженного на днях под караул — и его высочество одобряет разумное распоряжение: «Хотя эдакой сумасброд и враки рассеивает, однако все простой народ в беспокойство и смятение приведен тем быть может» (см. 1 дек. 1764).

§ 2. Привычка находиться в центре внимания и принимать знаки высокопочитания от всех и каждого:

— от первенствующих лиц государства (сам Никита Иванович прислуживает десятилетнему отроку, стоя за его стулом и раскладывая ему кушанья — см. 22 сент. 1764);

— от дружественных России европейских держав (иностранные посланники выстраиваются в очередь, чтобы принести его высочеству поздравления с днем рождения — см. 20 сент. 1764);

— от простого народа, с радостью и удовольствием наблюдающего за тем, как его высочество пьет квас (см. 17 нояб. 1765).

Эта привычка медленно совершает свое подлое дело — скоро она станет потребностью и в конце концов истончит нервы до такой чувствительности, что в отсутствие поминутного изъяснения знаков высокопочитания Павел станет видеть признаки заговора и измены. Пока до этого не дошло. Пока мы видим только зарницы будущих гроз.

§ 3. Обидчивость, самолюбивость, привычка первенствовать, желание подчинять. Кажется, друг детских игр князь Александр Куракин (тогда тоже еще десятилетний отрок¹¹⁰) для того и нужен Павлу, чтобы репетировать над ним власть непредсказуемую и пугающую (см. случай с огненным фонтаном: 27 нояб. 1765). Кажется, Павел испытывает явное удовольствие от того, что имеет право заставить не только ровесника, но и взрослого человека делать что-то для этого человека неприятное (см. случай с порезанным пальцем Порошина: 15 нояб. 1764).

«Его высочество имеет за собою недостаток, всем таким людям свойственный, кои более привыкли видеть хотения свои исполненными, нежели к отказам и к терпению. Все хочется, чтоб делалось по-нашему» (см. 3 янв. 1765). — Вообще, конечно, это свойство всякого человека, независимо от возраста и положения, — просто оно особенно бросается в глаза, если человек занимает публичное место, когда силою вещей жизнь его протекает как бы на сцене, и волей или неволей он становится властителем взоров и дум. Под аплодисменты публики с каждым новым выходом проникается он чувством своего превосходства. Когда такой человек появляется на спектакле, в театре нечувствительно возникает вторая сцена — его ложа, из которой он хлопками ладош во время пауз между ариями показывает публике и подтверждает себе свое первенствующее значение. Если зал забывает о его присутствии и начинает аплодировать актерам, он очень обижается: его не заметили, про него забыли, его игнорируют. — Мы знаем два точно таких эпизода из жизни Павла: один от 1764-го года, когда десятилетний цесаревич по возвращении из спектакля угрожает неблаговоспитанной публике: «Вперед я выпрошу, чтоб тех можно было высылать вон, кои начнут при мне хлопать, когда я не хлопаю» (см. 7 окт. 1764); другой — от 1800 года, когда сорокашестилетний царь исполняет свою угрозу высочайшим повелением: «Его Императорское Величество с крайним негодованием усмотреть изволил во время последнего в Гатчине бывшего театрального представления, что некоторые из бывших зрителей начинали плескать руками, когда Его Величеству одобрения своего объявить было неудобно, и, напротив того, воздерживались от плескания, когда Его Величество своим примером показывал желание одобрить игру актеров <...>, почему принужденным на-

шелся всему двору своему и гарнизону города Гатчины отказать вход в театр <...>» (*Приказ от 25 сент. 1800*). Вообще следует заметить, что гипертрофированное самолюбие — это уже признак невроза, а неврозы, увы, не поддаются лечению, ибо коренятся слишком глубоко в душе, и истребить их можно только вместе с душой.

§ 4. Живая душа — всегда чувствительная, зыблущаяся, нервная. Она — источник головной боли (см. 11 дек. 1764) и тяжелых, беспокойных снов (см. 5 окт. 1765: «Его Высочество ночью бредит <...> и так говорит явственно, как бы наяву»). На время сна человек сходит с ума — дневные впечатления смешиваются, перепутываются, наслаиваются друг на друга, дневные названия предметов и имена людей забываются; утром просыпается он с послеболезненным чувством только что пережитого кошмара и начинает думать над его смыслом. Вползая в дневную жизнь, сны отемняют ее своими бредами и погружают нас во мрак страхов и электризующей мистики. «Рассматривал Его Высочество в окно, какой сего дня ветер и куды тучи идут. Сие наблюдение почти всякое утро регулярно он делать изволил. Когда большие и темные тучи, тогда часто осведомляемся мы, скоро ли пройдут и нет ли опасности. Всегда Страшной Суд на мысль приходит» (см. 5 окт. 1765); «<...> был жестокой гром и пресильной дождь. Его Высочество робел несколько и спрашивал меня, думаю ли я, чтоб севодни Страшной Суд мог случиться?» (см. 13 июня 1765). Не может рациональное воспитание изгладить из души ее врожденных предчувствий, и даже если впоследствии Павел никогда не признавался ни себе, ни вслух, что живет в ожидании внезапного конца света и в страхе смерти, это ожидание и этот страх неосознано преследовали его душу, показываясь то в виде детских слез о неизмеримости времени (см. 1 янв. 1765), то во встречах с призраками (см. далее: 10 июля 1782), то в многочасовых коленопреклоненных молитвах, то в масонском *memento mori*, то в воспоминаниях об Архангеле Михаиле, то в строительстве замка в честь грозного Архангела.

§ 5. Может быть, именно эта врожденная нервность души, эти тайные страхи и ожидания сделали такой энергичный темперамент — «весь день на ногах» (см. 11 авг. 1765), торопится лечь пораньше, чтобы раньше встать (см. 10 окт. 1764; 11 окт. 1764; 23 окт. 1764; 7 дек. 1764), торопится во время обеда — глотает кусками, не прожевывая (см. 5 авг. 1765), торопится жить и чувствовать (см. роман Р : W) — может быть, все это оттого, что душа тайно боится смертного состояния тела, и когда, например, его высочество спешит лечь спать — он бессознательно хочет проскочить побыстрее страшную ночь, чтобы, вос-

креснув от сновидений, скорее снова почувствовать себя живым.

§ 6. Но то, что скоро растет, скоро и вянет. «Его Высочество, будучи живого сложения и имея начеловеколюбивейшее сердце, вдруг влюбляется почти в человека, которой ему понравится» (см. 24 сент. 1764), но так же, как в еде или в сне, он тороплив и в своих привязанностях. Едва расцвела его любовь к Вере Чоглоковой, как он уже рассеян и отвлечен: 21-го октября он танцует без усталости с любезной, просит поцеловать руку, говорит ей, что смотрит только на нее, наутро с восхищением вспоминает о вчерашнем маскараде и от удовольствия попрыгивает — но проходит неделя, и очередной маскарад начинается тем, что его высочество холоден, не замечает свою Верушку и изволяет заговаривать с другими фрейлинами (см. 28 окт. в романе Р : W). Для того чтобы поддерживать в его высочестве постоянную и долговременную привязанность, нужны, как выразился однажды Порошин, «усильные движения» его конфиден-та и, добавим от себя, помня о судьбе самого Порошина и зная о количестве отставок и ссылок во время царствования Павла, — эти «усильные движения» должны быть направлены на отсекование невыгодных для конфиден-та влияний: чтобы завистники не успели посеять подозрений в тайных умыслах конфиден-та о подчинении государя своей воле.

§ 7. Самое страшное в любви и дружбе с государем — его догадка о том, что им управляют: стоит зародиться такой догадке, и вы погибли, ибо вы тотчас превращаетесь из доверенного лица в изменника и предателя, посягнувшего на святыню государственной души — его привычку первенствовать. Посему напрасно, наверное, хлопочет Никита Иванович Панин о конституции — при таких задатках его воспитанника есть ли смысл надеяться на то, что он позволит ограничить свое будущее правление непререкаемыми законами? При таких задатках быть ему государем самодержавным, чьим законом служит только его собственное слово и дело.

§ 8. Это тоже неплохо — при одном условии: если у такого государя доброе сердце, если он способен к благородным движениям, к чувству благодарности, к раскаянию (см. случай от 10 окт. 1764, когда Павел просил определить к хорошему месту сына своей кормилицы; см. другой случай — от 2 нояб. 1764, когда Павел почувствовал, что напрасно обидел Порошина). Это очень неплохо — особенно если у государя логический ум. А Павел обладает логическим умом, способным не только к математическим вычислениям (см. 30 сент. 1764), но и к быстрому соположению жизненных наблюдений (см. 5 сент. 1765, когда в разговоре об отвращении, внушаемом нам такими тварями,

каковы мыши, тараканы и лягушки, его высочество замечает: «Они нам гадки, а мы, я думаю, им гадки кажемся»; см. 6 окт. 1764, когда его высочество выводит из рассказа о награде Лессию и наказании Головину понятие о справедливом воздаянии). Логический ум в сочетании с благородными порывами вселяет надежду. Такой государь, даже будучи отягощен непомерным самолюбием и нервной обидчивостью, вызывающими сильнейшее раздражение при мысли о необходимости исполнять требования близстоящих людей, — может быть, окажется способен подчиниться требованиям безличных сил — непреложных гражданских законов, направленных на установление упорядоченной, как в математике, системы жизни. Тогда нравственные уроки его наставников не пропадут даром, ибо он будет чувствовать, что, исполняя непреложные законы, живет согласно справедливости, долгу, чести, то есть согласно добродетельным понятиям о правильной жизни государя.

§ 9. Наверное, точнее было бы сказать иначе: он потому и не выносил своей подчиненности кому бы то ни было, что слишком зависел от чужих мнений и, чувствуя это, но не умея по самолюбию в этом признаться, поминутно демонстрировал себе и своим подданным свою неподотчетность никому и ничему. Дело тут вовсе не в зависимости жизни Павла от воли императрицы-матери, с годами все более неласковой к его будущей судьбе. Такая зависимость была, она наложила свой тяжелый отпечаток на его судьбу, ожесточила, усугубила, усилила, вызвала потребность противоречить всякому намеку на зависимость. Но, кроме этой, была зависимость иного сорта: врожденная зависимость от влияния чужих мнений. — Ум у него был логический, но применительно к жизни не критичный и несамостоятельный, сердце — доброе, но неразборчивое. Слышит он, например, однажды из уст Порошина пышноторжественные строки нашего Пиндара и изволит замечать: «Это, конечно, уже из сочиненьев дурака Ломоносова» (см. 18 дек. 1764); сообщает ему вскоре Порошин о кончине Ломоносова, и его высочество государственно замечает: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал» (см. 5 апр. 1765). — Понятно, что не сам его высочество собственным умом сложил такое мнение о Ломоносове: оно целиком заимствовано от разговоров взрослых, для которых наш Пиндар — не более чем битая карта из колоды бывшего фаворита Елисаветы Петровны — Ивана Ивановича Шувалова, неблагожелателя императрицы Екатерины; взрослым Ломоносов известен не стихами, а учеными и промышленными прожектами, для исполнения которых все время просит денег. Его высочество не знает сих подтекстов, да и знать их ему невдомек. — Но вот Ломоносов умер,

прожектов боле не подает, денег не просит, о нем не поминает при великом князе никто, кроме Порошина, продолжающего цитировать его бессмертные строки. Прежнее мнение изгладилось, и его высочество восклицает, вторя впечатлениям своего учителя: «Ужась как хорошо! Это наш Волтер» (см. 20 окт. 1765). — В этом случае все кончилось, как мы видим, хорошо; для наследников Ломоносова все кончится еще лучше — став царем, Павел дарует им потомственное дворянство. Однако случай с Ломоносовым слишком умозрительный. Иначе обстояло дело с людьми, которых его высочество знал лично: тут зависимость от чужих мнений приводила обычно к последствиям, плачевным для этих людей, а самого Павла привела в конце концов к такому образу мыслей и чувств, в кольце которых он вовсе перестал понимать, чьим мнениям можно доверять.

§ 10. Мы полагаем, что подозрительность есть врожденное свойство души всякого живого существа, ибо является естественным проявлением нашего природного инстинкта самосохранения. Ход жизни обостряет или притупляет сей инстинкт. Когда человек живет в таком времени и пространстве, каждая частица которых наэлектризована энергией интриг, заговоров и предательств, душа человека пронизывается этой энергией, и ослабить ее воздействие можно, только бежав из такого времени и пространства — лучше на лоно природы, в идиллию садово-парникового хозяйства, как хотел сделать сын Павла — Александр. Но царь есть пленник своего сана и бежать из места своего властвования может только в народных легендах — да и то лишь для того, чтобы содейть смуту. — Посему подозрительность не может не быть свойством государевой души, и Павел не исключение. «Что, — спрашивает он перед тем, как откушать чашку кофия, — была ли в апробации?» (см. 15 нояб. 1764). Вопрос логичный — бывают ведь такие сильно действующие яды, от которых люди сходят с ума (см. 11 окт. 1764), а бывают и такие, от которых можно совсем лишиться жизни. — Он всегда готов был довериться человеку, понравившемуся ему с первого взгляда, но так же всегда отворачивался от него по первому слову наговора. «Неоднократно наблюдал я, — замечал Семен Порошин еще за год до того времени, когда ему в полной мере пришлось на себе испытать всю тягость этого своего наблюдения, — что когда при нем говорят <...> о ком невыгодно и хулительно <...>, то такого Государь Великой Князь после увидя, холоден к нему кажется» (см. 29 окт. 1764). Кажется, единственным человеком в жизни Павла, наговорам на которого он не поверил, был Никита Иванович Панин. Но тут случай особого рода — Никита Иванович заменил Павлу отца и отчасти повторил судьбу отца: был отторгнут от Павла.

§ 11. Впрочем, заменить отца никто никому не может. Отец, исчезнувший таинственным образом, всегда будет мантировать воображение сына: такой отец становится мифом для подражания. Сомнительно, чтобы Павел вживе помнил облик Петра Третьего: слишком редко тот навещался к сыну (вряд ли он и считал его сыном: недаром в манифесте о восшествии Петра Павел, быв именован цесаревичем, наследником престола объявлен не был). Известен один только эпизод о визите отца к сыну: «Когда в Петербург приехал принц Георгий Голштейн-Готторпский (он приходился дядей императору и императрице <...>), Панин добился <...>, чтобы принц Голштейн-Готторпский и принц Голштинский, также дальний родственник их величеств, уговорили императора присутствовать на экзамене, который устраивался великому князю. Только после их повторных просьб он дал согласие. — Все равно я в этом ничего не понимаю, — заметил Петр III. По окончании экзамена он громко сказал дядьям: — Право, думаю, этот плут знает больше нас с вами» (*Дашкова. С. 54*). — После исчезновения Петра Третьего о нем, видимо, старались при Павле не упоминать; разумеется, не могло быть никаких воспоминаний о революции 1762-го года, но совсем исключить из разговоров его имя было невозможно — недавняя пора была слишком свежа в памяти всех учителей и посетителей наследника, отчего имя покойного государя неизбежно проскакивало в речах взрослых (см. 8 окт. 1764; 4 авг. 1765). В конце концов, видимо, не без редакции Никиты Ивановича, понятие Павла об отце определилось в образе пылкого до опрометчивости желателя всеобщего блага, погибшего от интриг фаворитов матери. Сам Павел так рисовал впоследствии этот образ: «<...> вступил покойный отец мой на престол и принялся заводить порядок, но стремительное его желание завести новое помешало ему благоразумным образом приняться за оный; прибавить к сему должно, что неосторожность, может быть, была у него в характере, и от ней делал многие вещи, наводящие дурные импресии, которые, соединившись с интригами против персоны его <...>, погубили его» (*Из письма Павла П. И. Панину, 14 сентября 1778 // РС. 1882. Т. 33. № 3. С. 749*). А поскольку ум у Павла был логический, то с течением времени его представление о Петре Третьем стало существовать по контрасту с отношением к матери.

§ 12. Мы говорили уже мельком об отношении матери к сыну, но его отношения к матери еще не касались. Записки Порошина дают на сей счет очень скудный материал. Посмотрим, что даст материал следующего времени. Посему вернемся к нашему повествованию вперед на шесть лет.

О событиях жизни царевича между 1766-м и 1772-м годами известно немного. Мы знаем, что Никита Иванович Панин продолжал руководствовать его воспитанием, что учителя продолжали заниматься с ним науками, языками и танцами, что на торжественных выходах и обедах он присутствовал рядом с матерью, что ему определили 22-хлетнюю вдову Чарторижскую и что она родила сына Семена Великого. Однажды, в конце лета 1771 года, Павел заболел — и так, что опасались за жизнь. Болезнь приключилась ввиду приближающегося через год совершеннолетия, и опять по Петербургу ходили слухи, изобличающие преступность Екатерины, — говорили, например, что в случае его смерти собирались объявить наследником 9-летнего Бобринского, сына Екатерины и Григория Орлова (*Голицын. С. 301*). Выздоровление Павла было встречено демонстративным ликованием оппозиции, а сам он впоследствии рассказывал родным и близким о том, как в молодости его едва не отравили (см. *П. П. Лопухин. С. 532*). Он выздоровел, и перспектива сделать его в скором времени царем снова стала смущать умы подданных:

Надежда русского народа,
Возри на искренность сердец;
Тебя пустила в свет природа,
Дабы ты россам был отец.

(*Майков. С. 225: Ода на выздоровление цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола Российского*)

О внешности Павла, как в эту пору, так и позднее, известно еще меньше. Портреты разных лет, сделанные придворными живописцами, дают не просто разные образы одного и того же лица, но разные лица: на одних портретах глаза большие, на других маленькие, на третьих — как у больных пучеглазием; на одних портретах Павел подтянут и молодецват, на других — упитан, как пятидесятилетний вельможа; на детских портретах нос картошкой, на юношеских — как у римских сенаторов, на взрослых — короток и вздернут.

О чувствах и мнениях Павла между 1766-м и 1772-м годами, если рассуждать критически, не полагаясь на депеши иностранных посланников и на сватовские рекомендации, можно сказать, что неизвестно ничего. Предсвадебные мифологемы свидетельствуют только о рекламных целях сватов, а политические — о модусе восприятия дипломатами перспектив перемены правления в России. Иностранные посланники извещали своих начальников в Париже, Берлине, Лондоне и Вене о том, что

Павел хил здоровьем, слаб характером и угнетен матерью, — их целью было предупредить свои правительства о невозможностях перемены власти в Петербурге. Если смотреть на характер Павла с точки зрения политических перспектив, то, конечно, посланники писали, наверное, все правильно, но если, уже зная записи Семена Порошина, реконструировать по дипломатическим депешам перемены, происшедшие в характере великого князя за последние шесть лет, получится совершеннейшая ложь.

Впрочем, и о политических невозможностях наследника иностранные посланники судили весьма поверхностно, исходя, видимо, из представлений о том, что перемена власти в России может совершиться только переворотом, и не предполагая в этой стране никаких понятий о легитимности.

Между тем понятия о легитимности здесь имелись, и именно эти понятия, а не слабость здоровья или характера препятствовали началу новой русской революции.

* * *

Мы оставили петербургский двор на словах «что-то будет!» — в ту минуту, когда Григорий Орлов был изъят из придворного оборота. Теперь пришла пора признаться, что ради литературного эффекта краски в ту минуту были излишне сгущены, а шансы Никиты Ивановича Панина сильно преувеличены, ибо в отличие от 1762-го в 1772-м году не присутствие Григория Орлова предопределяло судьбу Екатерины, а одно только установившееся к той поре политическое равновесие вещей.

О шансах Никиты Ивановича и его воспитанника сохранились лишь смутные воспоминания, свидетельствующие невероятность какой-либо революции как в 1772-м, так и во все последующее время.

Одно из воспоминаний связывает участь престола с именем голштинского уроженца на русской службе, пригретого еще Петром Третьим, — Сальдерна. Самое знаменитое его предприятие — это помощь Дании в приобретении Голштинии. Великий князь Павел Петрович наследовал Голштинию от покойного отца: намерение Петра Третьего о войне с Данией за возвращение утраченного Шлезвига было еще памятно в Петербурге; никто не знал, как скажется оно на будущем Павла; Сальдерн «вошел в частные сношения с датским двором, получал от него подарки и обещание получить еще большие за содействие к достижению предположенной Даниею цели — окончательной уступки ей Голштинии. Сальдерн представил Екатерине, что <...> так как великий князь вступает в совершеннолетие, то необходимо лишить его этого владения, ибо, по сло-

вам Сальдерна, можно было опасаться, что наследник в качестве германского имперского князя мог бы держать себя в некоторой независимости от русской императрицы и если бы имел злой умысел, мог бы даже увлечься до того, чтобы вступить в союз во вред императрице. Екатерина нашла вескими эти соображения Сальдерна, и 21 мая 1773 года заключен был в Царском Селе окончательный с Даниею трактат <...>, коим, уступая Дании Шлезвиг и Голштинию, Павел Петрович приобретал взамен того графства Ольденбург и Дельменгорст. Затем актом 14 июля 1773 г. Павел передал их коадьютору любскому Фридриху-Августу, представителю младшей линии голштинского дома. — Этим окончательно разрешен был голштинский вопрос по отношению к России» (*Кобеко. С. 76*).

Мы не выясняли, сколько и чего получил Сальдерн от датского двора за двойное приращение Датского королевства, — надо полагать, безбедную старость себе обеспечил. Между тем он, видимо, хотел добыть еще и славу в потомстве: «Поддерживая в уме Екатерины ложные опасения против ее сына, Сальдерн, с другой стороны, пытался восстановить Павла Петровича против матери. Он составил план о даровании ему соучастия в управлении государством. Рассказывали даже, что Павел будто бы выдал Сальдерну подписанное им полномочие, дабы испросить у Екатерины согласие на этот проект. — План свой Сальдерн открыл Панину, который с негодованием отверг его, и после объяснения его с Павлом Петровичем интрига Сальдерна рушилась сама собою <...>. В августе 1773 года он оставил Россию. Панин имел неосторожность не донести Екатерине о происках Сальдерна, и она узнала о них уже после его отъезда» (*Кобеко. С. 77*).

То, что Панин не донес на Сальдерна, а императрица о его проекте узнала, — добавочно препятствовало доверию к Никите Ивановичу. Сомнениям в Никите Ивановиче помогал и его брат — генерал-аншеф Петр Иванович, поселившийся по выходе в отставку в Москве и ставший здесь великим фрондёр. — «Панин много и дерзко болтает, — оправдывал Петра Ивановича перед императрицей московский главнокомандующий, — но все оное состояло в том, что всё и всех критикует, однако такого не было слышно, чтоб клонилось к какому бы дерзкому предприятию» (*Оснадцатый век. Т. 1. С. 96—97*).

Впрочем, пока Никиту Ивановича Панина не свалили болезни, его кредит в иностранных делах не мог перебить никто и он оставался незаменим вопреки догадкам Екатерины о его домашних замыслах. Самый важный его замысел — о конституции в России — известен нам, к сожалению, только по одному преданию, сюжет которого, увы, невозможно ни проверить

критически, ни живописать другими анекдотами. Предание таково:

«В 1773 или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, — граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо ее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие <...>. При графе Панине были доверенными секретарями Д. И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин, оба участники в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решился быть предателем. Он открыл любовнику императрицы Г. Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. — Она позвала к себе сына и гневно упрекала ему его участие в замыслах против нее. Павел испугался, принес матери повинную и список всех заговорщиков. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув на него, бросила бумагу в камин и сказала: — Я не хочу знать, кто эти несчастные. Она знала всех по доносу изменника Бакунина. Единственною жертвою заговора была великая княгиня Наталья Алексеевна: полагали, что ее отравили или извели другим способом <...>. Граф Панин был удален от Павла с благоволительным рескриптом, с пожалованием ему за воспитание цесаревича 5 тысяч душ и остался канцлером <...>. Над прочими заговорщиками учрежден тайный надзор <...>.

Панин предлагал установить политическую свободу сначала для одного только дворянства в учреждении верховного Совета, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц <...>. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы исполнительная <...>. В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей. Проект был написан Д. И. Фонвизиним под руководством графа Панина. У меня был список с введения, или предисловия к этому акту <...>, которое, сколько припомню, начиналось так: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чув-

ствуют. Просвещенный ясностью сея истины и великими качествами души монарх, приняв бразды правления, тотчас почувствует, что власть делать зло есть несовершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное величие, когда само у себя отъемлет власть и возможность к содеянию какого-либо зла» и т. д. За сим следовала политическая картина России и исчисление всех зол, которые она терпит от самодержавия» (*М. А. Фонвизин. С. 127—129*).

Введение к конституции сохранилось¹¹¹ — слог его выдает остроумие Дениса Фонвизина. Говорят, что Павел одобрял не только слог, но и смысл написанного. За три дня до смерти, 28-го марта 1783 года, Никита Иванович Панин долго разговаривал со своим воспитанником, и тот тогда же своеручно записал рассуждения того вечера (см. *Сафонов 1974*). «Очертив общий состав предстоящих реформ, — резюмирует эти записи летописец, — Павел особо подчеркивает необходимость «согласовать <...> монархическую исполнительную власть по обширности государства с преимуществами той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самого государя или частного чего-либо <...>. Должно различать власть законодательную и власть законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, но с согласия государства, а иначе без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая в руках под государем, предопределенным управлять государством». Затем обосновывалась мысль об учреждении выборного дворянского Сената как законы хранящей власти, уточнялись его компетенции, порядок его взаимодействия с государем, структура, территориальное деление, полномочия должностных лиц и т. д. <...>. Как мы могли убедиться, Павел, несомненно под влиянием Н. И. Панина, в своих размышлениях о способах ограничения самодержавия и роли в этом выборного дворянского представительства пришел к признанию *принципа разделения властей как основополагающего начала будущего государственного устройства России*. Значение этого трудно переоценить. Ибо принцип разделения властей, выдвинутый передовой политико-правовой мыслью эпохи Просвещения, составляет и в наши дни родовой признак, фундамент любого последовательного конституционализма. Павел же, как теперь выясняется, явился первым в династии Романовых претендентом на российский престол, кто не просто признал этот факт, но и готов был, хотя бы в течение недолгого времени, в 80-е гг. XVIII в., претворить его на практике» (*Тартаковский. С. 202—204*). — Говорят также, что после 1789 года, когда во Франции власть, законы

хранящая, сначала отняла у короля власть, законы дающую, а затем и саму его жизнь, — Павел позабыл про свои рассуждения вечера 28-го марта и вообще про конституционные ограничения монаршей власти, ибо в самой мысли об ограничениях видел посягновение на царский сан — сиречь якобинство и революцию.

Впрочем, если сравнить то, что в общем и целом планировалось им в рассуждении вечера 28-го марта, с тем, что стало происходить во время его царствования, то, напротив, может показаться, что он не только не забыл, а вполне последовательно и логично исполнял согласованное с Никитой Ивановичем Паниным. Ведь когда он стал царствовать, он поступил согласно собственному плану, разделив функции властей: власть законодательная принадлежала ему, государю; власть, хранящая законы, была поручена Сенату, а власть исполнительная — коллегиям, *de facto* ставшим при Павле министерствами. Да, конечно, он отбросил — как якобинскую — мысль о выборном Сенате и вообще ликвидировал всякую выборность. Но, строго говоря, эта поправка не вносила ничего особенно нового в его самобытные понятия о разделении властей: какая разница, будут ли сенаторы выбраны уездным да губернским дворянством, или их назначит сам государь, если смысл их службы заключается в контроле за исполнением законов, не ими, а государем выданных?

Ну, а что касается ограничения монаршей власти законами — то, кажется, нет нужды напоминать, как ценил Павел законность. Наверное, в его царствование не было ни единого судебного дела, решенного без подыскания под это дело приличествующего юридического обоснования. Тем более сам Павел постоянно подавал подданным пример подчинения уставам своего государства. Поэтому, когда ему подносили для подписи судебные решения, он так редко миловал: слово закона — выше самовластной воли. Он не мог поступать против законов даже в тех случаях, когда в дело бывали замешаны особы, лично преданные ему. Когда Аракчеев, например, довел своего подчиненного полковника до самоубийства, он был отстранен от службы, несмотря ни на какие персональные выслуги перед Павлом. То, что многие законы, которым Павел себя подчинял и которым принуждал подчиняться всех и каждого, были им самим придуманы — отнюдь не противоречит сказанному, ибо кто бы ни придумал законы, все и каждый, включая царя, должны их исполнять.

И это тоже может называться исполнением непрременных законов. — Такая логика: вольность есть всё, что законом разрешается.

Итак, приготовления к бракосочетанию, само бракосочетание и медовую эпоху после одного сопровождал невидный посторонним наблюдателям поток законотворческих инициатив.

Однако в день совершеннолетия Павла, 20-го сентября 1772 года, не случилось ровно ничего, кроме обеда и бала, обычных для дня рождения наследника. А в день бракосочетания, 29-го сентября 1773 года Никита Иванович Панин был торжественно отставлен от заведования штатом великого князя с таким количеством пожалований, какие в эпохи Елисаветы Петровны или Анны Иоанновны не получали ни Шувалов, ни Разумовский, ни Бирон. — Да будут благословенны времена расцвета цивилизации: то, за намек на что раньше колесовали, теперь искореняется манием монаршей милости.

Оппозиция была задарена. «Дом мой очищен», — сказала Екатерина, отодвинув Никиту Ивановича от сына (*Сб. РИО. Т. 13. С. 361*). Для возобновления привычного равновесия был возвращен к делам и Григорий Орлов.

Между тем видимый ход событий был куда опаснее для державы, чем невидимый.

В середине сентября 1773 года — в самый разгар петербургских приготовлений к свадьбе — на окраине империи, под Яицким городком, объявился очередной Петр Третий, самый страшный из всех бывших и будущих, — Пугачев.

1773

Жизнь Пугачева делится на тридцать лет и три года. До тридцати лет он был донской казак: воевал в прусской семилетней войне, потом в турецкой, получил младший офицерский чин хорунжего и наконец стал проситься в отставку, ссылаясь на раны и болезни. Войсковой атаман отправил Пугачева вместо отставки в лазарет: «как-де не излечисся, то и тогда отставка тебе дастся, ибо-де я увижу, что ты, может быть, со временем и вылечисся» (*Пугачев. С. 59*).

Медицинское обследование — дело мучительное для всех и каждого, ибо известно умение врачей залечивать до смерти, а для уклоняющегося от воинской повинности оно еще и опасно убежденностью медицинской комиссии в симуляции пациента. Поэтому Пугачев в лазарет не пошел, а пошел в бега. Так начались последние три года его жизни.

В конце 1771-го он ушел на Терек, и терские казаки, видя в нем человека смышленного и оборотистого, послали его в Петербург хлопотать о своем жалованье. Но едва он доехал до

Моздока, попал под стражу, бежал домой, в Зимовейскую станицу, там его опять поймали, и он опять бежал. Добрые люди надоумили Пугачева уйти в Польшу, пожить там месяц-другой, чтобы затем, явившись на наш пограничный форпост, назвать себя диссидентом, ищущим в России вольности от польских притеснений. Тогда Польша еще не была поделена, и православные из Белоруссии и с Украины, в том числе старообрядцы, поощрялись при возвращении на историческую родину. — Пугачев пробрался глухими тропами в Польшу и, пожив с весны 1772 года у раскольников под Гомелем, в конце лета вернулся — пришел на форпост, сказал, что он старовер, что родился в Польше, а теперь желает идти в Россию. Имени своего настоящего не скрывал, ибо справедливо догадывался, что дела о дезертирах и дела о польских беженцах рассматриваются начальниками разных ведомств. На свое имя он получил и паспорт.

На форпосте произошел с ним случай: сел он обедать вместе с другими польскими переселенцами, и вдруг один из них указал на него пальцем и крикнул: «Смотри! Этот человек точно как Петр Третий!» — «Врешь, дурак», — отвечал Пугачев, но тот не отставал и уверял его: «Слушай, Емельян, я тебе не шутя говорю, что ты — точно как Петр Третий» (*Пугачев. С. 141*). Пугачев никогда не видал покойного императора и потому не знал, верить ему своему сходству или нет. Но в память ему этот случай запал.

Получив паспорт, Пугачев отправился в Симбирскую провинцию на Иргиз. Там он поселился среди раскольников и стал искать новых приключений. По торговому делу заехал он в ноябре 1772 года в Яицкий городок. Место это было тогда очень нервное. Яицкие казаки обижались лакомством начальников, запретами в рыбных ловлях, окоротами в покосах, задержками в выдаче денежного жалованья. Они посылали прошения, но цивилизация еще не коснулась этих мест, и здешние начальники только распялялись пушей беззаконностью. Кончилось тем, чего и следовало ожидать: в январе 1772-го (Пугачев жил тогда на Тереке) яицкие казаки захватили свой городок на пять месяцев. Присланное войско разогнало их, водворило начальников на место, заводчиков смуты перебили, перепороли, перевешали, переклеймили и оставшихся в живых переслали по каторгам.

Пугачев приехал в Яицкий городок в ноябре, через полгода после задушения смуты — в разгар неотмщенной обиды уцелевших казаков. Как человек бывалый, он, исходя из собственного опыта, стал давать новым знакомцам житейские советы: в том смысле, что чем продолжать мучиться — лучше уходить в бега на вольные земли, где никто не тронет: за Кубань да на Те-

рек. На Пугачева донесли, его взяли и увезли в Казань на следствие. За окончательным решением бумаги Пугачева послали в Петербург, в Тайную канцелярию. А поелику цивилизация только тогда просачивается в следственные органы, когда на то есть высочайшая милость к близстоящим подданным, а во всех прочих дальних случаях к цивилизации взывать бессмысленно, то в Тайной канцелярии сочли советы Пугачева яицким казакам особо вредными и определили, чтобы бить его кнутом и послать в Пелым на каторгу. 1-го июня 1773 года казанская губернская канцелярия получила из Петербурга решение о Пугачеве. Но того уже не было в казанском остроге — три дня тому, 29-го мая, он сбежал.

В тот же день, 29-го мая, в другом конце Европы, в Любеке, отчалила от берега флотилия из трех русских судов: на фрегате «Святой Марк» — ландграфиня Гессен-Дармштадтская с тремя дочерьми, одна из которых — Вильгельмина — предназначена для великого русского князя Павла.

Пока ландграфиня с дочерьми плыла из Любека в Ревель, пока их везли из Ревеля в Гатчину, пока великий русский князь в волнении записывал в дневник свои чувства об ожидании невесты («все эти дни я живо беспокоился, хотя чувствовал и радость <...>»), пока совершалась встреча с невестой, — Пугачев добрался до казачьих хуторов в окрестностях Яицкого городка. Беглые после прошлогодней смуты прятались у приятелей и говорили между собой: «И заступить-де за нас некому. Сотников же наших, кои было вступились за войско, били кнутом и послали в ссылку. И так-де мы вконец разорились и разоряемся. Теперь-де мы укрываемся, а как пойманы будем, то и нам, как сотникам, видно, также пострадать будет. И чрез это-де мы погибнем» (*Пугачев. С. 71*).

Однажды, бывши в бане с казаком, в уме у которого он укрывался, Пугачев был спрошен от того казака: «Что-де это у тебя на груди за знаки?» — А знаки те были рубцы да шрамы, и Пугачев отвечал: «Это-де знаки государевы <...>. Я-де сам государь Петр Федорович <...>. Ежли бы яицкия казаки войсковой руки, умные люди, ко мне приехали, то бы я с ними погутарил». — Умные люди приехали: «Ты ли надежда-государь наш Петр Федорович? — спросили они. — Покажи-тка-де, государь, нам царския знаки, чтоб было вам чему верить, и не прогневайся». — Пугачев взял ножик, разрезал от пупа до ворота рубаху и показал казакам свои рубцы: «Когда-де в Петербурге против меня возмутились, так это гвардионцы кололи штыками». Казаки осмотрели государя и спросили, отчего у него на левом виске пятно, на что государь отвечал, что это-де царский герб — российский орел (*Пугачев. С. 71—72, 74, 265*).

Казаки подумали и решили: быть Пугачеву царем, выгнать из Яицкого городка всех начальников и править там самим. «Если Бог поможет мне воцариться, — сказал Пугачев, — то Яицкому городку быть вместо Москвы или Петербурга, а яицким казакам над всеми иметь первенство» (Пугачев. С. 76—77).

И было сие в конце августа — начале сентября 1773 года. Как раз только что в Петербурге совершилось миропомазание принцессы Гессен-Дармштадтской Вильгельмины, и по вступлении в православный закон она была наречена: Наталья Алексеевна. 16-го августа состоялось обручение великого князя Павла Петровича с Натальей Алексеевной, и Петербург стал готовиться к свадьбе. 18-го сентября, в разгар петербургских приготовлений, яицкие казаки с Пугачевым и развернутыми знаменами во главе двинулись на Яицкий городок. Городок взять не довелось, и войско, обрастая по ходу своего движения новыми волонтерами, двинулось штурмовать близлежащие крепости. Всех, кто противился присяге государю Петру Третьему, истребляли на месте сопротивления. Дворян рубили и вешали: казаки искали безраздельного первенства в новом государстве.

Во взятых крепостях Пугачева встречали хлебом и солью. По Заволжью и Предуралью разносились манифесты похитителя царского имени:

«Тысячью великой и высокой и государственный владетель над цветущем селении, всем от Бога сотворенным людям самодержец <...> милостив и милосерд, сожелительное сердце имеющей государь император Петр Федорович, и царь российской, во всем свете славной, в верности свят <...>, всем армиям государь <...>, от всех государей и государынь отменной <...>, всемилостивейший, правосуднейший, грознейший и страшнейший, прозорливый <...> светлый государь мира, я, великий воитель, самодержавный властелин всех летучих и простых людей разных стран и областей, во все времена держащий их в своей руке и воле <...>. Да будет вам известно всем, что действительно я сам великий. <...> Заблудившая, изнурительная, в печале находящиеся, по мне скучившаяся, улыща мое имя, ко мне <...> без всякого сомнения идите и, как прежде сего ваши отцы и деды, моим отцам и дедам же служа, выходили против злодеев в походы, проливали кровь, <...> так и вы ко мне верно, душевно и усердно <идите> к моему светлому лицу и сладкоязычному вашему государю <...>. Тех, кто сам видит мое благородное лицо и прекрасный образ или в мыслях и сознании возвеличит меня, близко узнав, искренней душой, языком, делом и горячим сердцем и честью верит мне, таких людей, конечно, я буду жаловать вашими землями, водами, рыбными ловлями, покосами, пашнями, лесом, порохом,

деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим. Кто не повинуется и противится: бояр, генерал, майор, капитан и иные — голову рубить, имение взять. Стойте против них. <...> В одно время они вас объедали, лишали моих рабов воли и свободы, сейчас вы их рубите, но если не подчиняются. Кто повинуется, тот не противник — того не трогайте. Кто признает меня, кто нашел прямой путь ко мне — пусть несет воинскую службу. <...> А ежели моему указу противиться будити, то вскорости восчувствуити на себя праведный мой гнев, и власти Всевышняго Создателя нашего избегнуть не можете <...>. Чтобы верили: сам я, Петр Федорович, подписался тако: Я самый Петр Третий» (*Документы ставки Пугачева. С. 25, 30, 32, 37, 28, 27, 37, 31, 37*).

«И я прошел прямо в церковь, — вспоминал Пугачев о первой победе своего войска, велел петь молебен и упоминать на ектениях государя Петра Федоровича, а государыню исключить, выговоря при том: — Когда-де Бог меня донесет в Петербург, то зашлю ее в монастырь, и пушай за грехи свои Бога молит. А у бояр-де сёла и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами. А которыми я лишон престола, тех без всякой пощады перевешаю. Сын-де мой — человек еще молодой, так он меня и не знает. — А между тем плакал пред Богом, говоря при том: — Дай Бог, чтоб я мог дойти до Петербурга и сына своего увидел здорова. <...> И плакал, вспоминаячи в малолетстве якобы своего сына, государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, дабы чрез то более удостоверить простой народ в моей пользе» (*Пугачев. С. 82, 88—89*).

Сын тем временем торжественно бракосочетался — 29-го сентября «свадьба была совершена с чрезвычайною пышностью и торжественностью, — извещает летописец. — Невеста была убрана к венцу статс-дамами; ландграфиня с дочерьми явилась к Екатерине в 11 часов; вслед за тем процессия двинулась в Казанский собор. Войска были выстроены по обе стороны улиц; балконы, окна наполнены были нарядною публикою; за окно платилось до 60 р. <...> Камер-юнкеры и камергеры гарцовали верхами перед каретою Екатерины, запряженною восемью лошадьми; императрица была одета в русском платье из алого атласа, вышитом жемчугами, в мантии, опушенной горностаем и по которой вышиты были императорские орлы; противу нея поместились Павел Петрович и Наталья Алексеевна <...>. Во время молебствия произведена была салютационная пальба <...>; площади и улицы кишели народом. В четыре часа, после того как Екатерина приняла поздравления, сели за стол <...>. Здравия пили при пушечной пальбе <...>. — Утро 30 сентября посвящено было поздравлениям. Затем парадный обед <...>

Вечером бал <...>. — 1 октября даны были народу жареные быки, выставленные на площади против Зимнего дворца <...>, и пушено было из нарочно сделанных фонтанов виноградное вино. Затем обед у новобрачных <...>. — 4 октября парадный спектакль в придворном театре: опера Психея и Купидон» (Кобеко. С. 97—98, 96).

5-го октября армия Пугачева подошла к Оренбургу, и началась затяжная осада столицы здешнего края. «Не стану тратить людей, — говорил Пугачев казакам, — а выморю город мором» (Пушкин. Т. 8. С. 129). Между тем отряды Пугачева разъезжали по ближним и дальним оренбургским окрестностям, умножая свое казацкое первенство час от часу. В разгульный спектакль включались новые и новые исполнители.

К воскресшему государю приезжали с обнадеживающими вестями от сына. Один раз прибыл казак из Петербурга.

— Што ш народ-ат про меня говорит? — спросил у него Пугачев.

— Народ-де ничево не знает, — отвечал казак, — а только-де бояра меж себя шушукуют. А збираютца-де оне, да и государыня-та ехать за море.

— Ну-де бояра таковские, пускай едут, а государыне-те зачем за море ехать? Я небось не помню ее грубость. Пусть бы она пошла в монастырь. А Павел Петрович каков?

— Хорош и велик, — отвечал казак, — да он-де уже и обручон.

— На ком?

— На какой-та из немецкой земли пренцессе, и зовут ее Наталья Алексеевна.

Другой раз приехал купец с подарками от сына:

— Его высочество Павел Петрович приказал вашему величеству кланятца, — сказал купец Пугачеву, доставая из кисы сапоги, перчатки и шляпу, обшитые золотом, — и прислал к вашему величеству подарки. И от Натальи Алексеевны прислан подарочик к вашему величеству — два камня.

— Што про меня в Питере говорят? — спросил Пугачев.

— Ничево-де не слышать. Да вить великое-т князь послал меня к вам тайно, и никто этова не знал. Да и порох-де послан к вам от Павла ж Петровича.

Побыв у Пугачева некоторые дни, купец стал проситься в Петербург:

— Время теперь, батюшко, мне от тебя, надежа-государь, ехать возвратно к твоему Павлу Петровичу и объявить ему, <...> чтоб он поспешал с обещанною силою к тебе на помощь скорее. <...> Да што ж, батюшка, одному ему приезжать или и с Натальей Алексеевной?

— Пускай приезжают вместе, и чтоб скорее из Петербурга выежали, — распорядился Пугачев. Он насыпал купцу пятьдесят рублей и прилюдно отправил его за сыном (*Пугачев. С. 185, 197—199, 116, 201*).

Против бунта было послано войско.

* * *

Классический риторический вопрос при воспоминаниях о самозванцах шестидесятых-семидесятых годов: что думал о своих названных отцах настоящий сын Петра Третьего? Риторический этот вопрос, во-первых, потому, что Павел вряд ли знал о бытии каких-либо иных самозванцев, кроме сильно прогремевшего Пугачева, — такие дела, если они не успели приобрести всероссийской огласки, рассматривались в Тайной экспедиции и далее ее стен не выплескивались; во-вторых же — потому, что Павел не мог думать о самозванцах иначе как о самозванцах — то есть и Пугачев, и все прежние и будущие Петры Третьи, если и доходили до ушей Павла упоминания об учиненных ими происшествиях, могли только тревожить его любопытство насчет действительных обстоятельств исчезновения его настоящего отца, но очень сомнительно, чтобы эти упоминания могли возбуждать у него веру в возможность появления Петра Третьего среди донских и оренбургских казаков.

Конечно, Павел мог сомневаться в самом факте смерти отца и предполагать, что несчастный император содержится под стражей в каком-нибудь глухом углу империи. Сохранилась легенда о том, как «не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении» — говорят даже, что «сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: — Жив ли мой отец?» (*Пушкин. Т. 8. С. 249*).

Сомнительно, конечно, что так было на самом деле, ибо этот же самый вопрос Павел мог сделать много раз Никите Ивановичу Панину, и уж тот мог дать ему исчерпывающий ответ. Но легенда и «на самом деле» — качественно разные факты истории. Можно знать, как есть и было на самом деле, и при том искренне верить в легенду. Казаки, близстоящие к Пугачеву, отлично догадывались, что тот на самом деле не Петр Третий. Тут особого рода театр, и правила, подобные театральным. Поэтому нельзя исключать, что действительно в начале 90-х годов, в ту пору, когда стало ясно, что Екатерина будет отрешать своего сына от наследования престола, Павел составил сам для себя легенду о возможности бегства в случае опасности к уральским казакам: «Когда императрица проживала в Царском Селе

в течение летнего сезона, Павел обыкновенно жил в Гатчине, где у него находился большой отряд войска. Он окружал себя стражей и пикетами; патрули постоянно охраняли дорогу в Царское Село, особенно ночью, чтобы воспрепятствовать какому-либо неожиданному предприятю. Он даже заранее определял маршрут, по которому он удалился бы с войсками своими в случае необходимости; дороги по этому маршруту по его приказанию заранее были изучены доверенными офицерами. Маршрут этот вел в землю уральских казаков, откуда появился известный бунтовщик Пугачев <...>. Павел очень рассчитывал на добрый прием и преданность этих казаков» (ИВ. 1917. № 5—6. С. 586; версия Беннигсена). Нельзя исключать, что такая мысль могла приходить в его голову. Как *мысль*, как *легенда*, как *миф* — все сказанное очень правдоподобно; но как *дело* — абсолютно невероятно.

Исключено, чтобы Павел мог избрать какой-либо иной способ общения с подданным народом, кроме парадного появления пред его очами во время государственных торжеств, на приличествующем расстоянии от толпы. Когда он был маленьким, его возили гулять по Петербургу, и из записок Порошина мы знаем даже случай, когда он пил квас возле слонового двора. Но чем далее, тем менее проходимой становилась граница между ним и прочими сословиями. Он, вероятно, искренне верил в то, что простой народ его любит, и когда стал царем, сделал сильные, со своей точки зрения, льготы: приказал присягать крепостным мужикам наряду с прочими сословиями, издал манифест об урочных днях барщины, раздавал государственных крестьян в частное владение, и проч., и проч., и проч.

Монарх в России больше чем монарх. Народ любит своего царя, почитая в его образе своего Бога. Но стоит царю оказаться на расстоянии вытянутой руки от бородатого подданного, как тот, немедленно обнаглев от чувства своей приближенности, посчитает себя вправе направлять монаршую волю по своему понятию, а ежели царь заропщет, подданный его истребит как изменника, бусурмана и самозванца. Так поступали яицкие казаки с Пугачевым, так поступили бы и с настоящим царем, приди ему в голову искать заступничества у своего народа.

1774

1774-й год — год переломный в истории государства Российского, хотя переворота в этом году не было.

Два важных события заполнили его, предопределив до конца царствования Екатерины генеральный маршрут державы:

1) В июле был заключен мир с турками. Россия приобрела не все, что завоевала, и за это не раз летописцы недобрым словом поминали этот мир, но тем не менее взяли немало: всю пространность между Днепром и Бугом, долины Терека и Кубани, обе Кабарды, Азов, Керчь, право беспрепятственного плавания по Черному морю, наконец, независимость Крыма от Турции, которой так не хотели крымские татары и которая так была нужна для будущей зависимости Крыма от России. Следующую войну можно начинать с похода прямо на Константинополь.

2) Зимой из Дунайской армии ко двору был призван генерал Григорий Александрович Потемкин — хотя у него был испорчен один глаз и завистники называли его *кривым*, на женщин он имел гипнотическое влияние и при том был разумен, как Панин, а смел, как Орлов. Через два года его место в императрицыном алькове займет очередной пустолицый красавчик, но из сердца императрицы и из ее державных предприятий Потемкин уже никуда не испарится. Такой оказался прочный человек. Это он поведет нас в будущую войну на Константинополь.

Было еще одно достопамятное событие: пресекался мятеж Пугачева, затихло имя Петра Третьего, и Екатерина никогда уже более не вспомнит о даровании прав человека и гражданина своим бороатым подданным.

В марте Пугачев был разбит, и армия его рассеяна, но сам он спасся и бежал на Уральские заводы. Он вошел в свою роль так, что уже не мог скрываться по уметам и хуторам, а искал новой сцены. Через месяц вокруг него опять собралось войско, и он пошел с ним к Волге.

22-го июля в Петербурге получили известие о полном разорении Казани: монастыри, церкви, гостиные дворы, дома купцов и мещан — все пожжено и разграблено. Екатерина была сильно поражена и объявила, что сама отправится во главе войска для усмирения мятежников. — Некогда Елисавета Петровна тоже хотела возглавить нашу армию в войне с Фридрихом, потом Петр Третий готовился идти во главе армии против Дании, потом внук Екатерины Александр станет самолично командовать войнами с Наполеоном. — Не попусту, значит, похитил Пугачев царское имя, коли против него собирались воевать, как против прусского короля или французского императора. Но Екатерину отговорили от личного участия.

«Пугачев бежал, — сообщает летописец, — но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции <...>. 27 июля Пугачев вошел в Саранск <...>. Триста чело-

век дворян всякого пола и возраста были им тут повешены <...>. Пугачев приблизился к Пензе <...>. Жители вышли к нему навстречу с иконами и хлебом и пали пред ним на колени. Пугачев въехал в Пензу <...>; казенные и дворянские дома были ограблены. Пугачев посадил в воеводы господского мужика и пошел к Саратову <...>. Мятужники, овладев Саратовом, выпустили колодников, отворили хлебные и соляные анбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачев повесил всех дворян, попавшихся в его руки, и запретил хоронить тела <...>. 9 августа в полдень выступил из города <...>. Пугачев следовал по течению Волги <...>. Войско его состояло уже из двадцати тысяч. Шайки его наполняли губернии Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Беглый холоп Евстигнеев, назвавшись также Петром III, взял Инсару, Троицк, Наровчат и Керенск, повесил воевод и дворян и везде учредил свое правление. Разбойник Фирска подступил под Симбирск <...>. Дворянство обречено было погибели» (*Пушкин. Т. 8. С. 179, 181—182, 184—185*).

Однако 25-го августа состоялось решительное сражение, и армия Пугачева рассеялась. Сам он с малым числом казаков бежал в заволжские степи. Он возвращался в те места, где первый раз назвался императором. Теперь он думал уходить к Каспийскому морю. Но казаки его приуныли и уже мыслили о покаянии. Последними словами Пугачева перед тем как его сдали властям, были слова о наследнике: «Как вы можете вязать государя! — закричал Пугачев, когда казаки на него набросились. — За меня еще Павел Петрович заступится». «Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал местию великого князя» (*РС. 1876. Т. 16. № 7. С. 493; Пушкин. Т. 8. С. 188*).

Когда через два месяца после казней Екатерина объявила манифест о предании вечному забвению и глубокому молчанию Пугачевской смуты (*ПСЗ. Т. 20. № 14274*), Павел сказал, «прочтя прощение бунта, что это рано. И все его мысли клонились к строгости» (*Екатерина — Потемкину 18 марта 1775. С. 69*).

* * *

1774-й— год переломный не только для истории державы, но и, независимо от судеб державы, — для великого князя наследника. Это один из самых светлых годов его жизни, и это год, от которого наблюдатель его судьбы может твердо отсчитывать начало всех бед, случившихся в 1796—1801 годах.

С виду год был счастлив: медовый год, любимая юная жена, тихая пристань упоения законным семейным бытом, начало вступления в государственное управление. — Два раза в неделю, как и было обещано (см. в Записках Порошина 10 сент.

1765), Екатерина принимала по утрам сына, и он присутствовал при слушании дел. Неважно, какой степени важности были дела; важен сам факт участия: постепенное практическое вхождение в ход державных событий и ознакомление со способами правления Екатерины. Павел продолжал называться генерал-адмиралом флота и, принимая рапорты морских начальников, начинал уже сам делать кое-какие распоряжения. Наконец, бывши шефом кирасирского полка, он испытал первые опыты военного командования. Можно твердо сказать, что он готов был уже тогда взяться за какое-то важное деяние. Сильным тому свидетельством служит сочинение, писанное им в 1774-м году, — «Рассуждение о государстве вообще». Сочинение это сто́ит того, чтобы его хоть отчасти процитировать, ибо в нем прорисованы линии, по которым станет двигаться далее логический ум Павла. Полное название этого сочинения таково:

**РАССУЖДЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ ВООБЩЕ,
ОТНОСИТЕЛЬНО ЧИСЛА ВОЙСК,
ПОТРЕБНОГО ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОНОГО
И КАСАТЕЛЬНО ОБОРОНЫ ВСЕХ ПРЕДЕЛОВ**

«Государство наше теперь в таком положении, что необходимо надобен ему покой. Война, продолжавшаяся пять лет, польские беспокойства — одиннадцать лет, да к тому же и оренбургские замешательства, кои начало имеют от беспокойствия яицких казаков, <...> довольные суть причины к помышлению о мире, ибо все сие изнуряет государство людьми, а чрез то и уменьшает хлебопашество, опустошая земли <...>. Теперь остается только желать долгого мира, который доставил бы нам совершенный покой, дабы возобновить тишину, привести вещи в порядок и наконец наслаждаться совершенным покоем <...>. Наш же народ таков, что малейшее удовольствие заставит его забыть годы неудовольствия и самое бедствие.

По сие время мы, пользуясь послушанием народа и естественным его счастливым сложением, физическим и моральным, всё из целого кроили, не сберегая ничего; но пора помышлять о сохранении сего драгоценного и редкого расположения <...>. Теперь всегда все последним средством действуем, не имея ничего в запасе <...>».

Далее предлагались к рассмотрению следующие пункты:

- отказаться от завоевания новых земель;
- прекратить войны и не начинать новых;
- обустроить войско для обороны, а не наступления.

Для сего прекратить перемещения войск и установить порядок:

— поставить 4 армии на постоянные квартиры вдоль главных границ напротив соседних государств и диких народов:

— против Швеции;

— против Пруссии, Австрии и прочей Европы;

— против Турции;

— в Сибири против киргизцев, башкирцев и проч.;

— производить рекрутские наборы из крестьян тех губерний, где расположены войска, а со временем прекратить рекрутские наборы, пополняя армии солдатскими детьми;

— дать войскам такой устав, чтобы каждый знал свои обязанности до самых мелких подробностей: «предписать всем, начиная от фельдмаршала, кончая рядовым, все то, что должно им делать; тогда можно на них взыскивать, если что-нибудь будет упущено» — «чтоб никто от фельдмаршала до солдата не мог извиниться недоразумением, начиная о мундирных вещах, кончая о строе» (*Кобеко. С. 105—107*).

Люди не меняются — меняются только вещи и люди, их окружающие. Идея 1774 года о порядке и дисциплине, замкнутая в магическом кругу мундирных вещей, воинского строя и строгой подчиненности, — останется памятником царствованию императора Павла Первого, так же, как от других царствований остались свои памятники — 15 тысяч платьев, система Бестужева, превращение подданных в граждан, возвращение Константинополя...

Став царем, Павел примется исполнять программу, начертанную в 1774-м, начавши с первого и последнего ее пунктов. Он отменил все военные действия и ввел порядок и дисциплину. Может быть, если бы ему не воспрепятствовали международные и внутридержавные обстоятельства, он совершил бы и то, что начертано в остальных пунктах, — то есть перевел бы армию из рекрутской системы в режим военных поселений, выковав в стране новое сословие — ибо по замыслу армия должна комплектоваться подрастающими солдатскими детьми. Но это станет исполнять только старший сын Павла — Александр, и в конце концов военные поселения сделаются памятником именно его царствованию — Александр успеет перевести на военно-поселенческое положение треть армии, а младший сын Павла, Николай, вступивши на престол после Александра, будет из этого положения армию выводить.

Павел же успел обустроить только мундирные вещи, строй и подотчетность. Пришлось воевать, во время войны до полной реформы руки не дошли, а потом наступило 12-е марта 1801-го года.

Что же сказала государыня Екатерина, получив от сына его рассуждение? — Ничего не сказала государыня Екатерина;

только усмехнулась, наверное: система сына не согласовывалась с системой матери — Потемкин еще только что стал фаворитом, и здание греческого проекта еще не было возведено: еще Крым не был присоединен к России, еще на Черном море не было русских портов. А еще нас ждал Кавказ, а еще Валахия, и Молдавия, и западная Украина, и Белоруссия, а еще Финляндия... Прошло всего двенадцать лет с начала царствования Екатерины. Состоялась только одна победоносная война, впереди рисовалась империя широкая и просторная, и эта будущая империя увлекала и манила.

Что мог отвечать великий князь Павел, получив от матери отказ рассматривать его государственное рассуждение? — Ничего, ибо он был подданный, а она самодержица. Он мог обидеться, и, нет сомнений, обиделся, и никогда более не подавал матери никаких проектов. Он мог понять, и, конечно, понял, что ему на сцене державы отведено место даже не статиста, а декорации. Он мог ожесточиться, и скоро ожесточится.

«Императрица не всегда обходилась с ним как бы должно было, — вспоминал наблюдательный современник, — он никак в делах не соучаствовал. Она вела его не так, как наследника; ему было токмо приказано ходить к ней дважды в неделю по утрам, чтобы слушать депеши, полученные от наших при иностранных дворах находящихся министров. В прочем он не бывал ни в Совете, ни в Сенате. Почетный чин его великого адмирала был дан ему единственно для наружности, управление же морских сил до него не принадлежало <...>. Великий же князь к родительнице своей всегда был почтителен и послушен <...>. Она за правило себе поставила сосредоточить всю власть в единые свои руки <...>. Мне тогда сказывали, будто она иногда проговаривала: — *После меня хоть трава не расти*» (Голицын. С. 278—279).

Впрочем, видимо, дело не только в том, чтобы трава не росла. Императрица Екатерина видела, как вокруг сына, еще не опытного и не имеющего никаких государственных полномочий, ластятся интриганы, вроде Сальдерна, она помнила о неиссякаемой оппозиционности Никиты Ивановича Панина, продолжающего сохранять влияние на ум наследника — заговор о реформе, про который донес Бакунин и существование которого подтвердил ей сын, должен был только укрепить ее в мысли о невозможности доверять сыну хоть какую-то часть управления: тотчас вокруг него совьются политические партии, начнут мешать ей в делах и доведут страну до двоевластия. То, что партии, которые окружат Павла, будут непременно оппозиционными и начнут вставлять палки в колеса империи, было гарантировано характером сына — он ищет самостоятельных

свершений, слишком подвержен чужим влияниям и слишком не способен быть ее помощником: у нее и у него слишком разные понятия о жизни империи и о жизни вообще — разные ментальности, как сказали бы потомки.

Екатерина была умная женщина и не стала бы загонять самолюбие сына вглубь его души только потому, что хотела единоличного управления. При всей единоличности она нуждалась в помощниках и не смогла бы выстроить ни одного монумента своему царствованию без Орловых, без Никиты Ивановича Панина, без Потемкина или Безбородко. Она готова была иссыпать водопады щедрот на оппозицию, способную, вопреки собственному самолюбию, сотрудничать с ней, и мы твердо верим: если бы Павел умел жить *политически* — то есть поступать вопреки своим понятиям о жизни империи и жизни вообще, как это умел делать, например, Никита Иванович Панин, она не отстранила бы его так неприлично от всякого участия в делах. Но он так жить не умел.

К сему добавлялись мелкие обиды: Потемкину на личные нужды выдано 50 тысяч рублей, а Павлу — 20 тысяч; Потемкин провел смотр кирасирскому полку, шефом которого считался наследник, и отправил под суд полкового командира за беспорядки (*Кобеко. С. 119—120*). Понятно, что заниматься своим полком, находившимся сначала на турецкой войне, а затем в Москве, Павел не мог за дальностью расстояния, но главное тут было то, что даже не сочли нужным поставить его в известность о учиненном. — Павел не имел права самостоятельно повышать в чинах ни офицеров своего полка, ни офицеров флота, чьим главным начальником числился. Когда наивные люди пытались ходатайствовать у наследника об определении в должность и слух о том доходил до Екатерины, она сердилась и, в конце концов, как говорит летописец, «никто не осмеливался даже обращаться к нему с какими-либо просьбами» (*Кобеко. С. 102*).

Сам Павел так назвал свое место при дворе матери: «Все мое влияние, которым я могу похвалиться, состоит в том, что мне стоит только упомянуть о ком-нибудь или о чем-нибудь, чтобы повредить им» (*Из письма К. И. Остен-Сакену 12 января 1784 // Шумигорский 1907. С. 54*).

Но никогда при жизни матери он не сказал ей открытого слова против — двадцать с лишним лет он хранил гордое терпенье. За глаза, в частных беседах с доверенными персонами и иностранцами, он выдавал о ней и о ее образе правления сильные реплики. Но перед ее лицом он оставался верным подданным, демонстрирующим свою безукоризненную подчиненность всем ее повелениям, то есть всем своим видом показывал, как он чист, тверд, честен и справедлив. «Мое спокойств-

вие основано, — говорил он конфиденнту, — на моей чистой совести. Это меня утешает, возвышает и наполняет терпением» (Из письма Н. П. Румянцеву 27 февраля 1784 // Шумигорский 1892. С. 270).

Конечно, неизвестно, как бы повел себя Павел, если бы существовало хоть какое-нибудь соединительное звено между ним и гвардией: мы уже говорили, что думать о том, как следует действовать в экстраординарную минуту, и действовать, когда эта минута наступит, — совсем несопрягаемые состояния души и тела. Что бы было, если бы к Павлу однажды пришли верные гвардейцы, как, бывало, приходили они к Елисавете Петровне и к Екатерине, — это вопрос без точного ответа. Но ни гвардейцы к Павлу, ни Павел к гвардейцам короткого подступа не имели, и остается предполагать, что именно законопослушность наследника отвратила нас от очередной революции. Впрочем, это, видимо, наиболее точное предположение: ведь не посягнул же наследник на революцию в середине 90-х годов, когда, имея под своей рукой безусловно преданное войско из двух с половиной тысяч человек и отлично зная, что с минуты на минуту может быть лишен престола, — он не сделал ни одного движения. Пожалуй, он действительно верил в свою чистую совесть.

Таким персонам вообще трудно жить в этом мире, наполненном людьми, не задумывающимися о нравственной стороне собственных поступков. Куда ни бросишь взор — всюду торжество материального эгоизма: искание чинов, денег, имений, почестей. Все и каждый смотрят на каждого и всех, как птицы на корм: схватить зернышко да спорхнуть. Но птицы просты и бесстрастны: без ухищрений этикета и показной заботы о ближнем они в открытую отталкивают друг друга от корма. — Не таковы люди: хотя им всегда мало зернышек, они никогда не объявят своих алчных вожелений. Там, где люди, — там интриги и обман. Честному человеку вообще лучше держаться подальше от людей — заняться, к примеру, поэтикой или математикой. Ему нет места в этом мире предательства и измены. И горе ему, если он родился быть царем, и беда его подданным, если он царем станет. Люди не меняются — сколько их ни воспитывай, ни казни, ни милуй, лучше не будут.

В 1774-м, переломном году Павел был обманут женой и предан другом.

Принцесса Вильгельмина и граф Андрей Разумовский (сын Кирилы Григорьевича и племянник Алексея Григорьевича, фаворита Елисаветы Петровны) познакомились в конце мая 1773 года, когда Андрей Разумовский в составе свиты прибыл в Любек сопровождать ландграфиню Гессен-Дармштадтскую с тремя

дочерьми, отправлявшуюся в Петербург для обручения и свадьбы с великим князем русским Павлом.

Павел очень полюбил свою жену еще до того, как увидел ее впервые, — по присланному портрету и по образу, сложенному воображением. В дневнике, веденном в Гатчине перед ее приездом, она уже была для него той, которая заменит ему всё. О его способности быстро влюбляться мы знаем по запискам Порошина, о его законопочитании уже несколько раз пытались догадываться, следовательно, остается заключить: законная возлюбленная, то есть жена, — не могла не быть предметом влюбленности и почитания.

Екатерина, выбирая Вильгельмину в невестки, была, разумеется, зорка и насторожена: когда-то она сама служила женой наследнику престола и невесткой императрице и не могла не замечать некоторого сходства в ситуациях. Поэтому, узнав о том, что принцесса среди всех удовольствий своего дармштадтского двора «остается сосредоточенною в себе и, когда принимает в них участие, то дает понять, что делает это более из угождения другим, чем по вкусу» (*Из письма барона Ассбурга к Н. И. Панину 23 апреля 1773 // Кобеко. С. 120*), Екатерина сделала вывод, основанный на воспоминаниях о собственных мыслях во время приготовлений к обручению с племянником Елисаветы Петровны: «Она всех честолюбивее; кто не интересуется и не веселится ничем, того заело честолюбие; это неизменная аксиома» (*Кобеко. С. 122*).

Невестка не успела публично подтвердить аксиому — слишком рано погибла. Правда, некоторые слухи приписывают ей участие в заговоре о реформе («Душою заговора была супруга Павла, великая княгиня Наталья Алексеевна» — *М. А. Фонвизин. С. 128*), согласно другим слухам, ее любовник граф Андрей Разумовский составлял какие-то политические проекты (*Кобеко. С. 119*), а если наложить все эти слухи на уцелевшие конституционные бумаги братьев Паниных, выписки из которых сделаны в 111-й сноске, то, надо полагать, у Екатерины могли быть причины подозревать невестку в политических умыслах едва ли не более весомые, чем у ее свекрови, Елисаветы Петровны, в 1758-м году, когда сама Екатерина составляла с канцлером Бестужевым-Рюминым заговор о престолонаследии.

Однако вполне вероятно, эти слухи и предположения доказывают совсем не честолюбие юной Натальи Алексеевны, а лишь устойчивость анахронической поэтики мифа в исторических текстах: то есть подобно тому, как в жизнеописаниях Павла влечения его натуры могут смешиваться с движениями нрава его отца, — в слухах о Наталье Алексеевне ей приписываются образцы поведения ее свекрови Екатерины Алексеевны

в ту пору, когда та сама находилась при дворе своей свекрови в положении, аналогичном положению своей невестки сейчас, в 1774-м.

Достоверно известно лишь то, что Екатерина была недовольна своей невесткой по другим поводам.

Первый повод — слишком много трат. Екатерина определила на ежегодное содержание сына и невестки пятьдесят тысяч рублей. Но едва прошел год после свадьбы, выяснилось, что на обстановку, наряды, кортежи и проч. они издержали много больше, понаделав долгов.

«Друг милой и бесценной, — писала Екатерина Потемкину. — Великой князь был у меня и сказал, что он опасается, чтоб до меня не дошло и чтоб я не прогневалась. Пришел сам сказать, что на него и на великую княгиню долг опять есть. Я сказала, что мне это неприятно слышать и что желаю, чтоб тянули ножки по одежке и излишние расходы оставили. Он мне сказал, что ее долг там от того, от другого, на что я ответствовала, что она имеет содержание (и он также), как никто в Европе, что сверх того сие содержание только на одни платья и прихоти, а прочее — люди, стол и экипаж — им содержится, и что сверх того она еще платьем и всем года на три снабдена была <...>. Она просит более двадцати тысяч, и сему, чаю, никогда конца не будет <...>. Скучно понапрасно и без спасибо платить их долги. Естли всё счесть и с тем, что дала, то более пятисот тысяч в год на них изошло, и всё еще в нужде. А спасибо и благодарности ни на грош <...>. — Я чаю, великого князя понапугать и тем можно, буде ему Разумовский или кто ни на есть скажут, что подобная репутация быть мотом зделает молодежи дурной пример, ибо на него слаться будут, выпрося у родителей денег на уплату мотовства» (*Екатерина — Потемкину. Из записок около 21 апреля 1775. С. 71*).

Сама Екатерина довольно гордилась тем, что в бытность свою невесткой умела обходиться содержанием, определенным ей Елисаветой Петровной, и, очевидно, назидала сына собственным примером. Но вообще-то она должна была помнить, что денег ей в свое время постоянно не хватало и что, бывало, она пробовала делать займы у иностранных посланников. К чему ведут займы у иностранцев, нетрудно сообразить, вспомнив о том, как Елисавета Петровна готовилась к революции против сестрицы Анны Леопольдовны. Посему, несмотря на отсутствие видимой благодарности, долги приходилось платить, а заодно, видимо, и прислеживать: нет ли у молодой четы каких-нибудь маневров с иностранными дипломатами — особенно с французскими и испанскими, ибо те, ввиду нынешнего дружества нашего с Австрией и Пруссией, будут заботиться о расстройке ми-

ролюбия и, следственно, прикармливать при здешнем дворе тех, кто мог бы умыслить против Екатерины.

Посему, имея некоторый запас политической бдительности, можно различить в непомерных расходах Натальи Алексеевны на наряды и в желании ее юного мужа угодить жене — отблески того же самого честолюбия, о действительном существовании которого мы ничего не знаем, и более того, можно обнаружить даже явную зависимость Павла от капризов (натурально, не только в выборе платьев) его повелительницы. Говорили, например, так: «Наталья Алексеевна управляла мужем деспотически, не давая себе даже труда выказывать малейшей к нему привязанности. В выборе членов своего общества, своих удовольствий, и даже в своем образе мыслей он вполне подчинился ей <...>. С своей стороны она была управляема графом Разумовским, который, в свою очередь, получал наставления от посланников бурбонских дворов <т. е. от французских и испанских> <...>, и если бы смерть не прекратила ее деятельности, то между ею и Екатериною, вероятно, возникла бы борьба» (*Пересказ депеши английского посланника Гарриса от 14 октября 1778 // Кобеко. С. 125*).

Трудно сказать с уверенностью, как именно обстояли отношения графа Андрея Разумовского с западными резидентами, но точно, что в его отношениях с женой великого князя все, кроме великого князя, наблюдали полный амантаж, кураж и суксесс.

Граф Андрей Разумовский был первый щеголь Петербурга и, разумеется, избрал себе в любовницы первую, хоть не лицом, так статусом красавицу страны. Конечно, самой первой по статусу была Екатерина, и нельзя исключать, что, не случись адюльтерства 1774 года, она могла бы выбрать Разумовского для себя. Но в 1774-м году душа и тело ее были обворожены Потемкиным, а когда в 1776-м Потемкин был отрешен от алькова, имя Разумовского оказалось уже слишком оскандаленным, и не ему, а другому графу — Завадовскому суждено было прийти на замену Потемкину. А вообще любовные выборы императрицы Екатерины свидетельствуют о том, что большей частью ее избранниками становились как раз персоны, подобные Разумовскому, — их историческая репутация не простиралась далее ролей первых любовников: Салтыков, Понятовский, Васильчиков, Завадовский, Зорич, Корсаков, Ланской, Ермолов, Мамонов, Зубов — как посмотреть на их портреты да вспомнить, что вся их слава — это слава только фаворитов императрицы, произведенных ее страстью в высшие государственные чины, — то невольно приходит в ум удивление женским вкусом. Потемкин в этом ряду — лицо, можно считать, почти случайное. Впрочем,

недаром он, и будучи отрешен от должности фаворита, остался владыкой ее души и сохранил всю полноту власти.

Великая княгиня Наталья Алексеевна, остановив свой выбор на Разумовском, воспроизводила вкусы своей свекрови, но, в отличие от нее, была менее осторожна, то есть более своевольна. Если Екатерина в молодости добилась права на фаворитов только через семь лет после прибытия к петербургскому двору, после изнурительных интриг и в трудной, рискованной игре против мужа и свекрови, — то Наталья Алексеевна как-то слишком сразу, почти не скрываясь, стала вести тот образ жизни, на который еще не имела никакого морального права.

Екатерина рассказала сыну: «Граф Разумовский злоупотребляет его благосклонностью для того, чтобы иметь влияние на великую княгиню. Эта страшная уверенность причинила Павлу Петровичу огорчение, которое он тщетно старался скрыть. Великая княгиня принудила его наконец объяснить ей причину его грусти и узнала ее для того только, чтобы, проплакав несколько дней, убедить его в злобности этого слуха, клонившего лишь к тому, чтобы рассорить ее с мужем» (*Пересказ депеши французского посланника Дюрана от 4 октября 1774*). — «Павел Петрович поверил уверениям своей супруги и ее слезам, — дорисовывает картину летописец, — полюбил ее еще более, думая, что она нелюбима его матерью, и усилил свое недоверие к Екатерине» (*Кобеко. С. 114—115*).

Екатерина не знала, как быть. «Я думаю, — спрашивала она Потемкина, — что естли ослепленный великий князь инако не может быть приведен в резон на щет Разумовского, то не может ли Панин уговорить его, чтоб он Разумовского усрал в море, дабы слухи городские, ему противные, упали» (*Екатерина — Потемкину. С. 43; записка до 23 сентября 1774*). Но великий князь не хотел усрания Разумовского — и тот оставался в полной его доверенности.

Это был второй повод для неудовольствия Екатерины.

И был третий повод — отсутствие наследников.

На протяжении всего 1774 года и половину 1775-го не обнаружилось ни малейших признаков беременности. Все это очень начинало напоминать старт семейной жизни самой Екатерины. Как ни забавно, она в этой ситуации стала воспроизводить реакции своей собственной свекрови и так же, как некогда Елисавета Петровна объясняла отсутствие детей у великокняжеской четы привычкой Екатерины ездить верхом и прочими неумеренностями, так теперь сама Екатерина ворчала на безалаберность невестки: «Во всем только крайности: когда мы гуляем — так двадцать верст; когда танцуем — двадцать контрдансов, двадцать менуэтов; чтобы в комнатах не было жарко —

совсем их не топим; если все натирают лицо льдом, у нас все тело становится лицом; словом, умеренность не для нас. Опасаясь дурных людей, мы не доверяем никому <...>, не слушаем никого и полагаемся только на себя. Полтора года прошло, а мы ни слова не знаем по-русски и хотя очень желаем учиться, у нас нет времени этим заняться; все у нас вверх дном» (*Екатерина II — барону Гримму, 12 декабря 1774 // Сб. РИО. Т. 23. С. 12—13*).

Кончилось тем, что для скорейшего обзаведения наследником Екатерина по приезде в Москву в 1775-м году отправилась в паломничество к Троице в Сергиев монастырь, вполне подражая своей покойной свекрови. Днем она проходила несколько верст, затем в экипаже возвращалась к месту ночлега, наутро ее везли на то место, где она прервала путь, и она проходила еще несколько верст, затем опять возвращалась и так далее — до тех пор, пока 6-го июня не дошла до Сергия.

Екатерина была просвещенная женщина, но так как она была русской императрицей, то должна была следить за тем, чтобы всегда показывать, как она свято чтит местные предания и обычаи. Заодно она показывала подданным, как она заботится о продолжении священного царского рода.

Поразительно, но вопреки всякой просвещенности через полтора-два месяца после паломничества у Натальи Алексеевны обнаружили первые признаки беременности.

1776

10-го апреля, в воскресенье, с полуночи, у великой княгини начались схватки. В четвертом часу утра Павел пришел на половину Екатерины и просил разбудить ее. Екатерина, полуодевшись, направилась к невестке. Там уже хлопотала повивальная бабка (лучшая в Петербурге, как рассказывала после императрица). Весь день ждали разрешения от бремени, но ни вечером, ни следующей ночью ничего не последовало. В понедельник, 11-го, к повивальной бабке присоединились доктора. К вечеру повитуха сказала, что ребенок уже умер и родов не будет. Доктора стали думать, как спасти жизнь роженицы. «Были минуты, — говорила Екатерина, находившаяся по-прежнему рядом, — когда мне казалось при виде ее мук, что мои внутренности тоже разрываются» (*Из письма Екатерины барону Гримму, 18 апреля 1776*).

В четверг, 14-го, доктора сказали, что их помощь невозможна. Пришел духовник Павла архиепископ Платон, принял последнюю исповедь и стал читать отходные молитвы.

В пятницу, 15-го апреля, в пять часов пополудни Наталья Алексеевна умерла.

Екатерина приказала докторам освидетельствовать тело на счет естественности происшедшей смерти — предосторожность многозначительная (Петра Третьего тоже освидетельствовали), но тщетная: «носятся темные слухи о том, будто Екатерина извела ее из ревности и боясь ее ума и характера» (*Греч. С. 144*); «полагали, что ее отравили» (*М. А. Фонвизин. С. 128*). — «Павел был безутешен» (*Греч. С. 145*). Говорят, вечером того же дня или наутро следующего Екатерина предъявила сыну доказательства его ослепления и своей прозорливости — записки Разумовского к Наталье Алексеевне.

В это время в Петербурге находился принц Генрих — брат прусского короля Фридриха. Вечером того же прискорбного дня Екатерина позвала его для важного совета — срочно помочь ей найти Павлу новую жену. Кандидатура имелась: еще в 1772-м году среди протестантских невест Европы Екатерине перечисляли Софию Доротею Августу Луизу — принцессу Вюртембергскую, внучатую племянницу Фридриха и Генриха. Тогда она не подошла по малолетству. Теперь она была помолвлена с принцем Гессен-Дармштадтским Людвигом, родным братом покойницы Натальи Алексеевны. Генрих обнадежил Екатерину в том, что его всемогущий брат помолвку расстроит.

В субботу, 16-го апреля, на другой день после смерти Натальи Алексеевны, принц Генрих уже отправил два письма: одно — всемогущему брату о скоропостижной надобности отменить помолвку их племянницы, другое — матери племянницы с приглашением прибыть с дочерью в Берлин, к Фридриху, для ее знакомства с русским наследником Павлом Петровичем.

Фридриху вторично выпало быть сватом будущей русской царицы — в первый раз он, как помнится, поставил к русскому двору невесту для наследника Елисаветы Петровны — ту самую Екатерину, которая теперь обращалась к нему за содействием. Фридрих, даром что состарился, за тридцать пять лет, прошедшие после первого сватовства, оставался по-прежнему полон сил и замыслов; укрепить с помощью выгодной женитьбы союз с Россией было весьма приманчиво; он вызвал к себе брата покойной Натальи Алексеевны — Людвигу — и предложил размен: 10 тысяч рублей из русской казны ежегодно за отказ от супружества с Вюртембергской принцессой. Людвиг избрал синицу в руках, и вопрос о предстоящем браке русского царевича с внучатой племянницей великого короля был решен.

Когда самой принцессе Софии Доротее Августе Луизе сообщили новость о перемене ее судьбы, она растроганно призналась своей подруге: «Ланель! Мне очень грустно расставаться с

вами, но тем не менее я чувствую себя счастливейшей из всех принцесс вселенной» (*Оберкирх. Т. 1. С. 80*). Маменька принцессы — старшая принцесса Вюртембергская Фридерика София Доротея — тоже, конечно, была счастлива: 40 тысяч командировочных рублей, пожалованных на поездку в Берлин, могли, как выражается летописец, «служить добрым подспорьем ее финансам» (*Кобеко. С. 130*). Но все маменьки, наблюдавшие не как Екатерина, а повседневно за жизнью своих чад, — одинаковы в своих заботах и опасениях. «С русскими царицами и царями часто случаются несчастья, — плакала старшая принцесса Вюртембергская в узком кругу, — и кто ведает, какую участь предназначило Провидение моей бедной дочери! <...> Я боюсь Екатерины» (*Оберкирх. Т. 1. С. 80—81*).

Траур по кончине Натальи Алексеевны не объявлялся. 26-го апреля ее тихо похоронили в Александро-Невской лавре. Граф Андрей Разумовский получил предписание ехать в Ревель и там ждать дальнейшего о своей судьбе определения¹¹². Павел на погребении жены не присутствовал. «В сии горестные минуты, — писал он архиепископу Платону 5-го мая, — не забыл помыслить о долге в рассуждении отечества своего» (*РА. 1887. Вып. 2. С. 10*). Отчеству были необходимо нужны наследники. Павел был не вечен. Он ехал в Берлин продолжить священный царский род.

«Увидев, что корабль накренился на бок, — рассказывала Екатерина о происходящем, — я не теряла времени; наклонила его на другой и стала ковать железо, пока горячо, чтобы восполнить потерю. И я сумела разогнать глубокую тоску, нас охватившую. Я начала с того, что предложила попутешествовать, погулять, поразвлекаться, а после сказала: — Однако мертвых не воскресить, надобно думать о живых; да, была вера в счастье, теперь ее нет; зачем же терять надежду на новую веру? Что же, будем искать новую? — Кого же? — О, я уже припасла. — Как, уже? — Да, да, и притом прелесть. — И вот уже видно любопытство: — Кто же это? Да какова? Брюнетка? блондинка? маленькая али статная? — Миленькая, изящная, очаровательная; прелесть. — Прелесть забавляет, показываются улыбки. Мало-помалу дело продвигается, для третьейского суда призван один проворный вояжер, который нарочно остался здесь, чтобы утешить и рассеять <это принц Генрих>. Он берется посредничать: курьер отправлен, курьер вернулся, путешествие решено, свидание назначено, все совершается с быстротою неизъяснимой. И вот сдавленное сердце начинает расправляться; мы еще в тоске, но должны заняться приуготовлениями к путешествию, необходимому для здоровья и рассеяния. — Дайте ж пока портрет; это ведь ничего не значит. — Портрет? Да редкие портреты нра-

вятся. Живопись не имеет силы. Курьер привез его, конечно. Но стоит ли смотреть? Вдруг разочарует? Нет, пусть лучше остается в том пакете, где лежит. И вот неделю портрет нераспакованным лежит там, куда положен — на моем бюро рядом с чернильницей. Но вдруг он прелестен? — У всякого свой вкус, по мне так лучше не бывает. — Наконец портрет представлен взорам, тотчас уложен в карман, затем мы снова взглядываем на него и наконец не можем оторвать глаз и торопим начало путешествия» (*Из письма барону Гримму, 29 июля 1776 // Сб. РИО. Т. 23. С. 49*).

«Два месяца, следовавшие за кончиною Натальи Алексеевны, — уточняет летописец, — провел он вместе с Екатериною в Царском Селе. Жизнь их там нисколько не отличалась от прежней. Увеселительные поездки в Таицы, Гатчину и Петергоф, крестины, свадьбы, <...> концерты и спектакли возобновились немедленно после похорон Натальи Алексеевны <...>. 13 июня 1776 г. Павел Петрович <...> отправился в Берлин <...>. Приближаясь 26 июня к Мемелю, Павел Петрович <...> увидел <...> принца Генриха, окруженного почти царскою свитою. — Тогда-то, говорит Фридрих II в своих записках <Фридрих. Т. 6. С. 120>, начался постоянный праздник от границ России до Берлина, где роскошь и вкус оспаривали друг у друга участие в почестях, отдаваемых знаменитому иностранцу. Прусский король льстил гордости своей союзницы почестями, которыми он окружал ее сына. Почтальоны, партиями по двенадцати и по двадцати, в праздничной форме, играющие в рожки, шпалеры войск, почетные караулы, триумфальные арки с разноязычными надписями и девизами, дожди букетов и венков, спектакли и концерты, депутации молодых девушек, депутации представителей искусств и ремесел, поднесения медалей, приветствия и речи в прозе и в стихах <...> — ничто не было забыто, всему этому отведено было место при встречах Павла Петровича. — Среди праздников и торжеств, сопутствуемый восторгом народа, <...> Павел Петрович достиг в воскресенье, 10 июля, столицы Пруссии, в которую он въехал в парадной карете, запряженной восемью лошадьми <...>. — Гром пушек, звук музыки и звон колоколов едва покрывали клики толпы <...>. Последняя триумфальная арка возвышалась перед мостом <...>, еще несколько шагов, и Павел Петрович, к закату дня, подъехал ко дворцу Фридриха. — Фридрих вышел на встречу своего царственного гостя к дверям своих апартаментов <...>. За ужином <...> Павел Петрович и София Доротея, будущие супруги, встретились в первый раз. Они свиделись снова на другой день, за обедом у короля <...>. Как и следовало ожидать, та, которую назначали ему в супруги, полюбилась великому князю, очарованному ее красотою и грациею и

который, сверх того, был восхищен почестями, окружавшими его во владениях Фридриха и к которым он не был приучен на родине» (*Кобеко. С. 133—134, 139—141*).

«Я нашел свою невесту такову, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если она сделала действие в сердце моем, то не без чувств и она, с своей стороны, осталась <...>. Мой выбор сделан <...>. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбором своим не остыжу Вас <...>. Что же касается до сердца ея, то имеет она его весьма чувствительное и нежное, что я видел из разных сцен между роднею и ею. Ум солидный ея приметил и король сам <Фридрих II> <...>. Знания наполненна, и что меня вчера весьма удивило, так разговор ея со мною о геометрии, отзываясь, что сия наука потребна, чтобы приучиться рассуждать основательно. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкою» (*Павел — Екатерине из Берлина, 11 июля 1776 // Сб. РИО. Т. 27. С. 98*).

* * *

14-го августа Павел вернулся в Царское Село; 31-го сюда прибыла София Доротея Августа Луиза; 14-го сентября по принятии православного закона она была наречена *Мария Федоровна*. 15-го совершилось обручение.

Павел своеручно написал невесте инструкцию:

«1. Что касается религии <...>. Я полагаю <...>, что принцесса настолько ознакомлена с религией вообще, что она не может быть ни невежественна, ни ханжа, ни неблагочестива.

2. Касается императрицы и поведения принцессы по отношению к ней <...>: следует быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было <...>.

3. Касается желательного ее обращения со мною <...>. Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, ибо это вполне зависит от счастливой случайности, но что касается дружбы и доверия <...>, то я не сомневаюсь, что принцесса пожелает снизить их своим поведением <...>. Ей придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость <...>.

4. Касается нашей публики <...>. Следует различать публику от нации, или народа: первая более воспитана и несколько менее невежественна, нежели народ <...>. Принцесса должна быть со всеми вежлива <...>, иметь приветливый и непринужденный вид, <...> казаться всегда веселой и спокойной <...>.

5. Касается нашего народа <...>. Он относится с большим уважением и почтительностью ко всему, что стоит выше его, в особенности, если лицо начальствующее или известного чина сумеет приобрести в его глазах авторитет. Наш народ любит приветливое обращение, но излишней любезностью можно навлечь на себя и неприятности, ибо в таком случае люди имеют обыкновение тотчас являться с жалобами, справедливыми или нет, которые у них всегда наготове. Если вы станете принимать их, то будете завалены ими <...>. Поэтому в подобных случаях лучше всего отсылать и самих людей и их дела в подлежащие ведомства, но не входить с ними в докучливые объяснения. Народ любит, чтобы все, касающееся религии, соблюдалось как можно строже <...>. Народ любит <...>, чтобы ему показались иногда из окна или иным образом <...>.

6. Касается русского языка и других необходимых сведений о России <...>.

7. Касается ее личного штата и прислуги <...>. Наша прислуга никогда не упускает случая явиться с какой-нибудь просьбой или с чем-нибудь в этом роде; поэтому надобно быть постоянно настороже и не позволять ей подобных вольностей <...>.

8. Касается денег, гардероба и иных расходов <...>. Деньги получаются у нас по третям, т. е. каждые четыре месяца. Так как сроки этих получек довольно удалены один от другого, то необходимо устраиваться таким образом, чтобы не терпеть недостатка в деньгах в этот промежуток времени <...>. Гардероб надобно постоянно пополнять предметами, составляющими его основу, т. е. кусками материй тех цветов, в которых чаще всего встречается надобность <...>.

9. Касается доверия, какое она должна иметь к супруге фельдмаршала <графине Румянцевой, жене полководца — статс-даме, назначенной заведовать штатом принцессы>.

10. Касается образа жизни вообще <...>. Наш образ жизни должен быть строго определен <...>. У нас будут назначенные дни для обедов у ея величества, что бывает обыкновенно раза четыре в неделю; в остальные три дня придется обедать два раза с гостями, а третий день, в пятницу, обедать дома, так как этот день считается постным <...>. Надобно наблюдать за тем, чтобы выезжать из дома, а равно садиться за стол к обеду и ужину всегда в один и тот же час <...>.

11. Касается тех лиц, коих нам придется видеть в обществе.

12. Касается образа жизни, дома и лиц, допущенных в домашний кружок <...>. Точное исполнение правил — одно из главных условий, которые следует соблюдать в жизни <...>. Я советовал бы принцессе вставать довольно рано, чтобы иметь

время <...> окончить свой туалет вполне, тем более, что мое собственное препровождение времени распределено так, что, начиная с девяти часов, когда я бываю совсем одет, и до полудня, у меня нет ни минуты свободной <...>. Я убедительно прошу ее быть готовой к полудню, а по воскресеньям и праздничным дням к 10 1/2 часам. В послеобеденное время я прошу ее заниматься также чтением, музыкой, <...> в числе утренних занятий <...> назначить известные часы на русский язык и другие занятия, для того чтобы приобрести некоторые познания по части истории, политики и географии нашей страны, а также относительно религии и церковных обрядов <...>. Часы обеда и ужина должны быть строго определены <...>. Что касается времени отхода ко сну, то я прошу принцессу подчиняться моей привычке к регулярной жизни <...>, тем более, что в видах моего здоровья и моих утренних занятий, я не имею возможности, несмотря на мои молодые лета, бодрствовать ночью. Наконец я прошу ее никогда не делать, даже в ее собственной комнате, ничего такого, что имело бы вид таинственного или желания сделать что-либо тайком <...>. У кого совесть чиста, тому нечего бояться и, следовательно, прятаться от кого-либо <...>.

Следующие два пункта считаются особенно важными:

13. Никогда не вмешиваться ни в какое дело, непосредственно ее не касающееся, тем более в какие-либо интриги или пересуды <...>.

14. Не принимать ни от кого, кроме лиц, специально для того приставленных, а тем более от прислуги, никаких, хотя бы самых пустяшных советов или указаний, не сказав о том хоть чего-либо мне <...>» (РС. 1898. Т. 93. № 2. С. 251—260; перевод с фр. Е. С. Шумигорского).

Инструкция невесте — сочинение, драгоценное тем, что в нем мы видим хотя и не очень полную, но достаточно откровенную исповедь самого царевича — собственноручную роспись его привычек и склонностей, его понятий о придворном обществе, его представлений о народе, его правил обращения с обществом и с народом, его распорядка дня, его тягостных воспоминаний о первом браке и его опасений о браке новом.

Эта исповедь подтверждает то, что Павел, обладая умом стройным, имел навыки саморефлексии и, отлично сознавая собственные слабости, ничуть не думал о разумном овладении ими, а лишь требовал от близстоящих неукоснительно к ним приспособляться. Медицинский диагноз, наверное, определил бы по материалам этой исповеди невроз в слабовыраженной форме. Некоторые из самонаблюдений Павла дублируют

обобщения доброго Порошина («горячность, изменчивое расположение духа, нетерпеливость»). Другие соответствуют нашим выводам о самом могущественном влечении его натуры — влечении к порядку и дисциплине («привычка к регулярной жизни»; «образ жизни должен быть строго определен») — следствие ума логического, причина законопослушности во время царствования матери и законотворчества во время собственного царствования. Третьи свидетельствуют о тяжелых следствиях первого брака — о подозрительности и страхе обмана («никогда <...> никогда не делать ничего такого, что имело бы вид таинственности <...>. У кого совесть чиста, тому нечего бояться и, следовательно, прятаться <...>. Не вмешиваться в интриги <...>. Не принимать ни от кого никаких советов или указаний, не сказав о том хоть чего-либо мне»). — Все это в совокупности дает опаснейший недуг, способный развить слабовыраженный невроз до неизлечимой стадии самовластия.

Конечно, человек есть тайна, и никогда нельзя угадать, судя по детским и даже юношеским поступкам, какая из его манер станет довлеть с возрастом, и, разумеется, прочитав выписки из мемуаров и анекдотов, помещенных в начале этой книги, можно было бы догадываться, что человек, о котором идет речь, явно не думает контролировать свое поведение, а раз не думает — значит, не может, а коль не может — тут что-то не так.

Натурально, ни в коем случае нельзя было верить заявлениям подданных императора Павла о его безумии. Во-первых, ввиду подготовки революции подданные еще не то могут наговорить на свергаемую особу; во-вторых, если сравнить те манифесты, указы и изустные распоряжения Павла, которыми подданные аргументировали свой диагноз, — с подобными же, выданными в предыдущие царствования, то придется признать, что в чреде царствующих особ осьмнадцатого столетия никто, ни даже императрица Екатерина, не может быть признан вменяемым. Павлу приписывали намерение заточить Марию Федоровну в монастырь, лишить сына Александра прав на престол и жениться на заезжей актрисе, а Екатерина без всяких приписок искоренила своего мужа, на самом деле собиралась лишить сына наследства и держала на первых должностях государства случайных молодых людей, славных только своими смазливими физиогномиями; а Петр Первый посадил в монастырь сначала сестру, потом жену, погубил сына в застенке и короновал бывшую прачку. Павел послал казаков завоевывать Индию, а Екатерина отправила из Балтийского моря в Средиземное дырявую эскадру и собиралась, выгнав турок в аравийские степи, основать на месте Оттоманской Порты Греческую империю.

Павел, опасаясь заговора, окружил Михайловский замок каналами с разводными мостами и понаставил всюду стражу, а Елизавета Петровна от страха революции каждую ночь переменила место сна. Павел запретил ввоз в Россию иностранной литературы, а Екатерина посадила в крепость издателя Новикова и отправила в Сибирь сочинителя Радищева.

«Как видим, — констатирует летописец, подобрав ряд подобных же сравнений и подав тем повод к нашему ряду, — то, что «не ставится в строку» Петру I, Елизавете и Екатерине II <...>, для Павла трактуется как доказательство <...> безумия» (Эйдельман 1982. С. 142). Однако списывать кошмары и алогизмы царствования Павла только на мифологические функции его сана — наверное, тоже нет смысла. Разумеется, сан предполагал самовластие, но не до такой же степени демонстративное.

Тут все же не только в сани дело, тут дело еще в натуре — ломкой, капризной, страдающей от собственного несовершенства и исправляющей это несовершенство не властью над собой, а властью над другими: то есть обустроивающей собственный психический беспорядок — порядком, устанавливаемым в жизни всех и каждого, кто попадает на глаза.

* * *

26-го сентября 1776 года их высочества были обвенчаны. У Павла началась вторая семейная жизнь.

Новая великая княгиня не походила на покойную великую княгиню. Мягкие черты лица, плавность движений, скромность, умеренность, тихость, аккуратность, сентиментальность, верность мужу, семье и престолу, простота помыслов и обыкновенность женских интересов к устройению домашнего быта — всё, решительно всё отличало ее от порывистой и самовольной Натальи Алексеевны. Таким, как Мария Федоровна, не требуются инструкции в поведении — они и без наказов не выйдут за границы своего томного темперамента далее ревности к фрейлинам.

Принцесса Вюртембергская влюбилась в своего будущего мужа уже после первого сообщения о предстоящем повороте судьбы. Наверное, она так же сладостно погрузилась бы в любовь к первому нареченному — гессен-дармштадтскому балбесу Людвигу: она была девушка, и была влюблена. Масштабы Российской империи, рекомендации великого деда Фридриха и галантность Павла при первой встрече уточнили предмет обожания.

«Ах, Ланель! — писала она своей вюртембергской наперснице на третьем месяце супружества. — Как я рада, что ты не знаешь моего прелестнейшего из мужей. Ты влюбилась бы в него,

а я бы ревновала моего ангела, моего бесценного супруга. Я без ума от него» (*Оберкирх. Т. I. С. 81*). — Все правильно: «Ее ум и характер не соответствуют ее сану. Тесный круг ее понятий всегда будет удерживать ее в пределах домашнего очага <...>. Вюртембергская принцесса, великая княгиня, даже если она будет императрицей, все равно останется не более чем женщиной» (*Из депеши французского посланника в Петербурге Корберона // Шумигорский 1892. С. 101—102*).

Она проживет долгую и равномерную жизнь, став для своих подданных образцом кротости, невмешательства, чадородия и оставив нам памятник своему уютному вюртембергскому вкусу — дворцово-парковый ансамбль, названный в честь мужа Павловском: здесь каждое здание, всякий павильон, любая дорожка, все тропинки, мостики и скамейки и даже сама речка Славянка, в других местностях своего течения быстрая и холодная, а здесь едва струящаяся и дышащая теплым домашним покоем, — всё в Павловске и по сей день носит на себе печать томной женственности Марии Федоровны.

«Нежность и любовь между великим князем и его супругою были совершенны, — умилялся очевидец. — Невозможно, кажется, пребывать в сожитии согласнее, как они долгое время пребывали» (*Голицын. С. 279*). Одно смущало их ровную привязанность друг к другу — хорошенькие фрейлины, которые по штату должны были обитать при великокняжеском дворе и всякая любезность Павла с которыми резала душу его обожаемой жены. Со временем фрейлин выдавали замуж, но их мужья почитали за честь благосклонность великого князя к своим женам, и ревность Марии Федоровны не успевала остывать, тем более что из института благородных девиц при Смольном монастыре с каждым новым выпуском ко двору поступали новые фрейлины, не менее хорошенькие, чем вышедшие замуж.

Особенно же Мария Федоровна страдала от мадемуазель Нелидовой — доходило до того, что при новых родах ей казалось, что Нелидова рассчитывает на гибельный исход. С возрастом Нелидова не вышла замуж и лет пятнадцать почти безотлучно располагала душевной конфиденцией Павла. Говорят, Мария Федоровна жаловалась на Нелидову Екатерине, и та, будто бы, подведя невестку к зеркалу, утешала ее: «Посмотри, какая ты красавица! А соперница твоя — *petit monstre*» (*Муханова. С. 308*).

Petit monstre (т. е. маленькое чудовище), или просто *petite* (т. е. просто маленькая, как обычно называла ее за глаза Мария Федоровна) со временем сделалась такой подругой души Павла, что равноценных замен ей не нашлось, — мы уже видели, как, стоило Нелидовой оставить Павла в сентябре 1798-го

года, сам он стал неуправляем, а вокруг престола свился заговор. Павел «был временем самый любезный, а иногда самый блаженной человек. Нелидова умела править и умом его, и темпераментом», и естественно, что не только Мария Федоровна, но и все вокруг считали, что Павел «в нее чрезвычайно влюблен», и она «слыла тогда его любовницей» (*Долгоруков. С. 143—144*).

Кажется, так не считали только Павел и Нелидова. Когда в 1790-м году Павлу пришлось оправдываться перед Екатериной за свою привязанность к *petit monstre*, он выбрал самый клятвенный тон: «Мне надлежит совершить пред вами, государыня, торжественный акт, предписываемый мне моею совестью пред Богом и людьми: мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать из-за меня. Я видел, как злоба выставляла себя судьей и хотела дать ложные толкования связи исключительно дружеской, возникшей между мадемуазель Нелидовой и мною <...>. Клянусь тем Судилищем, пред которым мы все должны явиться <...>. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог» (*Павел — Екатерине, начало 1790 г. // Оснадацатый век. Т. 3. С. 445*).

Нелидова верила, что Господь определил ей оберегать Павла, и говорила, что любит его как сестра. Но видно, и в сестринской любви ревность занимает свое место — и Нелидова не смогла простить Павлу фавора девицы Лопухиной и не спасла его. Тогда, в последние два с половиной года жизни Павла, когда Нелидова его оставила, он и порастерял свою рыцарскую целомудренность, которой так гордился в предыдущие годы, и бросил жену. А до того времени, наверное, ревность Марии Федоровны была основательной только в том смысле, что она, как и любая домовитая женщина, хотела, чтобы ее супруг вообще не глядел на других женщин, и всякая, увлекавшая его внимание складной речью и сладкой улыбкой, вызывала ее подозрительность, и тем более вызывала Нелидова — женщина, превосходившая Марию Федоровну умением занять душу Павла и, видимо, умением эту душу понять, к ней подстроиться и тем привязать ее к себе. Бывают в жизни такие особенные случаи взаимоадекватности, и особенно такие случаи потребны людям, не имеющим опоры в самих себе и не умеющим самостоятельно властвовать собой — они инстинктивно ищут среди близстоящих того, кто мог бы питать и концентрировать рассеивающуюся энергию их хаотической души. Чтобы чувствовать себя властными в самих себе, им необходимы Нелидовы, ведущие их как врачи пациентов.

Однако и врачи бессильны, когда условия жизни благоприятствуют развитию недуга: может быть, если бы Павел стал царем в двадцать два года, то, ведомый политически Паниным, поддерживаемый душевно Нелидовой и согреваемый домашним уютом Марии Федоровны, он обрел бы равновесие. Весы, под чьим зодиакальным коромыслом он явился на свет, — знак гармонии и порядка; ум ему был дарован логический и стройный; сердце его было добрым и честным. Но ему не давали заниматься тем, для чего его родили и воспитали, — он не мог даже сам, без спроса матери, выбирать себе придворный штат: любое назначение нового лица или увольнение старого совершалось только по распоряжению Екатерины.

Его мнения, касающиеся обустройства державы, не принимались во внимание. Ему не считали нужным сообщать о чем бы то ни было, относящемся к генеральным предприятиям государства. О подготовке поворотных манифестов или о начатии геополитических преобразований он узнавал, как рядовой подданный, — из слухов и случайных разговоров или постфактум: когда дело было уже сделано. Это его неучастие, само по себе, независимо от существа совершаемого дела, должно было возмущать его душу; возмущение невольно переносилось на само совершаемое без его участия дело, независимо от того, была от того дела польза или нет, и в конце концов любое дело, предпринимаемое Екатериной, независимо от его смысла, казалось Павлу бесполезным и несправедливым.

Он не противоречил матери. Он держал себя с нею подчеркнуто послушно, и недаром тот, кто видел его в домашнем быту — на частных обедах и прогулках в Павловском, или при подготовке домашних спектаклей, или во время игр в свайки и в воланы, или если кто имел случай хоть раз поговорить с ним в общей беседе или тем паче конфиденциально, — всякий замечал бьющий в глаза контраст между сдержанно-стеснительным видом наследника в присутствии императрицы и его живой, добродушной веселостью, открытостью, общительностью в кругу близких.

С той минуты, как в десятом часу утра 20-го сентября 1754 года Елисавета Петровна забрала новорожденного от матери, между ними не было живого, человеческого отношения. Когда сын вырос, Екатерина пробовала приручить его. Летом 1772-го, взяв Павла с собой в Царское Село, она окружила его забавами и любовью: они вместе завтракали, вместе обедали, вместе гуляли, смотрели спектакли, хохотали и резвились до упаду. «Сын мой хорошеет день ото дня, — подводила итоги приручения Екатерина. — Он следует за мной повсюду, и я так его развле-

каю, что, бывает, он подменяет билеты, чтобы оказаться за столом рядом со мной» (*Сб. РИО. Т. 13. С. 260*).

Видимо, тогда всё так и было, как она говорила, и, наверное, она рассчитывала со временем добиться такого же сердечного согласия в делах, какое было достигнуто летом 1772-го в играх и смехах. Нельзя подозревать лицемерия в ее торжественном обещании, данном сыну после его первой свадьбы: «Женитьбою окончилось Ваше воспитание <...>. Обращайтесь ко мне за советом всякий раз, когда найдете это нужным — я буду говорить Вам правду <...>, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые Вы будете приходить ко мне один для слушания дел. Таким образом Вы ознакомитесь с ходом дел, с законами страны и с моими правительственными принципами» (*РА. 1864. Ст. 934*)¹¹³.

Но сила вещей повернула иначе: сплелась интрига Сальдерна; составился заговор о реформе; несмотря на увольнение Никиты Ивановича Панина от наследника, его влияние на жизнь и мнения Павла оставалось неугасимо до самой смерти Никиты Ивановича; сын стал подавать государственные проекты, исполнить которые в настоящей политической ситуации — в видах дальнейшего продвижения России к Черному морю, на Кавказ и в Турцию — было невероятно; таким образом, знакомство наследника с правительственными принципами Екатерины началось с неустранимого противоречия; попытки Екатерины открыть сыну глаза на неверность его первой жены кончились тем, что сын поверил не матери, а жене и стал подозревать мать в желании расстроить его семейную идиллию; доказательства неверности жены, предъявленные в день ее смерти, должны были не только поразить Павла фактом измены, но и заронить бессознательный ужас к самой вестнице страшного факта. И так далее, и тому подобное, и проч., и проч., и проч., — то есть чем далее, тем менее возможным казалось достичь согласия и тем более очевидным, как для всех близстоящих, так и для них самих, становилось, что на самом деле они давно уже живут в состоянии худого мира на грани доброй ссоры. При всем показном взаимодоброжелательстве и Екатерина, и Павел уже к началу восьмидесятых годов имели такой запас взаимных претензий, что каждое новое противоречие, независимо от степени его величия или ничтожности, могло только пополнить этот запас, а опустошить его уже было невозможно, ибо душа разочарованного человека — это вместителище обид: даже когда разум способен их забыть, они все равно тайно гнетут его, чтобы в минуту слабости прорваться наружу и, залив своим оскорбительным потоком все, что есть в человеке доброго и человеческого, обрушиться горячечной истерикой на близстоящих.

Екатерина была менее чувствительна к своему разочарованию сыном не потому, что имела более грубую душевную конституцию, а потому, что она своего добилась, и в ее воле было делать то, что она считает нужным. Недаром она в конце концов нашла выход из своего разочарования в замене наследника престола, и хотя внук Александр отказывался от бабушкина дара, но, зная его характер и характер бабушки, можно предполагать, что, если бы бабушка не умерла так быстро и неожиданно, а процарствовала еще год-другой, Александр был бы объявлен наследником в замену Павла, даже если бы сам против того протестовал.

Понятно, что Павел был разочарован матерью совсем иначе, чем она им — он не получил ничего, кроме показного почета на праздниках, права открывать придворные балы менуэтом с женой и свободы обустройства домашнего быта в усадьбах, даренных матерью, — кроме Павловского, ему принадлежал также Каменный Остров (когда-то владения канцлера Бестужева-Рюмина), а после смерти в 1784-м году Григория Орлова — еще и Гатчина.

Для любого подданного Екатерины такие роскоши могли бы составить счастье жизни: век при дворе, да при каком дворе! — Но Павел был особенным подданным, и из-за этой особенности вся его допрестольная жизнь представляется чередой наслаивающихся друг на друга обид, усиливающееся давление которых превращает несколько нервного, конечно, несколько аффектированного, но все-таки, по общему мнению, здравомыслящего и обаятельного молодого принца — в истеричного и подозрительного невротика, знающего в своей душе силы необъятные, но живущего в поминутной настороженности, в ожидании обмана и предательства от самых дорогих людей, в предчувствии насмешек и оскорблений от фаворитов матери, в унижении от невозможности самостоятельного выбора собственных поступков за пределами своих усадеб, в страхе быть отравленным, в мыслях о неизбежности скорой смерти, в сознании несбывшегося высокого предназначения.

* * *

Единственным государственным долгом, неукоснительного исполнения которого Екатерина ожидала от великокняжеской четы, был долг рожать наследников престола. Благодаря богатой добронравием природе Марии Федоровны, наследники и наследницы стали рождаться бесперебойно: за двадцать два года супружеской жизни, то есть к исходу последней роковой беременности, после которой Павел от такой жизни отказался, Мария Федоровна принесла отечеству десять порфиородных

отроков и отроковиц: Александра Павловича, Константина Павловича, Александру Павловну, Елену Павловну, Марию Павловну, Екатерину Павловну, Ольгу Павловну, Анну Павловну, Николая Павловича и Михаила Павловича.

«Право, сударыня, ты мастерица детей на свет производить», — говорила Екатерина невестке (*Сб. РИО. Т. 15. С. 166*), хотя, конечно, была не очень довольна количественным перевесом наследниц над наследниками: «Много девок, всех замуж не выдадут» (*Храповицкий. С. 270*).

Наследники были нужны для запаса прочности у отечественного престола — случись что с одним из них, на очереди имелся другой; ход жизни подтвердил значение производительного подвига Марии Федоровны для истории России: когда в 1825-м году умер ее бездетный старший сын Александр, а второй сын Константин по причине своего морганатического брака не имел права занять престол, очередью воспользовался предпоследний порфирородный отрок, к той поре уже тридцатилетний Николай.

Наследницы нужны были для укрепления международных связей с дружественными странами, куда их выдавали замуж. «Мне бы хотелось назвать всех их, хотя бы народилось их десять, именем Марии, — говорила Екатерина о наследницах. — Тогда, мне кажется, они будут держать себя прямо, заботиться о своем стане и цвете лица, есть за четверых, благоразумно выбирать книги для чтения и напоследок из них выйдут отличные гражданки для какой угодно страны» (*Кобеко. С. 307*).

После рождения первого наследника Екатерина поступила так же, как когда-то сделала ее собственная свекровь: новорожденный 12-го декабря 1777 года Александр Павлович был изъят из покоев сына и невестки и обеспечен заботами самой императрицы. Причина была не только в том, что Екатерина сомневалась в педагогических способностях сына и невестки — это сомнение понятно: сын научит своего сына устраивать военные поселения, а невестка — есть за четверых. Главная причина была в самой Екатерине: не имея возможности изменить что-либо в характере сына, воспитанного чужими людьми, она надеялась вырастить Александра Павловича идеальным монархом — по своему образу и подобию. Внук Екатерины в мужском облике должен был воспроизводить на троне ум, прозорливость, решительность и прочие доблести бабки. Тогда верили в силу разумного слова и целенаправленного воспитания и мало принимали в расчет наследственные факторы.

Поэтому Александр Павлович был немедленно после рождения изолирован от дурного родительского влияния, и Екатерина лично стала обеспечивать его возрастание, исходным пунк-

том которого стало воспоминание о том, как по-бабьи растила Павла Елисавета Петровна: как его закутывали в несколько слоев одеял, как он прел от жара перетопленных комнат, как поэтому, выросши, простужался от пустячных сквозняков и сделался наконец хил здоровьем и робок душой, — словом, Екатерина твердо знала, как нельзя воспитывать детей, и поэтому с самых первых дней жизни Александра Павловича растила его прямо противоположно тому, как растила ее сына Елисавета Петровна.

Александра Павловича баюкали под гром пушечной пальбы — чтоб дитя закалилось бесстрашием; в комнате, где почивал Александр Павлович, соблюдалась прохлада, а самого Александра Павловича велено было накрывать лишь легкими покрывалами — чтоб дитя закалилось доброздравием. И проч., и проч., и проч.

Екатерина растила царя полумира, владыку Евразии, героя Вселенной: недаром имя ему было дано не столько в память Александра Невского, сколько в честь Александра Македонского — под стать победоносным маршам бабушкиной империи. «Если родители не помешают, мой Александр вырастет выдающейся персоной», — обещала она (*Екатерина — барону Гримму 28 марта 1784 // Сб. РИО. Т. 23. С. 298*). Наверное, уже тогда Екатерина задумала новый переворот — сделать внука своим наследником вместо сына.

Так же было поступлено со вторым порфирородным младенцем, родившимся на третий день после бабушкина пятидесятилетия — 27-го апреля 1779 года. Этого называли еще более вызывающе: Константином. Была выбита монета с образом константинопольской святыни всех православных — храма Святой Софии. Кормилицей ему назначили гречанку. — В бабушкином сценарии Константину предстояло взойти на престол новой Греческой империи после изгнания турок из Константинополя — в 1779-м году возрождение Византии под нашим протекторатом было уже делом решенным; для окончательного решения требовалось только некоторое терпение, время, полководческий дар Потемкина и дипломатическая подготовка.

Родители не были устранены от свиданий с своими чадами, но, разумеется, никакие самостоятельные инициативы с их стороны при этих свиданиях не предусматривались: их дело было — зачать, выносить и родить бабушкиных внуков — автократов нового поколения.

Впоследствии Екатерина допустит одну важную ошибку, стоившую нашей истории многолетнего продления павловского вахт-парадного режима: когда Александр и Константин выросли и женились, она, решив, что плоды ее просвещения не-

истребимы, дозволила им бывать у отца, и они, быстро причившись к военным порядкам Гатчины, полюбили поэтику военных смотров и в краткое время сделались истинными Павловичами.

Но в 1777-м и в 1779-м оба они еще всецело принадлежали бабушке, и родители не смели вмешиваться не в свое дело. Родители были *secondaterie, monsieur et madame Secondant* — *вторые, die schwere Bagage* — *тяжелый багаж*, — так называла их Екатерина в разговорах с понимающими людьми. Родителям рекомендовалось разводить цветы в Павловском.

* * *

Сознательная жизнь Павла прошла при усиленных опытах Никиты Ивановича Панина по культивированию Северного альянса. Доверие Павла к мнениям Никиты Ивановича после поездки в Берлин в 1776-м году помножилось на воспоминания о грандиозном царственном приеме, устроенном ему Фридрихом. — Брак с Марией Федоровной сделал Павла в некотором смысле родственником великого прусского короля. Строевая выучка фридриховых солдат поразила воображение: это был не парад, а балет. «Видел я полки Прусские, — вспоминал Павел о поездке в Берлин. — Видно, что имеют во всем пред нами века два преимущества» (*Сб. РИО. Т. 27. С. 99*). Все это, наверное, еще сопрягалось с наследственными бессознательными влечениями, усвоенными из хромосом Петра Третьего, и в сумме давало твердое убеждение: союз с Пруссией — залог международного процветания России.

Двадцать с лишним лет он будет держаться этого убеждения — до тех пор, пока наследники Фридриха, уже в эпоху собственного царствования Павла, не разменяют славу великого короля на сепаратные договоры с якобинской Францией и пока в Европе не появится новый герой — Наполеон. Только тогда, на исходе жизни, Павел переменит свою систему.

Но в 1780-м году он был тверд и непреклонен. Посему все совершавшееся наперекор союзу с великим королем почиталось им блажью и предательством. А совершалось то, что еще в 1778-м году австрийский император Иосиф Второй предположил сделать Баварию частью своей империи, и того гляди у Австрии должна была начаться война с Пруссией. Фридрих запросил помощи у своей союзницы Екатерины. Говорят, Павел, верный союзническому и родственному долгу, «мечтал о том, чтобы во главе своего полка идти на театр военных действий и вместе с братьями Марии Федоровны (принцами Фридрихом, Людвигом и Евгением <все трое были на прусской службе>) сражаться за великого короля» (*Шильдер. Изд. 1996. С. 144*).

Между тем Иосиф обратился за помощью к своему союзнику — Людовику XVI-му. Однако во Франции тогда ожидалась скорая собственная война — с Англией, и вместо военной помощи Иосифу предложили дипломатическую медиацию. Фридрих в ответ выставил своего посредника — понятно кого. Кончилось тем, что весной 1779-го в силезский городишко Тешен съехались дипломаты от Австрии и Пруссии и их секунданты из Франции и России. Нашей делегацией руководствовал князь Репнин, так поведший дело, что подписанный договор гарантировал Екатерине старшинство в союзе с Фридрихом и неучастие Иосифа в будущем сопротивлении Турции маршу России на берега Черного моря.

Теперь оставалось только убедить Иосифа совсем оставить альянс с турками, стать врагом султану и склониться к совместному русско-австрийскому наступлению на Порту. Иосиф был приглашен в Россию, и в мае 1780-го, во время поездки Екатерины по белорусским губерниям, приобретенным по разделу Польши, он встретился с нашей императрицей в Могилеве.

Лучший способ приобрести друзей — обругать их врагов, и императорские переговоры начались с подбадривания Иосифа в его обидах: «Говорили много и часто о Фридрихе II. И Иосиф и Екатерина резко отзывались о прусском короле, о его страсти к интригам. Далее Екатерина, как бы мимоходом, спросила Иосифа, не пожелает ли он, как император, занять Папскую область, завладеть Римом. Он возразил, что многие государства заинтересованы в сохранении status quo в Италии, но что она гораздо легче могла бы думать о захвате своего Рима, т. е. Константинополя» (*Брикнер. Ч. 3. С. 378*). И т. д.

Расстались в полном удовольствии друг от друга. Иосиф оказался не только галантным кавалером, но и покладистым партнером: он обещал Екатерине помощь в случае войны с Портой.

Отныне союз с Пруссией не имел того смысла, какой имел прежде: прежде Фридрих требовался Екатерине как сдерживатель Австрии — турецкой союзницы; а теперь, когда Австрия в союзе с нами сама будет воевать против турок, — очевидно, что хитроумный Фридрих, которому от наших турецких завоеваний ничего не перепадет, станет придумывать какую-нибудь такую интригу, после которой мы вынуждены будем платить по его счетам, а сами опять потеряем что-нибудь, как это уже было при заключении прошлого мира с Портой, когда, благодаря Фридриховой расторопности, он ни за что получил лучшую часть Польши, а мы отказались от уже завоеванных Валахии и Молдавии.

Посему, когда в том же 1780-м году в Россию приехал на-

следник Фридриха — его племянник Фридрих Вильгельм, — Екатерина хотя и встретила его дворцовыми церемониями, сообразными высочествовному сану гостя, но встретила совсем не так, как четыре года назад Фридрих встречал в Берлине ее наследника: то есть без парадов и триумфальных арок, а о подписании каких-то подходящих укреплению Северного альянса бумаг речь и вовсе не заходила. Отношения с Пруссией зависали в неопределенности, стеснительной для Фридриха и оттого выгодной Екатерине. Никита Иванович Панин с удручением наблюдал за разломом оси, на которой была нацеплена его система, и ему оставалось только в очередной раз возлагать надежды на будущее своего воспитанника.

Воспитанник, между тем, благодаря отсутствию запретов общаться с высокими иностранными гостями, оказал своему косвенному родственнику ласковое сочувствие. Говорят, когда Фридрих Вильгельм при отъезде своем прощался с Павлом, то в присутствии Никиты Ивановича оба они поклялись друг другу в вечной нерушимой союзности. Между ними началось тайное от Екатерины сообщение — сначала через прусского посланника в Петербурге графа Герца, а после того, как Герц уехал из России, через Герцова приятеля — Алопеуса, прусского немца, состоявшего на русской службе. Алопеус писал сказанное ему Павлом — Герцу в Берлин, а Герц передавал слова Павла Фридриху Вильгельму и наоборот. «Чтобы эти сношения не были вполне поняты, — вспоминал Герц о второй половине 80-х годов, когда Фридрих Вильгельм уже наследовал прусский престол после смерти своего великого дядюшки, а Павел еще по-прежнему числился наследником нашего, — и чтобы они представляли менее опасности, если бы неутомимые агенты Екатерины открыли их, придумали особенные названия для разных лиц и предметов. Так, великий князь был *мейстер Грен*, прусский король — *фон Д...б...г*, Алопеус — *Штралькорн* <...> и т. д. Этим-то путем, неизвестным ни берлинскому министерству, ни прусскому посольству в Петербурге, оба принца поддерживали между собою дружественные связи и взаимное доверие. Когда в сентябре 1787 года король спросил, между прочим, какой союз предпочитает великий князь — французский или английский, Павел Петрович высказался в пользу последнего и прибавил: «Бог знает, как сложатся обстоятельства, когда я приобрету влияние на дела; пока могу сказать только, что неизменна моя приверженность к системе, связующей меня с прусским королем, и что я от всего сердца буду согласовываться с его намерениями». Подобные признания, узнай о них императрица, навлекли бы неприятные последствия на великого князя» (Кобеко. С. 376).

Конечно, никаких тайн императрицы Павел не мог бы выдать своему прусскому другу, даже если бы захотел предупредить его об опасностях, грозящих Пруссии от Екатерины: Павел не знал этих тайн, ибо не был допущен к их обдумыванию. Что же касается генеральных движений империи, вроде овладения берегами Черного моря, — так о них была известна вся Европа, потому что после согласия с Иосифом поддержку нашей следующей войны с Портой стали искать и у союзников Австрии. «Одни только турки да пруссаки опасны для спокойствия Европы, — говорил Потемкин французскому посланнику. — Согласитесь, что турки — бич человечества. Если бы три или четыре сильные державы соединились, то было бы весьма легко отбросить этих варваров в Азию и освободить от этой язвы Египет, Архипелаг, Грецию и всю Европу. Не правда ли, что такой подвиг был бы и справедливым, и религиозным, и нравственным, и геройским подвигом? К тому же если бы вы согласились способствовать этому делу и если бы на долю Франции досталась Кандия или Египет, то вы были бы достойно награждены» (*Сегюр. С. 373*).

Но все сие было только поэзия воображения, ибо, как практически возражал Потемкину французский посол, «нельзя разрушить такое государство, как Турция, не разделив его на части, а в таком случае нарушатся все торговые связи, все политическое равновесие Европы <...>. Одного Константинополя довольно, чтобы разъединить державы, которые вы хотите заставить действовать заодно. Поверьте мне, что главнейший союзник ваш, император австрийский, никогда не допустит вас овладеть Турцией» (*Сегюр. С. 373—374*).

И действительно, лишь только наши армии приближались к Днестру или Дунаю, европейские политики тотчас прозревали за этим приближением нарушение мирового равновесия, и то Франция, то Англия, то Швеция начинали разными коварствами подсекать начинания Екатерины и Потемкина.

Впрочем, Екатерина и Потемкин не были бы Екатериной и Потемкиным, если бы считались с каждым неудовольствием Европы. «Екатерина не теряла времени даром, — рассказывает летописец. — Осенью 1776 года русские войска вошли в Крым, чтобы посадить на ханский трон своего ставленника Шагин-Гирея, которого прежде предусмотрительно держали в Полтаве <...>. В апреле 1777 года Шагин-Гирей был провозглашен крымским ханом, тут же принялся проводить реформы в духе Екатерины и Фридриха, но подданные его не поняли, и на следующий год русским войскам пришлось подавлять мятеж против просвещенного хана <...>. В конце 1780 — начале 1781 года в Крыму вновь зашатался ханский трон, и весной 1782 года

Шагин-Гирей бежал в Керчь под защиту русских войск. Екатерина, не колеблясь, отдала Потемкину приказ ввести на полуостров русские войска. Шагин-Гирей был восстановлен на престоле, но войска не уходили. Безбородко и Потемкин настаивали на присоединении Крыма к России. Екатерина, выдержав приличествующую паузу и проконсультировавшись с Австрией, согласилась. 8 апреля 1783 года она подписала манифест о «принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Крымским татарам манифест гарантировал права собственности, уважение к их религии и равные права с другими подданными российской императрицы. Потемкин торжественно принял присягу местной знати <...>. На очереди стояло наступление на Кавказе <...>, и в июле 1783 года был подписан Георгиевский трактат, по которому Картли-Кахетинское царство поступило под протекторат России <...>, а в Тифлис отправились два батальона русских войск» (Каменский 1997. С. 223, 226).

Крым стал русской территорией, Грузия — почти русской, и Павел не мог осудительно относиться к приобретениям, сулящим величие его отечеству. Но, естественно, он был обижен тем, что все эти приобретения происходили без его участия. Его мнения не спрашивали, его советами не любопытствовало, и в 1783-м году, узнав о вводе наших войск на Крымский полуостров, он стал проситься у Екатерины ехать волонтером в армию Потемкина. Однако Потемкин слишком быстро решил крымские неудобства, и военная помощь Павла не потребовалась.

* * *

Может показаться, что готовность Павла отправиться в военный поход противоречила его теоретическим воззрениям о надобности для России длительного покоя (см. «Рассуждение о государстве вообще»). — Конечно, противоречила, как всегда противоречат друг другу всякое *вообще* и всякое *в частности*. *Вообще* Павел был против гигантомании Екатерины, против разорения страны рекрутскими наборами, делавшимися для ведения новых войн, против Греческого проекта, в котором его имени отводилось только скромное место в отечестве его второго сына, против перекоса международных отношений России, влекущего за собой распад альянса с Пруссией. — Это так. Но *в частности* ему необходимо нужно было хоть как-то поддерживать свою царственную репутацию в собственной душе, в глазах будущих подданных, в мнении Европы¹¹⁴. О присутствии наследника в рядах армии, присоединяющей Крым, написали бы в своих депешах из Петербурга все европейские посланники и сообщили бы все европейские газеты. Таким образом, хоть

косвенно, но слава крымского могущества Екатерины и Потемкина осенила бы и его имя.

О своей репутации, о том, чтобы его имя присовокуплялось к победным реляциям и торжествам, он думал очень серьезно. В этом было нечто трогательное, если смотреть сочувственным взором, — так дети, еще не знающие правил этикета, требуют, чтобы окружающие смотрели только на них и занимались только с ними. Понятно, что когда так ведет себя взрослый человек, становится не по себе.

Вот анекдот:

В 1780-м году директор петербургского театра Василий Иванович Бибииков к очередным торжествам захотел представить на сцене какую-нибудь новую пьесу, прославляющую деяния Екатерины, и попросил одного начинающего автора срочно что-нибудь сочинить. «Недавно пред тем случилось, — вспоминал впоследствии этот автор, — что взятый в плен русский солдат, проданный турками алжирцам, написал оттуда к императрице письмо, прося о выкупе его из неволи. Она послала некоторое знатное число денег с тем, чтобы не только солдат сей, но и другие находящиеся в неволе христиане, были выкуплены. Бибииков счел за приличное сей щедрый поступок ее прославить. Он уговорил меня (я был тогда в морском кадетском корпусе офицером) написать маленькую на сей случай драму под названием «Невольничество». <...> Дают ее <...>, назначая собранные на то деньги употребить на выкуп людей, сидящих за долги в темнице. Поутру, в день представления, великий князь Павел Петрович, наследник престола, посылает некоторое число денег с извещением, что он сам будет в театре <...>. Между тем, в обыкновенное время, то есть за несколько минут до поднятия занавеса, я прихожу в директорскую ложу. Бибииков, озабоченный ожиданием великого князя, вдруг оборотясь ко мне, сказал: — «Ах! что мы сделали!» — «Что такое?» — спросил я, удивясь. — «Как же? — отвечал он. — В драме прославляются дела императрицыны, а о великом князе не сказано ни слова!» — Он побежал было к Дмитревскому <игравшему главную роль> убедить его, чтоб он, хотя в промежутках, прибавил от себя что-нибудь, в честь его высочеству; но в то самое время великий князь приехал, и пьеса тотчас началась. Последствие времени показало мне, что беспокойство Бибиикова было не без основания. Великий князь крайне был мною недоволен. Я не только слышал это от людей, но и сам собою изведal. К нему ежедневно повешали морских офицеров на дежурство. Я вскоре после того повешен был в первый раз. Он вышел и, узнав о имени моем, спросил: — «Не тот ли это, который сочинил драму?» — Ему сказали: «Тот самый». — Он взглянул на меня весь

ма сурово и во весь день, проходя мимо меня часто, не удостоил ни одним словом» (Шишков. С. 1—3).

Судите сами, какво человеку при такой гордыне терпеть смиренную безвестность среди уютных комфортах домашнего быта. Тихие радости и спокойствие душевное не могут насытить душу такого человека; он все скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце...

И лишь только началась новая война с Портой в 1787-м году, он опять захотел ехать в армию, и наконец в 1789-м все-таки добился своего: попал на поле боя во время шведской войны. Впрочем, в этих случаях особенного противоречия между *в общем* и *в частности* не было, ибо та и другая войны, наверное, мыслились Павлом войнами справедливыми и законными — не мы их начали, и, соответственно, участие в таких кампаниях Павел должен был понимать как праведное дело по обороне отечества. Тут он был последователен и логичен. Согласно этой своей логике во время последнего раздела Польши, когда Суворов давил польское сопротивление, или при начале Персидского похода в 1796-м году Павел ни о каком своем участии в войне не заикался. Впрочем, тогда, в середине 90-х, ему грозило отлучение от наследства, и любое удаление от Петербурга было чревато переворотом. Посему отсутствие у Павла желания отправляться в поход против персов или поляков происходило не только от его представления о справедливости или несправедливости войн. Мы не исключаем, что если бы, например, Персидский поход сулил Павлу славу Александра Македонского, в его понятиях о справедливости *вообще* сама собою сделалась бы поправка на необходимость скорейшего *частного* решения территориальной принадлежности Закавказья. — Таковы условия политической истории. Право, лучше разводить цветы.

Участие в военном походе волонтером, то есть без командных полномочий, — не только жест отчаяния. Это еще надежда на разделение командных полномочий. Именно поэтому Екатерина сделала все возможное, чтобы не пустить его на турецкую войну и постаралась поскорее вернуть с войны шведской: она видела, как ему хочется совершить что-то самостоятельное, и твердо знала, что первый же его самостоятельный поступок будет неправильным, создаст какие-то помехи, затруднения и проблемы. Он непременно понял бы всякое дело на какой-то свой лад и сделал бы всё *не так, как надо*. В отличие от Орлова, Потемкина, Безбородко и многих-многих других, чьи советы Екатерина с охотой принимала и на чью неукоснительную исполнительность могла рассчитывать, зная, что они, даже если предпримут что-то на свой страх и риск, это

не помешает общему ходу дела, — так вот, в отличие от них, сын мог только навредить: она видела, что он ее не понимает, что он ей не доверяет, что он ее только смиренно терпит и что, стоит дать ему волю, он сделает прямо наоборот тому, как следует.

Она избрала в конце концов тот домостроевский способ обращения с сыном, согласно которому глава семьи лучше знает, что надо младшим, и на все инициативы, выходявшие за пределы Павловского и Гатчины, либо отвечала *нет*, либо откладывала исполнение этих инициатив до неопределенного будущего.

Естественно, при таких отношениях и сама она не могла добиться, чтобы сын сделал что-то по ее плану, иначе, чем с помощью тонких политических действий. Именно прибегнув к таким действиям, ей удалось устроить визит сына и невестки в те страны, с которыми в будущем Екатерина рассчитывала сотрудничать.

* * *

«Будучи хорошо знакома с недоверчивым характером цесаревича, — объясняет летописец со слов любопытного современника, — Екатерина знала, что если бы предложение о его путешествии явилось непосредственно от нее или от кого-нибудь из доверенных ее лиц, то сомнения и подозрения не только представились бы уму великого князя, но были бы ему внушаемы и развиваемы теми личностями, которые имели влияние на его действия и мнения. Поэтому, следуя совету Потемкина и действуя чрез его посредство, она обратилась к князю Репнину, пользовавшемуся большим уважением Павла Петровича, и, скрыв от него свои действительные побуждения и намерения, сказала ему, что чрезвычайно желала бы, чтобы ее сын предпринял путешествие с целью приобретения познания и опытности, <...> и ей хотелось бы, чтобы это явилось его собственным желанием; вследствие чего она и поручила князю Репнину навести понемногу Павла Петровича на мысль о путешествии, внушая как ему, так и Марии Федоровне, что для лиц, столь высокопоставленных, не только полезно, но и необходимо взглянуть на характер разных стран и ознакомиться с разными формами правления <...>. — Князь Репнин искусно выполнил данные ему приказания: беспрестанно говоря о чужих краях и о выгодах, приобретаемых от знакомства с ними, он возбудил в цесаревиче сильное желание путешествовать и еще сильнейшее в великой княгине. Это сделалось их любимую мечтою, и они постоянно жаловались на невозможность привести ее в исполнение. — Тогда они обратились за советом к графу Панину

<...>. Ему тотчас же представилась мысль обратить это путешествие в пользу союза с Пруссией и сделать главной целью их поездки не Вену, а Берлин. Поэтому их высочества около половины июня 1781 года отправились к императрице и в сильном волнении и под опасением отказа высказали свою просьбу. Императрица, с своей стороны, приняла ее как будто с удивлением и беспокойством; она сказала им, что они чрезвычайно поразили ее, поставив ее в необходимость или, согласившись на их просьбу, лишить себя на продолжительное время их общества, или отказать им в том, чего они желали, и таким образом воспрепятствовать их жажде к знанию и учению, тогда как она сама не могла не одобрить этого чувства. После продолжительного разговора, во время которого они сильно поддерживали свою просьбу, она постепенно согласилась на их желание. Было решено, что они отправятся в путешествие, но с условием, что императрица начертит план их поездки и избрет лиц в состав их свиты. — Императрица, которая уже к этому приготовилась, в течение нескольких дней назначила их свиту, продолжительность их отсутствия и наметила страны, которые им предстояло посетить. Их высочества согласились со всеми ее решениями, прося только, чтобы князь Куракин был включен в число лиц, их сопровождающих, а Версаль в число дворов, которые им предстояло посетить. — Первое было им охотно позволено; во втором им также не отказали <...>. Когда же Берлин был упомянут великой княгиней, то на это она получила решительный и даже гневный отказ Екатерины» (*Кобеко. С. 195—197* — по материалам депеши английского посланника Гарриса).

По сведениям другого летописца ход событий был иным: Екатерина сама стала намекать их высочествам на выгоды заграничных путешествий, и те, после советов с Никитой Ивановичем Паниным и князем Репниным, выразили императрице готовность посетить дальние страны (см. *Шильдер. Изд. 1996. С. 147—148*).

Как бы ни происходило на самом деле, но к июлю 1781 года путешествие было решено, и отъезд назначен на сентябрь — к тому времени сыновьям Александру и Константину собирались сделать прививки от оспы, чтобы родители отправились в дорогу спокойны за их здоровье.

В минуты решающих объяснений о предстоящем вояже в Петербурге не было ни князя Репнина, ни графа Панина. Панин вернулся в начале сентября и, узнав о том, что Берлин категорически исключен из маршрута, был недоволен. Говорят, что «тотчас же по возвращении в Петербург он начал возбуждать в уме великой княгини сильнейшие опасения насчет вред-

ных последствий, сопровождающих иногда привитие оспы. А так как она отличалась особенною материнскою нежностью <...>, то мысль о том, что ее дети находятся в опасности, подняла в ее уме самую трудную борьбу. Это отравило все удовольствие ожидаемого путешествия, а возможность нездоровья детей возбудила в ней сильнейшее желание отсрочить поездку. Ее доктор Крузе, преданный графу Панину, своими неопределенными выражениями только усиливал ее беспокойство <...>. Великий князь вполне разделял эти чувства, но граф Панин позаботился о том, чтобы подействовать на него еще более сильным образом. Ему удалось <...> открыть великому князю, что то, что он считал собственным и добровольным решением, составляло преднамеренную и давно задуманную задачу других; что, по всей вероятности, за нею скрывались самые пагубные намерения; что, может быть, было определено, что он никогда не вернется в Россию; может быть, его дети будут от него отняты <...>. — Подобная речь, обращенная к лицу столь опасливому, как великий князь, и притом человеком, которого он привык уважать и словам которого всегда верил, не могла не произвести сильного впечатления. Это совершенно его смутило, и опасения его были так сильны, что в воскресенье, 12 сентября, великий князь и великая княгиня <...> объявили намерение не уезжать до тех пор, пока их дети окончательно не выздоровеют. Они твердо стояли на этом решении <...>. Почтовые лошади были отказаны; лица, которым предстояло выехать вперед, чтобы приготовить помещения и т. д., остановлены. Великий князь и великая княгиня выказали такую решимость, что даже императрица не знала, что делать. — Мы привели этот рассказ Гарриса, хотя он, по нашему мнению, очень прикрашен им с целью показать то сильное влияние, которое он будто бы имел, как он рассказывает далее, в деле разоблачения каких-то интриг Панина <...>. По его словам, он раскрыл Потемкину интригу Панина и советовал ему действовать решительно <...>. Пройдя по свойственной ему привычке несколько раз взад и вперед по комнате и не дав Гаррису никакого ответа, он отправился к Екатерине и, вернувшись оттуда через час, сообщил, что все устроено. Отъезд их высочеств был назначен на следующее воскресенье <...>. — В воскресенье, 19 сентября 1781 г., около половины шестого, их императорские высочества выехали из Царского Села. — Невозможно описать волнение великой княгини в минуту отъезда. Прощаясь с детьми, она упала в обморок и была отнесена в карету в беспамятстве. Она хотела сказать что-то императрице, но голос ее оборвался и вообще ее вид и манеры более напоминали положение особы, осужденной на изгнание, чем готовящейся к приятному и поучительному путе-

шествию. Великий князь находился в таком же состоянии. Сев в карету, он опустил шторы и велел кучеру ехать как можно быстрее» (Кобеко. С. 199—202).

Инструктируя Павла и Марию Федоровну о том, как следует себя вести с Екатериной при обсуждении маршрута, Никита Иванович Панин писал им в секретной записке: «Как не нужно торопиться указывать страны, которые именно хочется видеть, так равно не нужно восставать против воли, которую выскажут во время рассуждений с вами, так как после того, как уже уедете, можно будет с большею легкостью избрать одну дорогу вместо другой» (Шильдер. Изд. 1996. С. 150). Речь шла, разумеется, о дороге на Берлин — к великому Фридриху, для демонстрации и подтверждения союза с Пруссией. Несокрушимым упорством Никита Иванович несколько напоминал своего предместника: так же, как великий враг Фридриха, канцлер Бестужев-Рюмин, невзирая на меняющиеся обстоятельства, мертво держался за союз с Австрией, граф Панин защищал Северную систему. Но так же, как при начале царствования Екатерины сам Панин оттеснил старика Бестужева от иностранных дел, так теперь постаревшего Панина теснили своим греческим проектом молодые Потемкин и Безбородко. — Панину шел седьмой десяток, на него наступали болезни, годы его были сочтены, и его воспитанник поехал не в Берлин, а в Вену.

Для поездки именно в Вену, помимо общего ее смысла — укрепления добрососедских отношений — имелся один претекст: во время своего визита в Россию император Иосиф предложил Екатерине усилить их политический альянс брачным договором — выдать сестру Марии Федоровны Елисавету за своего племянника Франца. Таким образом, Австрия и Россия в силу женатости их наследников на родных сестрах приобретали бы степень родства, несравненно ближайшую, нежели нынешнее внучатое родство Павла и Марии Федоровны с Фридрихом. Пока визит в Вену готовился, Иосиф успел съездить в Монбельяр, к родителям Марии Федоровны и Елисаветы, чтобы получить согласие на брак и пригласить вюртембергское семейство к себе в Вену к тому времени, когда сюда придут Павел и Мария Федоровна.

Говорят, что сам Павел желал ехать за границу через Москву, сопрягнув с зарубежными визитами поездку по стране. Злые языки прибавляли, что ему хотелось еще раз увидеть в полной картине всенародную любовь — во время прежних пребываний в Москве вместе с матерью здешние подданные как-то особенно горячо и бурно приветствовали своего царевича. Естественно, Екатерина отказала: во-первых, расходов больше, во-вторых, неизбежно, что Павел стал бы вмешиваться не в свои де-

ла — то есть делать какие-нибудь свои повеления местным начальникам, и, разумеется, эти повеления непременно были бы некстати, не к месту и не таковы, как надо — как и всё, что он делал, когда делал что-то без санкций матери.

Екатерина определила другой, более прямой маршрут: через Псков — Полоцк — Могилев — Чернигов — Киев. Впрочем, без народной любви не обошлось: говорят, при виде проезжающего царевича народ толпами бежал навстречу и чуть не бросался под колеса экипажа (*Кобеко. С. 202*).

Дальнейший путь по Европе предполагал, кроме отдыха на родине Марии Федоровны — у ее родителей в Монбельяре — значительные остановки только в австрийских владениях или у родственников австрийского государя — в Вене великокняжескую чету принимал сам император Иосиф, во Флоренции — его брат герцог Тосканский Леопольд, в Версале — их сестра Мария Антуанетта. Вернуться они должны были туда же, откуда начинали свое знакомство с Европой, — в Вену.

Визит Павла и Марии Федоровны был неофициальным и, как обычно бывало в те времена, когда порфирородные особы отправлялись в заграничные вояжи, — они отправлялись инкогнито, то есть под псевдонимами: Петр Первый, бывало, ездил в Европу под именем Петра Михайлова, Иосиф приезжал недавно в Россию, называясь графом Фалькенштейном, Павел с возлюбленной женой именовались *граф и графиня Северные* (*Le comte et la comtesse du Nord*).

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ГРАФА И ГРАФИНИ СЕВЕРНЫХ В ЧУЖИЕ КРАИ

1781

10 (21) ноября. Вена. «<...> В Вене ожидали Марию Федоровну ее родители, прибывшие туда под именем графа и графини Гренингенских, брат ее Фердинанд и сестра Елизавета, вступление которой в брак с эрцгерцогом Францем было уже в это время окончательно решено <...>. Вечером вместе с императором посетили национальный театр <...>. Публика выразила свое удовольствие восклицаниями и рукоплесканиями, которые, по окончании спектакля, троекратно были повторены <...>.

11 (22) ноября. Вена. <...> Был при дворе многолюдный бал <...>.

14 (25) ноября. Вена. <...> После парадного обеда на придворном театре представлена была итальянская опера «Альцес-

та», а затем начался маскарад. Приглашено было до 3500 лиц <...>.

15 (26) ноября. Вена. <...> Император с высокими своими гостями ездил на охоту в загородный зверинец <...>» (*Кобеко. С. 209—214*).

И так далее. И проч., и проч., и проч. Новый бал. — Театр. — Фарфоровый завод. — Бал. — Театр. — Артиллерийские маневры. — Театр. — Бал. — Конногвардейский парад <...>. — «<...> У нас нет ни минуты свободной, все наше время занято <...>. Правду сказать, машина <государственная> такая величественная и так хорошо устроена, что она на каждом шагу представляет множество интересных сторон для изучения, в особенности, сравнивая с нашей. Есть и что изучать по моей специальности, начиная с самого главы государства» (*Павел — Остен-Сакену // Шумигорский 1907. С. 49—50*).

Ноябрь-декабрь. Вена. АНЕКДОТ: ГАМЛЕТ, ГРАФ СЕВЕРНЫЙ. «Предположено было сыграть в его присутствии в придворном театре «Гамлета», но актер Брокман отказался исполнить в трагедии свою роль, под тем предлогом, что в таком случае в зале очутятся два Гамлета. Император Иосиф пришел в такой восторг от своевременного исторического предостережения, сделанного предусмотрительным актером, что послал Брокману 50 дукатов в награду за счастливую мысль. Таким образом цесаревич лишен был случая увидеть на сцене бессмертное творение английского драматурга, а мы утратили возможность проследить впечатление, которое оно произвело бы, без сомнения, на неустанно работавшее болезненное воображение Павла; в России же в царствование императрицы «Гамлет» не появился на русской сцене»¹¹⁵ (*Шильдер. Изд. 1996. С. 158—159*; см. также: *Брикнер. Ч. 5. С. 766* — со ссылкой на письмо Моцарта к отцу).

24 декабря (4 января). «Поутру граф и графиня Северные оставили Вену <...>. Во все время пребывания в Вене графа и графини Северных император Иосиф старался быть с ними как можно любезнее и предупредительнее. Он оказал графу Северному доверие, сообщив ему о своем союзе с Екатериною, о чем Павел Петрович не имел до того времени точных сведений» (*Кобеко. С. 216*).

Путь их лежал в Италию.

1782

7 (18) января — 7 (18) марта. Венеция — Парма — Болонья — Рим — Неаполь — Рим — Флоренция. Во Флоренции графа и графиню Северных встречал герцог Тосканы Леопольд, брат

Иосифа Второго. Он уже получил письма Иосифа с инструкцией о правилах обращения с русскими высочествами. Иосиф писал:

«Великий князь и великая княгиня соединяют с не совсем обыкновенными талантами и с довольно обширными знаниями желание обозревать и поучаться и в то же время иметь успех и нравиться всей Европе <...>. Так как они не столько по характеру, сколько по обстоятельствам, несколько недоверчивы, то нужно заботливо избегать всего, что могло бы иметь вид уловки <...>. — Образ их жизни весьма правилен, а как притом здоровье великого князя не так крепко, как бы то было желательно, то должно заботливо избегать продолжительных вечеров и слишком частого утомления. Желательно бы было устроить так, чтобы они не были поставлены в необходимость выезжать ранее 9 или 10 часов утра, а тем более чтобы к 10 или 11 часам вечера они могли удалиться к себе <...>. — Знакомство с лицами, наиболее просвещенными и известными, составляет главный предмет их любознательности <...>. — Они соблюдают очень строго свое инкогнито; даже в частном разговоре не следует называть их иначе, как графом и графиней Северными <...>. — Хорошая музыка и хороший спектакль, в особенности если они непродолжительны и не затягиваются до позднего вечера, доставляют им, кажется, удовольствие <...>. — Они с интересом изучают общественные учреждения, как благотворительные, так и учебные <...>. — Военное и морское дело, конечно, составляет один из любимых предметов их занятий, точно так же, как и торговля, промышленность и мануфактуры. — Относительно стола они вовсе не требовательны; они любят простые, но хорошие блюда и в особенности компоты из фруктов; ничего не пьют, кроме воды <...>. Равным образом они не любят никакой игры <...>. — Великая княгиня прекрасно играет на фортепьяно; нужно постараться, чтобы в ее комнатах был хороший инструмент; она очень любит цветы — позаботьтесь, чтобы каждое утро ей был представляем свежий букет» (*Арнец. С. 332—334; Кобеко. С. 204—207*).

Герцог Леопольд в следующих словах дал своему брату, императору Иосифу, отчет о знакомстве своем с графом и графиней Северными:

«Граф Северный, кроме большого ума, дарований и рассудительности, обладает талантом верно постигать идеи и предметы и быстро обнимать все их стороны и обстоятельства. Из всех его речей видно, что он исполнен желанием добра <...>.

В его образе мыслей видна энергия. Мне он кажется очень твердым и решительным, когда остановится на чем-нибудь, и, конечно, он не принадлежит к числу тех людей, которые поз-

волили бы кому бы то ни было управлять собою. Вообще он, кажется, <...> будет строг, склонен к порядку, безусловной дисциплине, соблюдению установленных правил и точности. В разговорах своих он ни разу и ни в чем не касался своего положения и императрицы, но не скрыл от меня, что не одобряет всех обширных проектов и нововведений в России, которые в действительности впоследствии оказываются имеющими более пышности и названия, чем истинной прочности <...>. Упомянув о планах императрицы относительно увеличения русских владений насчет Турции и основания империи в Константинополе, он не скрыл от меня своего неодобрения этому проекту и вообще всякому плану увеличения монархии, уже и без того очень обширной и требующей заботы о внутренних делах. По его мнению, следует оставить в стороне все эти бесполезные мечты о завоеваниях, которые служат лишь к приобретению славы, не доставляя действительных выгод, а, напротив, ослабляя еще более государство <...>. Постоянно тревожила их участь их писем, и граф всегда думал, что их вскрывали и читали в Мантуе <...>. Они были очень обеспокоены тем, что со времени их отъезда из Вены не получали более писем от графа Панина, хотя писали ему каждую почту <...>. — Пребывание в Вене очень понравилось графине; что же касается графа, он не скрыл, что был доволен выездом оттуда и желал бы поскорее вернуться домой <...>. По этому случаю я должен предупредить тебя, что, рассуждая о делах, граф Северный <...> разгорячился и кончил, сказав, что мне, вероятно, известно, кто из петербургских должностных лиц куплен венским двором, что это мерзко, но что известны все подробности, сколько, когда и что именно получил каждый. Когда я начал его уверять, что ничего об этом не знаю, он отвечал:

— Так я знаю и могу назвать вам их имена. Это князь Потемкин, статс-секретарь императрицы Безбородко, первый член иностранной коллегии Бакунин, оба графа Воронцовы, Семен и Александр, и Морков, теперь посланник в Голландии. Я вам называю их: я буду доволен, если узнают, что мне известно, кто они такие, и лишь только я буду иметь власть, я их отстегаю (*je les ferai ausruthen*), уничтожу и выгоню. — Графиня подтвердила мне то же самое <...>.

Должен тебя предупредить, что граф и графиня не только ведут обстоятельный дневник своего путешествия, но каждый из них особенно отмечает в своей записной книжке все, что слышит и считает почему-либо важным. Например, когда речь зашла о будущем браке моего сына <Франца, жениха сестры Марии Федоровны>, они отыскивали свои записные книжки и прочли мне, что «император Иосиф сказал нам то-то и то-то,

подлинными словами, в такой-то день и час, при таких-то лицах, в такой-то комнате». Признаюсь, это меня удивило и заставило быть осторожнее в разговорах, тем более что, по их словам, они отмечают все это в видах будущего, дабы в случае надобности доказать, предъявляя эти заметки, если кто-либо вздумал переиначить смысл их слов или отказаться от своих. Они уверяли меня, что у них записано все, что ты говорил им» (*Арнец. С. 120—123; Кобеко. С. 221—225*).

Сильные описания, особенно Леопольдово: бывают же на свете проницательные люди, умеющие так объемно и притом немногословно, без реверансов и грубостей, очертить натуру первого встречного собеседника. Можно невольно зауважать герцога Тосканского за его дар психологического испытателя: ведь он наблюдал Павла очень недолгое время, а сумел вытянуть самые значащие сведения как о его характере, так и о характере его будущего царствования. Еще короче и пророчесственнее выразился только один из европейских наблюдателей Павла — премудрый Фридрих Прусский, заметивший в 1776 году, когда Павел приезжал в Берлин для знакомства со второй женой: «Слишком важен, заносчив и горяч¹¹⁶, чтобы удержаться на престоле народа дикого, варварского и избалованного нежным женским правлением, — он может повторить судьбу своего несчастного отца» (*Фридрих. Т. 6. С. 122*).

* * *

Из Флоренции граф и графиня Северные последовали в Ливурну, затем в Милан, в Турин и далее путь их лежал во Францию.

Беспокойство о своих письмах, которым граф и графиня Северные поделились с Леопольдом Тосканским, было бессмысленным: и их почта, и письма к ним просматривались прежде чем дойти до адресатов, и в конце концов совершилась история, после которой Павел имел все основания думать, что всякому, кто выказывает к нему преданность, и всякому, о ком он похвально говорит, — суждена неминуемая опала от Екатерины. — Это история бригадира Бибикова и князя Куракина.

Князь Александр Куракин, племянник Никиты Ивановича Панина, был выпрошен у Екатерины в свиту к их высочествам как друг детства и конфидент сегодняшнего дня. За свое сопровождение Павла по Европе Куракин заплатил по возвращении высылкой из Петербурга, хотя не он первый начал, а его приятель — Павел Бибиков. 1-го апреля Бибиков отправил из Петербурга с оказией письмо к Куракину в Европу. Письмо вез его знакомый капитан Гогель, едуший в отпуск за границу. В письме значилось:

«Князь! Прошу вас принять под свое покровительство вручителя сего письма <...>. Я ручаюсь за друга моего честью и головою <...>. Что касается до интересных обстоятельств, здесь происходящих, то я уверен, что друг мой привез вам письма, которые лучше меня изъяснят вам это; все, что я могу сказать, это то, что кругом нас совершаются дурные дела, и кто бы мог быть таким бесчувственным, чтобы смотреть хладнокровно, как отечество страдает. Это было бы очень смешно; но, к несчастью, разрывается сердце, и ясно во всей своей черноте грустное положение всех, сколько нас ни есть, доброммыслящих и имеющих еще некоторую энергию. — Дорогой князь, как вы счастливы, что находитесь в отсутствии и можете видеть все эти вещи не иначе, как издалека! Признаюсь вам, как человеку, которому всегда открывал свое сердце, что мне нужна вся моя философия, чтобы не бросить все к черту и не ехать домой садить капусту <...>. — Кривой <Потемкин>, по превосходству над другими, делает мне каверзы и неприятности, а я ——. Простите мне это слово; оно свойственно моему костюму; я недаром драгун. — Прощайте, любезный князь, повергните меня к стопам их императорских высочеств и удостоверьте их, что я был бы счастливейшим человеком на земле, если бы мог найти случай не словами, а делом доказать им свою привязанность и преданность к их особам <...>» (*Шумигорский 1892. С. 238—239*).

Капитан Гогель вез и другие письма за границу, в том числе от Никиты Ивановича Панина к Павлу. В Риге багаж Гогеля был секретно осмотрен, писем Панина не нашли, с прочих сняли копии. Гогель отправился далее, а копии, в том числе копия письма к Куракину, в Петербург.

Бибикова взяли в крепость. Следствие вел генерал-прокурор Вяземский с начальником Тайной экспедиции Шешковским. Бибииков чистосердечно отвечал на все 47 предложенных вопросов (составляла сама Екатерина) и клялся, что его слова о поисках случая «не словами, а делом доказать свою привязанность и преданность» написаны *по одной только французской экспрессии*, ибо «*привязанность*» *разумел он самое слово, а не дело*; божился, что слова о страждущем отечестве вызваны распоряжением Потемкина о переводе его, Бибиикова, полка из Новороссии в Воронеж; просил: что если откроется с его стороны какое-либо тайное умышление на особу государыни императрицы, то пусть его заточат в каменный столб; требовал наконец казнить себя.

Генерал-прокурор Вяземский, не найдя заговора, был разочарован. — «Надобно думать, — спрашивал он Бибиикова, — что вы повсеместно болтали с подобными вам молодыми людьми и

о правлении и о выходящих законах?» — Но Бибиков в покаянии был незыблем (*Шумигорский 1892. С. 237—245*).

Потемкин, получив от Екатерины ответы Бибикова, нашел только одно бешеное место, где Бибиков признавался, что «ежели князь Потемкин не будет в такой силе, как ныне, или прямо сказать, сломит себе голову, то полковая служба придет в лучший порядок». — Потемкин был вспыльчив, но добр и отходчив: «Моего мщения напрасно он страшится, — говорил он Екатерине, — ибо между способностями, которые мне Бог дал, сей склонности меня вовсе лишил. Я и тово торжества не желаю, чтоб он и прощения у меня публично просил. — Пусть он удовлетворит правосудие познанием Вашей милости, сравнивая суд Ваш с судом бывших Государей» (*Потемкин — Екатерине 15 апреля 1782. С. 719, 149*).

26 апреля (7 мая). Граф и графиня Северные находятся на пути в Париж.

28 апреля. Петербург. Полковника Бибикова решено выслать в Астрахань¹¹⁷.

7 (18) мая. Париж. Граф и графиня Северные остановились в доме русского посланника во Франции князя Барятинского. Видимо, в тот же день им отданы пришедшие сюда письма из России, в их числе письмо Бибикова Куракину.

9 (21) мая. Париж. Граф и графиня Северные представлены королю Людовику XVI-му и королеве Марии Антуанетте — сестре австрийского императора Иосифа. «Как я счастлив, — говорит в официальном приветствии королю Павел, — имея честь видеть Ваше Величество; в этом состоит главная цель приезда моего во Францию. Императрица, моя родительница, будет завидовать моему счастью, потому что в этом, как и во всем прочем, наши чувства согласны» (*Кобеко. С. 228*). Король говорит на ухо русскому послу: «Они прекрасны. Я очарован знакомством с ними и очень их люблю» (*Донесение кн. Барятинского в Петербург // Шумигорский 1892. С. 216*). «В тот же день путешественники и их свита обедали у короля, а вечером был концерт у королевы в зале Мира. Весь дворец был иллюминирован» (*Кобеко. С. 228*).

10 (21) мая. Париж. Князь Куракин пишет ответ полковнику Бибикову, соболезнуя его обидам на Потемкина.

15 (26) мая. Париж. Их высочества — в Comedie Française на представлении. Публика плещет им в ладоши, повторяя свои восторги северным гостям во все время спектакля (*Шумигорский 1892. С. 222*).

Около 16 (27) мая. Париж. Их высочества получают из Петербурга письмо от Екатерины, от 25 апреля, с рассказом о Бибикове и его «продерзостных поступках, кои суть пример не-

обузданности, развращающей все обязательства» (*Сб. РИО. Т. 9. С. 115*).

17 (28) мая. Париж. Князь Куракин пишет в Петербург, что он не имел никакого единомыслия с полковником Бибиковым.

23 мая (3 июня). Версаль. «Их высочества ездили в оперу <...>. Только что их высочества показались, публика с великим же восхищением паки плескала в ладоши» (*Донесение Барятинского в Петербург // Шумигорский 1892. С. 222*).

26 мая (6 июня). Версаль. Королева Мария Антуанетта устраивает праздник в честь графа и графини Северных. — Графиня Северная испытывает новое устройство: в прическу заложены бутылочки с водой, изогнутые вдоль головы и скрытые бриллиантами и цветами — вода все время поддерживала цветы в невянущем виде. — «Это было прелестно: весна на голове среди снегов пудры» (*Оберкирх. Т. 1. С. 260*).

Около того же времени. Петербург. Здесь получено сочувственное письмо князя Куракина из Парижа к полковнику Бибикову, от 10 (21 мая); за отсутствием адресата (выбыл в Астрахань) — прочитано.

30 мая (10 июня). Шантильи. Граф и графиня Северные — в гостях у принца Конде. — Фонтаны. — Сады. — Аллеи. — Обед во дворце. — Золотую и серебряную посуду после каждого блюда прислуга выбрасывает в окно — под стенами дворца ров с водой, откуда тарелки и кувшины вылавливают сетями. — Фейерверки. — Охота с факелами на оленей. — Ужин на острове Любви. — Графиня Северная получает букет из рук прелестного ребенка — внука принца Конде, герцога Энгийенского.

В Париже говорили, что король принял русского царевича по-дружески, а принц Конде — по-королевски. Через пятнадцать лет Павел оплатит принцу Конде по-царски, приняв его с семейством и военным корпусом на русское содержание, а через восемнадцать лет, начавши сближение с Наполеоном, лишит его этого содержания. — Такова политическая жизнь. Право, лучше обедать и только обедать, и между тихих радостей пицеварения не чувствовать ни минут счастья, ни мгновений разрушения жизни: мир хижинам на островах любви...

Король Людовик XVI-й был, в отличие от Леопольда Тосканского, человек малосообщительный. Он любил тихий комфорт и охоту. Лишь только от него, через семь лет, потребуются показать свою королевскую власть, он использует ее так, что ее тотчас ограничат конституцией, а когда, еще через два года после этого, сделает первое в своей жизни решительное движение — бежит из революционного Парижа — то и сам поплатится головой, и свою блистательную жену подведет под топор гильотины. — О визите графа и графини Северных в Версаль Лю-

довик XVI-й оставил потомству только несколько маловразумительных восклицаний, в том же духе, в каком они записаны в депешах князя Барятинского, да глубокомысленное замечание о том, что русский царевич лицом некрасив (*Кобеко. С. 235* — со ссылкой на мемуары Людовика XVIII). Сообразно сему и Павел не откровенничал с королевским семейством так же, как с Леопольдом, хотя, надо полагать, в частных беседах не мог не жаловаться на свою участь, как всегда жаловался, лишь только речь заходила о болезненных вопросах власти и повинования. Однако об этих жалобах сохранился только один анекдот.

АНЕКДОТ ПРО ПУДЕЛЯ. «Однажды он невольно проговорился о бесчеловечной политике русской царицы. На вопрос короля, неужели в его свите нет ни одной персоны, преданной ему, царевич воскликнул: — Ах! Я бы очень досадовал, если бы в моей свите был даже пудель, верный мне, потому что мать моя велела бы его утопить тотчас после моего отъезда из Парижа!» (*Из письма Марии Антуанетты — Иосифу II 16 (5 июля) 1782 // Мария Антуанетта. С. 102*)

Конечно, Павел гипертрофировал свою участь: хотя сопровождающие его персоны и были подобраны, за исключением князя Куракина, Екатериной, именно лица из этой свиты — такие, как фрейлина Нелидова, капитан-лейтенант Плещеев или камер-юнкер Вадковский, — составят в следующие четырнадцать лет ближнее общество великого князя в Павловском и в Гатчине, а значит, почти все они пользовались его доверием — разумеется, в той мере, в какой можно быть доверенным лицом у нервного человека, способного непредсказуемо подозревать обман и предательство в поступках самых близких людей. После семейных катастроф, подобных происшедшей с Павлом в его первом браке, страх измены уже никогда не покидает человека, и чем больше он станет доверяться новым конфидентам, тем страшнее будут его предчувствия на их счет.

Однако даже если в свите Павла и были особы, от которых Екатерина ожидала детальных докладов о его благонамеренности, эти люди никогда не стали бы делать себе зла и сообщать императрице о чем-то таком, что могло бы посеять новые ее недовольства сыном, — рукописи доносов ведь не всегда горят, а Павла пока никто не лишал наследства, и случись ему получить власть, найдутся добрые люди, которые предоставят ему сегодняшний донос о нем. Да и, к слову сказать, русский подданный за границей, если у него есть деньги, — совсем другой русский, чем дома: тут он в гостях, тут ему все рады, тут никто не интригует против него, тут его жизнь протекает празднично и бездумно — он чувствует себя на воле и проникается духом безнаказанности.

«Не одни праздники останавливали на себе внимание высоких путешественников. Академии, музеи, библиотеки, благотворительные учреждения, больницы, ничто полезное и поучительное не было оставлено ими без осмотра и подробного и тщательного изучения. Ученые, писатели, художники были постоянно членами их общества. Бомарше читал в их присутствии свою «Свадьбу Фигаро», еще не появившуюся в то время в печати. Описания пребывания их во Франции полны похвал их познаниям, находчивости и умению держать себя соответственно лицам и обстоятельствам <...>. Граф Северный <...> имел вид, что знает французский двор как свой собственный. В мастерских художников Грёза и Гудона он показал такие сведения в искусстве, которые могли сделать его одобрение для них более ценным. В наших лицах, академиях своими похвалами и вопросами он доказал, <...> что он давно знал всех людей, просвещенность или добродетели которых делали честь их веку и их стране» (*Из писем барона Гримма к Екатерине // Кобеко. С. 233—234*).

7 (18) июня. Граф и графиня Северные выезжают из Парижа. «И все генерально говорят сими словами: — Как мы их любим и как горюем об их отъезде!» (*Донесение кн. Барятинского в Петербург // Шумигорский 1892. С. 222*). — «Признаюсь, что известия об их успехах превзошли мои ожидания» (*Екатерина II — барону Гримму 9 июня 1782. — Сб. РИО. Т. 23. С. 241*).

«Оставив 7 июня Париж, высокие путешественники <...> через Орлеан, Тур и Анжер прибыли в Брест, где посвятили два дня на осмотр флота и морских учреждений первого портового города Франции <...>. — Затем через Ренн, Амьен и Лилль граф и графиня Северные переехали в Австрийские Нидерланды <...>. В Голландии граф и графиня Северные не преминули посетить Саардам. Они пожелали видеть те два элинга, на которых Петр Великий работал простым плотником, и дом, в котором он жил <...>. В Лейдене Павел Петрович посетил университет. Обращаясь к встретившим его профессорам, он сказал, что им обязан тем, что, благодаря их трудам, многие из его соотечественников сделались способными служить с пользою своей родине. Присутствие князя Куракина, воспитывавшегося в Лейденском университете, придало особое значение этому отзыву» (*Кобеко. С. 237—239*).

29 июня (10 июля). Брюссель. Нельзя исключать, что в этот день — день святых апостолов Петра и Павла — граф и графиня Северные хотели бы отслужить заупокойную панихиду по императору Петру Третьему, отрешенному от престола ровно 20 лет назад. Может быть, в этот день вспоминали, что скоро в Петербурге откроют памятник Петру Первому — возле здания Се-

ната: Петр на коне, с простертой вдаль рукой (работа Фальконе), на постаменте надпись: *Петру Первому — Екатерина Вторая*. Наверное, также само пребывание в краях, где 85 лет назад работал простым плотником Петр Первый, навевало бессознательное желание думать о сопряжении далековатых по хронологической оси, но смежных в памяти происшествий. Может быть, это желание невольно передалось обществу, в котором граф и графиня Северные проводили вечер того дня, и посему разговор зашел о призраках, привидениях и прочих таинственных персонах.

«Каждый рассказывал свою историю. Один великий князь не приносил ни слова.

— Неужели, государь, вам нечего вспомнить? — спросил его принц Де Линь. — Разве в России не случается чудес?

Великий князь покачал головой:

— Куракин свидетель, что и я мог бы кое-что рассказать. Но я стараюсь удаляться от подобных воспоминаний — они имеют слишком сильную власть над человеком.

Никто не проронил ни слова, и Павел, взглянув на Куракина, спросил:

— Не правда ли, Куракин, со мной произошла странная история?

— Истинно странная, государь, такая странная, что при всем высокопочитании ваших речей я не могу считать ее ничем иным, как произведением Вашего необычайного воображения.

— Нет! Это правда, это подлинное происшествие, слишком подлинное... Я мог бы рассказать, милостивые государи, но только при условии, — добавил великий князь, улыбаясь, — что это будет *дипломатический секрет*. Мне не хотелось бы, чтобы вся Европа судила обо мне по истории о встрече с призраком.

Все дали слово, и великий князь начал свой рассказ:

— Как-то в поздний час, после одного славно проведенного вечера, мы с князем Куракиным решили побродить по Петербургу инкогнито. Взяли с собой двух слуг и вышли из дворца. Была весна. Тепло. Светлая ночь. Луна. Нам было весело, и мы не думали ни о чем важном. Один из слуг шел впереди, за ним — я, за мной — Куракин, второй слуга следовал позади. Мы шли и беспечно болтали. Луна сияла так ярко, что можно было читать. Вдруг, в глубине одного из подъездов я увидел фигуру человека довольно высокого роста, худощавого, в испанском плаще, закрывавшем ему нижнюю часть лица и в военной шляпе, надвинутой на глаза. Казалось, он кого-то ждал. Когда мы проходили мимо него, он выступил из глубины подъезда и молча пошел слева от меня. Лицо его было скрыто тенью от шляпы, и я не мог разглядеть его черты. Зато шаги он печатал

по мостовой так громко, что, казалось, камень бьется о камень. Сначала я очень удивился; потом почувствовал, что левый бок мой замерзает, словно незнакомец сделан из льда. Стуча зубами от холода, я оборотился к Куракину и сказал:

— В нашей компании прибавление!

— Какое прибавление? — спросил Куракин.

— А вот этот, что идет слева от меня, и притом, кажется, довольно громко идет.

Куракин присмотрелся и отвечал, что никого не видит.

— Да вот же! В плаще, слева, между мной и стеной!

— Ваше высочество, вы идете вплотную со стеной дома, там ни для кого нет места!

Я протянул руку и, в самом деле, тотчас коснулся камня. Но притом я по-прежнему явственно различал незнакомца и слышал грохот его шагов. Я стал смотреть на него пристально: его глаза сверкали из-под шляпы завораживающим нечеловеческим блеском, и я не мог отвести от них своего взгляда.

— Куракин, — сказал я. — Не могу изъяснить, но это очень странно. — Я дрожал все сильнее и чувствовал, как стынет кровь в моих жилах. Вдруг незнакомец позвал меня глухим и печальным голосом:

— Павел!

Влекомый какой-то могущественной силой, я машинально ответил:

— Что тебе надобно?

— Павел! — повторил он, теперь, однако, голосом несравненно более мягким, но тем же печальным тоном. Я молчал. Он опять позвал меня по имени и вдруг остановился на месте. Я тоже остановился, словно наткнулся на невидимую преграду.

— Павел! Бедный Павел! Бедный царевич! — сказал призрак.

Я обернулся к Куракину:

— Ты слышишь?

— Ничего, государь, ничего не слышу!

А я слышал... Голос его и сейчас чудится мне. Я превозмог себя и опять спросил:

— Что тебе надобно? Кто ты таков?

— Бедный Павел! Кто я таков? Я часть той силы... я тот, кто хочет тебе добра. Чего мне надобно? Прими мой совет: не привязываться сердцем ни к чему земному, ты недолгий гость в этом мире, ты скоро покинешь его. Если хочешь спокойной смерти, живи честно и справедливо, по совести; помни, что угрызения совести — самое страшное наказание для великих душ¹¹⁸.

Он опять двинулся вперед, пронзив меня тем же всепроникающим взглядом из-под шляпы. Я последовал за ним, движи-

мый неведомой силой. Он молчал, я тоже молчал. Куракин и слуги шли за мной. По каким улицам мы проходили, я не понимал и впоследствии времени вспомнить не мог...

— Посмотрите на его улыбку, — прервался великий князь, указывая на Куракина, — он до сих пор полагает, что все это мне приснилось. Нет!..

— Итак, — продолжал Павел, — мы шли не менее часа и, наконец, оказались перед зданием Сената. Призрак остановился:

— Прощай, Павел! Ты меня еще увидишь. Здесь, на этом месте.

Шляпа его сама собою приподнялась и открыла лоб. Я отпрянул в изумлении: предо мною стоял мой прадед — Петр Великий. Прежде чем я пришел в себя, он исчез бесследно.

Великий князь замолк.

— И вот теперь, — продолжил он, — на том самом месте императрица Екатерина воздвигает монумент: цельная гранитная скала в основании, на ней — Петр на коне, и вдаль простерта его рука. Заметьте, я никогда не рассказывал матери о своей встрече с прадедом и никому не показывал этого места. Куракин уверяет меня, что я заснул во время прогулки. А мне — страшно; страшно жить в страхе: до сих пор эта сцена стоит перед моими глазами, и иногда мне чудится, что я все еще стою там, на площади перед Сенатом. — Я вернулся во дворец с обмороженным боком, в полном изнеможении и едва отогрелся. Вы удовлетворены моей исповедью?

— Какую же, государь, мораль можно вывести из сей притчи? — спросил принц Де Линь.

— Очень простую. Я умру молодым» (*Оберкирх. Т. 1. С. 329—334*).

Это вторая после инструкции невесте и последняя из известных нам исповедь Павла: еще одна матрица его жизни и царствования.

Даже если почесть эту историю только лукавой мистификацией, она дает достаточное самописание, состоящее из лаконического определения смысла жизни («жить честно и справедливо, по совести»), указания на великое наследство (правнук Петра Первого), жалобы на несбывшееся предназначение («умру молодым») и диагноза собственной болезни («страшно жить»).

Павлу всегда очень хотелось походить на прадеда, и сама его неутомимая любознательность во время путешествия по Европе шла, конечно, не только от собственной его энергичной натуры, но была также воспроизведением неутомимой любозна-

тельности Петра Первого, тоже когда-то путешествовавшего по Европе и привезшего оттуда в Россию новую государственность, — воспроизведением, так сказать, сублимированным: очищенным от варварской грубости прадеда. Павел был вторым после Петра представителем русского царского дома, приехавшим в европейские страны, — никто из русских царей, цариц и их наследников и наследниц не ездил вослед Петру с визитами на Запад. И все это, конечно, в глазах Павла придавало особый статус его вояжу.

Но все на Западе видели неверность его судьбы, и прием, которого он удостоился в Европе, являлся выраженным через его персону знаком европейского высокопочитания опасной русской императрицы. Он чувствовал это и искал любые способы возрасти в глазах своих европейских наблюдателей, в том числе такие, как история о встрече с призраком.

Однако история эта, даже если делать скидку на двойную неточность ее пересказа — сначала неточность мемуаристики при записи воспоминания молодости, а затем неточность переводчика при переложении этой истории с французского — так вот, даже с такой скидкой история эта выглядит все-таки очень мало похожей на продуманную мистификацию, несмотря на улыбку Куракина во время речи Павла. Как-то слишком все серьезно высказано — непонятно, где искать проблеска иронии — признака игры.

Особенно же угрюмо серьезен финал: о страхе жить и о ранней смерти — как-то уж очень живо проблескивает здесь не ирония, а чувство реально, мистически ощущаемой щели, сквозь которую душу пронизывают лучи из запредельных высот.

«Бывший при воспитании Павла профессор Эпинус говаривал: — Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке. Порвется эта ниточка; машинка завернется, и тут конец и уму и рассудку» (*Греч. С. 315*). — После истории о встрече с Петром Первым так и кажется: вот-вот оборвется ниточка, и завернется машинка, позволяющая различать происходящее по эту и по ту сторону. Но ведь мы знаем, что в таком состоянии — на грани обрыва — ниточка так и останется; может быть, она натянется слишком упруго, но, вопреки всем прогнозам и диагнозам, ничего иного не произойдет: вокруг Павла появятся новые вещи и люди, прибавятся новые персонажи, и сквозь щель из потустороннего мира вослед прадеду станет заглядывать Архангел Михаил; усилятся страхи — и это понятно: лишь только Павел выйдет из замкнутого мира Гатчины на всероссийский трон, увеличится число людей, его окружающих, готовых обмануть, изменить, предать; требование *жить честно и справедливо, по совести* превратится из правила

личного, частного поведения угрюмого царевича в закон жизни для подданных грозного царя. Но все это будут только количественные изменения. По существу не изменится уже ничего, ибо люди не меняются.

И посему после этой брюссельской исповеди Павла можно было бы ставить точку в нашем рассказе, независимо от того, умрет он молодым или будет убит в зрелом возрасте.

Все уже рассказано. Все ясно. Какую бы тайну ни представлял собой человек — если долго исследовать его тайну, в конце концов выяснится, что самыми верными были первые впечатления от знакомства с ним, а само исследование дало только ряд иллюстраций, подтверждающих это впечатление. — Строго говоря, осталось перечислить только некоторые события, происшедшие после 29-го июня 1782 года — и то лишь затем, чтобы у читателя не оставалось досады на внезапную развязку: во-первых, сообщить, что памятник Петру Первому — с вдаль простертой рукой, на коне, на гранитной скале, — был открыт через месяц с небольшим после того, как Павел рассказал свою таинственную историю; во-вторых, довести отрывки из путешествия графа и графини Северных до их возвращения на родину и, в-третьих, добавить несколько сведений о том, как они прождали еще четырнадцать лет наступления 7-го ноября.

* * *

Путешествие их в ту минуту, когда мы прервались для видения о Петре Первом, уже подходило к концу. Из Голландии они проехали по некоторым владениям мелких германских герцогов и принцев, заглянули в Швейцарию и после месячной идиллии на родине Марий Федоровны в Монбельяре, в окружении многочисленной ея родни, осенью отправились домой: Штутгарт — Вена — Краков — Гродно — Митава — Рига. Двести сундуков со шляпками, платьями, лентами, газом, брошками, бусами, серьгами, книгами, мебелью и живописными полотнами, приобретенными во время пути, следовали долгим обозом позади.

20-го ноября, в воскресенье, они вернулись в Петербург под легкую метель и тихий морозец. А может быть, под тихую метель и легкий морозец. А может быть, снег еще не выпал и дорога утопала в слякоти. Так тоже бывает 20-го ноября по нашему календарю. В Европе стояло уже 1-е декабря. Но главное не погода, а состояние души.

Разочарования и обиды начались в первый же вечер:

— Екатерина встречает детей по-домашнему: ни фейерверков, ни иллюминаций, ни триумфальных арок, — словом, совсем не так, как Иосиф или Людовик;

— князь Куракин немедленно выслан в свое имение — в Саратовской губернии село Борисоглебское, без права выезда — за злоумышленное согласие с полковником Бибиковым (впоследствии по усиленной просьбе Павла ему разрешили приезжать в Петербург раз в два года);

— Павел перестает приглашать к себе графа Никиту Ивановича Панина и бывать у него, чтобы не навлечь подозрений на учителя и не подвергнуть участи, подобной куракинской;

— Мария Федоровна оскорблена указами императрицы против ношения роскошей — запрещалось являться ко двору в платьях из парчи, делать на платьях накладки шире двух вершков, ставить прически выше двух вершков и проч. — «Мария Федоровна (в то время 23-летняя женщина), огромные волосы которой в то время славились, должна была подстричь их, что, разумеется, было ей очень горько, и она даже плакала» (*Из воспоминаний фрейлины Алымовой (Ржевской) // РА. 1877. Кн. 3. С. 337—338*);

— по придворным закоулкам ползет слух: будто Екатерина хотела по возвращении Павла из путешествия устранить его от престолонаследия (см. депешу английского посланника Гарриса от 6 декабря 1782: *Кобеко. С. 272*).

Итоги путешествия в чужие края: «Если чему обучило меня путешествие, то тому, чтобы в терпении искать отраду» (*Павел — о. Платону // РА. 1887. Кн. 2. С. 30*).

1783

Весна началась с двух кончин — 31-го марта умер граф Никита Иванович Панин, 12-го апреля — князь Григорий Орлов.

Двадцать один год состязались они у трона Екатерины, то помыкая ею при временных победах друг над другом, то подчиняясь ее воле и делая вид, что готовы друг с другом сотрудничать.

Смерть их, одного вслед другому, как будто нарочно припала на минуты победного присоединения Крыма новым хранителем престола — Потемкиным: 8-го апреля Екатерина выдала указ о превращении заветного полуострова в провинцию Российской империи.

В таких случаях принято говорить: кончилась эпоха. Смерть Григория Орлова случилась, в общем-то, неожиданно, хотя и ясно было, что он не жилец на этом свете: последнее время он проводил в угрюмом сумасшествии. Смерть Никиты Ивановича Панина ожидалась: он был на пятнадцать лет старше Орлова, болен, и ему шел уже 65-й год.

Он умер от паралича: «Накануне горестного сего происшествия был он здоровее и веселее обыкновенного; но поутру в четыре часа, ложась в постель, вдруг лишился он языка и памяти поражением апоплексическим <...>. Через несколько часов скончался он в глазах возлюбленного питомца своего <...>. В тот момент, когда душа его разлучилась с телом, великий князь бросился пред ним на колени и целовал руку его, орошая ее горчайшими слезами <...>. Погребение его было 3 апреля. Вынос тела удостоен был присутствия его императорского высочества. Прощаясь в последний раз со своим другом и воспитателем, поцеловал он руку его с таким рыданием, что не было человека, которого бы сердце не растерзалось жалостью <...>» (Д. И. Фонвизин. С. 187—188). — За два дня до смертного удара Павел, будто предчувствуя, нарушил зарок — не бывать у Никиты Ивановича, чтобы не навредить, — и приехал. И они весь вечер проговорили, и Никита Иванович завещал своему питомцу непрменные законы с разделением властей, и Павел записал их разговор в «Рассуждении вечера 28 марта 1783 года».

Кончилась эпоха посягновений на волю монаршую, эпоха, открытая в январе 1730 года пунктами Верховного совета, предъявленными Анне Иоанновне. Следующую такую эпоху начнет царствование благословенного Александра Павловича — но то будут уже иные времена и совсем другие люди.

Кончилась эпоха — настала новая: недели за три до кончины Никиты Ивановича в охрану и подчинение Павла была назначена военная команда из шестидесяти человек, и ему было разрешено самому следить за исполнением их караульной службы. Отчасти следуя своим воспоминаниям о воинах великого Фридриха, отчасти влекомый наследственными, отцовскими инстинктами, отчасти ревнуя прадеду, начинавшему царский путь с потешных батальонов, Павел немедленно стал погружаться в поэтику единоначалия, воинской дисциплины и парадного фрунта. Скоро все свои утренние часы — от рассвета до полудня — он будет посвящать строевым учениям, а в дни маневров будет посвящать маневрам дни напролет.

« — Слу-шай!

Флигельман выходит перед фрунтом, оборотясь так, чтоб все три шеренги видели, как он показывает темпы заряжения и пальбы.

Дует ветер. Снег скрипит. Серенькие тучи. Солнце жарит. Зной. Дождь. Метель. Стужа. Для военной службы нет плохой погоды:

— Ди-визио-о-он!

— К за-ряду!

- Шар-жируй!
- О-обороти ружье!
- Шомпол!
- Бей!
- Вложь!
- На пле-чо!
- К па-альбе диви-зио-о-ном!
- Товвьсь!
- Пли!

Клацают затворы, щелкают курки.

Снег. Дождь. Ветер. Зной. Выюга.

— Р-раз! Р-раз! Р-раз, два, три! Л-левой! Л-левой! Выше носок, р-ракальи! Тяни ногу! Р-раз, р-раз...

— А-атставить!» (Я. С. 140—141).

В Гатчине до сих пор высится сакральный центр Павловой жизни: поставленный в 1792-м году пятнадцатисаженный обелиск — памятник давнопротекшему времени, назидание потомкам; называется *конетабль* — брусообразно-пирамидальный столб, не поддающийся разрушению¹¹⁹. Когда-то возле обелиска стояла стена с начертанными на ней солнечными часами, на которых тень конетабля отмеряла время суток, а вокруг была ограда с шестью пушками (*Лансере. С. 44*). — Теперь там нет ни стены, ни ограды, ни вахт-парадов. Остался только сам конетабль — священный пуп здешней земли.

* * *

В 1784-м году по идее Потемкина была сделана реформа армейского обмундирования: «Перед сим гренадеры имели старинные гренадерские шапки; мушкетеры, кавалерия и артиллерия носили шляпы; вся армия причесана была с буклями, длинными косами и пудрою, что особливо было тягостно для нижних чинов <...>. По введенной же светлейшим князем реформе у всей армии волосы были острижены в кружок, как можно ниже; вместо шляп и гренадерских шапок даны легкие каски с плюмажем из шерсти <...>. Вместо долгополых мундиров сделаны были куртки; вместо коротких штанов чикчиры сверх сапог <...>. На лето все нижние чины имели кители из фламского полотна с широкими шароварами <...>. Когда его светлость представил на утверждение императрицы доклад, то надписал: солдатский наряд должен быть таков — что встал, то готов» (*Энгельгардт. С. 241—242*).

Павел не только ничего не стал менять в обмундировании и прическах своей команды, но, словно в вызов Потемкину, усилил анахронизмы, сделав похожесть своих солдат на солдат Фридриха неотличимой. Придворные Екатерины, попадавшие

в Павловское и Гатчину по долгу службы, бывали изумлены: «Одежда и прочий прибор сих солдат суть точь-в-точь такие, как будто оные нарочно сюда из Пруссии выписаны были. Рядовые употребляют старинного прусского фасона гренадерские колпаки, красные галстуки, прусского покроя кафтаны, камзолы, штаны и черные штиблеты. Унтер-офицеры одеты так же <...>. Офицеры <...> носят мундир самого темнейшего цвета зеленого сукна, шляпы с узеньким, в палец ширины, позументом <...>. Выписанный из прусской службы офицер, служащий теперь в здешней капитаном, здесь командует» (*Гарновский. № 5. С. 2—3*).

Капитан этот прусский имел фамилию Штейнвер, и, по преданию, Павел говорил про него: «Этот будет у меня таков, каков был Лефорт у Петра Великого» (*Шильдер. С. 192*).

В 1785-м году военная команда Павла, по разрешению Екатерины, увеличилась и наименовалась Баталионом Его Императорского Высочества, из пяти рот состоящим.

Императрица, вероятно, была довольна тем, что сын нашел себе дело по душе. Наверное, она уже начинала обдумывать, каким образом обставить отрешение Павла от наследования и передачу трона внуку Александру. Может быть, ей чудилась идиллия: отрешенный сын продолжает играть в солдатики, провозглашенный внук разделяет с ней трон.

Она, действительно, наверное, считала, что сын ее должен быть доволен своей судьбой: окружен почестями, имеет полную свободу в границах Павловского и Гатчины, наконец дорвался до любимого дела: пусть удовлетворяет волю к власти над своим батальоном. Что еще-то надобно?

Повторялось пройденное при последних годах Елисаветы Петровны: отстранение законного наследника от соправительства, дарование ему военной команды и настойчивое желание избавиться от мыслей, что с ним делать дальше.

Понятно, что от получения под свою команду одного батальона воля к власти может только разжечься, а обида на жизнь возрасти, и по немногим сохранившимся письмам Павла к доверенным персонам легко увидеть, как мало что изменилось в его самочувствии после путешествия: «Мне тридцать лет, а дела нет. Впрочем, я полагаюсь на Промысел Божий и тем утешаюсь <...>. Мое спокойствие основано не только на покое, окружающем меня в моих владениях, но, главное, — на моей чистой совести <...>. Это меня утешает, возвышает и наполняет терпением, которое посторонние принимают за угрюмство нрава» (*Из писем к Н. П. Румянцеву 10 июня и 27 февраля 1784 // Шумигорский 1892. С. 270*).

Когда весной 1784 года в Петербурге раздался слух о новом

путешествии великого князя, он только саркастически заметил: «Это, наверное, путешествие *in partibus infidelium* <в изгнание>: я не вижу ни необходимости в нем, ни его возможности, разве что это будет путешествие в Индию или на острова для моего исправления» (*Шумигорский 1907. С. 55*).

Как была бы, наверное, успокоена Екатерина, если бы ей принесли однажды копию перлюстрированного письма сына, в котором были бы, например, такие строки: «<...> мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих, в моих глазах, медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями; а, между тем, они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Попов, Безбородко, оба Салтыковы, Морков и множество других <...>. Одним словом, я сознаю, что не рожден для такого высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал клятву себе отказаться <...>. — В наших делах господствует невероятный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления? <...> Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща <...> поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы» (*Корф. С. 310—311*).

Но не было императрице Екатерине покоя до самой кончины, ибо эти строки принадлежат перу ее возлюбленного внука Александра и писаны в те самые роковые минуты 1796 года, когда Екатерина уже безвозвратно определила его восшествие на престол вместо Павла. — Павел никогда не написал бы ничего подобного. В той же степени, в какой его сын страдал от необходимости ежедневно пачкаться в грязи политических интриг, он был снедаем жаждой расчистить эту грязь, и ум его судорожно метался в бездействии пустом.

Людей, попадающих в такое жизненное положение, в каком оказались Павел и его сын, впоследствии станут называть *лишними*. Разница между Павлом и Александром — и теми, кого новые поколения назовут этим словом, только в одном пункте:

те лишние люди были люди частные, не порфирородные, и, следовательно, жизнь их не была подвержена такому и явному и негласному надзору, каким пронизывались жизни Павла и Александра в бытность их наследниками. Те могли выйти в отставку и, никого не спрашиваясь, отправиться если не на берега Рейна, то, по крайней мере, в Москву, или в свою усадьбу, или наконец в путешествие по родной стране, и никто бы не стал удерживать их в Петербурге для обязательного присутствия на придворных балах, куртагах и приемах.

Впрочем, было бы слишком сильной гиперболой сказать, что Павел проводил дни в сугубой рефлексии о несбываемомся предназначении. Рефлексия разъедала его жизнь, но так же, как у настоящих лишних людей следующего столетия, многие события повседневной жизни рефлексию рассеивали. Были придворные, общеобязательные выходы — на них персоне Павла отводилось почетное место главной декорации: каждое воскресенье и каждый большой праздник (то есть в общей сложности раз семьдесят в году) совершался торжественный выход Екатерины в придворную церковь: в одиннадцать утра растворялись двери тронной залы Зимнего дворца, и императрица в сопровождении великокняжеской четы, Потемкина и всего придворного причта важно и милостиво шествовала сквозь ряды иностранных министров и первых чинов государства. Каждое же воскресенье при дворе происходил бал, открываемый менуэтом Павла и Марии Федоровны. В новый год, в масленицу и в прочие свободные от постов дни бывали маскарады, а само придумывание маскарадных нарядов, не говоря уже о маскарадных веселостях, как известно, очень способствует рассеянию. В будние дни раз в неделю у Екатерины в Эрмитаже собиралось без этикета избранное общество. А к сему еще следует прибавить спектакли придворные и домашние. А к сему напомнить, что сам Павел дважды в неделю давал балы — в понедельник в своем доме на Луговой Миллионной, а в субботу во дворце на Каменном острове¹²⁰. А к сему надо дополнить, что в домашнем кругу Павла и Марии Федоровны делались собственные домашние спектакли, и сам Павел помогал их устраивать и с веселием смотрел: «Любезен, умен, насмешлив, он не чуждался общества, охотник был до театра и всякой забавы» (*Долгоруков. С. 56*).

Увы, однако: в великокняжеском обществе не нашлось никого, кто сообразил бы, подобно Семену Порошину, вести журнал игр и смехов, творившихся в Павловском и Гатчине, и живые впечатления их участников так и растаяли в том времени, когда эти игры и смехи животворились. Все заслонило страшным, грозным образом Павлова царствования. — Это очень на-

турально: мы умеем хорошо рассказывать только о плохом, а о хорошем рассказываем обычно плохо. Видимо, радость жизни не поддается словесному воспроизведению, и не выработан еще слог, чтобы передать эту праздничность, это смутное, волнующее порхание быстропролетающих минут, эту естественность собственных движений, этот пьянящий воздух молодости, в котором оживаешь, забывая о тревогах грядущего дня. — Нет такого слога, да и не нужен он, ибо невыразимо ощущение праздника, и если бы Павел был частным лицом, не было бы счастливей его человека, ибо жил он, утопая в обворожениях молодости.

1787

Но он не был частным лицом, и счастье его жизни осталось за пределами его истории.

Караульная команда год от года преувеличивалась. В 1787-м году в ней стало 360 человек, и они составили три батальона. В Павловском была учреждена артиллерия — 20 пушек — они действовали дважды в сутки: первым выстрелом подавался знак к обеду, вторым — означалась минута, когда надлежало садиться за стол. На гатчинских Белом и Черном озерах оборудован причал для судов, и началось строительство флотилии. — Недоставало только Балтийского озера.

На гатчинское воинство из Петербурга и Царского Села смотрели с сатирической иронией — так, бывало, смотрели из Кремля на потешные полки Петра Великого.

Но от исторических аналогий не всегда производится результат. Блиц-поход трех батальонов на Царское Село или на Зимний дворец исключался даже теоретически: Павел никогда бы не посягнул на переворот. Поход гвардии на Павловское и Гатчину тоже был невозможен: Екатерина оставалась умной женщиной и вполне осязала законопослушность сына. Значит, результат от гатчинской команды мог ожидаться только когда Екатерина умрет, а ее близстоящие начнут гвардейский переворот. Но в 1787-м году Екатерине исполнилось только пятьдесят восемь — она была крепка, бодра, колики еще не мучили, и 20-летние фавориты переменялись каждые два-три года. Неизвестно еще было, кто скорее умрет. Посему Павлу необходимо нужен был хоть какой-то результат *сейчас*: пусть его век будет короток, да хоть чем-то славен.

И лишь только началась новая турецкая война, он сказал матери, что хочет отправиться на театр действий волонтером. Это была вторая попытка — первую он предпринял весной

1783-го, после того, как Потемкин ввел наши войска в Крым. — Тогда все кончилось слишком быстро. Теперь, в 1787-м, война ожидалась не менее победоносная, но затяжная, и Павел непременно хотел там быть. Мария Федоровна сказала, что поедет с ним. Решили, что она остановится в крепости св. Елисаветы, а он отправится в действующую армию и временами будет отлучаться от боевых предприятий на свидания с женой.

Очевидно, что Екатерину этот их вояж должен был раздражать: сын, едва лишь попадет на волю, начнет вмешиваться в дела Потемкина — главнокомандующего нашими армиями, станет учить генералов, как воевать, и в конце концов будет чувствовать себя оскорбленным оттого, что его не слушают; а путешествие невестки, в ее очередном беременном положении — и вовсе блажь: что она там станет делать, при ее привычках к роскошам и уютам? Или она думает, что ей там аллеи приготовлены для гуляний?

Словом, ничего, помимо дурости безрассудительной, не могла видеть императрица Екатерина в намерениях сына и невестки — тяжелый багаж. И, разумеется, во-первых, сказала, что беременным женщинам на войну ездить не следует, а, во-вторых, посоветовала сыну отложить волонтерство до разрешения жены. — Ждать надо было до мая следующего года, и это, при быстром нраве Павла, было бы пыткой хуже дыбы. Он стал настаивать, и к новому году Екатерина сказала, что пусть делает, как хочет. Экипажи и квартирмейстеры были посланы, и Павел стал готовиться к отъезду.

Он написал семь памятных документов — три на тот случай, если он погибнет, четыре — на тот случай, если во время его отсутствия умрет Екатерина.

Со стороны это все походит на игру: наследник престола едет добровольцем на войну, со всей очевидностью понимая, что дальше штабной палатки, установленной в глубоком тылу, он не проедет — первый же генерал сделает все возможное, чтоб избежать наказания за его допущение на поле боя, ибо жизнь наследника есть драгоценное достояние государства. Конечно, можно предполагать, что он этого не понимал и думал биться в передовых рядах. Только, кажется, такое предположение еще более дико, чем само желание ехать в действующую армию, ибо тогда действительно нам придется признать его невменяемым. Нет! Мы продолжаем считать его вполне разумным существом. Ниточка не оборвется — ее перережут 12-го марта насильственно. Он понимал, что делал — ему надо было напомнить о своем существовании Европе, и вояж на войну есть акт такого напоминания.

Но при всем этом он сохраняет детски-трогательное чувство

неизбывной значительности совершаемого акта. Ему, наверное, на самом деле мерещится смерть от шального ядра или случайной пули. — И вот он в здравом уме и полной памяти оставляет семь завещаний, дает их прочитать, усвоить и спрятать своей верной, плачущей в ожидании разлуки жене.

1788

4 января.

<№ 1>. НА СЛУЧАЙ ТОТ, ЕСЛИ БОГУ УГОДНО БУДЕТ ВЕК МОЙ ПРЕКРАТИТЬ: «Любезная жена моя! — Богу угодно было на свет меня произвести для того состояния, которого хотя и не достиг, но не менее во всю жизнь свою тщился сделаться достойным <...>. О, великие обязательства возложены на нас! <...> Тебе самой известно, сколь я тебя любил <...>. Ты мне была первою отрадою и подавала лутчие советы <...>. — Старайся о благе всех и каждого. Детей воспитай в страхе Божии <...>. Старайся о учении их наукам, потребным к их званию <...>. — Прости, мой друг, помни меня, но не плачь обо мне <...>. — Твой всегда верный муж и друг ПАВЕЛ. — Санкт-Петербург. Генваря 4 дня, 1788».

<№ 2. НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ. Письмо детям Александру и Константину>: «Любезные дети мои! — Достиг я того часа, в который угодно Всевышнему положить предел моей жизни. Иду отдать отчет всех дел своих строгому судии, но праведному и милосердному <...>. Вы теперь обязаны пред Престолом Всевышнего посвящением жизни вашей Отечеству заслуживать и за меня и за себя <...>. Помните оба, что вы посланы от Всевышнего к народу <...> и для его блага <...>. — Вы получите сию мою волю, когда вы возмужаете. Когда Бог окончит жизнь Бабки вашей, тогда тебе, старшему, вступить по ней <...>. — Будьте счастливы счастием земли вашей и спокойствием души вашей <...>. Ваш навсегда благосклонный ПАВЕЛ. — Санкт-Петербург. Генваря 4 дня 1788 года».

<№ 3. НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ. ЗАВЕЩАНИЕ>: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — Отъезжая в армию на случай тот, что там Всемогущему Богу угодно будет век мой прекратить, почитаю долгом моим <...> о распоряжении движимого и недвижимого имения <...>: Гатчину <...> отдаю я жене моей. Каменной Остров <...> старшему моему сыну <...>. Протчие волости Гатчинского ведомства отдаю сыну моему Константину <...>. Каменной дом мой, что в Луговой Миллионной <...>. Библиотеку мою <...>. Кабинет моих эстампов <...>. Гардероб мой <...><...><...> — ПАВЕЛ. — Санкт-Петербург».

<№ 4>. НА СЛУЧАЙ ПРОИСШЕСТВИЙ, МОГУЩИХ СЛУЧИТЬСЯ В МОЕ ОТСУТСТВИЕ: «Любезная жена моя! — Отъезжая в поход, необходимым нашел, по долгу закона и обстоятельствам звания своего, равномерно и союза нашего, оставить тебе сие письмо, как той особе, которая всю мою доверенность преимущественно имеешь, как по положению своему, так и качествам души и разума, мне столь известным и драгоценным <...>. — Ты знаешь мое сердце и душу, что я ни в чем другом не полагаю истинного моего удовольствия и верховной должности бытия моего, как в общем благе и его целости <...>. — Воображая возможность происшествий, могущих случиться в мое отсутствие, ничего для меня горестнее, а для Отечества чувствительнее себе представить не могу, как если бы Вышним Провидением суждено было в самое сие время лишиться мне матери, а ему — Государыни <...>. — Я скажу тебе только те меры, которые признаю надобными на сей несчастный случай <...>. — Во-первых, поручаю тебе <...> немедленно объявить Сенату, Синоду и первым трем коллегиям сие мое письмо к тебе <...>. Прикажи от имени моего <...> о принятии от всех должностей присяги мне и сыну моему Александру как наследнику <...>. — Тебе, любезная жена, препоручаю особенно в самой момент предполагаемого несчастья, от которого упаси нас Боже, весь собственный Кабинет и бумаги государынины, собрав при себе в одно место, запечатать государственною печатью, приставить к ним надежную стражу и <...> чтоб наложенные печати оставались в целости до моего возвращения <...>. — Со всяким же тем, кто отважится нарушить <...> сию волю мою, имеешь поступить по обстоятельствам, как с сущим или как с подозреваемым государственным злодеем, предоставляя конечное судьбы его решение самому мне по моем возвращении; затем пребываю твоим верным твой верный ПАВЕЛ. — Санкт-Петербург. Генваря 4 дня. 1788 года».

<№ 5. НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ>: «Любезная жена моя! — Совесть моя, долг пред Богом и Государством и обязательства звания моего <...> побудили меня оставить тебе сию волю мою <...>. — Ты знаешь мое сердце и душу и что я ни в чем другом не полагаю истинного моего удовольствия и верховной должности бытия моего, как в общем благе <...>. — Воображая возможность происшествий, могущих случиться, ничего горестнее и чувствительнее себе и для Отечества представить не могу, как если бы Вышним Провидением суждено было лишиться матери моей Государыни Императрицы <...>. — Таковое происшествие может последовать равномерно и после моей смерти <...>. — Поручаю тебе тогда немедленно объявить императором сына нашего большего Александра <...>. Если сын мой боль-

шой останется малолетним, то поручаю тебе правительство как правительнице и со оным опеку детей наших до совершеннолетия. Сего требует порядок и безопасность государства <...>. — Совершеннолетие начинается в шестнадцать лет <...>. Пребываю твоим верным ПАВЕЛ. — Санкт-Петербург. Генваря 4 дня 1788 года».

<№ 6. НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ. АКТ О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ>: «Мы, Павел, Наследник, Цесаревич и Великий Князь, и Мы, супруга Его, Мария, Великая Княгиня. — Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. — Общим Нашим добровольным и взаимным согласиём, по зрелом рассуждении и с спокойным духом постановили сей акт Наш Общий, которым, по любви к Отечеству избираем Наследником, по праву естественному, после смерти Моей, Павла, Сына нашего большего Александра, а по нем все Его мужеское поколение <...>».

<№ 7. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕФОРМА. НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ>: **1. Введение.** «Предмет каждого общества — блаженство каждого и всех. Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели». Обширность России требует сосредоточения исполнительной власти у одного лица: «чем больше земля, тем способы исполнения труднее; следственно, первое попечение — препоручение исполнения одному». — **2. Об исполнительной власти:** «нет лутчего образа, как самодержавный, ибо соединяет в себе силу законов и скорость власти одного». — **3. О престолонаследии:** «положить закон, кому именно быть государем». — **4. О законодательстве:** «законы у нас есть <...>; новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением». — **5. О правительстве:** «государь, будучи человек, за всем усмотреть не может <...>. Надобны правительства. Таковы Сенат, прочие судебные места». — **6—7. Об императорском Совете:** государю иметь «Совет, составленный из особ, которым поручено смотреть за разными частями и родами дел государства»: канцлер и вице-канцлер иностранных дел, военный и морской министры, министры финансов и коммерции, государственный казначей. — **8—11. О законах, утверждающих блаженство сословий:** дворянства («не допуская в него лишних членов, должно его на службу обращать»); духовенства («дабы понятию о Боге учили в прямой силе, а не суеверию»); «среднего состояния», чьи занятия — «промыслы, торговля и рукоделие» («чтоб промыслы свободно текли для государства <...> и тем самым распространят в нем изобилие»); крестьянства («особого уважения достойно <...>, чтоб тем лутче трудились, и государство имело тем вернее снабжение»). — **12—13. О народном воспитании** — для того, чтобы каждый член каждого сословия знал свои обязанности, испол-

нял бы их и приводил бы общество к блаженству: «для сего школы и училища». — **14—15. О поощрении** торговли, мануфактур, фабрик и ремесел. — **16. О исправлении** злоупотреблений в соляном и винном промыслах. — **17—18. О способах к блаженству** горно-рудных, государственных и дворцовых крестьян. — **19—24. О государственном бюджете и финансах:** «доходы государственные — государства, а не государя». — «Изображение всякого товара и вещи торговой — деньги, а торг или промысел основан на труде, итак, деньги представляют промысел и труд; чем больше сего, тем больше оного <...>. Когда сия пропорция прямо сыскана, тогда имеет государство прямой кредит, ибо вещь всякая торговая в прямой цене <...>, и для того монета должна, вышед однажды в свою пропорцию, никогда не переменяться». — «Расходы размерять по приходам и согласовать с надобностями государственно, и для того верно однажды расписать». — **25. О государственной внутренней безопасности:** «учредить земскую и городовую полицию». — **26—32. О государственной международной безопасности:** «Нам большей нужды нет в чьей-либо помощи. Мы довольно сильны сами собою <...>. Пространство нашей земли требует большую оборонительную силу, а тем паче и наступательную <...>. Должно государство иметь военную силу свою расположенную по четырем главным границам и внутри <...>. Государство, будучи окружено со многих сторон морями, необходимо надобен ему флот на каждом из сих морей <...>. Притом войски и флоты учить, и государю смотреть». — **33. О будущем:** «Когда все части государства будут приведены порядком до равновесия, в котором должны быть, чтоб оное могло неразрушимо и невредимо стоять, тогда можно будет сказать, что прямо направлено общество на прямой путь блаженства каждого и всех, что согласно с законом Божиим и, следственно, не может не иметь благословения во всем Его Вышней Десницы. — ПАВЕЛ».

(Вестник Европы. 1867. Т. 1. Март. С. 306—312, 315, 323, 304—306, 316—322; тексты подготовил М. И. Семевский.)

Документ № 7 — самый значительный и по своей всеохватности не уступает «Наказу» Екатерины. Если б сделать все так, как расписано в 33-х Павловых пунктах, — мы бы к 1801-му году перегнали Европу по всем экономическим показателям, а к 1802-му стали бы такой цветущей державой, что не наши к ним, а их наследники к нам приезжали бы перенимать передовой опыт.

Однако шутки в сторону: документ № 7 — это программа, в каждом пункте которой отзывается душевная боль ее автора за страждущее отечество. Все идет вкривь и вкось. Россия в

тяжелом застое. Кто может — грабит, кто не может — ворует. Кризис. Стагнация. Обвал. Вот что мерцает в подтексте документа № 7: сердечное страдание и самосознание спасителя отечества.

Да, он не владел оригинальным слогом, и вся его программа написана сухим, скучным языком. Но ведь какая здесь бушует детски-непосредственная воля к четким, простым и ясным решениям: «Расходы размерять по приходам и согласовать с надобностями государственно, и для того верно однажды расписать <...>. Законы у нас есть; новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением <...>». — И ведь он на самом деле, наверное, верит, что можно *все части государства привести до равновесия, в котором оно могло бы неразрушимо и невредимо стоять*. — И как это все напоминает его же собственные слова двадцатипятилетней давности, записанные однажды Порошиным, — про саранчу: «Как летит она таким облаком, так можно бы и картечами по ней выстрелить» (см. 24 дек. 1764). — Впрочем, все это сейчас кажется забавным, а тогда саранча воистину была сущим бедствием.

Блажен, кто сохранил чистоту помыслов в идиллии уединения и трикраты несчастен тот, кто с этими своими помыслами не захотел или не смог остаться в этой своей идиллии и стал жить среди людей, чтобы сделать их совершенными. Горе ему и близстоящим его, ибо люди есть люди, их несовершенство — условие равновесия частей мира, а совершенства не бывает; совершенство — это утопия, патология, бред. И трикраты правы будут истощенные усовершенствованиями подданные, когда нарекут своего усовершенствователя беспощадной кличкой:

— Идиот!

Он был идиот только в том смысле, что низким душам никогда не постичь душу высокую — то есть толпа не способна понять благородную идею. Чем лучше Жан-Жак Руссо, или Монтескье, или аббат Сен-Пьер? «Общественный договор», «Дух законов» и «Проект вечного мира» — конечно, сочинения, более объемные, чем наказ Павла о государственной реформе, но ничуть не менее блаженные. В этих сочинениях еще более детально, чем в наказе, расписаны правила мироустройства. Отличие Павла от Руссо, Монтескье и Сен-Пьера только в том, что он стал в конце концов императором, а они не стали — вместо них другие начали устанавливать разумную справедливость, их идеи вживались в историю не сплошным потоком — в виде их собственных указов и манифестов, а постепенно — вместе с общим медленно-неспешным, от поколения к поколению, изменением жизни.

И кончилось тем, что их имена остались чистыми и светлыми знаками блаженных идей, а его имя утонуло в потоках клеветы и анекдотов.

* * *

Разумеется, на турецкую войну его все равно не пустили — по той же причине: по беременности жены. Правда, Екатерина не хотела сразу применять принуждение и месяца два волочила дело, полагая, что Мария Федоровна уймет его как-нибудь посвоему томными вздохами да слезами. Но он был неуправляем, и тогда Екатерина вышла из себя и «паки изволила советовать великому князю остаться здесь до тех пор, пока великая княгиня разрешится от бремени <...>. Великий князь, быв сим предложением крайне недоволен, ответствен, что ко удержанию его здесь и тогда какой-нибудь претекст найдется. Государыня, получа таковой отзыв, расположена была дать строгим образом чувствовать и словесно и письменно, что советы ея не иначе, как за повеления, требующие непременно исполнения, должны быть приемлемы» (*Гарновский. № 4. С. 697*).

Наконец-то найдена точнейшая, лаконичнейшая формула как их сообщения друг с другом, так и того генерального смысла царской жизни, который Павел крепко усвоил после долгих лет этого сообщения. Наберем еще раз эту формулу — жирным шрифтом, чтобы подвести итоговую черту под всеми диагнозами, прописанными раньше. Итак: **советы ея не иначе как за повеления, требующие непременно исполнения, должны быть приемлемы.** — Вот самый ближний прототип и Павлова самовластия и Павлова безумия. Можно, разумеется, припомнить и дальние прототипы — что-нибудь вроде: «А жаловати есмя своих холопей вольны, и казнити вольны же есмя» (*Иван Грозный. С. 74*). Но зачем заглядывать в инструкции XVI-го века, когда те же инструкции можно получить сегодня, в XVIII-м столетии. Конечно, теперь они смягчены приобщенностью общества к цивилизации, но логика их не переменяема во веки веков.

Это логика заботливого отца или заботливой матери — главы большого семейства. Я лучше знаю, что для вас лучше — таков приблизительный перевод этой логики на язык инвариантов.

То есть мы хотим сказать, что Екатерине не доставляло никакого эстетического наслаждения мучить сына (как, может быть, Ивану Грозному не доставляло особенного удовольствия казнить своих холопей). Конечно, тут не могло обойтись без ощущения своего властного торжества, но это ощущение происходило от благих намерений: не пускать чад своих на ложный путь, по которому они собрались утечь.

Запретительные советы Екатерины или палаческий жезл

Ивана Грозного — это разные способы спасения возлюбленных чад от ложных путей. Недаром Иван, переказав своих лучших подданных, творил по ним теплые поминальные молитвы, а Екатерина, когда Павел все-таки вырвался наконец на войну, провожая его, от чистой души всплакнула (см. *Храповицкий. С. 73*). — Такова логика семейной жизни.

Время, конечно, идет, и цивилизация накладывает отпечаток: посему Екатерина не только мотивировала свои повелительные советы, но даже исполняла обещания — и, вопреки подозрениям сына, лишь только 10-го мая Мария Федоровна разрешилась очередной дочерью, Екатерина сказала: «*Vous êtes maitre de partir quand vous voulez*» — то есть: «Теперь можешь ехать когда хочешь» (*Гарновский. № 5. С. 12*).

Но не успел Павел начать новые сборы, как на Петербург надвинулась неожиданная беда: шведский король Густав Третий, заметив, что наши лучшие армии ушли на юг воевать с турками, прислал в Петербург пожелания присоединить к Швеции русскую часть Финляндии, прекратить нашу войну с Портой и отдать туркам все завоевания, включая Крым. Таких наглых нот не позволяли себе даже неразумные оттоманы, и 30-го июня Екатерина подписала манифест о шведской войне, прибавив при сем, что «императрица Анна Иоанновна в подобном случае велела сказать, *чтоб в самом Стокгольме камня на камне не оставить*» (*Храповицкий. С. 54*).

Все порядочные генералы в ту минуту были заняты на юге, и командующим против шведов был назначен граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин. До сих пор, то есть в мирное время, Мусин-Пушкин заведовал великокняжеским придворным штатом, и посему направление военного похода Павла перепределилось с юга на северо-запад. 1-го июля, на рассвете, Павел выехал из своего Каменноостровского дворца в Выборг. Мусину-Пушкину Екатерина приказала не посвящать его в план операций (*Шумигорский 1907. С. 61*).

Густав Третий начал войну с обещания сжечь Кронштадт и провести зиму в Петербурге. Говорят, он собирался повалить памятник Петру Первому (см. *Гарновский. № 6. С. 24; Храповицкий. С. 79*). Однако первый же морской бой привел шведскую эскадру в унылое разбитие. На суше Густаву тоже не было счастья, и к середине августа стало ясно, что нынешнюю зиму шведский король проведет не в Петербурге, а в родном Стокгольме.

Павел, как и предполагалось, оказался только свидетелем, а не участником побед. Только один раз он слышал свист пуль — когда 20-го августа вместе с Мусиным-Пушкиным выехал на рекогносцировку в окрестностях Гекфорса: «шведы по нашим

стреляли и убили двух казачьих лошадей. По окончании действия сего великий князь проговорил с отменным удовольствием: — Теперь я окрещен» (*Гарновский. № 6. С. 214*). Однако разнообразие мыслей насчет планов наступления произвело то самое, что неизбежно должно было произойти: уже в конце июля Павел стал дуться, а потом и вовсе перестал разговаривать с Мусиным-Пушкиным из-за несогласия «в рассуждении принимаемых к поражению шведов мер» (*Гарновский. № 5. С. 32*).

Узнав о том, что при нашей армии находится наследник, шведский командующий послал к нему парламентаров. Павел не рискнул их принять без совета с матерью. После того как парламентары прибыли к нему в третий раз и он в третий раз отказался с ними беседовать, Екатерина вернула его в Петербург.

В середине сентября он приехал домой. Ожидалось, что ему будет пожалован Георгиевский крест, но Екатерина не пожаловала, и все опять пошло своим чередом: воскресные выходы по пятам императрицы в придворную церковь; балы в Зимнем дворце, открываемые великокняжеским менюэтом; балы в доме на Луговой Миллионной, балы на Каменном Острове; по утрам — учения военной команды, после обеда — прогулки, чтение, игры...

«<...> После обеда проводим время в чтении, а вечером я играю в шахматы с нашим добрым Пушкиным, восемь или десять партий сряду. Бенкендорф и Лафермьер сидят возле моего стола, а Нелидова <...> за другим. <...> Когда пробьет восемь часов, Лафермьер, с шляпой в руке, приглашает меня на прогулку. Мы втроем или вчетвером <...> делаем сто кругов по комнате; при каждом круге Лафермьер выбрасывает зерно из своей шляпы и каждую их дюжину возвещает обществу громким голосом. Иногда, чтобы оживить нашу забаву и сделать ее более разнообразной, я и Бенкендорф пробуем бегать на перебежку. Окончив означенные сто кругов, Бенкендорф падает на первый попавшийся стул при общем смехе <...>» (*Мария Федоровна — Н. П. Румянцеву, 2 октября 1790 // Столетие Гатчины. Т. 1. С. 44*).

1789

3-е июля 1789 года было днем не вполне обыкновенным в Зимнем дворце — можно даже сказать, днем суетно-волнительным: в трех просторных комнатах, находившихся на расстоянии одного потайного лестничного пролета от покоев императрицы, сдувались последние пылинки с ковров и мебели перед вселением сюда секунд-ротмистра Платона Александровича Зубова.

За время, прошедшее после революции 1762 года, Зубов ста-

новился десятым публично возвышенным фаворитом императрицы. Предыдущий, Мамонов, при посредничестве самой Екатерины был две недели назад обвенчан с девицей Щербатовой и вышел от двора с почестями. Мамонов жестоко обманул императрицу, как не раз, бывало, обманывали ее и другие, начиная с Григория Орлова: год с лишком он вел свой роман с Щербатовой, а Екатерина узнала об этом последней. Поплакала. Попеняла на неблагодарность. Выслушала оправдания. Усмехнулась горько. Сказала *нет* и велела их обвенчать. Сама готовила молодую к подвенечному выходу и, хоть говорят, что нарочно пырнула ее до крови булавкой, на свадьбе показалась веселой и, как всегда, с естественно-непринужденным выражением лица и плавно-величавой осанкой фигуры.

Один иностранный дипломат, сравнивая пожилую дородность Екатерины с крепкой молодой полнотой Марии Федоровны, замечал, что в России женщины скоро толстеют. — Наверное, климат такой. «Чтобы скрыть свою полноту, которою наделило ее все истребляющее время, она носила широкие платья с пышными рукавами» (*Сегюр. С. 318*). Ей уже исполнилось полных шестьдесят лет, и сорок пять из них она жила безвыездно в России.

А секунд-ротмистр Платон Александрович Зубов был тонкий, стройный гвардейский красавчик 22-х лет. 4-го июля он был произведен сразу в полковники и флигель-адъютанты, а через два месяца пожалован генерал-майором. Только Павел будет так производить своих любимцев.

Никто и не подозревает в Зимнем дворце 3-го июля 1789 года, что скоро этот красавчик оттеснит от трона всех первозванных вельмож и до самой смерти своей метрессы останется горделивым хозяином петербургского двора¹²¹.

Тем паче никто в Петербурге не подозревает 3-го июля, что в эти минуты делается на другом краю континента — в городе Париже. Тамошний календарь опережает наш на 11 дней и сегодня там 14-е июля, день, пересекающий историю на две неравные части. Новая часть пока так мала, что в ней нет еще ничего, кроме одного вдребезги разбиваемого сейчас тюремного замка.

Мы узнаем об этом через три с лишним недели — 27-го июля по нашему стилю; по их стилю это будет уже почти середина августа: приедет курьер из Парижа с рассказом о взятии Бастилии.

* * *

Так же, как через десять лет Павел один из первых в Европе почувствует в объявлении Наполеона первым консулом конец французской революции, — сейчас в парижских волнениях

он один из первых увидел разлом истории. Говорят, он очень негодовал на робость Людовика XVI-го: «Что они все там толкуют! Я тотчас все бы прекратил пушками». — Логично. И напоминает «картечами по саранче». Говорят также, что Екатерина отвечала сыну: «Пушки не могут воевать с идеями. Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование» (*Шильдер. Изд. 1996. С. 235—236*).

Этот анекдот, хотя и плоско, но сходно с устойчивыми предубеждениями о разумах Павла и Екатерины суммирует их исторические воззрения: Павел в этом анекдоте — лицо, осознанно противоборствующее смыслу и ходу новейшей истории, Екатерина — персона, сама позаботившаяся о внесении в этот ход нового смысла (см. «Наказ Комиссии о сочинении нового уложения»).

Однако в этом же самом анекдоте, при перемещении его в другие контексты, начинают слышаться отголоски совсем других значений: сквозь диалог Павла и Екатерины проступают всемирная пронизательность наследника и ограниченный патриотизм императрицы. То есть, попросту говоря, Павел видит в разрушении Бастилии символ будущего разрушения мироздания и, выставляя пушки в защиту одного замка — пусть и тюремного, но все равно замка, — становится на стражу всего построенного человечеством в течение веков. А Екатерина, констатируя неизбежность победы идей над пушками, тем самым попустительствует всеобщему разрушению, легкомысленно полагая, что до России французская беда не докатится. Более того, если расширить контексты, следует припомнить, что наша императрица, после известия о начале революции, стала рассчитывать, какие выгоды можно извлечь из ослабления Франции и из втягивания во французскую ферментацию других европейских держав. «Я все ломаю себе голову, — признавалась она в конце 1791 года, — чтоб подвигнуть венский и берлинский дворы в дела французские <...> и развязать себе руки; у меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали» (*Екатерина — Храповицкому. С. 258*).

Да, Екатерина говорила, что «вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачева» (*РА. 1878. Кн. 3. С. 172*). Да, король и королева пытались бежать по паспортам, добытым для них русским посланником в Париже по поручению Екатерины. Да, она слегла в постель, узнав о казни Людовика XVI-го (*Храповицкий. С. 281*). Дипломатические отношения с Францией были разорваны. Торговля прекращена. Беженцы-аристократы нашли у нас кров. Екатерина помогала деньгами восстановлению королевской власти. Но ни одного батальона она не поставила против мя-

тежных французов, и пушки ее стреляли не в Париже, а в Варшаве, и она все еще надеялась, что будут стрелять в Константинополе. Она верила в разумность мироустройства и не верила мистическим символам.

* * *

Бывают такие эпохи, когда сам хронологический порядок событий, без всякого вмешательства нашей памяти, начинает воспроизводить поэтику исторического мифа, совмещая все в одном. Сильные события мира сего совершаются так быстро или так одновременно, что одного их конспективного реестра бывает довольно для того, чтобы произвести некоторую оторопь у наблюдателя перед столь стремительным превращением жизни в историю.

Посему, чувствуя неизбежную слабость комментария перед сплошным потоком происшествий, отдадим несколько страниц летописному перечню событий, случившихся между годами 1789-м и 1796-м на пространстве между Петербургом, Константинополем и Парижем, — перечню, тем более необходимому, что просвещенный читатель давно уже, наверное, ищет повода для доказательства сугубо библиографической, а не мифологической природы нашего жанра.

На 3 (14) июля 1789 года распорядок наших международных занятий был таков:

На юге шла вязкая война с турками; шесть месяцев осаждали Очаков, и только в декабре прошлого года Очаков пал. «Турки не те, — жаловался Потемкин Екатерине, — не боятся пушек, черт их научил» (*Храповицкий. С. 68*). На севере, в Финляндии, шла медленная позиционная война со шведами. Густав Третий, не смоги перезимовать в Петербурге в первый год, готовил силы для нового удара. Тем временем нависала третья война — с Пруссией: оттуда стали угрожать нашей союзнице — Дании — на тот счет, что если Дания будет помогать нам в войне с Швецией, то Пруссия введет войска в датскую Голштинию. — Такие шахматы. За прусскими демаршами угадывался гроссмейстерский стиль английской дипломатии.

Великий Фридрих уже три года как умер, и на прусском престоле сидел Фридрих Вильгельм — старый друг нашего Павла. Они по-прежнему через посредников вели секретную переписку. Так, бывало, Петр Третий сообщался с своим кумиром во время Семилетней войны. Узнай Екатерина об этой переписке — было бы Павлу очень нехорошо.

На прусские демарши Екатерина отвечала, что «нападение на Данию есть объявление войны России» (*Храповицкий. С. 126*), и 1789-й год продолжался в ожидании третьей войны.

Тут в Петербург и приехал курьер из Парижа с известием о

разрушении Бастилии, о том, что гвардия пристала к народу и что Людовик XVI-й объяснялся перед собранием французских депутатов. «Король сам виноват, — сказала Екатерина. — Им управляет, кто хочет» (*Храповицкий. С. 200*).

Разумеется, не могло не прийти сразу же досадное опасение: если сейчас что случится с королем и королевой, Австрия по союзническому и родственному долгу вступит в войну с Францией и оставит нас воевать с турками одних. А сейчас худо-бедно, но австрийцы хоть как-то способствуют на южном фронте. Конечно, нет у них ни Румянцевых, ни Суворовых, а только бледность вместо полководцев, но спасибо и за количественное присутствие.

Однако с Людовиком XVI-м и Марией Антуанеттой в первое время ничего бесчеловечного не случилось. Власть они, конечно, почти потеряли, но Франция оставалась королевством, и пока можно было, хоть слабо, надеяться, что авось все образуется. Поэтому пока что в наших газетах помещались не только хроники происходящего, но и целые французские документы — «Декларация прав человека и гражданина» была напечатана у нас полностью, в довольно приличном переводе: «Принятые доселе Народным Собранием положения о Правах Человека состоят в следующем: <...>. Все люди рождаются вольными <...>. Всякое Общество обязано иметь главным предметом бытия своего соблюдение естественных и забвению не подлежащих Прав Человека. Права сии суть: Вольность, Собственность, Безопасность и Противуборство угнетению <...>. Вольность состоит в том, чтобы самопроизвольно делать все то, что другому вреда не наносит <...>. Законы должны воспрещать те только деяния, кои Обществу вредны; не запрещенное же воспрещено быть не может <...>» (*Санкт-Петербургские ведомости. 1789. 14 сентября. С. 1168*).

Помнится, в своем «Наказе» Екатерина тоже много писала о вольности, собственности и безопасности — недаром при Людовике «Наказ» был воспрещен во Франции как сочинение, рассеивающее идеи, опаснейшие, чем русские пушки. Но помнится также, что в «Наказе» о соотношении вольности и законов было сказано стилистически как-то иначе, чем в «Декларации». Там было сказано, что «вольность есть право все то делати, что законы дозволяют» (*Екатерина. С. 24*), а по «Декларации» получалось, что вольность — это то, что «законы делати не запрещают». — Замечательный филологический казус, допускающий существование в мире некоей области, не отрегулированной законодательством, ибо слово «дозволяют» имеет в виду некоторый исчислимый список разрешенных вольностей, а слово «не запрещают», напротив, исчисления не предполагает.

Иначе говоря, сложна своими парадоксами новейшая история. Недаром логический ум Павла не хотел ее понять: она разрушала строгую простоту и стройный порядок классического стиля, она была неупорядочена и непредсказуема, как саранча.

* * *

Однако мы отвлеклись и вместо обещанной летописи опять заняли страницу комментариями. — Терпение! Сейчас, со следующего абзаца начнется и летопись. Напомним, что мы находимся по-прежнему в августе 1789-го года. В Париже продолжается ферментация, у нас же, благодаря Богу, все благополучно и тихо. Великий князь и великая княгиня имеют местом пребывания Гатчину, императрица — Царское Село.

7 августа. Царское Село. Получено долгожданное известие о победе над турками при Фокшанах нашей русско-австрийской армии под командованием генерал-аншефа Суворова и генерала принца Кобургского: «Государыня от радости плакала» (*Гарновский. № 7. С. 410*).

13 августа. Наш флот четырнадцать часов сражался со шведским — шведы, повергнутые, бежали. «Победа похожа на чесменскую» (*Екатерина — Храповицкому. С. 202*).

9 (21) октября. Париж. Закон о военном положении: «В случае угрозы общественному спокойствию члены муниципалитета <...> должны объявить о том, что для восстановления спокойствия немедленно необходима военная сила <...>. — Это извещение совершается таким способом, что из главного окна ратуши и на улицах вывешивается красное знамя <...>. Когда красное знамя вывешено, всякие скопления народа, вооруженные или невооруженные, признаются преступными и разгоняются военной силой <...>. Все командиры, офицеры и солдаты национальной гвардии войсковых и конно-полицейских частей, принимающие участие в таких скопищах и мятежах, объявляются бунтовщиками против нации, короля и закона и подлежат смертной казни» (*Документы революции. С. 43—44*).

10 декабря. Петербург. «Из Константинополя пишут, что султан бесится за разбитие визиря, но готовится еще к войне» (*Храповицкий. С. 214*).

1790

20 (31) января. «Пруссия заключает союз с Портою» (*Грибовский. С. 76*). «Теперь мы в кризисе: или мир, или тройная война» (*Екатерина — Храповицкому. С. 214*). — «Матушка Всеми-

лостивейшая Государыня! <...> Не можно ли всячески отвести прусского короля от его намерений. Пусть он берет Померанию и что хочет <...>, а то все верх дном пойдет. Где набрать войск и начальников столько и достанет ли внимания? Разбившись повсюду, везде будем слабы и нигде не успеем» (*Потемкин — Екатерине 8 февраля 1790 из Ясс в Петербург. С. 397*).

15 апреля. Петербург. «Известно уже о согласии короля прусского с турками, он готовится <...>. Нам надобно успеть подвинуть 20 т<ысяч войска> к Риге. Пространство России делает ее силу и бессилие <...>. При первом разрыве вступят войска наши в Польшу» (*Екатерина — Храповицкому. С. 220*).

Апрель. Париж. «Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... *Я в Париже!* — говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в Поля Елисейские; вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством: на дома, на кареты, на людей. Что было мне известно по описаниям — вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете, чудного, единственного по разнообразию явлений. <...> — Париж ныне не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего, некогда пышного города. Златая роскошь, которая прежде царствовала в нем как в своей любезной столице, — златая роскошь, опустив черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздух и скрылась за облаками; остался один бледный луч ея сияния, который едва сверкает на горизонте, подобно умирающей заре вечера. Ужасы Революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли <...>. — С 14 июля все твердят во Франции об Аристократах и Демократах; хвалят и бранят друг друга сими именами <...>» (*Карамзин. Письма русского путешественника. С. 217, 223—224, 226*).

23 мая. «В 80 верстах от Кронштадта <...> шведский флот. — Ужасная канонада слышна с зари во весь день в Петербурге и в Царском Селе» (*Храповицкий. С. 222*).

30 июня. Петербург. В Петропавловскую крепость доставлен коллежский советник Радишев за сочиненную им и изданную без имени книгу «Путешествие из Петербурга в Москву»: «Тут рассевание французской заразы: отвращение от начальства; автор — мартинист <...>, он бунтовщик хуже Пугачева» (*Екатерина — Храповицкому. С. 226—227*): «<...> Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность... — Но человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... И власть при-

ведена будет в трепет <...>» (*Радищев. С. 190*). — «Уложенья 22-й главы 13-м пунктом, которые воры чинят в людех смуту <...> таких воров за такое их воровство казнити смертию. Воинского устава 20-м артикулом — кто против его величества особы хулительными словами погрешит <...>, оной имеет живота лишен быть и отсечением головы казнен <...>. 101-го артикула толкованием, коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оный и накажется <...>» (*Процесс Радищева. С. 265*).

3 августа. Заключен мир с Швецией в границах, до начатия войны бывших.

6 августа. Петербург. «Получено собственноручное письмо от короля шведского к ея величеству: просит <...> забыть сию войну, как миновавшую грозу» (*Храповицкий. С. 229*).

4 сентября. Петербург. Указ Екатерины Сенату: «Коллежский советник и ордена святого Владимира кавалер Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги его и должности подданного изданием книги «Путешествие из Петербурга в Москву» <...>. За таковое его преступление осужден он <...> к смертной казни <...>, и хотя по роду той важной вины заслуживает он сию казнь по точной силе законов <...>, но МЫ, последуя правилам НАШИМ, чтоб соединять правосудие с милосердием <...>, освобождаем его от лишения живота и повелеваем вместо того, отобрав чины, знаки ордена святого Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безысходное пребывание» (*Процесс Радищева. С. 282*).

29 декабря. Петербург. «Приехал Валериан Александрович Зубов с донесением о взятии штурмом Измаила» (*Храповицкий. С. 236*). — «Приступ к Измаилу сделан 11-го декабря под главным начальством графа Суворова; около 33 тысяч турок убито и 9000 взяты в плен. Русские потеряли до 5000 человек» (*Грибовский. С. 77*). — «Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня! Вот моя кампания <...>. Измаил — первая и сильная крепость, построенная по-европейски <...>. Я могу похвалиться пред Вами, что удалось мне влить в армию, мне вверенную, душу порядка и неустрашимости <...>. Не Измаил пал, но армия турецкая <...>. Бог помог» (*Потемкин — Екатерине. С. 444, 934*).

1791

3 января. Петербург. «Друг мой сердечный князь Григорий Александрович! <...> Дай Боже, чтобы успехи Ваши заставили турок взяться за ум и скорее заключить мир <...>» (*Екатерина — Потемкину 3 января 1791. С. 446*).

Январь — март. «Пруссия угрожает вступлением войск в Курляндию» (*Грибовский. С. 78*). — «Открывается главное к нам недоброжелательство Англии, и на Данию полагаться не можно» (*Храповицкий. С. 238*). — «Екатерина считала как бы личными своими врагами и прусского короля Фридриха Вильгельма II, и английского министра Питта. Последний объявил решительно, что интересы Англии и Пруссии требуют ограничения власти и влияния России. Пруссия заступалась за Швецию и препятствовала усилению влияния России в Польше; Питт старался принять меры для спасения Турции от чрезмерного перевеса Австрии и России» (*Брикнер. Ч. 3. С. 474*).

3 мая. Польский сейм принимает конституцию. «Заговорили о великой будущности Польши; сравнивали новую конституцию с государственным правом Англии и Соединенных Штатов <...>. Екатерина, сильно порицая поляков <...>, ждала лишь окончания турецкой войны для принятия энергичных мер против Польши. Все было обдумано и приготовлено; был составлен проект второго раздела» (*Брикнер. Ч. 3. С. 503, 505—506*).

29 июня. Петербург. «Ея Величество сказывать изволила, по уведомлению Алопеуса из Берлина, что король французский в препровождении 8 тысяч дворян, с королевою и всею фамилиею 9 (20) июня выехал из Парижа <...>, но повечеру узнали, что король 8 тысяч с собою не имел, ехал переодетый под чужим именем, и на пути опознал их станционный смотритель <...>. Гвардейцы их поворотили в Париж» (*Храповицкий. С. 244*).

4 июля. Петербург. «Король французский действительно пойман; у королевы найден паспорт de M-me Korf, урожденной Stegelman; это дочь бывшего здесь банкира» (*Храповицкий. С. 244*).

23 августа (3 сентября). Париж. Люди рождаются свободными и должны оставаться равными в правах. Свобода — это возможность делать все, что не вредит другим. Равенство — это одинаковые права всех граждан перед законом. Закон — это выражение коллективной воли. 3-го сентября по европейскому календарю принята конституция Франции. «Конституция обеспечивает следующие естественные и гражданские права: <...> свободу каждого передвигаться, оставаться на месте или покидать его без опасения подвергнуться задержанию или заключению <...>; свободу каждого выражать словесно или письменно, печатать и предавать гласности свои мысли, не подвергаясь никакой предварительной цензуре <...>; свободу граждан собираться в общественных местах, сохраняя спокойствие и без оружия <...>. — Законодательная власть вверяется Национальному собранию, в состав которого входят представители, свободно избранные народом на определенный срок <...>. — Форма правления — монархическая. Власть исполнительная

вверена королю <...>» (*Документы революции. С. 114, 117*). — И после сего Людовику XVI-му осталось жить 1 год и 4 месяца.

24 августа. Петербург. «Курьер с известием, что 29 июня над турецким флотом вице-адмирал Ушаков одержал морскую победу при самом входе в канал, в 60 верстах от Константинополя <...>. Довольны тем, что теперь есть возможность итти прямо в Константинополь» (*Храповицкий. С. 248*). — Но это уже в следующую войну, а сейчас надо передохнуть от этой и в перерыве разобраться с Польшей и Пруссией.

24 сентября. Петербург. «Вчера приехал курьер из Парижа, что король, вошед в Собрание Национальное, подписал конституцию. Можно ли помогать такому королю, который сам своей пользы не понимает?» (*Екатерина — Храповицкому. С. 251*).

3 октября. Петербург. «Два курьера, что князь Потемкин опасно болен» (*Храповицкий. С. 251*).

11 октября. Петербург. «В обед приехал курьер, что 1-го октября князю Потемкину опять хуже». У Екатерины — «слезы и отчаяние. В 8 ч. пустили кровь, в 10 легли в постель» (*Храповицкий. С. 251*).

12 октября. Петербург. «Курьер к пяти часам пополудни, что Потемкин повезен из Ясс и, не переехав сорока верст, умер на дороге 5-го октября, прежде полудня... Слезы <...>.

16 октября. Петербург. Как можно мне Потемкина заменить: он был настоящий дворянин, умный человек, его нельзя было купить. — Все будет не то. Кто мог подумать, что его переживет Чернышев и другие старики? Да и все теперь, как улитки, станут высовывать головы <...>. Да, я стара. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал <...>» (*Екатерина — Храповицкому. С. 252*).

29 октября. Яссы. «Подписание мира с Турцией в Яссах, по которому удержан Очаков с областью между Бугом и Днестром <...>. Подтверждено приобретение Крыма и Тамани <...>. Учреждено свободное судоходство на Черном море через Босфор» (*Грибовский. С. 79*).

1792

«Образ жизни императрицы в последние годы был одинаков: в зимнее время имела она пребывание в большом Зимнем дворце, в среднем этаже, над правым малым подъездом <...>. В сих покоях государыня жила иногда до весны <...>. В первых числах мая выезжала всегда инкогнито в Царское Село, откуда в сентябре также инкогнито в Зимний дворец возвращалась <...>. Время и занятия императрицы распределены были следующим

порядком: она вставала в 8 часов утра и до 9 занималась в кабинете письмом <...>. В это время пила одну чашку кофе без сливок. В 9 часов обыкновенно дела слушала <...>. Государыня имела еще довольную в лице свежесть, руки прекрасные, все зубы в целости, отчего говорила твердо, без шиканья, только несколько мужественно; читала в очках» (*Грибовский. С. 23—25*).

27 января (7 февраля). Союзный договор между Австрией и Пруссией о направлении по 20 тыс. войск против Франции.

Май. «Объявление <...> польскому правительству против конституции 3-го мая 1791 года и о вступлении для отмены оной наших армий» (*Грибовский. С. 79—80*). — «Каховский 1-го мая выступил с войсками в Польшу» (*Храповицкий. С. 265*).

Май. Царское Село — Павловское. Здесь получены свежие французские газеты от середины апреля. В одной из них — «Письмо англичанина, жившего долгое время в Петербурге, к другому англичанину, живущему сейчас в Париже» — со старыми прогнозами о будущем русской империи и новыми сплетнями: «Русский великий князь шествует по стезе своего несчастного отца и, если сердце великой княгини не будет преисполнено добродетелями, Павлу суждена участь Петра Третьего <...>. Не удивляйтесь, если однажды из России придет сообщение о перевороте. Я давно замечал многие признаки революции: они в сердце самого великого князя. Он не скрывает своей раздражительности, оскорблен своей униженностью; он в ссоре со своей матерью императрицей; он даже дерзает ей угрожать <...>. Кстати, знаете ли вы о его любовнице — девице Нелидовой <...>» (*Moniteur universel. 1792. № 115. 24 avril*). — Письмо англичанина произвело сильное впечатление: Нелидова плакала, Мария Федоровна плакала, Павла трясло. Отношения между ними троими были уже таковы, что большие и малые сцены ревности происходили чуть не поминутно. «Нелидова пользовалась все возрастающей подозрительностью Павла, видимо начинавшего тяготиться ласковою и заботливою, но надоедливою и подчас бестактною опекою Марии Федоровны над всеми его действиями, с бесконечными жалобами на нарушение этикета домашней жизни и на тех, которые, по ее словам, манкировали этикетом <...>. «Это все та мерзкая особа, — пишет она Плещееву, — внушает великому князю <...>». Попытка великой княгини пожаловаться Екатерине, сделавшей сыну строгое внушение, только ухудшила положение, — подозрительность Павла дошла до того, что даже переписка Марии Федоровны стала задерживаться. В записочках своих к Плещееву, с большою осторожностью и тайной пересылаемых <...>, Мария Федоровна сама приподымает завесу, скрывавшую от посторонних глаз жизнь «внутренних покоев»: <...> «Я велела

приготовить к починке старые портьеры в столовой Павла, собрались все слуги; тут является Нелидова и смущенно на меня взирает. Я ей сказала: — «Проходите, мадемуазель». Она стала церемониться, и я второй раз сказала: — «Проходите же, проходите, мадемуазель, великий князь ждет вас для прогулки». Да, я говорила нетерпеливо, но это понятно — она прервала мои дела, и к тому же великий князь уже минут десять ждал ее на террасе, но она решила, что я лукавлю и насмехаюсь над ней. А между тем я могла бы действительно позлословить над такой новостью, когда дамы отправляются на прогулки без меня» *<Мария Федоровна — Плещееву>*. <...> Недоразумения между нею и фрейлиной возникали по поводу самых пустяжных инцидентов повседневной жизни <...>: «В субботу великий князь уходит от меня в прекрасном расположении, затем идет к ней, не говорит мне спокойной ночи как всегда, а входит в мою комнату, смотрит на меня и уходит, не сказав ни слова. На следующий день проводит утро с ней и совсем не заходит ко мне; я иду к нему <...>, меня третируют. Я нахожу в себе силы появиться после обеда, он уходит к ней и возвращается еще более раздосадованный» *<Мария Федоровна — Плещееву>*¹²² <...>. — Екатерина хорошо, конечно, знала все, что происходило в Гатчине. Безумные припадки гнева Павла, внезапные опалы приближенных к нему лиц, беспомощные жалобы Марии Федоровны с ее излишнею и мелочной болтливостью, все гатчинские сплетни и интриги тотчас же делались известными в Царском Селе и Петербурге. Павел Петрович не без основания стал обвинять в шпионстве придворное дежурство, сменявшееся в Гатчине каждые четыре дня, и начал относиться к дежурившим при нем придворным кавалерам со все увеличивающеюся подозрительностью, грубой бесцеремонностью и оскорбительным пренебрежением» (*Кознаков. С. 223—224, 226, 228, 340*). — «Рассказы современников полны свидетельств о столкновениях и пререканиях, которые Павел Петрович имел с лицами, окружавшими императрицу. Так, он имел столкновение с адмиралом Рибасом, явившимся к нему в новой морской форме, введенной в черноморском флоте без ведома Павла Петровича, носившего звание генерал-адмирала; с вице-канцлером графом Остерманом <...>, с Н. И. Салтыковым, с обер-гофмаршалом князем Бярятинским, с Зиновьевым, с церемонимейстером Гурьевым и т. д.» (*Кобеко. С. 406*).

2 мая. Царское Село. «С московской почты получено секретное донесение кн. Прозоровского <московского главнокомандующего> о взятии Н. Новикова из его деревни; он уже допрашиван <...> и признался в продаже прежде напечатанных *запрещенных* книг церковных» (*Храповицкий. С. 265*).

18 мая. Царское Село. «Подал я пакет Шешковского и, переправя, переписал указ, им заготовленный к шлиссельбургскому коменданту о верном принятии и содержании арестанта, которого пришлет кн. Прозоровский (это будет Новиков). Указ подписан» (*Храповицкий*. С. 267).

22 мая. Царское Село. «Был секретный пакет с мартинистскими бумагами» (*Храповицкий*. С. 267). — «С начала 80-х годов XVIII столетия деятельность русских масонов сосредоточилась преимущественно в Москве, вокруг Новикова <...>. Мартинисты <...> в 1786 году <...> задумали вступить в сношения с будущим своим «отцом», великим князем Павлом Петровичем. Строитель его Каменноостровского дворца, Баженов, привез ему от Новикова для поднесения книгу Арндта об истинном христианстве и избранную библиотеку для христианского чтения. Великий князь, однако, знал уже об отношениях матери к московским масонам и принял это подношение так, что Баженов, возвратясь в Москву, сказал кое-что «конфузно», что он был принят милостиво и книги отдал. В один из следующих годов Баженов снова привез Павлу Петровичу подносные книги от масонов из Москвы. При этом Павел спрашивал у Баженова, что уверен ли он, что между масонами нет ничего худого. Баженов уверял цесаревича, что ничего худого нет, а Павел Петрович с некоторым неудовольствием говорил, что «может быть, ты не знаешь, а которые старше тебя, те знают и тебя обманывают». Баженов уверял клятвенно, что нет ничего худого, и наследник заключил разговор словами: «Бог с вами, только живите смирно». Но вслед за тем разразилась французская революция 1789 года, и уже весной 1791 года Екатерина приказала собрать точные сведения о мартинистах, которых в то время смешивали с иллюминатами. Когда, зимою 1791—1792 годов, Баженов в третий раз явился из Москвы к Павлу, то нашел его в великом гневе на мартинистов, о которых великий князь запретил ему и упоминать, сказав: «Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста; о них же и слышать ничего не хочу, и ты рта не разевай о них говорить». Великий князь чувствовал, что связь его с масонством вообще может обойтись ему дорого и что масоны пострадают, прежде всего, за сношения с ним. Действительно, когда весной 1792 года Новиков был арестован и начались допросы мартинистам, то следователи более всего хотели уяснить связь, существовавшую между ними и великим князем, и предлагали с этою целью вопросы: «Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама государыня изволила поправлять их и свои вмещать слова. Все метилось на подозрение связей с ближайшею к престолу особою <...>; прочее же было, так сказать, подобрано только для расширения за-

веса. — В четвертом или пятом пункте началась эта материя, и князь Прозоровский, отдавая мне его, дрожащею, правда, немножко рукою, таким же голосом говорил: — Посмотрю, что вы на это скажете? — О, на это отвечать всего легче! — сказал я и написал ответ мой <...> справедливо и оправдательно. <...> Князь Прозоровский, прочитав ответ сей, с чрезвычайною досадою <...> сказал: — Что ж, разве злых-то умыслов не было у вас? — Да как же быть-то? Не было, — холодно отвечал я ему» <И. В. Лопухин. С. 51—52>. — На допросах мартинисты тщательно умалчивали о связях Павла с русским масонством, но, не сговорившись заранее, противоречили друг другу. <...> — Императрица обращалась к самому великому князю за разъяснениями показаний масонов, но ответ Павла доказал ей, что на искренность его ей рассчитывать было нельзя» (*Шумигорский 1915. С. 146—148*).

Масонство Павла — особый сюжет, не вмещающийся в основной корпус анекдотов, документов и комментариев, из которых составлена эта книга, — потому, что это сюжет для чуждого нам мифа, предполагающего поиск тайных недругов вне нас, а поскольку мы убеждены в обратном — в том, что нет для нас врагов хуже, чем мы сами, то и переносим справку о масонских отношениях Павла в примечания¹²³.

2 августа. Петербург. «Вышел указ, подписанный 1-го августа, о содержании Новикова 15 лет в крепости Шлиссельбургской» (*Храповицкий. С. 272*): «<...> и хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступниками. *Первое.* Они делали тайные сборища, имели в оных храмы, престолы, жертвенники; ужасные совершались там клятвы с целованием креста и Евангелия, которыми обязывались и обманщики и обманутые вечною верностию и повиновением ордену златорозового креста, с тем, чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпевать мучение и казни <...>. *Четвертое.* Они употребляли разные способы, хотя вотще, к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы <...>. *Пятое.* Издавали печатные у себя непозволенные, развращенные и противные закону православному книги <...>. *Шестое.* В уставе сборищ их, писанном рукою Новикова, значатся у них храмы, епархии, епископы, миропомазание и прочие установления и обряды, вне святой нашей церкви непозволительные. Новиков утверждает, что в сборищах их оные в самом деле не существовали, а упоминаются только одною аллегорией для приобретения ордену их вящего уважения и повиновения; но сим

самым доказывається коварство и обман, употребленные им с общниками для удобнейшего слабых умов поколебания и развращения <...>. Вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тяжчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако ж, и в сем случае следуя сродному Нам человеколюбию <...> освободили его оной и повелели запереть его на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Что же касается сообщников его, Новикова, <...> князя Николая Трубецкого, отставных бригадиров Лопухина и Тургенева <...> повелеваем им отправиться в отделенные от столиц деревни их» (*Процесс Новикова. С. 476—478*).

«В Москве был разговор у крестьянина князя Трубецкого с крестьянином казенным. *Крестьянин казенный*: — За что вашего барина сослали? — *Крестьянин Трубецкого*: — Сказывают, что искал другого Бога. — *Крестьянин казенный*: — Так он виноват: на что лучше Русского Бога?» (*Храповицкий. С. 275*).

19 августа. Варшава. «Вступление наших войск в Варшаву под начальством генерала Каховского <...>. После сего конституция 3-го мая 1791 года <...> была отменена, и бывший до того порядок паки восстановился» (*Грибовский. С. 80, 60*).

21 августа. Царское Село. «Получено известие о новом в Париже смятении, случившемся 30 июля (10 августа). Король отрешен от власти, в Тюльери было кровопролитие <...>. Ея Величество, говоря о том со мною, сказала: — *Cela est horrible!* <Это ужасно!>» (*Храповицкий. С. 272*).

28 августа. Царское Село. «Из французских известий, сего дня полученных, замечательно, что статуя Людовика XIV поставлена 10 августа 1692, низвержена и разрушена 10 августа 1792 нового стиля. Не уцелела статуя и доброго Генриха IV; в тот же день ее разрушили» (*Храповицкий. С. 273*).

10 (21) сентября. Париж. «Национальный конвент постановляет, что монархия во Франции отменяется» (*Документы революции. С. 157*).

14 сентября. Петербург. «Граф Валентин Платонович. При сем прилагаю копию с письма Кушелева к здешнему губернатору, в котором он говорит, что цесаревич указать изволил отдать более половины Александровской площади <...> каким-то купцам. Приказание само по себе сумасбродное и приказание само по себе последней дерзости. Позовите Кушелева к себе и скажите моим именем, что если еще раз он дерзнет подобное писание куда ни есть послать, то я его сошлю, где ворон костей его не сыщет; а великому князю скажите, чтоб он вперед мимо нас никаких приказаний по прошениям ничьим не посылал» (*Екатерина — В. П. Мусину-Пушкину 14 сентября 1792 // Цит. по Анекдотам. С. 69—70*).

«По городу носится слух, что великий князь к морскому батальону не токмо прибавляет несколько сот, но что он еще формирует на <Каменном> Острове полк гусар и несколько полков казаков. Все сии слухи в народе подают причину к различным толкам, и буде ребячества пресечь можно, то бы что скорее, то лучше, а сказать бы, что в Гатчине в куклы играть можно без излишних толков, но в близости города все подвержено различным толкованиям, а полезных нет ни одного. Тут первое, что батюшкина армия представляется» (*Екатерина — Н. И. Салтыкову, 1792. — Шумигорский 1907. С. 72*).

Октябрь. Петербург. «Дело французского короля есть дело всех государей. — Для Европы важно, чтобы Франция снова заняла положение, подобающее великому государству. — В настоящее время достаточно десяти тысяч человек войска, чтобы пройти Францию от одного конца до другого <...>. Кажется, набрать это войско было бы всего удобнее в землях прирейнских <...>. К набранному войску неминуемо присоединятся все оставившие родину французские дворяне <...>. Посредством этого войска можно освободить Францию от разбойников, восстановить монархию и монарха, разогнать самозванцев, наказать злодеев, избавить государство от угнетения». — *Екатерина (РА. 1866. Вып. 3. Ст. 399)*.

31 октября. Петербург. Прибыла принцесса Баден-Дурлахская Луиза Мария Августа, 13-ти лет, — для бракосочетания с великим князем Александром Павловичем, 15-ти лет. — «Мой Александр женится, а затем будет коронован — церемониально, торжественно, празднично» (*Екатерина II — барону Гримму, 14 августа 1792 // Сб. РИО. Т. 23. С. 574*).

23 ноября (4 декабря). Париж. «Национальный конвент декретирует, что всякий, кто предложит или попытается установить во Франции королевскую власть или какую-либо иную власть, посягающую на народный суверенитет, под каким бы то ни было названием, карается смертью» (*Документы революции. С. 157*).

17 (28) декабря. Париж. «Я требую, чтобы Национальный конвент объявил Людовика виновным и заслуживающим смерти» (*Робеспьер. Т. 2. С. 191*).

1793

31 января. Петербург. «Поутру дошло к Ея Величеству известие, что несчастный Людовик XVI казнен 10 (21) января 1793. Наложено траур на шесть недель. — Замечательно стечение чисел с 10-м генваря 1775 года: в Москве казнен Пугачев» (*Храповицкий. С. 281*).

8 февраля. Петербург. «Подписан указ Сенату о разрыве политической связи с Франциею и о высылке из России всех обоего пола французов, которые не сделают присяги по изданному при указе образцу» (*Храповицкий. С. 282*). — «Страшная катастрофа, происшедшая во Франции, оледенила нас ужасом. <...> Все, происходящее теперь в Европе, во многом напоминает те времена, о которых нам предсказано в Священном Писании. Несомненно одно, что события конца века заставляют скорбеть о том, что мы не живем в более раннее время» (*Мария Федоровна — Н. П. Румянцеву, 1793 // Шумигорский 1892. С. 342*).

18—27 марта. Варшава. «Посол наш в Варшаве Сиверс объявил сейму <...>, вслед за сим генерал Кречетников присланным к нему из Петербурга манифестом от 27 марта обнародовал <...>, что императрица с общего согласия с королем прусским и императором австрийским для предохранения владений своих от распространения <...> мятежнических правил и потушения возникающих от того смятений повелела отделить от Польши некоторые области к империи своей <...> на вечные времена» (*Грибовский. С. 60—61*). — В прежних польских провинциях открыты российские губернии: Минская, Изяславская, Брацлавская — 250 тыс. кв. км; Пруссия получила в Великопольше 58 тыс. кв. км.

9 мая. Петербург. «В придворной церкви совершено миропомазание принцессы Луизы Августы Баден-Дурлах, нареченной великою княжною Елисаветою Алексеевною <...>».

10 мая. Петербург. Обручение Елисаветы Алексеевны с великим князем Александром Павловичем» (*Храповицкий. С. 287*). — «Передавали даже шепотом друг другу, будто бы у императрицы не раз вырывалось в самом коротком ее кружке об Александре Павловиче: — Сперва его обвенчаю, а потом увенчаю» (*Янькова. С. 293*). — Говорят, что Екатерина в 1794-м году прямо объявила в своем императорском Совете, состоявшем из нескольких избранных вельмож (Зубов, Безбородко, Мусин-Пушкин и проч.), что намерена устранить сына своего Павла от престола. Говорят также, что Совет склонился было к ея намерению, но что кто-то между избранных — то ли Безбородко, то ли Мусин-Пушкин — заметил, что, несмотря на справедливость намерения, оно может дать повод к народной ферментации, ибо слишком давно все привыкли почитать в Павле законного наследника. Екатерина, видя отсутствие единогласия, отложила дело до другого времени. Но «напрасно некоторые, может быть, думали, что противодействие, встреченное Екатериной в Совете, остановило ее в дальнейшем преследовании намеченной цели. — На этом свете, — писала однажды императрица, — пре-

пятствия созданы для того, чтобы достойные люди их отстраняли и тем умножали свою славу; вот назначение препятствий» (*Шильдер. Изд. 1996. С. 241—242*).

13 (24) июня. Париж. Новая конституция Франции: «Целью общества является общее счастье. Правительство установлено, чтобы обеспечить человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами. Эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность» (*Документы революции. С. 216*). «Равенство — это чудовище, которое хочет стать королем» (*Екатерина — Храповицкому. С. 282*).

6 (17) сентября. Париж. Декрет о подозрительных: «Немедленно по опубликовании настоящего декрета все подозрительные лица, находящиеся на территории Республики и пользующиеся еще свободой, должны быть арестованы». *Уточнение о подозрительных*, от 10 октября: «Подозрительными являются: <...> те, кто во время собраний народа охлаждают его порыв <...>, готовы с мнимопечальным видом распространять плохие известия <...>, сожалеют об участии жадных фермеров и торговцев, коих закон вынужден преследовать <...>; кто не принимал активного участия в событиях революции <...>, с равнодушием принял издание республиканской конституции <...>, кто, ничего не сделав против свободы, равным образом ничего и не сделал в ее пользу» (*Документы революции. С. 265—267*).

28 сентября. Петербург. Бракосочетание великого князя Александра Павловича и великой княгини Елисаветы Алексеевны. — Отец отказывался приезжать из Гатчины в Петербург для участия в торжествах, но его уговорили, и он приехал: «Был глубоко растроган, что удивило всех» (*Головина. С. 82*). «С конца 1793 года шла речь о лишении престолонаследия великого князя Павла Петровича <...>. Главная трудность состояла в том, чтобы приготовить к катастрофе великого князя Александра. Я один мог иметь на него желаемое влияние, и потому необходимо было или заручиться мною, или удалить меня. Екатерина, зная доверие и любовь ко мне своего внука, желала меня испытать. Она неожиданно потребовала меня к себе 18-го октября 1793 года <...>. Разговор мой с императрицею продолжался два часа; говорили о разных разностях и от времени до времени, как бы мимоходом, государыня касалась будущности России и не упустила ничего, чтобы дать мне понять, не высказывая прямо, настоящую цель свидания. Догадавшись, в чем дело, я употребил все усилия, чтобы воспрепятствовать государыне открыть мне задуманный план и вместе с тем отклонить от нее всякое подозрение в том, что я проник в ее тайну. К счастью, мне удалось и то и другое. Но два часа, проведенные в этой нравственной пытке, принадлежат к чис-

лу самых тяжелых в моей жизни, и воспоминание о них отравляло все остальное пребывание мое в России» (*Из воспоминаний Ф. Ц. Лагарпа, наставника Александра Павловича // Сухомлинов. С. 51—53*).

5 (16) октября. Париж. Мария Антуанетта обезглавлена на гильотине. — «Национальный конвент декретирует: <...> Революционные законы должны исполняться быстро <...>. Нарушение сроков карается как преступление против свободы». — С марта 1793 по август 1794 общее число преступников против свободы составило 35—40 тыс. человек: из них казнены по приговорам парижского революционного трибунала и чрезвычайных судов в департаментах около 17 тыс. человек; расстреляны без суда и следствия в районах восстаний (Вандея, Лион, Тулон и др.) 10—12 тыс. человек; умерли в тюрьмах около 8—13 тыс. человек» (*Документы революции. С. 237, 238, 277; подсчеты Д. Грира*).

31 октября (10 ноября). Париж. «Национальный конвент по просьбе граждан Парижа декретирует: Собор Парижской Богоматери будет отныне Храмом Разума» (*Документы революции. С. 428*).

23 ноября. Петербург. «Великий князь отец возвратился в Петербург; я был у него на службе в Гатчине и вернулся вместе со свитой. <...> Невозможно смотреть без сожаления и ужаса на его деяния; он словно нарочно ищет способы распространить к себе ненависть и отвращение; он цепляется ко всем и наказывает правых и виноватых. У него 4 морских батальона (1600 человек), 3 кавалерийских эскадрона, с этой командой он желает повторить собой покойного Фридриха прусского. Каждую среду у него маневры, каждый день он лично проводит вахт-парад и присутствует при экзекуциях. Ничтожные упущения по службе, малейшее опоздание или противоречие влекут за собой его гнев. Он делает выговоры каждому и всем» (*Ростопчин. С. 83, 67, 70, 71, 76*). — «Скажите, мой добрый Плещеев, что такое происходит? Я вижу только печальные лица. Нелидова имеет скорбный вид и в дурном настроении духа; супруг мой также сумрачен и таким он является даже по отношению ко мне. Я замечаю, что есть нечто, что волнует его внутренне. Он часто спорит с Нелидовой» (*Из письма Марии Федоровны — С. И. Плещееву, начало 1793 // Шумигорский 1793. С. 39*). — «Вы правы, Катя, когда ворчите на меня за мои строгости. Все это правда, но правда и то, что, попустительствуя, можно повторить путь Людовика XVI: он был снисходителен, и в конце концов его самого низвели» (*Павел — Нелидовой // Шумигорский 1898. С. 39*).

«Государь вовсе не был тем сумрачным и подозрительным тираном, каким его умышленно представляют. Напротив того,

природные его качества были откровенность, благородство чувств, необыкновенная доброта, любезность и весьма острый и меткий ум. Когда он был в хорошем расположении духа, нельзя было найти более приятного и блестящего собеседника; никто в этом отношении не мог сравниться с ним <...>. Павел любил шутить, понимал шутку и не сердился, когда сам иногда делался предметом невинной забавы. — Как же, — спросил я князя Лопухина, — согласить то, что вы говорите о доброте и добродушии императора Павла, с другими сведениями, коими, однако, пренебрегать нельзя? — На это он ответил мне, что, действительно, государь был чрезвычайно раздражителен и не мог иногда сдерживать себя, но что эта раздражительность происходила не от природного его характера, а была последствием одной попытки отравить его. Князь Лопухин уверял меня с некоторою торжественностью, что этот факт известен ему из самого достоверного источника. (Из последующих же моих разговоров с ним я понял, что это сообщено было самим императором Павлом княгине Гагариной <в девичестве Анне Петровне Лопухиной>). — Когда Павел был еще великим князем, он однажды внезапно заболел; по некоторым признакам, доктор, который состоял при нем, угадал, что великому князю дали какого-то яду, и, не теряя времени, тотчас принялся лечить его против отравы. Больной выздоровел, но никогда не оправился совершенно; с этого времени на всю жизнь нервная его система осталась крайне расстроенною: его неукротимые порывы гнева были не что иное, как болезненные припадки, которые могли быть возбуждаемы самым ничтожным обстоятельством. Князь Лопухин был несколько раз свидетелем подобных явлений: император бледнел, черты лица его до того изменялись, что трудно было его узнать, ему давило грудь, он выпрямлялся, закидывал голову назад, задыхался и пыхтел. Продолжительность этих припадков была не всегда одинакова. Когда он приходил в себя и вспоминал, что говорил и делал в эти минуты, или когда из его приближенных какое-нибудь благонамеренное лицо напоминало ему об этом, то не было примера, чтобы он не отменял своего приказания и не старался всячески загладить последствия своего гнева» (*П. П. Лопухин. С. 531—532*). — Петр Первый тоже страдал от детской травмы и дергался тиком при виде непослушных подданных: во время стрелецких бунтов его тоже хотели убить, и он видел это собственными глазами. А еще Петр Первый тоже любил мириться с обиженными им подданными...

Мысль об отравлении, стимулировавшем расстройство психики, хотя бы даже она и была исторгнута расстроенным сознанием для оправдания расстройства, — мысль эта выдерживает опору из-под любого анализа. Доказать факт отравления за дав-

ностью лет нельзя. Опровергнуть еще менее возможно — ибо если человек убежден в совершенном над ним насилии, сам факт насилия имел место — неважно, в реальности или в воображении. Тут становится очевидна как тщетность комментария, так и мнимость тайн души человеческой, вскрываемых во время комментирования.

Если вся тайна — в том, что перед нами новый царевич Димитрий, чудесно спасшийся от смерти, назначенной ему узурпатором престола, — то уже и нет никакой тайны, а есть только бесконечно воспроизводимая защитная реакция организма на новые акты насилия — неважно, действительные они или мерещутся: и те и другие для такого организма — самая что ни на есть подлинная реальность. На этом месте можно откладывать перо, ибо отравленное сознание коловратно: из него нет выхода, оно в самом себе, оно само себе высший суд.

И никто не виноват. И некому остановить цепную реакцию крутящихся, как колеса, защитных реакций. — Замкнутый круг. И не выбежать из него. И негде ставить точку. Стрела времени упирается в собственный хвост.

1794

Январь. Париж. Национальный Конвент располагает 14-ю армиями числом около 640 тыс. человек.

Март. Париж. У Конвента 850 тыс. под ружьем, и французские армии начинают теснить своих врагов, переходя от защиты республики к освобождению соседних стран от власти тиранов.

Апрель. «Восстание в Польше против наших войск». — «Поляки предались совершенно духу французской революции; многие знатные поляки были перевешаны <...>. Коллонтай играл роль Робеспьера; хотел было всех русских перерезать, но Костюшко <...> до злодейства сего не допустил. <...> Костюшко наименован был главным начальником с неограниченной властью. Наскоро формировал он войска, умножив регулярные полки вольницею <...>. Кавалерию паны снабдили хорошими лошадьми, отдали всех своих охотников, которые были искусные стрелки, войска усилили «посполитым рушением», то есть все шляхтичи <...> должны были вооружиться». — «Графу Суворову повелено принять команду над нашими войсками, в Польше расположенными, и воевать» (*Грибовский. С. 83: Энгельгардт. С. 293*).

Май — октябрь. Павловское — Гатчина. «Великий князь кругом видит отростки революции. Везде он обнаруживает

якобинцев, и недавно четыре несчастных офицера из его батальонов попали под арест за слишком короткие косички, — важная причина заподозрить в них склонность к мятежу <...>. — Голова его переполнена призраками, он пребывает в неизменно дурном настроении и окружен людьми, честнейшего из которых можно колесовать без суда и следствия»¹²⁴ (*Ростопчин. С. 93*).

24 октября. Прага, предместье Варшавы. «Граф Суворов <...>, выступив с своим отрядом на подвиг ему предназначенный, <...> имел в следовании своем почти ежедневные с поляками стычки, в которых, при храбром сопротивлении сих последних, имел всегда поверхность, и через 40 дней достиг Вислы. 24-го октября взял штурмом Прагу <...>, и самая Варшава безусловно ему покорилась». — «Ночь была холодная и небольшой мороз <...>. Поляки, усмотря нас, всю ночь стреляли светлыми ядрами, чтобы не быть врасплох атакованными <...>. Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончании оного, надобно быть очевидным свидетелем. До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звания умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тел, убитых и умирающих: воинов, жителей, жидов, монахов, женщин, ребят. При виде всего того сердце человека замирает, а взоры мерзятся таковым позорищем». — «Между тем генерал Ферзен разбил польские войска под командою Костюшки и его самого в плен взял; после чего польские войска сами собою рассеялись». — «За взятие Варшавы граф Суворов пожалован фельдмаршалом, и прислан был ему повелительный жезл» (*Грибовский. С. 61—62; Энгельгардт. С. 294—296*).

1795

1 января. Петербург. «Манифест об окончании усмирения Польши <...>. После сего учинен окончательный раздел Польши, по коему России досталось великое княжество Литовское с Самогицией, Волынией и частью воеводств Хельмского и Бржетского до Буга. Пруссия приобрела Варшаву, а Австрия Краков с областями» (*Грибовский. С. 84, 62*).

Февраль. Петербург. «Прибытие герцога Курляндского с депутатами и с просьбой о подвержении Курляндии под державу Российскую. В герцогстве Курляндском по переписи оказалось 404.266 человек; из оного составлена губерния» (*Грибовский. С. 84*).

11 (22) августа. Париж. Новая конституция: «Правами человека в обществе являются свобода, равенство, безопасность, собственность. Свобода состоит в возможности действовать не

во вред другому <...>. Никто не может совершить того, что не предписано законом» (*Документы революции. С. 314—315*).

1796

В команде великого князя Павла состоят:

	Офицеры	Нижние чины
— в пехоте 4 батальона и егерская рота	74	1601
— в кавалерии 4 полка	40	584
— в артиллерии	14	214
<hr/>		
Всего, не считая великого князя	128	2399

2 января. Из Петербурга в Гатчину: «По получении сего имее вы, г. подполковник Баратынской, арестовать подполковника Пузыревского за его неисправности. — Павел».

3 января. Оттуда же — туда же: «По получении сего имее вы, г. подполковник Баратынской, отдать опять палаш подполковнику Пузыревскому. — Павел».

23 января. Оттуда же — туда же: «Получа следующее при сем подполковника Пузыревского об отпуске его сюда письмо, и так как чрез то видно, что он забыл, что есть старший в гарнизоне, то возвратить ему оное письмо при пароле, и его арестовать. — Павел» (*РА. 1870. Т. 8. Ст. 1440*).

Апрель. «После окончания польских дел и по добровольном присоединении Курляндии к Российской Империи, прибыл в С.-Петербург персидский хан Муртаза Кулихан, лишенный своих владений Агою Магмет Ханом, захватившим Персидское государство по истреблении несчастной династии Софиев. Хотя сей жестокий эвнух давно уже оказывал неприязнь свою к России <...>, но поданные от Муртазы Кулихана объяснения еще вяще убедили императрицу в том, что без военных мер невозможно было исторгнуть Персию из рук ее хищника, водворить там спокойствие, восстановить нашу торговлю и оградить от оскорблений производящих оную российских подданных <...>, вследствие чего дано повеление генералу графу Валериану Зубову с вверенною ему армиею вступить в Персидские пределы» (*Грибовский. С. 63—64*).

17 апреля. «Город Дербент сдался на капитуляцию, и войска наши двинулись во внутренность земли, не встречая нигде почти сопротивления» (*Грибовский. С. 64*).

21 апреля. Петербург. День рождения императрицы Екатерины. Исполнилось 67 полных лет.

29 июля. Петербург. Императрице Екатерине осталось жить 100 дней. — И она предлагает Марии Федоровне подписать акт об отстранении Павла от престола и назначении наследником Александра. — Мария Федоровна в ужасе и отказывается. — Не знает, как о таком можно сказать мужу. — И ничего ему не говорит. — Но умоляет сына: «Дитя мое, держись, ради Бога <...>. Будь мужествен и тверд. Бог не оставляет невинных и добродетельных» (*Шумигорский 1898. С. 60*).

20 сентября. Гатчина. Великому князю Павлу — 42 года. «Родившийся между 15 дня сентября до 13 октября, <...> если благополучно проживет 42-й год, то будет жить до 99-ти лет» (*Астрологический календарь. С. 37*).

Октябрь. Петербург. «Втихомолку, однако, говорили, что 1-го января 1797 года должен быть обнародован весьма важный манифест» (*Саблуков. С. 19*). — «Носившаяся до того молва, якобы не намерена она была оставить престол свой своему сыну, а в наследники по себе назначала своего внука, подавала повод многим опасаться, чтоб чего-нибудь тому подобного при кончине государыни не последовало» (*Болотов. С. 169*).

Октябрь. Лондон. Первый министр Англии Питт составляет новую коалицию европейских монархий против Франции с присоединением к оной Турции.

Октябрь. Константинополь. Султан думает о том, следует ли ему воевать против Франции.

Октябрь. Италия. Французская армия под командованием генерала Бонапарта освобождает Италийский полуостров от власти местных тиранов и протекции Австрийской империи.

4 (15) ноября. «<...> когда Арколе устоял против ряда атак, Наполеон решил лично произвести последнее усилие: он схватил знамя, бросился на мост и водрузил его там <...>» (*Наполеон. С. 116*).

5 ноября. Гатчина. «Великий князь отец останется в Гатчине до нового года. Он занят обычными своими военными упражнениями и живет, утешаясь тем, что очередной день пережит — и слава Богу. Ход времени тяготит его. Надо сказать, его положение незавидно во всех отношениях. Ему приходится испытывать на себе собственное терпение, и ничего хорошего в этом нет» (*Ростопчин. С. 155*).

* * *

Вот, собственно, и всё.

Мы вернулись к началу царствования императора Павла Первого. Завтра императрица Екатерина, не оставив завещаний

о престолонаследии, скончается, и в истории государства Российского настанет новая эра.

Прощайте, господа. Бог вам в помощь — в заботах жизни, в царской службе, в краю чужом, в пустынном море и в мрачных пропастях земли. Авось, русский Бог будет добр — погневается, да и помилует нас всех.

Прощайте! Пусть граф Ростопчин доскажет о последнем дне жизни императрицы Екатерины и пусть другие повествователи начнут историю царствования императора Павла с первого дня его торжества — с вечновозвратного нашего 7-го ноября. Авось, им повезет, и они выйдут из магического круга времени.

Прощайте. Авось, образуется. Небось, прорвемся.

* * *

5 ноября. Петербург. Зимний дворец. «Мария Савишна Пересухина вошедши, по обыкновению в 7 часов утра к императрице, для пробуждения ея, спросила, каково она почивала, и получила ответ, что давно такой приятной ночи не проводила, и за сим государыня, встав с постели, оделась, пила кофе и, побыв несколько минут в кабинете, пошла в гардероб <...>. Она с лишком полчаса не выходила из гардероба, и камердинер Тюльпин, вообразив, что она пошла гулять в Эрмитаж, сказал о том Зотову; но этот, посмотрев в шкаф, где лежали шубы и муфты императрицы (кои она всегда сама вынимала и надевала, не призывая никого из служащих), и видя, что все было в шкафу, пришел в беспокойство и, пообождав еще несколько минут, решился идти в гардероб, что и исполнил. Отворя дверь, он нашел императрицу лежащую на полу, но не целым телом, потому что место было узко и дверь затворена, а от этого она не могла упасть на землю. Приподняв ей голову, он нашел глаза закрытыми, цвет лица багровый, и была хрипота в горле. Он призвал к себе на помощь камердинеров, но они долго не могли поднять тела по причине тягости и оттого, что одна нога подвернулась. Наконец, употребляя еще несколько человек из комнатных, они с великим трудом перенесли императрицу в спальную комнату, но, не в состоянии будучи поднять тело на кровать, положили на полу, на сафьянном матрасе. Тотчас послали за докторами <...>. Прошло с час времени. Первый из докторов приехал Рожерсон. Он пустил в ту же минуту кровь, которая пошла хорошо; приложил к ногам шпанские мухи, но был, однако же, с прочими докторами одного мнения, что удар последовал в голову и был смертельный <...>.

5 ноября. 1-й час пополудни. Зимний дворец. <...>. К великому князю-наследнику <...> послан был с извещением граф Николай Александрович Зубов <...>.

5 ноября. 2-й час пополудни. Гатчина. <...> В тот самый день наследник кушал на гатчинской мельнице, в 5 верстах от дворца его. Пред обедом <...> великий князь и великая княгиня рассказывали Плещееву, Кушелеву, графу Виельгорскому и камергеру Бибикову случившееся с ними тою ночью. Наследник чувствовал во сне, что некая невидимая и сверхъестественная сила возносила его к небу. Он часто от этого просыпался, потом засыпал и опять был разбужаем повторением того же самого сновидения; наконец, приметив, что великая княгиня не почивала, сообщил ей о своем сновидении и узнал, к взаимному их удивлению, что и она то же самое видела во сне и тем же самым несколько раз была разбужена <...>.

5 ноября. 3-й час пополудни. Гатчина. <...> По окончании обеденного стола, когда наследник со свитою возвращался в Гатчину, <...> прискакал к нему навстречу один из его гусаров с донесением, что приехал в Гатчину шталмейстер граф Зубов с каким-то весьма важным известием <...>. Наследник приказал скорее ехать и не мог никак вообразить себе истинной причины появления графа Зубова в Гатчине. <...> По приезде наследника в Гатчинский дворец, граф Зубов был позван к нему в кабинет и объявил о случившемся с императрицею, рассказав все подробности. После сего наследник приказал наискорее запрячь лошадей в карету и, сев в оную с супругою, отправился в Петербург, а граф Зубов поскакал наперед в Софию для заготовления лошадей <...>.

5 ноября. 4-й час пополудни. Петербург. <...> Великий князь Александр Павлович был в слезах, и черты лица его представляли великое душевное волнение. Обняв меня несколько раз, он <...> убедительно просил ехать к наследнику для скорейшего извещения, прибавив, что, хотя граф Николай Зубов и поехал в Гатчину, но я лучше от его имени могу рассказать о сем несчастном происшествии. — Доехав домой на извозчике, я велел запрячь маленькие сани в три лошади и чрез час прискакал в Софию. <...>

5 ноября. 7-й час вечера. София, почтовая станция на половине пути из Петербурга в Гатчину. <...> Тут первого увидел я графа Николая Зубова, который, возвращаясь из Гатчины, шумел с каким-то человеком, приказывая ему скорее выводить лошадей из конюшни. Хотя и вовсе не было до смеха, однако же тут я услышал нечто странное. Человек, который шумел с графом Зубовым, был пьяный заседатель. Когда граф Зубов, по старой привычке обходиться с гражданскими властями как с свиньями, кричал ему: — Лошадей, лошадей! Я тебя запрягу под императора! — тогда заседатель весьма манерно, пополам учтиво и грубо, отвечал:

— Ваше сиятельство, запречь меня не диковинка, но какая польза? Ведь я не повезу, хоть до смерти изволите убить. Да что такое император? Если есть император в России, то дай Бог ему здравствовать; буде матери нашей не стало, то ему виват!

Пока граф Зубов шумел с заседателем, прискакал верхом конюшенный офицер, майор Бычков, и едва он остановил свою лошадь, показались фонари экипажа в восемь лошадей, в котором ехал наследник. Когда карета остановилась и я, подошед к ней, стал говорить, то наследник, услышав мой голос, закричал:

— А! Ростопчин! Это ты!

За сим словом он вышел из кареты и стал разговаривать со мною, расспрашивая подробно о происшедшем. Разговор продолжался до того времени, как сказано, что все готово; садясь в карету, он сказал мне:

— Сделай мне приятное: следуй за мной; мы прибудем вместе.

Сев в сани с Бычковым, я поскакал за каретою. От Гатчины до Софии встретили наследника 5 или 6 курьеров, все с одним известием от великих князей, от графа Салтыкова и прочих <...>.

5 ноября. 8-й час вечера. София — Петербург. <...> Попались еще в встречу около 20 человек разных посланных. <...> Не было ни одной души из тех, кои, действительно или мнительно имея какие-либо сношения с окружавшими наследника, не отправили бы нарочного в Гатчину с известием; между прочим, один из придворных поваров и рыбный подрядчик наняли курьера и послали. — Проехав Чесменский дворец, наследник вышел из кареты. Я привлек его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая; холода было не более 3°; луна то показывалась из-за облаков, то опять за оные скрывалась. Стихии, как бы в ожидании великой перемены в свете, пребывали в молчании, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погоде, я увидел, что наследник устремил взгляд свой на луну, и при полном ее сиянии мог я заметить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слезы по лицу. <...> Я не мог удержаться от повелительного движения и, забыв расстояние между ним и мною, схватя его за руку, сказал:

— Ах, государь, какая минута для Вас!» (*Ростопчин. С. 158—164*).

— Погоди, мой друг, погоди. Я прожил сорок два года. Бог уберет меня и, авось, даст мне ума и сил обустроить государство, для которого Он меня предназначил. Положимся на Его Благодать¹²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст печатается по нормам современной орфографии и пунктуации.

Пропуски в цитатах отмечены многоточиями в ломаных скобках; в ломаных же скобках внутри цитат приведены пояснения к некоторым именам и событиям. Абзацы в цитатах не всегда соблюдены: в знак начала нового абзаца ставится тире. В некоторых цитатах строчные буквы заменены для удобства чтения прописными и наоборот; некоторые даты в цитатах выделены курсивом или жирным шрифтом. Все цитаты, кроме духовного стиха, помещенного в начале книги, фрагментов из сочинений П. П. Кижя и отчасти одической строфы, поставленной в начало главы «1797», заимствованы из мемуаров, писем, анекдотов и прочих произведений очевидцев и летописцев.

Фрагменты из мемуаров и писем, написанных на иностранных языках, цитируются, как правило, в переводах, без указаний на переводной характер соответствующего фрагмента.

Некоторые фрагменты переведены заново при содействии Ю. А. Песковой.

Текст набран В. И. Лашковой при участии В. М. Дзядко.

Настоящее сочинение является вольной переделкой цикла анекдотов и фактов, изданных в свое время под названиями «7 ноября» (Дружба народов. 1993. № 11—12) и «Paul I-er, empereur de Russie, ou le 7 novembre» (Paris, Fayard, 1996; перевод на французский Е. Г. Бальзамо). Составитель нынешней книги признателен всем читателям, высказавшим ему свои суждения о «7-м ноября», а именно: А. Н. Архангельскому, В. В. Варгановой, А. Л. Зорину, В. А. Мильчиной, А. С. Немзеру, Ж. Нива, А. Ф. Строеву, А. М. Туркову.

* * *

- ¹ Даты событий, происшедших в России, сообщаются по юлианскому календарю (старому стилю), отстававшему от григорианского календаря (нового стиля), принятого Европой, — в XVIII веке на 11 дней, в XIX — на 12. Когда речь идет о событиях, происходящих в Европе, указываются обычно числа по обоим календарям.
- ² В записке Ростопчина, откуда взят цитируемый фрагмент, речь Павла дана на французском языке: «Attendez, mon cher, attendez. J'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être, donnera-t-Il la force et la raison pour supporter l'état, auquel Il me destine. Espérons tous de Sa bonté».
- ³ Награды и повышения старослужащих Екатерины в первые дни царствования Павла были пропорциональны лояльности и услужливости, проявленным соответствующими особами в эти первые дни. Так, граф Николай Зубов получил орден Андрея Первозванного — высшую российскую награду — за то, что именно он первым приехал к Павлу в Гатчину с сообщением об ударе, случившемся с Екатериной. Граф Безбородко получил повышение, как говорили, за то, что именно он предоставил в руки Павла все бумаги Екатерины, касавшиеся наследования престола. — Впрочем, в том месте нашего текста, к которому прилагается эта сноска, речь идет только о первых

минутах, часах и днях царствования Павла. Очень скоро (к концу 1796 — началу 1797 года) в правительстве начнутся решительные персональные замены.

- ⁴ Были освобождены из-под стражи все политические преступники, кроме умалишенных. Среди них — вожди польского восстания 1794 года, подавленного Суворовым, — Костюшко, Немцевич, Потоцкий, а также все прочие пленные поляки; московские мартинисты: из Шлиссельбургской крепости — Новиков, из ссылок — кн. Трубецкой, Тургенев, И. В. Лопухин; наконец, из Сибири — Радищев, автор книги, побившей все отечественные рекорды по количеству времени, в течение которого ее не позволялось полностью печатать в России, — «Путешествие из Петербурга в Москву» впервые было напечатано у нас полностью через 115 лет после того, как первое издание было конфисковано и уничтожено.
- ⁵ Имеется в виду прекращение войны с Персией, начатой Екатериной весной 1796 г. на территории Дагестана.
- ⁶ С течением времени практика личных обращений с жалобами к императору была отрегулирована — в частности, указом от 6 мая 1799 г., запрещавшим подавать не дельные прошения: «Утверждая Престол Наш на правосудии и милосердии, никогда не затворяли Мы слуха и внимания Нашего к истинным и правым жалобам верных наших подданных <...>; но к сожалению Нашему, двухлетний опыт нас удостоверил, что дерзость и невежество, употребляя во зло терпение Наше, бесчисленными, не дельными, прихотливыми, с порядком и законом несовместными просьбами занимают внимание Наше <...>. Мы не заграждаем средств верным Нашим подданным приносить к Нам основательные на притеснения жалобы <...>, но вместе с тем находим нужным подтвердить, что на отягощающих Наше внимание не дельными просьбами, вынуждены Мы будем возобновить и привести в действие всю силу изданных 1714, 1718 и 1765 года указов» (ПСЗ. № 18957).
- ⁷ СПРАВКА О ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ДОЛЖНОСТЯХ. *Учреждения и должности, сохраненные императором Павлом Первым от царствования императрицы Екатерины Второй: Совет Его Императорского Величества* (совещательное собрание при государе) — состоит из 12—15 первозванных лиц: великий князь наследник Александр Павлович, генерал-прокурор и проч.; **Правительствующий Сенат** — в разные годы царствования Павла от 46 до 90 сенаторов; **Святейший Синод** — обер-прокурор Синода плюс 6—8 архиереев; **Генерал-прокурор**; **Коллегии** (министерства): военная, адмиралтейская, иностранных дел, медицинская, юстиц-коллегия, департамент почт. *Правительствующие учреждения, восстановленные или установленные императором Павлом Первым*: берг-коллегия (горное дело и чеканка монет), мануфактур-коллегия (легкая промышленность), коммерц-коллегия (управление торговлей и таможнями), камер-коллегия (управление государственными налогами), департамент уделов (управление имениями, принадлежащими императорской семье), департамент водяных коммуникаций, главная соляная контора. — «При всей противоречивости законодательства 1796—1801 гг. общим духом, стержнем сотен новых указов была централизация, самодержавие. Серия мер заменяла коллегиальный принцип (там, где он еще существовал) единоличным». <...> «Выстраивалась железная линия подчинения: император — генерал-прокурор — министр — губернатор. <...> Система министерств, принятая с 1802 г. Александром I, как известно, фактически введена при Павле I» (*Эйдельман 1982. С. 64*). «Надо полагать, что еще до воцарения Павел

пришел к убеждению, что наилучшей — а в принципе и предельной — формой <...> власти является единоличное монархическое правление, опирающееся на централизованную, бюрократически организованную сверху донизу администрацию» (*Тартаковский. С. 213*).

СПРАВКА О ПЕРСОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ДОЛЖНОСТЕЙ. Персоны, оставленные в своих должностях при вступлении императора на престол, в продолжении царствования мало-помалу от своих должностей оставались (в ноябре-декабре 1796 — в начале 1797 г. потеряли свои должности фаворит Екатерины Платон Зубов и его братья Николай и Валериан, генерал-прокурор А. Н. Самойлов, вице-канцлер И. А. Осерман, статс-секретарь В. С. Попов) или же получали должности, несравненно менее важные, нежели те, что они имели при Екатерине. Из старослужащих Екатерины упрочил положение только А. А. Безбородко. — **АНЕКДОТ ПРО РАЗУМОВСКОГО:** «Из числа прежних знаменитейших вельмож оставался при дворе один князь Александр Андреевич Безбородко. Прочие почти все, по разным причинам и обстоятельствам, удалились и рассеялись. Князь Потемкин умер еще при Екатерине. Фельдмаршалы граф Петр Александрович Румянцов и граф Кирило Григорьевич Разумовский жили в своих деревнях. Первый из них скоро умер. Фельдъегерь, посланный к нему и возвращавшийся назад, захал к графу Разумовскому и, уведомляя о смерти Румянцова, спросил: что прикажет он о себе сказать. Разумовский отвечал: — Скажи, что и я умер» (*Шишков. С. 19*).

⁸ По жалованной Екатериной II грамоте 1785 года дворяне освобождались от телесного наказания даже в тех случаях, когда их разжаловали. Павел смотрел на дело иначе, и с 1797 года разжалованных перед тем, как отправлять в ссылку или каторгу, стали пороть. Это началось после суда над отставным прапорщиком Рожновым. 3 января 1797 г. Рожнов был признан виновным в произнесении «дерзновенных и законопротивных слов» — он говорил: что государи все тираны, злодеи и мучители, что ни один совершенно добродетельный человек не согласится быть государем, что люди по природе равны и не имеют права наказывать других за проступки, коим сами подвержены, что иконы — это идолы, что все поклоняющиеся иконам с усердием — люди бесчестные, наконец что, бывши на вахт-параде, он, Рожнов, смотрел на то как на кукольную комедию. Рожнова приговорили к лишению дворянства и каторге, а Павел написал на сенатском докладе об этом деле резолюцию: «Коль скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается. По чему и впредь поступать. Его же, выведя на площадь, сослать в Сибирь». Эта резолюция определила в дальнейшем судьбу всех разжалованных: любой лишенный дворянства отныне подлежал публичной порке (*Клочков. С. 491—493*).

⁹ «Объявляем всем Нашим верноподданным. Закон Божий, в десяти-словии Нам преподанный, научает Нас седьмой день посвящать Ему; почему в день настоящий, торжеством веры христианской прославленный, и в который Мы удостоились воспринять священное миропомазание и царское на прародительском престоле Нашем венчание, почитаем долгом Нашим пред Творцом и всех благ Подателем подтвердить во всей Империи Нашей о точном и непрременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издельев остающиеся в неделю шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу по-

мещиков следующих, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям. Дан в Москве в день Святыя Пасхи 5-е апреля 1797 года. ПАВЕЛ» (*ПСЗ. № 17909*). — *Интерпретация*: «Это указ, который повелевает, чтобы отныне воскресенья <крестьянина> были посвящены полному отдыху с прекращением всякой работы, а кроме того, определяет, чтобы крестьяне работали три дня в неделю на своих господ и три дня на самих себя. Закон, столь решительный в этом отношении и не существовавший доселе в России, позволяет рассматривать этот демарш императора как попытку подготовить низший класс нации к состоянию менее рабскому» (*Донесение советника прусского посольства Вегенера, 21 апреля 1797 // Эйдельман 1982. С. 119*). — *Другая интерпретация*: 6 апреля в общем собрании Сената составлен указ, разъясняющий смысл манифеста: «В сенатском указе <...> об установлении трехдневной барщины не говорится ни слова <...>. В таком же смысле, вероятно, манифест объяснялся при его рассылках в низшие инстанции при опубликовании» (*Клочков. С. 546, 548*).

¹⁰ Впрочем, в тот же день коронации, 5 апреля 1797 г., было выдано более 200 указов императора (см. *Шильдер. Приложение XI*) о пожаловании чинов, титулов, орденов и земель отдельным персонам.

¹¹ Подражание торжественным одам Г. Р. Державина («На новый 1797 год»), В. И. Майкова («Ода на выздоровление цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола Российского», 1771), М. В. Ломоносова («Ода на день восшествия <...> императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»), В. А. Жуковского («Благоденствие России, устрояемое великим ея самодержцем Павлом Первым», 1796), Н. М. Карамзина («Ода на случай присяги московских жителей императору Павлу I», 1797).

¹² А. М. Каховский был освобожден в 1801 г. по восшествии Александра I.

¹³ Так идут к звездам и так проходит земная слава (*латынь*) — выражения из «Энеиды» Вергилия и из «Подражания Христу» Фомы Кемпийского. — Описание прогулок и послеобеденных бесед в начале цитируемого фрагмента из мемуаров Шишкова относится к концу июля — началу августа 1797 г. — времени пребывания двора в Павловском.

¹⁴ Этот случай произошел в сентябре 1797 г. в Гатчине.

¹⁵ Пугач — Пугачев. Воспоминание П. И. Полетики относится к началу 1801 г.

¹⁶ Описанные тревоги в Павловске произошли 2 и 4 августа 1797 г.

¹⁷ Имеется в виду дело братьев Грузиновых (из донских казаков) — полковника Евграфа и подполковника Петра: в конце 1780-х гг. они начинали службу в гатчинской команде Павла, по восшествии на престол, как и все гатчинцы, возвышены, но в 1798 г. император разгневался на них; Евграф Грузинов был сначала заключен в крепость в Ревеле, а в 1800 г. вместе с братом выслан под надзор на родину; там, на Дону, братья вели себя дерзко, полковник Евграф грозился бунтом. «Я, — говорил он, — не так, как Пугач, но еще лучше сделаю» (*Эйдельман 1982. С. 125*). Грузиновы были лишены дворянства и приговорены к телесному наказанию, во время которого Евграф Грузинов умер. Генерал Репин, командовавший экзекуцией, был отдан Павлом под суд за превышение полномочий. — Дело происходило в одном из казачьих центров на Дону — Старочеркасске.

¹⁸ Впрочем, говорят, «после трагической кончины Павла распространилась молва, что императора Павла удавили генералы да господина за его справедливость и за сочувствие простому народу, что он — му-

ченик, «святой»; молитва на его могиле <в Петропавловском соборе> — спасительна: она помогает при неудачах по службе, когда обходят назначениями, повышениями и наградами, в судебных делах, помогая каждому добиться правды в судах, — в неудачной любви и несчастливой семейной жизни» (*Ключков. С. 583*).

¹⁹ Перевод: «<...> что вообще он уже не тот, что прежде, что не чувствует в этом никакой потребности, что физически он уже ни на что не пригоден и что в конце концов он полагает, что в этом отношении он просто парализован».

²⁰ Гнев Павла на Нелидову и на Марию Федоровну немедленно выразился в увольнении от службы близких к ним лиц: 22 июля 1798 г. были отставлены вице-адмирал С. И. Плещеев и генерал Ф. Ф. Буксгевден — петербургский губернатор; на должность Буксгевдена назначен П. А. Пален; 8 августа уволен от должности генерал-прокурора князь Алексей Куракин; 19 августа — полковник А. И. Нелидов, брат Нелидовой; 6 сентября — генерал-лейтенант А. А. Боратынский, племянник Нелидовой; 9 сентября отставлен от должности вице-канцлера князь Александр Куракин. 24 августа, узнав о том, что жена генерала Буксгевдена выражала недовольство совершаемым переворотом, Павел приказал ей выехать из Петербурга. Нелидова объявила, что она уедет вместе с ней. 5 сентября супруги Буксгевдены вместе с Нелидовой отправились в Эстляндию. Нелидова вернулась в Петербург в 1800 г. — она поселилась в Смольном монастыре и ко двору более не возвращалась.

²¹ Имя *Анна* переводится как *Божья благодать*.

²² Речь идет о русско-турецкой войне 1787—91 гг., русско-шведской войне 1788—90 гг., разделах Польши между Россией, Австрией и Пруссией (1793; 1795 гг.), персидском походе 1796 г. (в прикаспийские провинции Персии).

²³ Анахронизм: ввоз иностранной литературы был воспрещен уже после военных действий 1799 года — см. указ от 18 апреля 1800 г. (*ПСЗ. № 19387*).

²⁴ См. приказ рижскому военному губернатору от 28 июня 1798 г. Все едущие в Россию иностранцы должны: а) получить рекомендательное письмо от какого-либо торгового дома к кому-либо из российских подданных или в какой-либо из русских торговых домов; б) завизировать это письмо у русского посланника в том государстве, где проживает иностранец; в) получить от посланника «свободный пропуск» на въезд в пределы России. Российские посланники имеют право выдавать визы только «несомнительным людям», проверять возможные случаи обмана и подлога со стороны едущих, подробно сообщать по дипломатическим каналам о каждом едущем с указанием маршрута и цели его движения. По прибытии иностранца на границу России пограничная стража должна: а) проверить его документы; б) известить об иностранце тех губернаторов, через чьи губернии он поедет; в) «сомнительных же задерживать на самой границе под присмотр» (*Анекдоты. С. 261—262*).

²⁵ Крстати, о веротерпимости. В вопросах веры Павел не отличался ни тупым обскурантизмом (как его бабка Елисавета Петровна), ни беспечной легкомысленностью (как его отец Петр Третий), ни осторожным лицемерием (как его мать Екатерина Вторая). Конечно, он от природы имел склонность к мистической экзальтации и, соответственно, к заглядыванию в потустороннюю беспредельность — мы знаем это по его собственным рассказам о его видениях (встреча с призраком Петра Первого, видение накануне смерти Екатерины) и по неизвестному нам в подробностях, но бесспорно имевшему мес-

то вниманию Павла к собраниям масонских лож. Однако он был слишком просвещен для того, чтобы акцентировать свой мистицизм на публике — поэтому михайлоархангельскую семантику его царствования следует расценивать прежде всего как «политическую стратегию» (Балотов. С. 256), в которой вряд ли стоит преувеличивать степень выставленной напоказ интимных чувств царя. Что же касается православной церкви, то, нет спору, Павел, будучи вполне верующим человеком, относился к своей церкви не совсем так, как обычный верующий, ибо занимал особенное место русского императора — т. е. лица, по своему статусу стоящего над церковью (что он прямо продемонстрировал во время коронации). Но он отнюдь не считал православную церковь единственно возможной церковью в России. Разумеется, он не сомневался в ее исключительном праве на лидерствующее положение среди других конфессий. Однако это не означало, что другие конфессии следует угнетать, изгонять или не допускать. Он издал указы, переводящие старообрядцев в твердое легальное состояние, он ободрял иезуитов, он стал магистром католического ордена-государства, он предлагал папе Пию VII политическое убежище в России и готов был заключить политический союз с римско-католической церковью.

²⁶ Поскольку все лица, упоминаемые в этой книге, интересуют нас только в отношении к императору Павлу и мы не останавливаемся здесь на судьбе отдельных персонажей его царствования, то и Суворов исчезает из действия после этой фразы. Но так как Суворов, в отличие от других персонажей, не доживет до смерти Павла, почтим его память подобающей эпитафией с комментариями:

Честь воздая, помни, прохожий!
Кто здесь лежит, кто богатырь^{а)}:
Умер в немилости^{б)}, пал не в сражении^{в)},
Многих убил — всё воевал.
(Киж. С. 227)

а) Реминисценция из стихотворения Державина на смерть Суворова «Снигирь»:

С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?

б) В марте 1800 г. Павел разжаловал Суворова из национальных героев за то, что генералиссимус продолжал вести себя противно новому воинскому уставу: «Вопреки высочайше изданного устава генералиссимус князь Итальянский имел при корпусе своем по старому обычаю непременного дежурного генерала, что и делается на замечание всей армии» (Приказ Павла I от 20 марта 1800 // Суворов. С. 269). О статуе Суворову, которую обещано было поставить перед главным фасадом Михайловского замка, больше не вспоминали. Вместо нее поставили статую Петра Первого, отлитую еще при Елизавете Петровне и до сих пор не нашедшую места на петербургских стогнах.

в) В марте 1800 г. Суворов занедужил, сдал командование, приехал в Петербург, разболелся и 6 мая умер. Павел не хотел устраивать торжественные похороны. «За гробом шли три жалкие гарнизонные батальона. Гвардии не нарядили, под предлогом усталости солдат после парада. Зато народ всех сословий наполнял все улицы, по которым везли его тело. <...> И в Павле доброе начало наконец взяло верх. Он выехал верхом на Невский проспект и остановился на углу императорской библиотеки. Кorteж шел по Большой Садовой. По

- приближении гроба император снял шапку, перекрестился и заплакал» (*Греч. С. 174*).
- 27 Прапорщик Мельницкий был привлечен к следствию в 1799 г.
- 28 Поручик Кемпен был осужден в ноябре 1799 г., но каторги избежал — видимо, по протекции брата, генерал-лейтенанта; был восстановлен на службе (*Эйдельман 1982. С. 174*).
- 29 Князь В. Ф. Сибирский был сослан в Сибирь в начале 1800 года; по восшествии Александра I прошен и возвращен.
- 30 Дело извозчика Козырева относится к маю 1800 г.
- 31 Вице-канцлер Никита Петрович Панин, сын Петра Ивановича и племянник Никиты Ивановича Паниных, был одним из инициаторов заговора против Павла I, наряду с И. Рибасом. Однако Панин был отставлен в ноябре 1800 г. и выслан в Москву, а Рибас неожиданно умер в начале декабря 1800 г., и организовывать революцию пришлось одному Палену. О Рибасе и Панине см. подробнее: *Шильдер; Эйдельман 1982*.
- 32 История с запрещением графине Строгановой обедать в три часа дня случилась весной 1800 г.
- 33 Анекдоты о полковнике Кижэ и о живом мертвце легли в основу сюжета повести Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Кижэ».
- 34 Дело пастора Зейдера было решено судом в июне 1800 г.
- 35 Тугут — австрийский министр иностранных дел, Питт — английский премьер-министр, Бернсторф — датский министр.
- 36 27 февраля 1801 г. казаки выступили в поход. 18 марта 1801 г., через неделю после убийства Павла, Александр I распорядился их вернуть.
- 37 Князь Александр Куракин, уволенный от службы в сентябре 1798 г. за сообщество с мадемуазель Нелидовой, был возвращен в феврале 1801 г.; Оболянинов был в 1801 г. генерал-прокурором.
- 38 Генерал-лейтенант Аракчеев в 1801 г. являлся уже не бароном, а графом. Он, действительно, был безусловно верен императору Павлу — в его графский герб император собственноручно вписал девиз: «Без лести предан».
- 39 См.: «Ежели великий князь <Петр II> без наследников преставится, то имеет по нем цесаревна Анна с своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и десценденты, а потом великая княжна <Наталья, сестра Петра II, умершая в 1728 г.> и ее десценденты наследовать, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однако ж никогда российским престолом владеть не может, который не греческого закона или кто уже другую корону имеет» (*Соловьев. Кн. X. С. 78*).
- 40 Речь идет о двух войнах времен Анны Иоанновны: войне за польское наследство (1733—35) и русско-турецкой войне (1735—39).
- 41 Из басни В. К. Тредиаковского «Самохвал» (см.: *Тредиаковский. С. 179*). Впрочем, нет никакой уверенности в том, что Тредиаковский был бит именно за эту басню, поскольку вряд ли Вольтер читал «Самохвала», потому что, вероятнее всего, басня написана много позже описываемых событий и имеет в виду не Вольтера, а Ломоносова. У Вольтера был совсем другой повод для нападения на Тредиаковского — тому покровительствовал князь А. Б. Куракин, враг Вольтера, и этого было довольно для того, чтобы Вольтер мог отыграться кулаками на любом из его протеже. История удручения, доставленного Вольтером Тредиаковскому, подробно изложена в дознании Тредиаковского в Академию наук — см.: *Москвитянин. 1845. № 2. Отд. IV. С. 43—46*.
- 42 Елисавета Петровна родилась до венчания Петра I и Екатерины I.
- 43 Иоанн Антонович погибнет в ночь с 4 на 5 июня 1764 г. в Шлис-

сельбургской крепости во время попытки поручика В. Я. Мировича освободить его. «К нему приставлены были заслуженные два штаб-офицера, которым дано повеление: ни в коем случае живого его не выдавать. Сказанный поручик Мирович <...> подговорил солдат своей роты и с оными вломился в темницу несчастного Иоанна. Упомянутые два штаб-офицера, видя, что уже не осталось им никакого средства сбегать своего узника, закололи его. Таким образом Иоанн, двадцати четырех лет, окончил несчастную свою жизнь. Мирович, вошед в ту камеру, где он содержался, и увидя его мертвым, сам представил себя правительству как мятежника. Сенат и первенствующие государственные чины присудили на эшафоте отрубить ему голову» (*Энгельгардт. С. 300—301*). 15 сентября 1764 г. Мирович был казнен. Это была первая публичная казнь за последние 24 года. После казни Волянского в 1740 г. никому еще не отрубали голову на площади. «Народ, стоявший на высотах домов и на мосту, не обывший видеть смертной казни и ждавший почему-то милосердия государыни, когда увидел голову <Мировича> в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался, и перила обвалились» (*Державин. Записки. С. 45*).

⁴⁴ См. в уже цитированной инструкции А. П. Бестужева-Рюмина: «Пред полуднем в среду и субботу можно специально географиею и новейшею гисториею о России чтением жития Петра Великого и генерально точнейшим спознанием империи учреждений и уставов оной упражняться» (*Соловьев. Кн. XII. С. 328*).

⁴⁵ См.: «<...> игрушки, куклы и другие детские забавы <...> он любил до страсти: днем их прятали в мою кровать и под нее. Великий князь ложился первым после ужина и, как только мы были в постели, <...> играл до часу или двух ночи; волей-неволей я должна была принимать участие в этом прекрасном развлечении» (*Екатерина. С. 298*).

⁴⁶ «<...> он заставлял рядиться своих и моих слуг и моих женщин, и заставлял их плясать в моей спальней; он сам играл на скрипке и тоже подплясывал. Это продолжалось до поздней ночи; что меня касается, то под предлогами головной боли или усталости я ложилась на канапе <...> и до смерти скучала от нелепости этих маскарадов, которые его чрезвычайно потешали» (*Екатерина. С. 299—300*).

⁴⁷ «<...> он не знал ни одной ноты, но имел отличный слух и для него красота в музыке заключалась в силе и страстности, с которою он извлекал звуки из своего инструмента. Те, кому приходилось его слушать, часто с охотой заткнули бы себе уши, если бы посмели, потому что он их терзал ужасно» (*Екатерина. С. 298*).

⁴⁸ «<...> он устроил театр марионеток в своей комнате и приглашал туда гостей и даже дам. Эти спектакли были глупейшей вещью на свете» (*Екатерина. С. 282*); воспоминание относится к 1746 г.

⁴⁹ «Однажды великий князь, находясь в своей комнате за приготовлениями к своему так называемому спектаклю, услышал разговор в соседней комнате, и так как он обладал легкомысленной живостью, взял от своего театра плотничий инструмент <...> и понаделал дыр в заколоченной двери, так что увидел <...>, как обедала императрица, как обедал с нею обер-егермейстер Разумовский в парчевом шлафроке <...> и еще человек двенадцать из наиболее доверенных императрицы. Его императорское высочество, не довольствуясь тем, что сам наслаждается плодом своих искусных трудов, позвал всех, кто был вокруг него, чтобы и им дать насладиться удовольствием посмотреть в дырки, которые он так искусно проделал <...>. Я пришла последней и увидела их расположившимися у этой двери, где он наста-

вил скамеек, стульев, скамеечек — для удобства зрителей, как он говорил <...>. Меня испугала и возмутила его дерзость, и я сказала ему, что я не хочу ни смотреть, ни участвовать в таком скандале, который причинит ему большие неприятности» (*Екатерина*. С. 282—283).

⁵⁰ «<...> камергерам, камер-юнкерам, <...> камер-лакеям, садовникам, всем было дано по мушкету на плечо; его императорское высочество делал им каждый день учения, назначал караулы; коридор дома служил им кордегардией, и они проводили там день» (*Екатерина*. С. 293).

⁵¹ «<...> он составил себе свору собак и начал сам их дрессировать <...> поместил их за деревянной перегородкой, которая отделяла альков моей спальней от огромной прихожей, находившейся сзади наших покоев. Так как альков был только из досок, то запах псарни проник к нам, и мы должны были оба спать в этой вони. Когда я жаловалась на это, он мне говорил, что нет возможности сделать иначе, так как псарня была большим секретом» (*Екатерина*. С. 298—299).

⁵² «Как я ни была полна решимости быть в отношении к нему услужливой и терпеливой, признаюсь откровенно, что очень часто мне было невыносимо скучно <...>. Когда он уходил, самая скучная книга казалась восхитительным развлечением» (*Екатерина*. С. 347).

⁵³ Перевод: «Милостивая государыня. Прошу вас не беспокоится нынешнюю ночь спать со мной потому что уже поздно меня обманывать, кровать стала слишком узка, после двух недельной разлуки сегодня пол-день. — Ваш несчастный муж которого вы никогда не удостоаваете этого имени Петр» (*Петр III*. С. 259, 267; в переводе имитируется пунктуация и орфография французского текста).

⁵⁴ «<...> он почти навсегда сохранил это доверие до странной степени и помимо своей воли; он сам его не замечал, не подозревал и не остерегался» (*Екатерина*. С. 398).

⁵⁵ «Я очень хорошо видела, что великий князь совсем меня не любит; через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы» (*Екатерина*. С. 281); впрочем, судя по мемуарам самой Екатерины, первые годы ее семейной жизни были мало омрачены изменами великого князя; лишь дойдя до воспоминаний о 1750-х годах, она начинает с методической пунктуальностью упоминать имена избранниц Петра Федоровича: принцесса Курляндская (дочь Бирона), девица Шафирова, вдова Грот, дочь Г. Н. Теплова, певичка Леонора, Елисавета Воронцова (см.: *Екатерина*. С. 327, 354, 357, 398). Насчет своих фрейлин она была убеждена, что они «все либо наперсницы, либо любовницы великого князя» (*Екатерина*. С. 404).

⁵⁶ «Великий князь имел <...> троих лакеев, по имени Чернышевых, все трое были сыновьями гренадеров лейб-компании императрицы <...> Не знаю, по какому поводу старший Чернышев сказал однажды великому князю, говоря обо мне: «Ведь она не моя невеста, а ваша». Эти слова насмешили великого князя <...>, и с той минуты <...> Андрея Чернышева, говоря о нем со мною, он называл «ваш жених». Андрей Чернышев, чтобы прекратить эти шутки, предложил его императорскому высочеству, после нашей свадьбы, называть меня «матушка», а я стала называть его «сын» <...>. Однажды <...> мой камердинер Тимофей Евреинов отозвал меня и сказал, что он и все мои люди испуганы опасностью, к которой я, видимо для них, стремлюсь. Я его спросила, что бы это могло быть; он мне сказал: — Вы только и говорите про Андрея Чернышева и заняты им <...>, что вы называете добротой и привязанностью, <...> ваши люди называ-

- ют любовью» (*Екатерина. С. 287—288*). Скоро «все трое Чернышевых были сделаны поручиками в полках, находившихся возле Оренбурга», а затем посажены под арест (см.: *Екатерина. С. 294, 309*).
- ⁵⁷ Речь идет об Иоасафе Батурине, офицере Бутырского полка, которого в 1749 г., после допросов, посадили в Шлиссельбургскую крепость; там он содержался 20 лет, пока, уже при царствовании Екатерины, не стал разглашать о том, что Петр III жив — за это он был сослан в Камчатку, откуда бежал вместе с другими камчатскими ссыльными в 1771 г.
- ⁵⁸ В 1754 г. любимая служительница императрицы Анна Домашева положила под ее подушку заговоренные коренья — как сама она объясняла на допросах: для продления милостей государыни (см.: *Екатерина. С. 380*).
- ⁵⁹ «<...> в это время очень часто случалось, что когда ея императорскому величеству хотелось браниться, то она не бранила за то, за что могла бранить, но ухватывалась за предлог бранить за то, за что и в голову не приходило, что она может бранить» (*Екатерина. С. 355*).
- ⁶⁰ «Когда мы однажды приехали в Петергоф на куртаг, императрица сказала Чоглоковой <статс-даме Екатерины>, что моя манера ездить верхом мешает мне иметь детей <...>. Чоглокова ей ответила, что для того, чтобы иметь детей, тут нет вины, что дети не могут явиться без причины и что хотя их императорские высочества живут в браке с 1745 года, а между тем причины не было» (*Екатерина. С. 355*).
- ⁶¹ Имеется в виду так называемая «чистосердечная исповедь» Екатерины II: «Марья Чоглокова, видя, что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обоим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле тех, коих она на мысли имела, с одной стороны выбрали вдову Грот <для Петра Федоровича>, а с другой Сер<гея> Сал<тыкова>» (*Екатерина — Потемкину. С. 9*).
- ⁶² В мемуарах Екатерины II эти слова Петра Федоровича относятся ко времени рождения их второго ребенка — дочери Анны: к 1758 году.
- ⁶³ Пересказ описания иллюминации, составленного Ломоносовым, см.: *Ломоносов. Т. 8. С. 568—570*. Полное название ломоносовского текста: «Описание иллюминации, которая при высочайшем и всемилостивейшем присутствии Ея Императорского Величества к оказанию всеобщей радости о вожделеннейшем рождении Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича была представлена пред домом его сиятельства господина генерал-аншефа сенатора, Ея Императорского Величества действительного камергера, генерала адъютанта, лейб-компания подпоручика и разных орден кавалера графа Петра Ивановича Шувалова в Санкт-Петербурге Октября 26 дня 1754 года».
- ⁶⁴ Эта цитата, как и последующий план действий Екатерины на случай смерти императрицы Елизаветы в 1756 г., цитируется по ее письмам за август-сентябрь 1756 г. к английскому посланнику в Петербурге Ч. Уильямсу (см.: *Чечулин. С. 94—102*).
- ⁶⁵ См. об отношениях Екатерины с А. И. Шуваловым и его женой: «<...> я выказывала им глубокое презрение, я заставляла других замечать их злость, глупости, я высмеивала их всюду, где могла, всегда имела для них наготове какую-нибудь язвительную насмешку» (*Екатерина. С. 386*).
- ⁶⁶ См. собственные слова Екатерины: «<...> я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала об их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала беско-

нечные их рассказы об их юных летах, о нынешней скуке, о ветренности молодых людей, сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренне их благодарила. Я узнала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжевей» (РА. 1873. Кн. 3. Ст. 336—337).

⁶⁷ Имеются в виду дом И. И. Шувалова в Петербурге и меблировка дома М. И. Воронцова. (см.: *Екатерина*. С. 424, 405).

⁶⁸ Станислав Август Понятовский впервые попал в Петербург в 1755 г. как секретарь английского посла Ч. Уильямса, а в 1756—58 гг. находился здесь в качестве польского посланника.

⁶⁹ «Обычно император приходил в придворную церковь только к концу службы; он гримасничал, паясничал и передразнивал пожилых дам <...>» (*Дашкова*. С. 54, 49).

⁷⁰ Вот воспоминание, относящееся к февралю 1750 г.: «К концу масляной императрица вернулась в город. На первой неделе поста мы начали говеть. В среду вечером я должна была пойти в баню <...>; Чоголокова вошла в мою комнату, где находился и великий князь, и передала ему от императрицы приказание тоже идти в баню. <...> Он наотрез сказал <...>, что не надо приказывать того, что противно его натуре, что <...> баня, где он никогда не был, ему вредна, что он не хочет умереть, что жизнь ему дороже всего и что императрица никогда его к такой вещи не принудит» (*Екатерина*. С. 326—327).

⁷¹ «Офицеры обедали и ужинали при дворе. Но так как число придворных дам и кавалеров не превышало пятнадцати-шестнадцати и так как его императорское высочество страстно любил большие ужины, которые он часто задавал и в лагере и во всех уголках и закоулках Ораниенбаума, то он допускал к этим ужинам не только певиц и танцовщиц своей оперы, но и множество мешанок весьма дурного общества, которых ему привозили из Петербурга» (*Екатерина*. С. 417—418).

⁷² Цитата из «Разговоров Н. К. Загряжской» (*Пушкин*. Т. 8. С. 87).

⁷³ Воспоминание относится к осени 1761 года; реплики Петра Федоровича и Дашковой являются цитатами из дашковских мемуаров; ремарки — наши.

⁷⁴ Рассказ С. М. Соловьева о сентябрьском припадке Елисаветы Петровны основан на соответствующем эпизоде из мемуаров Екатерины II (см.: *Екатерина*. С. 429).

⁷⁵ Когда на другой день после ареста канцлера Екатерина спросила у одного из членов следственной комиссии по делу Бестужева-Рюмина — Н. Ю. Трубецкого — в чем дело, тот сказал: «Мы сделали то, что нам велели, но что касается преступлений, то их еще ищут. До сих пор открытия неудачны». Когда Екатерина спросила о том же у другого следователя — А. Б. Бутурлина — тот отвечал: «Бестужев арестован, но в настоящее время мы ищем причину, почему это сделано» (*Екатерина*. С. 438).

⁷⁶ «Болезненное состояние и частые конвульсии императрицы заставляли всех обращать взоры на будущее; граф Бестужев <...> знал антипатию, которую давно внушили великому князю против него; он был весьма сведущ относительно слабых способностей этого принца, рожденного наследником стольких корон. Естественно, этот государственный муж, как и всякий другой, возымел желание удержаться на своем месте; <...> к тому же он смотрел на меня лично как на единственного, может быть, человека, на котором можно было в то время основать надежды общества в ту минуту, когда императри-

- цы не станет. Эти и подобные размышления заставили его составить план, по которому со смерти императрицы великий князь будет объявлен императором по праву, а в то же время я буду объявлена его соучастницей в управлении <...>. Проект этого манифеста он мне прислал <...> через графа Понятовского <...>. Этот-то свой проект он и успел сжечь» (*Екатерина. С. 438—439*).
- 77 Когда Бестужева-Рюмина арестовали, Павлу было три с половиной года.
- 78 Дальнейший рассказ о том, как Екатерина вышла из затруднительного положения, основан на ее «Записках» (см.: *Екатерина. С. 442—455*); из них взяты все цитаты и прямая речь.
- 79 «Насчет своего племянника императрица была совершенно того же мнения, что и я; она так хорошо его знала, что уже много лет не могла пробыть с ним нигде и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращения, гнева или огорчения <...>. Доказательства этому были у меня в руках, так как я нашла между ее бумагами две собственноручные записки императрицы, не знаю, к кому именно <...>. В одной из них было такое выражение: *Проклятой мой племянник сегодня так мне досадил, как нельзя более*; а в другой она говорила: *племянник мой урод, чорт его возьми*» (*Екатерина. С. 447*).
- 80 «В сие же время случились великие морозы» (*Екатерина. С. 468*).
- 81 «Во время болезни <...> Елисаветы Петровны, в декабре месяце 1761 года, слышала я из уст Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловы, Петр Иванович, Александр Иванович и Иван Иванович чрезвычайно робеют о приближающей<ся> кончине государыни императрицы, о будущем жребии их; что от сей робости их рождаются у многих окружающих их разнообразные проекты; что наследника ее все боятся; что он не любим и не почитаем никем; что сама государыня сетует, кому поручить престол; что склонность в ней находят отрешить наследника неспособного, от которого имела сама досады, и взять сына его семилетнего и мне поручить управление, но что сие последнее, касательно моего управления, не по вкусу Шуваловым. Из сих проектов родилось, что посредством Мельгунова Шуваловы помирились с Петром III, и государыня скончалась без иных распоряжений» (*Екатерина. С. 462—463*).
- 82 Впрочем, по части показывания языков исполнители и подсказчики иногда не уступали повелителю. Вот начало именного указа от 16 февраля 1762 г. (составлен Д. В. Волковым) о секуляризации монастырских вотчин: «Как ее величество государыня императрица Елисавета Петровна, соединяя благочестие с пользою отечества и премудро различая вкравшиеся злоупотребления и предубеждения от прямых догматов веры и истинных оснований православных восточных церкви, за потребно нашла монашествующих, яко сего временного жития отрекшихся, освободить от житейских и мирских попечений <...>» (Цит. по: *Соловьев. Кн. XIII. С. 18*).
- 83 В кратком манифесте Екатерины о ее восшествии, составленном 28 июня при начале переворота, главной виной Петра III называлось намерение заменить православие лютеранством: «Всем прямым сынам отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому государству начиналась самым делом, а именно закон наш православный греческий первее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасностью переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона <...>» (*ПСЗ. № 11582*). — «До сих пор остается неясным, что дало повод для такого утверждения. В справке из Шлезвигского

архива, относившейся к летним месяцам 1762 г., <...> утверждалось, что Петр III советовался с Фридрихом II о введении в России лютеранства <Schleswig-Holsteinisches Landesarchiv, 8. I. S. II. № 12>; о замыслах церковной реформы писали и авторы ряда немецких брошюр, изданных по следам событий 1762 года. Но в законодательстве Петра III это отражения не получило, если не считать нескольких указов по конкретным поводам, вроде запрета устраивать домовые церкви, поскольку сооружение храмов дело не частное, но общее» (*Мыльников 1991. С. 53*).

⁸⁴ Правильнее: Георг (Георгий) Голштейн-Готторпский (1719—63), бывший до своего призыва в Петербург генералом в Пруссии; Петр III присвоил ему звание фельдмаршала.

⁸⁵ По словам очевидца, в мае 1761 г., после шумного празднования мира с Пруссией, неблагоприятные для Петра III слухи стали учащаться, и «бывший до того, но еще сносный и сокровенный народный ропот увеличился тогда вдруг скорыми шагами и дошел до того, что сделался почти совершенно явным и публичным. Все не шептали уже, а говорили <...> въявь и ничего не опасаясь» (*Болотов. Записки. Т. 1. С. 376—377*).

⁸⁶ Договор о мире между Россией и Пруссией был подписан Петром III 24 апреля 1762 г.; по этому договору Фридриху возвращались все территории, захваченные русской армией во время войны. 30 апреля состоялся торжественный обед — очевидно, тот самый, во время которого Петр назвал Екатерину *folle*. 10 мая были устроены всенародные торжества в Петербурге — с иллюминацией и фейерверками (см. *Болотов. Записки. С. 372—373*).

⁸⁷ «План состоял в том, чтобы схватить его в его комнате и заключить, как принцессу Анну <Леопольдовну> и ее детей» (*Екатерина. С. 491*).

⁸⁸ См. признания самой Екатерины: «Все делалось, признаюсь вам, под моим ближайшим руководством <...>. Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых» (*Екатерина. С. 498, 491*). Ек. Р. Дашкова, которая очень хотела сыграть решающую роль в заговоре и которой препятствовали в исполнении этой роли и Екатерина, и Орловы, и ее дядюшка Н. И. Панин, вспоминала, что «все сошлись на том, что удар следует нанести, когда его величество и армия будут готовы к отправке в Данию» (*Дашкова. С. 62*).

⁸⁹ Дальнейший наш рассказ о событиях 27—29 июня основан на письме Екатерины II к Ст.-А. Понятовскому (см.: *Екатерина. С. 491—498*) и мемуарных записках Ек. Р. Дашковой, Я. Штелины, К. Рюльера, А. Шумахера, Г. Р. Державина и Д. Р. Сиверса. Источники указываются только в случаях прямого цитирования.

⁹⁰ Подтверждением или поводом слухов об удушении Петра III был цвет его лица после кончины: «О том, что этот несчастный государь умер именно такой смертью, свидетельствовал вид бездыханного тела, лицо у которого было черно, как это обычно бывает у висельников или задушенных» (*Шумахер. С. 299*); «Тело покойного было привезено в Петербург и выставлено напоказ. Лицо черное и шея уязвленная» (*Рюльер. С. 101*).

⁹¹ К. Рюльер, кроме Орлова и Барятинского, называл также Г. Н. Теплова и Г. А. Потемкина (*Рюльер. С. 100*), Шумахер называл убийцей лейб-кампанца Швановица. Рассказ Рюльера скорее всего является недостоверным, рассказ Шумахера любопытно было бы проверить.

⁹² См. далее: «<...> его сверкающие и быстрые глаза искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина <...>. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним,

каким образом объявить о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась <...> и продолжала обедать с тою же веселостью. Наутро, когда узнали, что Петр умер от геморроидальной колики, она показалась, орошенная слезами» (*Рюльер. С. 100—101*). Ср. с рассказом Н. И. Панина, цитированным выше по воспоминаниям В. Н. Головиной. Рассказ Рюльера подтверждает предположение о том, что Петр III скончался не 6 июня, как было официально объявлено, а ранее. Я. Штелин называл датой смерти 5 июня.

⁹³ Имеется в виду Северная война (1700—1721).

⁹⁴ По указу Екатерины II от 15 февраля 1786 г. воспрещалось называть прощения на высочайшее имя *челобитными* и подписываться словом *раб*, но слова *верноподанный* и *всеподданнейший* в употреблении оставлялись.

⁹⁵ Этот фрагмент заимствован Екатериной из сочинения Ш. Монтескье «О духе законов».

⁹⁶ См.: «<...> перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования» (*Пушкин. Т. 8. С. 93*).

⁹⁷ Цитируются замечания на «Наказ» А. П. Сумарокова (цит. по: *Соловьев. Кн. XIV. С. 32*).

⁹⁸ Речь идет о разделах Польши между Россией, Пруссией и Австрией (1772, 1792, 1794 гг.), в результате чего Польское королевство перестало существовать в качестве самостоятельного государства.

⁹⁹ Перифраза из письма Екатерины II к П. С. Салтыкову: «На начинающего Бог! Бог же видит, что не я зачала; не первый раз России побеждать врагов; опасных побеждала и не в таких обстоятельствах, как ныне находится; так и ныне от Божеского милосердия и храбрости его народа сего добра ожидать» (*Соловьев. Кн. XIV. С. 268*).

¹⁰⁰ После смотра флота в начале июня 1765 г. Екатерина II писала Н. И. Панину: «У нас в излишестве кораблей и людей, но у нас нет ни флота, ни моряков. В ту минуту, когда я подняла штандарт и корабли стали проходить и салютовать, два из них погибли было по оплошности их капитанов, из которых один попал кормою в оснастку другого <...>; добрый час они возились, чтоб выводить свои борта <...>. Потом адмиралу хотелось, чтоб они выровнялись в линию: но ни один корабль не мог этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконец, в 5 часов после обеда приблизились к берегу для бомбардирования <...>. До 9 часов вечера стреляли бомбами и ядрами, которые не попадали в цель» (*Сб. РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 23*).

¹⁰¹ «15 января <1769> крымский хан Крым-Гирей с большим войском (с лишком 70 000 человек) перешел русскую границу у местечка Орла, намереваясь с главными силами вторгнуться в Елисаветградскую провинцию, а оттуда в Польшу, где ждали его конфедераты; они указывали ему и дорогу. Татары, встреченные пушечными выстрелами в Елисаветграде, не решились брать эту крепость, а рассеялись для опустошения и сожжения окрестных селений; та же участь постигла и польские владения <...>. Опустошив, по обычаю, земли и врагов, и друзей, крымские разбойники, довольные ясырем, ушли за Днестр; и хан отправился в Константинополь, повез султану в подарок пленных женщин. Из Елисаветградской провинции было уведено более 1000 человек пленных, много скота, сожжено в ней было более 1000 домов. Другой татарский отряд пробрался к Бахмуту и опустошил также окрестности; отсюда выведено было пленных около 800 человек. Но это было последнее в нашей истории татарское нашествие!» (*Соловьев. Кн. XIV. С. 275—276*).

- ¹⁰² См.: «Когда хочешь рассуждений и хороших общих принципов, нужно советоваться с Паниным, но отнюдь не в делах частных, ибо тут он начинает увлекаться и так как он очень упрям, то он только введет вас в заблуждение» (*Екатерина. С. 488*).
- ¹⁰³ См.: «<...> этот сорокавосемилетний <в 1766 г.> человек, всю жизнь проведенный при дворе или в должности посланника, немного старомодный, одевавшийся изысканно и носивший парик à trois marteaux <в три локона>, всем обликом походивший на придворного Людовика XIV, был слабого здоровья и очень ценил покой» (*Дашкова. С. 54—55*).
- ¹⁰⁴ Димитрий (1582—1591), последний сын Ивана Грозного, погибший при невыясненных обстоятельствах в Угличе; его именем назвался самозванец, объявившийся в Польше около 1601 года и в 1605—1606 гг. занимавший царский престол в Москве; согласно легенде, пушенной правительством Бориса Годунова, Лжедмитрий был беглым дьяконом Чудова монастыря, находившегося в Московском Кремле.
- ¹⁰⁵ Известные по материалам следственных дел самозваные царевичи Алексей появлялись в 1715, 1723, 1724, 1731, 1738 гг. (см.: *Соловьев. Кн. IX. С. 184—185; Голикова. С. 177; Алефиренко. С. 325—326; Чистов. С. 118—119, 124—128*); ничего важного они не совершили и были арестованы только по факту самозванства. Значительно больше шуму произвели в 1732—34 гг. два самозванных царевича — Алексей Петрович в Тамбовской губернии и Петр Петрович на Дону; последний рассылал прелестные письма, зазывая казаков и мужиков к себе на службу. Обоих самозванцев казнили (см.: *Есипов. С. 433—439; Алефиренко. С. 325; Чистов. С. 126—127*). Петр Петрович — один из сыновей Петра I, умерших в младенчестве.
- ¹⁰⁶ Имеется в виду знаменитый бунт Беневского: Мориц-Август Беневский (он же барон Мориц Анадар де Бенев; он же барон Бейноск), один из пленных польских конфедератов, был сослан в Казань; оттуда бежал; был сослан в Камчатку; прибыл в Большерецк осенью 1770 г. в одной партии с сосланными гвардейцами Пановым и Степановым. Весной 1771 г. ссыльные захватили казенный галиот и, взяв с собой большое число местных жителей, отправились в бегство. Все камчатские ссыльные, кроме Беневского, во время плаванья умерли или погибли в боях с туземцами. В конце концов Беневский с небольшой группой бывших местных жителей Большерецка доплыл до южных берегов Франции. Бывшие большерецкие обитатели обратились к русскому послу в Париже с прошением о репатриации. Екатерина II их простила, и они вернулись в Россию. А Беневский отправился искать счастья дальше. Удача изменила ему в 1786 году: он погиб в бою на острове Мадагаскар. — Уходя из Камчатки, Беневский и товарищи оставили на берегу объявление в Сенат о незаконном отрешении Петра Третьего и присягнули перед прапором (знаменем), поднятым над захваченным галиотом, императору Павлу Петровичу: «Я, нижеименованный, в подтверждение присяги моей, паки обещаюся и клянусь всемогущим Богом, что я как на имя его императорского величества Павла Петровича прапор до смерти моей защищать должен буду, так всех, тому же прапору присягнувших, при всех случаях неотступно защищать, об их содержании печися не престану, доколе Бог Всевышний, Царь Небесный им с честью в свое отечество возвратиться поможет; в чем мне Господь Бог душевно и телесно поможет. В заключение же сей моей клятвы целую крест Спасителя нашего. Аминь» (*Сгибнев. С. 541*).
- ¹⁰⁷ Батюшков доживет до восшествия Павла и будет амнистирован в 1796 г.

¹⁰⁸ Подробности поиска невесты см.: *Кобеко. С. 79—83.*

¹⁰⁹ Календарные даты проставлены Порошиным, дни недели — уточнены составителем при публикации фрагментов дневника Порошина в настоящем издании.

¹¹⁰ Куракин Александр Борисович (1752—1818) — племянник Н. И. Панина; по восшествии Павла на престол будет назначен вице-канцлером.

¹¹¹ Приводим в кратком изложении содержание сохранившихся документов, относящихся к проектам Паниных — Фонвизина — Павла:

1) *Введение к конституции* (написано Д. И. Фонвизиним), под именованием «Рассуждение о непременных государственных законах», или «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и оттого о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей». — «Рассуждение» начинается знаменитыми словами: «Верховная власть вверяется государю для единого блага Его подданных...» — Далее рассуждается о следующем: I. Отечество в опасности от неустройства государственного правления: 1: нет закона о престолонаследии, и «престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность царския особы»; 2: нет законодательных ограничений для произвола власти, итога — смесь деспотии с анархией «не нрав государя приноравливается к законам, но законы к его нраву <...>. Тут, кто может, повелевает, но никто ничем не управляет <...>»; 3: ни одно из сословий, в том числе дворянство, не имеет политических прав, и все отстранены от управления; у власти оказываются случайные люди (фавориты), и «подданные поработены государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу <...>, и уже перестает всякое различие между государственным и государевым; между государевым и любимцевым»; 4: нет законодательного контроля за исполнительной и судебной властью ни в столицах, ни в провинции, и «кто может — грабит, кто не может — крадет»; 5: нет законов, обеспечивающих контроль над властью помещиков, и «мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся», может привести государство «в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели». — II. Надо обустроить Российскую Империю конституцией — «непременными государственным законами» — которая 1: предохранит государя от ошибочных решений — «государь, подобие Бога, преемник на земле вышней Его власти», должен Богу и ревновать; как «Бог <...> постановил правила истины <...>, по коим управляет Он вселенною», и не нарушает их, так и государь должен установить «правила непреложные, основные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам»; 2: предоставит подданным — всем и каждому — блаженство политической вольности, собственности и безопасности. — III. Ясность законов «должна быть такова, чтоб ни малейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права». — IV. Но нельзя уповать только на законодательные реформы; не ими едиными возможно обустроить Российскую Империю. Подлинно просвещенный государь не есть бездушная вершина исполнительной власти. Государь — «душа правимого им общества». Его непременные государственные достоинства, по подобию Божию, «правота и кротость» (справедливость и милосердие). — V. «Государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он *государь*. Тогда бывает он достоин имени Премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость. Ни что за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает

общую безопасность, предается всей строгости законов. Кто поведением своим бесчестит самого себя, наказывается его презрением. Кто не рачит о должности, теряет свое место. Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям. — Правота делает государя почтенным; но кротость <...> делает его любимым».

2) *Конспект конституции* под именованием «Прибавление к Рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Никиты Ивановича Панина, сочиненное генералом графом Петром Ивановичем Паниным, о чем между ими рассуждалось»: § 1. Об утверждении на все времена формы правления в виде конституционной монархии: «Монаршеского владения с фундаментальными, неперменными законами». § 2—3. Об утверждении краеугольного вероисповедания — православного — и о том, что русский царь может быть только православным. § 4—6. О свободе других вероисповеданий. О запрещении под страхом смертной казни переходить из православной веры в другую и о запрещении церкви силой принуждать к православию. — О запрещении под страхом наказания лицам одного вероисповедания клеветать на лиц другого или порочить чужую религию. § 7. О территориальной целостности Российской Империи: «О не раздроблении и о не разделении никакою самоизвольною властью Российской Империи, ни в наследства, ни в продажи, ни в мены, ни в заклады, ниже и ни под какими наименованиями или предложениями какого бы то роду и названия быть могло». § 8—14. Об утверждении прав престолонаследия — «с предпочтением мужской персоны и колена пред женской; об установлении возраста, в котором наследник может стать царем; об узаконении форм опекунов над малолетним императором и форм избрания нового монарха «на случай несчастливое пресечение наследственных к престолу колена» и проч. § 15—20. О правах дворянства, духовенства, купечества, мещанства, крестьянства; «о узаконении для каждого состояния государственных подданных личного наследственного права». § 21—22. «О праве собственности каждому»; «о праве над наследственными имениями». § 23. «О праве вольности к незапрещенному, но к позволенному законами». § 24—27. О правах и формах завещаний, разделов имений, приданных при замужествах, незаконнорожденных младенцев. § 28—29. «О правах родителей над детьми и должностях детей противу родителей»; «О праве и обязательствах между супружеством». § 30—31. О власти помещиков и о должности крепостных. § 32. О производстве судебных дел только в публичных судах. § 33. «О истолковании и утверждении истинного существа злодеянию, оскорбляющему Величество». § 34. Об утверждении «на все мирные времена» стабильного курса рубля и чеканке соответствующей монеты. § 35. Об установлении новых налогов только с санкции Министерского Совета и при утверждении монархом. § 36—37. Об утверждении при императоре органа конституционного контроля — «главного государственного присутственного места к надзору под очами самого монарха во всем государстве над всеми прочими присутственными местами <...> с наблюдением всю точность и неприкосновенность к неопровержению фундаментальных законов». § 38. Об учреждении при императоре апелляционного суда — «присутственного государственного места», «чтоб чрез оное только, а не какими другими дорогами приходили к самому монарху жалобы и доношения на последнее решение». § 39. Об утверждении государственного статуса всех присутственных мест. § 40. О ежегодном государственном бюджете на «со-

держание во всем государстве всех войск для обороны империи и славы государя». § 41. О государственном бюджете «на построение и на ежегодное содержание для всего государства четырех крепостей ко вмещению знатных гарнизонов» вблизи границ (о четырех главных границах России см. «Рассуждение» Павла 1774 года). § 42. О неприкосновенности бюджета на оборону. § 43. Об утверждении власти монарха относительно всего того, «чего в форме государственно-го правления и в фундаментальных правах точно не предписано». § 44. «О предположении формы присяги для всех государственных подданных на всеподданническое повиновение и соблюдение фундаментальных прав по установленной форме государственно-му монаршескому правлению. — Сочинено в селе Дугине, 1784 года, в месяце сентябре».

3) Проекты двух манифестов на случай вступления великого князя Павла на престол с исчислением «зловредностей, окоренившихся в обществе нашем», и главных способов их обустройства: объявлением фундаментальных законов и порядка престолонаследия.

4) Два письма от генерала графа Петра Ивановича Панина к великому князю Павлу с изъяснением причин, побудивших к сочинению конституции и манифестов (позорное угрыzenie сердец при воспоминаниях о том, как преступно и беззаконно были низвергнуты младенец Иван и Петр Третий; искреннейшая верность и всеподданническая любовь к наследнику престола).

Письма, манифесты, введение и конспект конституции были предназначены для вручения Павлу в будущем — когда он станет царем — «хотя уже и по смерти моей»; ныне же «не дерзнул я осмелиться поднести Вам сочинения <...> — Известны, по несчастию, ужасные примеры в Отечестве нашем над целыми родами сынов его за одни только рассуждения противу деспотизма, <да> и собственная Вашего Величества безопасность <...> еще в подвластном положении» (*Шумигорский 1907. Приложения. С. 1—35*). 1 октября 1784 г. П. И. Панин запечатал эти бумаги для вручения их в будущем Павлу. В 1789 г. он умер; в 1792 г. умер Фонвизин. «Бумаги таких персон, как Панин, после смерти обычно просматривал специальный секретный чиновник <...>. Денис Фонвизин успел припрятать наиболее важные, опасные документы, и они не достались Екатерине. Автор «Недоросля» сохранил по меньшей мере два списка крамольного «Рассуждения»: один у себя, а другой <...> в семье верного человека, петербургского губернского прокурора Пузыревского <...>. Наступит день, когда на престоле окажется Павел <...>. Родственники Фонвизина, видно, не торопились представиться Павлу и в течение всего его царствования благоразумно сохраняли у себя подлинную рукопись Введения к конституции. — Вдова губернского прокурора Пузыревского подносит ему пакет конспиративных сочинений Фонвизина — Паниных <...>. Подробности эпизода нам неизвестны, но после этого Пузыревская получила пенсию, Никите Ивановичу велено было соорудить памятник. И более ничего <...>» (*Эйдельман 1991. С. 92—93*).

¹¹² Граф А. К. Разумовский будет благополучнее всех — отправится посланником в дальние страны и переживет всех: он скончается в 1836 году. Следует заметить, однако, что, несмотря на красоту, он был человек неглупый и дельный.

¹¹³ Форма обращения Екатерины к сыну — *Вы* — не должна вызывать подозрений в холодной отстраненности этих фраз: это перевод с французского, а когда Екатерина разговаривала с сыном по-французски, она руководствовалась правилами речевого этикета, приня-

того тогда в этом языке; когда она говорила по-русски, говорила *ты, ты, батюшка* и т. п. (см. в записках Порошина 31 окт. 1765).

¹¹⁴ Когда в январе 1788 г. Екатерина категорически велела Павлу отложить свой отъезд в турецкую армию до майских родов Марии Федоровны, он, пытаясь ей возразить, сказал, что в Европе уже знают о его сборах, на что Екатерина отвечала: «Касательно предлагаемого мне вами вопроса, на кого вы похожи в глазах Европы? — отвечать нетрудно. Вы будете похожи на человека, подчинившегося моей воле» (*Екатерина — Павлу 18 января 1788 // РС. 1873. № 8. С. 866*).

¹¹⁵ «Гамлет» в перedelке А. П. Сумарокова был впервые поставлен в Петербурге в 1750 г., а в последний раз в Москве в 1760 г. Но это еще не означает, что «Гамлета» не ставили именно из-за возможных политических аллюзий. Шекспир вообще на русской сцене XVIII века был представлен ушербно: Екатерина написала подражание «Виндзорским проказницам» — комедию «Вот каково иметь корзину и белье» (постановки в Петербурге и в Москве в 1786—88 гг.); Екатерина же назвала свое историческое представление «Начальное управление Олега» «подражанием Шекспиру» (постановки в Петербурге в 1790—95 гг.), и в 1795—1800 гг. в Москве было несколько представлений «Ромео и Юлии» (перевод А. Ф. Малиновским французской перedelки трагедии Шекспира, выполненной Л. С. Мерсье) (*Ельницкая. Т. 1. С. 443, 442, 453, 462*). — Вот и все. Что же касается «Гамлета», то его не торопились ставить и в новом, XIX веке. Первая постановка в новом столетии — это перedelка трагедии Шекспира С. И. Висковатовым в 1810 г. (*Ельницкая. Т. 2. С. 464*).

¹¹⁶ Во французском оригинале: *altier, haut, violent*.

¹¹⁷ Бибиков умрет в Астрахани через два года — в 1784 г.

¹¹⁸ Во французском тексте мемуаров баронессы Оберкирх, откуда и заимствован весь рассказ Павла о встрече с призраком Петра I, разговор между прадедом и правнуком записан так: «Paul, pauvre Paul, pauvre prince! <...> Pauvre Paul! Qui je suis? Je suis celui qui s'intéresse à toi. Ce que je veux? Je veux que tu ne t'attaches pas trop à ce monde, car tu n'y resteras pas longtemps. Vis en juste, si tu désires mourir en paix et ne méprise pas le remords, c'est le supplice le plus poignant des grandes âmes». — Баронесса Оберкирх была одной из слушательниц Павла в тот брусельский вечер.

¹¹⁹ Обелиск «Конетабль» <Connétable> «построен крестьянином Архангельской волости, деревни Яичницы, Кирьяком Пластиным за 10.000 руб. ассигнациями, по контракту 1792 г. Высота с меднымверху шаром 15 саж. 1 арш. 13 вершков <...>. В 1886 году был весь разрушен ударом молнии и восстановлен в прежнем виде инж. Николая <...>. Д. Ф. Кобеко (с. 293) высказал предположение, что название «Конетабль» дано в подражание памятник конетабля Монморанси в Шантильи и что ограда, окружающая обелиск, есть счастливое подражание той ограде, которая окружала вышеупомянутый памятник. И это правдоподобно, так как у цесаревича и его супруги, путешествовавших по Европе в 1781 г. под именем графов Северных, остались самые лучшие воспоминания от Шантильи, где принц Конде устроил им великолепный прием» (*Лансере. С. 61*).

¹²⁰ «В каждое воскресенье и большой праздник был выход ее величества в придворную церковь; все, как должностные, так и праздные, собирались в те дни во дворце; те, которые имели вход в тронную залу, ожидали ее величества там; имеющие вход в кавалергардскую залу, в сей зале — и тут более всех толпились; а прочие собирались в зале, где стояли на часах уборные гвардии сержанты. Военные должны были быть в мундирах и шарфах, статские — во французских

кафтанах или губернских мундирах и башмаках; все должны были быть причесаны с буклями и с пудрою; обер-гофмаршал и гофмаршалы заранее, до выхода императрицы, ходили по кавалергардской зале и, ежели усматривали кого неприлично одетым, то просили такового вежливо выйти. За несколько времени наследник, великий князь с великою княгинею из своей половины переходили во внутренние комнаты государыни, которая в половине одиннадцатого часа выходила в тронную, где чужестранные министры, знатные чиновники и придворные ее ожидали. Там представлялись приезжие или по иным каким причинам имеющие вход за кавалергардов; там она удостоивала со многими разговаривать. В одиннадцать часов отворялись двери; первый выходил обер-гофмаршал с жезлом, за ним пажи, камер-пажи, камер-юнкеры, камергеры и кавалеры, по два в ряд; пред самую императрицу светлейший князь. Государыня всегда имела милый, привлекательный и веселый, небесный взгляд. Ежели были приезжие или отъезжающие, или благодарить ее за какую милость, но не имеющие входа в тронную, то представляемы были тут обер-камергером, и государыня жаловала целовать им ручку; за императрицею шел великий князь рядом с великою княгинею; за ними статс-дамы, камер-фрейлины и фрейлины по две в ряд. Тем же порядком государыня возвращалась во внутренние комнаты. Императрица кушала в час. Ежели кто хотел быть представлен великому князю и великой княгине, то представлялся на их половине в день, когда их высочества сами назначат. — Каждое воскресенье был при дворе бал или куртаг. На бал императрица выходила в таком же порядке, как и в церковь; перед залою представлялись дамы и целовали ее ручку. Бал всегда открывал великий князь с великою княгинею менуэтом; после них танцевали придворные и гвардии офицеры; из армейских ниже полковников не имели позволения; танцы продолжались: менуэты, польские и контрдансы. Дамы должны были быть в русских платьях, то есть особливого покроя парадных платьях, а для уменьшения роскоши был род женских мундиров по цветам, назначенным для губерний. Кавалеры все должны были в башмаках; все дворянство имело право быть на оных балах, не исключая унтер-офицеров гвардии, только в дворянских мундирах. — Императрица игрывала в карты с чужестранными министрами или кому прикажет; для чего карты подавали тем по назначению камер-пажи; великий князь тоже играл за особливым столиком. Часа через два музыка переставала играть; государыня откланивалась и тем же порядком отходила во внутренние комнаты. После нее спешили все разъезжаться. — В новый год и еще до великого поста бывало несколько придворных маскарадов. Всякий имел право получить билет для входа в придворной конторе. Купечество имело свою залу, но обе залы имели между собою сообщение, и не запрещалось переходить из одной в другую. По желанию, могли быть в масках, но все должны были быть в маскарадных платьях: доминах, венецианах, капуцинах и проч. Императрица сама выходила маскированная, одна без свиты. В буфетах было всякого рода прохладительное питье и чай; ужин был только по приглашению обер-гофмаршала, человек на сорок в кавалерской зале. Гвардии офицер наряжался для принятия билетов; ежели кто приезжал в маске, должен был пред офицером маску снимать. Кто первый приезжал и кто последний уезжал, подавали государыне записку; она была любопытна знать весельчаков. Как балы, так и маскарады начинались в шесть часов, а маскарад оканчивался за полночь. — Один раз в неделю было собрание в эрмитаже, где иногда бывал и спектакль; ту-

да приглашаемы были люди только известные; всякая церемония была изгнана; императрица, забыв, так сказать, свое величество, обходилась со всеми просто; были сделаны правила против этикета; кто забывал их, то должен был в наказание прочесть несколько стихов из «Телемахиды», поэмы старинного сочинения Тредьяковско-го. — У великого князя по понедельникам были балы, а по субботам на Каменном острове, по особому его приглашению лично каждого чрез придворного его половины лакея; а сверх того наряжались по два гвардии офицера от каждого полка» (*Энгельгардт. С. 237—239*).

¹²¹ «В покоях его достопримечательны были три комнаты: из которых в первой мог быть всяк, кто хотел; во вторую входили только знатные особы и находившиеся при нем главные чиновники. Он тут всякое утро, сидя на развалистых креслах, чесался и обыкновенно в сие время читал бумаги <...>. Никто перед ним не смел сесть, выключая разве самых именитых вельмож. Третья комната составляла его кабинет или спальню, куда никто, кроме самых близких к нему людей, не мог входить. Из ней по маленькой лестнице был ход во внутренние императрицыны покои» (*Шишков. С. 8*). О том, каков наглец был князь Платон Зубов, красноречиво свидетельствует один мало-достоверный анекдот. Однажды во время обеда за столом шла общая оживленная беседа, в которой один Павел не участвовал. Екатерина, привлекая сына к разговору, спросила его, с чьим мнением он согласен. — «С мнением Платона Александровича», — ответил Павел. — «Разве я сказал какую-нибудь глупость?» — спросил Зубов (*РС. 1876. Т. 17. С. 453*). Вообще же отношения Павла с последним фаворитом матери были неприязненными. «Великий князь крайне враждебно настроен против Зубова. Он желает зримых подтверждений тому, что Зубов — не более чем подданный, а он — великий князь. Между тем Зубов всемогущ, а он — ничто» (*Ф. В. Росточин — С. Р. Воронцову, 1 декабря 1793 // АкВ. Т. 8. Ч. 1. С. 83—84*).

¹²² В конце концов домашние истерики привели к тому, что Нелидова стала просить у Екатерины освобождения от фрейлинских обязанностей и хотя не с первого раза, но все же получила разрешение и стала жить в Смольном монастыре. Но Павел скучал без нее и по его усиленным просьбам она снова стала бывать у него. Однако в начале 1796 г. Павел увлекся другой фрейлиной — Н. Ф. Веригиной, невестой С. И. Плещеева. Видимо, он думал питать к ней те же рыцарские чувства, что и к Нелидовой, и после свадьбы Плещеева и Веригиной предоставил им достойные своего чувства апартаменты в Павловском и Гатчине. Вот тут уже Нелидова оскорбилась так же, как когда-то Мария Федоровна, и стала выговаривать Павлу, что он бесчестит свое имя и посягает на чужое счастье; Нелидова была убеждена в том, что внимание Павла к Веригиной — следствие интриги, затеянной турком Иваном (Кутайсовым). «Вы знаете нашего друга, — писала Нелидова кн. Александру Куракину в начале мая 1795 г. — Вы знаете, что едва новое чувство охватывает его сердце, оно овладевает всем его существом. Тогда все, что могло быть для него полезно, теряет значение и становится тем более неприятным, что совесть указывает ему всю подлость его поступка, и он забывается лишь следуя дальше по стезе зла <...>. Кутайсов, видя, что его повелитель доверен безупречно чистому лицу <т. е. Нелидовой>, поклялся перед теми, кого считает своими покровителями, <...> что он сумеет направить своего повелителя туда, куда он захочет <...>. И что же? Мое благоговение и неизбывная верность императрице, с которой я всегда хотела помирить великого князя, — эти столь есте-

ственные чувства стали ему подозрительны, и я потеряла возможность вступаться за кого-либо, не пробуждая в нем новых подозрений <...>. Тогда-то Кутайсов направил желание своего повелителя на то, чтобы приобрести иные привязанности, слишком далекие от той чистоты, которая соблюдалась в моих отношениях» (*Нелидова — Куракину 5 мая 1796. С. 277—278*). Кончилось тем, что с весны 1796 года Нелидова перестала появляться у Павла. Он выдержал характер несколько месяцев, но к осени заскучал и стал просить ее вернуться. Но даже когда он взошел на престол, примирение произошло не сразу — теперь уже Нелидова выдерживала характер, и только через два месяца после 7 ноября, после обильных благодеяний, сделанных ее родственникам, она вернулась, и ей были отведены особые покои в Зимнем дворце. — За исключением Нелидовой, большинство лиц, составлявших в конце 1780-х — первой половине 1790-х гг. павловско-гатчинское великокняжеское общество, т. е. лица, сопровождавшие великокняжескую чету на прогулках, готовивших совместно спектакли и участвовавших в прочих развлечениях (шахматы, жмурки, воланы), — это особы, равно дружественные и Павлу, и Марии Федоровне (некоторые еще со времени пребывания в свите графа и графини Северных). По мере того как Мария Федоровна предьявляла новые претензии к отношениям мужа с Нелидовой, и особенно после того, как она стала жаловаться на свою семейную участь Екатерине, почти все эти особы были поочередно заподозрены Павлом в тайном сговоре с женой и матерью и лишены права пребывания при его дворе. Кто-то лишался этого права навсегда, как мадам Бенкендорф или месть Лафермьер, кто-то, как Вадковский, Куракин и Плещеев, на время. Но так или иначе, к 1796 году около Павла не оставалось уже ни одного лица, которое он хоть раз не заподозрил бы в действиях против себя. Поэтому естественно, что он невольно начинал искать новых доверенных лиц, еще ни разу не заподозренных. В роли такого лица и оказалась девица Веригина. — Из прочих новых лиц следует обратить внимание еще на одну персону, чьим рассказом мы воспользовались в начале книги и чьим рассказом завершим книгу. Это Федор Васильевич Ростопчин. Павел стал особенно уважать его после истории, случившейся летом 1794 г., за которую Ростопчин был выслан на год из Петербурга. История такова: «Согласно разрешению императрицы, данному камергерам, оставаться сколько им угодно в Царском Селе, они забросили свою службу у великого князя в Павловске, и вследствие этого Ростопчин, находившийся там, не мог никуда оттуда уехать. Выведенный из терпения этой особой ссылкой, он решился написать циркулярное письмо, довольно колкое, в форме вызова на дуэль всем своим коллегам. Это письмо было составлено так, чтобы осмеять каждого, разбирая подробно мотивы его небрежности. Все эти господа обиделись и пожелали драться с Ростопчиным <...>. — Эта история дошла до государыни, и она, желая дать пример, сослала Ростопчина в свое имение» (*Головина. С. 117—118*). — «Великий князь негодовал и передал мне, что я могу полностью на него полагаться» (*Ростопчин. С. 98, 104*).

¹²³ Когда точно и где Павел был принят в масонскую ложу и в какую именно — неизвестно. «Для ясного, удовлетворительного разрешения этого вопроса собрано слишком мало фактического материала, и, быть может, он никогда не будет собран в достаточном количестве. Не говоря уже о тайне, которую масоны вообще старались облечь свою организацию и свою деятельность, масса документов об отношениях Павла к масонству была своевременно уничтожена заинте-

ресованными лицами, в том числе самим Павлом, когда он охладел к масонству, заметив, что «орден свободных каменщиков» не совместим с излюбленным им идеалом полицейского государства» (*Шуми-горский 1915. С. 135—136*). — Страсть к масонству в России появилась в 60—80-е гг. XVIII века, когда авторитет православной церкви слишком упал в глазах первого поколения европейски образованных столичных дворян и когда само это поколение стало на путь своего превращения в самостоятельное духовное сословие. Каждый, считавший себя мыслящим существом, вступал в масонскую ложу. Масонами были Никита Иванович Панин, его брат Петр Иванович, князь Николай Васильевич Репнин, друг детских игр и душа молодости Павла — князь Александр Куракин, постоянный член свиты Павла — Сергей Иванович Плещеев и проч., и проч., и проч. Цель масонства — искание истины; смысл масонства — самоусовершенствование каждого и всех, вступающих в ложу. Масон — каменщик, строящий здание духовной жизни и возвышающийся с каждым новым духовным кирпичом над жизнью мирской. Масонские правила — это формулы смысла жизни для тех, кто считает себя обязанным жить *честно и справедливо, по совести* (так сам Павел объяснял смысл своей жизни словами призрака Петра I): «<...> быть людьми *добрыми и верными*, или людьми чести и честности <...>». Через это масонство становится *средоточием* соединения и средством основать верную дружбу между людьми, которые без того должны были бы остаться в постоянном разъединении» (Цит. по: *Пытин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. СПб., 1916. С. 19—20*). Плюс мистический ритуал с использованием семиотических эквивалентов абстрактных категорий: отвес — символ равенства, наугольник — символ закона и проч. Плюс отсутствие великого мастера — начальника над всеми масонскими ложами — в России. Плюс сначала насмешки Екатерины над тем, что вроде бы разумные люди все-таки занимаются средневековыми забавами, а потом подозрение Екатерины о том, что тайности противонеленых игр могут заключать угрозу ее безопасности. Плюс было кому подражать — масоном был шведский король Густав Третий, масонами были германские принцы — Гессен-Кассельский, например, или герцоги Брауншвейгский, масоном был наследник прусского престола, а после смерти великого Фридриха король Пруссии — заочный друг Павла Фридрих Вильгельм. — Все сие в сумме дает однозначный результат: Павел не мог не хотеть вступить в масонскую ложу. — На допросах по делу Новикова один из масонов новиковского круга — князь Трубецкой — проговорился о том, что московские мартинисты хотели сделать Павла своим великим мастером и что он лично, Трубецкой, уверен, что Павел принят в ложу во время визита в Европу. Вероятнее, что Павел ко времени своего заграничного путешествия, т. е. к 1781 году уже был принят; косвенное тому подтверждение — замысел отправиться в европейский вояж через Москву: здесь, в Москве, Павел мог бы встретиться с мартинистами и взять от них какие-либо масонские документы для передачи европейским братьям. Вряд ли то могли быть документы политического толка — московские масоны, судя по их поведению и, самое главное, судя по нравственным мнениям и поступкам их главных действующих лиц (Новиков, Шварц, Ив. Вл. Лопухин), составляли не политическую, а моральную оппозицию правительству Екатерины, и самое большее, на что были пригодны политически, — это снискивать расположение своего будущего царя. «Под именем истинного масонства, — говорил Новиков на допросах 1792 года, — разумели мы то, которое ведет по-

средством самопознания и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем по стезям христианского нравоучения <...>. Всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное; и ежели ты заметишь хотя тень политических видов, связей и растерживания слов равенства и вольности, то почитай его ложным» (*Процесс Новикова. С. 425*). — Мы этим его оправданиям верим и по сему полагаем, что если и были какие-то бумаги, которые Павел мог бы передать от московских мартинистов к их заграничным братьям, — так это, по видимости, бумаги, касающиеся расширения прав русских масонов в сторону большей независимости здешних лож от лож западных. — «В записке Особой Канцелярии министерства полиции, приводимой М. И. Семевским <...>, указывается, что цесаревич Павел Петрович был *келейно* принят в масоны сенатором И. П. Елагиным в собственном его доме, в присутствии графа Панина (*Минувшие годы. 1907. II. С. 71*). Это известие кажется нам самым правдоподобным среди других версий о вступлении Павла Петровича в масонское братство уже потому, что вступление это действительно произошло и должно было произойти в тайне и не за границей, а именно в России, среди русских людей, чем устранялось всякое толкование об иностранных влияниях. Вероятнее всего также, что событие это совершилось <...> летом 1777 года, и, во всяком случае, не позднее 1779 года» (*Шумигорский 1915. С. 142*). Среди рукописей московских мартинистов находилась некогда песнь в честь вступления Павла в ложу:

<...> О старец, братьям всем почтенный,
Коль славно, Панин, ты успел:
Своим премудрым ты советом
В храм дружбы сердце царско ввел <...>
(*Шумигорский 1892. С. 249*)

Разумеется, очень сомнительно, чтобы Павел посещал собственной персоной масонские собрания — это могло бы навлечь и на масонов, и на него самого императрицыны меры. Но, как и во всем, что касается доцарской жизни Павла, здесь существенна не полнота реализации желаний, а воображаемая возможность их осуществления. Соответственно, масонские реминисценции можно наблюдать в коренных нравственных императивах Павла (честность, справедливость, верность), в его мистических прорицаниях и в его страхах смерти (*помни о смерти* — масонский призыв, лежащий в основе самоусовершенствования). — После восшествия на престол Павел немедленно амнистировал Новикова и всех пострадавших по мартинистскому делу 1792 года; будучи во время коронации в Москве, он, говорят, даже явился на собрание московских масонов и, пожав всем и каждому руку, сказал: «В случае надобности пишите мне просто, по-братски и без всяких комплиментов». Но, говорят еще, тогда же Павел посоветовал им отложить до лучших времен собрания лож — ввиду якобинских опасностей, которые могут произойти от тайных сходок (*Шумигорский 1915. С. 151*), а как известно, советы царские иначе как за повеления приемлемы быть не могут. После вступления на престол Павел предпочитал гласные способы искания справедливости и честности и осваивал новые знаковые системы, чему подтверждением служат строительство Михайловского замка и протекторат над Мальтийским орденом. Словом, в 1796—1801 гг. масонов не преследовали, но и не поощряли, а поскольку вольность есть все то, что законами дозволяется, масоны при Павле считали за благо не афишировать свои собрания.

¹²⁴ Среди гатчинских командиров — самое мифологически знаменитое лицо: Аракчеев, друг души наследника Александра Павловича. Сам Павел, видимо, не был к Аракчееву как-то более благоволителен, чем к другим старшим офицерам своей команды. Просто Аракчеев отличался сверхъестественной исполнительностью, и поэтому, естественно, ему поручались ответственные дела. Он попал в Гатчину осенью 1792 г. и скоро стал инспектором гатчинской артиллерии. «По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире <...>, глаза были у него впалые, серые, и вся физиономия его представляла страшную смесь ума и злости <...>. Во всякое дело он вносил строгий метод и порядок <...>. Он был искренно предан Павлу» (*Саблуков. С. 35*). — «Однажды, — рассказывал сам Аракчеев, — когда мне крепко досталось за упущение по службе караульного офицера — я побежал с горя в церковь и стал молиться, класть земные поклоны и, чувствуя безвинность и думая, что лишился навсегда милости наследника престола, не мог удержать слез и даже зарыдал. В церкви не было никого, кроме пономаря, который тушил свечи. Вдруг послышались за мною шаги и звуки шпор. Я вскочил и утер слезы, оглянулся и вижу: наследник престола! — О чем плачешь? — спросил он меня ласково. — Мне больно лишиться милости вашего императорского высочества! — Да ты вовсе не лишился ее! — примолвил наследник, положив мне руку на плечо. — И никогда не лишишься, когда будешь вести себя и служить так, как до сих пор. Молись Богу и служи верно: а ты знаешь, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадают! <...> — Я бросился на колени перед наследником и в избытке чувств воскликнул: — У меня только и есть, что Бог да Вы!» (*Булгарин. С. 217—218*). — «Его требования к подчиненным были неограниченны и безмерны: все семейные связи следовало приносить в жертву службе <...>. Все у него делалось по часам, он любил порядок и чистоту, особенно же пыли нигде терпеть не мог» (*Из мемуаров Е. Ф. Фон-Брадке и И. И. Европеуса // Аракчеев. С. 5*). Во время царствования Павла он занимал высокие командные должности, получил один за другим два титула — сначала баронский, потом графский. Но дважды он допустил упущения по службе и дважды был от службы отставлен. — Сначала в феврале 1798 г., после того, как довел бранными словами до самоубийства полковника Лена. «Отлично зная людей, он <...> мастерски умел отыскивать и затрагивать чувствительнейшие струны человеческого сердца» (*Из записок Фон-Брадке // Аракчеев. С. 5*). Впрочем, в августе 1798 г. он был возвращен в службу, но в октябре 1799-го уволен вторично за ложное донесение: в Арсенале во время дежурства караула под командой младшего брата Аракчеева случилась покража; Аракчеев, докладывая о происшествии Павлу, свалил вину за недосмотр на генерала Вильде; тот оправдался, и Аракчеев был отставлен. В третий раз он вступил в службу уже после смерти Павла — в 1803 г. по личному вызову Александра I. До самой смерти Александра он оставался при нем верным гатчинским дядькой, стерегущим вечно юного царя от опасных влияний и соблазнов молодости. — Говорят, в новгородском имении Аракчеева Грузино был скульптурный бюст императора Павла, и во время обеда Аракчеев распорядился ставить перед бюстом отдельный прибор.

¹²⁵ Надежда на лучшее будущее — свойство всякого живого организма. Когда лучшее будущее не наступает или когда вместо лучшего наступает иное будущее, всегда бывает обидно. Люди меточувствительные, люди уставшие, люди с чуткой душой и с надорванной психикой обижаются особенно часто. Они обижаются потому, что ищут

причин неудачи вне себя, а внутри себя не ищут. Если бы они заглянули внутрь, то увидели бы, что на самом деле это они сами возложили на будущее непосильные надежды и что обмануло не будущее, а предали собственные мечты. — Вообще в жизни всякого, не только с чуткой душой, человека наблюдается одна и та же, повторяющаяся с регулярным постоянством, цепная реакция: 1) сначала мы строим образ идеального будущего; 2) потом мы досаждаем на препятствия, мешающие срочной материализации своего образа; 3) и наконец, мы оскорблены тем, что наш идеальный образ не воплотился наяву, бьемся в истерике и мечем молнии гнева. Чем острее мечта, тем яростнее разочарование.

Образ идеального будущего был задан императору Павлу Первому самим его происхождением и воспитанием. С тех пор как он себя помнил, он знал, что является наследником престола, будущим русским царем с неограниченными властными полномочиями. Однако чем старше он делался, тем больше становилось препятствий для материализации образа будущего, пока в конце концов в 1793—1796 гг. не стало ясно, что того будущего, к которому он так долго готовился, — не будет. И чем яснее он это понимал, тем беспросветнее мрачнела его душа. — И вдруг будущее неожиданно свалилось на него: 7 ноября 1796 года он внезапно стал царем. И он стал немедленно материализовывать тот образ идеального царства, который сложился у него за сорок два года мечты о будущем, — тот образ, который намечался в «Рассуждении о государстве вообще» 1774 года, в «Рассуждении вечера 28 марта 1783 года», в «Наказе» 4 января 1788 года. До сих пор он имел только один практический опыт управления людьми — командование своими батальонами во время гатчинских вахт-парадов и маневров. Соответственно, и идеальное царство рисовалось ему подобным военной команде, в которой все и каждый — от первозванных вельмож до крепостных мужиков — знают устав своей жизни и действуют согласно этому уставу. Лишь только он стал царем, он перво-наперво распорядился о том, чтобы в войсках немедленно приступили к изучению нового устава военной службы. Его манифесты, указы и изустные повеления ставили фундамент для обширнейшего устава — устава жизни всех подданных без изъятия. Как будто он задался целью составить законы на все возможные случаи жизни. Может, и задался, ибо он был человек, верный старому порядку бытия, для которого вольность есть все, что дозволено законами. — В своей военной команде Павел лично знал всех и каждого и вникал во все события, происходившие в его усадьбах: штаб-офицер просит об отпуске на три дня; аудитора надо направить для производства следствия над пьяным извозчиком; музыкант явился с прошением о принятии его в батальон; гренадер желает жениться на дворовой девке и проч., и проч., и проч. (*Дела из приказов Павла по Гатчине и Павловскому за 1793—94 гг. // РА. 1870. Т. 8. Ст. 1438—1441*). — Так и теперь, получив в свои владения всю империю, Павел по-прежнему хотел знать обо всем, что в империи творилось, и, как уже было сказано, ему ежедневно докладывали о таких делах, ведение которыми подлежит квартальным надзирателям и ротным командирам. Недаром он разрешил всем обитателям империи подавать на свое имя жалобы и прошения. То есть он хотел бы охватить своим вниманием все свое царство: контролировать, регулировать, законоотворить все происходящее на пространстве от Петербурга до Камчатки...

В одном из приказов Аракчееву он писал: «Сведаль я, что офицеры ваши разглашают везде, что они не могут ни в чем угодить, <...>

то и извольте им сказать, что легкий способ сие кончить — отступить мне от них и их кинуть, предоставляя им всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и без них обороною государственною» (*РС. 1873. № 1. С. 488—489*). — Здесь сказано о самом страшном, с точки зрения Павла, наказании подданных: об их *цареоставленности*. Царство, по логике этого приказа, делится на две части: на царем призренных — это те, кто готов следовать повелениям императора и идти за ним ко благу всех и каждого, — и на царем покинутых — это те, кто не следует повелениям императора и остается без шансов на получение будущего блага. Царем призренные войдут вместе со своим царем в идеальное царство будущего, царем покинутые обречены на муку вечную: в лучшем случае в своих деревнях, в худшем — под следствием, на каторге и в ссылке... — Он хотел им помочь, хотел их спасти. Он писал и печатал для своих подданных манифесты и указы, но подданные не понимали его и своими неупорядоченными движениями разрушали образ идеального царства.

Сильный прообраз приказа Аракчееву находится в одном фольклорном сочинении о Страшном Суде (*Стихи духовные. С. 239*) — там Михаил Архангел объясняет грешникам, за что они осуждены на муку вечную в серном озере: «<...> У вас-то было на вольном на свету, у вас были церкви соборныя, во церквах были книги Божественныя, во книгах было написано, написано и напечатано, чем душу спасти, как во рай войти <...>». — Далее см. с. 14 настоящего издания.

ИЗДАНИЯ И АВТОРЫ (Список сокращений)

Биографические справки даны только об авторах мемуаров и иных современниках событий, о которых идет речь в книге.

АкВ — Архив князя Воронцова. СПб., 1870—1895. Граф **Воронцов** Семен Романович (1744—1832) — посол в Англии (1783—1806).

Алефиренко — Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50 годах XVIII в. М., 1958.

Алымова — Памятные записки Г. И. Ржевской // Русский архив. 1871. Кн. I. Вып. I. **Алымова** (в замужестве **Ржевская**) Глафира Ивановна (1758—1826) — фрейлина; в конце 1770-х гг. при дворе великого князя Павла.

Анекдоты — Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и проч. Составили Александр Гено и Томич. СПб., 1901.

Анисимов 1986 — Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986.

Анисимов 1993 — Анисимов Е. В. Анна Иоанновна // Вопросы истории. 1993. № 4.

Аракчеев — Лямина Е. Э., Давыдова-Пастернак Е. Е. «Кто ж он... преданный без лести?» <Фрагменты воспоминаний о графе Аракчееве> // Независимая газета. 1992. № 210 // **Аракчеев** Алексей Андреевич (1769—1834) — с 1792 г. при Павле I; барон (с 1797), граф (с 1799); с 1803 г. при Александре I; в 1815—25 гг. обладал большой властью; в установлении порядка и дисциплины неутомим.

Арнец — Von Arneth A. R. Joseph II und Leopold von Toscana. Vienne, 1872.

Архангельский — Архангельский А. Н. Блуждающий огонь: Рассуждение об Александре Первом // Дружба народов. 1996. № 11—12.

Астрологический календарь — Новый и полный астрономический телескоп, или Астрономический, астрологический, физический, экономический и политический календарь на 200 лет. М., 1819.

Беннигсен — Из записок графа Беннигсена // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Беннигсен** (Беннигсен) Леонтий Леонтьевич (Левин Август Готлиб) (1745—1826) — родом из Ганновера, в русской службе с 1773 г.; граф; генерал; три самых громких опыта его участия в истории России: убийство императора (1801), проигранное сражение Наполеону под Фридландом (1807); начальствование штабом русских армий в зачине Отечественной войны (1812).

Бильбасов — Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин, 1900.

Болотов — Болотов А. Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах <1796 г.> // Записки очевидца. Воспоминания. Дневники. Письма / Издание подготовил М. И. Вострышев. М., 1989. **Болотов** Андрей Тимофеевич (1738—1833) — поручик в отставке (с 1762), помещик Тульской губернии, селекционер, лесовод, сельскохозяйственный новатор, сочинитель.

Болотов. Записки — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков // Записки Андрея Тимофеевича Болотова: В 2 т. / Издание подготовил В. Н. Ганичев. Т. 1. Тула, 1988.

Боратынский — отцу — Письма А. А. Боратынского к отцу А. В. Боратынскому // РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. № 270. **Боратынский** Абрам Андреевич (1768—1810) — родственник Е. И. Нелидовой; в первой половине 1790-х гг. губернатор Гатчины и инспектор гатчинской пехоты; при Павле — генерал-адъютант; генерал-лейтенант; командир лейб-гвардии Гренадерского полка; с 1798 в опале; отец великого поэта.

Брикнер — Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1907.

Брикнер 1909 — Брикнер А. Г. Смерть Павла // Брикнер А. Г., Шиман Т. Смерть Павла Первого. М., 1909.

Булгарин — Булгарин Ф. В. Поездка в Грузино // Новоселье. Ч. 3. СПб., 1846. **Булгарин** Фаддей Венедиктович (1789—1859) — известный журналист конца царствования Александра I и во время всего царствования Николая I. Грузино — имение Аракчеева в Новгородской губ.

Валишевский — Валишевский К. Сын великой Екатерины. СПб., 1914.

Вацуро — Вацуро В. Э. Пушкинский анекдот о Павле I // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974.

Волконский — Рассказы П. М. Волконского, записанные с его слов А. В. Висковатовым в январе 1845 года // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. **Волконский** Петр Михайлович (1776—1852) — в 1796 адъютант в лейб-гвардии Семеновском полку; впоследствии начальник Главного штаба (1815—23), генерал-фельдмаршал (с 1843).

Всякая всячина — Еженедельник, издававшийся в Петербурге с января 1769 по май 1770 г. статс-секретарем Екатерины II Г. В. Козицким при участии самой Екатерины.

Вяземский — Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Издание подготовили А. Л. Зорин и Н. Г. Охотин. М., 1988. **Вяземский** Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, собиратель исторических анекдотов.

Гарновский — Записки Михаила Гарновского // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1—4; Т. 16. № 5—7. **Гарновский** Михаил Антонович (ок. 1754—1814) — артиллерии полковник; управитель делами светлейшего князя Потемкина.

Гейкинг — Записки барона Гейкинга // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907; **Гейкинг** Карл-Генрих (1751—1809) — родом из Курляндии; с 1777 в русской службе; сенатор.

Гоголь — Гоголь Н. В. О преподавании всеобщей истории // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1967.

Голикова — Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I по материалам Преображенского приказа. М., 1957.

Голицын — Голицын Ф. Н. Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания / Издание подготовили В. М. Бокова и Н. И. Цимбаев. М., 1996. **Голицын** Федор Николаевич (1751—1827) — в 1770-е гг. камер-юнкер, с 1786 — камергер при дворе Екатерины II; сенатор; дипломат; в царствование Павла — куратор Московского университета.

Головкин — Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. М., 1912. **Головкин** Федор Гаврилович (1766—1823) — граф, церемониймейстер двора в 1796—99 гг.

Головина — Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной. Перевод с фр. К. Папудогло. М., 1911. **Головина** Варвара Николаевна (1766—1819) — фрейлина.

Греч — Греч Н. И. Записки о моей жизни / Издание подготовили Р. В. Иванов-Разумник и Д. М. Пинес. М.; Л., 1930. **Греч** Николай Иванович (1787—1867) — журналист, издатель, сочинитель.

Грибовский — Грибовский А. М. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. **Грибовский** Адриан Моисеевич (1766—1833) — с 1792

управляющий собственной ея имп. величества канцелярии; в 1795—96 — статс-секретарь Екатерины II; при Павле в отставке.

Даль — Рассказы В. И. Даля о временах Павла I // Русская старина. 1870. Т. 2. № 9. *Даль* Владимир Иванович (1801—1872) — автор великого толкового словаря; о царствовании Павла записал несколько колоритных анекдотов, слышанных им от отца; самый знаменитый из них — о подпоручике Киже.

Дашкова — Дашкова Е. Р. Записки // Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под ред. С. С. Дмитриева. Издание подготовила Г. А. Веселая. М., 1987. *Дашкова* (в девичестве **Воронцова**) Екатерина Романовна (1743—1810) — княгиня, участница революции 1762 года; при Павле в ссылке.

Депеши посланников — La Cour de la Russie il y a cents ans: Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin, 1858 <Депеши английских и французских посланников из Петербурга>.

Державин — Сочинения Державина / Издание Д. Штукина. СПб., 1845. *Державин* Гаврила Романович (1743/44—1816) — поэт; наш Гораций; статс-секретарь Екатерины II (1791—93), при Павле сенатор, государственный казначей.

Державин. Записки — Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г. Р. Избранная проза / Издание подготовил П. Г. Паламарчук. М., 1984.

И. И. Дмитриев — Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Сочинения / Издание подготовили И. З. Сурат и А. М. Песков. М., 1986. *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт; наш Лафонтен; при Екатерине офицер лейб-гвардии Семеновского полка (в 1796 — капитан); в 1797—98 — обер-прокурор Сената.

М. А. Дмитриев — Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. *Дмитриев* Михаил Александрович (1796—1866) — племянник И. И. Дмитриева; сочинитель, автор мемуаров.

М. А. Дмитриев. Главы — Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Издание подготовили К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина, Т. Ф. Нешумова. М., 1998.

Добиаш-Рождественская — Добиаш-Рождественская О. В. Культ св. Михаила в латинском средневековье V—XIII веков. Пг., 1917.

Документы революции — Документы истории Великой Французской революции. Т. 1 / Издание подготовили А. В. Адо, Н. К. Наумова, Л. А. Пименова, Е. И. Федосова, Т. С. Черткова. М., 1990.

Документы ставки Пугачева — Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. / Издание подготовили А. И. Аксенов, Р. В. Овчинников, М. Ф. Прохоров. М., 1975.

Долгоруков — Долгоруков И. М. Капище моего сердца / Издание подготовил В. И. Коровин. М., 1997. *Долгоруков* Иван Михайлович (1764—1823) — в 1780-е гг. часто бывал при дворе Павла, участник домашних спектаклей, игр и смехов в Павловском и Гатчине; остроумный стихотворец.

Екатерина — Собственноручные записки императрицы Екатерины II // Екатерина II. Сочинения / Издание подготовили В. К. Былинин и М. П. Одесский. М., 1990.

Екатерина — Потемкину — Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791 / Издание подготовил В. С. Лопатин. М., 1997.

Екатерина — Храповицкому — то же издание, что и: *Храповицкий* (см. далее). Такое библиографическое сокращение принято в тех случаях, когда цитируются слова Екатерины, сказанные Храповицкому и им записанные. Записи Храповицкого, сделанные от собственного лица, сопровождаются указанием только его имени.

Ельницкая — Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка // История русского драматического театра: В 7 т. Т. 1—2. М., 1977.

Есипов — Есипов Г. В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880.

Живов, Успенский — Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды: В 3 т. Т. 1. М., 1996.

Жуковский — Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 1. СПб., 1902. **Жуковский** Василий Андреевич (1783—1852) — его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль; в 1797—1801 учился в Благородном пансионе при Московском университете.

ИВ — Исторический вестник, журнал; издавался в СПб.: 1880—1917.

Иван Грозный — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Издание подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М., 1993 (репринт издания 1981 г.). **Иван Васильевич** Грозный (1530—1584) — царь.

Иванов 1995—96 — Иванов О. А. Загадка писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9, 11, 12; 1996. № 1, 2, 3.

История России. Учебник 1996 года — История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1996.

Казнаков — Казнаков С. Павловская Гатчина // Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. СПб., 1995 (переиздание книги 1914 года).

Каменский 1992 — Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992.

Каменский 1997 — Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.

Карамзин — Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Издание подготовил Ю. М. Лотман. М.; Л., 1966. **Карамзин** Николай Михайлович (1766—1826) — в 1790-е годы жил в Москве, издавал журналы и альманахи; писал прозу и стихи; с начала 1800-х годов писал «Историю государства Российского».

Карамзин. Письма русского путешественника — Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Издание подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984.

Кастера — Castera F. P. Histoire du Catherine II. V. 1—3, Paris, 1797. — Это одна из первых историй царствования Екатерины II: некоторые материалы, представленные в сочинении Кастера, настолько уникальны, что позволяют сомневаться в их достоверности.

Киж — Кижь П. П. 7 ноября: Анекдоты и факты // Дружба народов. 1993. № 11—12. **Кижь** Подпоручик Полковникович — в царствование Павла служил в Апшеронском или в Азовском полку на Дону; см. исчерпывающие о нем сведения в анекдоте В. И. Даля (с. 86—87 настоящего издания).

Клочков — Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.

Ключевский — Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1—5. М., 1987—89.

Кобеко — Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. Издание третье. СПб., 1887.

Козельский — Козельский Я. П. Философические предложения. СПб., 1769.

Комаровский — Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. **Комаровский** Евграф Федотович (1769—1843) — служил в гвардии; служил при А. А. Безбородко; стал в конце карьеры генералом.

Корсаков — Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

Корф — Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I-го <1857> // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа) / Издание подготовили Е. Л. Рудницкая и А. Г. Тартаковский. М., 1994.

Коцебу — Записки Августа Коцебу // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Фон Коцебу** Август Фридрих Фердинанд (1761—1819) — комедиограф и романист; в 1800 году был арестован и сослан в Тобольск, через несколько месяцев освобожден.

Ланжерон — Из записок графа Ланжерона // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Ланжерон** Александр Федорович (1763—1831) — французский офицер на русской службе; с 1791 — полковник; в 1797 получил русское подданство; с 1799 — генерал-лейтенант.

Лансере — Лансере Н. Архитектура и сады Гатчины // Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. СПб., 1995 (переиздание книги 1914 года).

Ливен — Из записок княгини Ливен // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Ливен** (урожд. **Бенкендорф**) Дарья Христофоровна (1785—1857) — фрейлина, дочь статс-дамы, близкой подруги Марии Федоровны; жена (с 1800) военного министра Х. А. Ливена.

Лобанов-Ростовский — Лобанов-Ростовский А. Б. Дополнительные примечания к записке Коцебу // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907.

Ломоносов — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М.; Л., 1959. Михаил Васильич **Ломоносов** (1711—1765) был певец императриц и слава россов.

И. В. Лопухин — Записки И. В. Лопухина. Лондон, 1860. **Лопухин** Иван Владимирович (1756—1816) — в 1792 году преследуем по делу московских масонов-мартинистов; Павел I, зная редкую честность Лопухина, сделал его в 1797 г. своим статс-секретарем, но скоро Лопухин попал в немилость и отбыл служить в Москву.

П. П. Лопухин — Из рассказов о старине князя Павла Петровича Лопухина, записанных князем А. Б. Лобановым-Ростовским в 1869 году, после посещения Корсуна // Цит. по изданию: Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. М., 1996. **Лопухин** Павел Петрович — брат Анны Петровны, которой поклонялся Павел I с 1798 г., и сын П. В. Лопухина, назначенного по случаю императорского поклонения его дочери генерал-прокурором.

Лорер — Лорер Н. И. Записки декабриста / Издание подготовила М. В. Нечкина. Иркутск, 1984. **Лорер** Николай Иванович (1797/98—1873) — майор к 1825 году; с 1825 — декабрист.

Лубяновский — Воспоминания Ф. П. Лубяновского. М., 1872. **Лубяновский** Федор Петрович (1777—1869) — с 1796 адъютант фельдмаршала Н. В. Репнина; впоследствии сенатор, губернатор и проч.

Майков — Майков В. И. Избранные произведения / Издание подготовил А. В. Западов. М.; Л., 1966. **Майков** Василий Иванович (1728—1778) — поэт, знаменитый своими комическими поэмами; впрочем, торжественные оды тоже писал изрядно.

Манштейн — Манштейн Х. Г. Записки о России. СПб., 1875. **Манштейн** Христофор Герман (1711—1757) — прусский офицер на русской службе (1736—44); после отъезда из России поступил в военную службу к Фридриху II.

Мария Антуанетта — P.d'Hunolstein. Correspondance inédite de Marie-Antoinette. Paris, 1868. **Мария Антуанетта** (1755—1793) — королева Франции; супруга Людовика XVI (с 1770); дочь императрицы австрийской Марии-Терезии.

Мария Федоровна — *Нелидовой* — Correspondance de Sa Magesté

Impériale Marie Féodorowna avec Mademoiselle de Nélidoff, sa demoiselle d'honneur (1797—1801), suivie des lettres de Mademoiselle de Nélidoff au prince A. V. Kourakine / Publié par la princesse Lise Troubetzkoï. Paris, 1896. <Письма Марии Федоровны к Е. И. Нелидовой>. Императрица **Мария Федоровна** (1759—1828), в девичестве принцесса Вюртембергская София Доротея Августа Луиза — с 1776 русская великая княгиня, жена Павла.

Массон. Изд. 1996 — Массон Ш. Секретные записки о России, и в частности, о конце царствования Екатерины II и правлении Павла / Текст подготовили Е. Э. Лямина и Е. Е. Давыдова-Пастернак. М., 1996. **Массон** Шарль Франсуа Филибер (1762—1807) — француз, с 1786 — на русской службе: секретарь Н. И. Салтыкова, с 1795 — секретарь великого князя Александра Павловича; в декабре 1796 выслан из России.

Массон — Массон Ш. Секретные записки о России <...>. М., 1918.

Мертваго — Мертваго Д. Б. Записки. М., 1867. **Мертваго** Дмитрий Борисович (1760—1824) — при Павле I служил в Провиантской экспедиции Военной коллегии; впоследствии сенатор, генерал-провиантмейстер.

Милютин — Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857.

Б. Х. Миних — Миних Б. Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи / Перевод с фр. Е. Ю. Бок // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720—1760-е годы) / Издание подготовил Е. В. Анисимов. Л., 1991. **Миних** Бурхард Христофор (Христофор Антонович) (1683—1767) — уроженец Ольденбурга; с 1721 на русской службе; с 1730 генерал-фельдмаршал; при Елисавете Петровне двадцать лет прожил в ссылке.

Э. Миних — Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. Л., 1991. **Миних** Эрнст (1708—1788) — сын Б. Х. Миниха, с 1741 обер-гофмейстер Анны Леопольдовны; при Елисавете Петровне в ссылке.

Муханова — Из записок М. С. Мухановой // Русский архив. 1878. Кн. 1. **Муханова** Мария Сергеевна (1802—1882) — фрейлина императрицы Марии Федоровны, дочь обер-штальмейстера Сергея Ильича.

Мыльников 1987 — Мыльников А. С. Легенда о русском принце. Л., 1987.

Мыльников 1991 — Мыльников А. С. Петр III // Вопросы истории. 1991. № 4—5.

Наполеон — Наполеон. Избранные произведения. Т. 1. М., 1941. **Наполеон Бонапарт** (1769—1821) — с 1799 первый консул, в 1804—1814 император Франции.

Наумов — Наумов В. П. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования // На российском престоле: Монархи Российские после Петра Великого. М., 1993.

Нелидова — *Куракину* — Correspondance de Sa Majesté Impériale Marie Féodorowna avec Mademoiselle de Nélidoff, sa demoiselle d'honneur (1797—1801), suivie des lettres de Mademoiselle de Nélidoff au prince A. V. Kourakine / Publié par la princesse Lise Troubetzkoï. Paris, 1896. <Письма Е. И. Нелидовой к А. Б. Куракину>. **Нелидова** Екатерина Ивановна (1758—1839) — после выпуска из Института благородных девиц при Смольном монастыре в 1776 г. определена фрейлиной Екатерины II; самое доверенное лицо Павла в 1790—98 гг.

Оберкирх — Mémoires de la baronne Oberkirch sur la cour de Louis XVI et la société française avant 1789: 2 vol. — Vol. 1. Paris, 1853. Баронесса **Оберкирх** Генриетта Луиза — подруга детства императрицы Марии Федоровны, сопровождала ее во время путешествия по Франции и Нидерландам в 1783 году.

Оснадцатый век — Оснадцатый век. Исторический сборник: В 4 т. Издание П. И. Бартенева. М., 1868—69.

Пален — <Рассказ П. А. Палена о заговоре 1801 года в составе записок А. Ф. Ланжерона> // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Фон дер Пален** Петр Алексеевич (1745—1826) — генерал от кавалерии, военный губернатор Петербурга (в 1798—1801), граф (с 1799); изменил ход истории в марте 1801 года, но в июле того же года был отставлен Александром I от последующих изменений и более в историю не вмешивался.

Панчулидзе — Панчулидзе С. А. История кавалергардов: В 2 т. СПб., 1901.

Петр III — Письма в <еликого> к <нязя> Петра Федоровича // Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859.

Петрушевский — Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов: В 3 т. СПб., 1884.

ПНРИ — Памятники новой русской истории. Т. 1. СПб., 1871.

Полетика — Воспоминания П. И. Полетики // Русский архив. 1885. Т. 3. **Полетика** Петр Иванович (1778—1849) — при Павле I служил в Коллегии иностранных дел; впоследствии сенатор.

Порошин — Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича / Текст подготовил М. И. Семевский. СПб., 1881. **Порошин** Семен Андреевич (1741—1769) — в 1762 флигель-адъютант Петра III, в 1762—65 кавалер при Павле: преподавал ему математику.

Потемкин — Екатерине — То же издание, что и *Екатерина — Потемкину* (см. выше). **Потемкин** Григорий Александрович (1739—1791) — главное действующее лицо империи при Екатерине II (с 1774); светлейший князь (с 1783).

Процесс Новикова — Н. И. Новиков и его современники: Избранные сочинения / Издание подготовил Л. Б. Светлов. М., 1961. **Новиков** Николай Иванович (1744—1818) — московский издатель; в его типографиях была издана едва ли не треть всех вышедших в 1770—80-е гг. русских книг; в 1780-е — начале 1790-х организатор и руководитель московских масонов; в 1792 заключен в Шлиссельбургскую крепость по подозрению в антиправительственной деятельности; в 1796 освобожден Павлом I.

Процесс Радищева — Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. **Радищев** Александр Николаевич (1749—1802) — за сочинение и издание «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) был сослан в Сибирь; в 1796 по распоряжению Павла I возвращен из ссылки.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830.

Пугачев — Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Издание подготовили Р. В. Овчинников и А. С. Светенко. М., 1997. **Пугачев** Емельян Иванович (1742—1775) — с сентября 1773 по август 1774 — Петр Третий; казнен 10 января 1775 в Москве.

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977—79.

РА — Русский архив, журнал; издавался в Москве в 1863—1917 гг.

Радищев — Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Цит. по изданию: Русская проза XVIII века: В 2 т. / Издание подготовили А. В. Западов и Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1950. Т. 2.

Робеспьер — Робеспьер М. Избранные произведения: В 3 т. / Издание подготовили А. З. Манфред, А. Е. Рогинская, Е. В. Рубинин. М., 1965. **Робеспьер** Максимилиен (1758—1794) — вождь якобинцев; страж революции.

Ростопчин — Ростопчин Ф. В. Письма к С. Р. Воронцову и записка

«Последний день жизни императрицы Екатерины и первый день царствования императора Павла I-го» // Архив князя Воронцова. Кн. 8. Ч. 1. М., 1876. **Ростопчин** Федор Васильевич (1763—1826) — был облечен обширнейшим доверием у императора Павла: генерал-адъютант; директор почт; первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел; член императорского совета; граф (с 1799); получил за 4 года 8 орденов, земли, крестьян и прочие милости. Не успев повернуть ход истории в 1801 году (за три недели до смерти Павла был уволен от дел), сделал это впоследствии: будучи генерал-губернатором Москвы и обороняя ее в 1812 г. от Наполеона, сжег город до такой степени, что до сих пор никто не знает, хорошо он сделал или плохо и что было бы, если бы Москва не сгорела.

РС — Русская старина, журнал; издавался в Петербурге в 1870—1917 гг.

Русский литературный анекдот — Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века /Издание подготовили Е. Г. Курганов и Н. Г. Охотин. М., 1990.

Рюльер — Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение / Текст подготовил А. И. Юхт. М., 1996. **Рюльер** Клод-Карломан (1735—1791) — в начале 1760-х гг. секретарь французского посланства в Петербурге; его записки о перевороте 1762 года были опубликованы после смерти Екатерины II.

Саблуков — Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. **Саблуков** Николай Александрович (1776—1864) — офицер конной гвардии, к 1801 году полковник; в заговоре 1801 года не участвовал.

Санглен — Санглен Я. Я. Записки // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. **Санглен** Яков Иванович (1776—1864) — в 1790-е гг. мелкий служащий; более известен как правитель Особой (т. е. тайной) канцелярии Министерства полиции при Александре I (в 1812—16 гг.).

Сафонов 1974 — Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974.

Сафонов 1988 — Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

Сб. РИО — Сборники Императорского Русского Исторического Общества.

Сгибнев — Сгибнев А. С. Бунт Беневского в Камчатке в 1771 г. // Русская старина. 1873. Т. 15. № 3—4.

Сегюр — Сегюр Л. Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины // Россия XVIII века глазами иностранцев / Текст подготовил Ю. А. Лимонов. Л., 1989. **Луи-Филипп де Сегюр д'Агессо** (1753—1830) — французский посол в Петербурге с марта 1785 по октябрь 1789 г.

Сиверс — Из записок Д. Р. Сиверса // Русский архив. 1909. Кн. 2. Вып. 7. **Сиверс** Давид Рейнгольд (1732—1814) — голштинский офицер на русской службе; флигель-адъютант Петра III.

Сивков — Сивков К. В. Самозванство в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31.

Соловьев — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. X. М., 1993. — Кн. XI. М., 1993. — Кн. XII. М., 1993. — Кн. XIII. М., 1994. — Кн. XIV. М., 1994.

Стихи духовные — Стихи духовные / Тексты подготовил Ф. М. Селиванов. М., 1991.

Столетие Гатчины — Столетие города Гатчины. Гатчина, 1896.

Столыпин — Столыпин А. А. Воспоминания об А. В. Суворове // Москвитянин. 1845. Ч. 3. № 5—6. **Столыпин** Александр Алексеевич (р. 1774) — адъютант Суворова в 1795—97.

Суворов — Формулярный список А. В. Суворова / Подготовлен А. Г. Кавтарадзе // А. В. Суворов. К 250-летию со дня рождения. М., 1980. **Суворов** Александр Васильевич (1730—1800) — граф Рымникский (с 1789), генерал-фельдмаршал (с 1794), князь Итальянский и генералиссимус (с 1799).

Суворов. Документы — А. В. Суворов: Документы: В 4 т. / Под ред. Г. П. Мещерякова. М., 1949—53.

Суворов. Письма — Суворов А. В. Письма / Издание подготовил В. С. Лопатин. М., 1986.

Сухомлинов — Сухомлинов М. И. Фр. Лагарп, воспитатель императора Александра I. СПб., 1871.

Тартаковский — Тартаковский А. Г. Павел I // Романовы: исторические портреты. 1762—1917: В 2 т. — <Т. 2>. Екатерина II — Николай II. М., 1997.

Тредиаковский — Тредиаковский В. К. Избранные произведения / Тексты подготовил Л. И. Тимофеев. М.; Л., 1963. **Тредиаковский** Василий Кириллович (1703—1768) — секретарь, а в 1745—1759 академик Петербургской Академии наук; один из первых русских поэтов XVIII века.

Трухановский — Трухановский В. Г. Адмирал Нельсон. М., 1980.

Феофан — Феофан (Прокопович). История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской // Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России. 1725—1825 / Издание подготовил М. А. Бойцов. М., 1991. **Феофан (Прокопович)** (1681—1736) — архиепископ Новгородский (с 1720); церковно-политический деятель в последние десять лет царствования Петра I, при Екатерине I, Петре II и в первую половину царствования Анны Иоанновны.

Д. И. Фонвизин — Фонвизин Д. И. Полное собрание оригинальных сочинений / Под ред. А. И. Введенского. СПб., 1893. **Фонвизин** Денис Иванович (1744/45—1793) — автор бессмертных комедий; до 1782 года секретарь Коллегии иностранных дел (т. е. секретарь Н. И. Панина), затем — в отставке.

М. А. Фонвизин — Фонвизин М. А. Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1. / Тексты подготовили С. В. Житомирская и С. В. Мироненко. Иркутск, 1982. **Фонвизин** Михаил Александрович (1787—1854) — племянник Д. И. Фонвизина; генерал-майор к 1825 году; после — декабрист.

М. А. Фонвизин. Записки — Из записок Фонвизина / Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907.

Фридрих II — Ouvres de Frédéric le Grand. V. 6. Berlin, 1846; V. 15. Berlin, 1854. **Фридрих II (Великий)** (1712—1786) — король Пруссии.

Храповицкий — Памятные записки А. В. Храповицкого. М., 1862. **Храповицкий** Александр Васильевич (1749—1801) — статс-секретарь Екатерины II в 1783—93.

Цареубийство — Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907.

Чечулин — Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол. Л., 1924.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

Чижевский — Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.

Чистов — Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.

Шильдер — Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901.

Шильдер. Изд. 1996 — Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. М., 1996. — Переиздание книги 1901 го-

да. — В некоторых случаях, за неимением под рукой первого издания, мы делали ссылки на републикацию 1996 года.

Шиман — Шиман Т. Событие 11-го марта 1801 года // Брикнер А. Г., Шиман Т. Смерть Павла Первого. М., 1909.

Шишков — Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Берлин; Прага, 1870. **Шишков** Александр Семенович (1754—1841) — с 1798 вице-адмирал, член Адмиралтейской (Морской) коллегии; более известен не морскими походами, а сочинительством; славянофил в первом поколении.

Штейнгейль — Штейнгейль В. И. Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1 / Текст подготовили Н. Ф. Зейфман и В. П. Шахеров. Иркутск, 1985. **Штейнгейль** Владимир Иванович (1783—1862) — с 1792 кадет Морского корпуса, морской офицер; к 1825 подполковник в отставке, после — декабрист.

Штелин — Штелин Я. Я. Записки о Петре Третьем, императоре Всероссийском // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. Отд. 5. **Штели** Яков Яковлевич (1709—1789) — уроженец Швабии; с 1735 — адъютант Петербургской Академии наук; в 1742—1745 учитель великого князя Петра Федоровича; в 1753—1763 заведовал кабинетом и библиотекой Петра.

Шуйский — Шуйский В. К. Винченцо Бренна // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. Л., 1997.

Шумахер — Шумахер А. История низложения и гибели Петра Третьего / Текст подготовил М. А. Бойцов // Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России. М., 1991. **Шумахер** Андреас (1726—1790) — секретарь, затем — советник датского посольства в Петербурге в 1754—1764.

Шумигорский 1892 — Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна. СПб., 1892.

Шумигорский 1898 — Шумигорский Е. С. Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1898.

Шумигорский 1907 — Шумигорский Е. С. Император Павел I. СПб., 1907.

Шумигорский 1915 — Шумигорский Е. С. Император Павел и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем: В 2 т. Т. 2. Пг., 1915.

Эйдельман 1982 — Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982.

Эйдельман 1991 — Эйдельман Н. Я. Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз. М., 1991.

Эйдельман 1993 — Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII—XIX веков / Составитель А. Г. Тартаковский. М., 1993.

Энгельгардт — Энгельгардт Л. Н. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / Текст подготовила И. И. Подольская. М., 1988. **Энгельгардт** Лев Николаевич (1766—1836) — в 1783—86 адъютант светлейшего князя Потемкина; служил в армии, боевой офицер (участник штурмов Очакова в 1788 и Праги в 1794); к 1798 — полковник; с 1799 — в отставке по собственному желанию.

Янькова — Рассказы бабушки / Издание подготовила Т. И. Орнатская. М., 1988. **Янькова** Елизавета Петровна (1768—1861) — прожила долгую жизнь, сохранив многие собственные воспоминания и семейные предания, записанные с ее слов ее внуком Д. Д. Благово.

Я — Песков А. М. Боратынский: Истинная повесть. М., 1990.

СТРАНЫ И ГОРОДА

Австрия и ее владения: Чехия, Моравия, Венгрия, Хорватия, Австрийские Нидерланды (Антверпен, Брюссель), кое-что в Италии (Милан, Флоренция), к 1795 — южные польские земли (Краков, Львов).

Версаль — пригород Парижа; в XVIII веке резиденция французского короля.

Гатчина — пригород Петербурга; с 1784 усадьба Павла, после его восшествия на престол имеет статус города.

Германские герцогства и курфюршества, с указанием главнейших городов: **Голштиния** (Киль; с 1773 принадлежит Дании); **Вюртемберг** (Штутгарт); **Саксония** (Лейпциг, Дрезден); **Бавария** (Мюнхен); **Гессен-Кассель** (Марбург), **Ганновер** и проч.

Дания, королевство — находилось в XVIII веке там же, где сейчас, с небольшими территориальными расширениями и потерями (плюс-минус Голштиния и т. п.).

Дерпт — Тарту (Эстония).

Екатеринослав — Днепропетровск.

Елисаветград — крепость св. Елисаветы; при советской власти Кировоград.

Италийские государства: Королевство обеих **Сицилий** (Неаполь, Палермо); королевство **Сардиния** (Пьемонт, Савойя); **Папская область** (Рим); **Венеция** (Венецианская республика).

Курляндия — западная Латвия, с 1795 — Курляндская губерния России.

Лифляндия (Ливония) — северная Латвия и южная Эстония.

Мальта — остров в Средиземном море: южнее обеих Сицилий и восточнее Африки; владение католического ордена Иоаннитов.

Митава — сейчас город Елгава в Латвии.

Ораненбаум — пригород Петербурга, летняя резиденция Петра III.

Павловское — пригород Петербурга, с 1777 усадьба Павла; после его восшествия на престол имеет статус города и называется Павловск.

Персия, или **Иран** — владения в Дагестане, Армении, Северном Азербайджане.

Польша — королевство; до 1772 граничило с Российской Империей несколько южнее Риги и Пскова, западнее Смоленска и Киева; другие соседи Польши до того же времени — Пруссия, Австрия, Турция; к 1795 перестало существовать, будучи разделенным между Пруссией, Австрией и Россией; в итоге Могилев, Витебск, Вильно, Минск, Гродно, Брест отошли к России; Краков, Львов — к Австрии; Варшава — к Пруссии.

Порта — см.: Турция.

Потсдам — город в Пруссии; здесь во дворце Сан-Суси была резиденция Фридриха Великого.

Прага — предместье Варшавы.

Пруссия — королевство; столица — Берлин; к 1795 простирается по южному берегу Балтийского моря от Эльбы до Немана; с 1742 владеет землями по Одере (Силезия); имеет многие мелкие приобретения в разных частях западной Европы.

Радзивилы — городок в Белоруссии; при советской власти назывался Червоноармейск (Ровенская обл.).

Ревель — Таллин.

Сарское Село — Царское Село, пригород Петербурга, летняя резиденция Елисаветы Петровны и Екатерины II.

Священная Римская империя — первоначально (с 982) территория, завоеванная германским королем Оттоном I (включала часть Италии с Римом — поэтому: Римская империя); в XVIII веке титул императора Священной Римской империи принадлежал австрийским государям из династии Габсбургов (Иосиф II, Леопольд II, Франц II). Священная Римская империя прекратила бытие в 1806.

Турция, или **Оттоманская Порта**, или просто **Порта**, ее владения, зависимые страны и народы: Греция, Босния, Сербия, Болгария, Молдавия, Бессарабия, Крым (до 1774), часть Армении, Багдад, Каир, Мекка и т. д., и т. д. Столица — Константинополь (Иstanbul).

Шлиссельбург — на Ладожском озере; ныне Петрокрепость.

Эстляндия — северная Эстония.

Яик — река, переименованная после пугачевского бунта в *Урал*.

Яицкий городок — переименован в *Уральск*.

Прочие упоминаемые страны и города назывались так же, как сейчас, и находились примерно в тех же границах.

СЛОВАРЬ

Слова указаны только в тех значениях, в каких употребляются в этой книге.

- Авось* — символ русской надежды.
Адмирал — морской чин 2-го класса по Табели о рангах.
Автократор — самодержец.
Адюльтер — супружеская неверность.
Алианс — альянс.
Аллегория — иносказание.
Амантаж — влюбленность; возлюбленность.
Анекдот — короткий рассказ о каком-либо происшествии, не поддающийся проверке на достоверность.
Аршин — 16 вершков = 71,12 см.
Аттенция — внимание.
Аудитор — чиновник для военного судопроизводства.
Аще — если; хотя; когда.
Бак — носовая часть палубы корабля.
Бергамот — сорт груши.
Бесстыдие — бесстыдство.
Бесчинник — нарушитель общественного спокойствия.
Бинарный — двойной.
Борей — бог холодного северо-западного ветра (греческая мифология).
Бригадир — военный чин 5-го класса по Табели о рангах; отменен в 1799 г. Павлом I.
Вахт-парад — церемониальный развод войск.
Вахмистр — унтер-офицер в кавалерии.
Величество, Его Величество, Ея Величество — именованья царствующих особ.
Верховный Тайный совет — орган государственного управления из нескольких наиболее влиятельных персон при Екатерине I и Петре II (1726—30).
Вершок — 4,45 см.
Весы — символ справедливости, правосудия, твердости, постоянства.
Виват — да здравствует.
Вить — ведь.
Волонтёр — доброволец.
Волторна — валторна, музыкальный инструмент.
Вояжер — путешественник.
Власно — точно; словно; будто.
Вор — 1) вор; 2) преступник вообще.
Вотще — напрасно, тщетно.
Всю — всё.
Всходстве, всходствие — вследствие.
Высокоблагородие — форма обращения к чиновным особам 8—6-х классов по Табели о рангах: *Ваше высокоблагородие!* А также форма упоминания в третьем лице: его высокоблагородие.
Высокопревосходительство — форма обращения к чиновным особам 2—1-х классов по Табели о рангах: *Ваше высокопревосходительство!* См. также: *Превосходительство*.

Высокородие — форма обращения к чиновным особам 5-го класса: *Ваше высокородие!*

Высочество — форма обращения к детям, внукам (и т. д.) царствующей особы — великим князьям и княгиням: *Ваше Высочество!* А также форма упоминания в третьем лице: Его Высочество, Ея Высочество, Их Высочества.

Вяще — больше.

Галлы — французы; *галлицизм* — заимствование из французского языка.

Генерал-адмирал — флотский чин 1-го класса по Табели о рангах.

Генерал-аншеф — военный чин 2-го класса по Табели о рангах: полный пехотный генерал.

Генерал-аудиторiatская экспедиция (Генерал-аудиторiat) — военное судебное-следственное учреждение: здесь расследовались преступления и проступки по гвардии и армии.

Генерал-лейтенант — военный чин 3-го класса по Табели о рангах.

Генерал-майор — военный чин 4-го класса по Табели о рангах.

Генерал-прокурор — высшее должностное лицо: возглавлял Сенат.

Генерал-фельдмаршал — военный чин 1-го класса по Табели о рангах; давался за исключительные заслуги.

Генерал-фельдцейхмейстер — артиллерийский военный чин 2-го класса по Табели о рангах (тот же ранг, что *генерал-аншеф* в пехоте и *адмирал* во флоте).

Гидра — девятиголовая непобедимая змея: на месте отрубленных голов у Гидры вырастали новые (греческая мифология).

Гипербола — преувеличение.

Горгоны — три сестры: крылатые чудища со змеями вместо волос — способны обратить в камень все живое (греческая мифология); потомкам более других сестер запомнилась младшая — *Медуза*, обезглавленная Персеем.

Голштинiec, гольштейнец — уроженец Голштинии.

Горний — небесный.

Государственные крестьяне — см. *Казенные крестьяне*.

Градус — уroveň, ранг.

Греческий закон — православное вероисповедание.

Демидург — творец, создатель явлений природы. Ср.: *культурный герой*.

Десцендент — наследник.

Дивизион — рота.

Диспозиция — расстановка сил и обстоятельств.

Диссидент — именование православных жителей Польши, утеснявшихся католиками.

Дондеже — доколе.

Дюйм — 2,5 см.

Экзекутивный, экзекуция — то же, что и *экзекутивный, экзекуция*.

Естли, естльи — если.

Ето — это.

Етс.; et cetera — И проч., и проч., и проч.

Жак, жах — междометие, подобное клику *ура!* Выражение *взять на жак, схватить жаком* означает: растащить, разграбить. Наверное, отсюда происходит глагол *жахнуть*.

Жакобин — якобинец.

Журнал — 1) дневник; 2) периодическое издание.

Заводчик — зачинщик.

Закон — 1) юридическое установление; 2) закономерность, характерное свойство; 3) религиозная вера.

Заседатель — именование выборных должностных лиц в местных органах управления.

Здор — вздор.

Зимние дворцы в Петербурге — 1) Зимний двухэтажный дом Петра I, построенный в 1711 г. между Невой и Миллионной улицей — в тексте нашего рассказа не упоминается; 2) Зимний двухэтажный дворец Петра I, построенный в 1716—20 гг. по проекту Г. И. Миттарнови при впадении Зимнедворцового канала (Зимней канавки) в Неву — на том месте, где впоследствии был выстроен Эрмитажный театр; Петр I умер в этом дворце; при Екатерине I дворец был расширен по проекту Д. Трезини; 3) Зимний каменный трехэтажный дворец, построенный для Анны Иоанновны в 1732—34 гг. по проекту Ф. Б. Растрелли на том месте, где стоит сейчас нынешний Зимний дворец; здесь жили Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна и с конца 1741 г. по зиму 1754/55 гг. — Елисавета Петровна; в мае 1755 г. этот дворец начали разбирать, чтобы на его месте возвести новый — тот, что стоит сейчас (см. пункт 5); 4) Зимний деревянный дворец, построенный для Елисаветы Петровны в 1755 г. по проекту Ф. Б. Растрелли возле Полицейского моста: один фасад дворца выходил на Невский проспект, другой — на набережную Мойки: здесь жила Елисавета Петровна в 1756—61 гг., здесь она и умерла; дворец был построен на время строительства новейшего Зимнего дворца (см. след. пункт); 5) Зимний каменный дворец — тот, что стоит по сей день, построен для Елисаветы Петровны в 1755—61 гг. по проекту Ф. Б. Растрелли на месте Зимнего дворца Анны Иоанновны (см. пункт 3); Елисавета Петровна не успела в нем пожить — отделочные работы были завершены только к Пасхе 1762 г., когда во дворец переехал Петр III; он тоже не успел здесь устроиться, и Зимний дворец стал резиденцией уже только Екатерины II; он оставался резиденцией и Павла I до февраля 1801 г., когда Павел переехал в Михайловский замок.

Имажинировать — воображать.

Императорский совет — при Екатерине II и Павле I собрание главных должностных лиц государства, созываемое для регулярных совещаний; персональный состав совета назначался царствующей особой.

Импонировать — 1) подчинять, главенствовать, угрожать; 2) нравиться.

Импрессия — впечатление.

Инвалид — ветеран.

Инвариант — модель, суммирующая все признаки объектов данного типа (класса, вида); например, воинский устав — инвариант поведения в строю.

Инкогнито — безымянно, без объявлений; *поездка инкогнито* особы царствующего дома — это поездка без церемоний: т. е. без кортежа, без салюта и проч.

Интертекст — данное слово в этой книге не употребляется.

Кавалергарды — тяжелая кавалерия в гвардии, почетная императорская охрана во время торжеств.

Казенные крестьяне — то же, что государственные крестьяне: находились не в частном владении (как крепостные), а в государственном — были на счете государственной казны.

Канифасный — льняной.

Канцлер — чин 1-го класса по Табели о рангах; присваивался руководителям Коллегии иностранных дел.

Картель — вызов на дуэль.

Кирасиры — тяжелая кавалерия: на голове каски, на корпусе тела — кираса (две металлические пластины на груди и спине).

Киса — мешок.

Коллежский советник — гражданский чин 6-го класса по Табели о рангах (по рангу равен полковнику в армии).

Компрометаж — компрометация.

Компрометация — оглашение сведений, порочащих репутацию и подрывающих доверие.

Кондиции — условия.

Конетабль — 1) военный чин в старой Франции; 2) название обелиска в Гатчине.

Консистория — учреждение при архиепископе по управлению епархией.

Конфессия — вероисповедание.

Конфидент — доверенное лицо.

Конфиденция — доверие.

Кофешенк — придворный чин смотрителя за кофеем.

Культурный герой — мифологический персонаж божественного происхождения, действующий в пользу людей: он добывает огонь, изобретает орудия труда, учит ремеслам и искусствам, устанавливает ритуалы, побеждает чудовищ и проч. (см., например, деяния Прометея и Геракла в греческой мифологии, Чингисхана — в монгольской, Петра I — в русской).

Кураж — 1) лихость, удаль; 2) от французского *faire la cour* — строить куры, то есть ухаживать, чтоб обольстить.

Куртаг — прием во дворце.

Куртизировать дам — любезничать, ухаживать.

Лаж — приплата при обмене одной валюты на другую или ассигнаций на серебро.

Легитимность — законность.

Летний дворец Елисаветы Петровны — построен в 1741—43 гг. по проекту Ф. Б. Растрелли (первый этаж из камня; второй этаж — деревянный); северный фасад Летнего дворца был обращен к Мойке и Летнему саду; восточный — к Фонтанке; в 1797 г. Летний дворец был снесен и на его месте стали строить Михайловский замок.

Лингвософский — имеющий отношение к философии языка.

Лутчий — лучший.

Лытать — отлынивать.

Мание — мановение; повелительный жест.

Мания — навязчивая страсть.

Мартинисты — московские масоны 1780-х гг.; название происходит от имени французского мистического философа Сен-Мартена (1743—1803).

Марш — 1) движение войска; 2) команда к началу движения войска («шагом марш!»); 3) музыкальная пьеса, сопровождающая парадное движение войска.

Матернее благословение — материнское благословение.

Махание — кокетство. *Махаться* — кокетствовать.

Машкерад — маскарад.

Медиатор — посредник. *Медиация* — посредничество.

Медитация — размышление.

Медуза — имя младшей из трех *горгон*.

Memento mori — помни о смерти (латынь).

Метресса — хозяйка; любовница.

Мина — выражение лица.

Минерва — богиня мудрости, покровительница наук, художеств и ремесел в римской мифологии.

Министр — 1) министр; 2) посланник, посол.

Мирсклонный — миролюбивый.

Мифологема — элемент мифа; мифологический мотив.

Модус — угол зрения; способ интерпретации.

Monseigneur — государь.

Морганатический брак — брак персоны из царской семьи, заключенный с особой нецарского происхождения.

- Мытарь* — сборщик дани (подати, налога).
На базар жак! — разбойничий клик, сигнализирующий начало грабежа. См. *жак*.
Намет — шатер, палатка.
На перебежку — наперегонки.
Нарочитый — специальный.
Натура — природа; естество.
Натурально — естественно; разумеется; действительно.
На щет — насчет.
Небось — не бойсь: символ русской уверенности в своих силах.
Не дельный — неуместный, безосновательный.
Нерезонабельно — безрассудно; неразумно.
Обер-офицеры — офицеры 14—9-х классов по Табели о рангах (прапорщик, подпоручик, поручик, штабс-капитан, капитан).
О tempora! О mores! — О времена! О нравы! (латынь).
Однакий — одинаковый.
Окорот — ограничение вольности.
Ординация — должность посыльного (ординарца, адъютанта) при командире.
Паки — снова, опять.
Парадигма — 1) набор признаков изучаемого объекта; 2) система знаний об изучаемом объекте.
Партикулярный — частный.
Парафраза — сокращенное изложение.
Перифраза — иносказание.
Партизан — сторонник, защитник.
Партия — здесь: круг единомышленников.
Пашпорт — паспорт.
Пенсионер — находящийся на чем-либо содержании; получающий пенсия.
Перспектива — проспект.
Плескать (руками) — рукоплескать; *плески* — аплодисменты.
Под рукой — тайно.
Поелику — поскольку, потому что.
Позор, позорище — зрелище.
Покал — бокал.
Понеже — так как; поскольку.
Поручик — военный чин 11-го класса по Табели о рангах.
Порфирородный — дитя царского рода; *порфира* — пурпурная царская мантия.
Правительство — 1) аппарат управления государством; 2) процесс управления государством.
Прапорщик — младший офицерский чин (14-го класса) по Табели о рангах.
Превосходительство — форма обращения к чиновным особам 4—3-х классов по Табели о рангах: *Ваше превосходительство!* А также форма упоминания в третьем лице: его превосходительство.
Предварительный — предварительный.
Преображенский приказ — до 1729 г. ведал политическим сыском и следствием; преобразован в Тайную канцелярию.
Пресуппозиция — информация, лежащая в основе высказывания (сообщения, обращения и проч.), но в самом высказывании отсутствующая; например, для того, чтобы адекватно отреагировать на высказывание *Ваше превосходительство!* надо иметь предварительную информацию про *Табель о рангах*.
Претекст — предлог; повод.

Шукли — букли.

Пьеса — короткий текст, фрагмент.

Разум — 1) ум, рассудок; 2) дух; 3) смысл.

Рассевать — рассевать.

Реверс — обязательство.

Ревнитель — соперник.

Ревновать — соревновать; состязаться; соперничать.

Регент — временный правитель.

Резон — 1) разум; 2) причина.

Резонабельно — разумно.

Рейтар — кавалерист.

Респект — уважение.

Ростах; растах; растаг — привал; ночлег; день отдыха во время военного похода.

Ротмистр — кавалерийский чин 9-го класса по Табели о рангах (то же, что капитан в пехоте).

Сажень — 3 аршина: 2,13 м.

Санкюлоты — во время французской революции прозвище низших слоев революционного населения.

Сарынь на кичку! — буквально: братва, на нос! Разбойничья команда при захвате судна; *кичка* — носовая часть лодки, барки, струга.

Севодни — сегодня.

Секуляризация — 1) перевод церковных дел и владений под контроль светских властей; 2) общее обмиршение культуры.

Скучившийся — соскучившийся.

Слово и дело государевы — формула, которую надо было выкликнуть в присутствии представителя власти в том случае, если вы располагали сведениями о государственном преступлении; тогда вас отправляли в Тайную канцелярию или, если вы уже находились к моменту выкликания возле дыбы, пытку откладывали до той поры, пока не будет допрошен тот, на кого вы крикнули *слово и дело*; по манифесту Петра III от 21 февраля 1761 г., упразднявшему Тайную канцелярию и введившему новые, более сложные формы доношений о государственных преступлениях, формула *слово и дело* запрещалась, а тех, кто употребит ее, рекомендовалось «наказывать так, как от полиции наказываются озорники и бесчинники» (ПСЗ. Т. XV. № 11445).

Сношения — любые отношения кого-то с кем-то за исключением тех, которые обозначаются этим словом сейчас.

Совет — см. *Императорский совет*.

Сосуд — оружие, орудие.

Стамед — шерстяная ткань.

Статс-секретарь — личный секретарь царствующей особы.

Стогны — площади.

Стразовый — сделанный под алмаз.

Сумесица — смесь; сумятица.

Сюссес — успех.

Табель о рангах — система военных, гражданских и придворных чинов, установленная Петром I в 1722 г.; насчитывала 14 рангов (классов); 1-й ранг (класс) — высший.

Тайная канцелярия — новое название *Преображенского приказа*: расследовала преступления, представляющие опасность для государства, — то есть все дела, связанные с критикой власти. Тайная канцелярия была отменена Петром III в 1762 г.; ее функции стала выполнять *Тайная экспедиция*.

Тайная экспедиция — Тайная экспедиция: в 1762—1801 гг. делала то же, что в прежнее время *Тайная канцелярия* и *Преображенский приказ*.

Упразднена Александром I при вступлении на престол в 1801 г. Функции Тайной экспедиции были переданы Особой канцелярии Министерства полиции.

Тавтология — сочетание или повторение близких по смыслу или одних и тех же слов в разных формах: правда-истина, день-деньской.

Тестамент — завещание.

Такой; такой же — 1) одинаковый; 2) подобный.

Темп — способ заряжения ружья; способ пальбы из ружья.

Титло — титул.

Тоня — сеть, невод.

Трактат — 1) длинное философское рассуждение; 2) мирный договор между государствами.

Трианон — дворец в Версале.

Тюльери — Тюильри, королевский дворец в Париже.

Угольный — угловой.

Уложение — свод законов.

Унтер-офицер — общее название старших солдатских званий (кап-рал, вахмистр, фельдфебель, урядник и проч.).

Фамилия — 1) семья; 2) фамилия.

Фельдмаршал — см. *генерал-фельдмаршал*.

Фельдцейхмейстер — см. *генерал-фельдцейхмейстер*.

Фельдъегерь — военный курьер, доставляющий государственные документы, в том числе императорские распоряжения о вызове отдельных лиц в столицу, и в их числе распоряжения об аресте.

Ферментация — брожение умов; общественные беспорядки; мятеж.

Ферязь — допетровская долгополая одежда с длинными рукавами.

Физиогномика — наука определения характера по лицу.

Флигельман — фланговый солдат передней шеренги.

Флуктуация — неожиданное колебание.

Флюиды — психические волны.

Фок-мачта — передняя мачта на корабле.

Форейтор — верховой, сидящий на передней лошади при поездке *цугом*.

Фрондёр — оппозиционер.

Фрунт — строй; военная строевая служба.

Фрустрация — негативная реакция на обман или неудачу.

Цербер — страж; строгий смотритель за порядком.

Цесаревич — титул наследника престола.

Цуг — упряжь, в которой лошади идут гуськом одна вслед другой; *цугом* обычно выезжали только первозванные вельможи.

Часть — 1) участь, судьба; 2) часть чего-то.

Чесаться — причесываться.

Шаржировать — заряжать ружье.

Шен — танцевальный прием.

Шканцы — срединная часть верхней палубы корабля: между ютом и фок-мачтой.

Шлафрок — домашний халат.

Шляхетство — именование русского дворянства в 1720—30-е гг.

Шляхта — польское дворянство.

Шпалеры — ряды войск, расставленных по пути следования важной персоны.

Штаб-офицеры — офицеры 8—5-х классов по Табели о рангах (майор, подполковник, полковник, бригадир).

Шталмейстер — придворный чин 3-го класса по Табели о рангах.

Штандарт — императорский флаг.

Штиблеты — гетры.

Эвнух — евнух.

Экзекутивный — исполнительный; *экзекутивная власть* — исполнительная власть; *экзекуция* — исполнение.

Экзерциция — упражнение.

Экспликация — объяснение.

Эскадрон — кавалерийская рота.

Эпантон — эспадрон: учебный палаш или учебная шпага.

Элинг — строп.

Ют — кормовая часть верхней палубы корабля.

Ядро — символ разрушения.

Якорь — символ надежды вообще.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Указатель аннотирован лишь отчасти. Общеизвестные имена и имена исторических исследователей преимущественно не поясняются. Сведения о лицах, чьи воспоминания, письма и дневники цитируются в этой книге, см. в разделе «Издания и авторы (Список сокращений)». Даты в скобках означают годы, под которыми те или иные эпизодические персонажи фигурируют в тексте. Все персоны упомянуты в тех ролях, в каких они появляются в книге. Аннотации составлены автором, сам указатель — А.М. Долгополовой.

- Август III, в 1734—63 король польский 127, 203
Ага Махмет хан (Ага Мохаммед-хан Каджар), шах персидский (1796) 353
Адо В.В. 387
Адольф-Фридрих, герцог голштейн-готторпский, с 1751 король шведский 145
Аксенов А.И. 387
Александр Македонский, в 336—323 до н.э. завоеватель полумира 10, 110, 116, 152, 289, 296
Александр Невский, в 1240—42 победитель шведов и рыцарей 160, 289
Александр Павлович, великий князь, первый сын Павла, в 1801—25 император Александр I 16—17, 21—23, 34, 39, 41, 45, 52, 54, 63, 65—66, 68—69, 95, 98—103, 107—111, 116, 247, 263, 266, 281, 287—289, 298, 317, 319—321, 324—326, 346—349, 354, 356, 359, 361, 364, 382, 385—386, 390—393, 403
Александра Павловна, великая княжна, дочь Павла 18, 288
Алексей Михайлович, в 1645—76 царь 119, 151, 160
Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 98—99, 116, 121, 151
Алефиренко П.К. 372, 385
Алопеус М., дипломат 292, 339
Альмова (Ржевская) Г.И., автор записок 316, 385
Ангальт-Цербстские принцессы — см.: Екатерина II, Иоганна Елисавета 150—151
Анисимов Е.В. 147—149, 385, 390
Анна Даниловна, в 1750-е годы одна из нянюшек Павла 161, 163
Анна Иоанновна, императрица 59—60, 117, 121—128, 130—131, 133, 135, 140, 146, 155, 179, 181, 226, 255, 317, 330, 364, 385, 388, 393, 399
Анна Леопольдовна, правительница 131—133, 135—137, 140, 147, 175, 185, 271, 370, 390, 399
Анна Павловна, великая княжна, дочь Павла 70, 288
Анна Петровна, дочь Петра I, мать Петра III 99, 117—118, 120, 142, 389
Антон-Ульрих, принц брауншвейгский, с 1739 муж Анны Леопольдовны 132—134, 140
Апраксин Степан Степанович, генерал, сын С.Ф. Апраксина 33
Апраксин Степан Федорович, фельдмаршал, в 1756—57 командовал русской армией против Фридриха II 173, 178—179
Апрелев Федор Иванович, плац-адъютант (7 ноября 1796) 22
Аракчеев А.А. 22, 39, 102, 254, 364, 382—386
Аргамаков Александр Васильевич, полковой адъютант л.-гв. Преображенского полка, плац-майор (11 марта 1801) 105
Аристотель 73
Арндт И.-Г., мистический писатель 343

- Арнец А.Р. 22, 303, 305, 385
Архангельский А.Н. 358, 385
Архаров Николай Петрович, генерал-губернатор Петербурга (1796)
20—21, 39, 41
Асланбеков Антон, самозванец 214
Ассебург А.Ф., дипломат 220, 270
Бабкин Д.С. 391
Баженов Василий Иванович, архитектор, московский маринист 343
Бакунин Петр Васильевич, секретарь Н.И. Панина 252, 267, 304
Бальзамо Е.Г. 358
Баргенов П.И. 391
Барятинский Иван Сергеевич, в 1773—84 посол во Франции 307—
310, 342
Барятинский Федор Сергеевич, в 1762 один из участников переворота; обер-гофмаршал (1796) 17, 188, 191—192, 370
Бастидонова Прасковья Даниловна, кормилица Павла 226
Батурий Иоасаф, в 1749 предлагал Петру Федоровичу свергнуть Елисавету Петровну 367
Батюшков, корнет, составлял заговор против Екатерины II (1768)
215—216, 372
Безбородко Александр Андреевич, с 1775 статс-секретарь Екатерины II, в 1780—90-е годы один из главных дирижеров внешней политики России, в 1797—99 канцлер 18, 22, 47, 64, 67, 268, 296, 300, 304, 320, 347, 358, 360
Бенёвский Мориц Август (барон де Бенёв, Бейноск), организатор бегства ссыльных и жителей Большерецка из России (1771) 372, 392
Бенкендорф (урожденная Шиллинг фон Канштадт), придворная дама, близкая подруга Марии Федоровны 331, 379
Беннигсен Л.Л. 25, 57, 96, 105—107, 110, 262, 385
Бернсторф Х., датский государственный деятель 93, 364
Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, канцлер 131—132, 140, 143, 146—150, 154, 172—175, 179, 183, 208, 266, 270, 287, 300, 365, 368—369
Бестужева-Рюмина Анна Григорьевна, невестка А.П. Бестужева-Рюмина, жена его брата 140
Бехтеев Федор Дмитриевич, распорядитель воспитанием Павла (1758—60) 162, 164—165
Бецкий (Бецкой) Иван Иванович, один из старейших придворных Екатерины II 157
Бибииков Василий Ильич, камергер, театральный организатор 295
Бибииков Николай Иванович (?) 105
Бибииков Павел Александрович, бригадир (1782) 305—308, 316, 376
Бильбасов В.А. 137, 385
Бирон Петр, сын Э.И. Бирона 132
Бирон Эрнст Иоганн, герцог Курляндский, правитель России 125—
126, 128—129, 130, 131—133, 135, 138, 141, 146, 148, 183, 185, 189, 255
Благово Д.Д. 394
Бобринский Алексей Григорьевич, сын Г.Г. Орлова и Екатерины II (1762) 249
Бойцов М.А. 393—394
Бок Е.Ю. 390
Бокова В.М. 386
Боленко К.Г. 387
Болотов А.Т., автор записок 23, 25—32, 36—37, 74, 183, 185—186, 354, 363, 370, 385
Боратынский Абрам Андреевич, генерал-лейтенант 39, 362, 386
Боратынский Андрей Васильевич, отец А.А. Боратынского 386

- Боратынский Евгений Абрамович, сын А.А. Боратынского, поэт 353
Борис Годунов, в 1598—1605 царь 372
Ботта д'Адорно А., австрийский посланник в России (1742) 140, 148
Брауншвейгская фамилия — см.: Анна Леопольдовна, Антон-Ульрих, Иван VI.
Бренна Винченцо (Виктор Францевич), архитектор Михайловского замка 394
Брикнер А.Г. 215, 291, 302, 339, 386, 394
Брюль, прусский посланник в России (1797) 61
Брюммер О.Ф., гофмаршал голштинского двора, распорядитель воспитанием Петра III 142—143
Буженинова, шутиха Анны Иоанновны 129, 131
Буксгевден Наталья Александровна (урожденная Алексеева), жена Ф.Ф. Буксгевдена 362
Буксгевден Федор Федорович, петербургский генерал-губернатор (1797—98) 362
Булгарин Ф.В. 382, 386
Бутурлин Александр Борисович, фельдмаршал (1758) 368
Бутурлин Иван Иванович, генерал-аншеф (1727) 118
Былинин В.К. 387
Бычков, майор (1796) 357
Вадковский Федор Федорович, камергер 309, 379
Валишевский К. 75, 386
Валуев Петр Степанович, обер-церемонимейстер (1797) 19, 46
Варганова В.В. 358
Васильчиков Александр Семенович, фаворит Екатерины II 210, 272
Вацуро В.Э. 86, 386
Введенский А.И. 393
Вейнберг А.Л. 221
Великий Семен, сын Павла и С.С. Чарторижской 219, 249
Вергилий 361
Веригина Наталья Федоровна, фрейлина, с 1796 жена С.И. Плещеева 378—379
Верто д'Обёф Р.О. (Верто), исторический писатель 231
Веселая Г.А. 387
Виельгорский Юрий Михайлович, граф 68, 356
Вильгельмина, принцесса Гессен-Дармштадтская — см.: Наталья Алексеевна 218, 220
Вилие (Виллие, Вилье) Яков Васильевич, лейб-медик (1798) 65
Висковатов С.И., переводчик Шекспира 386
Витворт Ч. — см.: Уитворд Ч.
Владимир, в 980—1015 киевский князь 10, 160
Владимир Мономах, в 1113—25 киевский князь 160
Воейков Петр Петрович, майор (1762) 187—188
Волков Дмитрий Васильевич, секретарь Петра III (1762) 369
Волконский П.М., автор записок 22—23, 25, 27, 40, 386
Волынский Артемий Петрович, в 1738—40 кабинет-министр 123, 127, 129—131, 148, 226—227, 364
Вольтер 153, 199, 200, 235, 247
Воронцов Александр Романович 304
Воронцов Михаил Илларионович, камер-юнкер при Елизавете Петровне (1741), с 1744 вице-канцлер 136—137, 148—149, 163, 189, 368
Воронцов Семен Романович, в 1785—1806 посол в Англии 54, 304, 378, 385, 391—392
Воронцова Елисавета Романовна, возлюбленная Петра III 161, 170—171, 175, 185, 187, 190—191, 366

- Вострышев М.И. 385
 Вюртембергские принцессы — см.: Мария Федоровна, Фредерика Доротея София, Елисавета.
 Вяземский Александр Алексеевич, в 1764—92 генерал-прокурор 306
 Вяземский П.А., поэт, автор записок 65, 110, 386
 Гавриил, митрополит 17
 Гагарин Павел Гаврилович, муж А.П. Лопухиной 71, 99
 Гагарина А.П. — см.: Лопухина А.П.
 Гамлет, принц датский, герой трагедии Шекспира 10, 302, 376
 Ганичев В.Н. 385
 Гарновский М.А., автор записок 319, 329—331, 336, 386
 Гаррис (Харрис, Хэррис) Д.Г., английский посланник в России (1781) 272, 298—299, 316
 Гейкинг К.Г., автор записок 65, 69—70, 97, 386
 Гельбиг Г., сенатор 67
 Гендрикова Варвара Симоновна (в замужестве Челищева) 171
 Гено А. 385
 Генриетта Каролина, ландграфиня гессен-дармштадтская, мать Натальи Алексеевны 220—221, 257, 259, 269
 Генрих IV, в 1594—1610 король французский 84, 345
 Генрих, принц прусский, брат Фридриха II 275—276
 Георгий, принц голштейн-готторпский, дядя Петра III 185, 248, 370
 Гессен-Дармштадтские принцы и принцессы — см.: Наталья Алексеевна, Людвиг, Генриетта Каролина
 Герц, граф Иоганн Евстафий фон Шлиц 292
 Герцен А.И. 87, 389
 Гогель, капитан (1782) 305—306
 Гоголь Н.В. 7, 386
 Голикова Н.Б. 372, 386
 Голицын Александр Михайлович, фельдмаршал 283
 Голицын Дмитрий Михайлович, член Верховного Тайного совета (1730) 121—122, 124
 Голицын Михайло Алексеевич («квасник»), князь, шут Анны Иоанновны 129, 131
 Голицын Ф.Н., автор записок 249, 267, 283, 386
 Головин Николай Федорович, адмирал (при Елисавете Петровне) 225, 242, 246
 Головина В.Н., автор записок 16—17, 36—37, 44—45, 51—52, 57, 63, 67—69, 71, 78, 85, 97, 99, 102, 106, 109, 192, 348, 371, 379, 386
 Головкин Гаврила Иванович, в 1731—34 кабинет-министр 127
 Головкин Ф.Г., автор записок 30, 39, 44—45, 70, 386
 Голштейн-готторпские герцоги и принцы — см.: Петр III, Адольф-Фридрих, Георгий, Карл-Фридрих.
 Грёз Ж.-Б., французский живописец 310
 Гретри А.Э.М., французский композитор 68
 Греч Н.И., автор записок 23, 40, 57, 71, 87—89, 98, 110, 157, 275, 314, 364, 368
 Грибовский А.М., автор записок 19, 336, 338—341, 345, 347, 351—353, 386
 Гримм Ф.М., барон, корреспондент Екатерины II 274, 277, 288, 310, 346
 Грир Д. 349
 Грот, вдова (во втором браке Меллер), возлюбленная Петра III 366—367
 Грузиновы Евграф и Петр 361
 Гудович Андрей Васильевич, генерал, любимец Петра III 187, 261
 Гудон Ж.А., французский скульптор 310
 Густав III, в 1771—92 король шведский 330, 334, 380

- Давид, в конце XI — первой половине X в. до н.э. царь Израиля 10
 Давыдова-Пастернак Е.Е. 385, 390
 Даль В.И., автор классических анекдотов об эпохе Павла I 87, 387—388
 Дарья Володимировна, в 1750-е гг. одна из нянюшек Павла 161
 Дашкова Е.Р., автор записок 31—32, 37, 150, 171, 186, 189, 194, 248, 252, 368, 370, 372, 386
 Де Линь, принц Шарль Жозеф 311, 313
 Державин Г.Р., поэт, автор записок 43, 57, 73, 188, 196, 361, 363, 365, 370, 387
 Дерibas И.М. — см.: Рибас И.М.
 Дзядко В.М. 358
 Дивьер Антон Мануилович, бывший денщик Петра I, с 1726 граф, в 1727—42 в ссылке 118, 138
 Дидро Дени 200
 Дмитриевский Иван Афанасьевич, знаменитый актер 295
 Дмитриев И.И., полковник (1796), поэт, автор записок 23, 27, 40—42, 110, 375, 387
 Дмитриев М.А., автор записок 387
 Дмитриев С.С. 387
 Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич, фаворит Екатерины II 272, 332
 Дмитрий, царевич, последний сын Ивана Грозного 213, 351, 372
 Дмитрий Донской, в 1380 победитель татар, в 1359—89 великий князь московский 160
 Добиаш-Рождественская О.В. 36, 387
 Долгополова А.М. 405
 Долгорукая Екатерина Алексеевна, вторая невеста Петра II (1729) 120, 125
 Долгорукая Екатерина Федоровна, княгиня, урожденная Барятинская 17
 Долгорукий Алексей Григорьевич, член Верховного Тайного совета (1730) 119—120, 125
 Долгорукий Василий Владимирович, член Верховного Тайного совета (1730) 119
 Долгорукий Василий Лукич, член Верховного Тайного совета (1730) 119, 121—122, 124—125
 Долгорукий Иван Алексеевич, любимец Петра II 119, 125
 Долгоруков И.М., автор записок 48, 284, 321, 387
 Домашева Анна, служительница Елисаветы Петровны 367
 Дон-Кихот, герой романа Сервантеса 10, 220
 Дюран де Дистроф, в 1772—75 французский посланник в России 219
 Дюфур, придворный парикмахер (1758) 162—163
 Евдокия Федоровна (Лопухина), царица, первая жена Петра I, в 1698 пострижена в монахини 117
 Евреинов Тимофей, камердинер Екатерины II 366
 Европеус Иван Исаакович, в 1820—32 старший врач новгородских военных поселений, подчиненный А.А. Аракчеева 382
 Евстигнеев, разбойник (1774) 264
 Екатерина I 117, 160, 364, 393, 397, 399, 419
 Екатерина II 16—19, 21—23, 26—27, 30—31, 34—35, 37—39, 46, 52, 57, 59, 60, 74—76, 91—92, 113, 117—118, 120, 141—142, 152—169, 191—204, 206, 208, 210, 214—218, 220, 235, 246, 249—252, 259, 261—278, 281—302, 305—307, 309—311, 313, 316, 318—323, 327, 329—340, 343, 345—348, 354—355, 358—360, 362, 365—372, 375—380, 385—388, 390—393, 396, 399
 Екатерина Ивановна, дочь Ивана V, сестра Анны Иоанновны 117, 131

- Екатерина Павловна, великая княжна, дочь Павла 70, 288
- Елагин Иван Перфильевич, крупный чиновник при Екатерине II, один из самых известных петербургских масонов 224, 381
- Елена Павловна, великая княжна, дочь Павла 18, 70, 288
- Елисавета, принцесса Вюртембергская, сестра Марии Федоровны (1781) 300—301
- Елисавета Алексеевна (принцесса баден-дурлахская Луиза Мария Августа), с 1793 жена Александра Павловича 51, 346—348, 364
- Елисавета Петровна, императрица 59—60, 117, 120, 131, 134—144, 146, 148, 149—151, 153—156, 158—159, 161, 163, 165—168, 170, 172—175, 177—184, 198, 213, 215, 216, 223, 225, 230, 246, 255, 263, 269, 271, 273, 282, 285, 289, 319, 361, 362, 364, 367—369, 390, 396, 399—400, 419
- Ельницкая Т.М. 376, 388
- Ермолов Александр Петрович, фаворит Екатерины II 272
- Ермолов Алексей Петрович, в 1798—1801 в ссылке за причастность к делу А.М. Каховского; впоследствии знаменитый генерал 43
- Есипов Г.В. 388
- Жеребцова Ольга Александровна, сестра Зубовых 89, 109
- Живов В.М. 46, 388
- Житомирская С.В. 393
- Жихарев, рядовой гвардии, составлял заговор против Екатерины II 216
- Жорж, принц — см.: Георгий, принц голштейн-готторпский 185, 187
- Жуковский В.А., поэт 43, 361, 388
- Завадовский Петр Васильевич, фаворит Екатерины II 272
- Западов А.В. 389, 391
- Зейдер, пастор (1800) 88, 364
- Зейфман Н.Ф. 394
- Зорин А.Л. 358, 386
- Зорич Семен Гаврилович, фаворит Екатерины II 272
- Зотов Захар, старший камердинер Екатерины II (1796) 355
- Зубов Валериан Александрович, граф, брат П.А. Зубова 74, 96, 105, 108, 338, 347, 353, 360
- Зубов Николай Александрович, граф, брат П.А. Зубова 22, 96, 105, 107—108, 355—358, 360
- Зубов Платон Александрович, последний фаворит Екатерины II, светлейший князь 18, 22, 56, 58, 96, 104—106, 108, 110, 272, 320, 331—332, 360, 378
- Иван Калита (Иван I, Иван Данилович), в 1325—40 князь московский 36
- Иван III (Иоанн Васильевич), в 1462—1505 великий князь московский, дед Ивана Грозного 160
- Иван IV (Иван Грозный, Иоанн Васильевич), в 1547—84 царь 10, 31, 36, 114, 160, 329—330, 372, 388
- Иван V (Иоанн Алексеевич), брат Петра I, в 1682—96 его совместник на престоле 117, 121
- Иван VI (Иоанн Антонович, младенец Иоанн, Иванушка), в 1740—41 император 131—133, 140, 182, 191, 364—365
- Иванов Григорий, унтер-офицер Конной гвардии (1801) 108, 116
- Иванов О.А. 193—194, 388
- Иванов-Разумник Р.В. 386
- Игельстром Иосиф (Осип) Андреевич, генерал (1798) 67
- Игнатъев, бригадир из анекдота 112
- Измайлов Михаил Михайлович, московский генерал-губернатор (1796) 37
- Иоанн Антонович (младенец Иоанн) — см.: Иван VI
- Иосиф II, австрийский государь, в 1765—90 император Священной Римской империи 290—291, 293, 300—304, 307, 309, 315, 396

- Исаков, рядовой гвардии, составлял заговор против Екатерины II (1772) 216
- Кавтарадзе А.Г. 393
- Казнаков С. 342, 388
- Калигула, в 37—41 римский император, убит в результате заговора 10, 221
- Каменский А.Б. 193—194, 203, 294, 388
- Каменьщиков Федор, самозванный сенатский курьер (1766) 214
- Кантемир Антиох Дмитриевич, поэт, в 1737—44 посланник во Франции 149
- Капцевич Петр Михайлович, плац-майор (7 ноября 1796), впоследствии генерал 22
- Карамзин Н.М. 43, 337, 361, 388
- Карл VI, в 1711—40 австрийский государь, император Священной Римской империи 146
- Карл XII, в 1697—1718 король шведский 119
- Карл Петр Ульрих, герцог голштейн-готторпский — см.: Петр III
- Карл-Фридрих, герцог голштейн-готторпский, муж Анны Петровны, отец Петра III 118, 142
- Карпов, рядовой гвардии, составлял заговор против Екатерины II (1772) 216
- Кастера Ф.П. 388
- Катерина Константиновна, в 1750-е гг. одна из нянюшек Павла 161—162
- Каховский Александр Михайлович, полковник (1798) 43, 361
- Каховский Михаил Васильевич, генерал (1793) 341
- Кемпен Егор, поручик (1800) 82, 364
- Киж П.П., герой анекдота 43, 86—87, 100, 358, 363—364, 386, 388
- Кирпичников, штабс-капитан (1800) 85
- Клочков М.В. 11—12, 31—32, 45, 61—62, 82—83, 85, 87, 91, 93, 360—362, 388
- Ключевский В.О. 207, 210, 388
- Кобеко Д.Ф. 12, 218, 220, 251, 261, 266, 268, 270, 272—273, 276, 278, 288, 292, 298, 300—303, 307, 309—310, 316, 342, 373, 376, 388
- Кобургский, принц — см.: Саксен-Кобург
- Козельский Яков Павлович 199, 388
- Козицкий Григорий Васильевич, статс-секретарь Екатерины II, издатель «Всякой всячины» 386
- Козырев Матвей, извозчик (1800) 83
- Коллонтай Гуго, лидер польского восстания (1794) 351
- Колченко Николай, самозванец 214
- Комаровский Е.Ф., автор записок 26, 388
- Конде, принц Луи Жозеф де Бурбон 74, 308, 376
- Конде, герцог Энгиенский Луи Антуан де Бурбон 74, 110—111, 308
- Конев Григорий, грабитель, отсидевший сорок лет под следствием 30
- Константин I Великий, римский император, основатель второго Рима — Константинополя 152
- Константин XII Палеолог, последний император Византии 204
- Константин Павлович, цесаревич, второй сын Павла 17, 41, 52, 63, 65, 92, 100, 102, 104, 108, 288—289, 298, 321
- Корберон М.Д.Б. де, барон, в 1775—80 французский поверенный в делах в России 219, 283
- Коровин В.И. 387
- Корсаков А.М. — см.: Римский-Корсаков А.М.
- Корсаков И.Н. — см.: Римский-Корсаков И.Н.
- Корсаков Д.А. 121, 388
- Корф М.А. 320, 389

- Костюшко Тадеуш 351—352, 359
Коцебу А., автор записок 24, 26, 30, 56, 59, 61, 85, 89, 93—94, 102, 109, 211, 389
Край П., австрийский фельдмаршал (1799) 78
Кремнев (Кремлев) Гаврила, беглый солдат, самозванец (1765) 214
Кретов Николай, капитан оренбургского гарнизона, самозванец (1773) 214
Кречетников Михаил Никитич, генерал 347
Крым-Гирей, крымский хан 371
Крюденер А.И., дипломат 83
Куракин Александр Борисович, в 1720—40-е гг. государственный деятель 364
Куракин Александр Борисович, друг детства и молодости Павла, в 1796—98 вице-канцлер 47, 64, 97, 231, 233, 235, 240, 243, 305—314, 316, 362, 364, 373, 378—380, 390
Куракин Алексей Борисович, брат предыдущего, в 1797—98 генерал-прокурор 64, 298, 362
Курбский Андрей, князь, корреспондент Ивана Грозного 388
Курганов Е.Г. 392
Кутайсов Иван Павлович (Иван, турок Иван), верный слуга Павла, брательник, граф 22, 48, 50, 63—64, 67, 70, 87, 98, 102, 105, 378—379
Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович, генерал (1801), в 1812 победитель Наполеона 99, 104
Кушелев Григорий Григорьевич, адмирал 53, 345, 356
Лагарп Фредерик Сезар, в 1784—95 воспитатель Александра Павловича, в 1798—1800 возглавлял Гельветическую республику (Швейцария) 349, 393
Ланель — см.: Оберкирх Г.Л.
Ланжерон А.Ф., генерал, автор записок 25, 56, 66—67, 95—96, 99—100, 102, 104, 107—108, 110, 389, 391
Лансере Н. 318, 377, 389
Ланской Александр Дмитриевич, фаворит Екатерины II 272
Лассий Борис Петрович (Ласси, Лессий, Леси), казанский генерал-губернатор (1798) 66—67
Лассий Петр Петрович (Ласси, Лессий, Леси), с 1735 до смерти (в 1751) фельдмаршал 224, 225, 242, 246
Лафермер Франц Герман, библиотекарь Павла и Марии Федоровны 331, 379
Лафонтен Жан, французский классик 88, 387
Лашкова В.И. 358
Лен, полковник 382
Леопольд II, герцог Тосканы, в 1790—92 император Священной Римской империи 301—303, 305, 308—309, 396
Лессий Б.П. — см.: Лассий Б.П.
Лессий П.П. — см.: Лассий П.П.
Лесток Иоганн Герман (Иван Иванович), лейб-медик Елисаветы Петровны 135—137, 148—149, 183
Лефорт Франц Яковлевич, сотрудник Петра I 119, 319
Лешинский С., в 1704—11 и 1733—34 король польский Станислав 127, 147—148
Лжедмитрий, основоположник самозванства в России 372
Ливен Д.Х., автор записок 56, 72, 97—100, 104, 106—108, 212, 389
Ливен Шарлотта Карловна, мать Д.Х. Ливен, доверенное лицо Марии Федоровны 18, 107
Лимонов Ю.А. 392
Линар М.К., польско-саксонский посланник в России (1741) 132

- Линденер Ф.Ф. 33
 Линь — см.: Де Линь
 Лириа, герцог, в 1727—30 испанский посланник в России 119
 Лихачев В.И., штабс-капитан (1796) 40—42
 Лобанов-Ростовский А.Б. 55—56, 108, 389
 Ломоносов М.В. 43, 127, 151, 230—231, 235, 246—247, 361, 364, 367, 389
 Лопатин В.С. 387, 393
 Лопиталь (Л'Опиталь), маркиз, в 1757—61 французский посланник в России 137
 Лопухин И.В., автор записок 31, 89, 213, 344, 345, 359, 380, 389
 Лопухин Иван Степанович, подполковник (1743) 139—140, 148
 Лопухин Петр Васильевич, отец А.П. Лопухиной (Гагариной), в 1798—99 генерал-прокурор 70, 84, 389
 Лопухин Павел Петрович, брат А.П. Лопухиной (Гагариной) 61, 69, 249, 380, 389
 Лопухин Степан Васильевич, генерал, отец И.С. Лопухина (1743) 140, 148
 Лопухина Анна Петровна (в замужестве Гагарина) 64—65, 68—70, 71, 77, 85, 97—99, 104, 284, 350, 389
 Лопухина Е.Ф. — см.: Евдокия Федоровна
 Лопухина Екатерина Николаевна, мачеха А.П. Лопухиной (Гагариной) 70
 Лопухина Наталья Федоровна, мать И.С. Лопухина 140
 Лорер Н.И., автор записок 56, 389
 Лотман Ю.М. 388
 Лубяновский Ф.П., автор записок 27—29, 33, 38—39, 45—46, 54—55, 57, 389
 Луиза Мария Августа, принцесса баден-дурлахская — см.: Елисавета Алексеевна
 Лурье Я.С. 388
 Людвиг, принц гессен-дармштадтский, брат Натальи Алексеевны 275, 282
 Людовик XIV, в 1643—1715 король французский 345, 372
 Людовик XV, в 1715—74 король французский 147
 Людовик XVI, в 1774—92 король французский 73, 291, 307—309, 313, 333—334, 340, 346, 349, 389
 Людовик XVIII, в 1814—24 король французский 74, 309
 Лямина Е.Э. 385, 387, 390
 Мавра Ивановна, в 1750-е гг. одна из нянюшек Павла 161, 163
 Майков Василий Иванович, поэт 43, 249, 361, 389
 Макдональд Э.Ж.А., французский генерал 79
 Макогоненко Г.П. 391
 Малиновский Алексей Федорович, переводчик Шекспира 376
 Мамонов А.М. — см.: Дмитриев-Мамонов А.М.
 Манфред А.З. 391
 Манштейн Х.Г., автор записок 133, 389
 Маньян, в 1726—33 французский дипломатический представитель в России 123
 Мардефельд А.А., барон, в 1740-е гг. прусский посланник в России 123
 Мария Антуанетта, королева французская 73, 301, 307—309, 335, 349, 389
 Мария Павловна, великая княжна, дочь Павла 288
 Мария Терезия, в 1740—80 австрийская государыня 146, 148, 389
 Мария Федоровна, великая княгиня, императрица 19, 45—47, 51—52, 54, 63, 67—70, 106—109, 210, 275—278, 281—285, 287, 290, 297, 300—301, 315—316, 321, 323, 326, 329—332, 341—342, 347, 349, 354, 362, 376, 378—379, 389—390, 394

- Мармонтель Ж.Ф., французский писатель 68
Марченко Н.А. 388
Маслов, камердинер Петра III (1762) 193
Массена А., французский генерал (1799) 79
Массон Ш.Ф.Ф., автор записок 26, 36—37, 141, 390
Матрена Дмитриевна (Оконникова), в 1750-е гг. одна из нянюшек Павла 161
Мельгунов Алексей Петрович, генерал (1761) 369
Мельницкий, прапорщик (1800) 82, 364
Меншиков Александр Данилович, светлейший князь 117—119, 125, 138, 181
Меншикова Мария Александровна, первая невеста Петра II (1727) 118
Мерсье Л.С., французский писатель 376
Мертваго Д.Б., автор записок 83, 390
Мещеряков Г.П. 393
Милютин Д.А. 77, 81, 390
Мильчина В.А. 358
Миних Б.Х., фельдмаршал, автор записок 125, 127, 133—134, 136, 141, 145, 148, 183, 185, 189—190, 224, 390
Миних Э., сын Б.Х. Миниха, автор записок 125—126, 132, 390
Мирович Василий Яковлевич, подпоручик, освобождавший в 1764 Ивана VI из Шлиссельбургской крепости 365
Мироненко С.В. 393
Митгарнови Г.И., архитектор 399
Михаил Архангел 10, 14—15, 35—37, 46, 62—63, 82, 97, 114, 141—142, 244, 314, 384
Михаил Павлович, великий князь, последний сын Павла 63, 99, 288
Михаил Федорович, в 1613—45 царь 160
Михайловский-Данилевский А.И. 50
Моисей, ветхозаветный пророк 10
Монтескье Ш.Л. (Монтеский) 153, 199, 328, 371
Морков (Марков) Аркадий Иванович, дипломат 17, 304, 320
Моро Ж.В., французский генерал (1799) 78
Мусин-Пушкин Валентин Платонович, с 1783 заведовал придворным штатом Павла 330—331, 345, 347
Муханов Сергей Ильич, шталмейстер 102, 390
Муханова М.С., автор записок 68, 283, 390
Мыльников А.С. 370, 390
Наполеон Бонапарт 56, 77—78, 80—81, 90, 93—94, 110—111, 263, 290, 308, 332, 354, 385, 390
Наталья Алексеевна, великая княгиня 220, 252, 257—260, 269—270, 272—277, 282
Наумов В.П. 194, 390
Наумова Н.К. 387
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович, в 1796—98 статс-секретарь Павла I 55
Нелидова Екатерина Ивановна 47—48, 50, 54, 63—64, 67, 69—70, 283—285, 309, 341—342, 349, 362, 364, 378—379, 386, 389—390, 394
Нелидов Андрей Иванович, брат Е.И. Нелидовой 67, 362
Нельсон Горацио, знаменитый английский адмирал 77, 81, 91, 393
Немзер А.С. 358
Нерон, в 54—68 римский император 10
Нечкина М.В. 389
Нешумова Т.Ф. 387
Нива Ж. 358

- Николай Павлович, великий князь, третий сын Павла, в 1825—55 император Николай I 266, 288, 389
- Новиков Николай Иванович 282, 342—345, 359, 380—381, 391
- Нолькен Э.М., шведский посол в России (1741) 135, 140
- Оберкирх Г.Л., автор записок 276, 283, 308, 313, 371, 390
- Оболянинов Петр Хрисанфович, в 1800—1801 генерал-прокурор 97, 103, 364
- Обрезков Александр Михайлович, русский посол в Турции 204
- Овчинников Р.В. 387
- Одесский М.П. 387
- Оловенников, капрал, составлял заговор против Екатерины II 216
- Ольга, княгиня киевская 160
- Ольга Павловна, великая княжна, дочь Павла 70, 288
- Опочинин, самозванец (1768) 215, 216
- Орлов Алексей Григорьевич 20—21, 39, 186—188, 190—192, 194—195, 205—206, 215, 217, 268, 370, 388
- Орлов Григорий Григорьевич 181, 186—188, 194—195, 205—207, 210, 215, 217—218, 220, 226, 236—237, 241, 249—250, 252, 255, 263, 268, 287, 296, 316, 332, 370
- Орлов Федор Григорьевич, младший брат Г.Г. и А.Г. Орловых 186—187, 370
- Орнатская Т.И. 394
- Остен-Сакен Карл Иванович, в 1760-е гг. состоял при Павле, в 1770—80-е гг. один из его конфиденциальных корреспондентов 268, 302
- Остервальд Тимофей Иванович, в 1760-е гг. один из гувернеров Павла 232
- Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих), дирижер внешней политики России в 1730-е гг., кабинет-министр 118, 125, 127—131, 134, 137, 145, 147—149
- Остерман Иван Андреевич, сын А.И. Остермана, в 1781—96 вице-канцлер 17—18, 22, 342, 360
- Отрепьев Григорий — см.: Лжедмитрий 213
- Оттон I, германский король 396
- Охотин Н.Г. 386, 392
- Павленко Н.И. 388
- Паламарчук П.Г. 287
- Пален Петр Александрович (фон дер Пален) 55—56, 87—89, 92, 94—96, 98—102, 104—109, 362, 391
- Панин Никита Иванович 37, 99, 145, 161—165, 186, 188, 192, 193, 201, 207—208, 210, 212, 215, 217—229, 233—237, 240—242, 245, 247—255, 261, 263, 267—268, 270, 273, 285—286, 290, 292, 297—300, 304—306, 316, 364, 369—374, 380—381, 392—393
- Панин Никита Петрович, сын П.И. Панина, один из организаторов заговора 1801 года 83, 95, 364
- Панин Петр Иванович 207, 225, 252, 270, 364, 374—375, 380
- Панов Василий, поручик гвардии, составлял заговор против Екатерины II (1768) 372
- Панчулидзева С.А. 391
- Папудогло К. 386
- Пассек Петр Богданович, капитан (1762), один из главных участников заговора против Петра III 187, 191
- Перекусихина Марья Савишна, служительница Екатерины II 355
- Пескова Ю.А. 358
- Пестель Павел Иванович, полковник (1825), организатор заговора декабристов 56
- Петр I 10, 22, 35, 43, 53, 59—60, 81, 89, 98, 113—114, 116, 119—120,

121, 126—128, 131, 135, 138—139, 141—142, 145—147, 149, 151—152, 155, 157, 160, 164, 171, 186, 191, 196, 198, 205, 213, 227, 229, 242, 281—282, 301, 310—311, 313—315, 317, 319, 322, 350, 362—363, 365, 376, 380, 385—386, 390, 393, 399—402

Петр II 118—120, 125, 131, 155, 364, 393, 397

Петр III 9—10, 26, 37—39, 41, 52, 101, 116, 118, 120, 131, 140—145, 150—158, 161—165, 167—171, 173—175, 181—184, 186—187, 189—195, 198, 208, 213—214, 232, 248, 250, 255—259, 261, 263—264, 290, 310, 334, 341, 362, 366—367, 369—372, 375, 391—392, 394—395, 399, 402

Петр Петрович, один из сыновей Петра I, умерший в младенчестве 213, 372

Петр Федорович, великий князь — см.: Петр III

Петрушевский А.Ф. 77, 391

Пий VII, папа римский 363

Пименова Л.А. 387

Пиндар 246

Пинес Д.М. 386

Питт Уильям Младший, в 1783—1801 английский премьер-министр 93, 339, 354, 364

Платон, митрополит, в 1760-е гг. один из учителей Павла 223, 228—229, 274, 276, 316

Плещеев Сергей Иванович, адмирал, конфидент Марии Федоровны 18, 68, 309, 342, 349, 356, 378—380

Подлятская, девица 112

Подольская И.И. 394

Полетика И.И., автор записок 50, 361, 391

Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза, возлюбленная Людовика XV 169

Понятовский Станислав Август, фаворит Екатерины, в 1764—95 король польский 168—170, 203, 272, 368, 370

Попов Василий Степанович, в 1792—96 один из главных сотрудников Екатерины II 320, 360

Порошин Семен Андреевич 8, 160—161, 163, 165, 222—248, 250, 262, 264, 281, 321, 328, 372, 376, 391

Потемкин Григорий Александрович 43, 58, 66, 92, 263, 268, 271—273, 293—297, 299—300, 304, 306—307, 316, 318, 321, 323, 334, 337—338, 340, 360, 367, 370, 386—387, 391, 394

Прасковья Ивановна, дочь Ивана V, сестра Анны Иоанновны 117

Прозоровский Александр Александрович, московский генерал-губернатор (1792) 342—344

Прохоров М.Ф. 387

Пугачев Емельян 116, 255—264, 333, 337, 346, 361, 387, 391

Пузыревский, гагчинский подполковник 353, 375

Пушкин А.С. 86, 260—261, 264, 331, 368, 371, 375, 391

Пыпин А.Н. 380

Радищев А.Н. 282, 337—338, 359, 391

Разумовский Алексей Григорьевич, фаворит Елисаветы Петровны 48, 136, 153, 167, 215, 255, 269

Разумовский Андрей Кириллович, фаворит Натальи Алексеевны 269—270, 272—273, 275—276, 375

Разумовский Кирилл Григорьевич, брат А.Г. Разумовского и отец А.К. Разумовского 269, 360, 365

Растрелли Франческо Бартоломео (Варфоломей Варфоломеевич), архитектор 399—400

Репнин Николай Васильевич, крупный дипломат, фельдмаршал 33, 45, 47, 203, 252, 297—298, 361, 380, 389

- Рибас Иосиф Михайлович (Дерибас Осип Михайлович), адмирал, основоположник Одессы, организатор заговора против Павла I 342, 364
Римский-Корсаков Александр Михайлович, генерал (1799) 79—80
Римский-Корсаков Иван Николаевич, фаворит Екатерины II 272
Робеспьер М. 346, 351, 391
Рогинская А.Е. 391
Рожерсон (Роджерсон) Иван Самойлович (Джон Сэмюэл), лейб-медик 18, 54, 67, 355
Рожнов, прапорщик 360
Розенкранц, датский дипломат (1799) 82
Ростопчин Ф.В. 16—19, 22, 35, 47—48, 57, 78—79, 89, 94, 193, 349, 352, 354—355, 357—358, 378—379, 391—392
Рубинин Е.В. 391
Рудницкая Е.Л. 389
Румянцев Николай Петрович, в 1780-е гг. конфиденциальный корреспондент Павла; при Александре I крупный государственный чиновник, основатель Румянцевского музея 269, 319, 331, 347
Румянцев (граф Румянцев-Задунайский) Петр Александрович, фельдмаршал 207, 360
Румянцева Екатерина Михайловна, жена П.А. Румянцева, с 1776 обер-гофмейстерина при дворе Павла 223, 279
Руссо Жан-Жак 328
Рутковский, камердинер цесаревича Константина 103—104
Рыков Ю.Д. 388
Рюльер К.К., автор записок 182, 370—371, 392
Рюрик, легендарный русский князь 160
Саблуков Н.А., автор записок 11, 19, 21—23, 25—30, 39, 45, 48, 50, 54, 56, 71, 83, 85, 89, 94, 97, 100, 102, 104, 105—109, 213, 354, 382, 392
Сакен К.И. — см.: Остен-Сакен К.И.
Саксен-Кобург Заафельд, принц Фридрих Иосия (принц Кобургский), во время Русско-турецкой войны 1787—91 командовал австрийским корпусом, действовавшим совместно с русской армией 336
Салтыков Николай Иванович, с 1773 заведовал великокняжеским двором Павла, с 1783 заведовал воспитанием Александра Павловича 320, 342, 346, 357, 390
Салтыков Петр Семенович, московский генерал-губернатор (1768) 371
Салтыков Сергей Васильевич, первый фаворит Екатерины II 155—158, 272, 367
Сальдерн К., дипломат, автор колоритных политических интриг 250—251, 267, 286
Самойлов Александр Николаевич, в 1792—96 генерал-прокурор 18—19, 22, 360
Санглен Я.И., автор записок 27, 31, 392
Сафонов М.М. 253, 392
Светенко А.С. 391
Светлов Л.Б. 391
Свечин Николай Сергеевич, генерал (1800) 94
Святослав, князь киевский 160
Сгибнев А.С. 372, 392
Сегюр Л.Ф., автор записок 293—294, 332, 392
Селехов, подпоручик, составлял заговор против Екатерины II (1772) 216
Селиванов Ф.М. 392
Семевский М.И. 327, 381, 391
Сен-Мартен Л.К., французский философ-мистик 400

- Сен-Пьер Ш.К., аббат, автор «Проекта вечного мира и торговли в Европе» (1712) 328
- Сибирский В.Ф., ссыльный князь 83, 364
- Сиверс Д.Р., автор записок 239, 370, 392
- Сиверс Яков Ефимович (Якоб Иоганн), крупный государственный чиновник, посол в Польше (1793) 48, 347
- Сивков К.В. 214, 392
- Симолин Иван Матвеевич, в 1784—91 посланник во Франции 333
- Соловьев С.М. 118—119, 121—124, 129—130, 135—136, 140, 144, 146, 149, 172—173, 175, 179, 200, 204—207, 209, 214, 216, 364—365, 368—369, 371, 373, 392
- Соломон, в 965—928 до н.э. царь Израиля 10
- Сольмс В.Ф., прусский посланник в России 219, 220
- София Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская — см.: Мария Федоровна
- Станислав — см.: Лещинский С.
- Станислав Август — см.: Понятовский С.А.
- Степанов Ипполит, капитан армии, составлял заговор против Екатерины II (1768) 372
- Столыпин А.А. автор записок 74, 392
- Строганов Александр Сергеевич, граф 229
- Строганова Софья Владимировна, графиня (урожденная княгиня Голицына) 85, 364
- Строев А.Ф. 358
- Суворов А.В. 27, 43—44, 74, 77—82, 89, 91, 296, 335—336, 351—352, 359, 363, 391—393
- Сумароков Александр Петрович, поэт 371, 376
- Сурат И.З. 387
- Сухомлинов М.И. 349, 393
- Сюлли, герцог 84
- Талызин Иван Лукьянович, вице-адмирал (1762) 189—190
- Талызин Петр Александрович, командир л.-гв. Преображенского полка (1801) 105, 108, 110
- Тарасов Антон, рабитель, отсидевший сорок лет под следствием 30
- Тартаковский А.Г. 35, 76, 253, 360, 389, 393—394
- Татьяна Афанасьевна (Скороходова), в 1750-е гг. одна из нянюшек Павла 161
- Теплов Григорий Николаевич, секретарь Екатерины II, составитель первого манифеста о ее восшествии 28 июня 1762 366, 370
- Тимофеев Л.И. 393
- Толстой Петр Андреевич, член Верховного Тайного совета (1727) 118
- Томич — см.: Гено А.
- Третьяковский Василий Кириллович, поэт 129—130, 141, 364, 378, 393
- Трезини Доменико, архитектор 399
- Трощинский Дмитрий Прокофьевич, с 1793 секретарь Екатерины II 52
- Трубецкой Никита Юрьевич, генерал-прокурор (1758) 189, 368
- Трубецкой Николай Никитич, князь, московский мартирист 345, 359, 380
- Трухановский В.Г. 81, 393
- Тугут Ф., австрийский министр иностранных дел (1800) 93, 364
- Туманский Федор Осипович, цензор 88
- Тургенев Иван Петрович, московский мартирист 345, 359
- Турков А.М. 358
- Тутолмин Дмитрий Федорович, гвардейский офицер 60—61

- Тынянов Ю.Н. 364
 Тюльпин, камердинер Екатерины II 355
 Уваров Федор Петрович, генерал (1801) 104—105
 Уильямс Ч., английский посланник в России (1756) 367—368
 Уитворд (Витворт) Чарльз, английский посланник в России (1800) 89—90, 109
 Успенский Б.А. 46, 386
 Ушаков Федор Федорович, славный адмирал 77—78, 81, 340
 Фальконе (Фальконет) Этьенн Морис, скульптор 311
 Фандершар (бабушка Фандершар), в 1750-е гг. одна из нянюшек Павла 161
 Федосова Е.И. 387
 Феофан (Прокопович) 121, 393
 Ферзен Иван Евстафьевич, генерал (1794) 352
 Филатьев, корнет Конной гвардии (1801) 108
 Фирска, разбойник (1774) 264
 Флиге, титулярная советница (1800) 83
 Фома Кемпийский 361
 Фон-Брадке Егор Федорович, в 1817—34 служил при А.А. Аракчееве 382
 Фонвизин М.А., автор записок 94, 100, 253, 270, 275, 393
 Фонвизин Денис Иванович 252—253, 317, 373, 375, 392—393
 Франц II, сын Леопольда II, в 1792—1806 австрийский государь, император Священной Римской империи 77, 300—301, 304, 396
 Фридерика Доротея София, принцесса вюртембергская, мать Марии Федоровны 276
 Фридрих II (Фридрих Великий), в 1740—86 король прусский 10, 146, 148—150, 172—173, 180, 182, 184—185, 187, 208—209, 212, 224, 263, 275, 277—278, 282, 290—292, 300, 305, 317—318, 349, 370, 393, 395
 Фридрих-Вильгельм II, в 1786—97 король прусский 292, 334, 339, 380
 Фридрих-Вильгельм III, в 1797—1840 король прусский 75
 Фусады (Фузады), лейб-медик 227, 232
 Фусады, в 1750-е гг. одна из нянюшек Павла 161
 Храповицкий А.В., автор записок 288, 330, 333—343, 345—348, 387, 393
 Цимбаев Н.И. 386
 Чаргорижская Софья Степановна, мать Семена Великого — сына Павла 219, 249
 Челищев Алексей Богданович, конногвардейский офицер (1761) 171
 Черкасский Алексей Михайлович, кабинет-министр (1730-е гг.) 127—128, 132
 Чернышев Андрей Григорьевич, двоюродный брат З.Г. и И.Г. Чернышевых, к 1762 генерал 154, 366—367
 Чернышев Захар Григорьевич, при Екатерине II вице-президент Адмиралтейств-коллегии 154, 224, 226, 340, 366—367
 Чернышев Иван Григорьевич, при Екатерине II президент Военной коллегии 154, 226, 229, 366—367
 Чернышев Петр, беглый солдат, самозванец (1765) 214
 Черткова Т.С. 387
 Чечулин Н.Д. 170, 367, 393
 Чижевский А.Л. 72, 393
 Чингисхан 400
 Чистов К.В. 372, 393
 Чоглоков Николай Наумович, камергер, в 1747—54 заведовал придворным штатом Петра III 143
 Чоглокова Вера Николаевна, фрейлина, дочь Н.Н. и М.С. Чоглоковых, героиня романа Р.В. 236, 238—239, 245

Чоглокова Елисавета Николаевна, фрейлина, сестра В.Н. Чоглоковой 236

Чоглокова Мария Симоновна, с 1746 заведовала придворным штатом Екатерины II 156, 367

Чулков Ефим Мартемьянович, петербургский полицеймейстер (1796) 39—40

Шагин-Гирей, крымский хан 293—294

Шаргородская Екатерина Ивановна, камер-юнгфера Екатерины II 177

Шахеров В.П. 394

Швановиц (Шванович, Шванвич) Александр Михайлович, гвардейский офицер 370

Шварц Иван Григорьевич, организатор московских мартинистов 380

Шекспир Уильям 376

Шепелев Александр, офицер л.-гв. Преображенского полка 58

Шереметев Николай Петрович, с 7 ноября 1797 обер-гофмаршал императорского двора; более известен своими крепостными театрами в Останкине и Кускове 17

Шерер, французский генерал (1799) 78

Штарди И.Ж.Т. де ла, маркиз, французский посланник в России (1741) 135, 140, 148—149

Шешковский Степан Иванович, начальник Тайной экспедиции 306, 343

Шильдер Н.К. 11, 12, 37—39, 52, 54, 94, 290, 298, 300, 302, 319, 333, 348, 361, 364, 389, 393

Шиман Т. 59, 94, 386, 394

Ширлей, английский посланник в России 219

Шишков А.С., автор записок 17, 19, 26—27, 46, 48—50, 54—55, 58, 72—73, 84, 109, 296, 360—361, 378, 394

Штейнвер (Штенвер), капитан, первый командир гатчинской команды (1784) 319

Штейнгель В.И., автор записок 24, 29, 394

Штелин Я.Я., автор записок 143—144, 146, 370—371, 394

Штукин Д. 387

Шувалов Александр Иванович, в 1746—62 начальник Тайной канцелярии, с 1754 заведующий придворным штатом Петра и Екатерины 158, 167, 176—177, 184, 189, 369

Шувалов Иван Иванович, фаворит Елисаветы Петровны 137, 148, 163, 167, 181, 215, 246, 255, 368—369

Шувалов Петр Иванович, одно из главных действующих лиц в правительстве Елисаветы Петровны 136—137, 148, 167, 181, 367, 369

Шуйский В.К. 37, 394

Шумахер А., автор записок 37, 189, 191, 370, 394

Шумигорский Е.С. 32, 45, 47, 52, 58, 61, 65, 68—70, 75, 97, 219, 268—269, 280, 283, 302, 306—308, 310, 319—320, 344, 346—347, 349, 353, 375, 380—381, 394

Щербатова Дарья Федоровна, фрейлина, соперница Екатерины II в отношении с А.М. Дмитриевым-Мамоновым 332

Эйдельман Н.Я. 58—59, 62, 82, 85, 97, 221, 282, 359, 361, 364, 375, 394

Энгельгардт Л.Н., автор записок 67, 318, 351—352, 365, 378, 394

Энгиенский, герцог — см.: Конде, герцог Энгиенский

Эпинус Франц Иванович, один из учителей Павла 314

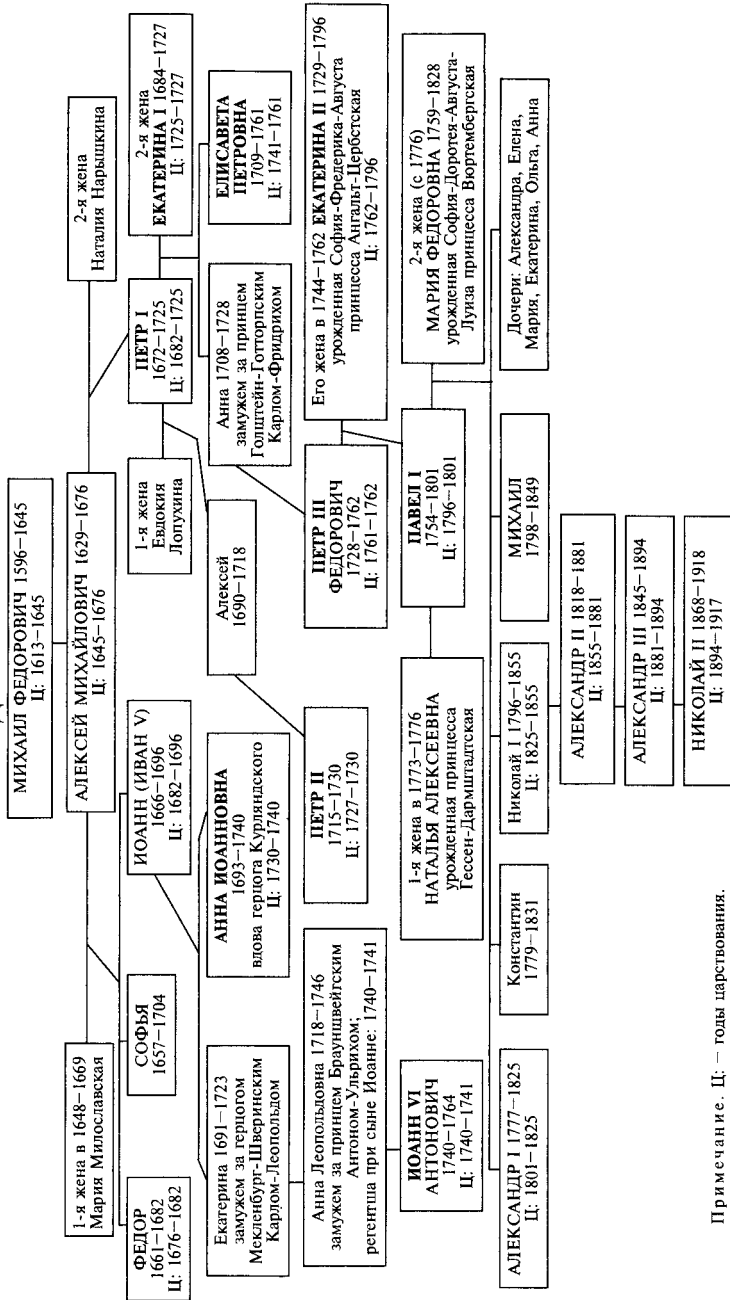
Юхт А.И. 392

Ягужинский Павел Иванович, генерал-прокурор при Петре I, в 1734—35 кабинет-министр 122, 128

Янькова Е.П., автор воспоминаний 347, 394

Ярослав Мудрый, в 1019—54 великий князь киевский 160

РОДОСЛОВНАЯ

Примечание. Ц: — годы царствования.

СОДЕРЖАНИЕ

<Предисловие>	5
---------------------	---

ЦАРЬ

1796	16
1797	43
1798	63
1799	73
1800	82
1801	97

ЦАРСТВО

«Случай царствования и гибели...»	115
1725	116
1727	117
1730	120
1740	127
1741	134
1761	180
1762	182

ЦАРЕВИЧ

«Наружность его можно назвать...»	211
1764	222
1765	230
1766	240
1772	249
1773	255
1774	262
1776	274
1781	301
1782	302
1783	316
1787	322
1788	324
1789	331
1790	336
1791	338
1792	340
1793	346
1794	351
1795	352
1796	353

Примечания	358
Издания и авторы (Список сокращений)	385
Страны и города	395
Словарь	397
Указатель имен	405
Родословная	421

Песков А. М.

П 28 Павел I. — 4-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 422[10] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 952).

ISBN 5-235-02843-0

Самый непредсказуемый российский император Павел I царствовал с 7 ноября 1796-го по 11 марта 1801 года. Он считал, что предыдущее правительство развалило державу и что его долг — навести в стране порядок. Он предпринял решительные меры по борьбе с коррупцией, инфляцией, обнищанием народа, но своими действиями настроил против себя правительственную элиту и значительную часть гвардейского генералитета...

В настоящей книге наряду с повествованием о жизни рокового императора представлены многие сюжеты политической истории XVIII века. Среди главных действующих лиц — родители Павла Екатерина II и Петр III, его жены Наталья Алексеевна и Мария Федоровна, императрицы Анна Иоанновна и Елисавета Петровна, придворные дамы Е. И. Нелидова и А. П. Лопухина, известные государственные персоны: А. П. Бестужев-Рюмин, Н. И. Панин, Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин, Ф. В. Ростопчин.

**УДК [947+957] "17"(092)
ББК 63.3(2)46**

Песков Алексей Михайлович

ПАВЕЛ I

Главный редактор **А. В. Петров**

Зав. редакцией, редактор **О. И. Ярикова**

Художественные редакторы **А. В. Никитин, А. Б. Романова**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97г.

Подписано в печать с готовых монтажей 11.07.2005. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл.-печ. л. 22,68+2,52 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 53934.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., д. 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02843-0

Архангел Михаил. С иконы Андрея Рублева. Начало XV в.

Петр I. С портрета Л. Каравакка. 1722 г.

Екатерина I.

А. Д. Меншиков.

Елисавета Петровна
в мужском маскарадном
костюме.
С портрета Л. Каравакка.

Петр II.

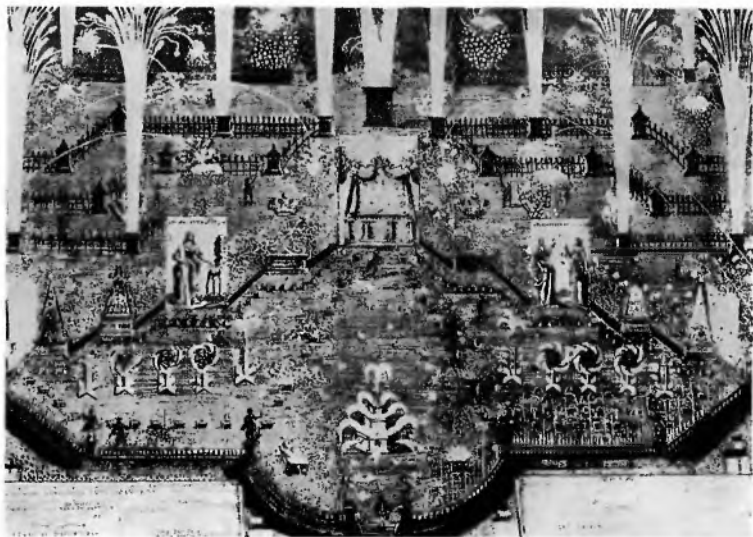

Анна Иоанновна. С портрета
И. Г. Ведекинда.

Э. И. Бирон. С портрета
И. А. Соколова.

Фейерверк в Петербурге в честь коронации Анны Иоанновны.
С гравюры начала 1730-х гг.

А. И. Остерман.

А. П. Волынский.

Второй Зимний дворец. С гравюры Е. Т. Виноградова по рисунку М. И. Махаева. 1753 г.

Анна Леопольдовна.
С портрета И. Я. Вишнякова.

Младенец Иван VI
(Иоанн Антонович),
сын Анны Леопольдовны.
С акварели 1741 г.

Шлиссельбургская крепость. *С акварели Балтазара де ла Траверса.*
1784 г.

Антон-Ульрих, принц Брауншвейгский, муж Анны Леопольдовны, отец младенца Ивана VI. С гравюры конца 1730-х — начала 1740-х гг.

Б. Х. Миних. С гравированного портрета Е. П. Чемесова. 1764 г.

Третий Зимний дворец. С гравюры Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева. 1753 г.

Елисавета Петровна. С портрета Л. Токке (?). 1756—58 гг.

А. П. Бестужев-Рюмин.
С гравюры Бернигерота
по портрету Преннера. 1755 г.

Фридрих II, великий прусский
король. С рисунка
Д. Ходовецкого.

Зимний дворец (тот, что стоит и поныне), построенный по проекту Б. Ф. Растрелли в 1754—1762 годах на месте третьего Зимнего дворца. Фасад со стороны Адмиралтейства. С литографии по рисунку К. П. Беггрова. Первая четверть XIX в.

Екатерина II в возрасте 16 лет. С портрета Л. Каравакка. 1745 г.

*С. В. Салтыков. С миниатюры
начала 1750-х гг.*

*С. А. Понятовский.
С портрета второй половины
1750-х гг.*

**Невский проспект в 1753 году. На переднем плане мост через
Фонтанку. С гравюры Я. В. Васильева по рисунку М. И. Махаева.**

Елисавета Петровна.
С портрета Г. К. Гроота.
1746—49 гг.

Великий князь Павел в детстве.
С портрета А. П. Лосенко.
Конец 1750-х гг.

Летний дворец Елисаветы Петровны — тот, в котором родился Павел и на месте которого был построен Михайловский замок. Вид со стороны Фонтанки (северный фасад). С гравюры А. А. Грекова по рисунку М. И. Махаева. 1753 г.

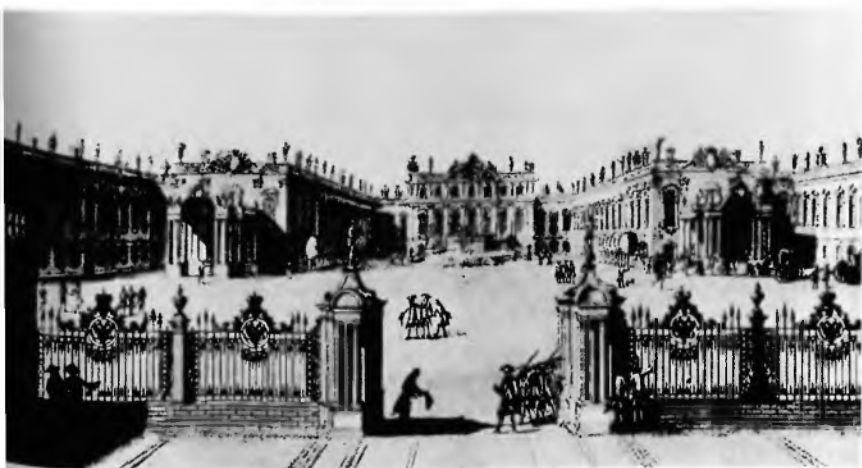

Екатерина II в бытность
великой княгиней. С портрета
Л. Ревон. 1750-е гг.

Петр III в бытность великим
князем. С портрета
Г. К. Гроота. 1748 г.

Летний дворец Елисаветы Петровны. Вид со стороны парадного
двора (южный фасад). По рисунку М. И. Махаева.

Петр III. По гравюре Ф. С. Рокотова. 1762 г.

Елисавета Воронцова.
С миниатюры 1750—60-х гг.

Камея с портретом Фридриха II.

Дворец Петра III в Ораниенбауме. Фото 1953 г.

Великий князь Павел в детстве. С портрета К. Л. Христинека.
Конец 1750-х гг.

Екатерина II. С портрета С. Торелли. 1762—66 гг.

ПАВЕЛЪ
ГОТЛОДЪРЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ
ИМП. ИДИННЪ

ПЕТРОВИЧЪ
И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ИМП. ИДИННЪ

Великий князь Павел в возрасте 7 лет. С гравюры Боне по портрету Эриксона.

Н. И. Панин.
С портрета А. Рослина.
1770-е гг.

С. А. Порошин.
С гравюры Бертонье.

Вид на Неву вниз по течению от Невского моста между
Исаакиевской перковью и Кадетским корпусом. С гравюры по
рисунку М. И. Махаева. 1753 г.

Екатерина II. С портрета Ф. С. Рокотова (по оригиналу А. Рослина).
1760-е гг.

Г. Г. Орлов. С портрета
1760—70-х гг.

А. Г. Орлов. С миниатюры
1770-х гг.

Константинополь (Стамбул). Храм Святой Софии (Айя-София).
Современная фотография.

Великий князь
Павел.
С гравюры
С. Радига.
1773 г.

Емельян Пугачев.
С гравюры неизвестного
художника.

Великая княгиня
Наталья Алексеевна.
С портрета А. Рослина. 1776 г.

Граф Андрей Разумовский.
С портрета Шмидта. 1770-е гг.

Моды 1770-х годов.

Г. А. Потемкин. С портрета И. Б. Лампи-старшего. 1791 г.

ФАВОРИТЫ ЕКАТЕРИНЫ II РАЗНЫХ ЛЕТ

С. Г. Зорич. С гравюры Виктуара. 1777—78 гг.

И. Н. Римский-Корсаков. С портрета неизвестного художника. 1779 г.

А. Д. Ланской. С портрета Д. Г. Левицкого. 1782 г.

А. М. Дмитриев-Мамонов. С портрета М. Шибанова. 1787 г.

Великий князь Павел в конце 1770-х годов. С гравюры 1781 г. по портрету 1777 г. А. Рослина.

Великая княгиня Мария Федоровна.

Павловск. Вид на дворец с берега реки Славянки. С литографии
А. Е. Мартынова. 1821—22 гг.

Екатерина II. С копии
портрета 1787 г.
М. Шибанова, выполненной
неизвестным художником.

Екатерина II в окружении семейства и близстоящих придворных.
Перед Екатериной — внуки Александр и Константин;
справа, облокотившись на кресло, стоит Павел. С гравюры Сидо.
1784 г.

Великие князья Александр и
Константин в детстве.
С портрета Р. Бромптона.
Около 1781 г.

Проект медали в честь
рождения великого князя
Константина. Справа на
заднем плане — храм
Святой Софии
в Константинополе.

Царское Село. Садовая улица. Слева в глубине — здание
Царскосельского дворца. С рисунка Д. Кваренги. 1780-е гг.

Великий князь Павел
в возрасте 35 лет.
*С гравюры по портрету
Ж. Л. Вуаля. 1789 г.*

Гатчина. Мост у площади
Конетабля. Сам Конетабль
справа на заднем плане.
*С картины С. Ф. Щедрина.
1798 г.*

Е. И. Нелидова. С портрета
Д. Г. Левицкого. 1773 г.

Великая княгиня Мария
Федоровна. С портрета
А. Рослина. Конец 1770-х гг.

Вид на Гатчинский дворец с Длинного острова. С картины
С. Ф. Шедрина. 1796 г.

Князь Платон Зубов.
С портрета И. Б. Лампи-
старшего. 1793 г.

Екатерина II. С рисунка
Ф. И. Шубина. 1794 г.

Дворец в Царском Селе. Современная фотография.

Екатерина II, Павел I и Александр I. С гравюры *Большта*.

Wabe
3

Людовик XVI. С портрета
Ж. С. Дюплесси. 1775 г.

Мария-Антуанетта с детьми.
С портрета Э. Виже-Лебрен.

Иосиф II. С гравюры
М. Свейнля по рисунку Кимли.
1777 г.

Густав III. С портрета
Л. Паша. 1780-е гг.

Павел I. С портрета В. Л. Боровиковского. Около 1799 г.

*А. В. Суворов. С портрета
И. Крейцингера. 1799 г.*

*Наполеон Бонапарт. С гравюры
1796—97 гг.*

*Ф. Ф. Ушаков. С портрета
начала XIX в.*

*Г. Нельсон. С портрета
Ф. Фугера. 1800 г.*

Павел I. С гравюры
И. Саундерса по портрету
И. Б. Лампи-старшего.

Мария Федоровна.
С гравюры Нейдля.

Е. И. Нелидова. С портрета
1790-х гг.

А. П. Лопухина (в замужестве
Гагарина). С миниатюры конца
1790-х — начала 1800-х гг.

*А. А. Безбородко. С гравюры
Г. Валькера по портрету
И. Б. Лампи-старшего. 1790-е гг.*

*И. П. Кутайсов. С миниатюры
1790-х гг.*

*А. Б. Куракин. С гравюры
А. Радига по портрету
А. Рослина. 1779 г.*

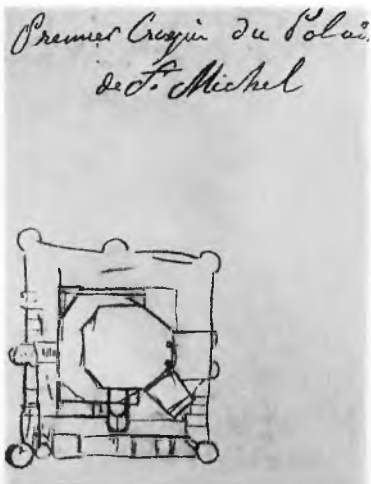

*А. А. Аракчеев. С портрета
И. Б. Лампи-старшего.
1798—99 гг.*

Павел I. С гравюры Карделли.

Эскизный набросок плана Михайловского замка, сделанный собственноручно Павлом I.

Михайловский замок.

Парад на Дворцовой площади. С картины неизвестного художника.
1800-е гг.

Вручение новых знамен лейб-гвардии Преображенскому полку
2 января 1798 года. С акварели М. М. Иванова.

Александр I. С портрета
Ж. Л. Вуаля. 1802 г.

П. А. Пален. С гравюры
Г. Валькера по портрету
Г. Кюгельхена. Конец 1790-х гг.

«Безумный шаг», карикатура на Павла I. Издана в Лондоне
3 февраля 1801 года (23 января по нашему стилю).

Л. Л. Беннигсен. С гравюры
Е. Гейтмана.

Николай Zubов. С портрета
1800-х гг.

Ольга Жеребцова
(в девичестве — Зубова), сестра
князя Платона и графов
Николая и Валериана Зубовых.
С портрета Ж. Л. Вуаля.
1790-е гг.

Валериан Зубов. С портрета
Ж. Л. Вуаля. Начало 1790-х гг.

МЕМОУАРИСТЫ

А. Т. Болотов.

Г. Р. Державин. *С портрета В. Л. Боровиковского. 1795 г.*

А. Ф. Ланжерон.

Л. Н. Энгельгардт.

МЕМУАРИСТЫ

Ф. В. Ростопчин. С портрета
О. А. Кипренского.

А. С. Шишков. С портрета
Д. Доу.

В. Н. Головина. С миниатюры
И. Жерена.

Н. А. Саблуков. С портрета
А. Н. Оленина.

Павел I. С рисунка С. Тончи. Около 1800 г.

Памятник Петру I на Сенатской (Петровской) площади. С акварели
Б. Патерсена. 1799 г.

Михайловский замок. Вид с набережной Фонтанки. С акварели
Б. Патерсена. 1801 г.

Герб России.